

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

3

2018

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 8 **Том 24**

2 0 1 8 **Volume 24**

№ 3
Июль – Сентябрь

№ 3
July – September

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

TAT'YANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Literary Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 9 Курочкина С.А.**
Одна из форм поливной красноглиняной керамики Селитренного городища
- 14 Чернецова С.Б., Андреева А.Ю.**
Белокаменный резной крест из д. Орлец – неизвестный памятник средневекового камнесечного искусства Верхней Волги
- 20 Зяблова С.Л.**
Зарождение и развитие красносельского ювелирного промысла во второй половине XVII – конце XIX в.
- 25 Мутиева О.С.**
Опыт участия дагестанских женщин в оборонительных сражениях Кавказской войны
- 28 Коваль С.П., Коноваленко П.Н.**
Исторический опыт и влияние судебной реформы 1864 года на российское общество и государство
- 33 Фортунатов В.В., Платова Е.Э.**
Перелом в жизни России в уникальных свидетельствах петербургского профессора А.А. Брандта
- 39 Ширшов М.А.**
4-й Сибирский корпус в Русско-японской войне 1904–1905 гг. (сражение на реке Шахэ с 22 сентября по 4 октября 1904 г.)
- 45 Стрельцов И.Е.**
Состояние средств военно-морской разведки Балтийского флота в начале Первой мировой войны
- 48 Томина Е.Ф.**
Агрономическая деятельность Оренбургского земства в период с 1913 по 1917 год
- 52 Панкратова О.Б., Писанов С.С.**
Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия
- 56 Сельская В.А.**
Культура и быт ярославских рабочих в период индустриализации
- 60 Клинова М.А.**
Организованный набор рабочих: методы и результаты решения кадровых проблем во второй половине 1940-х гг.
- 65 Кищенко М.С., Никифоров Ю.С., Таточенко В.В.**
Контекст взаимодействия регионов Верхнего Поволжья и центра в эпоху оттепели через призму историографии, архивных документов и исторической памяти
- 70 Фролов И.Д.**
Соотношение первого и второго демографического перехода в мире как фактор миграционного кризиса в Европейском союзе
- 74 Столетова А.С.**
Деятельность писателя С.В. Викулова в аспекте развития вологодской литературной школы периода 1950–1960-х гг.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 79 Лебедев Ю.В.**
«Записки охотника» в немецком художественном сознании второй половины XIX века (К 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева)

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL SCIENCES

- 9 S.A. Kurochkina**
One of the forms of glazed red clay ceramics of Selitrennoye site of ancient settlement
- 14 S.B. Chernetsova, A.A. Andreyeva**
Limestone carved cross from the hamlet of Orlets – little known tombstone of medieval scabbling art of the Upper Volga
- 20 S.L. Zablova**
The origin of the jewellery industry of the village of Krasnoye in the second half of the 17th – the late 19th centuries
- 25 O.S. Mutiyeva**
Experience of participation of Dagestani women in holding battles of the Caucasian War
- 28 S.P. Koval', P.N. Konovalenko**
Historical experience and the influence judicial reform 1864 on Russian society and the state
- 33 V.V. Fortunatov, Ye.E. Platova**
Turning point in the life of Russia's unique testimonies of Petersburg Professor Aleksandr Brandt
- 39 M.A. Shirshov**
IV Siberian corps in the Russian-Japanese war of 1904–1905 (battle on the Shahe River from September 22 to October 4, 1904)
- 45 I.Ye. Strel'tsov**
State of the means of naval intelligence of the Baltic Fleet at the beginning of the World War I
- 48 Ye.F. Tomina**
Agronomic activity of Orenburg Zemstvo in the period from 1913 to 1917
- 52 O.B. Pankratova, S.S. Pisanov**
Disfranchisement policy with regard to peasants in the 1920s–30s and its consequences
- 56 V.A. Sel'skaya**
Culture and lifestyle of Yaroslavl workers, during the period of industrialisation
- 60 M.A. Klinova**
Organised hiring of labourers: methods and the results of the decision of personnel problems in the second half of the 1940s
- 65 Yu.S. Nikiforov, M.S. Kishchenkov, V.V. Tatochenko**
The context of interaction between the regions of the Upper Volga region and the centre in the era of the post-Stalinism "thaw" through the prism of historiography, archival documents and historical memory
- 70 I.D. Frolov**
Ratio of the first and second demographic transition in the world as a factor of the migration crisis in the European Union
- 74 A.S. Stoletova**
Activity of the writer Sergey Vikulov in the aspect of development of Vologda literary school of the period 1950s–1960s

SCIENCE OF LITERATURE

- 79 Yu.V. Lebedev**
"A Sportsman's Sketches" in German artistic idea of the 2nd half of the 19th century (Commemorating Ivan Turgenev's 200th birth anniversary)

- 85 Романова Г.И.**
Мифологема воды
в повести И.С. Тургенева «Вешние воды»
- 88 Федотова А.А.**
Стилевые особенности
исторических очерков Н.С. Лескова
- 92 Овчинина И.А., Хромова И.А.**
Оперное либретто А.Н. Островского «Вражья сила»
(из истории текста)
- 97 Тихомиров В.В.**
Пример полемического противостояния
(М.Е. Салтыков-Щедрин и Н.Н. Страхов)
- 103 Перфилова Т.Б., Новиков М.В.**
Проблемы мифа и мифотворчества в исследованиях
Ф.И. Буслаева второй половины XIX в.
- 109 Едошина И.А.**
Культурфилософия русского Апокалипсиса:
Федор Буслаев и Василий Розанов
- 116 Власов А.С.**
«...И дух Божий носился над водою»
(Символика моря в повести
А.П. Чехова «Дуэль»)
- 123 Бажанова Е.А.**
Ретроспекция и ее влияние на понимание
романа В. Набокова «Машенька»
- 128 Грунина Н.С.**
Малайский миф о происхождении династии
в «Сказании о Сери Раме» XIV–XVI вв.: Рама
и Сита как воплощение идеальных правителей
- 133 Гладилин Н.В.**
Драма Ф.М. Клингера «Буря и натиск»
как начало отхода от «Бури и натиска»
- 138 Королева В.В.**
«Гофмановский комплекс» в шуточных пьесах
Вл. Соловьева («Белая лилия», «Альсим»,
«Дворянский бунт»)
- 143 Львова И.В.**
«Поэтика незрелости»:
особенности воплощения темы юности
в послевоенной американской литературе
(Д. Холмс, Д. Керуак, Д. Сэлинджер, Ф. Рот)
- 148 Дьяченко И.А.**
Человек как искатель бытия
в стихотворении У.Х. Одена «Whither?»
- 152 Кучина Т.Г., Иванова Д.М.**
«Каллиграфические» мотивы
в прозе Михаила Шишкина
- 155 Чернов А.В.**
Журналистская «оптика» в историческом дискурсе.
«Историческое письмо» М. Зыгаря и Л. Парфенова.
Часть 1
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 160 Андреева Е.П.**
Отражение православного и языческого взглядов
на мир в вологодских говорах
- 164 Брысина Е.В.**
Этнокультурный потенциал диалектного словаря
- 168 Васильева О.В.**
Номинации человека в псковских говорах
посредством лексем, соотносимых с животными
- 173 Верба И.П.**
Иллюстрации из произведений А.Н. Островского
в академических словарях

- 85 G.I. Romanova**
Mythologeme of water
in Ivan Turgenev's story "Torrents of Spring"
- 88 A.A. Fedotova**
Nikolai Leskov's historical
essays poetics
- 92 I.A. Ovchinina, I.A. Khromova**
Opera Libretto "The Power of the Fiend"
by Alexander Ostrovsky (on the history of the text)
- 97 V.V. Tikhomirov**
An example of polemic opposition
(Mikhail Saltykov-Shchedrin and Nikolay Strakhov)
- 103 T.B. Perfilova, M.B. Novikov**
Myth and myths formation issue in Fedor Buslaev's
investigations of the 2nd half of the 19th century
- 109 I.A. Yedoshina**
Culture philosophy of the Russian Apocalypse:
Fedor Buslaev and Vasily Rozanov
- 116 A.S. Vlasov**
"...And God's Spirit was hovering over
the surface of the waters..." (marine symbolism
in Anton Chekhov's story "The Duel")
- 123 Ye.A. Bazhanova**
Retrospection and its impact on understanding
of Vladimir Nabokov's novel "Mary"
- 128 N.S. Grunina**
The Malay myth of dynasty origin in "Hikayat Seri
Rama" of the 14th—16th centuries: Rama and Sita as
the personification of ideal rulers
- 133 N.V. Gladilin**
F.M.Klinger's drama «Sturm und Drang» as
the beginning of withdrawal from «Sturm und Drang»
- 138 V.V. Korolyova**
"E. T. A. Hofman's complex" in comic plays by
Vladimir Solovyov ("White Lily", "Alsim"
and "The Noble Revolt")
- 143 I.V. L'vova**
"The Poetics of Immaturity" – the peculiarities of
the presentation of the theme of youth in postwar
American literature (John Clellon Holmes, Jack
Kerouac, Jerome David Salinger, Philip Milton Roth)
- 148 I.A. D'yachenko**
Man as a seeker of Being in Wystan Hugh Auden's
poem "Whither?"
- 152 T.G. Kuchina, D.M. Ivanova**
Calligraphic motifs
in the prose of Mikhail Shishkin
- 155 A.V. Chernov**
Journalistic "optics" in a historical discourse.
"The Historical Letter" by Mikhail Zygar
and Leonid Parfyonov. Part 1.
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 160 Ye.P. Andreyeva**
Reflection of Orthodox and pagan views
of the world in Vologda patois
- 164 Ye.V. Brysina**
Ethno-cultural potential of the dialect dictionary
- 168 O.V. Vasil'yeva**
Nominations of a person in Pskov patois by means
of words correlated with animals
- 173 I.P. Verba**
Illustrations from works by Alexander Ostrovsky
in Academy Dictionaries

- 176 Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.**
По следам Г.З. Шкляра:
судьба звательной формы в белорусском языке
(на материале произведений М. Богдановича)
- 181 Кондратенко М.М.**
Особенности народной хрононимии
в говорах Западной Брянщины
(лексико-семантический и ареальный аспекты)
- 186 Михайлова Л.П.**
К поиску этимологии необычного русского слова
в этноконтактной зоне Карельского Поморья
(прихохóтье)
- 191 Мызникова Я.В.**
Игровая лексика в говорах Ульяновской области
- 196 Петрова Т.В.**
Надписи на надгробиях некрополей XIX –
начала XX века Беларуси и Поволжья
как индикаторы национальной
и религиозной идентичности
- 200 Веселова Е.Г.**
Тексты Е.В. Честнякова как источник изучения
костромских говоров: произведения разных жанров
- 205 Окуловская С.В.**
Лексика говоров поуженского края
в интерпретации И.М. Касаткина
и её лексикографическое отражение
- 211 Князева Е.Г.**
Своеобразие художественной организации
и языка рассказа А.И. Куприна
«Куст сирени»
- 215 Сухарева Я.И.**
Особенности языковой организации
рассказа М.А. Булгакова «Ханский огонь»
- 219 Пчелина Т.М.**
Изучение фонетической категории «речевой голос»
в современных лингвистических исследованиях
- 223 Юхмина Е.А.**
Исследование структуры ассоциативного поля
компьютерных терминов и языковой картины мира
совокупного носителя русского языка
- 228 Золинова Е.В.**
Различия в употреблении союзов *though* и *although*
в уступительных сложноподчиненных предложениях
современного английского языка (на материале
публицистики)
- 231 Кулик В.Н.**
К вопросу о тематической классификации
англоязычных заимствований
в немецкой медицинской терминосистеме
- 235 Киянова К.А.**
Приемы диалогизации политической
публичной речи (на материале
публичных выступлений Ангелы Меркель)
- 240 Ню Анна**
Лексемы *сложение, телосложение*
и их оценки в русском языке
в сопоставлении с китайским
- 244 Равочкин Н.Н.**
Особенности политического дискурса
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 251 Беспалько В.Г.**
Политико-правовая мысль Древнего Востока
о преступности и наказуемости
поведения монарха
- 176 N.S. Gantsovskaya, G.D. Neganova**
In the footsteps of Gertsel' Shklyar:
fate of vocative form in Belarusian language
(based on the poems by Maksim Bahdanovič)
- 181 M.M. Kondratenko**
Features of national designations
of time in patois of Western Bryansk Region
(lexico-semantic and areal aspects)
- 186 L.P. Mikhaylova**
On the search for the etymology of the unusual
Russian word in the ethno-contact zone
of the Karelian White Sea coast (прихохóтье)
- 191 Ya.V. Myznikova**
Game vocabulary in the patois of Ulyanovsk Region
- 196 T.V. Pyatrova**
Inscriptions on the tombstones of the necropolises of
the 19th and early 20th centuries of Belarus
and Povolzhye region, as indicators
of national and cultural identity
- 200 Ye.G. Veselova**
Texts by Jefim Čestnjakov as source of studying
of Kostroma patois: works of different genres
- 205 S.V. Okulovskaya**
Lexis of patois of the Unzha River basin inhabitants
interpreted by Ivan Kasatkin and its lexicographical
representation
- 211 Ye.G. Knyazeva**
The originality of the language of the artistic
organisation of the short story «A Clump of Lilacs»
by Alexander Kuprin
- 215 Ya.I. Sukhareva**
Features of language organisation
of Mikhail Bulgakov's short story «The Khan's Fire»
- 219 T.M. Pchelina**
The research of the phonetic category "speaking voice"
in contemporary linguistic works
- 223 Ye.A. Yukhmina**
The study of the associative field structure
of the computer terminology and a linguistic picture
of the world of the joint Russian native speaker
- 228 Ye.V. Zolinova**
Differences in the usage of the conjunctions *though*
and *although* in Complex Sentences
of Concession in Modern English
(based on journalism)
- 231 V.N. Kulik**
Some special features of using English terminological
equivalents in a German medical scientific discourse
(on the material of scientific medical articles)
- 235 K.A. Kiyanova**
Methods of dialogisation
of political public speeches (case-study
of Angela Merkel's public speeches)
- 240 Anna Niu**
Lexemes "body constitution" and "body-build"
in the Russian language in comparison
with the Chinese language
- 244 N.N. Ravochkin**
Politic discourse peculiarities
- JURAL SCIENCES**
- 251 V.G. Bepal'ko**
The political and legal thought of the Ancient Orient
about the crime and punishable behaviour
of the monarch

- 258 Кузьмина Н.В.**
Видовые особенности этнической юридической антикультуры
- 261 Солнцев А.М., Есенбаева Г.С.**
Предотвращение распространения баллистических ракет: международно-правовые вопросы
- 266 Кабанов В.Л.**
Вопросы защиты права на образование детей из числа цыган (рома)
- 270 Ковалева С.В.**
Достоинства и недостатки концепции социального государства на современном этапе
- 275 Воскресенская Е.В., Алексеева Ю.С.**
Режим секретных изобретений: вопросы права и управления
- 280 Морхат П.М.**
Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы
- 284 Бабичев Д.А.**
Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскных решений о документировании преступной деятельности организованных наркогрупп
- 289 Стефанишина С.В.**
Участие третьих лиц в правоотношениях по исполнению обязательств должника при банкротстве
- 295 Кафиатулина А.В.**
Судимость и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: вопросы соотношения
- 299 Дедюева М.В.**
Рассмотрение судами споров с участием работодателей – физических лиц
- 304 Хвальгина Н.Л.**
Встречный иск в арбитражном и гражданском процессах
- 307 Орловская И.В.**
Проблемы обеспечения законности в случае выявления нарушений законодательства об экологической экспертизе при строительстве объектов на землях особо охраняемых природных территорий
- 312 Смирнов С.В., Бекренев П.Ю.**
Информационно-аналитическая функция в системе регионального управления
- 319 SUMMARY**
- 335 ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**
- 258 N.V. Kuz'mina**
Specific types of ethnic juridical anti-culture
- 261 A.M. Solntsev, G.S. Yesenbayeva**
Preventing the proliferation of ballistic missiles: international legal issues
- 266 V.L. Kabanov**
The protection of the right to education of the Roma (Gypsy) children
- 270 S.V. Kovalyova**
Merits and demerits of the concept of the social state at the present stage
- 275 Ye.V. Voskresenskaya, Yu.S. Alekseyeva**
Regime of secret inventions: legal right issues and management
- 280 P.M. Morkhat**
Legal personality of artificial intelligence unit: some civil-legal approaches
- 284 D.A. Babichev**
Directorate of public prosecutions after legality of operatively-search decisions about documenting of criminal activity of the organised narco-groups
- 289 S.V. Stefanishina**
Participation of third parties in legal relationships on the implementation of the obligations of the debtor in bankruptcy
- 295 A.V. Kafiatulina**
Criminal record and deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities: issues of correlation
- 299 M.V. Dedyuyeva**
Court consideration of disputes involving employers – individuals
- 304 N.L. Khvalygina**
Counterclaim in arbitration and civil proceedings
- 307 I.V. Orlovskaya**
Problems of law enforcement in case of violations of the legislation on environmental expertise in the construction of objects on the lands of specially protected natural areas
- 312 S.V. Smirnov, P.Yu. Bekrenyov**
Informational and analytical functions in the system of regional public administration
- 319 SUMMARY**
- 335 REQUIREMENTS
TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902(653)

Курочкина Светлана Александровна

кандидат исторических наук

Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола
kurochkina-sveta@bk.ru

ОДНА ИЗ ФОРМ ПОЛИВНОЙ КРАСНОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Статья посвящена изделию необычной формы, которое было найдено на Селитренном городище. Это чаша-кубок, датированная XIV в.

Сосуд изготовлен на уровне РФК – 6-7. Тулово полусферической формы с вертикальными «ложками»; венчик волнистый; налепленный поддон-ножка конусовидный внутри и с валиком на внешней стороне.

Орнамент покрывает всю внутреннюю поверхность чаши-кубка, на внешней поверхности доходит до середины высоты тулова. Орнаментальная композиция сделана в технике гравировки широкими и тонкими линиями по светлому ангобу. Внутренняя и практически вся внешняя поверхности изделия покрыты поливой темно-зеленого цвета. Орнамент на внутренней стороне чаши-кубка имеет concentрическую композицию из 5 орнаментальных поясов.

По совокупности технологических и морфологических признаков чаша-кубок относится ко второй группе мастерских, которые делали поливную и неполовную керамику. Мастер, ее сделавший, работал под влиянием византийско-причерноморских традиций.

Ключевые слова: Селитренное городище, керамическое производство, красноглиняная поливная керамика, гравированный орнамент, чаша-кубок.

В 2010 г. во время земляных работ на территории одного из домов в с. Селитренное (Харабалинский район Астраханской области) было найдено изделие практически целого профиля и весьма необычной формы. Ранее изделия такой формы при раскопках Селитренного городища (золотоордынский город Сарай ал-Махруса) не находили¹.

Красноглиняное поливное изделие Селитренного городища мы отнесли к сосудам чашевидной формы и назвали «чаша-кубок» (рис. 1).

Изделие имеет следующие размеры: высота общая 9,5 см, диаметр по краю венчика 14 см, мак-

симальный диаметр тулова 13 см, диаметр поддона 6,3 см, высота ножки-поддона 3,5 см, толщина стенки 0,5 см.

Тулово чаши-кубка полусферической формы с вертикальными «ложками». Венчик волнистый, скругленный по верхнему краю, отогнут наружу. Налепленный поддон-ножка конусовидный внутри, на его внешней стороне идет валик.

Орнамент покрывает всю внутреннюю поверхность чаши-кубка, а на внешней поверхности доходит до середины высоты тулова. Орнаментальная композиция сделана в технике гравировки широкими и тонкими линиями по светлому ангобу.

Рис. 1. Красноглиняная поливная чаша-кубок с Селитренного городища (подъемный материал, 2010 г.)

Внутренняя и практически вся внешняя поверхности изделия покрыты поливой темно-зеленого цвета. Гравированные линии рисунка темного цвета.

Орнамент на внутренней стороне чаши-кубка имеет концентрическую композицию из 5 кругов – орнаментальных поясов, контуры которых сделаны толстой врезной линией.

Первый орнаментальный пояс шириной 3 см: самое дно чаши-кубка. Его композиция: с двух сторон, параллельно друг другу, выскоблено в ангобе два овала. На пространстве между ними проведены две тонкие линии, как бы прогибающиеся навстречу друг другу, а затем расходящиеся в противоположные стороны. Между линиями проходит вертикальная линия, составленная из коротких волнообразных отрезков.

Второй орнаментальный пояс шириной 1,5 см: пространство внутри него заполнено 13 фигурами в виде короткой вертикальной линии с завитком на конце. Причем ширина завитков неодинакова, некоторые сделаны довольно небрежно, а их концы почти вплотную примыкают к первому орнаментальному поясу.

Третий орнаментальный пояс шириной 2 см: пространство внутри него заполнено 11 фигурами, каждая из которых представляет собой расходящуюся спираль, которые как бы перетекают друг в друга, «смыкаются» между собой. Свободное пространство между ними заполнено завитками.

Четвертый орнаментальный пояс шириной 0,5 см – пустой.

Пятый орнаментальный пояс доходит до края венчика. Пространство внутри него заполнено 26 фигурами в виде длинной вертикальной линии с завитком на конце. Он идентичен орнаменту второго пояса, только размеры и количество фигур в нем увеличены в 2 раза.

Край волнистого венчика темного цвета.

Орнамент на внешней стороне чаши довольно прост. Под венчиком на расстоянии 0,8 см сделана тонкая врезная линия. Ниже, через 4 см, примерно на уровне третьего орнаментального пояса, сделаны еще 3 врезные линии – две тонких и между ними одна толстая. Еще ниже, ближе к месту присоединения ножки-поддона, сделаны две тонкие врезные линии. Причем сделаны довольно небрежно, они «набегают» друг на друга.

От края волнистого венчика вниз до комбинации из трех линий проходят «ложки», которые придают тулову чаши-кубка «гофрированный» вид. В местах углублений также сделаны тонкие врезные линии.

Такова орнаментация чаши-кубка. Ее ножка-поддон не полностью покрыта ангобом и поливой: только с одной стороны они доходят практически до его края.

Каким образом в мастерских Селитренного городища мог появиться сосуд подобной формы?

По совокупности технологических и морфологических признаков чаша-кубок с Селитренного городища может быть отнесена к той группе поливных красноглиняных изделий, которые делались в мастерских второй местной группы.

Если бы не наличие высокой ножки-поддона, то мы бы отнесли его к сосудам чашевидной формы, которые составляют большую часть ассортимента поливной красноглиняной керамики на золотоордынских городищах.

Сосуды чашевидной формы появились в Нижнем Поволжье в золотоордынскую эпоху. В последнее время больше внимания уделяется технологии их формовки, так как в условиях смешения населения субстратные навыки конструирования начинаются изменяться медленнее всего [1, с. 125–130]. Говоря о поливных чашеобразных сосудах на кольцевых поддонах, необходимо обращать внимание на технику изготовления поддона и на последовательность формовки чаши. В золотоордынском керамическом производстве выделяются две разные школы. Первая (сосуды с вырезанными поддонами) сложилась на основе среднеазиатских и ирано-закавказских традиций. Аналогии сосудам домонгольского времени найдены в керамике Средней Азии IX–XII вв., Ирана IX–X вв., Закавказья XI–XIII вв. Вторая (сосуды с наклепанными поддонами) сложилась на основе византийско-причерноморских традиций. Аналогии найдены в керамике Византии XI–XII вв. и Причерноморских стран (которые были преемниками византийской культуры) XII–XIII вв. [4, с. 102].

По технологическим признакам чаша-кубок с Селитренного городища относится к сосудам с наклепанными поддонами, то есть ко второй школе. Тулово чаши-кубка вытянуто из куска глины, кольцевой поддон изготовлен отдельно; затем они были соединены вместе (уровень РФК – 6-7) [8, с. 217].

Венчик полусферического тулова «волнистый». Чаши с таким оформлением края венчика встречены на других золотоордынских городищах. А.Н. Масловский отмечает, что в материалах золотоордынского Азака встречаются чаши с гофрированным венчиком [6, с. 351, рис. 17/10]. Также в Азаке найдены поливные чаши с гофрированным венчиком крымского производства [6, с. 362, рис. 21/13].

Чаши с волнистым венчиком встречены в материалах Херсонеса. При раскопках поздневизантийского пещерного монастырского комплекса в ближней округе Херсонеса на Гераклеяском полуострове (скит на м. Виноградный) была найдена красноглиняная чаша с высокими стенками, слегка отогнутым венчиком, имеющими фестончатый край. Чаша сохранилась фрагментарно. Полива светло-оливкового цвета, орнамент выполнен в технике сграффито. Причем некоторые элементы орнамента, например спираль, встречаются и на золотоордынском образце [11, с. 249, рис. 3/3].

Таким образом, форму тулова чаши-кубка с волнистым венчиком нельзя считать чем-то необычным для золотоордынской поливной керамики.

Вся внутренняя и частично внешняя поверхности чаши-кубка с Селитренного городища покрыты светлым (белым) ангобом, в котором «процарапали» рисунок.

Считают, что гравировка острым инструментом по покрытой ангобом глине является наиболее эффективным приемом орнаментации поливной красноглиняной керамики. После покрытия изделия прозрачной поливой линии орнамента приобретают темный цвет, контрастирующий с общим зеленым фоном. Этот принцип орнаментации в VIII–IX вв. распространяется в керамике Ближнего Востока, откуда в IX–X вв. проникает в керамику Средней Азии и Закавказья. С XI в. он появляется на поливных изделиях Византии и Руси. Расцвет керамики сграффито относится к XI–XII вв., но в каждой из названных областей она приобретает свои локально-стилистические особенности [2, с. 85].

Мастер при гравировке чашеобразных сосудов должен учитывать, что они имеют широкие плоскостные внутренние поверхности, на которые нужно нанести линии орнамента. Поэтому внешняя поверхность изделий орнаментировалась редко и только около венчика.

По росписи внутренних поверхностей чашеобразные изделия делят на сосуды с концентрической композицией в рисунке и сосуды с радиальным расположением орнамента.

По вопросу истоков композиционного построения орнамента в золотоордынских поливных изделиях существует несколько точек зрения.

По мнению Б.А. Шелковникова, концентрическая композиция была широко распространена во всех странах средневековья от Дальнего Востока до Византии, и по этому принципу локализовать происхождение орнамента поливных изделий невозможно [9, с. 176].

Т.И. Макарова полагает, что для Востока и Закавказья характерно радиальное расположение орнамента, а для византийской посуды XI–XII вв. характерна концентрическая композиция [5, с. 50].

Н.М. Булатов считает, в золотоордынской поливной керамике преобладает концентрическая композиция рисунка. Причем гравировка тонкой и толстой линией всегда используются вместе: толстая линия служит для выделения основных деталей орнамента, а тонкая в качестве дополнительного его украшения [2, с. 86].

Итак, исходя из принципа орнаментации – концентрическая композиция расположения рисунка, сделанного в технике гравировки и резерва, – чаша-кубок с Селитренного городища близка к керамике Византии и Крыма.

Рассматривая основные орнаментальные мотивы и фигуры чаши-кубка, мы видим, что они

довольно часто встречаются на поливных чашах и кувшинах из Херсонеса: завитки-спирали; спирали с ответвляющимися усиками; палочка со спиралью; кружочки со стрелками, направленными вниз; бордюры в виде волны, линии или со спиральями и т. п. [10, табл. XII/51; XVI/60-61; XX/74 (а, б) – 75, 77; XXI/79].

Таким образом, по технике изготовления чаши-кубка и форме ее тулова, по цвету поливы, принципу орнаментации, композиции самого орнамента и его элементов мы можем отнести чашу-кубок с Селитренного городища ко второй школе, мастера которой работали под влиянием византийско-причерноморских традиций.

Но откуда появилась сама кубкообразная форма изделия? Мог ли золотоордынский мастер ее придумать или он ее заимствовал?

Точный центр заимствования определить трудно, так как, несмотря на малочисленность изделий подобной формы, они встречаются в разных центрах средневекового мира.

Если исходить из того, что чашу-кубок делал мастер, работавший в византийско-причерноморских традициях, то нужно искать аналогии ей именно в тех районах.

В частности, в поливной керамике Болгарии конца IX–X вв. встречен сосуд с мисковидным телом на высокой цилиндрической ножке, расширяющейся книзу. Поверхность стенок покрыта чередующимися волнистыми и прямыми врезанными линиями. Весь сосуд покрыт светло-коричневой поливой. Этот кубок высотой около 14 см был найден в одной из пливских церквей, где использовался во время богослужений [3, с. 8, рис. 4; 14/5]. У данного сосуда тулово полусферической формы, но высокий поддон-ножка внутри монолитный, не полый. Л. Дончева-Петкова допускает, что изготовление поливной посуды в болгарских землях в конце IX–X вв. могло быть заимствовано у византийских мастеров или производственных центров, где эта традиция продолжала существовать со времен поздней античности [3, с. 10].

При раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1991 г. в квартале ХСVII был найден комплекс поливной керамики, датированный XII–XIII вв. Среди находок, сделанных в помещении 3, присутствует изделие подобной формы. Но чаша-кубок из Херсона внешне несколько отлична от золотоордынского изделия: широкий венчик, скругленный по краю, горизонтально отогнут наружу. Высокий поддон-ножка также внутри не полый, края поддона загнуты вверх. К сожалению, о цвете поливы данного изделия не говорится [7, с. 70, рис. 15/7].

Исходя из вышесказанного видно, что данная форма, пусть и с незначительными различиями – оформление закраины венчика, внутренняя часть поддона – существовала в поливной керамике на

рубеже IX–X вв. и продолжала бытовать в византийско-причерноморском регионе до XII–XIII вв.

Но можно предположить и другой источник заимствования данной формы в золотоордынском керамическом производстве.

Вероятно, ее могли заимствовать из комплекса кашинной керамики. В материалах золотоордынского Азака есть кашинный кубок на высокой ножке-поддоне, сделанный в технике «минаи». Поддон данного кубка внутри полый, но он заострен кверху. Венчик тулова полусферической формы заострен по краю и загнут внутрь сосуда [6, с. 423, рис. 45/1].

Изделия подобной формы встречены также в Хорезме, но они сероглиняные, украшены лощеным орнаментом. В материалах золотоордынского Азака найден хорезмский кубок на высокой ножке с пролощенным на внутренней стороне орнаментом [6, с. 414, рис. 41/9].

Оба изделия датированы XIV в.

Как видим, источник заимствования данной формы определить сложно. Подобная форма существовала в разных центрах развитого поливного производства. Мастер, изготовивший красноглиняную чашу-кубок с зеленой поливой с гравированным орнаментом, мог в качестве образца взять изделия из Хорезма, Ирана, Херсонеса и т. д.

Таким образом, чаша-кубок, найденная на Селитренном городище, по совокупности технологических и морфологических признаков может быть отнесена к той группе поливных красноглиняных изделий, которые делались в мастерских второй местной группы. Причем мастер, ее сделавший, работал под влиянием византийско-причерноморских традиций. Об этом говорят высокий наклепленный ножка-поддон, концентрическая композиция рисунка, элементы гравированного орнамента, да и кубкообразная форма изделия также встречается в поливной керамике этого региона.

Находки, подобные чаше-кубку с Селитренного городища, позволяют нам расширить видовой ассортимент изделий, изготавливаемых в керамических мастерских г. Сарай ал-Махруса в XIV в.

Примечание

¹ Автор выражает искреннюю признательность Евгению Михайловичу Пигареву, канд. ист. наук, науч. сотр. Института археологии Республики Татарстан, за разрешение на публикацию материала о данном изделии. В настоящее время чаша-кубок хранится в фондах Астраханского краеведческого музея.

Библиографический список

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 275 с.
2. Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских горо-

дов // Средневековые памятники Поволжья: сб. статей / отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1976. – С. 73–107.

3. Дончева-Петкова Л. Раннесредневековая поливная керамика в Болгарии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сб. науч. трудов. Т. 1 / отв. ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. – Киев: Стило, 2005. – С. 7–14.

4. Зеленева Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994–2000 гг.). – Йошкар-Ола, 2009. – 264 с.

5. Макарова Т.И. Поливная керамика в Древней Руси. – М.: Наука, 1972. – 19 с.

6. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака: Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. / отв. ред. В.Я. Кияшко. – Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. – Вып. 21. – С. 309–473.

7. Ушаков С.В. Поливная керамика из комплексов XIII в. северо-восточного района Херсонеса (квартал ХСVII, помещения 1, 3, 11) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сб. науч. трудов. Т. 1 / отв. ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. – Киев: Стило, 2005. – С. 70–92.

8. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 430 с.

9. Шелковников Б.А. Поливная керамика Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – № 75. – 307 с.

10. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – № 17. – 256 с.

11. Яшаева Т.Ю. Поливная керамика из загорных пещерных монастырей Херсона // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: сб. науч. трудов. Т. 1. – Киев: Стило, 2005. – С. 247–256.

References

1. Bobrinskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy: Istochniki i metody izucheniya. – M.: Nauka, 1978. – 275 s.
2. Bulatov N.M. Klassifikaciya krasnoglinyanoj polivnoj keramiki zolotoordynskih gorodov // Srednevekovye pamyatniki Povolzh'ya: sb. statej / отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1976. – С. 73–107.
3. Doncheva-Petkova L. Rannesrednevekovaya polivnaya keramika v Bolgarii // Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.: sb. nauch. trudov. T. 1 / отв. ред. S.G. Bocharov, V.L. Myc. – Kiev: Stilos, 2005. – S. 7–14.
4. Zelenev YU.A., Kurochkina S.A. Zolotoordynskij gorod Saraj al-Dzhedid (rezul'taty

arheologicheskikh issledovanij na Carevskom gorodishche v 1994–2000 gg.). – Joshkar-Ola, 2009. – 264 s.

5. Makarova T.I. Polivnaya keramika v Drevnej Rusi. – M.: Nauka, 1972. – 19 s.

6. Maslovskij A.N. Keramicheskij kompleks Azaka: Kratkaya harakteristika // Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. / otv. red. V.YA. Kiyashko. – Azov: Azovskij muzej-zapovednik, 2006. – Vyp. 21. – S. 309–473.

7. Ushakov S.V. Polivnaya keramika iz kompleksov XIII v. severo-vostochnogo rajona Hersonesa (kvartal XCVII, pomeshcheniya 1, 3, 11) // Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.: sb. nauch. trudov. T. 1 / otv. red. S.G. Bocharov, V.L. Myc. – Kiev: Stilos, 2005. – S. 70–92.

8. Cetlin YU.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda. – M.: IA RAN, 2012. – 430 s.

9. Shelkovnikov B.A. Polivnaya keramika Sarkela – Beloj Vezhi // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – № 75. – 307 s.

10. YAkobson A.L. Srednevekovyj Hersones (XII–XIV vv.) // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – № 17. – 256 s.

11. YAshaeva T.YU. Polivnaya keramika iz zagorodnyh peshchernyh monastyrej Hersona // Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.: sb. nauch. trudov. T. 1. – Kiev: Stilos, 2005. – S. 247–256.

Чернецова Светлана Борисовна

Российское географическое общество,
Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, г. Ярославль
ch-sb@yandex.ru

Андреева Александра Юрьевна

Ярославский государственный университет им. П. Демидова
goland5@yandex.ru**БЕЛОКАМЕННЫЙ РЕЗНОЙ КРЕСТ ИЗ Д. ОРЛЕЦ – НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК
СРЕДНЕВЕКОВОГО КАМНЕСЕЧНОГО ИСКУССТВА ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ**

Статья посвящена ранее не известному средневековому резному белокаменному кресту, который первоначально хранился в утраченной деревянной часовне д. Орлец Красносельского уезда Костромской губернии. По преданию, крест приплыл сам «против течения» реки Волги. В XX в. уникальный памятник хранился в с. Густомесово, а в настоящее время находится в храме Тихона Луховского в г. Волгореченске. Авторы делают попытку охарактеризовать технологию изготовления и художественного оформления памятника. Описывается круг связанных с ним преданий, способ бытования и функциональное назначение креста. В статье также рассматривается редкий образец позднесредневековой эпиграфики, имеющейся на кресте. Изучение надписей на кресте является важным этапом исследования этого сакрального объекта, поскольку может способствовать дальнейшему прояснению хронологии его создания и «чудесного» обретения.

Ключевые слова: каменные кресты, религиозные обычаи, традиционная культура, локальная история.

Каменные кресты имеют широкое распространение в Западной Европе. Такие объекты также хорошо известны на северо-западе Руси в Новгородских, Псковских и Тверских землях, где уже в начале XX века было описано и систематизировано большое количество подобных памятников [10; 12; 14]. Каменных крестов в границах Владимиро-Суздальского, Ростовского и Московского княжеств известно гораздо меньше. Во всех перечисленных землях существовали свои особые традиции изготовления каменных крестов, которые появлялись в разное время и могли иметь самое разное предназначение [14, с. 76].

На северо-западе Руси до настоящего времени выявлено всего лишь несколько древних экземпляров каменных крестов. Все они относятся к XII веку. Среди них ближайшие к территории Верхней Волги – это четырехконечный «Нерльский крест», установленный вблизи церкви Покрова на берегу р. Нерли в с. Боголюбове и так называемый Святославов крест в Юрьев-Польском [4, с. 309–315; 6, с. 29–33].

Считается, что в центральных землях в XIII–XIV вв. господствует совершенно другой вид погребальных памятников – каменные плиты «...в конце XV и особенно с середины XVI века начинается вытеснение местных форм надгробиями с чисто московской орнаментикой» [2, с. 35]. Вершинными образцами, без сомнения, являются восьмиконечный крест Степана Бородатого, установленный на могиле сына, у церкви Воскресения в Ростове Великом, и восьмиконечный крест, найденный в г. Дмитрове в 1840 г. под жертвенником Алексеевского придела Борисоглебского собора одноименного монастыря [5, с. 213–222].

Каменные кресты, которые появляются в XV–XVI вв. в московских, ростовских, тверских землях, отличаются от новгородских. В основном это

памятники с рельефными изображениями святых и почитаемыми текстами [14, с. 84].

Сведений о находении средневековых каменных крестов в районах Костромского и Ярославского Поволжья ничтожно мало. В связи с этим вопрос о введении в научный оборот информации о ранее практически неизвестном, редком памятнике камнесечного искусства представляется весьма обоснованным.

Впервые информация об этом объекте как о неком почитаемом камне из д. Орлец, который сейчас хранится в сельском храме, поступила С.Б. Черне-

Рис. 1. Общий вид каменного креста из д. Орлец.
Фото – Чернецовой С.Б., 2017 г.

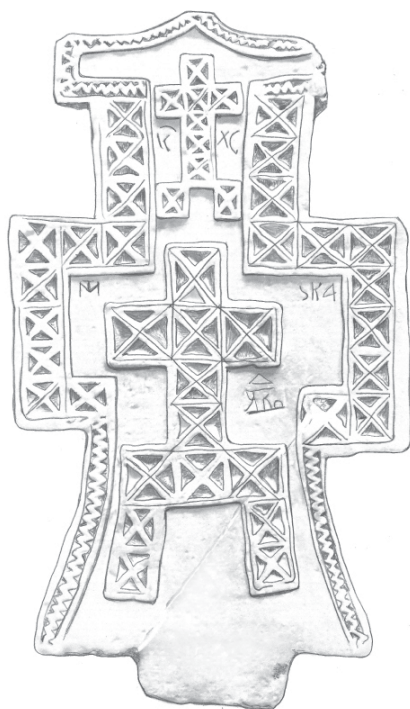

Рис. 2. Крест из часовни при деревне Орлец. Аверс. Рисунок – Андреева А.Ю., 2017 г.

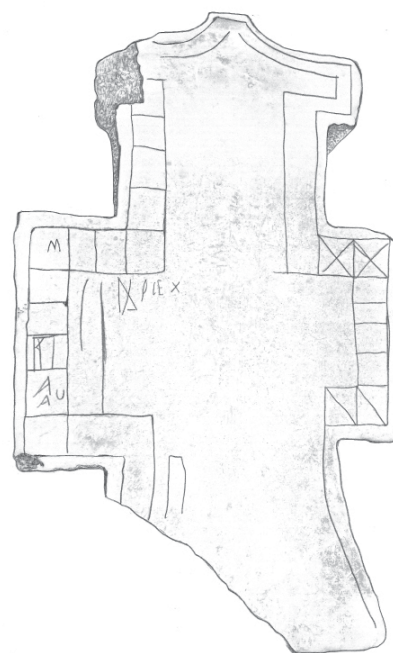

Рис. 3. Крест из часовни при деревне Орлец. Реверс. Рисунок – Андреева А.Ю., 2017 г.

цовой летом 1990 г. от жительницы поволжского с. Здемирово (Красносельский р-он Костромской области). Тогда же удалось выяснить, что на амвоне Успенской церкви села Густомесово действительно хранится каменный почитаемый крест, который местные старожилы считают крестом, перенесенным из утраченной деревянной часовни деревни Орлец.

Крест из д. Орлец вырезан из единой белокаменной плиты (рис. 1). Верхний конец креста увенчан килевидным двускатным завершением, так называемым «голбецом», выступающим справа и слева над основной площадью. Поперечные концы креста прямые, не имеют дополнительных перекладин. Нижний конец креста расширяется книзу, достигая своей максимальной ширины непосредственно над установочным «шипом» (рис. 2).

На оборотной стороне креста острым инструментом линейно нанесены контуры предполагавшейся резьбы. Лента, состоящая из квадратов, описывает почти весь крест, за исключением правой стороны основания, где ее, очевидно, не успели нанести. Особого внимания заслуживают несколько пока еще не расшифрованных монограмм, также нанесенных тонким острым предметом. Основное скопление монограмм находится на левой лопасти оборотной стороны креста.

Это редчайший случай, когда мы можем видеть поэтапность изготовления орнамента мастером. Орнамент размечен тонко и линейно. Дополнительными изображениями оборотной стороны являются нерасшифрованные монограм-

мы в квадратах разметки на правой лопасти и геометрические обозначения (прямоугольники) на лопасти и в центре креста (рис. 3).

Крест имеет 57 см в высоту, ширина центральной поперечной лопасти – 32 см, нижняя трапецевидная лопасть у основания составляет 19 см и в самой широкой нижней части – 26 см. Размах «крыльев» голбеца – 23 см, толщина боковых граней – 9,5 см. Лицевая сторона креста обработана искусно выполненной и прекрасно сохранившейся трехгранно-выемчатой резьбой, сгруппированной в крестчатые элементы. По кромке верхнего килевидного завершения голбеца и трапецевидного основания креста выпущен бордюр, в котором между графий вырезан лентой орнамент «волчий зуб». Орнаментальная композиция почти полностью состоит из крестчатых элементов, выполненных из треугольно-выемчатого орнамента, объединенного в ленты различной длины. В поле композиции, внутри бордюра, изящно расположены два креста на одной вертикальной оси, находящиеся друг над другом. Кресты четырехконечные, у каждого из них своя голгофа в виде разомкнутого прямоугольника у нижнего креста и примыкающих к основанию крестчатых элементов у второго – малого верхнего. Под лопастями верхнего рельефного креста расположена монограмма «ІС ХС». Под лопастями нижнего рельефного креста изображена монограмма, которую в настоящее время прочитать не удастся.

Крест из часовни при деревне Орлец уникален по совокупности ряда визуальных особенностей.

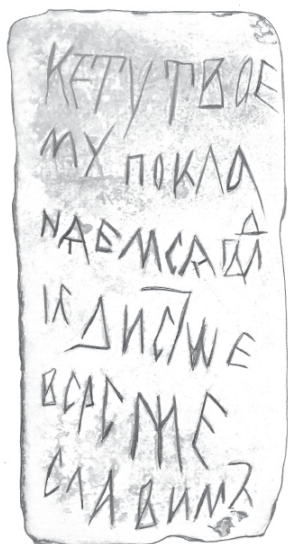

Рис. 4. Крест из часовни при деревне Орлец. Надпись. Рисунок – Андреева А.Ю., 2017 г.

Несмотря на скол левого выступа килевидного двускатного завершения, общая сохранность креста прекрасная. Привлекает внимание необычное покрытие поверхности резьбы. Нельзя исключать, что крест был чем-то покрыт и местами даже позолочен.

Никаких признаков эпитафии на кресте не имеется. На основании того, что у него имеется установочный шип, можно с уверенностью заключить, что изначально крест устанавливался вертикально. Поскольку достоверно известно, что после «чудесного обретения» в Орлеце крест долгое время находился в часовне, то его функция была чисто поклонной, и вряд ли он мог когда-либо использоваться в качестве надгробия. На торцевой плоскости левой поперечной лопасти креста нанесен острым инструментом текст надписи, которая предварительно расшифрована нами как Тропарь Честному Кресту: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко и (Святое Воскресение) Твое славим» (рис. 4).

По итогам предварительного анализа и сопоставления элементов орнамента, методов его выполнения, а также характера написания монограмм креста, по нашему мнению, есть уверенные основания для датировки креста началом XVI в. Крестчатый элемент трехгранно-выямчатого орнамента весьма характерен для плоских белокаменных надгробий Северо-Восточной Руси. Этот элемент декора бытует здесь с начала XV до начала XVI века, наиболее распространен в последней четверти XV века [2]. Он составлен из квадратиков, внутри которых находятся врезанные четыре треугольника, соединенные вершинами к центру, что в целом образует равноконечные крестики.

Следует отметить, что подобный крестчатый рисунок был обнаружен в 2013 г. при реставрации Звенигородского Успенского собора (конец XIV в.). Здесь он был вырезан непосредственно

при возведении памятника на внешней стене средней апсиды, на высоте около 6 м от уровня дневной поверхности [1].

Наличие в часовне д. Орлец резного «животворящего» креста, почитаемого как местночтимая святыня, отмечено и в «Кратких статистических сведениях о приходских церквях Костромской епархии», изданной в Костроме в 1911 г. [7, с. 157–158]. Там же отмечается, что в этой часовне была организована продажа свеч, масла и ладана. Доход от продажи поступал на ремонт самой часовни. Посвящение часовни в д. Орлец достоверно установить не удалось. Одна из информаторов утверждала, что помнит, что в часовне «... вот был Николай Угодник. А другие иконы хоть и были, но какие – не помню». Летом 1990 г. удалось записать три варианта местного предания, повествующего, что крест приплыл в Орлец «по воде сам и против течения». Деревня Орлец располагалась на пологом берегу Волги в 2,5 км от с. Густомесово, и паводки здесь имели тяжелые последствия. Считается, что во время одного такого сильного разлива в 30-х гг. XX в. старая часовня была частично разрушена. По одной версии, поток воды смыл небольшой по своим размерам крест, который некоторое время считался пропавшим, но спустя несколько лет он был чудесным образом вновь обретен на берегу Волги непосредственно в с. Густомесово. После этого чудесного явления крест был помещен в Успенский сельский храм.

По другой легенде следует, что крест из часовни был перенесен в Успенскую церковь специально – после частичного разрушения часовни паводком. Но имеется и другое, совершенно рациональное объяснение переноса деревянной святыни из деревни, которой грозило затопление вследствие подъема уровня воды при наполнении Горьковского водохранилища.

Церковь Успения в селе Густомесово была построена на месте старого кладбищенского деревянного храма на приходские деньги в 1897 г. Храм имеет только один престол в честь Успения Божией Матери, но самым большим церковным праздником в селе по сей день считается Воздвижение Креста Господня – 27 сентября. В этот день пелись праздничные тропари, и кресту, лежащему на аналое, возлагались не только цветы, но и щедрые дары. По всей видимости, здесь мы имеем дело с прямым наложением и переносом традиции почитания креста из д. Орлец в с. Густомесово. Именно этим можно объяснить факт широкого празднования «неправильного» престольного праздника. В августе 1990 года одна из местных информаторов 1918 года рождения рассказывала, что «крест исцеляет». Многие обращали внимание на то, что от креста чувствовалось тонкое благоухание.

Любопытно, что местные рассказы о катастрофическом разливе реки Волги во второй половине

1930-х гг. до сих пор помнят и в других поволжских селах Красносельского района. Так, в д. Веняха, расположенной в 10 км от села Густомесово, устная традиция напрямую связывает появление другого объекта, так называемого «Георгиевского камня», который и сейчас находится в основании деревенской часовни, с неким большим «потопом» Волги в 1926 или в 1928 г. Считается, что в тот год разлив был такой силы, что вода ушла из д. Веняхи только к июню, после чего местные жители увидели у одного из домов большой гранитный валун, в причудливой поверхности которого они разглядели образ белого всадника на коне [13]. Этот природный рисунок на камне по своей конфигурации действительно немного напоминает иконографическое изображение Георгия Победоносца.

В настоящее время крест находится в новом храме во имя преподобного Тихона Луховского в г. Волгореченске (Костромская область), куда он был перенесен из с. Густомесово в 2013 году. Само открытие и освящение нового храма в г. Волгореченске в 2007 г., было связано с учреждением в 2002 г. 5-го благочинного округа Костромской епархии, в который также вошли храмы сел Сидоровское, Светочева Гора, Красные Пожни, Владычное, Спас, Ильинское и Сухоногово. Перенос каменного креста и старинного образа Тихона Луховского из Густомесова в новый храм Волгореченска был осуществлен непосредственно по распоряжению Костромской епархии. В новом храме крест был размещен в специальном деревянном ковчеге и установлен на амвоне перед иконостасом в левой части храма. Доступ к кресту был открыт для всех страждущих.

13 января 2015 г. некая 54-летняя прихожанка по непонятным причинам столкнула каменный крест с амвона на пол. В храме эта прихожанка считалась «бесноватой». В результате падения крест получил довольно значительное повреждение. Левая нижняя лопасть была отколота, при этом был утрачен небольшой фрагмент орнамента. По факту вандализма было возбуждено дело. В ходе следствия женщина заявила, что на месте креста должна стоять её любимая икона Спасителя, которой она всегда молилась и которую передвинули с привычного места из-за креста. По решению суда женщина прошла принудительное лечение, а крест был перенесен в алтарную часть храма и закрыт для посетителей.

Предмет, к атрибуции которого мы прикасаемся в нашем сообщении, сложен еще и тем, что имеет малое количество полных аналогов, и это затрудняет сравнительное определение его, но при этом придает ему статус уникального сакрального артефакта. Для подлинного осознания столь уникального предмета, которым является белокаменный крест, происходящий по преданию из часовни, располагавшейся при деревне Орлец Нерехтского уез-

да, необходимо последовательно рассмотреть ряд аспектов его бытования.

Отчетливое разделение на типы белокаменных крестов, происходящих из северо-восточной и северо-западной Руси, некоторые исследователи отрицают, мотивируя свою позицию тем, что один и тот же крест мог являться и обетным-намогильным, и поклонным, и памятным [8]. Однако если вернуться к официально принятой систематизации, то каменные кресты делятся на следующие типы: намогильные, поклонные и памятные [10]. В связи с этим становятся понятными некоторые особенности рассматриваемого в данной статье белокаменного креста. Намогильные кресты в большинстве своем персонифицированы и имеют эпитафии. Таковы кресты дьяка Стефана из Ростова Великого, крест со станции Жилево и еще ряд подобных памятников. Внутри типологического вида намогильные кресты делятся на кресты заложенных умерших и официальные захоронения, как правило располагавшиеся в пространстве храма или около него. Если кресты заложенных умерших в большей части довольно грубо выполнены, то кресты на официальных захоронениях представляют собой произведения православной скульптуры, а не народного сакрального камнесечного искусства.

Стоит заметить, что тема явленных крестов (а также икон, мощей и пр.), приплывших чудесным образом по воде, является достаточно распространенной, хотя увязать её с конкретными персонажами удается далеко не всегда. Так, в Любимском уезде на севере Ярославской губернии также сохранилось предание о некоем каменном кресте, плывшем против течения р. Обноры. Предание гласит, что монахи Рождественского монастыря, увидев в р. Обноре плывущий крест, окруженный сиянием, захотели оставить его у себя. Они вышли на берег с баграми и попытались выловить крест, но им удалось лишь отломить от него небольшой кусок. Крест продолжил свое шествие вверх по течению, пока он не остановился в вологодских пределах, возле села Высокое, где на берегу Обноры был выстроен обывденный храм во имя Пророка Илии (в этот день крест приплыл к селу), куда и был помещен крест [11].

Мотив чудесного явления или прибывания священного предмета в какое-то конкретное место обусловлен прежде всего потребностью в определенной доле сакрализации этого самого места. Кроме того, религиозное начало в человеке постоянно испытывает потребность в появлении новых сакральных объектов и возможности доступного общения с ними. Как нам кажется, акцентуация на движении «против течения» в данном случае только подчеркивает собственную волю и чудотворную силу объекта.

Обратимся подробно к поклонным крестам, поскольку имеются все основания относить крест из

часовни в Орлеце именно к этому типу. Подавляющее число поклонных крестов – это кресты явленные. Явленность креста в контексте данной статьи принимается как факт. Факт, изложенный, как правило, в форме предания или комплекса преданий. То есть эти кресты в традиции воспринимаются не как «сделанные» кем-либо, а как самовоплотившиеся. Подавляющее большинство преданий имеет схожий сценарий. Кто-то обретает крест при череде чудесных событий. Потом кресту устраивается место, где можно ему достойно поклониться (как правило, часовня), и далее начинают происходить чудесные события при поклонении. Внешние признаки поклонных крестов могут различаться, но на них очевидно общее – отсутствие эпитафии.

Среди поклонных белокаменных крестов, известных в науке, с нашей точки зрения, наиболее близки к кресту из часовни в д. Орлец только два экземпляра. Первый – это крест из г. Звенигород, который был обнаружен на территории древнего Рождественского погоста в процессе археологических раскопок на месте, где до начала XVII в. находился деревянный храм Рождества Христова и прилегающее к нему посадское кладбище [1]. Крест фрагментирован. Полностью утрачена его верхняя лопасть, правая отколота, но сохранена. Нижний конец этого креста также трапециевидный, боковые лопасти прямые. В нижней части имеется специальный прямоугольный шип. Размеры звенигородского креста соотносятся с крестом из часовни в Орлеце: $61 \times 47 \times 15,5$ см. Лицевая сторона так же богато декорирована трехгранно-выемчатой и плоскорельефной резьбой. По периметру края размещена аналогичная орнаментальная рамка, составленная из заполненных крестами чередующихся квадратов. В средокрестии этого памятника высечено изображение двенадцати-конечного креста. Несмотря на то, что крест был найден на территории погоста, относить его к надгробным нет никакого основания, поскольку он имеет очевидные признаки поклонного креста (основной из которых – отсутствие эпитафии).

Второй крест, принимаемый нами за близкий аналог креста из часовни в Орлеце, практически неизвестен в широкой научной среде. Он был введен в научный оборот только в 2014 г. исследователем А.Ю. Быковым [3]. Автор считает фрагмент креста, обнаруженный ещё в 70-х гг. XX в. во время раскопок погоста с. Кузьмодемьянское Кацкого стана, надгробным. В этом фрагменте также присутствуют совершенно аналогичные крестчатые элементы в декоре креста, называемые автором статьи «георгиевскими». Автор подчеркивает, эти элементы орнамента можно считать связующими звеньями между каменными крестами и белокаменными надгробными в средневековом русском камнесечном искусстве. По его мнению, крестчатый орнамент на кресте заменяет собой присутствие Иисуса Христа.

С нашей стороны уместно заметить, что кресты, аналогичные кресту из Орлеца с трехгранно-выемчатым орнаментом, рассматриваемые в нашем исследовании, не могут быть отнесены к официальной пластической традиции, яркими примерами которой являются крест из Лахмокурья и крест дьяка Стефана Бородатого из Ростова Великого. Приведенные нами в статье поклонные кресты – произведения народного камнесечного искусства. Семантические трактовки народного искусства не позволяют нам проецировать орнамент на кресте из Кузьмодемьянского как «замену Иисуса Христа».

В данной ситуации нам кажется более уместным сравнение трехгранно-выемчатого орнамента со знаком солнца, что указывает на его древнее происхождение, уходящее своими корнями во времена дохристианской Руси и отражающие какие-то верования, возможно связанные с культом солнечного божества Ярилы. Это просто один из самых распространенных технических приемов.

Крест из часовни при деревне Орлец на настоящий момент является уникальным произведением народного камнесечного искусства и святыней одновременно. Необходимо его бережное сохранение на исконной территории его многовекового бытования в условиях возможности поклонения ему верующих.

Библиографический список

1. *Алексеев А.В.* Средневековый каменный крест из Звенигорода // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. – М.: Изд-во Института археологии РАН, 2015. – С. 449–454.
2. *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. – М.: МОДУС-ГРАФ-ФИТИ, 1996. – С. 567.
3. *Быков А.Ю.* Уникальные находки. Надгробные памятники-кресты XV–XVI веков из собрания Мышкинского народного музея [Электронный ресурс] // Мышкинская лоция: краеведческий журнал. – 2014. – № 7 (13). – С. 5–14. – Режим доступа: <http://www.myshgorod.com/magilanka/lociya-7.docx>.
4. *Воронин Н.Н.* Новые памятники русской эпиграфики XII в. // Советская археология. – 1940. – № 6. – С. 309–315.
5. *Гаврилов С.А.* Борисоглебский крест 1467 г. // Советская археология. – 1985. – № 2. – С. 213–222.
6. *Кавельмахер В.В.* Краеугольный камень из лапидария Георгиевского собора в Юрьеве-Польском: (К вопросу о так называемом «Святославовом кресте») // Искусство Руси, Византии и Балкан XIII века. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1994. – С. 29–33.
7. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии: справочная книга. – Кострома, 1911.

8. Панченко А.А. Народное православие. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.

9. Панченко В.Б. «Поставлен святой крест...»: о надписях на средневековых каменных крестах // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ламанша: Связующие пути и организующие центры: Шестые чтения памяти Анны Мачинской, Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 г.: сб. статей. – СПб., 2002. – С. 185–190.

10. Спицын А.А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки отд. русской и славянской археологии Имп. русского археологического о-ва. – СПб., 1903. – Т. 5. – Вып. 1.

11. Титов А.А. Город Любим и упраздненные обители в нем и его уезде. – М.: Изд. И.А. Вахрамеева; тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. – С. 26.

12. Шляпкин И.А. Древние русские кресты. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и нецерковной службы // Записки отд. русской и славянской археологии Имп. русского археологического о-ва. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. – С. 38.

13. Чернецова С.Б. Редкие типы деревенских часовен в Верхнем Поволжье // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 4. – С. 55–58.

14. Яшкина (Панченко) В.Б. К исследованию каменных крестов Северного Поволжья // Ладога и религиозное сознание: материалы к чтениям. – СПб.; Старая Ладога, 1997. – С. 67–72.

References

1. Alekseev A.V. Srednevekovyj kamennyj krest iz Zvenigoroda // Arheologiya Podmoskov'ya: materialy nauch. seminarov. – М.: Изд-во Института археологии РАН, 2015. – С. 449–454.

2. Belyaev L.A. Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoj Rusi XIII–XVII vv. – М.: MODUS-GRAFFITI, 1996. – С. 567.

3. Bykov A.YU. Unikal'nye nahodki. Nadgrobnye pamyatniki-kresty XV–XVI vekov iz sobraniya Myshkinskogo narodnogo muzeya [Elektronnyj resurs] // Myshkinskaya lociya: kraevedcheskij zhurnal. – 2014. – № 7 (13). – С. 5–14. – Rezhim

dostupa: <http://www.myshgorod.com/magilanka/lociya-7.docx>.

4. Voronin N.N. Novye pamyatniki russkoj ehpigrafiки XII v. // Sovetskaya arheologiya. – 1940. – № 6. – С. 309–315.

5. Gavrilov S.A. Borisoglebskij krest 1467 g. // Sovetskaya arheologiya. – 1985. – № 2. – С. 213–222.

6. Kavel'maher V.V. Kraeugol'nyj kamen' iz lapidariya Georgievskogo sobora v YUr'eve-Pol'skom: (K voprosu o tak nazyvaemom «Svyatoslavovom kreste») // Iskusstvo Rusi, Vizantii i Balkan XIII veka. – SPb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 1994. – С. 29–33.

7. Kratkie statisticheskie svedeniya o prihodskih cerkvah Kostromskoj eparhii: spravocnaya kniga. – Kostroma, 1911.

8. Panchenko A.A. Narodnoe pravoslavie. Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii. – SPb.: Aleteja, 1998. – 305 s.

9. Panchenko V.B. «Postavljen svyatyj krest...»: o nadpisyah na srednevekovyh kamennyh krestah // Ladoga i Severnaya Evraziya ot Bajkala do Lamansha: Svyazuyushchie puti i organizuyushchie centry: SHestyje chteniya pamyati Anny Machinskoj, Staraya Ladoga, 21–23 dekabrja 2001 g.: sb. statej. – SPb., 2002. – С. 185–190.

10. Spicyn A.A. Zаметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки отд. русской и славянской археологии Имп. русского археологического о-ва. – СПб., 1903. – Т. 5. – Вып. 1.

11. Titov A.A. Gorod Lyubim i uprazdennnye obiteli v nem i ego uезде. – М.: Изд. И.А. Вахрамеева; тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. – С. 26.

12. SHlyapkin I.A. Древние русские кресты. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и нецерковной службы // Записки отд. русской и славянской археологии Имп. русского археологического о-ва. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. – С. 38.

13. CHernecova S.B. Redkie tipy derevenskih chasoven v Verhnem Povolzh'e // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2014. – Т. 20. – № 4. – С. 55–58.

14. YAshkina (Panchenko) V.B. K issledovaniyu kamennyh krestov Severnogo Povolhov'ya // Ladoga i religioznoe soznanie: materialy k chteniyam. – SPb.; Staraya Ladoga, 1997. – С. 67–72.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КРАСНОСЕЛЬСКОГО ЮВЕЛИРНОГО ПРОМЫСЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – КОНЦЕ XIX В.

В статье предпринята попытка в историческом, социокультурном и образовательном контекстах показать историю зарождения красносельского ювелирного промысла. Описаны эпохальные исторические этапы: зарождение промысла, его становление и прогресс, первые артели, зарождение ювелирного ученичества. Говорится о тесном соприкосновении костромского серебряного дела с Оружейной палатой, о купцах-меценатах, ювелирных выставках-продажах, которые принесли славу красносельскому промыслу по всей России и за рубежом.

Автор доказывает, что проследить зарождение и развитие ювелирного промысла можно только с помощью анализа исторической эпохи, социальных и экономических изменений и тесной связи ювелирного производства с обширным наследием народного декоративного искусства края.

Автор рассматривает материалы фондов Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, полный именной указатель красносельских клейм на серебряных изделиях, словарь и списки мастеров XVIII–XIX веков, упоминает работу красносельских мастеров в Оружейной палате по «позволятельным письмам», привлекает сведения о красносельском ювелирном промысле, относящиеся к периоду становления феодальных отношений и даже ко времени славянского язычества.

Ключевые слова: ювелирный промысел, народные традиции, кустарный промысел, серебряное дело, технология производства и оборудования кустарей, пробирочная палатка, художественно-ремесленная учебная мастерская.

Проследить зарождение и развитие серебряного и медного дела в селе Красное Костромской губернии XVII–XVIII веков можно только с помощью анализа исторической эпохи, социальных и экономических изменений и тесной связи ювелирного производства с обширным наследием народного декоративного искусства края.

В фондах Костромского историко-архитектурного музея-заповедника имеется полный именной указатель красносельских клейм на серебряных изделиях, словарь и списки красносельских мастеров XVIII–XIX веков.

Старинное село Красное-на-Волге известно своими мастерами-ювелирами, изготовлявшими женские украшения, предметы церковного культа и сервировки стола. Расположено оно в 35 км от Костромы, на высоком берегу Волги.

Первые подробные сведения о красносельском ювелирном промысле относятся к XIX веку: в 1859 году в «Костромских губернских ведомостях» опубликована статья «Село Красное» и в 1861 г. выходит книга Я. Крживолоцкого «Материалы для географии и статистики России» [6, с. 389]. В 1883 году вышла в свет статья А. Тилло «Кустарные и отхожие промыслы Костромской губернии» в сборнике «Труды кустарной комиссии» [10, с. 389]. Управляющий Пробирной палатой в селе Красное-на-Волге Н.Н. Корбицкий в статье «Кустарный промысел ювелирных изделий в Костромской губернии и его развитие» приводит ценные сведения об истории промысла и характере ювелирных изделий конца XIX – начала XX вв. [4, с. 34]. В книге М.М. Постниковой-Лосевой «Русское ювелирное искусство, его центры и мастера XVI–XIX века» (1974 г., раздел «Кострома») дана подробная характеристика красносельского ювелирного промысла [8, с. 233].

Дошедшие до наших дней документальные сведения о костромских мастерах относятся еще к XVI столетию – в 60-х годах этого века в писцовых книгах города Казани среди 20 серебряников упоминается имя «костромитянина» Рудака Борисова [7, с. 21]. Позднее в Москве, в Серебряной палате работал Михаил Савельев: «Серебряной палаты кормовой золотарь села Красного Костромского уезда. В 1684 году получил февраля 6-го дня 16 рублей за то, что золотил своими золотыми к государевым шляхам 122 места пряжек и наконечников и к тем же шляхам 2000 гвоздей» [12, с. 20].

Костромское серебряное дело тесно соприкасалось с деятельностью мастеров Оружейной палаты, и в то же время оно имело свой специфический художественный почерк. В начале XIX века 17 мастеров и торговцев из Красного и Сидоровского берут в Оружейной палате в Москве «позволятельные письма» для производства серебряных изделий и торговли ими, в списках упоминаются крестьянин дворцового села Сидоровского Сергей Михайлов, мастеровой человек села Красного Алексей Чулков, торговец Василий Степанов и др. [1, с. 78].

Костромские историки М.П. Рязановский и Е. Дебюк выдвинули две версии о зарождении красносельского ювелирного промысла. «В 1565 году, – писал М.П. Рязановский, – в Кострому были сосланы пленные немцы из Юрьева: есть основание думать, что они положили начало ювелирному промыслу в вотчине Годунова» [9, с. 119]. Е. Дебюк указывает: «Существует предположение, что основание известному ювелирному промыслу Красносельского района положено новгородской вольницей, бежавшей после покорения Пскова и Новгорода и селившейся на Волге» [3, с. 6]. Оба автора относят возникновение ювелирного производства ко второй половине XVI века

и ссылаются на внешние обстоятельства, подчеркивая первостепенную роль пришлых мастеров с Запада и Новгородской земли. Проведенные археологические исследования и исторические документы подтверждают, что истоки зарождения ювелирного производства в Красносельском районе относятся еще к периоду становления феодальных отношений в районе Верхнего Поволжья.

Наиболее ценным для изучения красносельского ювелирного промысла являются раскопки Дурасовского городища, расположенного в пяти километрах от с. Красного, проведенные в 1954 году сотрудником Московского государственного института материальной культуры Е.И. Горюновой совместно с работниками Костромского областного музея-заповедника. Примечательно, что не было обнаружено ни одного орудия, связанного с земледелием. Зато 19 предметов относились непосредственно к обработке металла: льячки, обломки от тиглей, чеканы, точильные камни и женские украшения. Таким образом, на основании данных археологических исследований и документов истоки зарождения ювелирного искусства в Красносельском районе следует искать не в переселении сюда в XVI веке иностранных специалистов, как это утверждали до сих пор некоторые исследователи. Очаги ремесленных поселений, в которых основным занятием была художественная обработка металлов, зарождались здесь в древнейшую эпоху.

В Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике хранится обширный материал археологических раскопок. На иллюстрациях показаны медные и серебряные украшения, найденные Ф.Д. Нефедовым в 1899 году во время раскопок мерянских захоронений [5]. В дневнике ученого указаны курганы, расположенные на берегах Волги недалеко от села Красное. Это сёла Коробово и Яковлевское, деревни Чернецово, Редтово и др.

Указанные вещественные памятники славянского язычества XI–XIII вв. свидетельствуют о том, что на костромской земле простые деревенские мастера мерянского племени изготавливали из бронзы и низкопробного серебра в технике литья разнообразные выразительные украшения: височные кольца и перстни, гривны и браслеты, подвески и кольца, рельефные, плоские и литые изображения зверей и птиц, пряжки, лунницы, серьги, бусы и другие предметы убранства женского и мужского костюма.

Творчество их было также связано с народным фольклором, поверьями, местными обычаями и праздниками. Поэтому, говоря о начале ювелирного народного промысла в конце XVII века, можно сказать, что оно основывается на старых традициях и бытовании подобных изделий в народе с древних времен. Постепенное расширение медного и серебряного производства в XVII–XVIII вв. в данном районе связано с важнейшими соци-

ально-экономическими факторами, укреплением товарно-денежных отношений, с естественными и историческими условиями.

Неблагоприятные условия, малопригодная и трудная для обработки почва костромского края не могла быть основным источником существования крестьянских семей. Всё это вынудило помещиков перевести крестьян на оброк, крестьяне начали заниматься медным и серебряным производством, находя в нем единственный путь, чтобы прокормить семью.

Изделия красносельских мастеров отличались ассортиментом вещей, который предназначался в основном для покупателя из простонародья. Говоря о тесной связи сельских мастеров с серебряниками города Костромы, следует иметь в виду, что первые специализировались прежде всего на выработке недорогих серебряных и медных мелких украшений с использованием малоценных камней из цветного стекла, таких как серьги, кольца штампованные и расписанные цветной эмалью, которые были рассчитаны на деревенского покупателя; вторые – посадские цеховые ремесленники – работали над созданием драгоценных предметов культа и посуды по заказу монастырей и богатого купечества. Вместе с тем из среды серебряников сел Красного и Сидоровского вышли талантливые мастера, которым в Костромском серебряном цехе доверялись самые ответственные заказы, их также приглашали для работы в Оружейную палату.

Бояре Годуновы, которым принадлежало село Красное, покровительствовали костромскому Ипатьевскому монастырю. Они направляли в Кострому своих изографов, книжных писцов, златокузнецов. Здесь они встречались с местными серебряниками. Вполне возможно, что некоторые из способных подмастерьев из крепостных направлялись на обучение в Москву в Оружейную палату. Сохранился ценный летописный документ о селе Красном: «...в 1688 году при царе Федоре Алексеевиче Красное было государево дворцовое село от реки Волги в полуверсте, в нем церковь Богоявления Господня, каменная, верх шатром, образы, книги и ризы, колокола и всякое церковное строение боярина Дмитрия Ивановича Годунова. В селе Красном таможня и государев кружечный двор, торговая площадь вдоль 62 сажени, торгуют в неделю один день в понедельник, да на площади судная изба... да четыре амбара сыплют государев десятинный хлеб для Московского откупа, да на площади же тюрьма, а в ней изба земляная. На торговой площади лавки и конки, и лавочные, и скамеечные места и амбары... Кузница Александра Григорьевича вдоль полторы сажени, поперек полторы сажени, а оброку пошлин семь алтын» [2, л. 246].

Основным ассортиментом красносельских ювелирных изделий, вырабатываемых в селах и деревнях Красносельской и Сидоровской волостей

в конце XVII – начале XVIII вв., были разнообразные женские украшения: серьги, кольца, пуговицы, запонки, большая часть которых изготавливалась из низкопробного серебра с цветными стёклами.

На протяжении XVIII–XIX столетий большинство технических операций по художественной обработке металла выполнялась вручную, паяльную лампу заменял обыкновенный чайник с фитилем, проволоку для цепочек протягивали на «вороте» (длинная узкая скамейка с горизонтальным вращающимся валом и «волоком» на другом конце). Самыми ходовыми инструментами были ручная дрель, «февка», паяльная трубка, штампы. Все это наложило определённый отпечаток на узкую специализацию в создании несложных по технике традиционных красносельских украшений, где наряду с положительными качествами в разработке простых, выразительных, привлекательных крестьянских вещей, исполненных на высоком уровне, можно было встретить и грубые, несовершенные предметы.

В конце XVIII века с расширением торговых связей с западно-европейскими странами, созданием благоприятных условий для получения материалов, большим притоком в Россию зарубежных серебряных монет и других вещей красноселы начинают выполнять оклады икон в технике чеканки.

Изделия красносельских ювелиров были связаны с серебряным цехом Костромской ремесленной управы. Цеховое устройство, введенное в России по указанию Петра I с целью объединения ремесленников по профессиям, предоставления им прав и привилегий на производство товаров и строгого контроля за качеством изделий, вводится в Костроме в 1787 году.

Костромские изографы, резчики, каменщики, ювелиры участвовали в создании многих архитектурно-декоративных ансамблей XVIII века в столичных и других крупных городах России. Господствующие в те годы в русской архитектуре стили барокко и классицизм наложили определённый отпечаток на костромские ризочеканные изделия. Следует отметить, что красносельские мастера, выполняя официальные заказы монастырей и церквей, вносили в свои работы черты реалистической трактовки образов людей, оживляли сцены, наблюдаемыми из окружающей жизни.

Победа в Отечественной войне 1812 года вызвала в России подъём культуры, в том числе в золотом и серебряном деле. Красносельские мастера продолжают выпуск недорогих женских украшений из серебра, других цветных металлов, а также предметов церковного культа – нательных крестиков, иконок, образков. Своеобразие ассортимента наложило определённый отпечаток на художественные изделия, ориентированные на своего социального заказчика из среды крестьянства и мелких городских ремесленников.

Крестьянское искусство всегда питало творчество красносёлов, которые обращались к орнаментальным мотивам и формам народной вышивки, кружевоплетения, набойки, декоративной резьбы по дереву. Не случайно в 1848 году поручик Воронцов-Вельяминов, объехав многие деревни и посёлки с целью составления географических карт губернии, указывал: «Кроме роговых значительных изделий с. Царского и ещё более важных серебряных и медных изделий, дешёвых, галантерейных товаров Сидоровского и Красного».

Крестьянский быт с его старинными обычаями, песнями и сказками наложил определённый отпечаток на художественную продукцию красносёлов. Это нашло отражение в лучших металлических украшениях, отмеченных непосредственно, национальным своеобразием и глубокой поэзией родной русской природы. Я. Крживоблоцкий писал в 1861 году: «Жители Костромского уезда с. Красного, работают: камни для риз на иконы, кресты, серьги, браслеты, шпильки и другие мелкие вещи, в Сидоровском – ризы на иконы по заказам и без заказов и точно такие же вещи, как и в Красном» [6, с. 370]. Из этого сообщения видно, что из наиболее ходовых и дешёвых женских ювелирных украшений, вырабатываемых красноселами, значительная доля падает на серьги, кольца, броши, цепочки и другие предметы, изготавливаемые из цветных металлов и украшенные искусственными камнями.

Мастера умели подчеркнуть красоту материала: блеск полированного серебра и позолоты, пестроту и яркость камней. Они выработали свой художественный приём создания недорогих украшений, отличающихся лаконичностью форм, привлекательностью цвета и фантазией автора. Их серьги-калачи, сердечки, броши-веточки, подвески-дульки, шарики, полушарики и др. ярко вписывались в яркий крестьянский сарафан.

Женские украшения – серьги, кольца, перстни – декорировались разноцветными камнями, большей частью цветными стёклами. В селе Красном и окрестных деревнях было широко налажено производство и огранка искусственных камней.

Самостоятельное производство камней не только разнообразило и обогащало изделия, но и делало их доступными для широких слоёв населения. Крупные торговцы привозили в село Красное и образцы западно-европейских украшений, которые копировались мастерами и продавались в магазинах Петербурга и Москвы как заграничные.

Красносельские мастера создали свой выразительный художественный язык недорогого металлического украшения. Попадая на многолюдную и пеструю Нижегородскую ярмарку, эти дешёвые украшения не терялись среди забавных вятских глиняных игрушек, народных расписных деревянных семёновских матрёшек, а, наоборот, в бойкой оживлённой торговле они сразу же нахо-

дили своего покупателя среди крестьянских и городских модниц.

Большое место в красносельском промысле занимало производство разнообразных цепочек. Крестьяне-кустари из деревень Аферково, Ваклино, Прискоково, Здемирово специализировались на этих изделиях. В зависимости от назначения цепочки составлялись из звеньев различных форм и размеров, замков разных конструкций. По виду звеньев цепочки имели названия: панцирные, петличные, для карманных часов, лампадные, для нагрудных крестов священников и др.

Кустарный отдел Костромской уездной земской управы 10–12 марта 1893 года подготовил доклад «Об учреждении рисовального класса при Красносельской земской школе». В нём говорилось о насущной необходимости художественного воспитания и профессионального образования детей кустарей-серебряников. Одновременно ставился вопрос перед губернской земской управой выйти с ходатайством перед правительством о выделении необходимых средств на оборудование этого учебного заведения. В декабре 1893 года губернская земская управа направляет в Министерство просвещения прошение об открытии классов технического рисования при Красносельской начальной народной школе. 18 ноября Государственный совет постановил начиная с 1 января 1897 года выделять в течение 5 лет по 850 рублей в год на приобретение учебных пособий и содержание классов технического рисования в селе Красном. Было принято решение передать классы в подчинение Министерству финансов. В департаменте торговли мануфактур было разработано положение о классах, дирекция Строгановского училища технического рисования выслала в Красное наглядные пособия, а на должность преподавателя специальных дисциплин направила своего выпускника Сергея Григорьевича Монастырского. Одиннадцать детей начали учебу 12 марта 1897 года. Это были подростки из среднеобеспеченных слоев местного населения. Целью устройства класса было развитие художественного вкуса кустарей. Вначале в нем были только уроки рисования, позднее вводится лепка и практические занятия по некоторым специальностям промысла.

В 1904 году классы были реорганизованы в художественно-ремесленную мастерскую золотосеребряного дела. С первых же лет основания она становится, благодаря поддержке представителей передовой интеллигенции, а также помощи со стороны Центрального училища барона Штиглица и Костромского губернского земства, образцовым и благоустроенным учебным заведением [11, с. 3]. В селе Красном сооружается двухэтажное каменное здание, построенное специально по проекту архитектора А.Н. Бенуа, с производственными мастерскими и ценным оборудованием, светлыми,

просторными кабинетами рисования, живописи и скульптуры.

В уставе художественно-ремесленной учебной мастерской золотосеребряного дела в селе Большом Красном Костромской губернии, утвержденном Министерством финансов в мае 1904 года, говорилось: «Художественно-ремесленная учебная мастерская золотосеребряного дела... имеет целью сообщать обучающимся в ней художественные познания и технические приёмы, необходимые для мастера по золотосеребряному делу» [11, с. 3]. При мастерской рекомендовалось открыть вечерние и воскресные классы рисования и лепки для взрослых.

Сюда стали обращаться кустари за всевозможными советами и заказами на штампы. Для изготовления художественных образцов мастерская предоставляла своё помещение группе окончивших школу и оставшихся в промысле подмастерьев в количестве 15 человек для производства изделий на продажу. Позднее, в 1912 году, из числа этих воспитанников организуется художественно-ремесленная артель.

Костромское губернское земство принимает меры, направленные на улучшение финансовой помощи кустарям и артелям, снабжение их дешёвыми материалами, организацию сбыта изделий. В 1908 году при губернском земстве открывается склад кустарных изделий, и в 1910 году издаётся брошюра «Кустарные промыслы Костромской губернии».

Руководители учебной мастерской и художественной артели провели большую работу, чтобы расширить кругозор кустарей, приобщить их к искусству, дать им прочные знания и профессиональные навыки в сфере овладения приёмами художественной обработки металлов. Им принадлежит большая заслуга внедрения в производство традиционных техник эмали, скани и художественного литья.

В декабре 1914 года и в Иваново-Вознесенске прошла художественно-промышленная выставка, в которой приняли участие мастера художественно-ремесленной мастерской и артели села Красного Костромской губернии. В обзоре выставки говорилось: «Оригинальные художественные изделия учащихся из серебра с эмалью, медью и прочего металла представлены были в виде различных цепей, запонок, брелоков, медальонов, браслетов, спичечниц, подвесок, карманных зеркал, солонок, коробок, ножей, пепельниц, стаканчиков, подстаканников, статуэток и прочих изделий». Мелкие и более дешёвые изделия учащихся охотно покупались посетителями, и уполномоченным по выставке пришлось обращаться в учебную мастерскую с запросом о пополнении экспонатов присылкой наиболее востребованных из них.

Хотелось бы отметить, что исторические вехи села Красного связаны не только с именем его владельца – друга А.С. Пушкина князя Петра Анд-

реевича Вяземского (1792–1878), русского поэта и литературного критика, но и другими известными деятелями науки и искусства: «Бирюков Павел Иванович, уроженец села Ильинское Семеновской волости Костромского уезда, писатель, общественный деятель, один из друзей Л.Н. Толстого, его последователь и биограф».

П.Н. Бирюков был одним из инициаторов открытия в Красном специального учебного заведения – классов технического рисования – для обучения ювелирному искусству детей кустарей-серебряников.

Позднее, в 1907–1908 году, занимая должность заведующего отделом народного образования Костромской губернии, он был попечителем художественно-ремесленной учебной мастерской. Ученики хорошо знали и любили Павла Ивановича, во время его приезда в мастерские занятия прекращались и все, заслышав знакомый бас, бежали его встречать. В музее и библиотеке Красносельского училища художественной обработки металлов сохранились ценные вещи, пособия и книги, привезенные из Швейцарии П.И. Бирюковым. Художественная ремесленная учебная мастерская впоследствии переродится в Красносельское училище художественной обработки металлов.

Наблюдая яркую целостную картину богатейшего культурного наследия красносельского ювелирного промысла, раскрывая социальные и экономические факторы его становления и развития, можно сказать, что благодаря государственной поддержке, стараниям меценатов и купцов промысел развивался, имел множество учеников и последователей, становившихся большими мастерами, принесшими славу России.

Библиографический список

1. Гольдберг Т.Г., Постникова-Лосева М.М. Клеймление серебряных изделий в XVII – начале XVIII вв.: (К истории серебряного дела в России): Указатель русских клейм на серебре до 1710 г. // Труды Государственного исторического музея. – М., 1941. – Вып. 13: сб. статей по истории материальной культуры XVI–XIX вв. – 252 с.
2. Государственный архив Костромской области. – Ф. 133. – Оп. 8. – Ед. хр. 21. – Л. 1, 152.
3. Дебюк Е. Обработывающая промышленность костромского края в его прошлом // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. – Кострома, 1924. – Вып. 23. – 9 с.
4. Корбицкий Н.Н. Кустарный промысел ювелирных изделий в Костромской губернии и его развитие. – Кострома, 1913. – 40 с.
5. Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. – СПб.: Тип. Теблена и К., 1861. – 668 с.
6. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: публ. текста / Казан. гос. ун-т

им. В.И. Ульянова-Ленина; сост. Р.Н. Степанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 240 с.

7. Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство. Его центры и мастера, XVI–XIX вв. – М.: Наука, 1974. – 374 с.

8. Рязановский Ф. Памятники искусства и старины: Прошлое и настоящее Костромского края / Костромской губ. исполнит. комитет. – Кострома: Типо-лит. «Северная правда», 1926. – 430 с.

9. Тилло А.А. Кустарные и отхожие промыслы Костромской губернии. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1883.

10. Устав художественно-ремесленной мастерской золото-серебряного дела в с. Большом Красном Костромской губернии. – Кострома, 1904. – 40 с.

11. Шапошников В.И. Красносельские ювелиры. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1969. – 64 с.

References

1. Gol'dberg T.G., Postnikova-Loseva M.M. Klejmlenie serebryanyh izdelij v XVII – nachale XVIII vv.: (K istorii serebryanogo dela v Rossii): Ukazatel' russkih klejmn na serebre do 1710 g. // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. – M., 1941. – Vyp. 13: sb. statej po istorii material'noj kul'tury XVI–XIX vv. – 252 s.
2. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti. – F. 133. – Op. 8. – Ed. hr. 21. – L. 1, 152.
3. Debyuk E. Obrabatyvayushchaya promyshlennost' kostromskogo kraja v ego proshlom // Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja. – Kostroma, 1924. – Vyp. 23. – 9 s.
4. Korbickij N.N. Kustarnyj promysel yuvelirnyh izdelij v Kostromskoj gubernii i ego razvitie. – Kostroma, 1913. – 40 s.
5. Krzhivoblockij YA. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Kostromskaya guberniya. – SPb.: Tip. Teblena i K., 1861. – 668 s.
6. Pисcovaya kniga Kazanskogo uezda 1602–1603 godov: publ. teksta / Kazan. gos. un-t im. V.I. Ul'yanova-Lenina; sost. R.N. Stepanov. – Kazan': Izd-vo Kazan.un-ta, 1978. – 240 s.
7. Postnikova-Loseva M.M. Russkoe yuvelirnoe iskusstvo. Ego centry i мастера, XVI–XIX vv. – M.: Nauka, 1974. – 374 s.
8. Ryazanovskij F. Pamyatniki iskusstva i stariny: Proshloe i nastoyashchee Kostromskogo kraja / Kostromskoj губ. ispolnit. komitet. – Kostroma: Tipolit. «Severnaya pravda», 1926. – 430 s.
9. Tillo A.A. Kustarnye i othozhie promysly Kostromskoj gubernii. – SPb.: Tip. V.F. Kirshbauma, 1883.
10. Ustav hudozhestvenno-remeslennoj masterskoj zoloto-serebryanogo dela v s. Bol'shom Krasnom Kostromskoj gubernii. – Kostroma, 1904. – 40 s.
11. SHaposhnikov V.I. Krasnosel'skie yuveliry. – YArosavl': Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1969. – 64 s.

ОПЫТ УЧАСТИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ЖЕНЩИН В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СРАЖЕНИЯХ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуются вопросы, связанные с участием дагестанских женщин в военных сражениях Кавказской войны. Изучение источников позволило выявить, что женщины принимали непосредственное участие в оборонительных сражениях во время осады Гимры, Ашильта, Аргвани, Ахульго, Телетля, Гергебиля, Хунзах, Салта, Чох, Гуниб. Руководствуясь объективными причинами, имам Шамиль и его сторонники нередко отступали от исламских догм. Крупные боевые потери горцев вынудили Шамиля инициировать участие женщин в сражениях, издав специальный указ, разрешающий тем из них, которые были вооружены, принимать участие в оборонительных сражениях. В осажденных аулах женщины не только проявляли стойкость и мужество, оказывая яростное сопротивление врагу, но и морально воздействовали на мужчин. Несмотря на то, что война была исключительно мужским занятием, объективные условия, вызванные военной обстановкой, способствовали непосредственному участию женщин в оборонительных сражениях.

Ключевые слова: Кавказская война, Дагестан, женщина, женский патриотизм, оборонительные сражения, осада аулов, вооруженные женщины.

Отражением духовно-нравственного состояния дагестанского общества в период многолетней Кавказской войны стал неимоверный женский патриотизм, который проявился при обороне осажденных горских аулов. Руководствуясь патриотическими мотивами, женщины наравне с мужчинами самоотверженно защищали аулы во время осады, нередко превосходя в героизме своих мужей. Проявив способность переносить все тяготы осады, они стали символом неимоверной стойкости и жертвенности.

В трудах дореволюционных исследователей, непосредственных участников и свидетелей Кавказской войны: Л.А. Богуславского [2], Д.И. Романовского [8], Д.М. Милютин [7], Я.И. Костенецкого [5], М.Н. Чичаговой [9], Д. Баддели [4], С.Н. Шульгина [10] и др. – нашла отражение тема участия женщин-горянок в обороне осажденных аулов Гимры, Ашильта, Аргвани, Ахульго, Телетля, Гергебиля, Хунзаха, Салта, Чоха, Ведено, Гуниба и др.

Нередко месяцы уходили на покорение самого маленького аула, который становился неприступной крепостью в силу его расположения. Как известно, жители Дагестана, выбирая место для своих аулов, исходили прежде всего из соображений безопасности и обороноспособности, поэтому обычно строили свои поселения на возвышенности среди неприступных скал, чтобы обезопасить себя от внезапных атак врагов [7, с. 47].

Рассматривая некоторые аспекты участия женщин в военных событиях Кавказской войны, авторы не преминули отметить многочисленные факты мужества и самоотверженности женщин-горянок, проявленные ими в сражениях. В частности, Л.И. Богуславский в «Истории Апшеронского полка» пишет об этом следующее: «Горцы сражались с необыкновенным ожесточением: засев в саклях, они погибали под их развалинами и под разрушающи-

мися завалами, но не оставляли места; женщины – и те не оставались без дела: одни из них, переодетые в мужскую одежду, принимали самое деятельное участие в битве; другие же, чтобы воодушевить своих мужей и родственников, выводили маленьких детей под самый сильный огонь и тем удерживали более робких от желания бежать» [2, с. 507].

Участник Кавказской войны Д.И. Романовский также с восхищением писал о героизме дагестанских женщин, отмечая, что «они весьма редко сдаются в плен, оказывают отчаянное сопротивление, случалось, что даже женщины бросались в бой с пистолетами и кинжалами» [8, с. 236].

Одно из кровопролитных сражений Кавказской войны, безусловно, битва при Ахульго. Взятие Ахульго – оплота власти имама Шамиля – для императора Николая I было делом принципиальным, о чем свидетельствует его письмо генералу Е.А. Головину: «Покорение и усмирение Горного Дагестана... равно необходимо, ибо без онаго ни покоя, ни верного владычества иметь на Кавказе не можем» [4, с. 4].

Военная операция тщательно готовилась под командованием генерал-лейтенанта П.Х. Граббе. На пути к Ахульго стояли небольшие неприступные горные аулы Аргвани и Ашильта, которые, несмотря на малочисленность и неравные силы, самоотверженно защищали их жители.

Военный историк, участник военной кампании 1839 года Д.М. Милютин, указывая на необходимость покорения Ахульго любыми средствами, пишет: «...чтобы достигнуть этой окончательной победы – необходимо было, так сказать, подготовить и облегчить ее нанесением поражения горцам везде, где только можно было встретить их скопища. Как бы не были, по всей вероятности, кровопролитны эти встречи...» [7, с. 47].

Первый удар взял на себя хорошо укрепленный аул Аргвани, от штурма которого, по мнению

Д.М. Милютин, зависел «успех всей экспедиции» [7, с. 57]. Вместе с тем Д.М. Милютин отмечает неприступность и благоприятное расположение аула, подчеркивая, что «Каждая сакля может служить блокгаузом, каждый квартал – цитаделью» [7, с. 62]. Несмотря на ожесточенное сопротивление, неприступный аул Аргвани пал через три дня осады, а его жертвами стали более 500 жителей аула, среди которых большая часть – женщины, дети и старики [7, с. 65].

О защитниках аула Ашильта пишет в своих воспоминаниях Я.И. Костенецкий, участник Кавказской войны, адъютант генерала П.Х. Граббе, принимавший непосредственное участие в штурме аула. Автор, подчеркивая героизм и самоотверженность горняков, пишет: «Вы знаете, чего нам стоило овладеть каждой террасой, и когда мы поднялись уже почти до середины, вдруг в стороне, между густым виноградником, мелькнула какая-то странная фигура. Я бросился туда – и что же вижу! Молоденькая, прелестной наружности девушка, как безумная, стояла и держала на плечах своих окровавленный труп юноши. Едва увидела меня, она выхватила кинжал и стала в своем грозном положении... Я посмотрел вниз и увидел, что несколько солдат напали на девушку, вышедшую на чистое место. Она придерживала одной рукой труп, другой с остервенением защищалась... Труп все ниже и ниже, она ловит его руками, но тщетно... вот он на краю пропасти, вот полетел в бездну, и несчастная туда же за ним бросилась... Она схватила его в воздухе и навеки скрылась с ним на дне пропасти» [5].

Спустя три месяца, после ожесточенной осады, пал аул Ахульго, что стало переломным моментом в истории Кавказской войны. Аул стал неприступной крепостью, где, по словам Д.А. Милютина, «каждую саклю, каждую пещеру войска должны были брать оружием. Горцы, несмотря на неминуемую гибель, ни за что не хотели сдаваться и защищались с наступлением» [7, с. 118].

Мужество женщин Ахульго, доведенных до отчаяния, их саможертвенность на пути к неминуемой смерти так впечатляют генерала Милютина, что он пишет такие строки: «Даже женщины оборонялись с иступлением... с камнем или кинжалом в руках бросались на штыки или с отчаянием бросались в пропасть, на верную смерть. Трудно изобразить все сцены этого ужасного, фантастического боя: матери собственными руками убивали своих детей, чтобы только не доставались они русским, целыми семьями погибали под развалинами» [7, с. 117–119].

Генерал Граббе, командующий войсками при штурме Ахульго, отмечая, с каким иступлением обороняли неприступный аул женщины, писал заместителю Кавказа Ф.А. Головину в письме от 24 августа 1839 года: «Бой был ужасный: даже женщины принимали в нём деятельное участие,

малые дети кидали камень на штурмующие войска. Матери с детьми своими бросались в кручу, чтоб не попасть в плен, и целые семейства были живыми погребены под развалинами сакль своих, но не сдавались» [1, с. 334].

Покоренный Ахульго, где практически не осталось жителей, представлял собой страшную картину, но даже в этих условиях оставшиеся в живых жители аула показывали пример бесстрашия и непреклонной воли, о чем пишет Д.А. Милютин: «Насчитано было свыше 1000 неприятельских трупов; большое число их несло по реке. В плен взято до 900 человек, большею частью женщин, детей и стариков, и те, несмотря на свое изнурение и раны, еще в плену покушались на самые отчаянные предприятия. Некоторые из них, собрав последние силы свои, выхватывали штыки у часовых и бросались на них, предпочитая смерть унижительному плену» [7, с. 119].

Катастрофическая нехватка боеспособных мужчин, вызванная большими потерями среди мужского населения имамата, вынудила Шамиля инициировать привлечение женщин в военные сражения. Был издан специальный указ, согласно которому «всякая женщина должна иметь пику с железным наконечником и в случае надобности сражаться вместе с мужчинами» [3, с. 386]. Безусловно, на эти меры Шамиль был вынужден пойти в силу объективных причин, но вопреки шариатским нормам.

Общество спокойно реагировало на женщин, которые появлялись в осажденных аулах в военных доспехах и переодетыми в мужские одежды. «Эти героини, переодетые в мужские платья, – писала М.Н. Чичагова, отмечая участие вооруженных женщин во время осады Ахульго, – сами упорно дрались в передовых укреплениях, ничем не уступая мужчинам» [9, с. 58].

Последний оплот Шамиля Гуниб также стал примером героизма и самоотверженности горцев, где оборону аула против 40-тысячной армии генерала А.И. Барятинского вместе со своими мужьями держали и женщины.

По сведениям Д. Баддели, только при попытке сдержать натиск Апшеронского полка погибли «300 женщин, которые сражались не менее яростно, чем их мужья и братья» [4, с. 181].

Интересны сведения С.Н. Шульгина, которые автор записал со слов одного из сподвижников имама Шамиля Сейида Абдурахима, согласно которым среди защитников Гуниба встречались вооруженные женщины. Женщина по имени Зайнаб, татарка по национальности, «ходила с обнаженной шашкой по улицам аула и возбуждала мужчин к бою» [10, с. 14].

Кроме того, сам Шамиль, давая оценку поведению женщин во время сражений, отмечал, что на поле боя женщины ничем не уступают мужчинам, а нередко и превосходят последних.

Интересный материал содержится в работе английской писательницы Лесли Бланч «Сабли рая», где она приводит впечатления от балета об амазонках, увиденного имамом Шамилем после пленения в Санкт-Петербурге. «Амазонки напоминали ему женщин, защищавших Ахульго, Паху-Бике, выступившую против него в Хунзахе с мечом в руках. Наверно, он вспомнил Дарго, Гимри, Гуниб и свое поражение. На вопрос Богословского «Как сражались амазонки на сцене?» Шамиль ответил с иронией: «Если бы был у меня полк таких амазонок, Гуниб не пал бы» [6, с. 99].

Таким образом, можно говорить о патриотизме и мужестве дагестанских женщин, которые принимали непосредственное участие в оборонительных сражениях против регулярной армии. В осажденных аулах на протяжении длительной осады, которая нередко продолжалась несколько долгих месяцев, женщины не только стойко переносили тяготы осады, но и являлись мощным психологическим фактором в поддержке морального духа мужчин.

Самоотверженность женщин была настолько высока, что позору пленения они мужественно предпочитали смерть. В случае неминуемого плена они гибли в самых жестоких схватках или бросались в пропасть со скал вместе со своими детьми, став символом неимоверной стойкости и жертвенности.

Библиографический список

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. – Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1884. – 1013 с.
2. *Богуславский Л.А.* История Апшеронского полка. 1700–1892 гг. Т. 1. – СПб., 1892. – 518 с.
3. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. – М., 1994. – 592 с.
4. *Баддели Д.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. – М.: Центрполиграф, 2011. – 187 с.
5. *Костенецкий Я.И.* Записки об аварской экспедиции на Кавказ 1837 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Kostenecki>.

6. *Бланч Лесли.* Сабли рая. – Махачкала, 1991. – 140 с.

7. *Милютин Д.М.* Описание военных событий в Северном Дагестане в 1839 году. – СПб., 1850. – 153 с.

8. *Романовский Д.И.* Кавказ и Кавказская война. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1860. – 460 с.

9. *Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России: биографический очерк. – СПб.: Тип. С. Муллер и И. Богельман, 1889. – 208 с.

10. *Шульгин С.Н.* Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. – Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1910. – 36 с.

References

1. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej. T. 9. – Tiflis: Tipografiya kancelarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoj chast'yu na Kavkaze, 1884. – 1013 s.
2. Boguslavskij L.A. Istoriya Apsheronского полка. 1700–1892 gg. T. 1. – SPb., 1892. – 518 s.
3. Blijev M.M., Degoev V.V. Kavkazskaya vojna. – M., 1994. – 592 s.
4. Baddeli D. Zavoevanie Kavkaza russkimi. 1720–1860. – M.: Centrpoligraf, 2011. – 187 s.
5. Kosteneckij YA.I. Zapiski ob avarskoj ehkspedicii na Kavkaz 1837 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Kostenecki>.
6. Blanch Lesli. Sabli raya. – Mahachkala, 1991. – 140 s.
7. Milyutin D.M. Opisanie voennyh sobytij v Severnom Dagestane v 1839 godu. – SPb., 1850. – 153 s.
8. Romanovskij D.I. Kavkaz i Kavkazskaya vojna. – SPb.: Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1860. – 460 s.
9. Shchagova M.N. SHamil' na Kavkaze i v Rossii: biograficheskij ocherk. – SPb.: Tip. S. Muller i I. Bogel'man, 1889. – 208 s.
10. SHul'gin S.N. Iz dagestanskih predanij o SHamile i ego spodvizhnikah. – Tiflis: Tip. K.P. Kozlovskogo, 1910. – 36 s.

Коваль Сергей Петровичкандидат исторических наук
Ивановский государственный университет
petrovitsch17@mail.ru**Коноваленко Петр Никифорович**кандидат педагогических наук, доцент
Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Иваново
firemankpn@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА НА РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

В статье анализируются итоги проведения судебной реформы 1864 года в России. Выявлено противоречие принципов и институтов Судебных уставов 1864 года сущности самодержавия. Исследованы взгляды, мнения о содержании судебных преобразований во второй половине XIX века в России. Особое внимание в статье уделено конституционному характеру данных преобразований. Авторы исследуют процесс проведения судебной реформы в России, приходят к выводу о том, что понимание принципов и институтов судебных преобразований обязательно должно сопровождаться анализом практики их применения. Судебная реформа 1864 года привлекает пристальное внимание историков права, юристов. В статье делается вывод о том, что судебные преобразования 1864 года необходимо рассматривать в связи с политикой российского самодержавия, а новые суды – в соответствии с существовавшими в тот период другими государственными институтами.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 года, Судебные уставы 1864 года, судебные преобразования, вторая половина XIX века, российское самодержавие, конституционализм, судебная контрреформа, российская государственность.

Более 150 лет, прошедшие с момента принятия Судебных уставов 20 ноября 1864 года, заставляют обратиться к истории судебной реформы императора Александра II, проанализировать ее удачные моменты и просчеты, оценить ее последствия и извлечь необходимые уроки. Практика и опыт судебной реформы, которая была проведена в России во второй половине XIX в. конкретно показывают, как с помощью серьезных преобразований в области правосудия можно изменить состояние общества. Принципы и институты, практика, которые внедрялись в других странах путем принятия конституций, в российскую правовую реальность вошли с принятием Судебных уставов 1864 г., которые нормативно закрепили феномен прогрессивного судопроизводства при сохранении самодержавного строя.

Судебные преобразования 1864 г. были направлены на создание в России новых принципов и институтов правосудия и вместе с тем затронули все важнейшие сферы жизни страны. В Судебных уставах 1864 г. был нормативно закреплён принцип официального равенства всех российских подданных перед законом и судом. Серьезный удар был нанесен основным принципам сословного строя с его привилегиями и ограничениями, определявшими содержание отношений в российском обществе.

Посредством введения принципов несменяемости и независимости судей в жизнь российского общества внедрялось разделение властей, с перспективами автономного выделения судебной власти. Объявляя состязательность, гласность, устность судопроизводства, право подсудимого на защиту и право быть судимым присяжными заседателями, Судебные уставы переводили общественные

отношения в стране в новую плоскость, гарантируя защиту прав собственности по гражданским делам и прав личности по уголовным делам. Проведенный анализ содержания Судебных уставов 1864 года позволяет высоко оценить юридические принципы и институты данной реформы.

Правосудие в России в период реализации Судебных уставов 1864 года стало значительно удобнее и дешевле для населения. Удалось ликвидировать практику многолетнего «волочения» дел и наладить их оперативное рассмотрение. Это подтверждает огромный рост количества дел, поступавших в новые суды. Люди поверили новым судам и стали обращаться к ним за помощью. Однако в деятельности пореформенных судов было много проблем. Периодически приходилось встречать попытки противодействия судебной реформе со стороны полиции и администрации, не всегда соблюдался принцип независимости.

На процесс реализации судебной реформы оказали влияние ряд факторов. Сказывалась общая отсталость России в экономическом и социальном плане. В частности, это проявлялось в слабом развитии путей сообщения. Не было достаточного количества образованных людей, поэтому не могло быстро появиться нужное количество образованных и юридически грамотных присяжных поверенных и судей. Новая судебная система была рассчитана на более современную политическую систему, чем та, при которой вводилась.

Однако в целом судебная реформа достигла своей цели: она кардинально изменила систему судов. Несмотря на нехватку мировых судей, мировая юстиция была ближе к населению, чем до реформенные суды. Судопроизводство стало значительно дешевле для населения, хотя и требовало

от него определенных затрат. Производство дел велось гораздо быстрее, чем до реформы, появилась возможность получить юридическую помощь, которая ранее не существовала вообще. Судебная реформа 1864 г. создала такую машину правосудия, к помощи которой имело смысл обращаться для защиты своих интересов.

Судебная реформа 1864 г. поддерживала развитие юридического образования и дала сильный толчок формированию в России самостоятельной и независимой профессиональной ассоциации юристов.

Судебная реформа Александра II, заложенные в ее основу институты судостройства и судопроизводства всегда привлекали внимание исследователей истории российского права. По отзывам многих авторов, судебная реформа была наиболее прогрессивной в ряду преобразований, проведенных правительством Александра II. Данную позицию разделяли и советские исследователи истории государства и права. Скрупулёзное исследование истории судебных преобразований 1864 г. предпринял в советский период Б.В. Веленский. Но, к сожалению, это исследование было несвободно от сложившихся шаблонов советского мышления. Судебное переустройство самодержавного государства рассматривалось в нем в связи с борьбой революционно-демократического движения против господствующего класса [1, с. 11–15]. Особо интересны исследования судебной реформы М.Г. Коротких. Причины реформ он видит в кризисе «верхов», которые осознали необходимость перемен, а не в революционном движении демократического лагеря [3, с. 20–23].

В постсоветский период произошел всплеск интереса к судебным преобразованиям второй половины XIX века. Понятно стремление авторов не только изучить институты судостройства и судопроизводства, но также использовать опыт судебных преобразований для потребностей судебной реформы 90-х годов XX века. Было положено начало процессу возвращения в Россию основных принципов и институтов Судебных уставов 1864 года – независимости и несменяемости судей, мировой юстиции, апелляционного пересмотра судебных решений, корпоративной организации суда и адвокатуры.

На сегодня в историко-правовой науке не получено конкретного ответа на вопросы, связанные с содержанием судебной реформы 1864 года. Ставим конкретные вопросы, которые требуют глубокого изучения. Почему российское самодержавие пошло на проведение столь прогрессивной и радикальной судебной реформы? Каковы характер и степень влияния либеральной судебной реформы 1864 года на устои жизни и правовую культуру российского общества? Как нормативно-правовое содержание судебных уставов соотносится с практикой их применения?

По воспоминаниям государственного секретаря А.А. Половцова, император Александр II, оценивая результаты предшествующего царствования, считал, что Судебные уставы 1864 года «были утверждены покойным государем по настоянию лиц, желавших навязать ему конституцию, к которой это и был первый шаг» [8, с. 229].

Следует обратить внимание на конституционный характер положенных в основу судебной реформы принципов и институтов. Реалистичным представляется замысел императора Александра II – поэтапное внедрение конституционных начал в российское право, общество и государство.

Досоветская историография обращала внимание на конституционный характер преобразований во второй половине XIX века. По мнению В. Фукса, «в новом суде подозревали не только гарантию правильности решения гражданских и уголовных дел, но и могущественное орудие против произвола полиции, против посягательства администрации на личную свободу граждан, своего рода политический *habeas corpus* – исходную точку в недалеком будущем целого арсенала конституционных порядков» [9, с. 23].

В советской историографии идеи конституционализма не связывались с положениями Судебных уставов 1864 года, потому что общая установка состояла в обосновании ограниченного характера реформы. Однако в то время значительная часть исследователей обращает внимание на связь, существующую между содержанием Судебных уставов Александра II и конституционализмом.

Замысел постепенного перехода России на путь конституционализма, начиная с реформ второй половины XIX века, кажется вполне обоснованным, как и представления об ограниченном реформаторском потенциале самодержавия. Царский режим способен был модернизировать устои общественной и государственной жизни России до определенного предела, пока не встанет вопрос об упразднении самодержавного строя в России.

При детальном исследовании итогов всех преобразований Александра II мы проследили взаимосвязь и взаимную обусловленность реформ: крестьянской, земской, городской, полицейской, судебной, военной. Взаимосвязь судебной реформы с освобождением крестьян и земельной реформой проявилась в выборном элементе мирового суда с преобладанием крестьянства среди присяжных заседателей. Взаимодействие с реформой местного самоуправления проявилось в активном участии земств при формировании мировой юстиции. Нельзя не отметить острую борьбу за содержание Судебных уставов в окружении императора Александра II, сторонников «русских исторических» (русских традиций) и «общечеловеческих» (западных) начал.

Исследуя процесс проведения судебных преобразований во второй половине XIX века в России,

предполагаем, что окружение Александра II утратило способность «самосохранения», проводя столь радикальную судебную реформу. В период подготовки и принятия Судебных уставов император и его окружение, занятые мыслями о том, как сохранить существующую форму правления, скорее всего, недооценили роль суда в обществе и государстве, пойдя на столь радикальную его модернизацию.

Суды в России до судебных преобразований 1864 года – это всего лишь часть государственного аппарата, которая ничем не отличалась от других его звеньев. Можно предположить, что ни Александр II, ни авторы судебной реформы вначале не усматривали в новых судах угрозы для формы правления и режима, существовавших в России.

Новые суды появились по времени с подъемом в России революционного движения народников, у которых мирная тактика перешла в террор. С начала 1870-х годов в пореформенных судах шли масштабные политические процессы. Подсудимыми оказывались противники режима. Подсудимые и их защитники активно использовали конституционные по своей сути принципы и институты судостроительства и судопроизводства. Позиции адвокатов в политических процессах, их тактика и стратегия защиты строились не столько на оправдывающих подсудимых доказательствах, сколько на обличении существующего в стране режима. Власть, включая императора, не могла этому достойно воспрепятствовать [2, с. 10].

Во время проведения судебной реформы сложилась проблема, когда суд, опережая в своем развитии другие государственные институты самодержавия, вступил с ними в противоречие. Судебными уставами 1864 г. провозглашены независимость суда от администрации и несменяемость судей, подчинение их только закону. Это фактически означало, что император Александр II по собственной воле ограничил свои прерогативы и добровольно отдал часть своих полномочий судам и судьям. Одновременно своих полномочий в сфере суда лишалась вся государственная администрация. Поэтому со второй половины XIX в. следует вести речь об ограничении абсолютизма в России. Судебная реформа явилась «инородным телом» в организме российского самодержавия.

Русский государственный деятель и правовед К.П. Победоносцев, который активно участвовал в подготовке Судебных уставов 1864 года, а потом стал главным теоретиком политики контрреформ, проводимой правительством Александра III, позднее говорил о новом суде следующее: «Такой суд не может быть опорой государства» [6, т. 1, с. 68]. Н.В. Муравьев (министр юстиции с 1894 г.) считал, что принципы и институты судебной реформы второй половины XIX века не соответствовали особенностям государственного и общественного быта России: «Одежда не по меркам» [10, с. 201].

В воспоминаниях К.П. Победоносцева можно найти высказывание о том, что для России «конституция была менее преждевременна, нежели суд присяжных» [7, т. 1, с. 226].

Судебная реформа 1864 г., по мнению многих исследователей истории права, считается самой радикальной реформой из всех когда-либо имевших место в России. Судебная реформа 1864 г. соответствовала лучшим западным образцам. Новая судебная система оказалась элементом другой политической и экономической среды. Такие российские реалии, как отсталость в развитии и метания между политическими приоритетами вступали в противоречие с либеральным духом реформы. Внедрение этого нового элемента в государственный механизм значительно способствовало ускорению развития страны в целом. Если бы Россия развивалась дальше по пути реформ, скорее всего, были бы модернизированы другие государственно-правовые институты самодержавия, и суд со временем стал бы органично выступать как один из элементов государственного механизма. Однако развития других государственных институтов самодержавия по пути построения конституционной монархии во второй половине XIX в. не произошло.

Судебная реформа, успешно начатая Александром II и его окружением, постепенно перестала быть им подконтрольна. Некоторые известные люди, выступая в начале реформы её сторонниками, затем постепенно превратились в её ярых противников (К.П. Победоносцев, М.Н. Катков). Правительство вынуждено было вслед за изданием Судебных уставов 1864 г. перейти на путь их исправления (провести судебную контрреформу).

Оценивая результаты судебной реформы, сопоставляя их с суждениями государственных чиновников о целостности государственного механизма России, мы приходим к выводу о том, что организаторы судебных преобразований, успешно начав процесс реформирования, не должны были останавливаться на половине пути. Начиная реформу, ее нужно продолжать, продвигать дальше. Преобразователям судостроительства и судопроизводства в России необходимо было оставаться последовательными в осуществлении начатых реформ.

Реализация судебной реформы в России показала, что если в государстве не создано условий для существования самостоятельного и независимого суда, то исполнительная власть может всегда взять верх над властью судебной.

Незадолго до гибели императора Александра II в обществе распространились вести о том, что скоро будет обнародован акт верховной власти, по которому России будет дарована конституция. Основанием распространения слухов послужили подготовка и обсуждение в государственной администрации проекта М.Т. Лорис-Меликова. После вступления на престол Александра III все ждали, что политика го-

сударства будет направлена на продолжение судебных преобразований. Однако правительство решило повернуть в сторону контрреформы.

Преобразования Судебных уставов в период 1880-х годов носили последовательный, систематический характер (в отличие от преобразований 1870-х годов), нейтрализуя один за другим принципы и институты судоустройства и судопроизводства в России. По данным Министерства юстиции, к концу XIX века в Судебные уставы было внесено порядка 700 дополнений, изменений и поправок [5, т. 2, с. 23].

В 1894 году в политике российского правительства наблюдались два противоположных направления. Первое направление являлось производным от реформ второй половины XIX в. и проявилось в попытках продолжить курс преобразований Александра II. Второе направление было нацелено на сохранение самодержавия. Второе направление все более преобладало над первым, отнимая у правительства все силы. Самодержавие в России было ограничено содержанием Судебных уставов 1864 года.

Правительство Александра III оказалось уже не в состоянии проводить последовательные, систематические перемены в государственном механизме России. В конце XIX века предпринималась попытка серьезной кодификации права, которая со временем провалилась. Комиссией под руководством министра юстиции Н.В. Муравьева были разработаны проекты новых Судебных уставов, которые так и не стали применяемым законодательством. Дела в сфере гражданско-правового регулирования не отвечали интересам развития экономики страны, отношений собственности и обязательственных отношений. В России так и не появилось действующее Гражданское уложение, хотя проект был уже подготовлен. Уголовное уложение, действующее с 1903 года, применялось в ограниченном, незначительном объеме.

Либерализация политики самодержавия происходит в начале XX века под сильным давлением общественности. Попытка обсуждения вопроса о подготовке очередного проекта конституции последовала в конце 1904 года, когда министром внутренних дел стал П.Д. Святополк-Мирский. Он доказывал необходимость изменения внутренней политики правительства, важность мер по укреплению законности и отмены исключительных законов, утверждения свободы печати, свободы вероисповедания. Записка об этом была представлена Николаю II в ноябре 1904 года. П.Д. Святополк-Мирский много раз доказывал членам правительства, что если не будут осуществлены либеральные реформы, то следующие перемены будут проходить уже в виде революции [4, с. 45].

Декларация идей законности и правового государства во вновь созданной Государственной думе

звучала противоречием в условиях применения в стране чрезвычайных мер судебного и административного преследования. Если деятельность Государственной думы или Государственного совета прекращалась, то законопроекты обсуждались в Совете министров Российской империи с утверждением императором. Данный путь был использован при введении в действие законопроекта о военно-полевых судах в августе 1906 года.

Серьезное исследование положений Судебных уставов 1864 года предусматривает расширение границ познания этого уникального явления в истории России. Понимание заложенных в основу судебной реформы принципов должно сопровождаться анализом практики их применения. Знания о реализации судебных преобразований не могут ограничиваться правовым полем центральной части и должны охватывать все пространство России, обязательно включая окраины, куда судебная реформа дошла с опозданием и в очень ограниченном виде. В полном объеме ввести Судебные уставы предполагалось в нескольких губерниях (Псковской, Новгородской, Архангельской, Московской, Владимирской, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской, Ярославской и Харьковской), затем постепенно и в остальных. Организаторы реформы считали, что единовременное введение преобразований по всей стране потребует слишком много затрат.

Судебную реформу 1864 г. в России мы рассматриваем в общем контексте политики российского самодержавного государства, а новые суды – в комплексе с существовавшими в тот период общественными и государственными институтами. Данный ракурс изучения судебной реформы позволяет нам сделать выводы о конституционном характере предпринятых окружением Александра II судебных преобразований, а также об их несоответствии принципам российского самодержавия. Этим мы объясняем стремление правительства отказаться от принципов и институтов судебных преобразований в ходе судебной контрреформы, а также ограниченность реформаторского потенциала российского самодержавия. Кроме того, практика деятельности судов позволяет нам сделать вывод о гуманизации деятельности пореформенной судебной системы во второй половине XIX века.

Библиографический список

1. Виленский Б.В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 г. в России. – М.: Наука, 1963. – 250 с.
2. Краковский К.П. Политическая юстиция в России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2013. – 310 с.
3. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – М.: Наука, 1989. – 302 с.

4. Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю. Витте). – М.: Государственное издательство, 1923. – 203 с.

5. Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. Речи и сообщения. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – Т. 2. – 580 с.

6. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки / под редакцией М.Н. Покровского. – М.: Государственное издательство, 1923. – Т. 1. – 308 с.

7. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря / под редакцией П.А. Зайончковского. – М.: Букинистическое издание, 1966. – Т. 1. – 333 с.

8. РГИА. – Ф. 995. – Оп. 3. – Д. 15. – Л. 2.

9. Фукс В. Суд и полиция: в 2-х ч. – М.: Унив. типогр., 1889. – 74 с.

10. Шаццло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программы, тактика. – М.: Политиздат, 1985. – 224 с.

References

1. Vilenskij B.V. Podgotovka sudebnoj reformy 20 noyabrya 1864 g. v Rossii. – М.: Nauka, 1963. – 250 s.

2. Krakovskij K.P. Politicheskaya yusticiya v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.:

istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... dokt. yurid. nauk. – М., 2013. – 310 s.

3. Korotkih M.G. Samoderzhavie i sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii. – М.: Nauka, 1989. – 302 s.

4. Lopuhin A.A. Otryvki iz vospominanij (po povodu «Vospominanij» grafa S.YU. Vitte). – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. – 203 s.

5. Murav'ev N.V. Iz proshloj deyatel'nosti. Rechi i soobshcheniya. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1900. – Т. 2. – 580 s.

6. Pobedonoscev i ego korrespondenty. Pis'ma i zapiski / pod redakciej M.N. Pokrovskogo. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. – Т. 1. – 308 s.

7. Polovcov A.A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya / pod redakciej P.A. Zajonchkovskogo. – М.: Bukinisticheskoe izdanie, 1966. – Т. 1. – 333 s.

8. RGIA. – F. 995. – Op. 3. – D. 15. – L. 2.

9. Fuks V. Sud i policiya: v 2-h ch. – М.: Univ. tipogr., 1889. – 74 s.

10. SHacillo K.F. Russkij liberalizm nakanune revolyucii 1905–1907 gg. Organizaciya, programmy, taktika. – М.: Politizdat, 1985. – 224 s.

УДК 94(470) "19/..."

Фортунатов Владимир Валентинович

доктор исторических наук

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
elena.fortunatov@mail.ru

Платова Екатерина Эдуардовна

доктор исторических наук

Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I
eplatova@mail.ru

ПЕРЕЛОМ В ЖИЗНИ РОССИИ В УНИКАЛЬНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРОФЕССОРА А.А. БРАНДТА

В статье представлены интересные наблюдения, размышления известного ученого в области теплоэнергетики, профессора и ректора Петербургского института инженеров путей сообщения Императора Александра I Александра Андреевича Брандта о событиях, которые стали переломными для многих россиян, для страны в целом. Воспоминания, написанные и изданные А.А. Брандтом в эмиграции, в Югославии, незаслуженно мало используются историками и теми, кто интересуется вопросом, почему в России произошла революция. Брандт был активным членом партии конституционных демократов (кадетов), свидетелем и участником многих событий, членом Предпарламента (Совета Республики) осенью 1917 г. В данной статье внимание читателей привлечено к ряду чрезвычайно интересных сюжетов из мемуаров почтенного профессора, который отличался самостоятельным, ироничным взглядом на происходившее в Петербурге и в России в целом. Брандт встречался с Г. Распутиным, с другими известными людьми. Читатели воспоминаний не пожалуют о потраченном времени.

Ключевые слова: эмиграция, Февральская революция, Союз русского народа, партия кадетов, Петербургский институт инженеров путей сообщения, партия большевиков, министерство путей сообщения, Крым.

«Листья пожелтелые» русского эмигранта

«За последние годы моей долгой жизни я записывал кое-что из пережитого, прочитанного и продуманного, и у меня накопилось довольно много пожелтелых листков с моими заметками. Пусть теперь эти листья пожелтелые по ветру летят» [1, с. 2]. Этими словами предварил свое повествование «Листья пожелтелые. Передуманное и пережитое» русский эмигрант в Югославии А.А. Брандт.

У себя на родине Александр Андреевич Брандт (1855–1932) был известен как крупный ученый в области прикладной механики и термодинамики. В 1878 г. он окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения со званием гражданского инженера. Брандт участвовал в трудах по описанию Днепра, работал за границей и в России, был старшим инженером комиссии по устройству коммерческих портов.

Как и многие выпускники старейшего транспортно-вуза России, А.А. Брандт не терял связей с alma mater. С 1889 г. он являлся профессором ПИИПС по кафедре паровых машин. В 1896–1901 гг. он был инспектором, а в 1906–1911 и 1917–1918 гг. являлся ректором института. Годы ректорства Александра Андреевича Брандта были очень непростыми. Он был заметной фигурой в столичном научно-педагогическом мире не только из-за своего импозантного вида, роскошной бороды, но и благодаря самостоятельной, твердой позиции в ряде сложных ситуаций.

Приход к власти большевиков профессор Брандт не принял и осенью 1918 г. навсегда покинул Петроград. В Югославии русский ученый преподавал в Загребском техническом университете. За несколько лет до смерти Брандт выпустил книгу на русском языке, но с использованием старой орфографии.

Воспоминания представляют собой размышления знающего, широко образованного человека, каковыми были многие инженеры путей сообщения. Высказываемые суждения характеризуются тем, что они сделаны на основе убедительных, непротиворечивых фактов и аргументов. Так, в размышлениях о войне профессор гражданского вуза пришел к заключению, что «главнейшей причиной Европейской войны 1914–1918 годов, да и вообще всех последних войн, является огромное влияние военного сословия на все государственные дела Европы, а также империализм и национализм большей части интеллигенции» [1, с. 83]. Брандт был сторонником профессиональной армии и войны между профессиональными военными, а не народами. Он осуждал христианскую церковь за освящение войн и был против преследования тех, кто не брал в руки оружия по религиозным мотивам.

Воспоминания А.А. Брандта практически не используются в качестве исторического источника, хотя их можно найти в Интернете. Воспоминания содержат множество интересных фактов, заслуживающих внимания. Ученый и профессор был активным общественником.

Выборы в Государственную думу первого созыва

В 1906 г. А.А. Брандт в качестве члена Петербургского комитета кадетской партии, которую некоторые называли «профессорской», отвечал за проведение выборов выборщиков в первую Государственную думу. Брандт жил на Петроградской стороне, а митинги часто проводились в Каменноостровском театре. Более левые ораторы, по наблюдениям профессора, разделяли кадетов «под орех». Он нашел выход из ситуации: по справочной

книге «Весь Петербург» приглашал на митинги повестками на цветной бумаге «исключительно домовладельцев, чиновников не ниже коллежского ассессора, лавочников, купцов, артистов, учителей, врачей». И всё проходило спокойно [1, с. 38–39]. Но с собрания на Сестрорецком казенном оружейном заводе, куда их пригласил начальник, им с Петром Бернгардовичем Струве пришлось «спасаться в бывшую рядом небольшую комнату» [1, с. 40] с помощью студентов Политехнического института и ПИИПС. П.Б. Струве (1870–1944) находился в эмиграции в Югославии в одно время с Брандтом.

В одном из приложений к основному тексту воспоминаний под названием «О всеобщем голосовании» Брандт категорически высказывается за ограничение избирательного права образовательным цензом. Рассказывает про студента ПИИПС, завязавшего бездельника (1901), который впоследствии стал депутатом Государственной думы и в конце концов убил свою жену в припадке ревности или прогрессивного паралича [1, с. 146–147].

«Как могут участвовать в выборах неграмотные люди, не могущие отличить одного партийного списка от другого, люди, не читающие газет, люди, нечего не понимающие ни в политике, ни в финансах, люди, которых ничего не стоит обмануть бессовестным агитаторам» [1, с. 148]. Приходится признать, что через сто с лишним лет после появления в России парламента политическая культура значительной части электората остается достаточно примитивной.

Поздравлял ли Николай II институт со столетним юбилеем?

На 1 ноября 1910 г. в большом зале Дворянского собрания (ныне здание Санкт-Петербургской филармонии) должны были собраться до 102 делегаций, съехавшихся на торжества по случаю столетия старейшего транспортного вуза страны. Институт Корпуса инженеров путей сообщения был учрежден манифестом Александра I от 20 ноября 1809 г., но Министерство путей сообщения решило за исходную точку принять день начала учебных занятий (с 1 ноября 1810 г.). Ректору Брандту стало известно, что студенческий оркестр собирается исполнять государственный гимн, а студенческий хор хочет также и спеть гимн. Но Брандт знал и о том, что левая часть студентов была против исполнения гимна студентами. Брандт во избежание возможного конфликта решил заменить студентов военным оркестром.

28 октября 1910 г. трое студентов-академистов, то есть консервативно настроенных молодых людей, пришли к ректору с поручением от депутата Государственной думы, правого монархиста и члена Союза русского народа Г.Г. Замысловского (1872–1920) за разъяснениями. Брандт посчитал, что академисты, обратившиеся к нему, нарушили порядок,

субординацию, послал их к министру и предложил Замысловскому сделать запрос в Думе. Брандт вспоминал, что на очередной встрече с ним левый студент Чихачев заявил, что пение гимна будет сорвано, будут раскидываться прокламации. «Если хотите петь гимн, можете это делать в клозете», – заявил левый активист [1, с. 44].

Брандт хотел достичь компромисса между студентами. Но Замысловский, который был избран в III Государственную думу как беспартийный, но примкнувший к фракции правых хотел сделать от Думы запрос к министру о нарушении присяги Брандтом и смещении его с должности. Однако в Думе запрос спешным не признали. 1 ноября был понедельник, 31 и 30 октября, соответственно, воскресенье и суббота, а конфликт возник 28–29 октября.

Вечером 30 октября по поводу запроса Замысловского Брандту пришлось объясняться с директором канцелярии МПС Николаем Ивановичем Туган-Барановским (1866–1935), приехавшим по требованию председателя Совета министров П.А. Столыпина и министра путей сообщения С.В. Рухлова, который был одним из покровителей Союза русского народа. «Только через шесть лет, в начале 1917 года, выяснилось, что Союз русского народа был большой бутафорией и что ни один из миллионов его членов в минуту опасности не встал на защиту Государя», – констатировал бывший кадет Брандт в воспоминаниях [1, с. 50–51].

1 ноября 1910 г. торжественное заседание по случаю юбилея ПИИПС шло с 13.30 до 18 часов. Гимн исполнил военный оркестр, а «Марсельезу», которую хотел услышать министр путей сообщения, играли вечером, в 10 часов, в актовом зале института на рауте в честь французской делегации. 2 ноября был бал, а 3 ноября состоялся банкет, устроенный Собранием инженеров путей сообщения (300 человек). Оркестр играл гимн несколько раз, а присутствовавшие пели. Исполнение гимна во всех случаях встречали на ура, шиканья не было. Но исполнять кантату, специально сочиненную к торжествам, обидевшиеся участники студенческого оркестра и студенческого хора отказались.

В воспоминаниях Брандт написал, что императору Николаю II доложили о запросе право-монархического депутата в Думе. Царь не удостоил институт специального рескрипта по случаю юбилея, то есть от высшего руководителя страны профессорско-преподавательский состав и студенты поздравления не получили. Специальное расследование и суд не рекомендовали принимать активиста Чихачева на службу в МПС. А Брандт с учетом всего произошедшего весной 1911 г. не стал выставлять свою кандидатуру при выборах ректора.

Возможно, профессор в эмиграции что-то подзабыл. Дело в том, что в журнале «Инженер» (1910, № 12) была приведена Высочайшая грамота Ин-

ституту инженеров путей сообщения в день столетия, подписанная Николаем II 20 октября 1910 г., в которой дана высокая оценка деятельности института и его питомцев [2, с. 493].

Февральская революция

Весь 1917 г. А.А. Брандт был ректором ПИИПС, и ему приходилось решать возникавшие проблемы учебного заведения. Так, в «Листьях пожелтелых» он рассказал о том, как в начале марта в институте было размещено до 4 тыс. солдат при 30 офицерах одного из запасных батальонов 186-го пехотного полка. Ещё 15 тыс. солдат при 100 офицерах располагались в казармах в Красном Селе. В институте солдаты спали под чертежными столами, могли свободно лежать и повернуться на бок, находились в тепле. В казармах было холодно и сыро. Поэтому солдатский комитет отказал Брандту в просьбе освободить помещения института. Не помогло и обращение к министру путей сообщения Н.В. Некрасову (кстати, выпускнику Института инженеров путей сообщения, одному из лидеров российского масонства), который просил решить вопрос военного министра А.И. Гучкова. Упорный ректор обратился в Петроградский совет, где его вопрос, как это не покажется странным, решили: солдаты покинули помещения института.

Наблюдательный профессор дал довольно логичную версию произошедшего солдатского бунта, ставшего Февральской революцией. Главную беду он видел в нехватке образованных людей в стране – их явно не хватало, чтобы иметь в армии достаточное число офицеров для руководства солдатами. Вместо 40 рядовых на одного офицера в армиях других стран в Петроградском гарнизоне в начале 1917 г. один офицер приходился на 100–150 солдат. Брандт считал, что командованию Петроградского военного округа не следовало подменять городских и жандармов, использовать запасные батальоны против местного населения. Брандт вспомнил, что в декабре 1905 г. московское восстание было подавлено гвардейскими полками из Петербурга.

Февральская революция и первые шаги Временного правительства были встречены петербургским обществом сочувственно. В.В. Розанов в «Новом времени» 8 марта 1917 г. писал: «Россия не живодерня. И грозный народ восстал. Заклокотал и восстал. Улицы закружились». Командующие фронтами умоляли царя отречься, а общее собрание офицерства в здании Армии и Флота через несколько дней после отречения приняло резолюцию с требованием предать царя суду.

Брандт вспоминает, что милиционеры из числа студентов Путейского института по его просьбе разбили бутылки с вином, чтобы оно не досталось солдатам. В заседаниях Совета стали участвовать преподаватели, не имевшие звания профессора,

а также представители студенчества – старосты. Студенты потребовали отменить экзаменационные оценки и правило, по которому студенты первого курса, не выдержавшие переходных экзаменов на второй курс, принимались вновь в институт только после повторного вступительного экзамена.

«Вообще все, по-видимому, думали, что новый режим установлен специально с целью расширения их прав. Со всеми требованиями мне пришлось считаться; я старался по возможности оттягивать решения, и удовлетворял требования с особой осторожностью», – писал Брандт [1, с. 73].

Революция продолжается

В конце мая 1917 г. в институте состоялся митинг, на котором выступили военный министр Франции Альбер Тома, Т.Г. Масарик, П.Н. Миллюков, М.И. Терещенко, директор Франко-Русского института г. Пагулье. «Митинг, по-видимому, был организован для того, чтобы убедить г. Альберта Тома в том, что русская армия еще не окончательно разложилась. Поверил ли он этому или нет – я не знаю», – писал мемуарист через 13 лет после этого события [1, с. 74].

В начале лета 1917 г. Брандт увидел признаки резкого ухудшения финансового положения: в Выборге за один рубль давали только одну финскую марку, что означало потерю рублем 60 % своей ценности. На следующий день после выступления министра труда М.И. Скобелева перед промышленниками – «Вы не должны думать, что мы завтра откроем Ваши сейфы» – предусмотрительный профессор поехал в Учетный и ссудный банк и опорожнил свои сейфы. В конце 1917 г., когда банки были национализированы, большевикам ничего не досталось из профессорских сбережений [1, с. 75].

Про Московское государственное совещание в августе 1917 г. Брандт вспомнил, что делегаты разных солдатских комитетов оставались сидеть на своих местах в тот момент, когда остальные восторженно и стоя встречали генерала Корнилова. «Мне помнится, что я отстаивал необходимость оказать всякую поддержку правительству в лице г. Керенского, пока не явится генерал на белом коне, который заступит его место. Помню еще, что я указывал, что г. Керенский является первым после Моисея и Аарона штатским главнокомандующим большой армии во время войны, и что следует требовать его ухода с этого поста» [1, с. 76]. Брандт участвовал в выработке профессорами текста резолюции, которая должна была стать реакцией на декларацию Временного правительства и на речь Керенского.

Осенью 1917 г. Брандт посетил Крым, где у него было имение Семидворье. От Симферополя он доехал на автомобиле, а в Алуште ещё были извозчики. В то же время наблюдательный профессор обнаружил отсутствие в Крыму керосина ещё с зимы,

запустение в соседнем имении и прекращение ремонта береговой тропы, которая использовалась пешеходами и верховой пограничной стражей: «Тогда я ещё не понимал, что все это было первым признаком постепенного перехода России к Средневековью, к лучинам и к бездорожью» [1, с. 76–77].

Большевики приходят к власти

Брандт был членом Совета Республики, который также известен как Предпарламент. Представляет интерес его воспоминание о беседе с последним (во Временном правительстве) министром путей сообщения, выпускником Путьского института, организатором строительства ряда железных дорог А.В. Ливеровским «в амбразуре одного из окон Мариинского дворца», где заседал этот государственный орган. На вопрос о том, какие из петербургских полков поддерживают Временное правительство, министр путей сообщений, парализовавший в конце августа – начале сентября 1917 г. движение поездов на Петроград с корниловскими войсками, ответил, что «об этом он ничего не знает, да едва ли знают и другие министры. Мне это незнание показалось очень симптоматичным».

«Я ещё помню, что в утро занятия Мариинского дворца большевикам военным отрядом председатель Совета Республики г. Авксентьев в одном из зал Мариинского дворца объяснял членам Совета необходимость разойтись и прочел резолюцию с протестом против насилия, совершенного над Советом Республики. Тогда объясняли, что в Совете республики заседали не избранники народа, а лица, назначенные Временным правительством и разными учреждениями, и что поэтому нельзя было оказывать сопротивление».

Однако впоследствии матрос Железняк с таким же успехом, без всякого сопротивления разогнал Учредительное собрание, члены которого были избраны по всем правилам, – общенародным голосованием», – отмечает Брандт [1, с. 77–78].

Брандт спасается от большевиков

После прихода к власти большевиков Брандт на правах самого старого из директоров и ректоров вузов созвал совещание, принявшее решение не сотрудничать с большевиками. Для Института инженеров путей сообщения Брандт взял займы 60 тыс. рублей у Совета съездов частных железных дорог и временно позаимствовал 50 тыс. из переходящих сумм Мурманской железной дороги. Другие ректоры через некоторое время вынуждены были обратиться за финансированием к большевистскому правительству. За несговорчивость и принципиальность Брандта стали критиковать и в ПИИПС, в результате чего в апреле 1918 г. он отказался от должности ректора. Оппортунизм и нежелание бороться с новой властью мемуарист объясняет тяжелым материальным положением преподавателей и необ-

ходимостью заботиться о семьях. Сам же Брандт семьи не имел. Следует подчеркнуть, что за сотрудничество с большевиками выступили профессора и преподаватели Н.А. Белелюбский, В.Е. Тимонов, Г.Д. Дубелир, С.Д. Карейша, Н.А. Рынин, Е.В. Михальцев и ряд других весьма авторитетных научно-педагогических работников [3, с. 109].

С лета 1918 г., ожидая обыска или ареста, Брандт стал запасаться документами для того, чтобы уехать из Петрограда. Он получил так называемый красный билет от чрезвычайной комиссии по разгрузке Петрограда, который являлся удостоверением на право обратного въезда, и был снабжен штемпелем центральной коллегии по эвакуации и разгрузке города. Для въезда на Украину у него была купчая крепость на имение в Крыму и врачебное свидетельство на немецком языке для предъявления немецким властям в Орше о том, что «проф. Института путей сообщения тайный советник Брандт, 63-х лет, привит от холеры и оспы и свободен от вшей». Консульство Украины выдало ещё один документ на украинском и немецком языках. Ещё один документ на русском, украинском и немецком языках был выдан правлением крымской колонии в Петрограде члену таковой Брандту. У Брандта было ещё несколько рекомендательных писем.

Хлопоты оказались напрасными, так как с сентября 1918 г. требовался заграничный паспорт от советских властей, получить который оказалось крайне сложно. Но знакомый инженер путей сообщения обеспечил уважаемому профессору место I класса в вагоне поезда, увозившего на Украину сотрудников, железнодорожных служащих Подольской и других дорог. На них оформлялся общий заграничный паспорт, в который включили и профессора Брандта. После ряда проволочек 27 октября 1918 г. поезд двинулся в сторону Витебска.

31 октября 1918 г. по старому стилю исполнилось 40 лет службы Брандта, но он понимал, что в Петроград вряд ли удастся вернуться. Он стал думать о дальнейшем маршруте, так как в Германии произошла революция, немцы стали отходить, а на Украине ситуация была не очень понятна. Брандт сделал себе копию с общего заграничного паспорта и 2 ноября 1918 г. получил пропуск в Витебском ревкоме для проезда в Жлобин. В вагоне, прицепленном к товарному поезду, пассажиры 7 ноября 1918 г. прибыли в Могилев.

Здесь 8 ноября они были фактически арестованы. В эти дни в могилевской тюрьме были расстреляны католический священник Евгений Святополк-Мирский (из известного княжеского рода), машинист, который согласился перевезти его до Дашковки, где ещё были немцы, два священника и 16 других лиц. Брандта и его товарищей по несчастью 3 дня держали в арестантском вагоне на голых досках. Брандт купил за 10 рублей у солда-

та полотенце. 12 ноября всех отпустили. Брандта приютил железнодорожный служащий, который не боялся железнодорожной ЧК, созданной наряду с ВЧК.

14 ноября Брандт и другие попутчики поехали дальше и добрались до Жлобина 24 ноября. Булки в Жлобине стоили только 5 руб. за фунт. «Низкая цена хлеба объяснялась тем, что немцы только что ушли из Жлобина, а большевики только что пришли и еще не успели ввести свои порядки. Затем проехали через станцию Буде-Кошелевскую. 27 ноября они въехали на территорию Украины. «Было радостно вырваться из социалистического отечества», – пишет Брандт [1, с. 111]. 30 ноября добрались до Киева. К этому времени Петлюру уже выпустили из тюрьмы, и он начал борьбу с гетманом Скоропадским.

В Крыму

К счастью для Брандта, министром путей сообщения в правительстве Украинской Народной Республики в конце 1918 г. был выпускник Санкт-Петербургского политехнического института Филипп (Пилип) Каленикович Пилипчук (1869–1940). Будучи по специальности инженером коммуникаций, Пилипчук выхлопотал для ректора родственного вуза место в специальном поезде, которым из Киева в Одессу эвакуировались итальянцы. В воспоминаниях называет Брандт Пилипчука (Филиппчука) выпускником ПИИПС. 31 декабря А.А. Брандт доехал до Одессы, а 19 января 1919 г. приплыл в Алушту. Позже Брандт узнал, что в конце ноября или начале декабря 1918 г. в его петербургской квартире был обыск.

В своем именье Семидворье петербургский профессор прожил с января 1919 г. по октябрь 1920 г. Воспоминания содержат немало интересных наблюдений о борьбе за власть в Крыму, о поведении борющихся сторон. Наблюдательный и предусмотрительный профессор понял, что следует как можно быстрее эмигрировать.

В конце августа 1920 г. Брандт получил от одного знакомого в Париже «немного франков для выезда из Крыма». Довольно плохое осеннее пальто он купил за 250 тыс. рублей, «что, впрочем, составляло только 105 французских франков». «Обед в Ялте, состоящий из тарелки борща и тарелки пшенной каши, стоил 2 000 рублей, а пароходный билет I класса с едой из Севастополя до Константинополя стоил 532 тыс. руб. Следует заметить, что в это же время жалованье младших офицеров, например поручиков, составляло только от 30 до 40 тыс. рублей в месяц, так что они, приехав в Ялту или Севастополь, могли на эти деньги пообедать не больше двенадцати раз», – отмечает Брандт [1, с. 142–143]. Он вспоминает про большую речь Врангеля, в которой генерал говорил о неприступности Крыма для большевиков.

1/14 октября 1920 г. Брандт из Семидворья переехал в Алушту. 4/17 октября на пароходе из Алушты он добрался до Ялты. «В субботу 10/23 октября наш пароход «Константин» вышел из Севастополя в Константинополь. На пароходе я застал, между прочим, двух возвращавшихся в Париж членов того совещания, которое генерал Врангель уверил, что Крым есть неприступная крепость. На том же пароходе ехал в Белград за женой Э.Б. Войновский-Кригер, последний министр путей сообщения царского правительства; его генерал Врангель только что пригласил занять пост министра путей сообщения Крымского правительства» [1, с. 144].

По прибытии в Белград Брандт узнал, что Крым занят большевиками, что расстреляно чуть ли не 40 тыс. человек, в том числе инженер Матренинский, не успевший выехать из-за большой семьи. Не успели уехать и его сестра с мужем, дезориентированные, как и многие, словами Врангеля о «неприступной крепости».

Интеллигенция как двигатель прогресса

После основного текста воспоминаний автор счел необходимым поместить ряд своих размышлений в форме статей-эссе, посвященных волновавшим его темам: «Предсказания Владимира Соловьева», «Аналогия между французской и русской революциями», «Вопрос о лучшей форме правления у Геродота», «Социалистические эксперименты в Китае».

Своеобразным подведением итогов познания мира и себя стали «Размышления о человеческом прогрессе». Профессор-эмигрант признается в том, что ему пришлось пересмотреть свои представления о равенстве между людьми и сделать вывод о ложности данного посыла. Брандт был хорошо знаком с историко-философскими дискуссиями своего времени. Он комментирует высказывания Л.Н. Толстого, Г.Т. Бокля, М.М. Ростовцева, Э.Ж. Ренана и других авторов.

Ключевой, общезначимой ценностью петербургский ученый считал прогресс. Его замечания представляются вполне обоснованными и актуальными: «Тормозов, отбрасывающих человечество назад от его пути к постепенному прогрессу, имеется довольно много. Сюда относятся прежде всего войны, революции, нашествия варваров, а также некоторые явления социализма и анархизма...»

Против социализма как такового очень трудно что-либо возразить. Социализм для рабочих есть религия, сулящая им царство Божие не на небесах, а на земле. Поэтому к социализму и следует относиться как к религии. Если рабочие веруют в будущее крушение капитализма и наступление социалистического рая, то в этом нет ничего дурного. Но гораздо хуже, когда они решаются насильственно водворить социализм в таких отсталых и бедных странах, как Россия или Китай. Под социализ-

мом же понимают диктатуру пролетариата, то есть бесшабашное господство отсталого в культурном отношении и сравнительно малочисленного класса населения над остальными классами и особенно над интеллигенцией, которой одной может принадлежать роль правителей и руководителей» [1, с. 179].

С такими взглядами бывшего ректора на родине вряд ли бы поняли. К тому же он писал совсем уж крамольные строки: «Прогресс двигался до сих пор всегда лишь небольшой кучкой людей, и человечество должно было позволить себе эту роскошь – содержать эту небольшую кучку людей, иногда за счет страданий более обширного класса людей» [1, с. 181]. В Советском Союзе 30-х годов официальная идеология главной движущей и прогрессивной силой определила рабочий класс, а рабоче-крестьянской, народной, социалистической интеллигенции отводилась роль «прослойки». В реальной жизни новое общество в СССР строилось под руководством И.В. Сталина, который опирался на партийно-государственную номенклатуру и на ходу корректировал стратегию и тактику «построения социализма в одной стране».

Возвращение Брандта

Автор «Листьев пожелтелых» умер на чужбине. В советское время его имя, как и имена некоторых других знаменитых питомцев старейшего транспортного университета, практически не упоминалось, хотя в какой-то активной антисоветской деятельности никто из них не был замечен. В постсоветский период усилиями ректоров Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Е.Я. Красковского, В.Е. Павлова, В.И. Ковалева, А.Ю. Паньчева), историков (М.И. Воронина, М.М. Ворониной, Г.А. Глащенкова, Г.П. Закревской, Л.И. Коренева, И.П. Киселева, Д.В. Никольского,

М.М. Уздина и других) многие лакуны были закрыты, подготовлены интересные издания по истории вуза. Занял свое место в галерее портретов выдающихся выпускников и сотрудников университета и Александр Андреевич Брандт, дважды, в очень сложные исторические моменты, занимавший должность ректора вуза.

Библиографический список

1. *Брандт А.* Листья пожелтелые. Передуманное и пережитое. – Белград: LIBRI-E.ETTINGER, 1930.
2. *Ларионов А.М.* История института инженеров путей сообщения Императора Александра I-го за первое столетие его существования. 1810–1910 // История Петербургского государственного университета путей сообщения: в 2 т., 3 кн. Т. 1: 1810–1910. – СПб.: Петербургский государственный университет путей сообщения, 2009. – 534 с.
3. История Петербургского государственного университета путей сообщения: в 2 т., 3 кн. Т. 2, кн. 1. 1911–1984 / под общ. ред. В.И. Ковалева, И.П. Киселева. – СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2009. – 560 с.

References

1. Brandt A. List'ya pozheltelye. Peredumannoe i perezhitoe. – Belgrad: LIBRI-E.ETTINGER, 1930.
2. Larionov A.M. Istoriya instituta inzhenerov putej soobshcheniya Imperatora Aleksandra I-go za pervoe stoletie ego sushchestvovaniya. 1810–1910 // Istoriya Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya: v 2 t., 3 kn. T. 1: 1810–1910. – SPb.: Peterburgskij gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya, 2009. – 534 s.
3. Istoriya Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya: v 2 t., 3 kn. T. 2, kn. 1. 1911–1984 / pod obshch. red. V.I. Kovaleva, I.P. Kiseleva. – SPb.: Peterburgskij gos. un-t putej soobshcheniya, 2009. – 560 s.

4-Й СИБИРСКИЙ КОРПУС В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 ГГ. (сражение на реке Шахэ с 22 сентября по 4 октября 1904 г.)

В статье на основе широкого круга источников рассматривается участие 4-го Сибирского корпуса в сражении на реке Шахэ с 22 сентября по 4 октября 1904 г. Раскрывается численность и состав корпуса, специфика его формирования на базе резервных частей в Сибирском военном округе. Автор рассматривает особенности ведения оборонительного боя частями корпуса на неподготовленных позициях в условиях значительного превосходства противника в силах, а также действия отдельных полков в наступательной операции. Особое внимание обращается на боевые потери 4-го Сибирского корпуса и их влияние на исход отдельных эпизодов сражения.

Ключевые слова: Русско-японская война, Маньчжурская армия, Сибирский военный округ, 4-й Сибирский корпус, запасные воинские чины, оборонительные позиции, сибиряки, боевые потери.

Русско-японская война 1904–1905 гг. началась в ночь на 27 января 1904 г. с внезапного нападения японского флота на русскую Тихоокеанскую эскадру, стоящую на внешнем рейде Порт-Артура. Российская империя вынуждена была вести боевые действия далеко от центральных регионов страны, что наложило свой отпечаток на процесс формирования и комплектования действующей армии. Впервые в истории России основным источником мобилизационных ресурсов для действующей армии на начальном этапе войны стал Сибирский военный округ. На базе резервных частей, дислоцировавшихся в округе, был сформирован 4-й Сибирский армейский корпус в составе: пехотных Сибирских 5-го Иркутского, 6-го Енисейского, 7-го Красноярского, 8-го Томского, 9-го Тобольского, 10-го Омского, 11-го Семипалатинского и 12-го Барнаульского полков, а также 1-го, 2-го, 3-го, 4-го Сибирских артиллерийских дивизионов [4, с. 121].

С июня 1904 по август 1905 г. корпус принял участие во всех крупных боевых столкновениях с противником и зарекомендовал себя как надёжное и боеспособное соединение. Не стало исключением и сражение на реке Шахэ с 22 сентября по 4 октября 1904 г., в котором корпус сыграл важную роль. Это сражение стало первой и единственной наступательной операцией русской армии в годы войны. Командующий генерал-адъютант А.Н. Куропаткин предпринял попытку вернуть утраченную инициативу и переломить ход боевых действий.

В сентябре 1904 года, после отступления от г. Ляояна, Маньчжурская армия восполнила потери, получила необходимое имущество и боеприпасы. В район боевых действий прибыли новые соединения (6-й Сибирский и 1-й армейский корпуса). По количеству личного состава и орудий Маньчжурская армия получила преимущество над противником: 175 000 штыков, 14 300 сабель и 760 орудий против 144 000 штыков, 6 360 сабель и 648 орудий у японцев [12, с. 269–270]. В приказе по Маньчжурской армии от 19 сентября 1904 г. № 687 генерал-адъютант А.Н. Куропаткин обращался к личному составу: «...Уже настало желан-

ное и давно ожидаемое всею армией время идти самим вперёд, навстречу врагу. Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы Маньчжурской армии ныне достаточны для перехода в наступление» [12, с. 223]. Тем не менее необходимо отметить, что большинство частей и соединений Маньчжурской армии, ранее принимавших участие в боевых действиях, не были доведены до штатной численности, что впоследствии негативно сказалось на их боеспособности. Так, 4-й Сибирский армейский корпус имел в своём составе только 20 000 штыков вместо 30 000, положенных по штату [6, с. 326]. В пехотном Сибирском полку в строю должно было стоять 3 803 строевых нижних чинов и 61 офицер, однако ни один не достигал установленной численности. Например, в 9-м пехотном Сибирском Тобольском полку налицо имелось всего 2 133 нижнего чина [10, с. 472].

План генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина предусматривал наступательную операцию с целью охвата правого фланга противника и разгрома 1-й японской армии генерала Т. Куроки. В своём дневнике 16 сентября 1904 г. А.Н. Куропаткин писал: «Нам надо верную победу. Колонные начальники неопытны в совершении наступательных действий и будут действовать в восточной части в гористой местности, а в западной в гаоляне. Многие части ещё не были в деле. Всё это обязывает к осторожности» [6, с. 325]. Эти соображения заставили его составить очень осторожный план действий, который предусматривал медленные темпы наступления.

Армия была разделена на Восточный и Западный отряды. Первый, в составе 1, 2, 3-го Сибирских армейских корпусов и 2-й бригады 2-й Сибирской пехотной дивизии (86 батальонов, 50 сотен и 194 орудия) под командованием генерал-лейтенанта Г.К. Штакельберга располагался на левом фланге армии. Он наносил главный удар в полосе Патядза – Хышингу с дальнейшим охватом правого фланга 1-й японской армии в направлении д. Бенси-ху. Войскам предстояло действовать в условиях слабо изученной горной системы. Сведения о дорогах, перевалах, населённых пунктах были неполные,

карты изобиловали множеством белых пятен [7, с. 153]. Второй, в составе 10-го и 17-го армейских корпусов (70 батальонов, 56 эскадронов и сотен и 222 орудия) под командованием генерал-лейтенанта А.А. Бильдерлинга, имел задачу вести демонстративное наступление вдоль железной дороги с целью отвлечения сил противника. Резерв армии в составе 1-го армейского и 4-го Сибирского корпусов занимал промежуток между отрядами (88 батальонов, 26 сотен и 326 орудий) [1, с. 519–521].

Наступление началось 22 сентября и развивалось согласно плану, очень медленными темпами. Восточный и Западный отряды, выполняя приказ командующего армией, не спешили. К 24 сентября части Маньчжурской армии заняли территорию, которая разделала противников, и вошли в соприкосновение с передовыми отрядами японцев. 4-й Сибирский корпус выдвинулся в центр.

27 сентября Восточный отряд начал атаку позиций 1-й японской армии на перевалах. Однако сложный рельеф отсутствие карт и необходимого количества горных орудий не позволили частям и соединениям выполнить задачу. Всю артиллерию войска оставили в тылу, так как перемещать её по горам было невозможно. Без её поддержки атакующие войска понесли большие потери от огня противника и вернулись на исходный рубеж. В наступлении приняли участие 6-й и 7-й пехотные Сибирские Енисейский и Красноярский полки, которые составляли третью штурмовую колонну под командованием командира 6-го пехотного Сибирского Енисейского полка подполковника И. Станиславова. Офицер 7-го пехотного Сибирского Красноярского полка А.А. Рябинин писал в воспоминаниях: «В нашем распоряжении имелась четырехверстная карта, очень неудовлетворительная. Мы имели довольно смутное представление о позиции противника: как раз в том месте карты, где предполагалась наша атака, находилось белое пятно, а высшая командная точка – горы Лаутхалазы – на карте отсутствовала. Карта давала представление о дорогах как путях наступления, но судить о характере позиций по ней было трудно» [11, с. 81].

Наступлению 27 сентября препятствовал густой туман, полностью парализовавший действия войск в утреннее время. Компасы отсутствовали, части заблудились, 6-й пехотный Сибирский Енисейский полк развернулся к японцам тылом и стал окапываться [13, с. 25]. Командирам пришлось проводить ориентирование на местности. Только в 11.30 колонна пошла на штурм по одной узкой тропе под прикрытием тумана. Однако когда он рассеялся, войска были встречены сильным артиллерийским и ружейным огнём противника. Батальон подполковника Некрасова, который шёл первым, понёс большие потери. Три роты сумели укрыться под скалой, а 4-я, потеряв всех офицеров и большинство нижних чинов, отступила. Атака «захлебнулась».

Вечером была проведена запоздалая рекогносцировка, которая выявила, что вражеские позиции труднодоступны и хорошо укреплены.

28 сентября в 12.00 началась вторая атака. Подступы к позициям противника были затруднены, все три колонны наступали под огнём, карабкаясь по крутым склонам. Левая колонна под командованием подполковника И. Станиславова (1,5 батальона 7-го пехотного Сибирского Красноярского полка и 3 батальона 6-го пехотного Сибирского Енисейского полка) развернулась за гребнем, на расстоянии 1 800 шагов от противника и вынуждена была сначала спускаться в ложину, а затем карабкаться вверх, чтобы выбить японцев из окопов. Под огнём батальоны прошли 500–600 метров и залегли, роты перемешались, управление нарушилось. Подполковник И. Станиславов приказал продолжить атаку с оркестром и развёрнутыми знамёнами. Под градом пуль оркестр быстро замолчал, многие музыканты получили ранения, а инструменты оказались испорчены. Атакующие смогли приблизиться к противнику на 500 шагов, однако к этому моменту в ротах осталось по 40 человек. Людей для продолжения атаки не хватало. Подполковник И. Станиславов пропал без вести. Дождавшись темноты, сибиряки вернулись на исходный рубеж [11, с. 101–104]. Героические усилия личного состава разбились о неорганизованность и низкое качество планирования операции со стороны высшего командования.

Это безрезультатное наступление стоило енисейцам и красноярцам около 800 воинских чинов убитыми и ранеными [10, с. 463]. После сражения на реке Шахе в адрес командующего 4-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Н.П. Зарубаева от командира 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майора Данилова поступила телеграмма следующего содержания: «Ваши красноярцы и енисейцы поразили нас своей удивительной и беззаветной атакой 28 сентября с распущенными знамёнами... Позвольте поздравить вас и поблагодарить за таких действительно героев» [9].

Необходимо отметить, что роты перед наступлением насчитывали 80–120 человек. В 6-м пехотном Сибирском Енисейском полку в атаке не участвовало несколько подразделений. Один батальон был передан в отряд полковника Дружинина, 12-я рота находилась при обозе 4-го Сибирского армейского корпуса, 16-я рота прикрывала 8-ю батарею 26-й артиллерийской бригады, а половина 1-й роты охраняла горную батарею [15, с. 87]. Из 16 рот в атаке приняли участие 9,5, которые в среднем имели в строю по 100 человек. Таким образом, вместо 3 803 строевых нижних чинов, положенных по штату полка [8, с. 169], атаковало не более 1 000, что во многом предопределило неудачный исход боя. В наступлении полк по-

терял 30 нижних чинов убитыми, 314 ранеными и 19 пропавшими без вести [15, с. 89].

27 сентября 4-й Сибирский корпус был выделен в особую группу войск с задачей по поддержанию связи между флангами Маньчжурской армии и обороне занимаемых позиций. Корпус разделялся на два отряда. Первый, под командованием генерал-майора М.Ю. Лавестама, в составе 8 батальонов, 32 орудий 1 сотни и 1 сапёрной роты занял позиции южнее д. Цунью. Его авангард – 8-й пехотный Сибирский Томский полк – расположился впереди на склоне горы «Большой массив», имея 3-й, 4-й батальоны на позициях и 1-й, 2-й – в резерве. Второй отряд под командованием генерал-майора Коссовича в составе 16 батальонов, 16 орудий и 2 сапёрных рот занял оборону между деревнями Лиухэцзы и Падяза и частью сил – высоты севернее д. Лиухэцзы [16, с. 131–132].

Необходимо отметить, что японское командование заблаговременно получило сведения о готовящемся наступлении русской армии. Поэтому оборонительные позиции были тщательно подготовлены, подвезены необходимые запасы материальных средств, войска пополнены до штатной численности. После успешного отражения наступления Восточного отряда на правом фланге японцы силами четырёх дивизий атаковали IV-й Сибирский корпус. План маршала И. Ойямы предусматривал расчленение Маньчжурской армии, Восточный отряд отрезался от железной дороги и снабжения [1, с. 530]. Одновременно, с целью отвлечения внимания генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина, 2-я японская армия начала обходное движение правого фланга Западного отряда.

Утром 28 сентября на позиции стоящего в авангарде 8-го пехотного Сибирского Томского полка обрушился град снарядов. После артиллерийской подготовки, в 8.00 пехота перешла в наступление, но была отбита ружейным огнём. Противник использовал русскую форму, переодев в неё часть наступающих [2, с. 70–71]. После полудня атака повторилась, дело дошло до штыков, и японцы вновь отступили. Тем не менее полк нёс большие потери от артиллерийского огня. Выбыли почти все офицеры, ротами командовали унтер-офицеры и даже рядовые [18, с. 27–28]. Командование принял на себя капитан Селядцев, в резерве осталось полторы роты [10, с. 201]. Очередная атака грозила опрокинуть остатки защитников, но своевременное прибытие трёх батальонов 11-го пехотного Сибирского Семипалатинского полка во главе с полковником С.Ф. Стельницким стабилизировало положение.

В тоже время японцы начали наступление с другой стороны горы «Большой массив», где занимали оборону два батальона 5-го пехотного Сибирского Иркутского полка из отряда генерал-майора М.Ю. Лавестама. На поддержку обороняющихся были направлены по одному батальону от

11-го и 10-го пехотных Сибирских Семипалатинского и Омского полков и батареи Сибирской артиллерийской бригады [10, с. 202]. Атаку удалось отразить, однако войска постоянно несли потери от ружейного и артиллерийского огня. Особенно эффективно стреляло подразделение японцев, занявшее господствующую возвышенность. Командир 5-й роты 5-го пехотного Сибирского Иркутского полка поручик Борисов со своим личным составом атаковал позицию противника. В ходе наступления он получил смертельное ранение в живот. Сменивший его подпоручик Черепанов также был убит. Тем не менее 5-я рота выбила врага с возвышенности и в течение всего дня удерживала занятые позиции [3, с. 99].

К исходу 28 сентября положение корпуса стало критическим. 8-й пехотный Сибирский Томский полк потерял 6 офицеров и 159 нижних чинов убитыми, 23 офицера и 900 нижних чинов ранеными [18, с. 29]. Большие потери понесли 5-й и 11-й пехотные Сибирские Иркутский и Семипалатинский полки, в 1-й Сибирской артиллерийской бригаде осталось 7 исправных орудий [10, с. 204]. Во 2-м батальоне 11-го пехотного Сибирского Семипалатинского полка осталось 250 штыков [2, с. 72]. Тем не менее корпус удержал занимаемые рубежи, план японского командования по расчленению армии был сорван.

Немирович-Данченко писал о мужестве и стойкости сибиряков: 11-й пехотный Сибирский Семипалатинский полк – один из полков, у которого следует поучиться свежим войскам... Офицеры раненые не уходили с поля боя. Они знали, что без них некому будет вести солдат в бой. Капитана Маркова принесли контуженного в грудь... Как только он смог держаться на ногах, то есть через день, принял роту. Командир полка полковник С.Ф. Стельницкий был силой снят с седла. Он был тяжело контужен и смертельно утомлён, однако запретил уносить себя с позиции. Он лёг позади и командовал частью... Солдат приходилось силой отправлять в госпиталя... Еле передвигаясь, раненые, контуженные, они оставались в строю [14].

Для облегчения положения 4-го Сибирского корпуса командование Маньчжурской армии силами 1-го Сибирского корпуса и отряда генерал-майора А.Д. Шилейко (9-й, 10-й пехотные Сибирские Тобольский и Омский полки) организовало наступление. Однако взаимодействие вновь «хромало». В то время как войска генерал-майора А.Д. Шилейко, используя складки местности, выбили японцев из двух линий окопов и вышли во фланг противнику, атакующему позиции 4-го Сибирского корпуса, 1-й Сибирский корпус в наступление не перешёл. Наступление было остановлено.

В течение 29 сентября 4-й Сибирский корпус подвергался непрерывным атакам и интенсивному артиллерийскому обстрелу. Три полка японской

пехоты после артиллерийской подготовки атаковали позиции 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка. Барнаульцы упорно держались, было убито 4 офицера и 36 нижних чинов, ранено 13 офицеров, в том числе командир полка полковник Добротин и 336 нижних чинов, пропало без вести 7 нижних чинов. Полк под давлением превосходящих сил противника отошёл на вторую линию обороны. Поручик Рязанов в своих воспоминаниях писал: «Минутами не было видно над сопкой характерных белых облачков от шрапнельных разрывов, а стояло одно сплошное белое облако» [17, с. 120]. Прибытие на помощь 1-го и 4-го батальонов 5-го пехотного Сибирского Иркутского полка позволило восстановить положение и удержать занимаемый рубеж. Части получили приказание «стоять на занимаемых позициях во что бы то ни стало или умереть» [3, с. 108].

К 10.30 29 сентября в резерве генерал-лейтенанта Н.П. Зарубаева остался 8-й пехотный Сибирский Томский полк в составе 5 офицеров и 1 000 нижних чинов и два батальона 11-го пехотного Сибирского Семипалатинского полка. В 11.00 командир корпуса послал донесение командующему армией: «Барнаульский полк, в котором ранен командир и почти все офицеры, держаться не может. Тобольский и Томский полки потеряли более половины личного состава. Едва ли на этой позиции с ослабленными силами при недостатке орудийных патронов буду в состоянии держаться под перекрёстным огнём неприятеля». В 4-й батарее 1-й Сибирский артиллерийской бригады к концу дня остался 1 офицер и 8 человек прислуги [10, с. 255–257].

В ночь с 29 на 30 сентября, после непрерывного артиллерийского огня, противник снова пошёл в атаку. Чтобы ввести русские части в заблуждение, наступающие кричали на русском языке «Стой, кто идёт». Батальоны 5-го пехотного Сибирского Иркутского полка в молчании ждали приближения атакующих. Не выдержав тишины, японцы с 400 метров открыли беспорядочную стрельбу, но иркутяне не отвечали. Только со 100 метров раздалась дружные залпы, которые обратили противника в бегство. Атаки повторялись четыре раза, последняя была отбита штыками [3, с. 109–110].

В то же время наступление японцев на правом фланге Западного отряда имело успех и привело к отходу 17-го армейского корпуса за линию реки Шахэ. Это заставило генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина дать приказ на отступление Восточного отряда к г. Мукдену, а 4-го Сибирского корпуса – к д. Эрдагоу [19, с. 164].

Попытки Маньчжурской армии восстановить утраченные позиции на правом фланге Западного отряда привели лишь к частичному успеху. Японцы были выбиты с имеющих важное тактическое значение Путиловской и Нижегородской сопки. 3 октября 1904 г. командир полка полковник

С.Ф. Стельницкий получил приказ о наступлении на Путиловскую сопку в составе сводного отряда. По прибытию на рубеж перехода в атаку он не обнаружил ни частей, готовящихся к наступлению, ни командира отряда. На участке находилось лишь несколько разрозненных групп воинских чинов 22-й пехотной дивизии. Не ожидая подкреплений, он приказал вброд перейти р. Шахе и выбить из окопов японцев, которые прикрывали подступы к сопке. Без выстрелов, штыками противник был выбит из 3-х линий окопов. Ночью начался решительный штурм сопки. Батальон пехоты противника, который оборонял позиции, оказался практически полностью переколот штыками. В ходе наступления полк потерял 3 офицера и 27 нижних чинов убитыми, 5 офицеров и 237 нижних чинов ранеными, а также 26 нижних чинов пропавшими без вести [2, с. 84–85, 88–89, 91]. Захват Путиловской и Нижегородской сопки стал последним боевым эпизодом сражения на реке Шахэ. Стороны начали окапываться, восполнять людские потери и материальные запасы.

Планы противоборствующих сторон не были реализованы. Ни русское, ни японское командования не достигли поставленных целей. Это сражение в очередной раз продемонстрировало неспособность Маньчжурской армии вести наступательные действия, а также нерешительность её командования при планировании и проведении операций. В то же время войска проявили стойкость и храбрость при выполнении поставленных задач. За время боёв на реке Шахе Маньчжурская армия потеряла 988 офицеров и 39 234 нижних чинов [5, с. 33].

4-й Сибирский корпус непрерывно в течение трех дней отражал атаки противника, неся при этом большие потери, особенно в офицерском составе. Из 8 командиров полков корпуса 1 пропал без вести а 4 получили ранение. Некоторые части за время боёв потеряли более половины своего боевого состава. Ко 2 октября в 5-м пехотном Сибирском Иркутском полку в строю осталось 1 522 человека, с 8-м пехотном Сибирском Томском полку – 600 человек, 1-я Сибирская артиллерийская бригада могла выставить только 10 орудий из 32, а в 1-м Сибирском артиллерийском дивизионе осталось 6 из 16 годных к бою орудий [3, с. 114].

Всего за время боёв на реке Шахе части 4-го Сибирского армейского корпуса понесли следующие боевые потери: 5-й пехотный Сибирский Иркутский полк потерял 13 офицеров (2 убито, 11 ранено), 611 нижних чинов (84 убито, 500 ранено, 27 пропало без вести); 6-й пехотный Сибирский Енисейский полк потерял 13 офицеров (12 ранено, 1 пропал без вести), 385 нижних чинов (27 убито, 339 ранено, 19 пропало без вести); 7-й пехотный Сибирский Красноярский полк потерял 9 офицеров (1 убит, 8 ранено), 568 нижних чи-

нов (32 убито, 458 ранено, 78 пропало без вести); 8-й пехотный Сибирский Томский полк потерял 30 офицеров (4 убито, 25 ранено, 1 пропал без вести), 1 103 нижних чина (165 убито, 780 ранено, 158 пропало без вести); 9-й пехотный Сибирский Тобольский полк потерял 20 офицеров (4 убито, 16 ранено, 1 пропал без вести), 683 нижних чина (162 убито, 441 ранено, 80 пропало без вести); 10-й пехотный Сибирский Омский полк потерял 9 офицеров (1 убито, 8 ранено), 89 нижних чинов (45 убито, 34 ранено, 10 пропало без вести); 11-й пехотный Сибирский Семипалатинский полк потерял 32 офицера (9 убито, 23 ранено), 986 нижних чинов (104 убито, 778 ранено, 104 пропало без вести), 12-й пехотный Сибирский Барнаульский полк потерял 25 офицеров (6 убито, 19 ранено), 658 нижних чинов (59 убито, 576 ранено, 18 пропало без вести), 1-я Сибирская артиллерийская бригада – 10 офицеров ранеными, 197 нижних чинов (17 убито, 177 ранено, 3 пропало без вести) [10, с. 463].

Таким образом, боевые потери корпуса составили 161 офицера и 5 280 нижних чинов, что составило около 25 % от численности корпуса на момент начала сражения.

В сражении на реке Шахэ 4-й Сибирский армейский корпус продемонстрировал способность обороняться на неподготовленных позициях в условиях значительного превосходства противника. Заняв в ходе наступления ряд важных высот и сопкок, части корпуса в короткий срок сумели оборудовать позиции и дать отпор противнику. Отступил корпус только по приказу командующего Маньчжурской армией, в очередной раз проявив упорство, отвагу и беззаветную храбрость в боях.

Библиографический список

1. Бархатов М.Е., Функе В.В. История Русско-японской войны: в 6 т. Т. 3. – СПб., 1907. – 800 с.
2. Журнал военных действий 11-го пехотного Сибирского Семипалатинского полка с 29-го января 1904 г. по 31-е декабря 1905 г. – Курган, 1906. – 153 с.
3. Журнал военных действий 5-го пехотного Сибирского Иркутского полка в войну с Японией с 29-го января 1904 г. по 31-е декабря 1905 г. – СПб., 1909. – 267 с.
4. Копылова В.А., Милухина В.П., Фабрики Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). – Новосибирск, 1995. – 246 с.
5. Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 608 с.
6. Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина. – М., 2010. – 455 с.
7. Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. – М.: Гос. воен. изд-во, 1935. – 383 с.

8. Отчёт дежурного генерала 1-й Маньчжурской армии с 1-го ноября 1904 года по 1-е ноября 1905 года: приложение к отчёту командующего 1-й Маньчжурской армии. – М., 1906. – 208 с.

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 14855. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 152.

10. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 4: Шахэ – Сандепу. Ч. 1: Сражение на реке Шахэ. – СПб., 1910. – 507 с.

11. Рябинин А.А. На войне в 1904–1905 гг. Из записок офицера действующей армии. – Одесса, 1909. – 224 с.

12. Сборник документов Русско-японской войны 1904–1905 гг. – М., 1941. – 528 с.

13. Свечин А. Война в горах. Тактическое исследование по опыту Русско-японской войны. Ч. 1. – СПб., 1907. – 144 с.

14. Сибирская жизнь: газета. – 1905. – 26 янв.

15. Смержевская И.И. Слово о полку Енисейском. – М., 2005. – 209 с.

16. Соколовский М.К. Исторический очерк бывшего 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44-го Сибирского стрелкового полка, 1711–1911: Документы о боевых действиях 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. – Барнаул, 1911. – 203 с.

17. Соколовский М.К. Исторический очерк бывшего 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44-го Сибирского стрелкового полка, 1711–1911. – Барнаул, 1911. – 131 с.

18. Товянский А. Хроника боевых действий 8-го пехотного Сибирского Томского полка на войне с Японией 1904–1905 гг. – Томск, 1910. – 60 с.

19. Черемисов В. Русско-японская война 1904–1905 года: (с отдельным атласом схем). – СПб., 1909. – 288 с.

References

1. Barhatov M.E., Funke V.V. Istoriya Russko-yaponskoj vojny: v 6 t. T. 3. – SPb., 1907. – 800 s.
2. Zhurnal voennykh dejstvij 11-go pekhotnogo Sibirskogo Semipalatinskogo polka s 29-go yanvary 1904 g. po 31-e dekabrya 1905 g. – Kurgan, 1906. – 153 s.
3. Zhurnal voennykh dejstvij 5-go pekhotnogo Sibirskogo Irkutskogo polka v vojnu s Yaponiej s 29-go yanvary 1904 g. po 31-e dekabrya 1905 g. – SPb., 1909. – 267 s.
4. Kopylova V.A., Milyuhina V.P., Fabriki YU.A. Sibirskij voennyj okrug. Pervye stranicy istorii (1865–1917). – Novosibirsk, 1995. – 246 s.
5. Krivosheev G.F. Rossiya i SSSR v vojnah XX veka. Poteri vooruzhyonnykh sil. – M.: OLMA-PRESS, 2001. – 608 s.
6. Kuropatkin A.N. Dnevnik generala A.N. Kuropatkina. – M., 2010. – 455 s.

7. Levickij N.A. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. – M.: Gos. voen. izd-vo, 1935. – 383 s.
8. Otchyot dezhurnogo generala 1-j Man'chzhurskoj armii s 1-go noyabrya 1904 goda po 1-e noyabrya 1905 goda: prilozhenie k otchyotu komanduyushchego 1-j Man'chzhurskoj armii. – M., 1906. – 208 s.
9. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). – F. 14855. – Op. 1. – D. 3. – L. 152.
10. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. T. 4: SHaheh – Sandepu. CH. 1: Srazhenie na reke SHaheh. – SPb., 1910. – 507 s.
11. Ryabinin A.A. Na vojne v 1904–1905 gg. Iz zapisok oficera dejstvuyushchej armii. – Odessa, 1909. – 224 s.
12. Sbornik dokumentov Russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg. – M., 1941. – 528 s.
13. Svechin A. Vojna v gorah. Takticheskoe issledovanie po opytu Russko-yaponskoj vojny. CH. 1. – SPb., 1907. – 144 s.
14. Sibirskaya zhizn': gazeta. – 1905. – 26 yanv.
15. Smarzhhevskaya I.I. Slovo o polku Enisejskom. – M., 2005. – 209 s.
16. Sokolovskij M.K. Istoricheskij ocherk byvshego 12-go pekhotnogo Sibirskogo Barnaul'skogo polka, nyne voshedshego v sostav 44-go Sibirskogo strelkovogo polka, 1711–1911: Dokumenty o boevyh dejstviyah 12-go pekhotnogo Sibirskogo Barnaul'skogo polka v Russko-yaponskuyu vojnu 1904–1905 gg. – Barnaul, 1911. – 203 s.
17. Sokolovskij M.K. Istoricheskij ocherk byvshego 12-go pekhotnogo Sibirskogo Barnaul'skogo polka, nyne voshedshego v sostav 44-go Sibirskogo strelkovogo polka, 1711–1911. – Barnaul, 1911. – 131 s.
18. Tovyanskij A. Hronika boevyh dejstvij 8-go pekhotnogo Sibirskogo Tomskogo polka na vojne s YAponiej 1904–1905 gg. – Tomsk, 1910. – 60 s.
19. CHERemisov V. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 goda: (s otdel'nym atlasom skhem). – SPb., 1909. – 288 s.

СОСТОЯНИЕ СРЕДСТВ ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В данной статье рассматривается проблема организации средств разведки на Балтийском флоте в начале Первой мировой войны. Детально дается описание состояния агентурной, наблюдательной службы, авиа- и радиоразведки на флоте к началу войны. К эффективности разведки в Морском генеральном штабе относились недостаточно серьезно. Однако, когда в штаб стали поступать первые агентурные сведения о движении в акватории Балтийского моря кораблей противника, командование флотом осознало необходимость организации разведывательной деятельности, то есть получения полной достоверной информации о планах противника, движении его кораблей. В итоге автор приходит к выводу, что подготовка и техническое оснащение разведывательных средств, имеющихся в распоряжении флота, не удовлетворяла потребностям военного времени.

Ключевые слова: Первая мировая война, Балтийский флот, военно-морская разведка, авиаразведка, служба связи, Морской генеральный штаб, радиоразведка.

В современной отечественной науке все больший интерес среди историков вызывает изучение органов разведки в Российской империи, особенно во время Первой мировой войны. Открытость и доступность широкого пласта документальных материалов дает современному исследователю возможность снять завесу тайны с тех событий, которые вовсе не затрагивались советской историографией. В частности, сравнительно недавно началось изучение военно-морской разведывательной службы на Балтийском флоте. Однако в работах по данной тематике рассматриваются в основном вопросы, связанные преимущественно со средствами радиоэлектронной разведки на Балтийском флоте [2, с. 552]. Те же проблемы, которые касаются агентурной деятельности, корабельной и авиаразведки на Балтийском театре военных действий в ходе событий Первой мировой войны, рассматривались лишь отчасти либо не изучались вовсе. Переосмысление исторического опыта применения флотом средств военно-морской разведки и осмысления прошлых ошибок является на сегодня одним из важных моментов в обеспечении безопасности сухопутных и морских границ государства.

Накануне Первой мировой войны Морской генеральный штаб (МГШ) не уделял должного внимания организации на флоте средств добытия каких-либо ценных сведений о планах немецкого командования, о состоянии и действиях флота противника на Балтийском театре. Среди командования морскими силами Балтийского моря сформировалось убеждение, что «важно не столько выяснение фактической обстановки, сколько ее оценка, и что для талантливого энергичного начальника не составит труда правильно оценить обстановку» [2, с. 43]. Командование флотом недооценивало важности и значения разведки для флота, о чем говорит бытующее среди руководства мнение, что «разведка получает свое признание только у командования, настроенного активно, ищущего возможности нанести противнику удар» [4, с. 14]. В штабе флотом в первый год войны не планиро-

валось каких-либо активных действий на море, поэтому должного внимания организации средств ведения разведки не уделялось. Об отсутствии какой-либо подготовки в разведывательном плане видно и из переписки командующего флотом адмирала Н.О. Эссена с МГШ и со штабом 6-й армии. Так, например, в первые дни войны командующий флотом не знал о вступлении Англии в войну и насколько действия германского флота связаны с английским [6, с. 15]. Об общем положении дел, связанных с получением сведений, говорит и сообщение Н.О. Эссена в МГШ: «Страдаем отсутствием сведений, где и что делает германский флот, тоже и шведский, также вероятный противник. Не имеем быстроходных судов для разведки. Один “Новик”, но и тот без нефти – одно горе» [5, л. 41].

Агентурная разведка накануне войны находилась еще на начальном этапе ее формирования. В конце июля по распоряжению начальника МГШ А.И. Русина на Скандинавском полуострове и балтийском побережье Германии были намечены основные наблюдательные пункты, с которых предполагалось вести постоянное наблюдение за передвижением немецких судов. Информация передавалась с помощью телеграфа, однако способы передачи сведений из этих пунктов оставляли желать лучшего. Например, телеграфирование из малонаселенных пунктов Швеции и Дании о движении немецких кораблей могло навести на подозрения. Во избежание каких-либо вопросов со стороны местных властей агентам приходилось прибегать к передаче информации курьером либо через почту [5, с. 169]. В связи с этим многие донесения приходили в МГШ не вовремя и на момент их получения теряли свою актуальность.

Командованием флотом в первые дни войны делались попытки организации корабельной разведки. С этой целью адмирал Н.О. Эссен представил в МГШ проект отправки на коммерческих судах, направляющихся в Германию, офицеров с целью получения каких-либо сведений о неприятельском флоте. Однако этот проект не получил одобрения у А.И. Русина, так как был слабо подготовленным

и показался начальнику МГШ малонадежным. До момента объявления Германией войны ни командование флотом, ни МГШ не предусмотрели необходимости усилить разведывательные средства флота коммерческими судами. Только 13 (26) и 14 (27) июля 1914 г. были предприняты меры по розыску тех типов судов, которые смогли бы подойти для данной службы [6, с. 20]. Для сторожевой и контрольной деятельности в балтийских водах штабом была предпринята попытка мобилизации частных судов. Такая деятельность была особенно актуальна в шхерных районах Балтики, так как возможность военных действий на этих территориях командованием флота не учитывалась.

В связи с отсутствием налаженной агентурной сети и недостаточно эффективной связью МГШ с командованием Балтийским флотом вся важная информация поступала с запозданием. Чувствовалась и неподготовленность командования в плане наблюдательной корабельной службы. Так, в самом начале войны, 15 (28) августа, остро встал вопрос об отправке офицеров, умеющих отличить свои корабли от неприятельских, на форты Красная Горка, Ино и Кронштадт, так как в этих местах не было сведущих в данном деле специалистов. В это же самое время от коменданта Выборгской крепости пришло донесение, что из-за отсутствия в его распоряжении военных кораблей им не может быть организована наблюдательная и брандвахтенная служба. Тогда в управление коменданту были направлены два корабля и один офицер с опознавательными сигналами для сообщения с флотом [6, с. 15].

К началу войны командованием не было предпринято никаких активных мер для приспособления находившихся в распоряжении флота военных кораблей для несения разведывательной службы. Вся корабельная разведка сводилась к выставлению дозора в 100 метрах от центральной минной позиции [2, с. 63]. Для этой цели использовались миноносцы и крейсера, а также «имевшийся в то время в составе флота «Новик»» [6, с. 16]. Однако частое появление в русских водах немецкого флота вынуждало руководство проводить разведывательные операции в целях противодействия разведке противника и освещения обстановки в море. К таким операциям можно отнести, например, походы крейсеров к Южному Готланду, походы миноносцев в Рижский залив [3, с. 113].

Командование морскими силами Балтийского моря стремилось к тому, чтобы проводить такие операции часто, но телеграммы из Ставки категорически запрещали активизировать флот в Балтийском море, ограничиваясь лишь охраной подступа к Петрограду со стороны Финского залива. Такая реакция со стороны Ставки объясняется опасением главного командования, что активные действия русского флота в водах Балтийского моря приведут к выходу Швеции из нейтралитета и вступлению в войну на

стороне Германии [8, л. 15], хотя агентурные сводки из Стокгольма постоянно уверяли, что Швеция вступать в войну не собирается [9, с. 181].

Помимо агентурной и корабельной разведывательной деятельности на море в распоряжении Балтийского флота находилась и морская авиация, в задачи которой, по словам контр-адмирала Б.П. Дудорова, входило проведение воздушной разведки. Так, 1 (14) мая 1912 г. в морское министерство Б.П. Дудоровым был представлен доклад, в котором он обосновывал основные цели и «задачи, состав, организацию и базирование авиации на Балтике» [6, с. 17]. Морским министром и штабом этот доклад был одобрен, и в 1913 г. Б.П. Дудорову были отпущены средства на организацию авиации Балтийского моря. В это же время началась работа по созданию и оборудованию аэродромов на о. Эзель в Тагелахтской бухте, Виндаве и Гребном порту в Петербурге [11, с. 8].

На начало 1914 г. в состав авиации морских сил Балтийского флота входило 8 летчиков, 7 самолетов, 1 моторный катер и одна шлюпка [6, с. 18]. В таком состоянии и вступила в войну морская авиация, вооружившись заранее самолетами иностранных конструкций. Авиаразведка большой роли в начале войны не играла. Наблюдения с воздуха были эффективны только в ясную хорошую погоду, а в зимний период иностранные самолеты были не в состоянии подняться со льда.

Пожалуй, основную роль в получении важнейших сведений о передвижении немецких кораблей и планах противника на протяжении всей Первой мировой войны играло такое средство военно-морской разведки, как радиоэлектронная разведка. Данному направлению разведывательной деятельности русского флота в отличие от других средств было уделено большее внимание, о чем свидетельствуют как архивные документы, хранящиеся в фондах РГА ВМФ (г. Санкт-Петербург), так и исследования современных отечественных ученых в этой области.

Разработкой средств разведки в условиях морской войны, позволявших перехватывать радиопереговоры и радиотелеграммы с кораблей противника, еще до войны занимался морской офицер, капитан 2-го ранга И.И. Ренгартен. Под руководством начальника службы связи А.И. Непенина уже августе 1914 г. на о. Эзель возле городка Кильконд на русской авиастанции Папенхольм был установлен первый радиопеленгатор. В начале сентября такие станции появились в Кильконде и Гангэ, а в декабре – на Реншере и в Гапсале [2, с. 66]. В задачи этих станций входило отслеживание радиопереговоров с немецких военных судов и перехват радиопеших.

Таким образом, обработка разведывательных материалов в управлении службы наблюдения и связи улучшилась в связи с созданием радиопеленгаторных станций, так как эти станции позволяли определять точное расположение противника.

Дешифровка радиотелеграмм, добытых с неприятельских кораблей, ускорила и стала легче уже после того, как с погибшего немецкого крейсера «Магдебург» была изъята книга с шифрами и новым сигнальным кодом [4, с. 87]. Вместе с тем руководством МГШ и службы связи были приняты шаги по сопротивлению радиоразведке противника. Догадываясь о нахождении шпионских радиостанций на о. Даго и в Гельсингфорсе, в Кильконде «была немедленно установлена радиостанция парализующего действия» [6, с. 17]. Все это показывает, насколько пристальное внимание уделялось в штабе этому способу ведения разведывательной деятельности на флоте.

Ежедневные донесения от агентурной разведки, а также с постов наблюдения и связи создавали представление постоянного присутствия в море крупных вражеских сил [10]. Поэтому МГШ и командование Балтийским флотом, ожидая активных действий со стороны немецкого флота, готовились дать отпор неприятелю на центральной минной позиции. Однако из документов, полученных на «Магдебурге», оказалось, что «немцы выставили против русского флота незначительные силы и предпочли на первое время ограничиться лишь наблюдением», не отвлекаясь от не менее важного театра военных действий на Северном море [6, с. 17]. Этот план немецкого командования не был вовремя обнаружен русской разведкой в связи со слабой ее организацией.

Итак, к началу Первой мировой войны Балтийский флот располагал всеми средствами разведывательной деятельности, но необходимость их применения была осознана командованием лишь в самый последний момент. Вся информация, передаваемая агентурной разведкой, поступала с опозданием, поэтому не вызывала большого доверия у руководства флотом, чем можно объяснить попустительское к ней отношение. Напротив, сведения, получаемые по радио, были достаточно точными и своевременными, вследствие чего в штабе уделяли большое внимание этому способу военно-морской разведки.

Библиографический список

1. Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. – СПб.: Облик: Вита, 1993. – 280 с.
2. Кикнадзе В.Г. Невидимый фронт войны на море: отечественная морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. – С. 552.
3. Кикнадзе В.Г. Разведка Балтийского флота в 1914–1917 гг.: особенности развития и функционирования // Балтийский флот накануне и в годы Первой мировой войны: материалы всерос. науч. конф. к 100-летию начала Первой мировой войны. – Калининград: ВУНЦ ВМФ «ВМА». – 2013. – № 21. – С. 42–47.
4. Люби К. Волны Балтики (1914–1915 гг.). – Рига: Русская зарубежная морская библиотека, 1939. – 316 с.

5. Петров В.А. Военно-морская агентурная разведка в Первой мировой войне // Русское прошлое. – 1998. – № 8. – С. 165–202.

6. Петров Е. Организация войсковой разведки на силах Балтийского моря в мировую войну (период 1914–1916 гг.) // Морской сборник. – 1931. – № 6. – С. 13–31.

7. Новикова И.Н. Донесения военных агентов как источник для изучения российско-скандинавских отношений периода Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы шестой ежегод. науч. конф. – СПб., 2005. – С. 180–187.

8. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). – Ф. 418. – Оп. 2. – Д. 1.

9. РГА ВМФ. – Ф. 418. – Оп. 2. – Д. 49.

10. РГА ВМФ. – Ф. 418. – Оп. 2. – Д. 63.

11. Столярский С.Э. Краткий исторический очерк развития и организации морской авиации в России с 1911 до начала 1918 гг. – Л.: ВМА РККА им. Ворошилова, 1932. – 20 с.

References

1. Dudorov B.P. Admiral Nepenin. – SPb.: Oblik: Vita, 1993. – 280 s.

2. Kiknadze V.G. Nevidimyj front vojny na more: otechestvennaya morskaya radioelektronnaya razvedka v pervoj polovine HKH veka. – M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2011. – S. 552.

3. Kiknadze V.G. Razvedka Baltijskogo flota v 1914–1917 gg.: osobennosti razvitiya i funkcionirovaniya // Baltijskij flot nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny: materialy vseros. nauch. konf. k 100-letiyu nachala Pervoj mirovoj vojny. – Kaliningrad: VUNC VMF «VMA». – 2013. – № 21. – S. 42–47.

4. Lyubi K. Volny Baltiki (1914–1915 gg.). – Riga: Russkaya zarubezhnaya morskaya biblioteka, 1939. – 316 s.

5. Petrov V.A. Voенno-morskaya agenturnaya razvedka v Pervoj mirovoj vojne // Russkoe proshloe. – 1998. – № 8. – S. 165–202.

6. Petrov E. Organizaciya vojskovoј razvedki na silah Baltijskogo morya v mirovuyu vojnu (period 1914–1916 gg.) // Morskoy sbornik. – 1931. – № 6. – S. 13–31.

7. Novikova I.N. Doneseniya voennyh agentov kak istochnik dlya izucheniya rossijsko-skandinavskih otnoshenij perioda Pervoj mirovoj vojny // Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: materialy shestoj ezhegod. nauch. konf. – SPb., 2005. – S. 180–187.

8. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-Morskogo Flota (RGA VMF). – F. 418. – Op. 2. – D. 1.

9. RGA VMF. – F. 418. – Op. 2. – D. 49.

10. RGA VMF. – F. 418. – Op. 2. – D. 63.

11. Stolyarskij S.EH. Kратkij istoricheskij oчерk razvitiya i organizacii morskoy aviacii v Rossii s 1911 do nachala 1918 gg. – L.: VMA RKKA im. Voroshilova, 1932. – 20 s.

АГРОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКОГО ЗЕМСТВА В ПЕРИОД С 1913 ПО 1917 ГОД

Статья посвящена комплексному исследованию агрономической деятельности Оренбургского земства с 1913 по 1917 год. В этот период агрономическая служба, губернское земство, уездные земские единицы, сельскохозяйственные общества и кооперативные учреждения провели различные мероприятия по развитию сельского хозяйства в Оренбургском крае.

Автор дает обобщенную характеристику важнейших видов деятельности в агрономической сфере, касающихся распространения сельскохозяйственных знаний, устройства показательных полей и участков, внедрения новейших знаний в области садоводства, огородничества и пчеловодства, создания прокатных и зерноочистительных пунктов, развития и организации кустарных промыслов, борьбы с вредителями, организации ветеринарии и мероприятий по животноводству.

Агрономическая деятельность Оренбургского земства внесла значительный вклад в развитие сельского хозяйства Оренбургской губернии, но многие из намеченных мероприятий в полной мере выполнить не удалось из-за начавшихся Первой мировой и Гражданской войн.

Ключевые слова: Оренбургское земство, агрономическая деятельность, земские собрания, животноводство, ветеринария.

Одним из главных направлений деятельности Оренбургского земства являлась агрономическая служба. Земство сотрудничало с правительственными учреждениями в деле пропаганды аграрной реформы и оказывало помощь владельцам отрубов и хуторьям, вышедшим из состава крестьянских общин. В отчете Оренбургской губернской управы за 1914–1917 гг. отмечалось, что экономическую помощь земства оказывали почти исключительно «выделенцам», то есть ставшим собственниками земельных участков [15, с. 37].

Местные органы самоуправления стремились повысить продуктивность сельского хозяйства и сделать рентабельными средние и мелкие крестьянские хозяйства. Для решения этих задач в Оренбургской губернии земства ввели должности участковых агрономов и сельскохозяйственных старост, а также был создан большой штат служащих-инспекторов и техников по различным отраслям сельского хозяйства: животноводству, садоводству-огородничеству, пчеловодству, по борьбе с вредителями и по кустарным промыслам [3]. Первое очередное губернское земское собрание образовало агрономический отдел при Оренбургской губернской управе. Агрономический отдел занимался предварительной подготовкой докладов и составлением бюджетных смет к агрономическим совещаниям и к губернскому земскому собранию, а также общей «агрономической организацией губернии» [14]. В уездных земствах работали агрономические бюро, которые руководили деятельностью уездных и участковых агрономов, инспекторов и техников.

Деятельность земского агрономического и специального персонала по развитию сельского хозяйства в Оренбургском крае была весьма разнообразна. За период с 1914 по 1917 г. агрономическая служба, губернское земство, уездные

земские единицы, сельскохозяйственные общества и кооперативные учреждения провели различные мероприятия «по содействию экономическому благосостоянию населения». Рассмотрим важнейшие мероприятия.

Агрономическая служба способствовала распространению сельскохозяйственных знаний внешкольным путем: через проведение чтений, бесед и курсов по вопросам земледелия и скотоводства, многочисленных консультаций по различным вопросам местного хозяйства, распространение брошюр по агрономии.

Осенью 1915 г. в селе Таловка Челябинского уезда земство устроило двухмесячные курсы по подготовке мастеров маслодела. Практические занятия проходили на базе артельного маслоделательного завода. В 1915 г. в деревне Ахуново Верхнеуральского уезда прошли месячные курсы по животноводству. Оренбургское земство израсходовало на вышеуказанные мероприятия в 1914 г. – 4 426 руб., в 1915 г. – 5 672 руб., в 1916 г. – 508 руб. [14].

Немаловажным мероприятием являлось устройство показательных полей и участков. Для наглядного ознакомления населения и распространения улучшенных приемов обработки земли, посева новых сортов сельскохозяйственных растений участковые агрономы с помощью сельских старост ежегодно размещали на крестьянских землях показательные поля и участки.

В 1914 г. в Оренбургском уезде было организовано 22 таких показательных участка с посевом люцерны, житняка, свеклы и кукурузы. Весной 1915 г. в 42 селениях у 81 домохозяйина заложено 186 показательных участков с посевом кормовых трав и корнеплодов. Осенью – 45 участков с посевом озимой пшеницы и ржи по ранним парам [11]. В Челябинском уезде в 1915 г. было организовано 164 участка с многолетними травами на площади

65,5 дес., 61 участок с однолетними травами на площади 26 дес. и 4 участка с корнеплодами на площади 1,25 дес. В Верхнеуральском и Троицком уездах в 1915 г. организовано 18 участков с яровой пшеницей, 8 участков с овсом и 28 участков с кормовыми травами. В Орском уезде в 1915 г. образованы два товарищества по опытному делу (Самарское и Ново-Черкасское), опытная площадь которых составляла 69 дес.

Многие крестьяне заинтересовывались проводимыми мероприятиями, а некоторые из них выражали желание произвести у себя посевы трав и корнеплодов с учетом научных требований и рекомендаций. На устройство показательных полей и участков, а также льготное снабжение населения семенами, травами и корнеплодами Оренбургские земства (губернское и уездные) выделило в 1914 г. – 121 руб., в 1915 г. – 4 878 руб., в 1916 г. – 5 035 руб., в 1917 г. – 10 360 руб. [5].

Деятельность Оренбургского земства по развитию садоводства, огородничества и пчеловодства выражалась в проведении таких мероприятий, как показательные работы в крестьянских садах, организация сети показательных огородов и садов, устройство плодовых питомников и пасек и т. п. Показательные сады и огороды были организованы в селах Шарлык, Исаево-Дедово, Ново-Покровское. В 1917 г. в с. Петровском было организовано товарищество пчеловодов [14].

Одним из главных мероприятий по оказанию агрономической помощи населению в области полеводства являлась организация прокатных пунктов сельскохозяйственных машин и орудий. Они предоставляли населению для ознакомления и работы сельскохозяйственные машины бесплатно или за небольшую плату. Оренбургское земство приступило к созданию этих пунктов в 1915 г., но вследствие обстоятельств военного времени приобретение сельскохозяйственных машин и орудий проходило медленно.

По Оренбургскому уезду деятельность прокатных пунктов выразилась в обмолоте 29 молотилками около 200 тыс. пудов хлеба (1915 г.). В Челябинском уезде с помощью сеялок, взятых напрокат, было засеяно яровыми хлебами 102 дес. земли (1915 г.). В Верхнеуральском-Троицком уезде был организован зерноочистительный пункт [14]. Земские расходы на эти мероприятия составили: в 1915 г. – 11 049 руб., в 1916 г. – 12 659 руб., в 1917 г. – 34 370 руб. [14].

Земства и правительственные учреждения содействовали развитию и организации кустарной промышленности в Оренбургском крае. Они внедряли усовершенствованные приемы производства, создавали образцово-показательные мастерские по ремонту и изготовлению сельскохозяйственных орудий, облегчали снабжение кустарей сырьем и материалами, помогали сбывать готовые изделия [5].

Земские учреждения стремились сохранить размер посевных площадей крестьян губернии на достигнутом уровне. В деревнях создавались «организации самопомощи – дружины, артели, которые совместными усилиями проводили сельскохозяйственные работы. Но, несмотря на проведенные мероприятия, земству не удалось остановить сокращение посевных площадей и падение объемов сельскохозяйственного производства. Только за один 1915 г. посевная площадь в Оренбургской губернии сократилась на 11 % [17, с. 112].

Следующее мероприятие – это борьба с вредителями. Оренбургская губерния, в силу своеобразных естественно-климатических условий, «издавна наводнялась различными вредителями сельского хозяйства», из которых главное место принадлежало саранче. Оренбургское земство с первых шагов своей деятельности обращало особое внимание на борьбу с вредителями, для чего приняло на службу опытного энтомолога, который проводил плановые мероприятия по борьбе с саранчой, главным образом в Орском и Челябинском уездах. На борьбу с вредителями губернское земство израсходовало в 1914 г. – 35 384 руб., в 1915 г. – 36 563 руб., в 1916 г. – 30 521 руб., в 1917 г. – 15 118 руб. [14].

До введения в Оренбургской губернии земских учреждений мероприятия по животноводству осуществлял губернский распорядительный комитет, который организовал 13 случных пунктов с 28 элитными быками-производителями. Первое очередное земское собрание Оренбургской губернии наметило провести целый ряд мероприятий по «улучшению животноводства» в Оренбургском крае: организацию случных пунктов, устройство районных выставок, постановку опытно-показательного кормления животных. Для выполнения намеченного плана работ земство приняло на службу зоотехнический персонал: специалистов и инструктора по животноводству. Местные органы самоуправления выделяли средства на приобретение быков-производителей симментальской породы, жеребцов орловской рысистой породы, свиней английской породы [14]. Сельскохозяйственные общества или отдельные лица, получавшие племенного быка, были обязаны содержать и кормить его по правилам, выработанным земством, и пускать в случку. В вознаграждение за уход содержатель по истечении трех лет получал быка в собственность.

Животноводство играло значительную роль в экономической жизни населения Оренбургской губернии. Однако эта отрасль сельского хозяйства постоянно несла значительные убытки из-за распространения эпидемий среди домашних животных. К 1912 г. территория Оренбургской губернии уже была разделена на 30 ветеринарно-врачебных участков, которые финансировались из средств

земских сборов. Кроме того, 7 пунктов ветеринарных врачей были привлечены к общей участковой работе. Каждый ветеринарный участок охватывал территорию в 4 900 кв. верст. Естественно, что при таких больших размерах участков ветеринарно-санитарный надзор не мог эффективно выполнять поставленных задач. В губернии были распространены следующие заболевания животных: плевропневмония, сап, ящур, бешенство, сибирская язва, чесотка, оспа [9].

В 1913 г. к делу борьбы с эпидемиями сельскохозяйственных животных приступило Оренбургское земство. С этого момента на Южном Урале началось формирование земской ветеринарии как самостоятельной службы. Земская ветеринария – это система ветеринарного обслуживания в сельской местности, организованная земскими самоуправлениями. Общее руководство ветеринарными мероприятиями осуществляли земские собрания, ветеринарное бюро при губернской земской управе и ветеринарная комиссия.

Первое очередное Оренбургское губернское земское собрание приняло программу, предусматривающую развитие сети ветеринарных участков. Все мероприятия по предупреждению и ликвидации эпидемий реализовывались на средства губернского земства. Уездным земствам была поручена организация ветеринарно-лечебной помощи, проведение зоотехнических мероприятий, популяризация среди населения научных основ ветеринарии, размещение ветеринарных участков на территории уездов [6].

Главная роль в предупреждении и ликвидации эпизоотий принадлежала земским ветеринарным врачам. В круг их деятельности входило: лечение больных животных; ветеринарно-санитарный надзор за состоянием городских боен, ярмарок, базаров, складов продовольствия и т. п. [10].

В 1913–1914 гг. земская ветеринарная организация включала: 35 ветеринарных врачей, 15 ветеринарных школьных фельдшеров, 20 ветеринарных нешкольных фельдшеров. Часть ветеринарных врачей была призвана в ряды действующей армии после начала Первой мировой войны [6]. Земская агрономическая деятельность в период войны испытывала значительные трудности, вызванные призывом на военную службу специалистов сельского хозяйства, а также привлечением агрономического персонала к непрофильным работам, связанным с обстоятельствами военного времени.

Малочисленный персонал не мог предотвратить всех случаев возникновения эпизоотий. Так, в 1914 г. в 215 населенных пунктах было зарегистрировано 860 животных, больных сапом, в 1915 г. в 142 пунктах было зарегистрировано 428 больных животных [16, с. 2].

Оценивая в целом земскую ветеринарию, можно отметить, что она способствовала организаци-

онному оформлению ветеринарной службы, была значительным шагом вперед по сравнению с предшествующей системой ветеринарного обслуживания сельской местности.

Местные органы самоуправления полностью поддерживали политику царского правительства в годы Первой мировой войны. Вскоре после начала войны Оренбургская губернская земская управа от имени Оренбургского губернского земства направила Николаю II телеграмму, в которой выражались «верноподданические чувства»: «Оренбургское земство исполнено верой, что в тесном единении власти и общества Великая Россия под державным руководством своего Верховного Вождя покроет неуязвимой славой бранные подвиги своей армии и с успехом залечит раны войны» [1].

27 июля 1914 г. состоялось открытие третьего чрезвычайного Оренбургского губернского земского собрания, посвященного решению вопросов, вызванных обстоятельствами военного времени. Земское собрание выделило 300 тыс. руб. на оказание помощи семьям солдат, призванных на войну [2]. Затем Оренбургское губернское земство единогласно постановило: «В деле оказания помощи больным и раненым воинам принять участие в общеземской организации – Всероссийском земском союзе» [8]. Эта организация оформилась на съезде губернских земств, состоявшемся в Москве 30 июля 1914 года. В работе общеземского съезда принимали участие представители оренбургского земства: председатель губернской управы Н.А. Холодковский и гласный от Оренбурга В.А. Воскресенский.

В период Первой мировой войны была создана разветвленная сеть органов Всероссийского земского союза, которая включала губернский и уездные комитеты, действовавшие в Оренбургской губернии. Комитеты земского союза занимались организацией медицинской помощи больным и раненым воинам. За время с сентября 1914 г. по 1 января 1916 г. в Оренбургский край прибыло на лечение 25 553 чел. [14]. Земские учреждения создали сеть военных госпиталей и лазаретов. На средства губернского земства (75 тыс. руб.) 20 августа 1914 г. был открыт Оренбургский госпиталь для тяжелораненых воинов (более 100 коек). Всего в Оренбургской губернии существовало 1 948 больничных коек земского союза (на 1 января 1916 г.) [14].

Значительное место в деятельности Оренбургского земства занимали противозидемические мероприятия: санитарный надзор в городах, хлорирование источников питьевой воды и дезинфекция вещей, выпуск популярной литературы о санитарии. В каждом уезде Оренбургской губернии действовали два временных эпидемических отряда по борьбе с инфекционными болезнями. Сумма расходов земских учреждений на указанные мероприятия составляла 657 450 руб. (1916 г.) [13].

Оренбургские комитеты Всероссийского земского союза оказывали помощь семьям крестьян, призванных на войну. Особенно успешно была организована благотворительная помощь в Куртамышенской волости, где «волостной сход установил сбор на нужды войны в размере 3 копеек с десятины земли». Земства помогали населению при уборке урожая, привлекая к сельскохозяйственным работам беженцев и военнопленных [7].

Органы Всероссийского земского союза сотрудничали с правительственными учреждениями в деле снабжения армии необходимыми вещами. В Оренбургской губернии существовал земский военно-промышленный комитет, контролировавший изготовление и поставку полушубков и валенок для армии [12].

Агрономическая служба Оренбургского земства участвовала в организации обязательных заготовок скота и поставок скота и мяса для армии (с 1 апреля 1916 г. по 1 января 1917 г. было заготовлено 153 370 голов крупного рогатого скота, 170 474 – свиней) [14]. На средства, предоставленные Министерством земледелия, земства проводили закупку скота у населения. В компетенцию Оренбургского земства также входило: составление плана продовольственной кампании, «борьба с дороговизной», продажа хлеба и кормов по заготовительным ценам, организация столовых и «питательных пунктов» [14].

В целом деятельность земских учреждений Оренбургской губернии в 1913–1917 гг. следует оценивать положительно. Агрономическая деятельность Оренбургского земства внесла значительный вклад в развитие сельского хозяйства Оренбургской губернии. Были осуществлены важнейшие мероприятия по организации на научной основе земледелия и животноводства. Но многое из намеченных мероприятий выполнить не удалось, помешала начавшаяся Первая мировая война, а затем и Гражданская война. В годы Первой мировой войны в деятельности Оренбургского земства произошли существенные перемены. Местные органы самоуправления осуществляли не только традиционные хозяйственно-культурные мероприятия, но и занимались организацией медицинской помощи больным и раненым воинам, помогали семьям солдат, призванных на войну, участвовали в работе по снабжению армии продовольствием и обмундированием.

Однако эти результаты были достаточно скромными и не удовлетворяли в полном объеме социально-экономических потребностей населения Оренбургского края.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). – Ф. 43. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 29.
2. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 3.
3. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 1. – Д. 244. – Л. 58.
4. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 1. – Д. 294. – Л. 1–3.
5. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 1. – Д. 628. – Л. 2, 3–4.
6. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 387–388.
7. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 1. – Д. 665. – Л. 74–75.
8. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 1. – Д. 685. – Л. 47.
9. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 2. – Д. 23. – Л. 17–19.
10. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 2. – Д. 28. – Л. 47.
11. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 3. – Д. 149. – Л. 49.
12. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 3. – Д. 241. – Л. 28.
13. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 3. – Д. 245. – Л. 7.
14. ГАОО. – Ф. 43. – Оп. 3. – Д. 257а. – Л. 19–20, 21, 22, 23–24.
15. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – М.: Наука, 1990. – 264 с.
16. Мокеев И. Из деятельности губернского земства // Оренбургское земское дело. – 1917. – 15 января. – С. 4.
17. Селивановская Л.А. Классовое расслоение Оренбургской деревни накануне Октября // Ученые записки Перм гос пед ин-та, Оренбург гос. пед ин-та. – Пермь, 1969. – Вып. 32. – С. 101–119.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (GAOO). – F. 43. – Op. 1. – D. 15. – L. 29.
2. GAOO. – F. 43. – Op. 1. – D. 17. – L. 3.
3. GAOO. – F. 43. – Op. 1. – D. 244. – L. 58.
4. GAOO. – F. 43. – Op. 1. – D. 294. – L. 1–3.
5. GAOO. – F. 43. – Op. 1. – D. 628. – L. 2, 3–4.
6. GAOO. – F. 43. – Op. 1. – D. 65. – L. 387–388.
7. GAOO. – F. 43. – Op. 1. – D. 665. – L. 74–75.
8. GAOO. – F. 43. – Op. 1. – D. 685. – L. 47.
9. GAOO. – F. 43. – Op. 2. – D. 23. – L. 17–19.
10. GAOO. – F. 43. – Op. 2. – D. 28. – L. 47.
11. GAOO. – F. 43. – Op. 3. – D. 149. – L. 49.
12. GAOO. – F. 43. – Op. 3. – D. 241. – L. 28.
13. GAOO. – F. 43. – Op. 3. – D. 245. – L. 7.
14. GAOO. – F. 43. – Op. 3. – D. 257a. – L. 19–20, 21, 22, 23–24.
15. Gerasimenko G.A. Zemskoe samoupravlenie v Rossii. – M.: Nauka, 1990. – 264 s.
16. Mokeev I. Iz deyatel'nosti gubernskogo zemstva // Orenburgskoe zemskoe delo. – 1917. – 15 yanvara. – S. 4.
17. Selivanovskaya L.A. Klassovoe rassloenie Orenburgskoj derevni nakanune Oktyabrya // Uchenye zapiski Perm roc ped in-ta, Orenburg gos. ped in-ta. – Perm', 1969. – Vyp. 32. – S. 101–119.

Панкратова Ольга Борисовна
Костромской государственный университет
pankratova_olga@ksu.edu.ru

Писанов Сергей Сергеевич
Костромской государственный университет
gbcfyjd@mail.ru

ПОЛИТИКА ЛИШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В 20-е – 30-е ГОДЫ XX ВЕКА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье идёт речь о политике большевиков в отношении крестьянства – лишении гражданских прав. Одним из социальных последствий этой политики являлось отречение членов семьи от своих родственников – лишенцев, совершаемое ради дальнейшей возможности устроить свою жизнь в советском обществе. Принадлежность к семье лишенца не давала человеку возможности полноценной жизни в обществе. Поэтому принимался самый страшный путь достижения жизни без запретов – отказ от корневых родственных связей и отношений со своей семьёй. Проводимая в деревне политика большевиков по подрыву семейных традиций и устоев имела свои трагические результаты. Начатая классовая борьба по выявлению «своих» и «чужих», разрушение мирного течения деревенской жизни явились одними из первых тяжёлых испытаний в длительном процессе раскрестьянивания деревни.

Ключевые слова: избирательное право, последствия лишения, классовая политика, отречение от семьи, разрушение семейных связей, раскрестьянивание.

В 90-е годы XX века у историков появилась возможность использовать закрытые ранее исторические источники и применять новые подходы для их изучения. В первую очередь речь идет об архивных документах, относящихся к советской эпохе. Были проведены новые исследования и написаны исторические труды, которые отразили жизнь советского крестьянства в период раскулачивания и коллективизации с актуальных позиций, с применением современных подходов и методов. Новые документы дали возможность оценить весь масштаб изменений, происходивших в деревне на этапе социалистического строительства и трагических социальных последствий коллективизации и раскрестьянивания деревни. Принимаемые советской властью меры для подчинения крестьянства, действовавшие с весны 1918 года, не имели под собой никакой нормативно-правовой базы. Крестьянство в руках большевиков становилось разменной монетой в борьбе за построение нового деревенского миропорядка. Насильно вгоняемое в чуждую действительность, крестьянство восставало против навязываемых новшеств, становясь объектом пристального внимания.

Основной удар в этой негласной войне пал на зажиточное крестьянство и тех, кто использовал чужой труд. Семью крестьянина и его самого рассматривали через призму критического отношения, выискивая аргументы «за» и «против» его дальнейшего существования в обществе. Доводы о нелояльности к советской власти, о принадлежности к классово чуждым элементам (бывший торговец, священник, дьякон, мельник), об антисоветской агитации среди односельчан (подтверждённой или нет), об укрывательстве излишков хлеба – играли большую роль. Не существовало пути для возвращения всего нажитого, что было изъято либо односельчанами-завистниками, либо продотрядами, либо представителями комбедов.

Не было возможности восстановить свою честь и честь семьи, не давалось попытки вернуть то гордое звание – пахарь и труженик земли русской. В один миг земля превратилась в арену битвы за выживание – государство против граждан. Лозунг «Земля – крестьянам» перестал действовать. Актуальными становились призывы «Борьба за хлеб – борьба за социализм», «Ликвидируем кулака как класс» и др. Удержать власть, опираясь только на массы пролетариата, было невозможно. Поэтому нужно было вовлекать в процесс становления социализма широкие массы крестьянства, в основном бедняков и середняков. Новации, которые вводились большевиками, были нацелены на удержание власти любым путём. Террор, насилие, унижение становились самыми подходящими инструментами в руках большевиков.

Параллельно с процессом террора и насилия в деревне с конца 1918 года начинает действовать другой процесс под эгидой строящегося социализма – лишение прав голоса крестьян на выборах в сельские советы. Этот процесс был направлен против зажиточного крестьянства, эксплуататоров и тех, кто добывает средства к существованию не общественно полезным трудом. Большевики понимали, что эксплуататоры могут повлиять на выборы в сельсоветы. Поэтому путь, который предлагала партия, состоял в лишении гражданских прав для снижения до минимума или полной ликвидации эксплуататоров в деревне, отстранения их от выборов. Основания для лишения прав голоса были прописаны в Конституции 1918 года и в последующих инструкциях о перевыборах в сельские советы. Это позволяло большевикам, опираясь на законы, приступить к отбору сельских жителей путём разделения на «своих» и «чужих».

Последствия лишения права голоса (избирательного права) для крестьянина были сродни вынесению смертного приговора. При всей тра-

гичности ситуации власть давала возможность обжаловать постановление сельского избиркома. Крестьяне, в свою очередь, этой возможностью пользовались, но при этом должны были объясняться: что трудились в поте лица вместе с наемными рабочими и сами, вынуждены были отказываться от трудового прошлого своих предков, от традиции мира и согласия крестьянской семьи. Платой за восстановление в гражданских правах стали унижительные попытки отказа от своей семьи в пользу своего будущего. Документальных доказательств этому много: «В настоящее время занимаюсь сельским хозяйством и землю обрабатываю своим трудом» [1, л. 72], «Семья моя состоит из трёх человек, но судя поэтому как я ещё молодой хозяин, начинаю только развивать свое хозяйство и не считаю себя середняком, но пропадает моя молодая жизнь за кличку фамилии отца» [2, л. 142]. «А хотя и жил я с отцом, но патента на право торговли на меня не было, а был только член семьи, даже заставило поиметь раздельный акт с отцом, за которого я вторично говорю и приходится пропадать...» [3, л. 149]. «Прошу восстановить меня в правах гражданства, то что я в настоящее время пропадаю в жизни за старую свою совместную жизнь с отцом, так как который был частным торговцем» [4, л. 151].

Следствием такой государственной политики – политики лишения избирательных прав, борьбы за личное (единоличное) существование – стал слом деревенских устоев, крестьянских традиций. Это был переломный момент в жизни и судьбе советской деревни.

Лишение сельских жителей избирательных прав стало массовым явлением. Политика «лишенчества», проводимая в период с 1918 по 1936 годы, на начальном этапе реализации рассматривалась как временная мера в борьбе с теми, кто не вписывался в рамки новой реальности. Создавалась новая основа государственности – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Выборы в советы проводились повсеместно. Конституция 1918 года предоставляла всем совершеннолетним трудящимся право участвовать в выборах (активно или пассивно), независимо от вероисповедания, национальности, расовой принадлежности, оседлости и т. д. Движущей силой становился городской и сельский пролетариат. В целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства вводилась обязательная трудовая повинность. К «паразитическим слоям общества» относилась и сельская буржуазия – зажиточные крестьяне, они же кулаки, «мироеды», «кровопийцы». Партия большевиков проводила политику социальной справедливости, принцип которой заключался во вседозволенности одних и дискриминации других. Принадлежность к трудовому цензу и возможность использовать свой голос на выборах

в Советы играли судьбоносную роль в дальнейшей жизни крестьянина и его семьи. Поэтому почти одновременно с образованием советского государства стала конструироваться социальная категория граждан страны, которых в отечественной историографии принято называть «лишенцами», то есть лица, лишённые активного и пассивного избирательного права при пере выборах в Советы. Такая ликвидация конституционных прав избирать и быть избранными для представителей значительной части населения страны означало для них не только лишение гражданских прав, но и обычного человеческого достоинства.

Впервые информация о внесении таких крестьян в списки лишённых избирательных прав была изложена в инструкции о пере выборах от 31 августа 1922 года. В документе появились послабления, а именно: в главе «О составлении списков лиц, лишённых избирательных прав» регламентировались обязанности избирательной комиссии при составлении этих списков и впервые вводилась процедура обжалования постановления о лишении прав (чего в предыдущей инструкции о пере выборах от 1918 года не было). По инструкции 1922 года списки лишённых прав вывешивались на всеобщее обозрение за 7 дней до следующих выборов. Крестьянин, находивший свою фамилию в этом списке, в течение 3 дней со дня публикации списка мог обжаловать такое постановление сельского избиркома. Такое же количество дней отводилось согласно инструкции о пере выборах от 11 августа 1924 года.

Совсем другая ситуация возникла после принятия инструкций о пере выборах 1925, 1926, 1930 и 1934 гг. Списки вывешивались за 20 дней до следующих пере выборов. Для обжалования появления фамилии в списках крестьянину давалось 7 дней. Однако за такой жест доброй воли со стороны власти крестьянину за эти отведённые для обжалования постановления дни приходилось обивать не один порог, чтобы доказать, что он был внесён в списки ошибочно. Причём в отношении крестьянина, не сумевшего в своей жалобе убедить комиссию, что его незаконно причислили к числу «чужих», применялись меры социального, административного и экономического давления. Любой намёк на то, что он использовал (использует) наёмный труд, занимался (занимается) торговлей, перепродажей, имел (имеет) в хозяйстве сельскохозяйственный промысловый инвентарь (мельницу, крупорушку, маслобойку, шерстобитку и др.), давал повод рассматривать пристальнее хозяйство сельского жителя. До инструкции о пере выборах от 26 сентября 1926 года власть лишала права участвовать в выборах только тех, кто занимался привлечением наемного труда («эксплуатировал») после 1917 года. После выхода этой инструкции – стали рассматривать и тех, кто занимался этим до

1917 года. Списки «лишенцев» стали увеличиваться. Так же на расширение списка повлияли результаты перевыборов в конце 1925 года. К этим перевыборам, впервые с 1918 года, допускались члены семьи лишенца, только если они материально не зависели от него. Если брать во внимание то, что вся семья зависела от главы семейства, они автоматически лишались права голоса.

Последствия лишения права голоса для крестьянина и его семьи были катастрофичны: имущество продавалось, его хозяйство облагалось непосильным налогом, на них не распространялось государственное обеспечение (пенсии, пособия по безработице и т. д.), не было возможности купить в сельской лавке товары первой необходимости. Под удар попадали дети лишенцев, становясь социально чуждыми элементами. Им запрещалось учиться в средних специальных или высших учебных заведениях, а если учились, отчисляли лишь по одной причине – в документах делалась пометка «лишенец».

В первые годы советской власти ещё не существовало запретов на поступление в вузы для лиц, лишённых избирательных прав. С 1921 года был установлен «классовый принцип» приёма. Абитуриенты должны были соответствовать требованиям «социального отбора». Среди прочих документов им требовалось предъявлять в приёмную комиссию справку «о нелишении избирательных прав» в отношении их самих и их родителей. Для своего восстановления им приходилось доказывать, что они либо не поддерживают связи со своими родителями, либо что их родители умерли (при том, что родители были живы). Советская власть «делала шаги навстречу»: для того, чтобы восстановление в правах произошло, следовало иметь пятилетний рабочий стаж на общественно-полезной работе. Чтобы быть допущенным до какого-либо труда, работодатель рассматривал в первую очередь не документ об образовании или предыдущем рабочем месте, а социальное положение. Социальное положение «лишенец» закрывало все перспективы на будущее. В таких условиях уже не шла речь о судьбе семьи в целом. Здесь начинал действовать другой принцип – борьба за личное существование, который достигался всевозможными способами, один из них – отказ от родственников-лишенцев.

Лишенец – это физически крепкий, желающий работать и учиться крестьянин, попавший под действие политической чистки и вследствие этого не имеющий такого права. Государство давало возможность восстановления в избирательных правах после того, как сельская комиссия получала на рассмотрение жалобу от лишенца. Эти жалобы носили разный характер. В одних излагалась просьба (при предъявлении необходимых документов) восстановить в правах на тех основаниях, что

крестьянин более не занимался эксплуататорской деятельностью, был занят общественно полезным трудом на протяжении нескольких лет и стал лояльно относиться к власти. В жалобах другого типа крестьянин утверждал, что принятые меры воздействия против него были неправомерными, что он никогда не эксплуатировал чужого труда.

Особый интерес представляют жалобы о восстановлении гражданских прав, которые писались в комиссию не главой семейства. Их писали члены семьи: дети, жёны. Ими были изысканы любые методы и слова, выражалась готовность на всё, чтобы снять лично с себя клеймо «лишенца». Основанием являлся довод, что это не они были первоначально лишены прав, а их отец – торговец, дед – бывший заводчик, муж – мельник, перекупщик, жена и сын (как дочь и внук бывшего «богача»). Поэтому их волновала отнюдь не политическая сторона этих прав, вопрос стоял о выживании их самих. Отречение от семьи – метод, который в условиях жёсткой реальности тех лет давал свои результаты. Чтобы комиссия всё же одобрила жалобы такого типа, могло уйти от нескольких месяцев до года и более. Жалобы на восстановление пересылали от сельского к волостному избиркому и обратно. Делалось это для того, чтобы власть была уверена в конкретном заявителе, в его намерениях стать лояльным к новому порядку. И в каждой новой просьбе о восстановлении в правах всё чётче звучали мотивы отречения от семьи. Отрекались до тех пор, пока президиум РИКа не считал возможным поверить в то, что заявитель «отошёл» от своего семейства. Обездоленные, социально незащищённые, безработные, отовсюду выгоняемые – решались на шаги, которые порою кажутся не до конца осмысленными. Эти шаги делались через унижение себя и предательство родных.

Лишенцы, особенно из числа молодёжи, очень тяжело переживали ограничения, что иногда находило отражение в их заявлениях о восстановлении в избирательных правах. «Мы как молодое поколение с рвением стремились бы участвовать в общественной жизни, но, не имея права голоса, не можем этого сделать» [11]. Члены семьи, писавшие в сельсовет заявления подобного характера, старались доказать, что ничего общего с лишенцем не имеют, живут отдельно, выполняют общественно-полезную работу. Попыток отказа от семьи было много. Как следствие – разрыв корневых родственных связей, отречение от отцов и дедов, от жен и мужей, от братьев и сестёр. Доходило дело и до имущества семьи. Скидывали с себя последнюю рубаху, чтобы ничего не оставалось – войти в «новую» жизнь чистым от прошлого. Ведь всё оно в целом было нажито отцом, дедом, мужем на «нетрудовые доходы».

Классовая политика в деревне, начиная с первых перевыборов в сельские советы, была наце-

лена на расшатывание, разрушение деревенских устоев. Следовало из всей крестьянской массы выбрать «своих», остальных – отстранить и отослать на задворки «новой» жизни. Таким образом, рушилась система деревенской жизни, даже при отказе от чего-то одного – ломался весь деревенский уклад. «Прошу восстановить меня в гражданских правах, так как проживаю один, живу своим трудом, с отцом-лишенцем не общаюсь и никаких дел не имею» [5, л. 37], «Прошу рассмотреть моё заявление, в котором восстановление в правах мне и моим детям отказано. Такое решение считаю несправедливым, потому что я и тем более мои дети никогда торговлей не занимались. Торговлей занимался мой муж» [6, л. 192]. Происходило сознательное стремление сломать эту систему, проделать брешь между носителями устоев и новым поколением. И не просто разорвать любые отношения между поколениями, а создать атмосферу намеренного отказа от своих семей ради светлого будущего. Кошунственным является то, что отказ порой проходил не просто по письменному заявлению. Доходило до прилюдного отказа от отцов, дедов, матерей.

Лишение избирательных прав крестьян по экономическим, социальным и политическим мотивам как метод поиска и отстранения «чужих» от жизни общества есть карательная мера, позволившая нейтрализовать неуместные крестьянские массы от проведения большевистской политики в сельском хозяйстве. Отказ от родственников-лишенцев являлось тяжёлым последствием этой политики, которая стояла в преддверии больших трагедий – раскрестьянивания и раскулачивания в 1920–30-е годы. В деревне, начиная с момента выхода первой инструкции о перевыборах в сельский совет, разворачивалась не борьба бедняцкой прослойки с зажиточными эксплуататорами до ликвидации последних, а борьба против основы прошлого, против вековых традиций, против семьи, в которой были заложены основы морально-нравственного отношения молодого поколения к старому. Члены семей «лишенцев», в первую очередь молодёжь, оказались поставлены в условия жестокого выбора: либо остаться в семье, либо порвать с ней, не желая страдать от «прегрешений отца-лишенца». В обществе складывалась порочная практика отказа детей от родителей, достигшая своего пика в конце 1930-х. Тем самым властью углублялся и искусственно воспроизводился конфликт поколений, семейные отношения были навсегда подорваны. Хорошо поставленный учёт и контроль над

«лишенцами» позволяли без особого труда выявлять объекты для репрессий. Насильственный разрыв родственных связей есть трагедия отдельной семьи и всего крестьянства.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. Р. 2666. – Оп. 3. – Д. 20. – Л. 72.
2. ГАКО. – Ф. Р. 2666. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 142.
3. ГАКО. – Ф. Р. 2666. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 149.
4. ГАКО. – Ф. Р. 2666. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 151.
5. ГАКО. – Ф. Р. 2666. – Оп. 3. – Д. 20. – Л. 37.
6. ГАКО. – Ф. Р. 2666. – Оп. 3. – Д. 20. – Л. 192.
7. Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах // Избранные произведения – М., 1988. – С. 130–143.
8. Венер М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос // Отечественная история. – 1993. – № 5.
9. Владимирский М.Ф. Организация советской власти на местах. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 146 с.
10. Годунов Б.Н., Панкратова О.Б. «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было...»: (Опыт документальных этюдов) // Костромская земля. – 1999. – Вып. 4. – С. 218–272.
11. Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классово-вой принадлежности в Советской России в 20-х годах // Вопросы истории. – 1990. – № 8.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti (GAKO). – F. P. 2666. – Op. 3. – D. 20. – L. 72.
2. GAKO. – F. P. 2666. – Op. 3. – D. 5. – L. 142.
3. GAKO. – F. P. 2666. – Op. 3. – D. 5. – L. 149.
4. GAKO. – F. P. 2666. – Op. 3. – D. 5. – L. 151.
5. GAKO. – F. P. 2666. – Op. 3. – D. 20. – L. 37.
6. GAKO. – F. P. 2666. – Op. 3. – D. 20. – L. 192.
7. Buharin N.I. O novoj ehkonomicheskoj politike i nashih zadachah // Izbrannye proizvedeniya – M., 1988. – S. 130–143.
8. Vener M. Licom k derevne: sovetskaya vlast' i krest'yanskij vopros // Otechestvennaya istoriya. – 1993. – № 5.
9. Vladimirskij M.F. Organizaciya sovetskoj vlasti na mestah. – M.: Gos. izd-vo, 1921. – 146 s.
10. Godunov B.N., Pankratova O.B. «Chto bylo, to i teper' est', i chto budet, to uzhe bylo...»: (Opyt dokumental'nyh ehtyudov) // Kostromskaya zemlya. – 1999. – Vyp. 4. – S. 218–272.
11. Ficpatrik SH. Klassy i problemy klassovoj prinadlezhnosti v Sovetskoj Rossii v 20-h godah // Voprosy istorii. – 1990. – № 8.

КУЛЬТУРА И БЫТ ЯРОСЛАВСКИХ РАБОЧИХ В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена комплексному исследованию культуры и быта рабочих Ярославского резиноасбестового комбината в период его строительства и первых лет работы (1920–1930 гг.). Автор проследил процесс изменения культурно-бытового уровня рабочих и стремился найти причины этого изменения. В ходе исследования были выявлены неудовлетворительные бытовые условия в начале строительства комбината: отставание темпов строительства жилья от потребностей, скученность и холод в рабочих бараках, отсутствие и нехватка постельных принадлежностей, посуды, продуктов питания. Этому же периоду была присуща низкая культура рабочих. После строительства комбината культурно-бытовой уровень жизни рабочих повысился. Коренное изменение культуры и быта рабочих произошло вследствие повышения их материального благосостояния, строительства объектов культурно-бытового назначения и других принятых в этом направлении мер.

Ключевые слова: история, культура, быт, рабочий, ярославский резиноасбестовый комбинат, образование, жилищное строительство, баня, фабрика-кухня, Ярославль.

Культура и быт ярославских рабочих в указанный период наиболее полно отразились во время строительства и пуска заводов резиноасбестового комбината – флагмана социалистической индустриализации региона. Компоненты культуры и быта: жилье, питание, отдых, нравы, досуг, образование и др. – нашли отражение в воспоминаниях, фотографиях, письмах и заводских многотиражных газетах, сохранившихся в Российской национальной библиотеке.

Характерным компонентом культуры и быта рабочих являлось их жилищное положение. Интенсивное развитие промышленности в Ярославском регионе вызвало бурный рост численности городского населения, а темпы строительства жилья не могли удовлетворить их потребностям. В 1928 году в г. Ярославль на строительство резиноасбестового комбината приехало более 50 тысяч человек – по дореволюционным меркам это большой город [6]. Главной проблемой каждого приехавшего на стройку рабочего являлось жилье. Рабочие проживали там, где это было возможно: «на постое» в частных домах, бараках-общежитиях, бывшем крольчатнике [12, № 2 (467). 02.01.1933], в отремонтированной уборной [13, № 117 (612). 30.06.1933] и др.

К январю 1929 года по инициативе руководителя Ярославского губкоммунотдела К.И. Бутусова в соответствии с «новым содержанием», отражающим переход рабочих к новому быту, к социалистическим принципам равенства и коллективизма были построены пять домов по новому «типовому проекту рабочего жилища». П-образные здания формировали «двор-сад» и «коридоры-бульвары». Рядом с домами была оборудована механизированная прачечная и расположен магазин товаров повседневного спроса [14]. Главным принципом «города-сада» было привлечение всего населения в общественное производство, организация дома-коммуны с новым типом жилища, где широко развита сеть обслуживающих организаций, озеленены и благоустроены дворы и улицы. Из-за

нехватки средств пришлось отказаться от строительства таких элитных домов для рабочих и перейти к упрощенному строительству [6, с. 25]. Рядом с промышленной площадкой были построены 22 временных деревянных барака [6, с. 33]. В этих переуплотненных бараках жили строители и рабочие, приехавшие из деревень и колхозов [3], без квалификации, малограмотные [2]. Так, в бараке № 18 «слышна матерная ругань, бывают постоянные пьянки, картежная игра, дело доходит до драк» [13, № 112 (577). 22.05.1933]; в бараке № 9 «комендант Безматерный торгует жилплощадью: отдельные комнаты он предоставляет тем, кто спивает его вином» [12, № 3 (468). 03.01.1933].

Условия проживания в бараках были таковы: «в бараке № 22 на 120 рабочих – 7 табуреток; в бараках № 26, 27, 29, 30 – чайников нет, рабочие сделали их из противогозов» [12, № 3 (468). 03.01.1933]. «Рабочие-строители живут в очень плохих условиях в бараках. Спят на голых досках. Чайники в бараках все худые. Нет пил и топоров. Рабочим приходится привозные доски для отопления ломать руками...» [12, № 2 (467). 02.01.1933]. Шкафов в комнатах не было, вещи складывали под кровать. Семейные рабочие спали на сколоченных деревянных топчанах, а дети – в оцинкованных тазах и корытах [12, № 2 (467). 02.01.1933]. В бараке № 9 «было холодно, в коридоре темно, провести свет комендант отказался. Барак переуплотнен: на 1 человека приходится 1,5 кв. м жилплощади. Клопы и тараканы буквально одолевают людей, и от них даже некуда скрыть продукты. В бараке 40 детей, нет утепленной уборной и детской комнаты. Вентиляции нет, стоит тяжелый спертый воздух» [12, № 3 (468). 03.01.1933]; «В домах фабричного поселка в окнах большие щели, из окон видна внутренняя часть уборной, расположенной напротив дома. Помойки нет» [13, № 120 (585). 31.05.1933].

Питание рабочих было очень скудное, хлеб выдавали по карточкам, купить продукты было не на что – большая часть зарплаты уходила на займы индустриализации [13, № 95 (550). 29.04.1933].

В сентябре 1932 г. партком принял решение: «Выявить всех рабочих, желающих держать кроликов, и не позднее 1 ноября снабдить их кроликами на соответствующих договорных началах» [17]. В городе существовали немногочисленные продуктовые ларьки [13, № 120 (585). 31.05.1933], но в них не хватало продуктов. Например, в магазин № 10 на Закоторосльной набережной, где обслуживались рабочие, «продукты завозились несвоевременно, в недостаточном количестве, работники магазина обращались с рабочими грубо» [13, № 121 (586). 02.06.1933]. Большинство рабочих, трудясь во вредных условиях, получали молоко. В 1933 году в магазине № 11 «в апреле месяце рабочие не могли получить молоко, им выдали по 1 кг творога и вырезали 6 талонов» [13, № 121 (586). 02.06.1933]. В заводской газете в июне 1933 г. был провозглашен призыв: «Молоко должен выпить сам рабочий». Чтобы рабочие не уносили молоко домой, его наливали в привязанные «специальные кружки, а не в свою посуду» [13, № 122 (587). 03.06.1933]. Рабочий выпивал молоко на месте, кружку забирали.

Питанием в столовых рабочие были недовольны: порции уменьшенные (в столовой регенераторного завода) [12, № 29 (494). 04.02.1933], в столовой № 2 грязно, течет вода, дают вилки, а «вилками есть нечего» [13, № 112 (577). 22.05.1933]. Улучшенное питание по решению горкома партии предоставлялось ударникам и лучшим работникам [13, № 132 (597). 15.06.1933].

На заводах комбината было много случаев воровства. Например, на шинном заводе в январе 1933 г. «за 1 месяц (!) пропало 30 метров прокладочной ткани, 20 деревянных метров, масса ножей и т. д.» [12, №3 (468). 03.01.1933].

Яркое и образное воспоминание Елизаветы Козловой, работавшей в редакции заводской многотиражки «На стройке», не только рисует низкий уровень бытовых условий, но и характеризует настроение рабочих – энтузиазм, веру в светлое будущее, оптимизм: «С непривычки уставали отчаянно. А настроение было все же приподнятым, праздничным – какой комбинат строим, во всей Европе такого нет! А еще тут смеху было! Утром кричат: «Подъем», а нас словно кто держит, никак не встать. А это волосы к стеклу примерзли и у меня, и у подружки. У окна мы спали двое, коек не хватало. Как мы волосы отдирали от окна – и ревом, и хохочем! Сколько часов работали, не считали. Вставали затемно и до темноты. И выходных не видели. Не любили ночные субботники! Только угреешься, бежит дежурный из ячейки: «Вставайте, баржа пришла! Разгружать срочно!» Чаше всего разгружали кирпичи. Становились цепочкой и передавали из рук в руки. Кончали уже засветло – чего в барак идти? Шли прямо на рабочие места. Кормили неважно, все есть хотелось. Но какую же вкусную картош-

ку мы варили в консервных банках! И вообще, хоть и переживали разные трудности, время было хорошее! Мы гордились, что строим такой гигантский комбинат! [20, с. 25] Из воспоминаний ветерана завода синтетического каучука А.М. Разумовской-Башмаковой: «Жили бедно. Ботинки у большинства из нас были на деревянном ходу. После комсомольских ночных субботников по разгрузке составов с лесом, кирпичом, трубами, оборудованием, почти не спавши, шли на стройку. Все это делалось с шутками и песнями» [10, с. 26].

В 1932 году заводы резиноасбестового комбината один за другим стали вступать в число действующих, появилась долгожданная продукция: каучук, шины, покрышки, камеры, резиновые подошвы. Комбинат стал работать на прибыль, появились средства для улучшения культуры и быта рабочих.

В 1933 году для рабочих была пущена механизированная фабрика-кухня [15, № 252. 07.11.1933], сюда приходили обедать рабочие в обеденный перерыв. 20 000 обедов ежедневно развозили в термосах по домам [7]. Была «одержана победа на фронте социально-бытового строительства» [15, № 257. 07.11.1933]. За счет заготовок сельхозпродукции повысилось качество общественного питания рабочих [4]. В августе 1933 года до резиноасбестового комбината пустили трамваи: Резиногигант – Вокзал, Резиногигант – Красный Перекop, Резиногигант – Площадь Труда [6, с. 43].

В 1934 году в районе нынешней улицы Щапова образовался Фибролитовый поселок из 14 домов из фибролита – прессованных плит из древесной стружки [6, с. 25]. В этом же году на проспекте Шмидта (проспект Ленина) были выстроены 14 капитальных четырехэтажных домов [6, с. 17]. Эти дома ярко отражали идею социалистического быта: рабочие не должны сами готовить, стирать – все это должно было делаться общественными организациями. Поэтому в центральной части дома внизу была общественная столовая, комната отдыха; при входе раздевалка, комнатки для чистки платья и подогрева готовой пищи на электроплитках, рядом – уборная, ванная комната не было [6, с. 40].

В 1934 г. открылся крупнейший в городе звуковой кинотеатр (клуб «Гигант») на 1200 мест [19, с. 99]. «Рабочие комбината получили новый культурный очаг с просторным фойе, читальней, комнатой отдыха» [13, № 256. 10.11.1934]. Позже в помещении клуба разместились: театр рабочей молодежи, школа балета, коллектив баянистов, 6 духовых оркестров, 6 драмкружков, 5 агитбригад и др. [13, № 286. 16.12.1934].

Для рабочих комбината были построены баня и 2 прачечные. В бане были просторные раздевалки, души и ванны, парикмахерские и большая дезинсекционная камера [6]. Единый комплекс жилых и общественных зданий отражал идею нового социалистического быта.

Для обучения рабочих в короткий срок были открыты школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), профшколы, техникумы, рабочие факультеты. В июле 1932 года состоялся первый выпуск школы ФЗУ по специальностям резинщика, регенератчика, подошвенника [9]. Многие рабочие учились в резиновом и химическом техникумах [16].

Медицинское обслуживание рабочих комбината было возложено на больницу Загородного сада, постройки которой были старые и тесные [1]. В 1933 году из отделений были организованы и переведены в соответствующие помещения самостоятельные больницы. Качество обслуживания при этом существенно улучшилось.

С 1935 года рабочие стали получать отпуска, росла зарплата, по радио звучали жизнеутверждающие песни Лебедева-Кумача и Дунаевского [8].

В 1935 году 70 % прибыли были использованы на жилищно-бытовое строительство [11]. А.М. Кокуева, бывшая аппаратчица цеха полимеризации, вспоминала: «Зарабатывала 310 рублей. В 1935 году сшила себе сразу два пальто: зимнее и осеннее. Купила радиоприемник. Получила путевку в Кисловодск. Кино смотрела: «Чапаев», «Сосны шумят», «Веселые ребята», «Гибель эскадры», «Платон Кречет» [10, с. 60]. Рабочие цеха вулканизации периодически посещали городской драматический театр им. Волкова: 15 молодых людей – «чисто выбритых, одетых в выглаженные костюмы, у каждого хорошо завязан галстук» [13, № 46. 25.02.1935] – коллективно пришли посмотреть «Тартюф» Мольера. Уже всей бригадой ходили смотреть «Бешеные деньги», «Портрет», «Девушки нашей страны» и др., а также посетили кинотеатр, где смотрели фильмы «Чапаев», «Пышка», «Веселые ребята» и др. [13, № 46. 25.02.1935]. Коллектив этой бригады посетил художественную галерею, краеведческий музей, был на экскурсии комбината «Красный Перекоп» [13, №46. 25.02.1935]. Ещё три месяца назад в квартирах рабочих полы мылись редко, кровати оставались в беспорядке, под подушку клалась хлеб и одежда. А теперь картина резко изменилась. Каждый опрятно убирает свою кровать, на окнах появились занавески, на стенах – портреты, часто меняется постельное белье, чаще моются полы, на тумбочках поставлены пепельницы» [13, № 46. 25.02.1935]. Дома рабочие читали классические произведения: «Поднятую целину» М.А. Шолохова, «Я люблю» Авдеенко и газеты «Резиногигант», «Северный рабочий», «Правда», «Известия».

Переписка с писателем М.А. Шолоховым наглядно отражает средний уровень культуры рабочих: «Дорогой Михаил Александрович, надеемся, что не будешь сердиться за несколько отнятых минут. Хочется нам с тобой завязать тесную дружбу. Тебя, почетного колхозника, мы знаем хорошо

и любим. Все читали твои произведения – “Тихий Дон” и “Поднятая целина” А ты нас совсем не знаешь. Будем знакомиться. Мы – рядовые рабочие, стахановцы шинного завода Ярославского резинокомбината. Мы собираем покрышки, возможно, и ты едешь на наших покрышках... Заработок наш приличный. Одеваемся хорошо. Ходим в театр им. Волкова, в кино. Все учимся. Один в техникуме, другие к нему готовятся. Читаем газеты, журналы и художественную литературу. Работаем мы неплохо, но будем работать еще лучше» [13, № 2. 03.01.1936]. В октябре 1936 г. делегация от автопробега посетила в Сочи писателя Н.А. Островского и подарила ему букет роз из резины [18].

В начале 30-х годов на комбинате стали работать спортивные секции по футболу, волейболу, баскетболу, легкой атлетике, плаванию. Появился свой стадион «Химик» (у въезда на мост через Волгу), спортивный зал «Динамо» (на ул. Свободы), лодочная станция, шахматный клуб, загородные базы «Иваново», «Коминтерн», «Абросиха». С 1935 года ни один спортивный праздник в городе не проходил без выступлений заводских физкультурников [5, с. 79]. В 1937 году 18 рабочих, путешествуя по горам Кавказа, получили почетное звание «Альпинист СССР» [15, № 274. 29.11.1938]. В 1938 году более 3 000 человек отдыхали и лечились на курортах Крыма, Кавказа и других уголках Советского Союза [15, № 274. 29.11.1938].

Исследование позволяет сделать вывод о том, что при восстановлении народного хозяйства в период индустриализации принципиально изменились культура и быт рабочих: от элементарных потребностей к коренному переустройству. Строительство крупного индустриального гиганта – Ярославского резиноасбестового комбината – вызвало громадный приток рабочих в город. Первоначально из-за отставания темпов роста жилищного строительства рабочие жили в переполненных бараках, общежитиях и другом временном жилье. Условия проживания в них были крайне неудовлетворительны. Культура рабочих была низкой: малограмотность, пьянство, сквернословие, воровство, игра в карты, драки. Питание было скудным. С середины 1930-х гг., с пуском заводов комбината, бытовые условия и культура рабочих стали динамично и качественно изменяться. Увеличилось жилищное строительство, в том числе капитальное. Со строительством фабрики-кухни значительно улучшилось питание рабочих, а с открытием бани и прачечной были обеспечены необходимые потребности. Строительство театра звукового кино приобщило рабочих к этому виду искусства и открыло дорогу в художественную самодеятельность. Произошли качественные изменения в сфере образования рабочих (от ликвидации неграмотности к учебе в ФЗУ или техникуме), в медицинском обслуживании (вместо одной боль-

ницы появилось несколько больниц различного профиля и др.), в сознании (рабочий стал чувствовать себя созидателем, способным решать важные государственные задачи). Рабочие стали больше читать художественной литературы и периодических изданий, ходить в театр. Улучшился отдых: регулярными стали поездки в дома отдыха и санатории. Неотъемлемой частью культуры рабочих стал массовый спорт.

Библиографический список

1. *Беляев В.И.* Здравоохранение Ярославля в прошлом и настоящем. – Ярославль: Ярославский медицинский институт, 1961. – С. 73, 138.
2. Бюллетень № 1 Ярославской окружной комиссии по ликвидации неграмотности и малограмотности. – Ярославль, 1929. – С. 16.
3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 327. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 232–234.
4. ГАИО. – Ф. 327. – Оп. 5. – Д. 4. – Л. 110–111.
5. *Глобус Е.Л. Фролов А.Н.* Пути пройденные. Из истории завода «Резинотехника». – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1972. – С. 70–80.
6. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. Р-2562. – Оп. 1. – Д. 124.
7. *Доценко В.* Резиновый гигант. – Иваново: ОГИЗ РСФСР, 1957.
8. За темпы: Орган парткома, завкома и дирекции завода СК-1. – 1931, 1934, 1936.
9. Индустриальное развитие Центрального промышленного района, 1926–1932: Документы и материалы. – М.: Мысль, 1969. – С. 399–400.
10. *Макаров А.И.* Полвека Ярославскому каучуку: Очерки к 50-летию предприятия. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд.-во, 1982.
11. *Митькова Т.Н.* Первенец СК. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд.-во, 1965. – С. 63.
12. На стройке: Орган ВКП(б): ежедневная газета парткома, постройкома и фабрично-заводского комитета резино-химиков Ярославского резиноасбестового комбината. – 1930–1934.
13. Резиногигант: Орган комитета ВКП(б) завкома и дирекции Ярославского резиноасбестового комбината. – 1934–1938.
14. Северный край. – № 47. – 2011. – 23 марта.
15. Северный рабочий. Орган Ивановского горкома и горсовета Ивановской промышленной области. – 1931–1934.
16. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). – Ф. 229. – Оп. 9. – Д. 135. – Л. 102 об. – 103 об.
17. ЦДНИЯО. – Ф. 346. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 462.
18. ЦДНИЯО. – Ф. 358. – Оп. 4. – Д. 20. – Л. 193–194.
19. Ярославский ордена Ленина шинный: сб. документов и материалов. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1968.
20. Ярославский шинный завод: Путеводитель по 75-летней истории / сост. Ю.С. Коваленко. – Ярославль: Академия развития, 2007.

References

1. Belyaev V.I. Zdravoohranenie YAroslavlya v proshlom i nastoyashchem. – YAroslavl': YAroslavskij medicinskij institut, 1961. – S. 73, 138.
2. Byulleten' № 1 YAroslavskoj okruzhnoj komissii po likvidacii negramotnosti i malogramotnosti. – YAroslavl', 1929. – S. 16.
3. Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti (GAIO). – F. 327. – Op. 3. – D. 5. – L. 232–234.
4. GAIO. – F. 327. – Op. 5. – D. 4. – L. 110–111.
5. Globus E.L. Frolov A.N. Puti projdennye. Iz istorii zavoda «Rezinotekhnika». – YAroslavl': Verhne-Volzhsкое kn. izd-vo, 1972. – S. 70–80.
6. Gosudarstvennyj arhiv YAroslavskoj oblasti (GAYAO). – F. R-2562. – Op. 1. – D. 124.
7. Docenko V. Rezinovyy gigant. – Ivanovo: OGIZ RSFSR, 1957.
8. Za tempy: Organ partkoma, zavkoma i direktcii zavoda SK-1. – 1931, 1934, 1936.
9. Industrial'noe razvitie Central'nogo promyshlennogo rajona, 1926–1932: Dokumenty i materialy. – M.: Mysl', 1969. – S. 399–400.
10. Makarov A.I. Polveka YAroslavskomu kauchuku: Ocherki k 50-letiyu predpriyatiya. – YAroslavl': Verhne-Volzhsкое kn. izd.-vo, 1982.
11. Mit'kova T.N. Pervenec SK. – YAroslavl': Verhne-Volzhsкое kn. izd.-vo, 1965. – S. 63.
12. Na strojke: Organ VKP(b): ezhdnevnyaya gazeta partkoma, postrojcoma i fabrichno-zavodskogo komiteta rezino-himikov YAroslavskogo rezinoasbestovogo kombinata. – 1930–1934.
13. Rezinogigant: Organ komiteta VKP(b) zavkoma i direktcii YAroslavskogo rezinoasbestovogo kombinata. – 1934–1938.
14. Severnyj kraj. – № 47. – 2011. – 23 marta.
15. Severnyj rabochij. Organ Ivanovskogo gorkoma i gorsoveta Ivanovskoj promyshlennoj oblasti. – 1931–1934.
16. Centr dokumentacii novejshej istorii YAroslavskoj oblasti (CDNIYAO). – F. 229. – Op. 9. – D. 135. – L. 102 ob. – 103 ob.
17. CDNIYAO. – F. 346. – Op. 1. – D. 10. – L. 462.
18. CDNIYAO. – F. 358. – Op. 4. – D. 20. – L. 193–194.
19. YAroslavskij ordena Lenina shinnyj: sb. dokumentov i materialov. – YAroslavl': Verhne-Volzhsкое kn. izd-vo, 1968.
20. YAroslavskij shinnyj zavod: Putevoditel' po 75-letnej istorii / sost. YU.S. Kovalenko. – YAroslavl': Akademiya razvitiya, 2007.

Клинова Марина Александровна

кандидат исторических наук

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

klinowa.m@yandex.ru

ОРГАНИЗОВАННЫЙ НАБОР РАБОЧИХ: МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕШЕНИЯ КАДРОВЫХ ПРОБЛЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГГ.

Статья посвящена рассмотрению специфики функционирования системы организованного набора рабочей силы во второй половине 1940-х гг. Задача увеличения промышленного пролетариата решалась путем привлечения на предприятия сельского населения. Для привлечения крестьян в промышленность им предоставлялись льготы по налогам, единовременные денежные выплаты, материальное довольствие. Были обозначены недостатки системы организованного набора рабочих: высокий уровень текучести кадров, махинации вербовщиков, приписки и искажения данных на уровне предприятий и министерств. Несмотря на отмеченные недостатки, система организованного набора рабочих способствовала решению проблемы нехватки рабочих рук в советской индустрии в первые послевоенные годы. Изменение экономической ситуации в стране в 1950-е гг. привело к снижению потребностей экономики в неквалифицированной рабочей силе и, следовательно, к уменьшению количества рабочих, набираемых путем организованного набора.

Ключевые слова: *организованный набор, 1940-е гг., СССР, трудовая мобилизация, кадровая проблема.*

В послевоенный период основные векторы нормативного регулирования труда граждан определялись необходимостью решения важнейшей задачи, стоящей перед государством, – ликвидировать экономические последствия войны и восстановить разрушенное войной хозяйство. Данная задача была конкретизирована в плане четвертой пятилетки, который, как и предшествующие ему пятилетние циклы, был ориентирован на первостепенное развитие отраслей тяжелой индустрии.

Важным условием эффективного восстановления промышленного производства было решение кадровой проблемы. В военные годы значительно сокращается количество работающего населения трудоспособных возрастов. За период с 1940 по 1945 гг. численность рабочих и служащих по СССР сократилось с 33,9 до 28,5 млн человек. По РСФСР численность рабочих и служащих уменьшилась на 2,5 млн человек (с 22 173 000 до 19 627 000 человек) [8, с. 40]. Из них почти на 500 тыс. сократилось количество рабочих и служащих РСФСР, занятых в промышленности, на 200 тыс. – в строительстве и около 200 тыс. человек – на транспорте [7, с. 114].

Дефицит рабочей силы тормозил развитие промышленного производства, ставя под сомнение возможность реализации задач, обозначенных в пятилетнем плане. С целью более эффективного решения проблемы нехватки рабочих рук в промышленности правительство прибегло к административным мерам, восстановив действовавшую до войны разверсточную систему пополнения рабочей силы.

15 мая 1946 г. Постановлением Совета Министров СССР № 1040 «Об организационной структуре Министерства трудовых резервов» в рамках данного министерства было создано Главное управление организованного набора рабочих, на

которое были возложены задачи по проведению оргнабора в масштабах всей страны [2, д. 277, л. 360–362]. На местах были созданы городские, районные, областные, краевые и республиканские управления Министерства трудовых резервов.

Постановление Совета Министров СССР от 21 мая 1947 г. № 1631 «О порядке проведения организованного набора рабочих» регулировало практики оргнабора работников для угольной, нефтяной, лесной, цементной и асбестовой промышленности, черной и цветной металлургии, строительства электростанций, предприятий тяжелой индустрии, топливных предприятий, военных и военно-морских предприятий и погрузо-разгрузочных работ на речном и морском транспорте [2, д. 302, л. 66–68]. Данным постановлением была конкретизирована система учреждений, реализующих практики оргнабора на местах. В республиканских и областных (краевых) управлениях Министерства трудовых резервов создавались конторы по организованному набору рабочих. Конторы по оргнабору были созданы в 44 областях и краях СССР, из них в 21 области (крае, АССР), находящихся на территории РСФСР (большинство контор по оргнабору были расположены в западных регионах страны). Помимо этого в отдельных областях создавались управления Министерства трудовых резервов (всего по СССР их было 16, из них на территории РСФСР только одно – в Сахалинской области) [2, д. 302, л. 87]. Индивидуальный трудовой договор заключался с рабочими от имени контор Министерства трудовых ресурсов и предприятий того министерства, для которого проводился набор. Рабочие направлялись работать на стройки, предприятия промышленности и транспорта в индустриальные центры Нечерноземья, на новостройки Сибири и Дальнего Востока. Договоры по оргнабору заключались на срок не менее одного года, для работы на предприятиях

и стройках Дальнего Востока – на срок не менее двух лет, на сезонные работы – на период сезона. В тексте договора фиксировались определенные социальные гарантии (единовременное пособие, суточные, одежда, обувь, мануфактура и пр.). Вводимая система льгот дифференцировалась в зависимости от формы набора, отраслевой принадлежности предприятия, территории, статуса отправляемых (рабочий, иждивенец). Руководство предприятий (строительных организаций) было обязано к моменту прибытия набранных рабочих подготовить оборудованные общежития, предоставить транспорт для перевозки рабочих от станции назначения и организовать для них питание.

Согласно тексту Постановления организованного набора рабочих должен был проводиться «в соответствии с народнохозяйственными планами, утверждаемыми Советом Министров СССР и по отдельным решениям Совета Министров СССР» [2, д. 302, л. 67]. В утверждаемых Советом Министров планах указывалось количество работников для различных отраслей промышленности, а также регионы реализации оргнабора для крупных постоянно действующих предприятий и на сезонные работы на торфопредприятия, лесозаготовки, рыбную путину и пр. Отдельными постановлениями Совета Министров СССР могли вноситься коррективы в поквартальные планы оргнабора. Например, для строительства Северского металлургического комбината Министерству строительства предприятий тяжёлой индустрии было разрешено «завезти в июне – июле 1946 г. 1500 человек из сельского населения других областей в Свердловскую область ... в счёт его плана организованного набора рабочей силы на третий квартал 1946 г.» [2, д. 279, л. 202]. В тексте другого постановления указывалось: «Разрешить Министерству трудовых резервов (т. Пронину) в виде исключения выдавать Министерству строительства топливных предприятий в 1946 году наряды на организованный набор рабочих при наличии подготовленной на стройках и предприятиях жилой площади для приёма новых рабочих в размере 2,8–3,0 кв. м на одного человека» [2, д. 281, л. 214–226]. Посредством оргнабора решались кадровые проблемы определенных территорий РСФСР (Южно-Сахалинская область, Дальний Восток [2, д. 276, л. 12–23; д. 279, л. 190–197], а также вербовались рабочие для отдельных государственных организаций. Например, согласно плану, весной 1946 г. было необходимо набрать 7500 человек из разных областей и республик СССР для предприятий и организаций Главсевморпути при Совете Министров СССР [2, д. 276, л. 264–267]. В целом количество работников, рекрутируемых на предприятия, по отдельным решениям правительства могло варьироваться от 2 до 18 % от изначально запланированных на год показателей) [6, д. 965, л. 49–51].

Через систему оргнабора планировалось привлечь в советскую промышленность в 1946 г. – 2 235 152, в 1947 г. – 921 725, в 1948 г. – 689 092 человек [9, с. 53]. Распределение планируемого количества работников по отраслям промышленности соответствовало приоритетам экономического развития страны в восстановительный период. Наибольшее количество рабочих планировалось направить на предприятия, подконтрольные Министерству промышленного и военного строительства (1946 г. – 517 705, в 1947 г. – 226 475 человек), а также в угольную промышленность (1946 г. – 300 780, 1947 г. – 195 900 человек). Для сравнения – план оргнабора для Министерства электростанций составлял в 1946 г. 67 780, а в 1947 г. – 28 595 человек [9, с. 53].

Через систему оргнабора на промышленные предприятия вербовали колхозников, горожан, а также демобилизованных солдат. Приоритетным было привлечение в промышленность именно сельского населения. На это указывает форма типового трудового договора (публикуемого в качестве приложения к Постановлению Совета Министров от 21 мая 1947 г.), где после ФИО работника следовало указать информацию о названии колхоза, сельсовета и пр. [2, д. 302, л. 67–79]. О приоритетности привлечения сельских жителей через систему оргнабора свидетельствуют и планы оргнабора. В 1946 г. план оргнабора по стране составлял 1,4 млн жителей сельской местности и около 830 тыс. человек горожан и демобилизованных солдат [1, д. 828, л. 1]. Если по стране пропорция планируемого количества сельских и городских жителей (в сумме с демобилизованными солдатами), вербуемых через систему оргнабора, составляла 62 % и 38 % соответственно, то по отдельным отраслям промышленности количество сельских жителей от общего объема оргнабора превышало 70 %. Например, план оргнабора для Министерства строительства топливных предприятий на третий квартал 1946 г. определялся 100 000 рабочих, из них 75 000 человек планировалось набрать в сельской местности [2, д. 281, л. 214–226]. Также колхозники привлекались на тяжелые и малооплачиваемые сезонные работы – лесозаготовки и торфодобычу. Всего по стране с 1951 по 1958 г. на сезонные работы было направлено более 1,5 млн колхозников [10, с. 118–120]. На наименее востребованные и опасные промышленные работы (в шахтах, рудниках и пр.) тоже направлялось сельское население. Для привлечения крестьян правительство прибегало и к налоговым льготам. 29 августа 1946 г. Совет Министров СССР принял Постановление № 1921, в котором указывалось требование: «Освободить от уплаты сельскохозяйственного налога крестьянские хозяйства, в которых глава семьи или другой трудоспособный член семьи заключил договор на срок не менее одного

года на подземную работу в сланцевой промышленности» [2, д. 283, л. 70–71]. Налоговые льготы применялись в качестве стимула для привлечения колхозников в угольную промышленность, где кадровая проблема стояла достаточно остро.

На практике процесс проведения оргнабора имел существенные издержки и деформации, провоцируя, в частности, и криминальные поведенческие модели в советском социуме.

Политика государства, направленная на увеличение промышленного пролетариата, голод в деревне и высокие налоговые поборы с сельского населения создавали достаточно благоприятные условия для крестьянских побегов. Факты побегов колхозников описывает в своем письме, направленном в газету «Социалистическое земледелие», счетовод колхоза «Новая деревня» (Свердловской обл.): «Многие колхозники уходят из колхоза... без решения общего собрания и безо всяких справок... колхозники сбежали в Химлесхоз. Колхозница Е.Р. Ефременкова ведет такие разговоры: “Устроиться в Химлесхоз очень просто, стоит только проработать один месяц без документов”. <...> Принимать колхозников без справок и решения общего собрания и без увольнения их из колхоза неправильно. Они [руководители учреждений] тем самым дезорганизуют дисциплину в колхозах, из которых бегут колхозники» [3, д. 6607, л. 6]. По данным Н.С. Иванова, всего за период с 1945 по 1958 г. в РСФСР без разрешения правлений колхозов выбыло 1 млн 688 тыс. крестьян, из них 443 тыс. – из колхозов Нечерноземья [4, с. 423]. Самовольный уход колхозников ставил под угрозу выполнение колхозом планов поставок государству сельскохозяйственной продукции, вызывая естественное недовольство руководителей колхоза.

Значительно деформированной в сравнении с декларируемыми обещаниями была и практика материально-бытового обслуживания вербуемых рабочих. Многочисленные жалобы на отсутствие нормального снабжения рабочих, направляемых на предприятия других регионов, явились причиной принятия Советом Министров СССР Постановления № 2575 от 2 декабря 1946 г. «О порядке питания рабочих в пунктах сбора и в пути следования, перевозимых в организованном порядке», согласно которому устанавливались нормы снабжения рабочих в пунктах сбора и в пути следования: хлебом – по 500 г в день и крупой – 1200 г месяц. Снабжение должно было осуществляться за счёт фондов областей, краёв и республик, в которые направляются рабочие [2, д. 288, л. 155–157]. Хотя принятие этого постановления не изменило ситуацию кардинально, и нарушения в продовольственном снабжении завербованных рабочих фиксировались и в последующие годы. Для транспортировки людей в другие регионы, как правило, использовались товарные вагоны [5, с. 284–285]. По приезду работники

(в том числе их семьи и дети) вынуждены были жить скученно в землянках по 100 и более человек либо в холодных общежитиях, отсутствовало организованное питание [11, с. 36]. Происходящее было обусловлено как объективными сложностями обеспечения более высокого уровня жилищно-бытового обслуживания завербованных (недостаточным количеством жилых площадей, нехваткой средств у предприятий), так и реализацией криминальных схем, сопровождающих процесс оргнабора в послевоенный период (трудовые мигранты являлись объектами разбоев и грабежей, мошенничества недобросовестных вербовщиков).

Для выполнения плана по наборам вербовщики нередко прибегали к хитростям. Завербованные работники, подписавшие трудовые договоры, не всегда получали работу по оговариваемой специальности и направлялись на низкооплачиваемые виды работ. В жалобе одного из рабочих (1948 г.), завербованного в Свердловске, приводятся следующие факты: «...согласился на предложение вербовщика с завода Строймашина... вынужден был согласиться на работу не по специальности, получив заверение, что, обжившись и познакомившись с городом, буду иметь свободный выбор перейти в другую организацию работать по специальности. <...> Вербовщик с завода заверил меня, что... мне будет предоставлена работа по моей специальности радиотехника не позже, чем через два месяца. Прошло одиннадцать месяцев, как я работаю разнорабочим и грузчиком. Обещание свое завод не выполнил. Работы по специальности для меня на заводе нет и не предвидится» [3, д. 5850, л. 173]. С другой стороны, вербовщики обманывали не только работников, но и предприятия. Стремясь выполнить план, они набирали на базарах и железнодорожных станциях людей, физически не способных к работе (больные, инвалиды и пр.).

Формально-бюрократическое отношение к практикам вербовки рабочих со стороны управляющих структур породило приписки и искажения цифр оргнабора, фиксируемые на различных уровнях. В приписках уличались вербовщики и руководители предприятий (по договоренности завышающие показатели вербовки в отчетах с целью получения оплаты, полагающейся за каждого человека, приступившего к работе) [1, д. 852, л. 2–6]. В увеличении планируемого количества работников, привлекаемых через систему оргнабора, были заинтересованы министерства. Во второй половине 1940-х гг. на расходы по проведению оргнабора министерствам выделялись средства из государственного бюджета (государственное финансирование оргнабора было прекращено с 1 января 1952 г., после чего расходы по оргнабору были возложены на бюджеты министерств). Стремление к увеличению ассигнований породило практику приписок в министерствах. В 1946 г. в неопубли-

кованном постановлении Совета Министров СССР № 2699 за неоднократное завышение заявок на рабочую силу министру строительства военных и военно-морских предприятий С.З. Гинзбургу было сделано серьезное предупреждение и поставлено на вид [2, д. 289, л. 180–181].

Несмотря на то, что нарушения рабочими трудовой дисциплины и самовольный уход с предприятий наказывались по законам военного времени (не были отменены Указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и от 26 декабря 1941 г.), во второй половине 1940-х гг. фиксировался достаточно высокий уровень текучести рабочих. Преобладающее количество уволившихся и самовольно оставивших предприятие в течение первого года в большинстве своем составляли именно работники, завербованные через систему оргнабора (из числа сельского населения других областей).

Оценивая результативность трудовой мобилизации населения, осуществляемой в послевоенный период, можно отметить, что за период четвертой пятилетки через систему оргнабора ожидалось привлечь в промышленность 5,1 млн. рабочих. Фактически было привлечено 4,6 млн. рабочих [9, с. 53]. Планы оргнабора по стране ежегодно не выполнялись (за исключением 1949 г.). В 1946 г. план был выполнен на 96 %, в 1947 г. – на 63 %, в 1948 г. – на 87 %, в 1950 г. и 1951 г. – на 96 %, в 1952 г. – на 78 % [9, с. 53]. Низкая эффективность оргнабора обусловлена рядом причин. В 1947–1948 гг. результаты оргнабора были снижены вследствие голода. Также причины недобора работников крылись в тяжелых условиях труда, низком уровне удовлетворения бытовых нужд рабочих и низких доходах (завербованные из сельской местности работники в большинстве своем не имели специальности и могли претендовать только на низкооплачиваемую работу), высоком уровне текучести кадров, привлеченных путем трудовой мобилизации. Последовательное снижение показателей выполнения оргнабора в начале 1950-х гг. имело иные причины, нежели в 1947–1948 гг. и было связано со снижением потребности советской индустрии в привлечении данного контингента. С другой стороны, несмотря на издержки и недостатки оргнабора, благодаря, в частности, и системе трудовой мобилизации населения в конце 1940-х – начале 1950-х гг. был преодолен дефицит трудовых ресурсов в большинстве отраслей советской промышленности [10, с. 102].

Таким образом, система оргнабора являлась одним из методов решения кадровых проблем, обращение к которому в рамках мобилизационной экономической модели позволило добиться целей, стоящих перед государством, – увеличения промышленного пролетариата, преодоления дефицита трудовых ресурсов в промышленности. Изменение экономической ситуации в стране в 1950-е гг. при-

вело к существенному снижению потребностей экономики в неквалифицированной рабочей силе. Это проявилось в значительном уменьшении планов оргнабора, фиксируемого в 1950–60-е гг.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9507: Министерство трудовых резервов СССР. – Оп. 2.
2. ГАРФ. – Ф. Р 5446: Совет Министров СССР. – Оп. 1.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. Р-88: Исполнительный комитет Свердловского областного Совета депутатов трудящихся (Облисполком). – Оп. 1.
4. *Иванов Н.С.* Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьба российского крестьянства / под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996.
5. *Пискунов С.А.* Организация и осуществление перевозки сельскохозяйственных переселенцев: практика второй половины 1940-х – 1980-х гг. // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 2.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) – Ф. 4372: Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР. 1921 – 1955, 1957 – 1991. – Оп. 47.
7. РСФСР за 40 лет. Статистический сборник. – М.: Советская Россия. – 1957. – С. 114.
8. Труд в СССР: статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1988.
9. *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2011. – 359 с.
10. *Хлусов М.И.* Развитие советской индустрии. 1946–1958 гг. – М., 1977.
11. *Чернышева Н.В.* «Чтобы выжить, продавали свои вещи...» Повседневные потребности трудовых мигрантов в середине 1940-х – 1960-х годах (на материалах Кировской области) // История: факты и символы. – 2017. – № 2.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – F. 9507: Ministerstvo trudovyh rezervov SSSR. – Op. 2.
2. GARF. – F. R 5446: Sovet Ministrov SSSR. – Op. 1.
3. Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (GASO). – F. R-88: Ispolnitel'nyj komitet Sverdlovskogo oblastnogo Soveta deputatov trudyashchihsy (Oblispolkom). – Op. 1.
4. *Ivanov N.S.* Raskrest'yanivanie derevni (seredina 40-h godov – 50-e gody) // Sud'ba rossijskogo krest'yanstva / pod red. YU.N. Afanas'eva. – M.: RGGU, 1996.
5. *Piskunov S.A.* Organizaciya i osushchestvlenie perevozki sel'skohozyajstvennyh pereselencev:

praktika vtoroj poloviny 1940-h – 1980-h gg. // Prepodavatel' HKHI vek. – 2016. – № 2.

6. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ehkonomiki (RGAEH) – F. 4372: Gosudarstvennyj planovyj komitet SSSR (Gosplan SSSR) Soveta Ministrov SSSR. 1921 – 1955, 1957 – 1991. – Op. 47.

7. RSFSR za 40 let. Statisticheskij sbornik. – M.: Sovetskaya Rossiya. – 1957. – S. 114.

8. Trud v SSSR: statisticheskij sbornik. – M.: Finansy i statistika, 1988.

9. Fil'cer D. Sovetskie rabochie i pozdnij stalinizm. Rabochij klass i vosstanovlenie stalinskoj sistemy posle okonchaniya Vtoroj mirovoj vojny. – M.: ROSSPEHN, 2011. – 359 s.

10. Hlusov M.I. Razvitie sovetskoj industrii. 1946–1958 gg. – M., 1977.

11. Chernysheva N.V. «CHtoby vyzhit', prodavali svoi veshchi...» Povsednevnye potrebnosti trudovyh migrantov v seredine 1940-h – 1960-h godah (na materialah Kirovskoj oblasti) // Istoriya: fakty i simvol'y. – 2017. – № 2.

УДК 94(470)''19/...''

Кищенко Михаил Сергеевич

кандидат исторических наук
Ярославская государственная сельскохозяйственная академия
mkishhenkov@yandex.ru

Никифоров Юрий Сергеевич

кандидат исторических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
nikifor2108@yandex.ru;

Таточенко Виктор Валерьевич

кандидат исторических наук
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
tatochenko.84@mail.ru

КОНТЕКСТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНОВ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЦЕНТРА В ЭПОХУ ОТТЕПЕЛИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИОГРАФИИ, АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-39-00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие
с центром в 1950–1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти»*

В статье рассматривается вопрос взаимодействия региональной элиты Верхнего Поволжья с центральными органами власти в эпоху Н.С. Хрущева. На основании архивных материалов, опубликованных источников, а также историографического материала выделяются этапы функционирования региональных партийных и хозяйственных элит в условиях непрекращающихся реформ. С одной стороны, констатируется эволюция ценностных установок региональной элиты: от одобрения политики Н.С. Хрущева до скрытого недовольства первым секретарем ЦК КПСС, ставшего одной из причин его отставки. С другой стороны, в статье делается вывод о том, что непродуманность административных реформ периода оттепели привела к появлению запроса у местной номенклатуры на стабильность, который и был реализован в период правления Л.И. Брежнева.

Ключевые слова: региональные элиты, СССР, коммуникативные практики, архивные документы, историческая память, советская провинция, поздний социализм, лоббизм.

Период нахождения на вершине власти Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.) был одним из самых динамичных и противоречивых в истории советского государства. Реформы, инициированные главой советского правительства и партии, затронули большинство сфер общества. Большое внимание Н.С. Хрущев уделял поиску наилучшей модели функционирования партийных и государственных институтов, попыткам создать динамично функционирующие органы управления, способные быстро реализовывать поставленные партией и правительством задачи [4, с. 71–72].

Одним из важнейших направлений хрущевской политики было ее региональное измерение, которое нашло широкое отражение в современной историографии [1; 16; 26]. Именно местные партийные и советские руководители были призваны проводить в жизнь все инициативы, принятые высшими органами власти.

Идеи первого секретаря ЦК КПСС «по дезинтеграции хозяйственного и партийного управления – от создания совнархозов до разделения райкомов... были призваны решить и политические задачи: разрушая сложившуюся административно-партийную структуру, Хрущёв надеялся сделать её более гибкой, более восприимчивой к реформам, более лояльной» [5, с. 104]. По словам В.А. Шестакова, «секретари и промышленные генералы перестают быть послушными клиентами... решения, идущие сверху, теперь исполнялись не любой ценой, а по мере воз-

можности. Осознав это, Хрущёв пытался поставить набравшие самостоятельного влияния партийные органы на место». Автор справедливо отмечал, что «Хрущёв, сам порождение партийного аппарата, видел их [реформ] суть в правильной организации бюрократии, рассчитывал достичь целей пересортировкой управленческих кадров» [26, с. 123, 137]. Однако, «не имея возможности применять сталинские методы, Хрущёв занялся в основном реорганизациями партийно-государственных структур и запугиванием чиновничества» [16, с. 14–15], несомненно, стремясь ослабить влияние регионального аппарата.

Казалось бы, в условиях однопартийной системы и полного контроля государства над всеми сферами жизни общества подобная система должна была функционировать в единообразном режиме, по командному принципу. Однако в реальности постоянно возникали внутренние конфликты, для каждого региона страны нужно было учитывать его специфику, искать оптимальные варианты реализации поставленных задач. Не все инициативы Н.С. Хрущева позитивно воспринимались на местах. К примеру, прибалтийские республики в последующую брежневскую эпоху были на особом положении и пользовались рядом привилегий [см.: 6; 7]. Таким образом, представляется актуальным изучение взаимодействия региональных элит с центральными органами власти с целью понимания механизмов реализации политики периода оттепели в региональном измерении.

В первую очередь, представим дефиницию понятия «региональная элита». Так, по мнению авторитетного пермского исследователя региональных элит В.П. Мохова, элита «включает в себя всех влиятельных лиц, ответственных за выработку и принятие важных решений» [14, с. 41]. В региональном измерении под элитой будет пониматься руководство местного обкома КПСС, облисполкома, наиболее важных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, обладающих властными полномочиями и способных отстаивать свои интересы. Ключевыми представителями региональной элиты, по мнению Е.А. Хромова, можно считать фигуры 1-го секретаря, 2-го секретаря и 3-го секретаря («по идеологии») регионального партийного комитета, а также председателя исполнительного комитета совета (города/области) [21, с. 184]. Э. Модсли и С. Уайт идентифицируют советскую номенклатуру исследуемого периода как «второе поколение советской элиты», «класс 38-го года», «сталинские молодые кадры», «основные бенефициарии Большого террора» и др. [12, с. 161–162]. Это были, как правило, люди, родившиеся в деревне в начале XX в. В годы первых пятилеток они повысили социальный и политический статус, «став членом быстро растущего городского рабочего класса и вступив в ряды Коммунистической партии». Среди предпосылок формирования второго поколения советской элиты следует отметить «возникновение вакансий в результате Большого террора», «рост количества административных должностей в индустриальной экономике», идеологическая обработка («их мышление было сформировано изучением сталинского «Краткого курса»), «закаливание» через Великую Отечественную войну» [12, с. 197–198].

Современные исследователи, например В.П. Мохов, отмечают, что «отстаивание интересов какой-либо социальной группы, в частности интересов региональных элит перед центральными органами управления, происходит с использованием как официальных, так и неофициальных механизмов влияния [14, с. 89]. Подобный механизм начал складываться в СССР в период правления Н.С. Хрущева, а в полной мере проявил себя в эпоху «застоя», когда возник неформальный договор между центром и провинцией: «при соблюдении краевыми и областными лидерами “правил игры” ограничивалось вмешательство в права и полномочия регионов» [14, с. 89].

Изучение функционирования региональной элиты и ее взаимодействия с центром на материалах Верхневолжского региона представляется актуальным. Под Верхневолжским регионом понимается пять областей – Владимирская, Ивановская, Костромская, Тверская (Калининская), Ярославская, которые связаны как культурно-исторически, так и социально-экономически. В настоящей

статье предпринята попытка выявить исторический контекст в функционировании региональной элиты и ее взаимодействии с центром. Можно выделить несколько этапов влияния центральных органов власти на региональные элиты.

Первый этап (1953–1957 гг.) включал в себя «массовую замену первых секретарей республиканских, краевых и областных партийных комитетов... Эта кампания способствовала пополнению корпуса секретарей сторонниками Хрущева и была существенным фактором, обеспечившим его победу в борьбе за власть... Формировавшиеся новые структуры региональной власти, с одной стороны, служили орудием реализации многочисленных хрущевских инициатив. С другой стороны, они были источником нарастания противоречий между центром и регионами, которые сначала проявились в известном решении о разделении обкомов на промышленные и сельские, а затем в устранении Хрущева от власти» [19, с. 31]. Подобная тактика позволила Н.С. Хрущеву победить в 1957 г. в ходе конфликта с так называемой «антипартийной группой Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» [см.: 13], сохранив контроль над партией и правительством. Народ, как известно, воспринял отставку бывших соратников Сталина положительно. Стенограммы и информации отрежиссированных партийных собраний зафиксировали реакцию простых советских граждан в провинции: «Страшно подумать, куда могли завести партию и государство такие гореполитики, как Молотов и его попутчики. Это наше большое счастье, что ЦК во главе с Н.С. Хрущевым вовремя обезвредил группу отщепенцев» [24, л. 196]. «Глупцы они... спросить с них надо со всей строгостью. Вон их из партии» [23, л. 55].

Вторым этапом можно считать период 1957–1962 гг., когда через создание региональных территориальных советов народного хозяйства (далее – совнархозы) Н.С. Хрущев попытался децентрализовать управление экономикой. Реформа совнархозов [см.: 10] повлияла на механизмы принятия решений, взаимодействие партийных органов с хозяйственными структурами. Первоначально совнархозы создавались, как правило, в пределах одной области. Не успели новоиспеченные сформироваться, как их объединили» [9, с. 30]. Именно в эти годы (в 1963 г.) был сформирован Верхневолжский совнархоз в составе Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей. Калининская область изначально была самостоятельным совнархозом, в 1962 г. была включена в состав московского СНХ [3, л. 3а].

Третьим этапом можно считать реформу 1962 г., разделившую обкомы на промышленные и сельскохозяйственные. Оценка причин этой реформы носит в историографии дискуссионный характер [20, с. 164]. В мемуарах советских ру-

ководителей реформа оценивается критично. Так, один из соратников Н.С. Хрущева, А.И. Микоян, вспоминал: «Людям на местах, наверное, невозможно было уследить за этой чехардой. И невозможно было работать нормально. Ведь достаточно в одном учреждении постоянно менять руководителя, как оно дезорганизуется. А тут еще хуже – новые учреждения с другими правами и функциями. И, конечно, другие руководители. И так почти каждый год!» [11]. Новая реформа, по замыслу Н.С. Хрущева, должна была обеспечить лучшее управление промышленностью, способствовать подъему сельского хозяйства, состояние которого было довольно трудным. Также процессу разделения подверглись и областные исполнительные комитеты. При этом контроль партии над экономикой ставился одной из главных задач реформы. Сам Хрущев подчеркивал, что «требуется более квалифицированное партийное руководство экономикой страны», поэтому «необходимо предпринять кардинальные меры для более конкретного, планомерного руководства всеми отраслями производства» [22, с. 164, 165]. Видимо, Н.С. Хрущев пришел к мысли, что передача управления экономикой в регионы себя не оправдала.

Итак, проследим, как эти реформы отразились на Верхневолжском регионе. На первом этапе реформ проводимые Н.С. Хрущевым изменения встретили поддержку региональных руководителей. Это было связано в первую очередь с расширением полномочий обкомов и крайкомов союзных республик. Так, в постановлении Президиума ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата», принятом в 1954 г., прямо ставился вопрос о «расширении прав и повышении ответственности районных, областных, краевых и республиканских органов управления, а также об упрощении и сокращении отчетности местных организаций» [16, с. 104]. И действительно, права региональных властей были увеличены, сокращен объем отчетностей уже после XX съезда партии в 1956 г.

В тоже время правление Н.С. Хрущева отметили регулярной сменой регионального руководства. Так, данные по верхневолжским областям можно представить в виде таблицы [см.: 17].

Подобная частая смена руководства, с одной стороны, открывала для советской номенклатуры широкие возможности для карьеры, но, с другой

стороны, вызывала ее недовольство. Показательна ситуация в Костромской области, где в 1956 г. участники областной партийной конференции вступились за главу обкома Д.Л. Сумцова, которого собирались снять с поста: «Достаточно сдержанно решение о снятии Сумцова было воспринято и на последующих пленуме костромского обкома и областной партийной конференции, которым предстояло формально утвердить принятое в Москве решение. Участники этих мероприятий скорее вынужденно критиковали Сумцова, а некоторые отмечали его положительные качества и даже обвиняли Москву в слишком частой смене руководителей Костромской области» [19, с. 35]. Впрочем, от отставки это его не спасло.

Постоянные ротации и «перетряски» руководящих кадров лишали стабильности, которой так желала региональная советская и партийная элита после атмосферы страха сталинизма. Надо сказать, что стабильность последующей брежневской эпохи обернулась формированием в СССР феномена региональных «политических должностителей», которые нередко бессменно находились в статусе первого секретаря обкома до четверти века. К примеру, Ф.И. Лощенков фактически руководил Ярославской областью 25 лет (1961–1986 гг.). Аналогичные рекорды по продолжительности руководства поставили и лидеры остальных Верхневолжских регионов. Так, первый секретарь Калининского обкома Н.Г. Корытков руководил парторганизацией с 1960 по 1978 гг., владимирский секретарь М.А. Пономарев – с 1961 по 1983 гг., в Костромской области Ю.Н. Баландин находился на руководящей должности с 1971 по 1986 гг., а в Ивановской области В.Г. Клюев руководил с 1972 по 1985 гг. [17].

Создание совнархозов, по замыслу авторов, должно было еще больше расширить самостоятельность местных руководителей. Однако с течением времени стали проявляться и негативные стороны этой реформы. В исторической памяти значительной части региональных руководителей ее восприятие далеко от положительного: «из этой затеи ничего путного не получилось... совнархозы потеряли отраслевую специализацию, и все пошло вниз. Их ликвидировали» [9, с. 31]. С другой стороны, постоянные перемены создавали возможность для карьерного роста. Так, Я. Коган вспоминал, что постоянные перестановки в руководстве промышленных предприятий, наряду

Таблица

Сменяемость секретарей обкомов и председателей облисполкомов в 1953–1964 гг. в Верхнем Поволжье

Должность	Владимирская область	Ивановская область	Калининская область	Костромская область	Ярославская область
Первый секретарь обкома	5	3	5	4	5
Второй секретарь	5	3	5	5	3
Председатель облисполкома	5	4	4	4	4

с другими факторами, позволили ему стать главным инженером Ярославского полиграфического комбината в 1963 г. в период создания Верхневолжского совнархоза [8, с. 71].

Особое недовольство региональной элиты вызвала реформа Н.С. Хрущева, связанная с разделением партийных комитетов на промышленные и сельскохозяйственные.

Негативные общественные настроения в отношении хрущевской региональной политики в наибольшей степени проявились во время отставки первого секретаря ЦК КПСС (1964 г.), затронув как массовый, так и элитарный сегмент общественно-го сознания и исторической памяти.

Простым народом отставка Н.С. Хрущева была воспринята с удовлетворением и даже воодушевлением. Реакция населения на уход Н.С. Хрущева фиксировалась райкомами, а затем обобщалась в обкоме в информационную справку для ЦК КПСС. Приведем лишь некоторые высказывания рядовых ярославцев по поводу решения октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г. Рабочий Рыбинского завода п/я 56 В.Н. Игнатьев сказал: «Хрущев 10 лет занимался экспериментами, а толку никакого, только вред». Сотрудник Ярославского полиграфкомбината М.А. Жариков заметил: «Речи его надоели, и никто их уже не читал». Преподаватель Ярославского пединститута Г.Э. Латышева подчеркнула: «Давно бы пора убрать Хрущева с его пустословием и запутыванием дел» [25, л. 238–239]. В целом сочувствия к бывшему первому секретарю не чувствовалось.

Партийные функционеры были рады отставке Н.С. Хрущева еще больше, чем рядовые граждане. Первый секретарь ярославского сельскохозяйственного обкома В.Ф. Торопов вспоминал: «Хрущева освободили от занимаемых должностей... все мы, коммунисты, были довольны решением Пленума ЦК» [18, с. 103]. Практически ту же фразу произнес, согласно воспоминаниям близкого окружения, первый секретарь Владимирского обкома М.А. Пономарев: «Как хорошо, что прошли эти непредсказуемые времена» [15, с. 53].

Низшие звено региональной элиты тоже было недовольно постоянными переменами. Так, сотрудник газеты «Калининская правда» вспоминал: «Административные и партийные перестройки и перетряски в конце дезориентировали простого человека. При безоговорочном подчинении партийным органам, которые сами не знали, в чем заключаются главные, необходимые и, наконец, просто разумные направления деятельности отраслей и сфер жизни. Поэтому все стало сводиться к сплошной показухе» [2].

Таким образом, анализ архивных документов, историографии и элитарного сегмента исторической памяти свидетельствует о формировании в эпоху Хрущева нового исторического контекста

во взаимодействии регионов и центра, который носил переходный характер между жестким авторитарным стилем Сталина и компромиссным стилем Брежнева. С одной стороны, хрущевские методы руководства, связанные с чисто административными реформами в сфере управления экономикой, а также частой перестановкой и ротацией руководящих кадров первых секретарей региональных парткомов, заложили основы будущей отставки Хрущева. С другой стороны, хрущевская политика парадоксальным образом обусловила будущий брежневский курс на стабильность, который подержала номенклатура.

Библиографический список

1. Айранетов В.А. Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РКВКП(б) КПСС: Тамбовская область, 1945–1982: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2009. – 25 с.
2. Галкин И. Воспоминания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-2602637-pall.html> (дата обращения: 08.04.2018).
3. Государственный архив Ярославской области. – Ф. Р-3651. – Оп. 1. – Д 295.
4. Зубкова Е.Ю. Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв, 15 апреля 1894 – 11 сентября 1971. – М., 2015. – 98 с.
5. Зубкова Е.Ю. Реформы Хрущёва: культура политического действия // Свободная мысль. – 1993. – № 9. – 97–107 с.
6. Зубкова Е.Ю. Феномен Балтии в контексте модернизации советского проекта. 1953–1991 годы // 1150 лет российской государственности и культуры. – М., 2012. – С. 183–197.
7. Ivanauskas V. Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: Tarp stagnacijos ir dinamikos (1968–1988). – Vilnius, 2011. – 662 p.
8. Коган Я. Все это было. – Ярославль, 2005. – 237 с.
9. Лоценков Ф.И. От Сталина до Горбачева. – Ярославль, 2001. – 79 с.
10. Мерцалов В.И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 2001. – 49 с.
11. Микоян А.И. Так было [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/05.html> (дата обращения: 08.04.2018).
12. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991. – М., 2011. – 431 с.
13. Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: Международный фонд «Демократия», 1998. – 848 с.
14. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991). – Пермь, 2003. – 240 с.

15. Пономарев. Первый секретарь. – Владимир, 2008. – 272 с.

16. Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты, 1953–1964 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прозуменщиков, В.Ю. Васильев и др. – М.: РОССПЭН, 2009. – 774 с.

17. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.knowbysight.info/> (дата обращения: 08.04.2018).

18. *Торопов В.Ф.* Незабываемое. – Ярославль, 2001. – 173 с.

19. *Хлевнюк О.* Региональная власть в СССР в переходный период. Устойчивость и конфликты. 1953 – конец 1950-х гг. // Отечественная история. – 2007. – № 3. – С. 31–49.

20. *Хлевнюк О.В.* Роковая реформа Н.С. Хрущева: Разделение партийного аппарата и его последствия. 1962–1964 гг. // Российская история. – 2012. – № 4. – С. 164–179.

21. *Хромов Е.А.* Региональные элиты в СССР в конце 1950 – середине 1960-х гг.: к постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 183–186.

22. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. – М., 1963. – 494 с.

23. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). – Ф. 272. – Оп. 227. – Д. 209.

24. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 272. – Оп. 228. – Д. 92.

25. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 7786. – Оп. 2. – Д. 6.

26. *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. – М., 2006. – 295 с.

References

1. Ajrapetov V.A. EHvolyuciya korpusa pervyh sekretarej GK i RKVKP(b) KPSS: Tambovskaya oblast', 1945–1982: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Tambov, 2009. – 25 s.

2. Galkin I. Vospominaniya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://textarchive.ru/c-2602637-pall.html> (data obrashcheniya: 08.04.2018).

3. Gosudarstvennyj arhiv YAroslavskoj oblasti. – F. R-3651. – Op. 1. – D 295.

4. Zubkova E.YU. Pervyj sekretar' CK KPSS Nikita Sergeevich Hrushchiov, 15 aprelya 1894 – 11 sentyabrya 1971. – М., 2015. – 98 s.

5. Zubkova E.YU. Reformy Hrushchyo: kul'tura politicheskogo dejstviya // Svobodnaya mysl'. – 1993. – № 9. – 97–107 s.

6. Zubkova E.YU. Fenomen Baltii v kontekste modernizacii sovetskogo proekta. 1953–1991 gody // 1150 let rossijskoj gosudarstvennosti i kul'tury. – М., 2012. – С. 183–197.

7. Ivanauskas V. Lietuviškoji nomenklatura

biurokratinėje sistemoje: Tarp stagnacijos ir dinamikos (1968–1988). – Vilnius, 2011. – 662 p.

8. Kogan YA. Vse ehto bylo. – YAroslavl', 2005. – 237 s.

9. Loshchenkov F.I. Ot Stalina do Gorbacheva. – YAroslavl', 2001. – 79 s.

10. Mercialov V.I. Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom 1957–1965 gg. (na materialah Vostochnoj Sibiri): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. – Irkutsk, 2001. – 49 s.

11. Mikoyan A.I. Tak bylo [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/05.html> (data obrashcheniya: 08.04.2018).

12. Modli EH., Uajt S. Sovetskaya ehлита ot Lenina do Gorbacheva. Central'nyj Komitet i ego chleny, 1917–1991. – М., 2011. – 431 s.

13. Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957: Stenogramma iyun'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty / pod red. akad. A.N. YAKovleva. – М.: Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya», 1998. – 848 s.

14. Mohov V.P. Regional'naya politicheskaya ehлита Rossii (1945–1991). – Perm', 2003. – 240 s.

15. Ponomarev. Pervyj sekretar'. – Vladimir, 2008. – 272 s.

16. Regional'naya politika N.S. Hrushcheva. CK KPSS i mestnye partijnye komitety, 1953–1964 gg. / sost. O.V. Hlevnyuk, M.YU. Prozumenshchikov, V.YU. Vasil'ev i dr. – М.: ROSSPEHN, 2009. – 774 s.

17. Spravochnik po istorii Kommunisticheskoy partii i Sovetskogo Soyuza 1898–1991 gg. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.knowbysight.info/> (data obrashcheniya: 08.04.2018).

18. *Toropov V.F.* Nezabyvaemoe. – YAroslavl', 2001. – 173 s.

19. Hlevnyuk O. Regional'naya vlast' v SSSR v perekhodnyj period. Ustojchivost' i konflikty. 1953 – konec 1950-h gg. // Otechestvennaya istoriya. – 2007. – № 3. – С. 31–49.

20. Hlevnyuk O.V. Rokovaya reforma N.S. Hrushcheva: Razdelenie partijnogo apparata i ego posledstviya. 1962–1964 gg. // Rossijskaya istoriya. – 2012. – № 4. – С. 164–179.

21. Hromov E.A. Regional'nye ehлиты v SSSR v konce 1950 – seredine 1960-h gg.: k postanovke voprosa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 323. – С. 183–186.

22. Hrushchev N.S. Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo hozyajstva. Т. 7. – М., 1963. – 494 с.

23. Centr dokumentacii novejshej istorii YAroslavskoj oblasti (CDNI GAYAO). – F. 272. – Оп. 227. – Д. 209.

24. CDNI GAYAO. – F. 272. – Оп. 228. – Д. 92.

25. CDNI GAYAO. – F. 7786. – Оп. 2. – Д. 6.

26. *SHestakov V.A.* Social'no-ehkonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-h godov. – М., 2006. – 295 с.

СООТНОШЕНИЕ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В МИРЕ КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В данной статье рассматривается аспект воспроизводства населения в Европейском союзе, а также на Ближнем Востоке и в Северной Африке, который стал одним из катализаторов миграционного кризиса. Для наиболее подробного анализа автор использует концепцию Второго Великого переселения народов профессора В.Б. Жиромской, согласно которой развитые и развивающиеся страны находятся на разных этапах демографического перехода. Времена европейской колониальной эпохи, ознаменованные для Европы резким ростом населения в рамках первой стадии «перехода», сменились на современный, второй этап, характеризующийся старением жителей региона и уменьшением численности коренного населения. Таким образом, возникает процесс Второго Великого переселения народов, когда европейский континент выступает не донором мигрантов, как было ранее, а их реципиентом.

Ключевые слова: Европейский союз, Ближний Восток, Северная Африка, Второе великое переселение народов, демографический переход, миграция.

Научно-технический прогресс в Европе дал толчок резкому росту народонаселения в последние несколько веков: в 1000 г. в мире проживало 300 млн. человек, в 1500 г. число людей на планете составляло 500 млн., в 1800 г. – 1 млрд. Затем за 130 лет население мира увеличилось до 2 млрд. людей, а в настоящее время и вовсе превышает показатель в 7 млрд. По оценке экспертов ООН, население мира достигнет своего максимума в 9,8 миллиардов людей уже к 2050 году [4]. Несмотря на то, что Старый Свет стал катализатором прогресса, в долгосрочной перспективе это принесло развитым государствам Европы большие проблемы. Европейский союз сейчас столкнулся с серьёзным кризисом, одной из предпосылок которого стала политика стран континента в отношении демографии, а также влияние внешних факторов. Отправной точкой начала кризиса стоит считать 60-е годы XX века – к тому моменту континент как раз пережил послевоенный бум рождаемости. Для сравнения, возьмем показатели некоторых европейских стран в 1965 и 1975 годах. К примеру, во Франции коэффициент рождаемости упал с 2,8 до 1,9, в Швейцарии – с 2,6 до 1,6, в Финляндии – с 2,5 до 1,7. Цифры, которые приводятся статистическими отчётами, просто поражают: за 10 лет население стран Европы перешло от положительной к отрицательной динамике изменения естественного прироста, при этом в каждой семье стали рожать на одного ребёнка меньше. Коэффициент воспроизводства населения, который позволяет сохранять положительный вектор роста, составляет 2,1–2,2 ребёнка на семью. Нынешнее положение Германии, которая больше всего страдает от наплыва мигрантов (1,1 млн. зарегистрированных переселенцев за 2015 год, по данным МВД Германии), было также предопределено ещё в 60-х годах, когда в связи с введением концепции политкорректности, политики толерантности и мультикультурализма, культы карьеризма и либеральных ценностей простые немцы перестали ощущать необходимость

заводить семью и продолжать свой род, а руководители страны не обращали внимания на катастрофичность этих тенденций. Уровень воспроизводства населения Германии с 1965 по 2009 года упал в 2 раза – с 2,8 детей на семью до 1,4 сейчас. Таким образом, рождаемость в стране сократилась с 1,3 млн. младенцев в год до 650 тысяч [5], и по прогнозам, сократится ещё вдвое до 2050 года. В 2014 году был опубликован доклад Генерального Секретаря Организации Объединённых Наций, в котором статистически подтверждён ряд тенденций демографического развития современного общества. Стоит отметить, что в докладе была затронута Европа, как регион в целом, а не только страны ЕС. В аналитической работе за основу взят период 1994–2014 гг., а также сделан прогноз прироста до 2050 года. Согласно имеющимся в ООН данным, темпы роста населения были более или менее равными, за исключением двух регионов: Европы и Африки. Страны ЕС продемонстрировали наименьшую рождаемость за последние 20 лет, государства африканского континента, наоборот, в этом компоненте продвинулись больше всего. Кроме того, Генеральный Секретарь организации отметил, что к 2025 году прирост населения Европы остановится, а к 2045 году среднегодовая убыль населения континента составит 1,6 миллионов человек. Вместе с тем, страны Африки и Азии будут и через 30 лет демонстрировать положительную динамику, что создаст ещё большую пропасть между регионами в этом компоненте.

На данный момент показатель воспроизводства населения 1,4 ребёнка на семью присутствует не только в Германии, но и в Австрии, а также многих странах Восточной и Южной Европы. Наибольшее сокращение населения с 2014 по 2050 год, по мнению аналитиков ООН, ждёт следующие страны ЕС: Германия, Польша, Румыния. Для наглядности, возьмём пример ФРГ: при сохранении нынешней демографической политики собственное население Германии за 100 лет сократится до 25 млн. человек, в XXIII веке останется 8 миллионов ко-

ренных немцев, а в XXIV – не более 3 миллионов прямых потомков бюргеров и ландскнехтов. Таким образом, положение многих европейских стран в демографическом плане можно назвать катастрофичным. Коренное население Европы продолжит вымирать, и предпосылок для преодоления данной тенденции на сегодняшний день нет. Также в докладе отмечается, что наибольшее количество переселенцев трудоспособного возраста – 55 миллионов человек, приняли страны Европы. При этом многие из прибывших мигрантов не обладают высшим образованием и высокой квалификацией, что создаёт дополнительные проблемы, которые будут рассмотрены в дальнейшем. При сравнении демографической структуры населения ЕС можно также отметить инерцию: 20 лет назад самой многочисленной группой населения были молодые люди в возрасте 25–29 лет. На данный момент наиболее многочисленной группой являются люди в возрасте 45–49 лет, это та же группа населения, которая доминировала в 90-х годах. Инерционность воспроизводства возникает, поскольку коэффициент рождаемости в районе 1,5 присутствует довольно давно, и количество работоспособного населения, а также молодежи в целом неуклонно падает, что вкуче с текущими европейскими тенденциями развития неуклонно приведет к вымиранию населения. Одновременно стоит отметить тот факт, что во многих странах ЕС в связи с высоким уровнем здравоохранения, а также низким уровнем смертности продолжительность жизни является достаточно высокой: 75–80 лет. Таким образом, становится очевидным, что вышеуказанные факторы наряду с низкой рождаемостью среди коренных европейцев играют важную роль в процессе старения населения региона. Дефицит людей трудоспособного возраста в странах Евросоюза, по подсчётам Евростата, достигнет 56 миллионов человек уже к 2050 году [8]. При этом медианный возраст населения ЕС в период с 2001 по 2015 год вырос с 38 до 42,5 лет [9]. Медианный возраст обозначает показатель, при котором отображается возрастная структура населения – в данном случае, половина населения стран Европейского союза моложе 42,5 лет, а половина – старше. Возьмём для примера несколько ключевых стран ЕС: во Франции медианный возраст с 2005 до 2015 года увеличился с 37 до 41 года, в Германии – с 41 до 45 лет, в Нидерландах – с 38 до 42 лет [7]. Возрастные показатели приезжих из стран Африки и Ближнего Востока находятся на отметке ниже 30 лет.

С чем же связан такой демографический спад, неуклонно прогрессирующий с начала 70-х годов? Для полного и развернутого ответа на данный вопрос стоит обратиться к концепции Второго Великого переселения народов профессора РГГУ Валентины Борисовны Жиромской. Согласно теории профессора, коэффициент воспроизводства насе-

ления Европы, с одной стороны, и Ближнего Востока, а также Северной Африки с другой, вступают в противофазу вследствие того, что каждый из континентов переживает демографический переход. Высокая рождаемость и неуклонное увеличение населения в ближневосточном и африканском регионах связаны с Первым демографическим переходом от традиционного к современному типу воспроизводства населения, описанным в концепции. Второй демографический переход, свойственный на данном этапе развития европейцам, характеризуется падением численности населения и возможностью депопуляции [1]. Таким образом, логичным итогом происходящих на сегодняшний день процессов является переселение жителей регионов, испытывающих демографический «взрыв», на территории, где изменение численности населения демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению.

В числе важных факторов можно привести и экономический. Так Франция из национального государства менее чем за век превратилась в «кипящий котёл» африкано-арабских народов. В связи с послевоенной высокой рождаемостью в стране (в 50-х – 60-х годах) произошло снижение уровня зарплат за счёт резкого увеличения трудоспособного населения в сферах традиционно дешёвой рабочей силы, и власти европейских государств начали говорить о социально-экономическом кризисе вследствие избытка рождаемости. К примеру, таким высказыванием отметился французский экс-министр торговли Фредерик Лефевр. Вследствие жёсткой критики сложившейся на тот момент демографической ситуации, руководство страны приняло решение ослабить поддержку семей, что выразилось в снижении пособия на детей за счёт прекращения индексаций, а также началось поощрение женского труда, чтобы не было возможности совмещать рождение детей и работу. Обратимся к статистике, взяв в пример Германию: данные переписей показывают, что женщины, закончившие университет и получившие диплом, рожают детей меньше установленного среднего показателя, а иногда и вовсе остаются бездетными. Доля выпускниц университетов, которые не рожали детей, составляет 40% [5, с. 97]. Количество детей, рождённых одной женщиной, уменьшается по мере роста её уровня образования. Так, показатель в три или более ребенка, обеспечивающий увеличение населения, имело 39% женщин с начальным образованием, 21% женщин со средним образованием и 19% женщин с высшим образованием (по состоянию на 2008 год) [5]. В подтверждение данной статистики стоит отметить, что наибольшее количество потомства имеют те группы мигрантов, которые можно характеризовать как наименее образованные – приезжие из Африки, Ближнего Востока и Турции.

Исходя из экономического аспекта, иммиграция во всех ведущих европейских странах была

предназначена для сдерживания уровня заработной платы, а также социальных требований граждан. На тот момент крупному промышленному капиталу это было необходимо для восстановления норм прибыли, снизившейся в Европе после Второй мировой войны [3]. Быстрое распространение уровня образованности людей и прогресса, а также снижение логистических затрат привели к тому, что всё больше производств в развитых странах переносили в места с низкой оплатой труда. Создание альтернативы перевода производств в страны третьего мира – снижение зарплат в своих странах, что и происходит в Европе. В результате не слишком престижные места рабочих специальностей стали менее оплачиваемыми, количество людей из числа коренного населения, желающих занять эти места вновь уменьшилось, что добавило остроты проблеме наличия «синих» воротничков.

Стоит пояснить, что пропаганда гомосексуализма и женского труда в Европе – звенья одной цепи. В своём желании сгладить избыток коренного населения в странах для облегчения бремени издержек транснациональных корпораций и крупных промышленников европейцы дошли до абсурда, и эти факторы также приводят к вырождению нации. После Второй мировой войны жителям европейских государств навязывается идея о том, что защита своей нации в любой форме, выявление и опубликование негативных последствий миграции из некоторых регионов является проявлением как минимум шовинизма. Все партии правого толка, таким образом, пытаются объединить с идеями национал-социализма, устраивая «охоту на ведьм» и заставляя людей бояться публичного признания поддержки идей этого крыла. Сейчас быть приверженцем «Национального фронта» во Франции или «Альтернативы для Германии» крайне непросто из-за давления общества, навязываемого государством. Действия европейских властей, изначально направленные на отказ от дискриминации по расовому, национальному, религиозному признаку, провозглашение равноправия и общечеловеческих ценностей в итоге приводят к обратной дискриминации в отношении правых консерваторов и губительным последствиям для европейского общества. И теперь для того, чтобы скрыть свои политические ошибки в области демографии и семейных ценностей, власти стран обращаются к мигрантам, помогающим им немного улучшить нерадостную статистику, приведенную в данном исследовании.

Важным аспектом, влияющим на миграционную привлекательность европейских стран у жителей Ближнего Востока и Северной Африки, можно назвать информационный фактор, в рамках которого власти ЕС повышают привлекательность перемещения в альянс за счёт продвижения позитивного образа стран Европейского союза в социальных сетях. Также средства коммуникации и информа-

ционное пространство, формируемое иммигрантами в ЕС, упростили задачу по переселению [2].

Таким образом, Европа является желанным местом миграции для многих молодых жителей бедных стран – богатый континент, поставленный в сложное положение укрепляющейся тенденцией старения населения. При этом количество коренных жителей Европы, по всем прогнозам, будет только уменьшаться, тогда как население стран Африки и Ближнего Востока стремительно увеличивается. Финансовых и жизненных перспектив в связи с невысоким уровнем развития своих стран или непрекращающимися военными действиями в регионе не предвидится, поэтому однозначно приоритетным направлением для миграции данной группы граждан был и будет европейский континент, который и географически расположен удачно, и экономически устраивает мигрантов. При этом стоит обратить внимание на крайне любопытную статистику: во времена высшего расцвета европейской колониальной эпохи, в 1900 году, страны региона составляли около 25% мирового населения. Сегодня число жителей ЕС – примерно 500 миллионов человек, что образует около 7% от численности людей на планете, при этом только на африканском континенте сегодня проживает более миллиарда человек. По прогнозам ООН, к 2050 году территория Африки будет заселена почти 2,5 миллиардами людей [6], что только увеличит потоки миграции в развитые страны.

Библиографический список

1. *Жиромская В.Б.* Размышления о демографических причинах Великого переселения народов XXI в. // *Население территории России: история и современность* / сост. В.Б. Жиромская; отв. редакторы: В.Б. Жиромская, Ю.А. Петров. – М.; Самара: ИРИ РАН, 2017. – 623 с.
2. Что делать? Смешение цивилизаций или петля миграции? // Канал «Культура», 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1474460/video_id/1599310/ (дата обращения: 07.08.2018).
3. *Ле Пен Марин.* Во имя Франции / пер. с фр. И.А. Кондаковой. – М.: Кучково поле, 2016. – 288 с.
4. ООН: население Земли к 2050 году превысит 9,8 млрд. человек // ТАСС, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/4357817> (дата обращения: 09.08.2018).
5. *Саррацин Тило.* Германия: самоликвидация / пер. с нем. Т.А. Набатниковой. – М.: АСТ, 2016.
6. *Gideon Rachman.* Mass migration into Europe is unstoppable // *Financial Times*, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/64d058c4-b84f-11e5-b151-8e15c9a029fb> (дата обращения: 07.08.2018).
7. Median age of population // Eurostat, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://>

ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/e/e6/Median_age_of_population%2C_2005%E2%80%939315_%28years%29_YB16.png (дата обращения: 09.08.2018).

8. Population projections 2004–2050 // Eurostat, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/5182986/3-08042005-AP-EN.PDF/ed9d0e20-f75b-4214-b4b2-cf274f7be0d2?version=1.0> (дата обращения: 10.08.2018).

9. Population structure and ageing // Eurostat, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Population_structure_and_ageing (дата обращения: 10.08.2018).

References

1. ZHiromskaya V.B. Razmyshleniya o demograficheskikh prichinah Velikogo pereseleniya narodov XXI v. // Naselenie territorii Rossii: istoriya i sovremennost' / sost. V.B. ZHiromskaya; otv. redaktory: V.B. ZHiromskaya, YU.A. Petrov. – M.; Samara: IRI RAN, 2017. – 623 s.

2. CHto delat'? Smeshenie civilizacij ili petlya migracii? // Kanal «Kul'tura», 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1474460/video_id/1599310/ (дата обращения: 07.08.2018).

3. Le Pen Marin. Vo imya Francii / per. s fr. I.A. Kondakovoj. – M.: Kuchkovo pole, 2016. – 288 s.

4. OON: naselenie Zemli k 2050 godu prevysit 9,8 mlrd. chelovek // TASS, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/4357817> (дата обращения: 09.08.2018).

5. Sarracin Tilo. Germaniya: samolikvidaciya / per. s nem. T.A. Nabatnikovoj. – M.: AST, 2016.

6. Gideon Rachman. Mass migration into Europe is unstoppable // Financial Times, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/64d058c4-b84f-11e5-b151-8e15c9a029fb> (дата обращения: 07.08.2018).

7. Median age of population // Eurostat, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/e/e6/Median_age_of_population%2C_2005%E2%80%939315_%28years%29_YB16.png (дата обращения: 09.08.2018).

8. Population projections 2004–2050 // Eurostat, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/5182986/3-08042005-AP-EN.PDF/ed9d0e20-f75b-4214-b4b2-cf274f7be0d2?version=1.0> (дата обращения: 10.08.2018).

9. Population structure and ageing // Eurostat, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Population_structure_and_ageing (дата обращения: 10.08.2018).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ С.В. ВИКУЛОВА В АСПЕКТЕ РАЗВИТИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ШКОЛЫ ПЕРИОДА 1950–1960-Х ГГ.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-2952.2018.6
«Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины –
второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания»*

В статье рассматривается вклад литератора С.В. Викулова в становление Вологодского областного отделения Союза писателей РСФСР. Описана роль главы организации в вопросах развития тематики произведений и культурно-массовой работы, процессе сплочения представителей вологодской литературной школы писателей-деревенщиков. Особое внимание уделено таким аспектам, как укрепление связи литераторов с трудящимися, необходимость личных наблюдений и непосредственного пребывания писателей на селе, обозначение в произведениях кризисных явлений в эволюции колхозно-совхозной деревни и ломки традиционного крестьянского уклада. Показано, что ответственный секретарь отделения писателей оказывал положительное воздействие на молодых авторов через публикацию статей, освещающих их творческий рост. Прослеживается участие С. Викулова в разрешении проблемы предоставления жилищной площади членам писательского объединения. В тексте делается вывод о том, что фигура Сергея Васильевича Викулова занимает значимое место в процессе собирания литературных сил Вологодской области и культурном пространстве Русского Севера.

Ключевые слова: Вологодская область, культура, читатель, писатель, писательская организация, Вологодское отделение Союза писателей, «деревенская проза».

Сергей Васильевич Викулов родился 28 июня 1922 г. в деревне Емельяновская Белозерского уезда Череповецкой губернии. В 1951 г. окончил Вологодский педагогический институт, работал литературным консультантом при газете «Красный Север», позднее – редактором Вологодского областного издательства. Первые стихи С. Викулова были напечатаны в 1939 г. в районной газете, систематически начал писать с 1947 г. В 1949 г. в Вологде вышел первый сборник стихов литератора – «Завоеванное счастье», а затем книги – «Хозяева земли» (1950 г.), «Новый берег» (1952 г.), «Зеленый цех» (1954 г.). В 1956 г. издан сборник стихов «Заозерье», в 1957 г. в журнале «Нева» была опубликована поэма «Галинкино лето» [18].

С.В. Викулов непосредственно участвовал в создании Вологодского отделения Союза писателей и являлся одним из отцов-основателей организации [8]. Этот процесс происходил благодаря всесторонней помощи писателя Александра Яковлевича Яшина, который оказал огромное влияние на становление С.В. Викулова как писателя и организатора литературного движения в Вологодской области. В 1949 г. и вторично в 1950 г. А. Яшин представил С. Викулову рекомендацию для вступления в ряды членов Союза писателей [20]. По итогам первого областного совещания молодых писателей, проведенного 26–28 ноября 1949 г., было создано литературное объединение во главе с С. Викуловым. В январе 1951 г. в письме генеральному секретарю Союза писателей СССР А. Фадееву А. Яшин уже официально предлагал кандидатуру поэта С. Викулова на должность воз-

можного руководителя будущей писательской организации. В 1956 г. Сергей Васильевич Викулов был принят в Союз писателей СССР. На четвертом областном совещании-семинаре молодых литераторов Вологодчины, проходившем с 5 по 8 февраля 1960 г., был отмечен творческий рост писателя. 25 июля 1961 г. состоялось образование Вологодского отделения Союза писателей РСФСР, первым ответственным секретарем которого был назначен С. Викулов. В том же 1961 г. он окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького [16].

С.В. Викулов способствовал развитию ведущей темы для вологодских писателей, связанной с изображением сельской жизни. В 1960 г. Сергей Васильевич в письме от 15 июля сообщал Ф.И. Панферову: «Меня захватила работа над новой поэмой. Начал я ее в деревне, в родном Белозерском районе, куда уехал сразу же по возвращению из Москвы. Работал, удил рыбешку, а последние дни скитался по району с секретарем райкома» [11, л. 6]. В 1965 г. в письме от 9 июня к К.И. Коничеву С.В. Викулов продолжал любовно размышлять о деревне: «У меня планы такие. Около 17–18 июня поеду в Белозерье, в деревню. Возьму с собой только сына. Думаю там прожить с месяц, а то и больше: и писать (продолжать поэму), и рыбачить. Если понравится, в деревне проведу все лето. Жена весь июль будет учиться (заочно), а в августе и ее можно будет утащить туда же» [12, л. 1]. В письме к С.А. Баруздину от 4 августа 1965 г. С. Викулов вновь пишет: «Я продолжаю делать новую поэму. Часто бываю в деревнях» [13, л. 4]. Таким образом, писатель через личные наблюдения стремился

осмыслить сельскую действительность. Для более полного и глубокого погружения в жизнь трудящихся литератор старался как можно чаще выезжать из города.

Примечателен очерк С.В. Викулова «Севернее Вологды», опубликованный в журнале «Октябрь» (1962, № 2). В описании представлена информация о вологодском колхозе «Россия», его председателе Анатолии Константиновиче Курилове и проблемах развития сельского хозяйства. Автор обращал внимание на процессы отлива крестьянской молодежи в город и перекачки рабочей силы в промышленность. «В 1953 г. в колхозе “Россия” было 537 трудоспособных, сейчас их осталось 337 человек, 200 убыло. Северная деревня обезлюдела. Закрывать глаза на этот факт – допускать серьезную ошибку», – отмечал С. Викулов [10, л. 9, 11]. Далее писатель обосновал трудности, связанные с механизацией и интенсификацией производства. «Побывали с Анатолием Константиновичем на ферме, единственной в колхозе, где смонтирована электрооильная установка. 65 коров обслуживаются 4 доярками. Да еще и заведующий мужчина к ним приставлен. Это на 65 коров при электродойке, когда в Ивановской области двое – муж и жена – доят 300 коров. Три движка бензиновых работают. Один воду качает, другой свет дает, третий – доит. А если один сломается? Сколько бензина расходует. <...> Здесь механизация упирается в электрификацию» [10, л. 14–15]. С.В. Викулов приводит в своем обзоре цитату из речи А.К. Курилова на областной партконференции: «Когда мы говорим, что нам не хватает машин, нам отвечают: «Используйте внутренние резервы». В колхозе один силоуборочный комбайн. Не справляется, конечно. Люди вышли на кукурузу с ножами, с топорами и даже с косарями... Вырубили, конечно. Ладно, что не видал этого хороший писатель-сатирик. Ох, досталось бы нам!» [10, л. 15]. Однако С.В. Викулов подчеркивал, что «все, что я видел и слышал в колхозе “Россия”, все вопросы, над которыми ломает голову А. Курилов, а именно: усовершенствование принципа материальной заинтересованности, ликвидация обезлички земли, наиболее прогрессивная, разумная организация труда при недостатке рабочей силы, устранение декретирования и нажима в руководстве колхозами, сочетание общественных и личных интересов колхозников, наконец, использование реальных внутренних резервов – станут главной темой разговора на областном партийном активе, планируемом после XXII съезда КПСС» [10, л. 25]. Таким образом, писатель продемонстрировал свою гражданскую позицию, ответственное, неравнодушное отношение к происходящим противоречивым и негативным новациям в колхозно-совхозной деревне.

С начала 1960-х гг. ответственный секретарь объединения писателей, содействуя литературно-

му росту вологодских авторов, выступал в роли публициста. «“Красный Север” – прекрасная газета! Для нас здесь никогда не жалели места. Не будь такого дружеского, особого отношения газеты к вологодским писателям и их произведениям, многое в истории писательской организации сложилось бы по-другому», – признавался С. Викулов [6].

4 декабря 1961 г. в областной газете «Красный Север» вышла статья «За работу, товарищи писатели!», в которой был представлен творческий отчет писателей-вологжан перед своими земляками. С.В. Викулов познакомил читателя с именами молодых литераторов области и их произведениями, среди которых – книги «Сыновья любовь» А. Романова, «Экзамен» В. Коротаева, «Деревенька моя лесная» и «Деревня Бердяйка» В. Белова, а также рассказал о работе над повестью «Верочка Анисеева» Н. Угловского, где действие происходило в одном из северных колхозов. С. Викулов призывал вологодских авторов «быть тесно связанными с жизнью своей области, своих земляков – сталеваров и хлеборобов, бумажников и льноводов» [2].

В 1962 г. была опубликована статья С. Викулова «Славить вдохновенный труд!», в которой ответственный секретарь сообщал о состоявшемся творческом семинаре поэтов и прозаиков, упоминая имена В. Белова, О. Кванина, В. Коротаева, Н. Угловского, А. Сушинова, и его рукописи «Сельские тропы», в которой автор, повествуя о «героях труда-землелюбях, выступал против недостатков в руководстве колхозным производством, пытался найти решение насущных проблем» [7].

В 1963 г. в газете «Литературная Россия» была издана статья С. Викулова «Нерасщепленное ядро», в которой писатель вновь обращался к обсуждению тематики произведений и форм работы вологодских литераторов. С.В. Викулов отмечал, что вологодские писатели руководствовались в своей деятельности главной линией развития литературы и искусства, определенной программой партии, которая заключалась в отображении многообразия социалистической действительности, укреплении связи с жизнью народа. О поэзии А. Романова он писал: «Люблю я поэзию Романова за его приверженность к человеку труда, как у нас принято говорить, к “простому человеку”... Поэт с гордостью подчеркивает свою принадлежность к “селу лесному”, к труженикам полей, и эта общность с народом придает ему силу». О В. Белове глава Вологодской писательской организации высказывался следующим образом: «он умеет сказать о великой любви своей к простому человеку нашей северной деревни...» [3, с. 10]. А в 1964 г. в статье «Писать о жизни народной» С. Викулов продолжал: «Поэма А. Романова “Художники” посвящена острейшей проблеме современной деревни – проблеме новой культуры, нового быта, новой красоты, соответствующей нынешнему положению де-

ревни». В этой же статье автор высказался о том, что «наиболее последовательно, вдумчиво и глубоко разрабатывал деревенскую тему В. Белов, каждый рассказ которого – это новый пласт современной деревенской жизни» [4]. Очевидно заботливое отношение С. Викулова к писателям, направленное на сплочение творческого коллектива, на привлечение внимания со стороны читательской аудитории.

В конце 1950-х – 1960-е гг. вологодские писатели все чаще совершали творческие поездки на семинары и занятия в другие города, являлись участниками собраний, всесоюзных совещаний, писательских съездов и т. д., что активизировало литературную жизнь. В 1965 г. Вологодское отделение Союза писателей РСФСР провело очередной семинар молодых поэтов и прозаиков, где руководителями выступили С. Викулов и Ю. Арбат. Делегатами на второй съезд писателей РСФСР были избраны А. Романов и С. Викулов. Съезд посетили В. Гура, А. Яшин, К. Коничев, И. Полуянов, В. Деметьев, С. Орлов, О. Фокина, В. Белов и др. В руководящие органы съезда, а затем и в правление Союза писателей был избран С. Викулов [17].

Высоко были оценены вологодские поэты на встрече писателей Северо-Запада в Петрозаводске 28–29 ноября 1966 г., где, в частности, сообщалось о весомом вкладе С. Викулова в советскую поэзию. Литератор являлся соавтором многих коллективных сборников вологодских писателей. К примеру, его творчество было представлено в книге «Поэзия Севера», выпущенной к 50-летию Октября в 1967 г. в Северо-Западном книжном издательстве. На совещании писателей в Петрозаводске в 1966 г. говорилось о том, что трудолюбие и богатая душа крестьян «сильно раскрываются» в стихах и поэмах С. Викулова и А. Романова [9]. Как писал поэт А. Романов, нравственно-социальные проблемы, связанные с судьбой русской деревни, С. Викулов поднимал в своих поэмах: «В метель» (1955 г.), «Трудное счастье» (1958 г.), «Преодоление» (1962 г.), а потом – наиболее мощно – в поэмах «Окнами на зарю» (1964 г.), «Против неба на земле» (1967 г.) [14, с. 475].

С.В. Викулов активно участвовал в культурно-массовой работе вологодской писательской организации, в мероприятиях библиотек и различных учреждений области. Так, в 1958 г. была организована встреча А. Яшина, С. Викулова и И. Тихонова с читателями в Вологодском городском отделе милиции. Поэты читали стихи, проводилась продажа книг. С. Викулов выступал на литературном вечере, прошедшем в 1960 г. в Череповецком городском доме культуры, на встрече любителей поэзии в зале Вологодской областной филармонии в 1961 г., на вечере поэзии, организованном после семинара писателей в декабре 1966 г. и т. д. Следует отметить, что произведения Сергея Васильевича находили широкий отклик в читательской

среде. Например, в 1963 г. после вечера поэзии, проведенного в вологодском Доме политпросвещения, читатели охотно покупали книгу С. Викулова «Деревьям снятся листья» [15, с. 10].

Существенное влияние на творческую активность писателей оказывал вопрос, связанный с улучшением жилищных условий. Политика Вологодского обкома партии способствовала переезду писателей в Вологду. Тем самым стимулировался численный рост писательской организации. Нельзя недооценить помощи С.В. Викулова в данном вопросе. И. Полуянову, А. Гусеву, О. Фокиной через С. Викулова помогал первый секретарь обкома А.С. Дрыгин. «Помню, мы с Олей еще сидели в кабинете “первого”, а он, сняв трубку, уже распорядился: “Я тут беседую с молодой и хорошей поэтессой Ольгой Александровной Фокиной, она решила жить и работать в Вологде. И правильно решила! Поселите ее пока в общежитии партшколы, а через месяц подберите квартиру. Все!” – вспоминал С.В. Викулов [5]. «Неудачная попытка обосноваться после окончания Литературного института на работу и жительство в Архангельске привела меня в Вологду, где руководивший тогда писательской организацией С.В. Викулов и местные партийные работники сделали все возможное, чтобы мне было хорошо», – рассказывала О.А. Фокина в автобиографии [19].

В 1967 г. С. Викулов был приглашен в Москву на должность заместителя главного редактора журнала «Молодая гвардия», где проработал полтора года. В 1968 г. писатель возглавил «Наш современник», которому отдал 21 год. На страницах издания разоблачалась доктрина о «бесперспективных деревнях», велась критика акции по переброске северных вод на юг и др. Умер писатель 1 июля 2006 г. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище [1].

Резюмируя сказанное, отметим, что С.В. Викулов – яркая, исключительная фигура вологодской литературной школы и культурного пространства Русского Севера. Деятельность писателя была направлена на становление и развитие отделения Союза писателей, уникальность и индивидуальность которого была связана с основанием направления в советской литературе, которое принято называть «деревенской прозой». Сергей Васильевич как глава писательской организации тяготел к укреплению связи литераторов с народной жизнью, стремился к популяризации художественного творчества, а также разрешению квартирного вопроса для начинающих авторов, являлся активным участником культурно-массовой работы с населением. На вологодской земле при непосредственном взаимодействии с местной властью был создан климат, располагающий к написанию произведений, задано особое, уважительно-почтительное отношение к творцу. С.В. Викулов являлся выходцем

из деревни, поэтому его волновали судьбы малой родины, изменения в повседневных жизненных практиках сельских тружеников и рабочих. Трансформация крестьянского быта и складывание новой ментальности глубоко тревожили писателя, что отражалось в текстах его произведений и культурно-массовой деятельности. В свою очередь исследование позиции автора является важнейшим аспектом изучения проблемы социально-культурных реформирований общественного сознания периода середины – второй половины XX века.

Библиографический список

1. Биография С.В. Викулова // Культурный центр имени С.В. Викулова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: центр-викулова.рф/биография-с-в-викулова/ (дата обращения: 31.05.2018).
2. Викулов С. За работу, товарищи писатели! // Красный Север. – 1961. – 4 декабря. – С. 3.
3. Викулов С. Нерасщепленное ядро // Литературная Россия. – 1963. – № 12. – 22 марта. – С. 10–11.
4. Викулов С. Писать о жизни народной // Вологодский комсомолец. – 1964. – 5 декабря. – С. 2.
5. Викулов С. С чего началось // Вологодская молодежь. – 1993. – 21 августа.
6. Викулов С. Сергей Викулов, поэт, лауреат Государственной премии, в течение многих лет главный редактор журнала «Наш современник» // Красный Север. – 2001. – 4 сентября. – С. 1.
7. Викулов С. Славить вдохновенный труд! // Красный Север. – 1962. – 22 декабря. – С. 3.
8. Жизнь – неустанное служение Отечеству: Поздравляем Сергея Викулова с 75-летием! // Красный Север. – 1997. – 28 июня.
9. Кибардина А. Пусть будет это традицией // Красный Север. – 1966. – 10 декабря. – С. 3.
10. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) – Ф. 619. – Оп. 4. – Д. 397.
11. РГАЛИ. – Ф. 1128. – Оп. 2. – Д. 141.
12. РГАЛИ. – Ф. 2290. – Оп. 1. – Д. 26.
13. РГАЛИ. – Ф. 2855. – Оп. 1. – Д. 158.
14. Романов А. Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации // Литературная Вологда. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 461–483.
15. Столетова А.С. Культурно-массовая работа вологодских писателей с читательской аудиторией в 1950–1960-е гг. // Вестник Вологодского государственного университета. – 2017. – № 3 (6). – С. 10–14.
16. Столетова А.С. Образование и деятельность Вологодской писательской организации в 1950–1960-е гг. [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. – 2013. – Вып. 1 (1): эл. журнал. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=2644>.

17. Сухарев А. Вологжане на съезде писателей // Вологодский комсомолец. – 1965. – 12 марта. – С. 2–3.

18. Федорова А.В. Викулов Сергей Васильевич // Культура в Вологодской области: сетевое издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cultinfo.ru/literature/union-of-writers-of-russia/vikulov-sergey-vasilevich.php> (дата обращения: 30.05.2018).

19. Фокина О. Моя родословная // Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина (ВОУНБ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fokina/main/life/myself/1.htm> (дата обращения: 21.05.2018).

20. Яшина З., Яшин М. От всего сердца: к 20-летию Вологодской писательской организации // Вологодский комсомолец. – 1981. – 19 августа. – С. 2.

References

1. Biografiya S.V. Vikulova // Kul'turnyj centr imeni S.V. Vikulova [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: centr-vikulova.rf/biografiya-s-v-vikulova/ (data obrashcheniya: 31.05.2018).
2. Vikulov S. Za rabotu, tovarishchi pisateli! // Krasnyj Sever. – 1961. – 4 dekabrya. – S. 3.
3. Vikulov S. Nerasshcheplennoe yadro // Literaturnaya Rossiya. – 1963. – № 12. – 22 marta. – S. 10–11.
4. Vikulov S. Pisat' o zhizni narodnoj // Vologodskij komsomolec. – 1964. – 5 dekabrya. – S. 2.
5. Vikulov S. S chego nachalos' // Vologodskaya molodezh'. – 1993. – 21 avgusta.
6. Vikulov S. Sergej Vikulov, poeht, laureat Gosudarstvennoj premii, v techenie mnogih let glavnyj redaktor zhurnala «Nash sovremennik» // Krasnyj Sever. – 2001. – 4 sentyabrya. – S. 1.
7. Vikulov S. Slavit' vdohnovenyj trud! // Krasnyj Sever. – 1962. – 22 dekabrya. – S. 3.
8. ZHizn' – neustannoe sluzhenie Otechestvu: Pozdravlyаем Sergeya Vikulova s 75-letiem! // Krasnyj Sever. – 1997. – 28 iyunya.
9. Kibardina A. Pust' budet ehto tradiciej // Krasnyj Sever. – 1966. – 10 dekabrya. – S. 3.
10. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI) – F. 619. – Op. 4. – D. 397.
11. RGALI. – F. 1128. – Op. 2. – D. 141.
12. RGALI. – F. 2290. – Op. 1. – D. 26.
13. RGALI. – F. 2855. – Op. 1. – D. 158.
14. Romanov A. Narodnye korni literatury: iz istorii Vologodskoj pisatel'skoj organizacii // Literaturnaya Vologda. – Vologda: Knizhnoe nasledie, 2007. – S. 461–483.
15. Stoletova A.S. Kul'turno-massovaya rabota vologodskih pisatelej s chitatel'skoj auditoriej v 1950–1960-e gg. // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 3 (6). – S. 10–14.
16. Stoletova A.S. Obrazovanie i deyatelnost' Vologodskoj pisatel'skoj organizacii v 1950–

1960-е гг. [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. – 2013. – Вып. 1 (1): ел. журнал. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&id=2644>.

17. Suharev A. Vologzhane na s"ezde pisatelej // Vologodskij komsomolec. – 1965. – 12 marta. – S. 2–3.

18. Fedorova A.V. Vikulov Sergej Vasil'evich // Kul'tura v Vologodskoj oblasti: setevoe izdanie [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cultinfo.ru/literature/union-of-writers-of-russia/>

vikulov-sergey-vasilevich.php (дата обращения: 30.05.2018).

19. Fokina O. Moya rodoslovnaya // Vologodskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. I.V. Babushkina (VOUNB) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fokina/main/life/myself/1.htm> (дата обращения: 21.05.2018).

20. YAshina Z., YAshin M. Ot vsego serdca: k 20-letiyu Vologodskoj pisatel'skoj organizacii // Vologodskij komsomolec. – 1981. – 19 avgusta. – S. 2.

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (К 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева)

В статье исследуется оценка немецкой критикой середины XIX века первых переводов «Записок охотника» И.С. Тургенева. Доказывается, что упреки в художественной незавершённости отдельных произведений, входящих в книгу, свидетельствуют не только о предвзятости немецкой критики, связанной с эстетическими установками «поэтического реализма», но и о своеобразии тургеневского замысла, не понятого его современниками и в России, и за рубежом. В незавершённости рассказов, входящих в «Записки», скрывается не слабость, как казалось критикам Тургенева, а особая целостность книги, состоящей из отдельных, лишь относительно завершённых вещей. Композиционная их рыхлость далеко не случайна, но глубоко содержательна: с её помощью образный мир рассказов открывается навстречу друг другу. Тургенев создаёт единое произведение, и рассказы входят в него как «фрагменты», подчиняющиеся художественному замыслу всей книги.

Ключевые слова: цикл, поэтический реализм, подражание и преображение, фрагментарность и целостность.

Первое отдельное издание «Записок охотника» вышло в Москве в августе 1852 года. Спустя четыре месяца, в декабре, в лейпцигской газете «Novellenzeitung» появился первый немецкий перевод тургеневского рассказа «Пётр Петрович Каратаев», а вслед за ним в той же газете были опубликованы переводы очерков «Смерть», «Ермолай и мельничиха», «Лебедянь». Одновременно в петербургской газете «Sankt Petersburger Zeitung» появились на немецком языке другие рассказы из «Записок охотника».

В России на эти переводы откликнулся М.Л. Михайлов [7, с. 14]. В Германии отклика на них не последовало, но интерес к произведению Тургенева, очевидно, пробудился, о чём свидетельствовали дальнейшие события. В октябре 1854 года берлинский издатель Генрих Шиндлер опубликовал перевод первого тома «Записок охотника», а в 1855 году – второго.

Известно, что переводчиком первого тома был «русский немец» Август Видерт, сыгравший значительную роль в популяризации русской литературы в Германии. Видерт был другом Тургенева. Из его писем к автору «Записок охотника», частично опубликованных Ю.Д. Левиным и Л.Н. Назаровой [см.: 6, с. 166], становится очевидным, что газетные переводы в «Novellenzeitung» и «Sankt Petersburger Zeitung» принадлежали его перу. Клаус Дорнахэр подтвердил это свидетельство, сравнив переводы Видерта в отдельном издании первого тома «Записок» с газетными текстами [1, с. 153]. В июле 1852 года Август Видерт по семейным обстоятельствам покинул Россию и переехал на жительство в Германию. Свои переводы тургеневских очерков он делал не с отдельного русского издания «Записок охотника», а с текстов журнальных публикаций в «Современнике».

Почему Видерт не перевёл «Записки» полностью, и перевод второго тома Шиндлер поручил Августу Больцу? Отвечая на этот вопрос, Клаус Дорнахэр ссылается на воспоминания Людвиг Пича: «Видерт обладал живым языковым чутьём, сильным даром художественного сопереживания, был честнейшим, порядочнейшим, бравым буршем и верным товарищем. Его разнообразные, собственно национальные и сугубо личные, особенности характера были безобидными и комичными. Он мог целыми днями лежать на диване без всяких поползновений подняться с него. При этом он поглощал большими дозами сахар, запивая его бесконечным количеством чашек крепкого чая с ромом» (здесь и далее перевод с немецкого мой. – Ю. Л.) [1, с. 153].

Именно «обломовской» ленью лучшего немецкого переводчика романа Ивана Александровича Гончарова «Обломов» и объясняет Людвиг Пич, почему Видерт не удосужился перевести второй том «Записок охотника», хотя немецкие друзья усиленно побуждали «ленивца» к работе.

Среди этих друзей особенно активным был известный немецкий писатель-новеллист Теодор Шторм. Он познакомился с Видертом в 1854 году. Переведённые им тургеневские очерки привели Шторма в восхищение. Он настаивал на новых переводах. При бесперывных его понуканиях Видерт завершил подготовку первого тома. Оперативная его публикация в издательстве Шиндлера осуществлялась опять-таки благодаря настоянию Шторма. Она имела читательский успех. Но второй том Видерт собирался переводить так долго, что терпение Шиндлера лопнуло, и он заказал перевод Августу Больцу.

Больц начал свой трудовой путь преподавателем в Гамбургской торговой академии, затем продолжал его в различных военных учебных заведе-

ниях России. В 1852 году он вернулся в Германию учителем русского языка в Берлинском военном училище. Болъц перевёл на немецкий язык не только многие произведения Тургенева, но даже «Слово о полку Игореве». В 1871 году он подготовил и опубликовал учебник «Lehrgang der russischen Sprache», получивший положительный отзыв Тургенева. И тем не менее качество его перевода «Записок охотника», по единодушному мнению немецких критиков того времени, оказалось значительно ниже, чем перевод Видерта.

Видерт оказал большую услугу Тургеневу не только как переводчик, но и как популяризатор «Записок охотника» в кругу немецких писателей. Он познакомил с творчеством Тургенева Шторма и Пича, Гейзе и Фонтане, Ауэрбаха и Фарнхагена фон Энзе. Будучи в переписке с Тургеневым, Видерт подробно информировал автора «Записок» о том, как его книга принимается в Германии. Возможно, тут не обошлось и без преувеличений. Так, в письме от 8 декабря 1854 года Видерт сообщал Тургеневу, что он собрал уже около 20 рецензий из разных немецких журналов и газет, что каждый день появляются новые отзывы. А 10 января 1855 года он писал: «Ещё ни одна русская книга в Берлине не имела такого успеха» [см.: 1, s. 154].

О преувеличениях Видерта свидетельствует Людвиг Пич, говорящий в своих воспоминаниях о «довольно прохладном приёме “Записок охотника” широкой немецкой публикой» [см.: 1, s. 154]. Уже в наше время Клаус Дорнахэр обследовал всю периодику тех лет и доказал, что в газетах и журналах 1850-х годов насчитывается не более 10 статей, специально посвящённых первому и второму томам берлинского издания «Записок». Правда, имя писателя встречается при этом во многих неспециальных статьях там, где речь заходит о русской литературе. Значит, успех всё же был. Неспроста предприимчивый издатель Шиндлер торопил переводчиков, готовя публикацию второго тома тургеневской книги.

Среди статей в «Blatter fur literarische Unterhaltung», «Deutsche Museum», «Magazin fur die Literatur des Auslandes» особо выделялись две рецензии, помещённые в берлинской газете «Deutsches Kunstblatte» в разделе «Литературный листок». Его редактировал издатель Шиндлер, а рецензии писал молодой немецкий писатель Пауль Гейзе, незаурядный мастер немецкой новеллы.

В «Записках охотника» Гейзе приветствовал тургеневский реализм в описаниях природы и человека, созвучный тогдашним поискам немецкого писателя, освобождёвшегося от высокопарных эффектов романтического письма. Позитивная сторона рецензий Гейзе достаточно известна по работам Гизелы Ионас, Клауса Дорнахэра и Эриха Хока [см.: 2; 3; 7].

Я же в своей статье обращаю внимание на другую часть его отзывов, критическую и негатив-

ную. В своих заметках Гейзе совершенно обходит антикрепостнический пафос тургеневской книги. Он видит в ней лишь этнографические достоинства, его восхищает правдивость и точность тургеневских описаний жизни и быта русских крестьян и помещиков.

Гейзе предъясняет при этом серьёзные претензии к художественной форме тургеневских очерков и рассказов. Она представляется критику недоработанной и незавершённой. Вместо классической новеллы являются на свет эскизы, наброски. Новеллистический сюжет в них отрывочен и пунктирен. Судьбы людей Тургенев представил не в спокойном изложении, а в скачкообразной форме дневниковых записей и отрывочных воспоминаний. Потому и композиция его рассказов оказывается недоработанной, незакруглённой.

Гейзе называет тургеневские очерки «искусством» с весьма существенными оговорками. Писатель, по его мнению, обрывает художественные описания со стыдливой торопливостью, как только *наблюдатель* уступает у него дорогу *поэту*. Пафос *изображения* действительности торжествует у Тургенева над поэтическим *преображением* её. Наблюдатель вытесняет художника. В реалистической манере Тургенева Гейзе смущает отсутствие «искусства» и чрезмерное обилие «сноровки точного наблюдения», которая прилична «учёному-натуралисту», но едва ли к лицу настоящему художнику и поэту. В итоге Гейзе приходит к выводу, что «Записки охотника» – это книга фрагментов: в ней угадываются замыслы будущих «полноценных» романов и новелл. Но пока эти задатки и заявки не получают ещё полнокровной поэтической реализации [см. об этом: 3; 7].

Аналогичные сомнения в повествовательном искусстве Тургенева высказаны анонимным критиком лейпцигской газеты «Blattern fur literarische Unterhaltung». Критик сетовал по поводу «фрагментарности» рассказов в «Записках охотника», говорил об отсутствии у Тургенева всякого желания придать событиям его новелл эстетическую «закруглённость» и «завершённость». Обличительный аспект книги для него тоже остался непонятым [см.: 1, s. 153–161].

Несвободной от замеченных здесь односторонностей оказалась и большая статья Людвиг Пича, опубликованная в августе 1855 года в лейпцигской газете «Illustrierte Zeitung» с портретом И.С. Тургенева – первым в заграничной прессе.

Пич познакомился с Тургеневым ещё в 1847 году. Через Видерта он узнал затем о первом издании «Записок охотника» в России, об их влиянии на русских читателей, о ссылке писателя и политических притеснениях на его родине. В своей статье Пич давал обстоятельный обзор жизни и творчества Тургенева, говорил о влиянии «внешних обстоятельств жизни» на «своеобразное направление

его таланта». «Запискам охотника» Пич отводил «первое место в новой русской литературе». Эта книга, по его характеристике, произвела в России эффект, подобный тому, какой получил в Германии роман Гёте «Страдания юного Вертера».

Но и Пич считал, что жанровая мерка классической новеллы с обязательным развитием действия через завязку, кульминацию и развязку неприменима к очеркам русского писателя. Его увлекает другая цель – описание живой жизни, стремление быть предельно верным ей. Его очерки воспринимаются не как произведения искусства, а как «чистый продукт природы». Общественно-политической проблематикой тургеневской книги Людвиг Пич, подобно большинству немецких коллег, совсем не озабочен. В содержании «Записок» подчёркивается другое: их познавательный характер, их изобразительный «энциклопедизм».

Таким образом, наряду с довольно снисходительным отношением к художественной форме «Записок охотника», в немецкой критике 1850-х годов проявилось и ограниченное восприятие их содержания: указывалось лишь на этнографический и культурно-исторический его аспект. Как объяснить подобный факт?

Я считаю, что две существенные причины лежали в основании этой недооценки. Первая связана с мировоззрением и эстетическими установками школы так называемого поэтического реализма, к которой примыкали тогда немецкие писатели. А вторая порождалась эстетическим невниманием к художественной целостности тургеневской книги.

Вольфганг Преизенданц, один из современных исследователей «поэтического реализма» в Германии, заметил, что немецкая литература середины и второй половины XIX века располагалась в «долине», а «горная цепь» писательских вершин от Гоголя и Гончарова, Толстого и Тургенева – до Бальзака и Стендаля, Теккерея и Диккенса немецкую прозу обошла [4, s. 453]. Ни один из немецких писателей того времени не вошёл в мировую культуру с такой решительностью, как творцы русского, французского и английского романа. Почему?

Отвечая на этот вопрос, исследователь обращается к эстетическим принципам «поэтического реализма», которые исповедовали немецкие писатели. С точки зрения «поэтического реалиста», в совершенном реалистическом произведении достигается гармонический синтез «Mimesis'a» и «Poesis'a», подражания жизни с иллюзией её поэтического «преображения».

Известно, что в процессе создания художественного произведения образ и прототип, искусство и подражание жизни вступают в конфликтные отношения. По словам Шиллера, писатель «совершает трудную операцию редукции эмпирических жизненных форм в формы эстетические» [4, s. 458]. В реалистическом произведении оба па-

радоксальных принципа поэзии – свобода творца в своей фантазии и подражание натуре – должны примиряться друг с другом. Ни игра воображения не возводится в идеал, ни подражание действительности не стремится к полной натуральности. Реализм диалектически снимает крайности «поэзиса» и «мимезиса», свободы поэтического воображения и стремления писателя к продуктивной передаче эмпирической действительности.

Именно эти общетеоретические принципы «поэтические реалисты» Германии накладывали на современный им историко-литературный процесс. Крайностью романтиков, с их точки зрения, была эмансипация воображения и фантазии. Крайностью современных русских, французских и английских реалистов – эмансипация действительности, уклон в подражание природе, пафос *изображения* в ущерб *преображению*. «Мимезис» в русской и особенно во французской и английской школах реализма стал, по мнению немцев, едва ли не основным и решающим критерием эстетической неполноценности их искусства.

Готфрид Келлер, один из немецких теоретиков «поэтического реализма», писал в 1851 году: «Художественное произведение как небо от земли отличается от природы, и в этом отличии заключается его самостоятельная цель» [см.: 4, S. 466].

«Небесным» реалистам Германии, которые с трудом преодолевали изысканные соблазны немецкого романтизма, русская, французская и английская реалистическая эстетика казалась слишком грубой, слишком увлекающейся подражанием натуре. Ведь немецкие романтики, в отличие от просветительских реалистов XVIII века во Франции, радикально пересмотрели взгляды на смысл и задачи искусства. Если просветители видели его назначение в подражании природе, то романтики считали, что высокое искусство не подражает, а преобразует природу, что оно противостоит низменным интересам обывателей-«филистеров», что оно самоценно, и утилитарные цели не могут его интересовать и воодушевлять. Искусство призвано не воссоздавать мир, а пересоздавать его. Главную роль романтики отводили не наблюдению, а воображению.

В «Письмах к своей семье» Теодор Фонтане выражал удивление и восхищение изобразительной силой тургеневского таланта, но ему не хватало в искусстве русского писателя поэтического преобразования реальности. Жизнь в его произведениях казалась Фонтане прозаически низменной, а целостная картина мира – слишком далёкой от совершенства. Восхищаясь пластической, изобразительной мощью тургеневского искусства, Теодор Фонтане писал: «Я не удовлетворён его способом письма. Меня удивляет в нём острая наблюдательность, отсутствие фразы, ярко схваченные натуралистические детали; но при этом я скучаю, потому что искусство у него так безбрежно прозаично, так

смутно проясняет жизненные обстоятельства. А без этого прояснения нет настоящего искусства... Кто имеет задатки наблюдателя, кто целиком отдаётся им, тот может писать *эссе* о России, но не способен создавать художественные новеллы» [см.: 4, с. 467]. Будь искусство Тургенева ещё более проникновенно, будь он ещё более острым наблюдателем, напоминающим человека «с фотографическим аппаратом в глазах и в душе», Теодор Фонтане «отвернётся от него и пожмёт плечами». «Муза Тургенева – это «Муза в трауре, Аполлон с зубной болью. Это жизнь, оскалившая зубы» [см.: 4, с. 467].

Теодору Фонтане кажется, что русскими и французскими реалистами движет лишь одна потребность, одно стремление – быть верными натуре. Такой путь он считает «ложным, недооценивающим *предназначение* искусства». Главная задача писателя – не изображение, а *преображение*, просветление жизни, создание высокой *поэтической* действительности, приподнятой над эмпирическим потоком жизни. «Необходимо передавать в поэзии ощущение громадного различия между картинами, которые предлагает нам действительность, и образами, какие утверждает искусство. Изображение должно являться чем-то большим, чем отражение или воспроизведение. В процессе художественного изображения осуществляется претворение, творческое «преображение», как раз и дающее специфический художественный эффект, являющийся главной целью истинного произведения искусства. В искусстве возникает особый “мир”, который стоит посередине между объективной правдой обстоятельств и законом, который утверждает наш дух» [см.: 4, с. 469].

Нельзя не заметить, что в теоретических утверждениях «поэтических реалистов» варьировались понятия и представления о художественном произведении, разработанные немецкой романтической эстетикой. И на практике это давление романтических традиций оборачивалось известным предубеждением, а подчас и элементарной глухотой по отношению к новейшим явлениям мирового реалистического искусства. Даже Вольфганг Преиценданц, пытающийся оправдать теоретические построения «поэтических реалистов», вынужден признать в своей работе, что эти построения приводили к «регрессивному восприятию художественного произведения», к уходу от более или менее тесного контакта писателя со жгучими проблемами и реальностями социально-политической жизни [4, с. 478].

Взгляды немецких писателей середины XIX века на «Записки охотника» Тургенева во многом перекликались с оценками русских «эстетических критиков». Ведь П.В. Анненков тоже упрекал Тургенева в небрежности повествовательной манеры. Подобно Паулю Гейзе, он отмечал в композиции тургеневских рассказов «свободу изложения,

обилие черт, теней, отливов, из которых составляются портреты “Записок”, весёлость мастера, ходящего развязно в своём сюжете» [9, с. 23]. Нормы романтической немецкой эстетики являлись препятствием на путях понимания и признания художественной уникальности тургеневской книги.

Вместе с тем, взгляд «поэтических реалистов» Германии на искусство Тургенева парадоксально выявлял характерные особенности его писательской манеры. Как русский реалист, Тургенев не торопится «эмансипировать» красоту, отторгнуть её от будней жизни, от повседневного течения действительности. Об этой особенности его повествовательного искусства проникновенно сказал француз Проспер Мериме: «...ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою...» [11, с. 70].

Сам Тургенев чувствовал уязвимые места в произведениях немецких «поэтических реалистов». В письме к Людвигу Пичу от 28 декабря 1876 года он сказал: «Немцы, когда рассказывают, *всегда* совершают две ошибки: скверно мотивируют – и самым непростительным образом идеализируют действительность. Берите действительность в её простоте и *поэтичности* – а идеальное само приложится. Нет; немцы могут завоевать весь мир; но рассказывать они разучились... да, по правде сказать, как следует никогда и не умели. Если немецкий автор рассказывает мне что-нибудь трогательное – то он не может удержаться, чтобы не указать одним перстом на свои заплаканные глаза – а другим не подать мне, читателю, скромного знака, чтобы я тоже не оставил без внимания тот предмет, который растрогал его» [10, с. 425].

В известной недооценке художественной стоимости тургеневских «Записок охотника» сказались, тем не менее, не только эстетическая предвзятость немецкой критики, но и непривычная, разрушающая нормы классической эстетики особенность художественного единства этой книги. Нельзя не заметить, что и Гейзе, и Пич, и другие немецкие рецензенты во многом были правы: их замечания о фрагментарности, композиционной незавершённости отдельных очерков, входящих в книгу, не лишены проницательности. Вопрос заключается лишь в том, как отнестись к этой «незавершённости», с какой точки зрения на неё посмотреть? Является ли она свидетельством недостаточного «мастерства» Тургенева или, напротив, высшая правда художника как раз и заключалась в отрицании этого «частного» мастерства во имя более широкой художественной правды и основанной на ней эстетической целостности.

А.В. Чичерин, исследуя «форсайтовский» цикл романов Голсуорси, обратил внимание на примечательную особенность композиции составляющих его произведений: «Для романа как жанра характерна законченность. Ни “Адольф”, ни “Рудин”,

ни “Кенельм Чиллингги” не допускают никаких довесков. Полнота раскрытия характера и поэтому исчерпанность темы – одно из свойств этого жанра. В цикле романов типа “Человеческой комедии” нарушается эта замкнутость каждого отдельно взятого романа. Этой разновидности романа (как некогда “Илиаде”) свойственна незавершённость, незавершаемость» [12, с. 357].

Наблюдения этого учёного имеют общетеоретическое значение. Художественное единство любого цикла с необходимостью предполагает композиционную «неразрешённость» входящих в него произведений – романов, рассказов, очерков, лирических стихотворений. В «изобилии подробностей», отступлений, «теней и отливов» скрывается не слабость Тургенева-художника, а секрет художественного единства книги, состоящей из отдельных, лишь *относительно* завершённых вещей. Композиционная их рыхлость в книге далеко не случайна. Она глубоко содержательна: с её помощью образный мир очерков открывается навстречу друг другу, включается в широкую панораму бытия.

В концовках очерков резко обрывается нить повествования, подчиняясь логике случайных охотничьих встреч. Судьбы людей выглядят незавершёнными, читатель не удовлетворён, он ждёт их продолжения за пределами «случайно» прерванного рассказа. И ожидания эти в какой-то мере сбываются: разомкнутый финал предыдущего очерка «подхватывается» началом последующего, незавершённые сюжетные нити в одних очерках продолжают продолжение и завершение в других.

Рассказ о сошедшей с ума, обманутой полюбовником крестьянской девушке Акулине в «Бежине луге» сам по себе лишь «фрагмент» в числе многочисленных, набегаящих одна на другую историй. Но «фрагментарность» его относительна: в контексте книги этот рассказ воспринимается как эпилог «Свидания», как трагический финал жизни Акулины – главной героини этого очерка. Точно так же в истории Акима-лесника, которого утопили «воры», слышны отголоски возможной судьбы Бирюка. Именно в «Бежине луге» как бы сбываются те грозные пророчества, которые с проклятием обрушивает на Бирюка мужичонка-порубщик.

Ужасаясь жестокости Пеночкина или заправского крепостника Мардария Аполлоныча Стегунова, мы часто не замечаем, что мотив стихийной жестокости касается и многих людей из народа: бурмистр Софрон, лакей Виктор из рассказа «Свидание», дворовая бюрократия с её бесчинствами в «Конторе», жена Хоря, злая старуха, которая иногда слезала с печи, вызывала из сеней дворовую собаку, приговаривая: «Сюды, сюды, собачка!» – и била ее по худой спине кочергой, проявление стихийной, угрюмой жестокости Ермолая, любовница графа Петра Ильича, крестьянка Акулина.

Тургенев создавал *единую книгу*, отдельные очерки и рассказы которой вошли в неё как «отрывки», как детали, подчиняющиеся конструктивной эстетической логике целостного замысла, единого «зерна», из которого они вырастают [см. об этом: 13, с. 4–70].

Сам Тургенев в письмах к друзьям часто называл отдельные рассказы «Записок охотника» «отрывками», подчёркивая их фрагментарность, их неотделимость от художественного целого всей книги. Это обстоятельство не бралось в расчёт современниками Тургенева как у нас, в России, так и за рубежом. В оправдание негативных суждений немецких «поэтических реалистов» замечу, что и по сию пору можно встретить упреки в рыхлости композиции, недостатке художественного мастерства, якобы проявившихся в процессе работы Тургенева над отдельными рассказами и очерками «Записок охотника». Художественное единство книги остаётся камнем преткновения для многих поколений не только литературных критиков, но и маститых литературоведов.

Библиографический список

1. Dornacher K. Die ersten deutschen Übersetzungen der «Sapiski ochotnika» I.S. Turgenews und ihr Echo in der Zeitgenössischen Literaturkritik // Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule. Bd. 2. Potsdam. 1966. – S. 153–161.
2. Hock Erich. Turgenew und die deutsche Literatur. Ein Beitrag zur Literatur und Geistesgeschichte des 19. Jahrhunderts. Göttingen. 1953. – 207 S.
3. Ionas Gisela. Paul Heyses Beziehungen zur russischen Literatur und ihren Vermittlern in Deutschland. – Berlin, 1966. – 150 S.
4. Preisendanz Wolfgang. Voraussetzungen des poetischen Realismus in der deutschen Erzählkunst des 19. Jahrhunderts // Wege der Forschung. Bd. CXXII. Begriffsbestimmung des literarischen Realismus–Darmstadt, 1974. – 496 S.
5. Schultze Christina. Theodor Storm und Turgenew // Turgenew und Deutschland: Materialien und Untersuchungen. Bd. 1. – Berlin, 1965.
6. Turgenew und Deutschland // Materialien und Untersuchungen. Bd. 1. – Berlin, 1965. – 361 S.
7. Ионас Гизела. «Записки охотника» в оценке Пауля Гейзе // Тургеневский сборник. Т. 2. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 109–118.
8. Отечественные записки: журнал. – 1854. – Т. XCIII, отд. V.
9. Русское обозрение: журнал. – 1898. – № 5.
10. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. – Письма. Т. 12, кн. 1. – М.; Л.: Наука, 1966. – 760 с.
11. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. – Сочинения. Т. 15. – М.; Л.: Наука, 1968. – 496 с.
12. Чичерин А.В. Идеи и стиль. О природе поэтического слова. – М.: Советский писатель, 1968. – 374 с.

13. Лебедев Ю.В. «Записки охотника» И.С. Тургенева: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1977. – 80 с.

References

1. Dornacher K. Die ersten deutschen Übersetzungen der «Sapiski ochotnika» I.S. Turgenews und ihr Echo in der Zeitgenössischen Literaturkritik // Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule. Bd. 2. Potsdam. 1966. – S. 153–161.

2. Hock Erich. Turgenew und die deutsche Literatur. Ein Beitrag zur Literatur und Geistesgeschichte des 19 Jahrhunderts. Gottingen. 1953. – 207 S.

3. Ionas Gisela. Paul Heyses Beziehungen zur russischen Literatur und ihren Vermittlern in Deutschland. – Berlin, 1966. – 150 S.

4. Preisendanz Wolfgang. Voraussetzungen des poetischen Realismus in der deutschen Erzählkunst des 19 Jahrhunderts // Wege der Forschung. Bd. CCXII. Begriffsbestimmung des literarischen Realismus–Darmstadt, 1974. – 496 S.

5. Schultze Christina. Theodor Storm und

Turgenew // Turgenew und Deutschland: Materialien und Untersuchungen. Bd. 1. – Berlin, 1965.

6. Turgenew und Deutschland // Materialien und Untersuchungen. Bd. 1. – Berlin, 1965. – 361 S.

7. Ionas Gizela. «Zapiski ohotnika» v ocenke Paulya Gejze // Turgenevskij sbornik. T. 2. – M.; L.: Nauka, 1966. – S. 109–118.

8. Otechestvennye zapiski: zhurnal. – 1854. – T. XCIII, otd. V.

9. Russkoe obozrenie: zhurnal. – 1898. – № 5.

10. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 t. Pis'ma: v 13 t. – Pis'ma. T. 12, kn. 1. – M.; L.: Nauka, 1966. – 760 s.

11. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 t. Sochineniya: v 15 t. – Sochineniya. T. 15. – M.; L.: Nauka, 1968. – 496 s.

12. Chicherin A.V. Idei i stil'. O prirode poehticheskogo slova. – M.: Sovetskij pisatel', 1968. – 374 s.

13. Lebedev YU.V. «Zapiski ohotnika» I.S. Turgeneva: posobie dlya uchitelya. – M.: Prosveshchenie, 1977. – 80 s.

МИФОЛОГЕМА ВОДЫ В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «ВЕШНИЕ ВОДЫ»

В статье рассматривается водная стихия как пейзажный мотив и предметная деталь реалистической картины, данной в повести Тургенева «Вешние воды». Повторение в ряде произведений Тургенева слова вода и его синонимов позволяет говорить о нем как основе тропов. Потоки, струи, неудержимые волны, унылый берег представляют собой вполне узнаваемый ряд романтической образности. Метафорический и романтический пласт смыслов, связанных с водной стихией, не исчерпывает содержания «водных» картин, обусловленных глубинным подтекстом тургеневской прозы. Уподобление жизни опасной водной стихии в разных метафорах, звучащих в повести, разворачивается в кульминационном эпизоде в мифический сюжет, напоминающий о тотемических ритуалах инициации. Акцентирование психологических переживаний, связанных с водной стихией, уводит читателя в мифопоэтические глубины и напоминает об архетипической универсалии.

Ключевые слова: Тургенев, миф, мифологема, вода, пейзаж, мифопоэтические ассоциации, повесть, мотив.

Вода (ключи, родники, ручейки, речки, пруды, море, курортные «воды») оживляют и украшают пейзаж, создают особые условия для развития действий, в некоторых случаях «водные обозначения» вынесены в заголовки произведений И.С. Тургенева разных жанров и разных периодов творчества: «Малиновая вода» (1847), «Вешние воды» (1872), «Пожар на море» (1883). И это привлекает внимание, возникает вопрос о том, не несет ли данный элемент особой содержательной нагрузки.

Вода как компонент пейзажа в произведениях Тургенева расширяет пространство (море) или, наоборот, обозначает границу, которую герой пересекает (как, например, Рейн в повести «Ася», 1858 г.).

Описания водного пространства оживлены у Тургенева птицами, животными, людьми, богаты рыбами, это скорее «жанр» (по аналогии с принятым в живописи). «У многих русских рек, наподобие Волги, один берег горный, другой луговой; у Исты тоже. Эта небольшая речка вьется чрезвычайно прихотливо, ползет змеей, ни на полверсты не течет прямо, и в ином месте, с высоты крутого холма, видна верст на десять с своими плотинами, прудами, мельницами, огородами, окруженными раkitником и гусиными стадами. Рыбы в Исте бездна, особенно головлей (мужики достают их в жар из-под кустов руками). Маленькие кулички-песочники со свистом перелетывают вдоль каменистых берегов, испещренных холодными и светлыми ключами; дикие утки выплывают на середину прудов и осторожно озираются; цапли торчат в тени, в заливах, под обрывами...» [4, т. 3, с. 23], – так описана речка в рассказе «Ермолай и мельничиха» (1847).

С водой связана бытовая деталь, с помощью которой пейзажный элемент соединяется с деталью интерьера, домашней утварью: фиал, чаша, кувшин, стакан, ведро, берестяная черпалка. Они предназначены для воды, обладающей благотворными свойствами: вода приводит героев в чувство (в прямом и переносном смысле). Однако в гораздо

большем количестве случаев вода же таит и угрозу жизни: в реке топят собаку Герасим («Муму», 1852), стихия страшит обезьянку в стихотворении в прозе «Морское плавание» (1879). В «Вешних водах» (1872) врач, сопровождающий дуэль, всю дорогу до назначенного места держит в руках кувшин с водой, а когда поединок закончился бескровно, демонстративно выливает эту воду на землю. Лирическому герою «стихотворений в прозе» «Конец света» снится как всемирный потоп («Конец света», 1878).

Повторение в произведениях Тургенева слова вода и его синонимов позволяет говорить о соответствующем пейзажном мотиве и предметной детали. Кроме того, вода становится основой тропов: чаша жизни, которую человек должен испить до дна; течение жизни; жизнь – река, а молодость – вешние воды и т. д. Восклицания вроде: «Везде все то же вечное переливание из пустого в порожнее, то же толчение воды...», «Чаша переполнилась – довольно!» («Вешние воды») – воспринимаются как стертая (возможно, уже во времена Тургенева) метафора, поэтическое общее место, встречающееся в русской поэзии неоднократно. Например, у Державина: «Как в море льются быстры воды, / Так в вечность льются дни и годы... («Ода на смерть кн. Мещерского», 1779); «Река времен в своем стремленьи / Уносит все дела людей...» (1816). Примеры можно умножить.

Потоки, струи, неудержимые волны, унылый берег и т. д. – вполне узнаваемый ряд романтической образности, представленный, например, в «Вешних водах». К романтической же традиции отсылают и неоднократные упоминания о позднем немецком романтике – поэте Л. Уланде (1787–1862), придерживавшемся внешних черт романтической поэтики. В повести Тургенева сравнение юности с бурным весенним потоком разворачивается в условно-романтические картины, связанные с водной стихией: «...но пока один и тот же челнок, как в Уландовом романсе, несет их по жизненным укрощенным струям – радуйся, наслаждайся, пу-

тешественник!» (курсив мой. – Г. Р.) [4, т. 8, с. 279]. Однако поток жизни, который несет безвольного героя «Вешних вод», не столь безобиден, как поначалу кажется. Санин «отделился от всего прошлого, он прыгнул вперед: с унылого берега одинокой, холостой жизни *бухнулся он в тот веселый, кипучий, могучий поток* – и горя ему мало, и знать он не хочет, куда он его вынесет, и не разобьет ли он его о скалу! Это уже не тихие струи уландовского романа, которые недавно его баюкали... Это *сильные, неударжимые волны!* Они летят и скачут вперед – и он летит с ними» [4, т. 8, с. 315].

В передаче переживаний героя, его представлений о жизни, в оценке происходящих событий ощущается литературность, это, скорее, романтические штампы, над которыми автор весьма заметно иронизирует. Но традиционно литературное значение словесного образа у Тургенева трансформируется (соединяясь с пейзажной или бытовой деталью), обновляется, освежается. В этой метафоре, как в капле воды, отражается авторская оценка изображенных событий, содержится общий смысл произведения.

Но и романтически-метафорический пласт смыслов, связанных с водной стихией, не исчерпывает содержания «водных» картин. Думается, он обусловлен тем глубинным подтекстом тургеневской прозы, который вызывает у читателей переживания и ощущения, трудно поддающиеся формулировке. П.В. Анненков высказался по этому поводу: «...я сам, под действием изумительного рассказа, едва мог отыскать причину того осадка на душе, который он оставляет после себя, при самом удовлетворительном ее настроении» [4, т. 8, с. 507]. Именно этот труднообъяснимый «осадок» заставляет продолжать искать новые подходы к пониманию повести, в частности учитывать и мифопоэтические ассоциации. Вода как пейзажный мотив, деталь интерьера, словесный образ отсылает читателей к географической (условно говоря) реальности, является элементом структуры, поддерживающим иллюзию достоверности изображения. Акцентирование психологических переживаний, связанных с водной стихией, напротив, уводит в мифопоэтические глубины, напоминает об архетипической универсалии.

В рассуждениях рассказчика обращает на себя внимание следующий эпизод, в котором ощущения героя переданы в наглядной картине: «жизненное море... он воображал себе... невозмутимо гладким, неподвижным и прозрачным до самого темного дна; сам он сидит в маленькой, валкой лодке – а там, на этом темном, илистом дне, наподобие громадных рыб, едва виднеются безобразные чудища: все житейские недуги, болезни, горести, безумие, бедность, слепота... Он смотрит – и вот одно из чудищ выделяется из мрака, поднимается выше и выше, становится все явственнее, все отврати-

тельно явственнее. Еще минута – и перевернется подпертая им лодка! Но вот оно опять как будто тускнеет, оно удаляется, опускается на дно – и лежит оно там, чуть-чуть шевеля плесом... Но день урочный придет – и перевернет оно лодку...» [4, т. 8, с. 255–256]. Прояснение смысла этого эпизода особенно важно в связи с тем, что Тургенев признавал автобиографичность повести. Так, он писал в письме к Каролине Комманвиль (19 августа 1873 г.) о «Вешних водах»: «...я позволил себе увлечься воспоминаниями» [5, т. 10, с. 136], что позволяет максимально сблизить позиции персонажа, рассказчика и автора.

Уподобление жизни опасной водной стихии в разных метафорах, звучащих в повести, развивается в указанном эпизоде в мифический сюжет. И этот сюжет, сложившийся в воображении Санина, не оригинален. Он во многом совпадает с характерной сюжетной схемой, которая была описана В.Я. Проппом в работе «Исторические корни волшебной сказки» (1946) и обозначена как «Борьба с водяным змеем». Герой сказки должен переплыть водное пространство, победив обитающего там змея. Победа героя, прошедшего испытание, является его оценкой. В этой схеме отражены древнейшие представления человека, живущего в извечном конфликте со стихией, напоминание о тотемических ритуалах инициации [3, с. 264, 271]. М. Элиаде утверждал, что «инициация сосуществует с жизнью человечества, что всякая жизнь складывается из непрерывной цепи “испытаний”, “смерти”, “воскрешений”, независимо от того, какими словами пользуются для передачи этого (первично религиозного) опыта» [6, с. 199]. Безотчетный страх темной бездны и обитающих там чудищ, как считают исследователи, связан с универсальным архетипическим феноменом – потопом, описанным в древних текстах разных религий (в Библии, Коране, Торе и др.): «...водная бездна или олицетворяющее эту бездну чудище – олицетворение опасности или метафора смерти... чрево водного чудища – преисподняя, выход из чрева – воскресение... являя собой начало всех вещей, Вода знаменует их финал, ибо с ней связан (в *эсхатологических мифах*) мотив *потоп*» [1, с. 240]. Эта катастрофа, сопряженная с представлениями о гибели грешных и спасении избранных, объясняется как наказание, посылаемое людям за грехи. «В каких бы религиозных системах мы не сталкивались с Водами, они везде сохраняют одну и ту же функцию: разложения и разрушения форм “смысления грехов”. Они предстают одновременно как очищающие и регенерирующие силы» [7, с. 84]. Включение данных мифологических ассоциаций в контекст размышлений о содержательных аспектах «Вешних вод» позволяет углубить понимание художественного мира повести, как это характерно для прозы Тургенева, «позволяет ему предста-

вить человеческую жизнь в иных, более сложных объёмных измерениях» [2, с. 114]. Во-первых, препятствие, которое должен преодолеть Санин, приобретает метафизический смысл. Во-вторых, углубляется понимание других персонажей, в первую очередь помещицы Полозовой. В ней как бы персонифицируется темная стихийная сила, накрывающая Санина с головой и лишаящая его воли. Не случайным окажется значение ее фамилии: «Полоз – род пресмыкающихся. Семейство ужей. Укус не опасен, но болезнен» (по данным энциклопедических словарей). «Змеиная» красота ее не однажды подчеркивается («эти серые, хищные глаза... змеевидные косы» [4, т. 8, с. 358]; «Змея! Ах, она змея! – думал между тем Санин, – но какая красивая змея!» [4, т. 8, с. 367]; у нее «на губах змеилось торжество» [4, т. 8, с. 377]), что-то звериное и хищное во всем ее притягательном облике заставляет вспомнить о «чудищах», таящихся на «темном, илистом дне» жизни. Многозначительным становится и решение героя отправиться в Америку, то есть пересечь океан («водную стихию»), чтобы снова встретиться с Джеммой.

Прочтение метафоры «вешние воды» в мифопоэтическом контексте вносит ноту тревожности и «утяжеляет» элегическую романсовую мудрость, прозвучавшую в эпиграфе («Веселые годы, / Счастливые дни – / Как вешние воды / Промчались они!» *Из старинного романа*). Мифологема воды проявляет метафорический пласт содержания повести. Мрачные, пессимистические интонации рассказчика, звучащие в его размышлениях о жизни вообще, тот образный ряд, который сопровождает эти размышления, напоминает об универсальных древних представлениях о жизни. Следовательно, не только сознанием слабости человеческого характера вызван глубокий тургеневский пессимизм, прозвучавший в конце повести, когда после пережитых унижений герой «страшился того чувства неодолимого презрения к самому себе...» [4, т. 8, с. 378], но и его метафизическими представлениями.

Герои Тургенева, воплощающие тип «слабого человека», внешне вполне благополучны, но обречены на вечное одиночество и угрызения совести («Ася», «Вешние воды» и др.). Эта расплата (за то, что не сдержал слово, не ответил на признание сразу же) кажется не совсем адекватной, требует дополнительной мотивации. И автор дает ее не только в сюжетном причинно-следственном аспекте, но и в мифологическом подтексте своих произведений.

Таким образом, в повести «Вешние воды» водная стихия прочитывается как элемент художественной картины, изображающей современную

писателю жизнь, придает своеобразие авторскому художественному миру. Как мифологема (элемент, восходящий к древнейшему мифу) она отражает определенный аспект тургеневского мировосприятия. Констатирующий характер мифа, воспринимаемый читателями как пессимистический, согласуется с основными положениями современной Тургеневу философии, в частности А. Шопенгауэра, утверждавшего преимущества интуитивного чистого созерцания, имеющего эстетическую основу, и уходящего в глубины бессознательного, указывающего на равнодушие стихийных сил природы.

Выделение и осмысление содержания этой мифологемы позволяет внести еще один штрих в описание своеобразия художественного мира произведений Тургенева и выявить их связь с общечеловеческими универсалиями.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Вода // Мифы народов мира: в 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – Т. 1. – 720 с.
2. *Белопухова О.В.* Жанровые особенности тургеневских произведений и баллада // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 111–114.
3. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 386 с.
4. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. – М.: Наука, 1979. – Т. 3. – 532 с.
5. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. – М.: Наука, 1963. – Т. 10. – 270 с.
6. *Элиаде М.* Аспекты мифа. – М.: Инвест-ППП, 1996. – 240 с.
7. *Элиаде М.* Священное и мирское. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 144 с.

References

1. *Averincev S.S.* Voda // Mify narodov mira: v 2 t. – M.: Sov. ehnciklopediya, 1980. – T. 1. – 720 s.
2. *Belopuhova O.V.* Zhanrovyye osobennosti turgenevskih proizvedenij i ballada // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 1. – S. 111–114.
3. *Propp V.YA.* Istoricheskie korni volshebnoj skazki. – L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1986. – 386 s.
4. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t. – M.: Nauka, 1979. – T. 3. – 532 s.
5. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t. – M.: Nauka, 1963. – T. 10. – 270 s.
6. *Ehliade M.* Aspekty mifa. – M.: Invest-PPP, 1996. – 240 s.
7. *Ehliade M.* Svyashchennoe i mirskoe. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994. – 144 s.

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ Н.С. ЛЕСКОВА

Статья А.А. Федотовой посвящена анализу коммуникативных аспектов поэтики Н.С. Лескова. Очерки писателя «Иродова работа» (1882) и «Русские деятели в Остзейском крае» (1882) представляют собой публикацию исторических документов. При работе с архивными материалами писатель активно обращается к приемам создания фикциональных произведений. Применяя современные методики текстового анализа, автор статьи выявляет, что Лесков прибегает к принципам нарративизации, контекстуализации и диалогизации претекстов, организуя свои очерки как открытые текстуальные системы, семантическое и стилевое своеобразие которых является результатом взаимодействия нескольких дискурсов. В статье анализируются и актуальные вопросы организации Лесковым диалога с читателем, выявляются нарративные и языковые способы активизации читательского внимания. В заключении в статье сделан вывод, что при использовании исторических источников писатель выбирает стратегию не точного воспроизведения, а парафраза: он подвергает исходный текст редукции и вводит в очерки новый, отсутствующий в претексте фактический материал.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, русская проза, публицистика, исторический дискурс, повествование, интертекстуальность.

В творчестве Н.С. Лескова публицистика занимает особое место: начав свою литературную карьеру с периодики, писатель до конца жизни активно печатался в газетах и журналах самого разного уровня, от «Петербургской газеты, называемой современниками «петербургской сплетницей», и «Нового времени» А.С. Суворина до «Игрушечки» Т.П. Пассек и «Русской мысли» В.М. Лаврова. Публицистика Лескова сегодня привлекает все большее внимание исследователей: работа над изданием полного собрания сочинений писателя в 30 томах, издание архивных материалов дают возможность ввести в научный оборот новые очерки и заметки [5], рассмотреть исторический и литературный контексты их создания [1; 6; 10; 12].

К наименее изученным сторонам журналистской работы Н.С. Лескова относится его сотрудничество с изданием А.С. Суворина «Исторический вестник». Особенно интенсивно писатель публиковался в первых номерах «Исторического вестника» (1880–1882 гг.). Большинство написанных Лесковым для журнала очерков («Святительские тени», «Царская коронация», «Загробный свидетель за женщин», «Край гибели» и др.) является изданием исторических материалов (специально приобретенных или по случаю попавших к писателю рукописей, документов, писем). В чем заключались особенности рецепции писателем исторических документов? Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу двух очерков: «Иродова работа» (1882) и его продолжения – «Русские деятели в Остзейском крае» (1883). Оба очерка посвящены деятельности русского правительства в Остзейском крае при генерал-губернаторе А.А. Суворове. Для характеристики эпохи Лесков использует два источника: служебную записку «О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам», которая была создана самим писателем по результатам командировки от министерства народного просвещения в 1863 г., а также письмо Ю.Ф. Сама-

рина, которое примыкает к его знаменитому «Письмам из Риги» 1849 г.

Обработка исторических документов ведется писателем по следующим принципам:

1. **Нарративизация.** Тексты, которые для Лескова являются источником фактического материала, представляют собой характерные примеры высказываний логического типа. Так, письмо Ю.Ф. Самарину, которое легло в основу очерка «Русские деятели в Остзейском крае», посвящено рассказу о первых неделях пребывания в Риге Суворова. В письме перечисление поступков нового генерал-губернатора имеет статус аргументов, которые служат для подтверждения авторского тезиса о том, что деятельность Суворова была направлена на поддержание немецкой элиты в ущерб русским жителям края.

При работе с исходным текстом Лесков нарушает свойственные ему причинно-следственные связи: он сокращает комментарии Самарина и максимально подробно останавливается на действиях Суворова в Риге. Лесков настойчиво указывает на временные интервалы, в которые происходили описываемые Суворовым события: «Суворов... поспешил показать...» [9, с. 146], «Суворов так торопился... что не дотерпел доехать с этим... он еще по дороге постарался высказать...» [9, с. 144], «Затем князь Суворов...» [9, с. 147] и т. д. Для того, чтобы идентифицировать временные промежутки, писатель использует дейктические языковые элементы (время глаголов, указательные наречия и местоимения), которые отсутствовали в претексте. Введение в очерк временного измерения, наряду с минимизацией авторского комментария, приводит к тому, что логический тип публицистического высказывания приобретает отчетливые черты нарратива (о своеобразии нарратива у Лескова см. [2]). Нарратив представляет собой любимую Лесковым свободную форму хроники, в которой главным средством объединения событий является

ся выстраивание их во временную последовательность. Такой же принцип используется Лесковым при переработке архивных документов в очерке «Иродова работа». В основе сюжета очерка лежит хроника борьбы российского правительства с расколом: закрытие раскольничьих школ, сдача детей раскольников «в кантонисты», присоединение их к православной церкви. В обоих текстах повествование превращает совокупность фактов биографии Суворова в рассказ. Центральным персонажем этого рассказа является русский руководитель Остзейского края.

2. **Контекстуализация.** Документальный материал скрепляется писателем не только сюжетом хроникального типа, но и системой мотивов, в том числе интертекстуального характера. Так, в очерке «Иродова работа» в сильные текстовые позиции (заглавие и эпиграф) писателем введены библейские аллюзии: «Глас в Раме слышан бысть плача и рыдания и вопля: Рахиль плачущися чад своих и не хотяще утешитися, яко не суть» [7, с. 89]. Их источником является евангельский эпизод: «Тогда Ирод... послал избить всех младенцев в Вифлееме... глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» (гл. 2:16,17). В основе очерка «Иродова работа» лежит служебная записка Лескова «О раскольниках г. Риги» (1863), в которой писатель уже обращался к этой библейской цитате. В записке аллюзия к евангельскому тексту использовалась при описании последствий закрытия раскольничьих школ: «Это был плач в Раме, – говорят старики-раскольники на своем торжественном языке. – Рахиль рыдала о детях своих и не хотела утешиться» [8, с. 401].

Если в служебной записке «О раскольниках г. Риги» библейская аллюзия была использована Лесковым для описания отдельного события в жизни раскольничьей общины Риги, то в очерке «Иродова работа» евангельский эпиграф выступает в роли камертона, который настраивает на эмоциональное восприятие текста в целом. Характерно, что в записке библейский фрагмент Лесков вкладывает в уста старообрядцев, идеологическая точка зрения которых совсем не совпадает с авторской. Контраст нарраториальных перспектив героев-раскольников и автора, который подчеркивается фразеологически (упоминанием Лескова о «своем торжественном языке» раскольников), влечет за собой появление осязаемой иронии. В «Иродовой работе» библейская цитата, вступающая с основным корпусом произведения в паратекстуальные отношения (см. [4]), лишена иронических коннотаций. Благодаря тому, что Лесков цитирует Евангелие на церковнославянском языке, фраза приобретает торжественное, возвышенное звучание и способствует формированию в очерке трагических интонаций. Благодаря актуализации евангельского тек-

ста писатель проводит аналогию между «службой» в Остзейском крае князя Суворова и бесчеловечно жестокой деятельностью другого знаменитого «управленца», князя Ирода. Тем самым Лесков обращает внимание читателей на невозможность насильственного «возращения» в лоно православия детей старообрядцев.

В результате привлечения еще одного евангельского образа Лесков проводит параллель между образом князя Суворова и представителями православной церкви в Риге: «Князь Суворов... велел весь второй улов отослать к духовному начальству для присоединения к православию» [7, с. 102], «Князь Суворов... поспешил... улов... скорее спровадить подалее» [7, с. 101], «владыка Платон «без возражений исполнил княжеское требование “примазать” наловленных детей к православию» [7, с. 104]. Образ «лова» недвусмысленно отсылает к известному фрагменту Евангелия, в котором Иисус обещает апостолам: «Отныне сделаетесь ловцами человеков». Горькая ирония Лескова, который эмоционально описывает характер «улова» рижского духовенства, основана на контрасте между служением апостолов и действиями руководства господствующей церкви, которые не гнушаются «примазывать» детей старообрядцев к православию.

3. **Диалогизация.** Необычность исторических очерков Лескова определяется тем, что основой для публицистического высказывания автора в них служит «чужой» текст. Актуальной задачей для писателя в этом случае выступает такая организация цитирования, которая позволила бы превратить оригинальный текст (монолог) в диалог. При публикации письма Самарина Лесков идет по пути дополнения цитат фрагментами собственно авторского текста, которые позиционируются как воспоминания писателя. Самарин в ходе рассуждений о проблеме присоединения жителей западной «окраины» к православию (которое является идеалом публициста) упоминает о приеме Сувориным новокрещенной просительницы, которой по закону полагалось денежное вознаграждение за переход в официальную религию. Лесков дополняет этот факт такими деталями: «Крестились... по преимуществу... проститутки еврейского происхождения... и молодые ребята, избегавшие рекрутской повинности. ...Последние, приняв православие... открывали тайные или явные притоны разврата» [9, с. 151]. Писатель подчеркивает, что «привилегированною крещальнею этих христианок была Андреевская церковь, в которой... каждое воскресенье собирались “срамные крестьбины, где... и хрестны батьки с матерями, и дочерьки уси были скоромнии”» [9, с. 152].

Лесков вводит в произведение образы, которые связаны с телесной стороной человеческой жизни. Писатель изображает тело в стилистическом плане

сниженно, на что указывает использование нелитературной лексики: вулгаризмов и диалектизмов. Соположение авторского текста с претекстом (письмом Самарина) происходит на двух уровнях: риторическим построением славянофила о «чувствах приверженности к Православной Церкви» Лесков противопоставляет изображение «срамных крестьбин», а высокий книжный стиль самаринского дискурса соседствует с разговорной речью. Сопряжение низкого и высокого влечет за собой рождение комизма. Ирония, появляющаяся в результате наложения текстов, приобретает разновекторный характер: она направлена и на письмо Самарина, и на образ генерал-губернатора Остзейского края Суворова.

Лесков дополняет линию официальной «историографии», в которую на первых страницах очерка вписывает себя и нарратор, «преданием», автобиографическим свидетельством частного лица с характерным для него комизмом и интересом к бытовой стороне жизни. Телесный дискурс воплощается писателем в образах телесного низа, что свойственно для народной культуры смеха. Тело у Лескова воплощает неофициальные стороны жизни человека, своеобразный комизм которой в очерке противопоставлен официальной риторике, которая актуализируется в письме Самарина. Включение в «Русских деятелей в Остзейском крае» «автобиографических» эпизодов дает писателю возможность указать на односторонность взглядов идеолога русских славянофилов и подчеркнуть неоднозначность и сложность положения официальной религии в пограничных регионах Российской империи.

4. Фикционализация. В кульминации «Русских деятелей в Остзейском крае» писатель создает образ разносчика книг протестантского Библейского общества, который недвусмысленно отсылает к типу лесковских «праведников» (подробнее об этом типе у Лескова см. [3; 11]). Близость позиции «дедушки Понимая» авторскому слову Лесков демонстрирует в проникновенном нарраторiallyном комментарии: «Вон немецкий старичок идет – он сейчас заведет что-нибудь о нерукотворенном Спасе сказывать, как он по морю ходил и сам рыбушку ловил. <...> Читаешь, как живые видишь, – заснешь и во сне оно ясно: ловил рыбку – уловил мою душу. Смилуйся, удержи ее – не дай вырваться. На душе легко и ново, а она давно утомилась несносною сухью, давно жаждет “живой воды”. И вот она канула и чудо совершила» [9, с. 213–215]. Мотив «лова» отсылает читателей к очерку «Иродова работа», в котором Лесков иронически описывал процесс «облавы» и «примазыванья» детей раскольников к православной церкви. Насилию и жестокости, с которыми происходило приобщение старообрядцев к господствующей религии, Лесков противопоставляет эмоциональное

«заражение» любовью, которое является главной чертой проповеди дедушки «Понимая». В логике лесковского текста Самарин, который требовал в своем письме «безусловного предпочтения людей русской природы всем прочим», уподобляется Суворину, который оказывал предпочтение немецкой аристократии. В основе этого парадоксального сближения – стремление писателя оценить своих героев не на социальном (как представителей разных партий), а на этическом уровне. Положительный полюс очерка – образ дедушки «Понимая», в котором Лесков воплощает свой идеал братской любви и веротерпимости, – по логике писателя противопоставлен господствующему в изображаемом им мире насилию, которым оказывается «заражена» даже такая сфера человеческой жизни, как церковь.

1880-е гг. принято считать кризисным этапом в жизни и творчестве Лескова. В содержательном плане главной чертой кризиса было становившееся все более и более критичным отношение Лескова к российской власти во всех ее проявлениях – от высшей чиновничьей бюрократии до официальной религии, православной церкви. Активная поддержка демократических реформ Александра II, которая пронизывала творчество Лескова 1860-х – начала 1870-х гг., уступает место разочарованию в реальных возможностях и желании российского правительства на практике воплотить либеральные ценности.

В биографическом плане знаком этих перемен стало расхождение с кругом консервативной интеллигенции, в том числе и славянофильски ориентированной, и знаменитое увольнение «без прошения» из Министерства народного просвещения. В творческом плане результатом кризиса стало углубление конфликта между общественными (внешними) и частными (внутренними) формами человеческой жизни. В анализируемых очерках оно проявилось как противопоставление между официальной исторической хроникой и семейным преданием, между теоретизированием «партизанов» и «реальным» служением ближнему, наконец, между неразрывно связанными с властью внешними формами церковной жизни и практикой внутреннего христианского «делания».

Анализ очерков «Русские деятели в Остзейском крае» и «Иродова работа» дает возможность выявить принципиальную особенность использования Лесковым-журналистом исторического материала: писатель актуализирует стратегию пересказа, отказываясь от точного воспроизведения претекста: цитатный дискурс в произведении сменяется транспонированным дискурсом (дискурсом косвенной речи). Выбор этой стратегии позволяет Лескову создать тексты-палимпсесты, построенные на взаимопроникновении и наложении нескольких текстов, нескольких способов видения

темы, нарраториальных перспектив. Документальная основа произведений сочетается с вымыслом автора, факты сменяются мистификацией, «чужое» превращается в «свое».

Обращение к истории отнюдь не означало ухода писателя от злободневных проблем. Однако оно не служило и только выражением критического отношения к актуальным вопросам российской жизни, чем в большей степени характеризовалась ранняя публицистика Лескова. В очерках, созданных для «Исторического вестника», писатель неизменно от социальной конкретизации переходит к размышлению об основах человеческого бытия в категориях насилия, власти, любви, наконец, человеческого тела. Для достижения этой цели писатель обогащает свою публицистику всем тем разнообразием художественных средств, которым он мастерски овладел в прозе 1870-х гг.

Библиографический список

1. *Kucherskaya M.A.* Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method // Scando-Slavica. – 2016. – Т. 62. – № 1. – P. 234–242.
2. *Pospíšil I.* Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N.S. Leskova // Jazykoveda v pohybe. – Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, 2012. – S. 17–27.
3. *Андреева В.Г.* О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. – Кострома: КГУ, 2016. – 492 с.
4. *Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
5. *Ильинская Т.Б.* Неизвестный очерк Н.С. Лескова «О клировом нищенстве» Лескова // Русская литература. – 2012. – № 3. – С. 145–152.
6. *Ильинская Т.Б.* Старообрядческий брак в интерпретации Н.С. Лескова: соотношение художественного и публицистического образа // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 2. – С. 308–312.
7. *Лесков Н.С.* Иродова работа // Лесков Н.С. Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки. – СПб.: Пушкинский дом, 2010. – С. 89–126.
8. *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. Сочинения 1862–1864 гг. – М.: Терра, 1996. – 802 с.
9. *Лесков Н.С.* Русские деятели в Остзейском крае // Лесков Н.С. Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки. – СПб.: Пушкинский дом, 2010. – С. 392–439.
10. *Лукашевич М.* Церковная проблематика в ранней публицистике Н.С. Лескова // Церковь. Богословие. История: материалы III Международной научно-богословской конференции. – Екатеринбург, 2015. – С. 335–342.
11. *Лукуянчикова Н. В.* Художественное во-

площение этического идеала в произведениях Н.С. Лескова о духовенстве // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 185–196.

12. *Шелаева А.А.* Из истории «Северного вестника»: Н.С. Лесков и редакционный круг [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2012. – № 4. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1221> (дата обращения: 25.03.2018).

References

1. *Kucherskaya M.A.* Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method // Scando-Slavica. – 2016. – Т. 62. – № 1. – P. 234–242.
2. *Pospíšil I.* Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N.S. Leskova // Jazykoveda v pohybe. – Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, 2012. – S. 17–27.
3. *Andreeva V.G.* O nacional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroj poloviny XIX veka. – Kostroma: KGU, 2016. – 492 s.
4. *ZHenett ZH.* Figury: v 2 t. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1998. – 944 s.
5. *Il'inskaya T.B.* Neizvestnyj ocherk N.S. Leskova «O klirovom nishchebrodstve» Leskova // Russkaya literatura. – 2012. – № 3. – S. 145–152.
6. *Il'inskaya T.B.* Staroobryadcheskij brak v interpretacii N.S. Leskova: sootnoshenie hudozhestvennogo i publicisticheskogo obraza // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – № 2. – S. 308–312.
7. *Leskov N.S.* Irodova rabota // Leskov N.S. Irodova rabota: Russkie kartiny, nablyudeniya, opyty i zametki. – SPb.: Pushkinskij dom, 2010. – S. 89–126.
8. *Leskov N.S.* Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 3. Sochineniya 1862–1864 gg. – M.: Terra, 1996. – 802 s.
9. *Leskov N.S.* Russkie deyateli v Ostzejskom krae // Leskov N.S. Irodova rabota: Russkie kartiny, nablyudeniya, opyty i zametki. – SPb.: Pushkinskij dom, 2010. – S. 392–439.
10. *Lukashevich M.* Cerkovnaya problematika v rannej publicistike N.S. Leskova // Cerkov'. Bogoslovie. Istoriya: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-bogoslovskoj konferencii. – Ekaterinburg, 2015. – S. 335–342.
11. *Luk'yanchikova N. V.* Hudozhestvennoe voploshchenie ehticheskogo ideala v proizvedeniyah N.S. Leskova o duhovenstve // Kul'tura. Literatura. YAzyk: materialy konferencii «CHteniya Ushinskogo». – YAroslavl': Izd-vo YAGPU, 2012. – S. 185–196.
12. *SHelaeva A.A.* Iz istorii «Severnogo vestnika»: N.S. Leskov i redakcionnyj krug [EHlektronnyj resurs] // Mediaskop. – 2012. – № 4. – Rezhim dostupa: <http://www.mediascope.ru/node/1221> (data obrashcheniya: 25.03.2018).

Овчинина Ирина Алексеевна
доктор филологических наук
Ивановский государственный университет
ovchn@yandex.ru

Хромова Ирина Александровна
кандидат филологических наук
Ивановский государственный университет
khromova54@mail.ru

ОПЕРНОЕ ЛИБРЕТТО А.Н. ОСТРОВСКОГО «ВРАЖЬЯ СИЛА» (из истории текста)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
исследовательского проекта № 18-012-00141 А.

В статье рассматриваются новые источники либретто А.Н. Островского оперы А.Н. Серова «Вражья сила», которые дают возможность уточнить историю его создания. Впервые были прочитаны и проанализированы черновой автограф либретто (1867 г.), хранящийся в ИРЛИ (Пушкинский дом), и автограф А.Н. Серова, представляющий собой письмо с исправлениями IV акта либретто (1870 г.), написанного П.И. Калашиниковым по просьбе композитора после разрыва отношений с А.Н. Островским. Текст драматурга в составе автографа Серова выявляет явные недочёты в либретто оперы, изданном Ф. Стелловским в 1871 году. Актуальной является задача подготовки текста оперного сценария к научному изданию в готовящемся Полном собрании сочинений и писем А.Н. Островского. Знакомство с названными рукописями даёт представление о замысле драматурга в начале работы и его трансформации после изменения концепции либретто А.Н. Серовым в 1868 году.

Ключевые слова: автограф, издание, источник, опера, либретто, текст, песня, драма.

Либретто оперы А.Н. Серова «Вражья сила» по драме Островского «Не так живи, как хочется» было издано Ф. Стелловским в 1871 году в Санкт-Петербурге, впоследствии оно не публиковалось, поэтому для подготовки к изданию в составе Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского текст оперного сценария требует изучения сохранившихся автографов, уяснения творческой истории, выявления художественных особенностей в контексте отечественной культуры [3].

Зная о намерении Серова создать русскую оперу с национальным колоритом, А.А. Григорьев посоветовал композитору обратиться к пьесе Островского «Не так живи, как хочется», действие которой происходит во время праздника Масленицы. Сначала драматург отказался от предложения композитора, увидевшего в пьесе «отличный» сюжет для оперы, в основе которой – широкая Масленица «во всём её русском разгуле, – попойка, песни, катанье на тройках с бубенчиками и т. д.» [5, т. 11, с. 254]. Островский писал: «Сюжет, предложенный Вами, мне, после долгого обдумыванья, кажется неудобным, и вот почему: он мелок, весь интерес вертится на загуле, хотя и на широком, но всё-таки этого мало для оперы: нет ни глубоких страстей, ни сильных положений. <...> Потом, в этом сюжете мало картинности для сцены – это тоже важно. Первое действие – комната, второе – изба, третье – комната, костюмы тоже бедны и однообразны... Поищемте другого сюжета. В моих сочинениях мы едва ли найдём: они все бытовые и не эффектные для глаз» [5, т. 11, с. 254–255]. После настойчивых просьб, уговоров, доводов Островский даёт положительный ответ на просьбу композитора. Пред-

полагалось, что драматург будет писать либретто в стихах в точном соответствии с сюжетом, с тем же названием, только добавит сцену народных гуляний на Масленице.

«Островский увлечённо принялся за работу, которая продвигалась быстро (11 июня 1867 года Серов получил первую сцену первого акта, а уже 20 июня того же года Островский закончил весь первый акт, о чём он сделал запись в своём дневнике)», – отмечает Е.А. Рахманькова [6, с. 101]. В конце декабря 1867 года – начале января 1868 года Серов получил законченный текст, который его поначалу полностью удовлетворил, о чём он с благодарностью написал драматургу. Но уже летом 1868 года просит переработать текст в соответствии с новым видением оперы. История взаимоотношений драматурга и композитора подробно освещена в монографии Е.А. Рахманьковой [6, с. 97–145].

В письме к Островскому от 26 июня 1868 года он требует от драматурга переделать уже готовое либретто, которое должно заканчиваться не раскаянием Петра Ильича, а «кровавой развязкой». Композитор предложил новое название для оперы («Вражья сила»), ссылаясь на то, что пословица для оперного заглавия не годится. Но за сменой названия последовала принципиально новая концепция оперы, все сюжетные линии которой «концентрируются на торжестве тёмного начала» [6, с. 105], и иные представления о характерах персонажей, прежде всего Петра и Ерёмки.

Островский согласился заново переписать текст в соответствии с пожеланиями, вероятно, потому, что ему была дорога мысль о создании русской оперы на основе его народной драмы. К тому

же ему импонировало желание композитора сосредоточиться на «глубоких страстях и сильных положениях», что, по мнению драматурга, важно для оперы [5, т. 11, с. 255]. Драматург работал над новой редакцией либретто, по-видимому, летом – осенью 1868 года. Как пишет драматург в письме к Серову, он, «окончив последнюю комедию “Горячее сердце”... ещё до отъезда в Петербург написал 2-ю сцену III акта и начал IV акт «Вражьей силы» [5, т. 11, с. 295)]. Измученный бесконечными замечаниями и убедившись в невозможности иметь «общее дело» с Серовым, Островский отказывается от дальнейшего сотрудничества с композитором. Вопрос об авторстве IV действия до сих пор не ясен, завершали его, по разным свидетельствам, П.И. Калашников и Н.Ф. Жохов.

Особую значимость в этой связи приобретает сохранившийся черновой автограф либретто оперы «Вражья сила» (1867 год). Он состоит из двух отдельных листов, написанных карандашом, местами выцветшим, что делает текст трудночитаемым; в рукописи множество авторских помет, зачёркиваний, вставок, исправлений, подчас неразборчивых. Черновой автограф (ЧА) включает в себя три фрагмента, которые проясняют замысел Островского и особенности работы над новой редакцией либретто.

Первый фрагмент по содержанию и составу персонажей соответствует 2-му и 3-му явлению второй сцены третьего, последнего действия драмы «Не так живи, как хочется», в котором Пётр после отказа Груши ехать с ним кататься на тройке готов на всё, чтобы вернуть её любовь. По содержанию с репликой Петра в конце 2 явления III акта драмы («Вот что: кабы я не был женат, разве б меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало быть, жена мне помеха, и во всё мне она поперёк... Вот за это я её и убью... за это за самое...») совпадает его монолог в черновом наброске либретто:

Так. Жена меня сгубила.
Жизни я теперь не рад.
Разве б Груша не любила
Если б не был я женат?
Груша радость мне, утеха.
Я как глаз её берёт.
Значит, мне жена помеха
И во всё мне поперёк.
Я от самого начала
Невлюбил жену свою.
Вот, чтоб Дарья не мешала
Я... теперь её убью. [4, л. 1]

Ремарку: «Возникает вдруг явление Ерёмки, которого видит живого один Пётр» – драматург оставляет в либретто без изменений [4, л. 2 об.]. Обращает на себя внимание тот факт, что Островский пишет именно эту сцену, в которой «закружившийся» в масленичном загуле Пётр, увлечшись красавицей Грушей, готов совершить преступление. Он настаивает на том, что Дашу надо убить,

он словно дразнит Ерёмку:

Что ты смотришь? Что ты скажешь?
Говори скорей, чудак!
Ты дорогу мне укажешь
И пойдём с тобой. Да! Так!
Хочешь ты, чтоб здесь остаться.
Ха-ха-ха! Какой смешной!
Ну, чего же нам бояться
Вот он, ножик-то, со мной! (*Убегает.*) [4, л. 1]

В финале драмы «Не так живи, как хочется», услышав колокольный звон, Пётр останавливается на краю проруби и раскаивается: «Я ведь грешник, злой грешник!.. Уж я покаюсь перед вами, легче мне будет на душе моей. Вот до чего гульба-то доводит; я ведь хотел жену убить... безвинно убить хотел» [5, т. 1, с. 414].

На правой стороне листа ЧА Островский делает набросок 3-го явления. Степанида сочувствует Даше: «Милая доченька, вижу теперь, / Вижу твою я, дочка, мученья». Но эту реплику драматург вычёркивает. А отец уговаривает её остаться с мужем, призывает отказаться от «гордыни»: «Дочка, родная, нужно терпенье» [4, л. 1]. В середине 1850-х годов драматургу было близко славянофильское понимание национального характера. «Саму возможность внезапного просветления души русского человека, замутнённой порочными страстями, Островский объясняет широтою русской природы. Поэтике внезапных переломов в человеческих характерах он находит подтверждение в народных сказках и народных драмах», – справедливо отмечает Ю.В. Лебедев [1, с. 246].

Но этот фрагмент не вошёл в текст либретто в издании Стелловского, так как 2-я сцена по просьбе Серова была впоследствии переписана Островским для IV действия. В диалоге Петра и Афимьи во 2-м явлении драмы Островский психологически точно показывает смятение героя, его уязвлённое самолюбие («Не то мне обидно, что меня, молодца, Груша не любит, а то мне обидно – не доставайся она никому!»), и его страх перед задуманным преступлением после встречи с колдуном, и понимание своей вины: «Я пьяница, я беспутный, ну, убейте меня!.. Кто меня пожалеет, а ведь я человек тоже!» [5, т. 1, с. 411]. Эта сцена важна для понимания характера Петра, который всю масленицу гуляет, «скружился как угорелый».

Второй (самый большой) фрагмент ЧА начинается со слов Ерёмки: «Широкая масленица, / Куда идёшь?» [4, л. 2]. В нём основную партию «ведёт» хор – значимый персонаж, в песне которого возникает принципиально важный для драматурга образ Масленицы, народного весеннего праздника. Хор впервые появился в составе действующих лиц в черновом автографе драмы «Не так живи, как хочется», первоначальный заголовок – «Божье крепко, а вражье лепко: Масленица» [5, т. 1, с. 561]. Мотив масленицы, карнавала проходит через всю пьесу и определяет мотивы поступков

персонажей, прежде всего – Петра. Примерно в это же время (1867–1868 гг.) Островский пишет песню «Масленица» («Здравствуйте, православные, здравствуйте!»), которая точно передаёт характер масленичного веселья: «Широкая масленица. / С пляской, с пеньем да с погудками, / С гусярами едет, с скоморохами / Широкая масленица» [5, т. 7, с. 492]. Слова: «Рад не рад – а с ума сходить приходится, / Широкая масленица» – подчёркивают стихийный характер «разгула», сохраняющий в себе остатки раннеземледельческих обрядовых празднеств, воздействующих на человека. Это и происходит с главным героем драмы «Не так живи, как хочется», в которой, по замыслу Островского, «весь интерес вертится на загуле, хотя и на широком» [5, т. 11, с. 254].

Хор включается в драматургическое действие. К нему обращается Пётр: «Скажите, люди добрые, / Где видели, где слышали / Жену мою немилую, / Немилую, постылую?» [4, л. 2]. В песне хора звучит тема бесконечного хода жизни, смены времён года, содержатся упоминания о различных календарно-обрядовых песнях: колядки (Авсень), троичко-семицкие песни («Пройдёт семик с Ярилою»), купальские песни. Островский в москвитянинских пьесах, в том числе драме «Не так живи, как хочется», во многом опирался на эстетику народного театра. Фольклорное начало, народные песни играют в них структурообразующую роль. Драматург широко включает и в либретто народные песни, истинным знатоком которых он был. Характерно, что третий фрагмент автографа войдёт во II действие окончательного текста либретто. Это песня Груни «Приласкай, так не отстанет», которая является стилизацией народной лирической песни, раскрывающей любовные чувства девушки:

Приласкай, так не отстанет,
Не уйдёт от девки прочь,
Так кругом тебя и станет
Увиваться день и ночь.
Я сначала с ним шутила,
А теперь и вижу вдруг,
Что не шуткой полюбила
Я тебя, сердечный друг. [4, л. 3]

Хор и Ерёмка представляют Масленицу, эти персонажи неотделимы друг от друга. Последний выступает в пьесе воплощением той самой «широкой масленицы», её стихийного языческого разгула; он – «полудиавол в зипуне», как образно назвал его Островский [5, т. 1, с. 570]. В тексте либретто, опубликованном в издании Стелловского, в начале II действия звучит песня Ерёмки с хором («Широкая масленица, ты с чем пришла?»), которая во многом напоминает песню «Масленица», написанную драматургом для оперного сценария, но не вошедшую в него. Здесь есть буквальные совпадения: масленица пришла «со пивами ячменными, со медами сычёными» [7, с. 12].

Перед драматургом стояла сложная задача: пре-

вратить прозаический текст драмы в стихотворный, но у него уже был опыт написания либретто опер «Сват Фадеич» и «Гроза». Как отмечает Е.А. Рахманькова, Островский «свободно владел разными видами организации стихотворной речи... умел мастерски совмещать в одной строке двух- и трёхсложные размеры силлабо-тонического стиха...» [6, с. 35]. В ЧА он много внимания уделяет стихотворному размеру, обозначает его над строкой, под строкой или внизу страницы.

Многое в сложном вопросе об авторстве IV действия либретто проясняет относящийся к 1870 году автограф А.Н. Серова, содержащий его заметки и сопроводительное письмо к некоему Петру Ивановичу. Основную часть рукописи, состоящей из девяти листов, составляют уточнения и изменения в либретто «Вражья сила», присланные композитору П.И. Калашниковым, которого Серов просил дописать IV и V акты после разрыва отношений с Островским. Судя по всему, это и есть «неизвестный», как он назван в описи рукописи, Пётр Иванович Калашников, оперный переводчик, которому было отправлено письмо. Композитор разбирает важную для него сцену в конце IV акта, когда Пётр и Ерёмка выходят из кабака, требует значительно переделать её: «Вот проект этой сцены, как она в моём воображении слагается (Я оставляю без перемен ваш текст, где он подходит) – остальное выпускаю и сообщаю вкратце – где надо иначе» [8, л. 1].

Далее А.Н. Серов раскрывает свой замысел, суть которого в том, что хитрый Ерёмка хочет довести Петра до преступления, чтобы получить над ним, «то есть над всем его достоянием (Пётр – очень богатый купец) полную власть» [8, л. 1]. План Ерёмки таков: Груня любит Петра, она полюбит его ещё больше (колдун обещал приворотное зелье), помеха – жена, Петру надо быть вдовым, – жену сгубить втихомолку, за вдового Груня пойдёт. Композитор поясняет: «План увоза Груни и потом вольной с нею, разгульной жизни где-нибудь на Волге (хоть в разбойниках, особенно в то время, в XVII в.) очень придёт по сердцу такому характеру, как Пётр» [8, л. 1 об.]. Образ Ерёмки здесь сужается до простого плута и злодея, именно он побуждает Петра убить жену, что не совсем соответствовало замыслу драматурга. Л.М. Лотман выделяет в драме Островского «второй, фольклорно-мифологический аспект», он в большей степени связан с Ерёмкой, «народным Мефистофелем», (кузнец, по народным поверьям, связан с нечистой силой» [2, с. 78]. «Кузнец-оборотень» и приводит Петра к пропасти.

Интересны указания Серова, которые он даёт Калашникову. Так, он просит усилить тему греха, более отчётливо представить атмосферу страха, изображая Петра в сцене с Ерёмкой, предлагающего «известить» жену: «...тут надо выразить больше

и страх Петра перед страшным делом, которое он задумал, – и грех, и т. д.» [8, л. 1 об]. Серов видит в нём не только злодея, но и сложный, неоднозначный характер. Правда, текст Калашникова не полностью совпадает с текстом либретто в издании Стелловского, но по содержанию он соответствует замыслу Серова. Ерёмка рассказывает Петру весь план увоза Груни за Волгу и привольной жизни там, на что Пётр отвечает: «За неё душу загублю / Пойду на всякий грех» [8, л. 2].

Много внимания Серов уделяет IV акту, кульминационному в либретто, в котором на фоне «масленичной гулянки» происходят важные события. Композитор подробно разбирает начало IV действия, когда Пётр с Ерёмкой выходят из кабака после того, как они уже побывали у колдуна. Серов записывает здесь песню Петра «Заползла змея под колодная / Подкосила мне ноги скорые» [8, л. 7] из текста П.И. Калашникова. Однако в либретто вошло лишь её окончание: «Оторву змею от белой груди, / Наступлю ногой, придавлю пятой, / Изрублю змею в части мелкие, / Размечу куски по чисту полю» [8, л. 7].

Это свидетельствует о том, что вариант IV акта, написанный П.И. Калашниковым, был существенно исправлен неизвестным нам лицом.

Самыми значимыми в автографе, на наш взгляд, являются фрагменты либретто, переписанные композитором и отмеченные им как «текст Островского». Следовательно, Серов посылает Калашникову вместе с замечаниями к его сценарию текст 2-го явления первого акта и последнего явления третьего акта, написанные драматургом. Возможно, Серов хотел помочь либреттисту исправить IV акт в соответствии с замечаниями и начать работать над V актом. Об этом он пишет в сопроводительном письме от 22 июня 1870 года: «В надежде скоро получить начальную сценку 5 акта... Вдумайтесь в то, что я вам здесь сообщаю» [8, л. 8]. Подтверждением этому является приведённый им монолог Ильи в I действии, где он наставляет сына:

Кто впал в гульбу распутную,
Тому добра не ждать!
Его ослепит лютый враг,
Рыкающий как лев, –
И поведёт путём своим
На зло, волжбу и гнев! [8, с. 6]

Последние строки композитор подчёркивает двумя чертами, так как они выражают его новое понимание сюжета драмы Островского, смены названия оперы и требование переписать финал либретто. Сам факт обращения к тексту Островского после разрыва с ним говорит о значимости для композитора участия драматурга в их совместной работе над оперой.

Текст Островского в автографе Серова совпадает с текстом либретто в издании 1871 года, за исключением некоторых расхождений. Ещё один отрывок из либретто Островского, приведённый

Серовым, восполняющий смысловой пробел между репликами персонажей в тексте либретто в издании Стелловского – это финал 3-го действия, когда «Пётр, в оцепенении от злости и горя, смотрит в окно» [7, с. 28], видит, как уезжают кататься на тройке лошадей Груня с Васей. Ерёмка предлагает ему свою помощь: отвести Петра к колдуну, тот смущается: «И страшно мне... и грех велик... / Постой... Так не смеяться Груше надо мной!» [8, л. 4]. Далее в тексте Островского – слова Ерёмки о способностях колдуна, которые отсутствуют в либретто:

Хоть кого он за сто вёрст приворожит.
Сам увидишь ты, как девка заблажит –
Дом покинет и от матери уйдёт,
К тебе – молодцу сама она придёт.

Пётр

Если так, веди меня к нему сейчас... [8, л. 4]

Пятое действие либретто существенно отличается от предыдущих четырёх по своему художественному уровню. Та негативная оценка, которую дал опере известный музыкальный критик и композитор Ц.А. Кюи в статье «А.Н. Серов и его посмертная опера» [9], во многом объясняется последним актом, в котором «кровавая развязка» – убийство Даши – и содержательно, и стилистически разрушает гармоничное целое оперы, задуманное первоначально композитором и драматургом. Автор статьи отмечает «невозможные вирши», полагает, что белые стихи были бы уместнее в либретто. Сюжет оперы «Вражья сила», заимствованный из драмы Островского, соединяющий «драму, народность и бытовые особенности», составляет «современный идеал оперного сюжета», по мнению Кюи, но он не получил должного воплощения. В то же время он отмечает и сильные стороны оперы, стремление композитора «выразить в опере новые, ещё не затронутые бытовые стороны русского народа» [9].

Таким образом, опера А.Н. Серова «Вражья сила» представляет интерес не только с литературной, но и музыкальной стороны в связи с поисками новых путей развития русской оперы.

Библиографический список

1. Лебедев Ю.В. А.Н. Островский и русская литература // Лебедев Ю.В. «О слово русское, родное!»: Страницы истории отечественной литературы: сб. науч. ст. – Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2014. – С. 239–256.
2. Лотман Л.М. Драматургия А. Н. Островского // История русской драматургии. Вторая половина XIX – начало XX века. – Л.: Наука, 1987. – С. 38–156.
3. Овчинина И.А. Новые подходы к созданию Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2017. – № 4. – С. 84–88.
4. Островский А.Н. Либретто оперы «Вражья

сила» (по народной драме «Не так живи, как хочется») [автограф, карандашом, 1867 г.] // Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). – Ф. 218. – Оп. № 1. – Ед. хр. № 318.

5. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973. – 1980.

6. *Рахманькова Е.А.* А. Н. Островский – либреттист. – Шуя: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. – 155 с.

7. *Серов А.Н.* Вражья сила: опера в пяти действиях / либретто А.Н. Островского, П.И. Калашникова, Н.Ф. Жохова (по драме А.Н. Островского «Не так живи, как хочется»). – СПб., 1871. – 46 с.

8. Серов Александр Николаевич: Заметки его и сопроводительное письмо к неизвестному Петру Ивановичу [автограф] // РО ИРЛИ. – Р. 1. – Оп. 25. – Ед. хр. № 41.

9. *Серов А.Н.* Альбом с материалами А.Н. Серова // Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Ф. 583. – Ед. хр. № 27.

References

1. Lebedev YU.V. A.N. Ostrovskij i russkaya literatura // Lebedev YU.V. «O slovo russkoe, rodnoe!»: Stranicy istorii otechestvennoj literatury: sb. nauch. st. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2014. – S. 239–256.

2. Lotman L.M. Dramaturgiya A. N. Ostrovskogo //

Istoriya russkoj dramaturgii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. – L.: Nauka, 1987. – S. 38–156.

3. Ovchinina I.A. Novye podhody k sozdaniyu Polnogo sobraniya sochinenij i pisem A.N. Ostrovskogo // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2017. – № 4. – S. 84–88.

4. Ostrovskij A.N. Libretto opery «Vrazh'ya sila» (po narodnoj drame «Ne tak zhivi, kak hochetsya») [avtograf, karandashom, 1867 g.] // Rukopisnyj otdel Instituta russkoj literatury (RO IRLI). – Ф. 218. – Оп. № 1. – Ед. хр. № 318.

5. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – М.: Iskusstvo, 1973. – 1980.

6. *Rahman'kova E.A.* А. Н. Ostrovskij – librettist. – SHuya: Izd-vo GOU VPO «SHGPU», 2011. – 155 s.

7. *Serov A.N.* Vrazh'ya sila: opera v pyati dejstviyah / libretto A.N. Ostrovskogo, P.I. Kalashnikova, N.F. Zhohova (po drame A.N. Ostrovskogo «Ne tak zhivi, kak hochetsya»). – SPb., 1871. – 46 s.

8. *Serov Aleksandr Nikolaevich: Zametki ego i soprovoditel'noe pis'mo k neizvestnomu Petru Ivanovichu* [avtograf] // RO IRLI. – Р. 1. – Оп. 25. – Ед. хр. № 41.

9. *Serov A.N.* Al'bom s materialami A.N. Serova // Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). – Ф. 583. – Ед. хр. № 27.

ПРИМЕР ПОЛЕМИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ (М.Е. Салтыков-Щедрин и Н.Н. Страхов)

Исследование выполняется при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00389).

Категорическое взаимное неприятие и противостояние общественных и литературных взглядов гениально-го русского сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина и известного литературного критика, идеолога почвенничества Н.Н. Страхова – показательный эпизод сложной и противоречивой обстановки в русском литературном процессе второй половины XIX века. Салтыков был близок к кругам русской радикальной демократии, сторонником общечеловеческого направления в русской литературе, Страхов же – категорический противник сатирической литературы и демократической идеологии, убеждённый православный мыслитель. Оба оказались совершенно нетерпимыми по отношению друг к другу в том, что касалось основных тенденций в развитии русской литературы. С обеих сторон не было даже попытки понять суть и мотивы оппонента, сторонника другой позиции. Это характерно для литературной жизни эпохи.

Ключевые слова: противостояние литературной и социальной позиции, идеологии, эстетики как показатель литературного быта эпохи.

М.Е. Салтыков-Щедрин первым начал иронически оценивать статьи Н.Н. Страхова, обыгрывая его фамилию и псевдонимы, не говоря уже о содержательной стороне его критических оценок. Сатирику казалась совершенно неприемлемой почвенническая идеология критика. В статье «Несколько полемических предположений (из письма в редакцию)» («Современник», 1863, № 3) Салтыков ставит в один ряд сотрудников «Эпохи», в том числе Страхова (Н. Косицу), с такими одиозными литераторами, как В.И. Аскоченский, Н.Ф. Павлов, С.С. Громека [8, т. 5, с. 270]. Он допустил несколько публицистических выпадов по адресу сотрудников журналов братьев Достоевских, подчас содержащих не вполне корректные высказывания об оппонентах: замысел элегии на кончину «Времени» («Косица меж гробов...»), пародийной пьесы «Мнимые враги, или Ври и не опасайся» с упоминанием «эпохина семейства» [8, т. 5, с. 204, 303]. Сатирик неоднократно иронично обыгрывал историю «г. Косицы» (Н.Н. Страхова) по поводу его статьи «Роковой вопрос», которая стала поводом для закрытия журнала «Время» [8, т. 5, с. 270; т. 6, с. 488, 494]. Некоторые полемические высказывания сатирика в адрес Страхова и других сотрудников журналов «Время» и «Эпоха» не публиковались по решению редакции «Современника» по причине их излишней резкости [8, т. 5, 593–594]. В рецензии на издание сочинений Г. Гейне в русских переводах под редакцией Ф.Н. Берга Салтыков высказывает возмущение по поводу того, что стихи «злобного поэта» переводит «стая... чирикающих воробьёв», в которой, наряду со Страховым, оказываются А.А. Григорьев и Д.В. Аверкиев [8, т. 5, с. 662].

В «Современнике» 1863–1864 гг. Салтыков неоднократно иронично упоминает Страхова, но без какой-либо характеристики его статей, как будто не считает нужным это делать: он находит в писаниях

критика «пустоту», как, впрочем, вообще в почвеннических журналах [8, т. 6, с. 49]. В пародийной пьеске «Стрижи» Страхов фигурирует под именем «Стриж второй (философ)», который «мудрствует» и «рыдает» [8, т. 6, с. 487, 488]. В другом месте Салтыков заявил, что то, что пишет Страхов – «детская стряпня», он много пишет, но его никто не читает [8, т. 6, с. 525]. «Стрижу второму пришла несчастная мысль слетать в злополучный некоторый край», – намекает сатирик на статью Страхова «Роковой вопрос» [8, т. 6, с. 488], однако вскоре «Стриж второй» «принёс покаяние и получил прощение» [8, т. 6, с. 494] – за «хорошее, кроткое поведение» [8, т. 6, с. 521].

Первые печатные суждения Страхова о личности и творчестве сатирика относятся тоже к 1863 г., когда в № 9 «Библиотеки для чтения» появилась его статья за подписью Н. Нелишко «Новый поборник нравственности (Письмо в редакцию “Библиотеки для чтения”）」, посвящённая повести Щедрина «Как кому угодно». Про автора повести критик пишет: «Долгое время я читал его с великим удовольствием (видимо, имеются в виду «Губернские очерки» Н. Щедрина, пользовавшиеся большой популярностью. – В. Т.). Но с нынешнего года звезда г. Щедрина попала в плядуду “Современника”, и тут-то начинается недоумение. <...> Представьте моё горе и мучение, когда я начал мало-помалу чувствовать, что я не понимаю его! ...Так, чтобы мне была насквозь ясна каждая его мысль и каждое поползновение его мысли. <...> ...Я никак не мог понять, что же, наконец, всё это значит... Неясность, шаткость, неустойчивость, одним словом, “вилянье”» [5, с. 99 (2-я паг.)].

Что касается повести «Как кому угодно», то Страхов обнаружил в ней полемику с традиционной этикой, основанной на понятиях «долга» и «обязанности»: «Г. Щедрин имел в виду осмеять и поразить своей сатирой неправильный взгляд

на долг и обязанности», он признаёт только «потребности», к удовлетворению которых необходимо стремиться [5, с. 100]. Главную мысль автора повести Страхов видит в том, что «долг будто бы постоянно противоречит потребностям, что исполнение долга всегда неприятно» [5, с. 101]. Критик признаёт, что в повести «тонко» и «метко» изображены характеры, но утверждает, что авторские рассуждения портят общую художественную картину, и делает вывод, что нельзя писать литературное произведение, направленное на достижение заранее спланированной задачи [5, с. 105, 106, 107].

Полемику по поводу повести «Как кому угодно» и литературной позиции Салтыкова-Щедрина в целом Страхов продолжил в журнале «Эпоха» в 1864 г. Критик связал с именем Салтыкова начало полемики между журналами «Русское слово» и «Современник», которая вскоре была остроумно названа Ф.М. Достоевским «расколом в нигилистах». В «Заметках летописца» («Эпоха», 1864, № 3) Страхов констатирует: «Дело началось из-за Щедрина. В первой книжке “Современника” (за 1864 г. – В. Т.) он немножко подсмеялся над нигилистами. “Русское слово” теперь укоряет его в измене своему знамени... Гораздо важнее дело взял себе г. Писарев (речь идёт о статье Д.И. Писарева “Цветы невинного юмора” в № 2 «Русского слова» за 1864 г. – В. Т.). Сверх укоров в измене он занялся критической оценкой произведений г. Щедрина и постарался определить достоинство и характер его юмора. Некоторые замечания его в этом отношении очень метки и остроумны. Критик доказывает, что смех г. Щедрина есть смех лёгкий и невинный» [1, с. 339–340].

В № 10 «Эпохи» за 1964 г. Страхов высказал своё мнение о русской журналистике за последние два года. Он считает, что важнейшим событием с начала 1863 г. «было вступление г. Щедрина в редакцию “Современника”», с чего начался «новый фазис его существования» (имеется в виду возобновление издания журнала с начала 1863 г. после восьмимесячного перерыва из-за запрета властями – В. Т.). Страхов признаёт, что «история литературы... запишет на своих страницах или скрижалях, что редко какой писатель писал так обильно, как г. Щедрин в 1863 году, и что этот год есть плодотворнейший год его авторского поприща» [2, с. 1 (2-я паг.)]. «Если кто читался из петербургских писателей и публицистов, так именно г. Щедрин. Два-три печатных листа его регулярно появлялись в “Современнике”», – утверждает критик [2, с. 2].

О литературной позиции сатирика Страхов пишет: «У самого г. Щедрина началась такая эквилибристика мыслей, такое балансирование суждений, какого не было ещё и примеров. Что же он хочет сказать? с досадой восклицал я после каждого фельетона и оставался в совершенном недоумении». Но вдруг «у г. Щедрина промелькнула идея... <...>

Это была небольшая вариация на теорию страстей, положенную в основание универсальной ассоциации» [2, с. 4]. Критик имеет в виду упомянутую выше повесть «Как кому угодно», в которой Страхов обнаружил влияние этики утопистов-социалистов. В оценке творчества Салтыкова-Щедрина критик солидарен с Писаревым, который с «прямотой и откровенностью... разбивал и сводил с пьедесталов кумиры и кумирчики столь грубо промахнувшегося журнала (“Современник”. – В. Т.). Так в статье февральской книжки (“Русского слова”. – В. Т.) “Цветы невинного юмора” был развенчан г. Щедрин» [2, с. 6]. Далее следует вывод Страхова: «Что сказал или хотел сказать г. Щедрин в продолжение года?» Нет ответа! [2, с. 9]. Критик даже находит у Салтыкова «необыкновенную лёгкость мыслей» [2, с. 5] – с явным намёком на хлестаковщину.

С.А. Макашин обратил внимание на то, что со вступлением Салтыкова-Щедрина, прежде печатавшегося в «Русском вестнике», в обновлённую редакцию «Современника» некоторые русские литераторы, включая Ф.М. Достоевского и Н.Н. Стрехова, надеялись на изменение позиции Некрасовского журнала по сравнению со временем, когда во главе его фактически находились Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов [4, с. 21–22]. Однако их надежды не оправдались, Салтыков на страницах «Современника» вступил в острую полемику с оппонентами, в том числе и с идеологами почвенничества, чем вызвал нападки в свой адрес.

Подводя итог своей полемике с Салтыковым-Щедриным на протяжении 1864 г., Страхов пишет в № 12 «Эпохи»: «Я описал кратко, но блистательное поприще г. Щедрина. Как он явился с намерением мыслить, как отложил на время своё намерение, как потом вдруг обнаружил идею, почерпнутую из книжки, к которой, вероятно, прибег как к полезному пособию для мышления, как написал на эту идею повесть – “Как кому угодно”, как опять остался на некоторое время без идеи, и как наконец произвёл скандал, породил великое *междоусобие* (курсив автора. – В. Т.), неожиданно подсмеявшись над теми самыми, к кому думал примкнуть» [3, с. 18 (4-я паг.)]. С прекращением издания журнала «Эпоха» в феврале 1865 г. закончился первый этап полемики Страхова с сатириком, связанный главным образом с периодом сотрудничества критика в этом журнале.

В конце 1864 г. Салтыков ушёл из редакции «Современника» и на некоторое время прекратил активную журналистскую деятельность. Его полемика со Страховым возобновилась после того, как он с начала 1868 г. стал сотрудничать в обновлённых «Отечественных записках» под ред. Н.А. Некрасова. По иронии судьбы накануне этого события именно в этом журнале активно сотрудничал Страхов. В течение 1867 г. он опубликовал в не-

скольких номерах «Отечественных записок» цикл статей «Критические заметки», идеи и суждения которых были обобщены в вышедшей в 1868 г. брошюре «Бедность нашей литературы», получившей жанровое определение как «критический и исторический очерк». Этот очерк вызвал ответную реакцию Салтыкова. Представляется необходимым изложить основные положения этой проблемной работы Страхова, чтобы иметь представление о том, что в её содержании оказалось неприемлемым для сатирика.

Очерк «Бедность нашей литературы» построен на основе характеристики процесса развития новой русской литературы с точки зрения почвенничества и в противостоянии со славянофильством и западничеством: «У славянофилов и западников мы везде находим одинаковое незнание нашего умственного и художественного движения», – заявляет критик [9, с. 8]. С позиции почвенничества Страхов скептически оценивает современную русскую литературу как лишённую национальных корней и заражённую «новыми идеями», нигилизмом: «Будучи бедны духовною жизнью, мы в то же время оказываемся бедными её сознанием, уважением к её явлениям и чувствам собственной ответственности» [9, с. 5]. Основная мысль Страхова в объяснении русской литературы – необходимость преодоления европейских заимствований и формирование своей, национальной литературной школы, основателем которой, по мысли критика, был Пушкин. Однако этот позитивный процесс русского литературного развития приостановился в 1860-е гг. с распространением социальных принципов в художественном творчестве и в его критическом осмыслении. В результате, делает вывод критик, русская литература опять пошла на поклон Европе.

Раскрыть «несметное богатство русского духа» пока не удалось русским писателям, даже Пушкину и Гоголю, поэтому в литературе обострился «процесс... неудовлетворения и стремления» к чему-то новому, и Пушкин «первый оставил возвышенные сферы... принялся за жанр, за пёстрый сор фламандской школы... <...> Стать в самое правильное, самое простое отношение к жизни, ничем не затемнённое и не искажённое, – вот цель, которую все имели в виду» [9, с. 21]. У русских писателей, считает критик, живёт стремление превзойти один другого «в честности отношения к делу, в неподкупной правдивости, в строгости к самому себе... <...> Можно поравняться с ними в правдивости, но превзойти их невозможно» [9, с. 18].

Тот тулик, в котором, по мнению Страхова, в настоящее время оказалась русская литература, ставит под сомнение её недавние достижения и достоинства: «стоило дунуть ветерку – и фата-моргана пропала!» [9, с. 27]. «Ветерок» этот – распространившийся в России нигилизм по отношению

к традиционным ценностям и социально-обличительная тенденция в общественном настроении и в литературе. Русский нигилизм, утверждает Страхов, – явление самобытное, хотя и возникшее под влиянием Запада. Нигилизм породил «положение дикое, но неизбежно требуемое ходом дела и представляющее шаг вперёд в нашем мудрёном развитии» [9, с. 53]. Показатель ненормального положения нашей литературы – отношение к Пушкину, переоценка его роли и значения, которая наблюдается у прогрессистов, в то время как он требует по отношению к себе «созерцания» и изучения, «остаётся мерой и нормой» [9, с. 55, 56]. В общественном сознании России и западниками, и славянофилами «литература наша признаётся никуда не годною, в ней отрицается... всякое живое начало... каждый её деятель подвергается одинаковому осуждению с противоположных сторон» [9, с. 69]. Завершает свой критический очерк Страхов всё-таки достаточно оптимистично: по его мнению, «содержание... стремления и задачи (литературы. – В. Т.) гораздо обширнее и важнее, чем думают многие ценители» [9, с. 72].

Статья Салтыкова-Щедрина «Напрасные опасения», опубликованная в том же 1868 г. в № 10 «Отечественных записок», как будто специально адресована Страхову. Автор очерка «Бедность нашей литературы» в статье не назван, но в тексте неоднократно повторяется именно эта формулировка, ставшая её заглавием. Впрочем, Салтыков полемизирует не только с публицистом-почвенником, он противопоставляет всему направлению современной русской литературы, не принимающему в ней новые демократические тенденции. Критический очерк Страхова оказался поводом для этой полемики. Основной тезис, на котором Салтыков строит доказательство необходимости поворота русской литературы в сторону её сближения с народом – исчерпанность, неактуальность либерально-дворянской литературы, даже таких писателей, как И.С. Тургенев, литературы, сформировавшейся на нравственных и социально-философских принципах 1840-х гг.

По мнению сатирика, современная русская литература носит «отпечаток касты», то есть имеет классовый, дворянский характер. В лучшей части «читающей публики» было «развито чувство неудовлетворённости окружающей средой», но во взглядах преобладала «нравственная или политическая утопия» [8, т. 9, с. 8]. В этой среде не могла «возникнуть мысль о деловом, реальном отношении к жизни», но возрастали «требования характера эстетического и отвлечённого» [8, т. 9, с. 9]. В русском обществе (в «читающей публике») «происходит умственный мираж», оно утратило роль «воспитывающей» силы, соответственно, и литература, будучи «очагом общественной мысли», должна определить «будущую... физиономию обще-

ства» (курсив автора. – *В. Т.*) [8, т. 9, с. 10, 16]. Это и стремится сделать молодая литература, задача которой – «новые типы, которые она пробует выводить... новое дело, о котором она говорит... новый язык, с которым она нас знакомит» [8, т. 9, с. 20].

Салтыков-Щедрин противопоставляет новые демократические тенденции русской литературы всем традиционным её направлениям, независимо от их идейных позиций. Уже это делает статью «Напрасные опасения» более масштабной и основательной, чем простое противостояние с критическим очерком Страхова. Необычной представляется установка сатирика на художественное изображение и осмысление характера положительного персонажа – простолюдина, что обусловлено, по его мнению, появлением «новых типов», «новой публики, которая имеет образоваться вследствие нового строя жизни» (курсив автора. – *В. Т.*) [8, т. 9, с. 18]. Если и можно говорить о «бедности» русской литературы, то только о бедности «самой публики», которая «не может изменить свои взгляды на жизнь даже тогда, когда сама эта жизнь изменит себя» [8, т. 9, с. 20].

Салтыков уверен, что «дело отрицания утратило не только свою относительную жизненную полезность... и что тип человека, задумавшегося на распутии (лишнего человека. – *В. Т.*) исчерпан сполна; потом сделалось не менее ясно, что затем следует уже искать типов положительных и деятельных» [9, с. 22]. «Этих типов ещё нет, или, лучше сказать, они не найдены, – признаёт Салтыков, – но... возможность типических очертаний не может иссякнуть, покуда не иссякнет самая жизнь» [8, т. 9, с. 23]. «Итак, с одной стороны, укоренившееся предание предубеждение в пользу типа отрицательного, с другой стороны, внутренняя сложность нового типа и бедность его внешней обстановки – вот те препятствия, с которой боролась и до сих пор борется новая русская литература», – делает вывод автор статьи «Напрасные опасения» [8, т. 9, с. 29].

Под «типом отрицательным» он, очевидно, имеет в виду тип «лишнего человека» – дворянского интеллигента, обладавшего определёнными духовными («идеально-политическими») ценностями, но совершенно непрактичного и бесперспективного. Касается он также развития народной темы писателями старшего поколения, не только Д.В. Григоровичем с его «псевдонародными романами и повестями» [8, т. 9, с. 9] но и И.С. Тургеневым. Они «нимало не знакомили нас с крестьянской средой, – считает Салтыков, – не потому, чтоб это не были типы вполне живые (речь идёт о персонажах названных писателей. – *В. Т.*), а потому, что они представлялись нам уединёнными, стоящими в положении исключительном. <...> Нужна была целая крестьянская среда, нужна была такая картина, в которой крестьянин явился бы у себя дома

и... чтобы стесняющие его искусственные грани... не делали для него обязательною немоту языка, не заставляли его на всяком шагу озираться и оговариваться» [8, т. 9, с. 33], то есть чтобы крестьянин был по-настоящему свободен. Необходимо «проникнуть в эту среду... определить её жизненные цели», и «главным деятелем в этом случае является вся молодая русская литература, её общий тон и общее направление» (курсив автора. – *В. Т.*) [8, т. 9, с. 33, 34]. Салтыков называет лишь одного из писателей «молодой» литературы, Ф.М. Решетникова, но этого достаточно, чтобы понять, какое именно литературное направление он имеет в виду.

Салтыков считает, что «положительные типы русского простолюдина» уясняются лишь «совокупностью множества литературных произведений» (курсив автора. – *В. Т.*), что главное дело современных литературных деятелей заключается в подготовке почвы, в собрании материала и честной разработке его» [8, т. 9, с. 34]. Автор статьи «Напрасные опасения» затрагивает ряд других общественно-литературных проблем, не имеющих непосредственного отношения к критическому очерку Страхова (например, тему женской эмансипации), и в целом она близка ряду других манифестов новой демократической русской литературы, таких как напечатанная в тех же «Отечественных записках» (№ 4, 1868 г.) статья А.М. Скабичевского «Живая струя» (кстати, это выражение использовал в своей статье и Салтыков), а также статьи сотрудников журнала «Дело»: П.Н. Ткачёва «Разбитые иллюзии» (1868, № 11–12) и Н.В. Шелгунова «Народный реализм в литературе» (1871, № 5).

В последующие годы продолжалось своеобразное «пикирование», обмен колкостями между сатириком и его оппонентом, поскольку их литературные позиции были непримиримыми. В статье «Насущные потребности литературы» («Отечественные записки», 1869, № 10) Салтыков иронично замечает: «Литература должна быть проводником не мыслей, а приятных отдохновений. Это цветник... Фет как стихотворец, Гр. Данилевский как романист, Шубинский как историк, Страхов как критик... – вот имена, любезные современникам «Аонид» (имеется в виду альманах, издававшийся Н.М. Карамзиным в 1796–1799 гг. – *В. Т.*) [8, т. 9, с. 102]. В свою очередь Страхов неоднократно писал о «настраивании» Салтыковым-Щедриним в «Отечественных записках» молодёжи на «напрасные увлечения», об односторонности его творчества, об отсутствии у сатирика положительной программы («Заря», 1869, № 7; 1870, № 9).

Салтыков не ограничивался публицистическими высказываниями по адресу Страхова. Он упоминает критика и в художественных произведениях, разумеется, иронически. В главе «Поклонение мамоне и покаяние» «Истории одного города» («Отечественные записки», 1870, № 4) Салтыков

пишет о глуповском бомонде: «Тут сначала читали критические статьи г. Н. Страхова, но так как они глупы, то скоро переходили к другим занятиям». Там же, предваряя сообщение о появлении на горизонте Угрюм-Бурчевеа, снова упоминается «чтение статей Страхова» – наряду с другими заботами глуповцев, «до восхищения души относящимся» [8, т. 8, с. 395, 396–397]. Этот выпад в свой адрес Страхов не оставил без ответа. Он пишет Ф.М. Достоевскому в апреле 1870 г., имея в виду именно «Историю одного города»: «...прогрессивного Щедрина скоро перестанут читать, да и теперь, например, я (каков авторитет!) уже не могу никак себя принудить читать» [13, с. 267]. Е.И. Покусаев обнаружил, что после выпадов Салтыкова против Страхова последний привлёк на свою сторону писателя и публициста Д.В. Аверкиева, опубликовавшего в руководимом Страховым журнале «Заря» (1870, № 7, с. 90–99) пародийную «Историю некоей веси» [7, с. 104].

В статье «Сочинения Я.П. Полонского» («Заря», 1870, № 9), в которой Страхов открыто полемизирует с Салтыковым в оценке творчества поэта, критик подчёркивает, имея в виду сатирика, что после Гоголя «писатели стали беспрерывно употреблять иронию гиперболическую, в которой уже нет заботы о реальном изображении, а, напротив, вся потеха заключается в искажении реальных черт», ирония иногда «переходит в чистое глумление, то есть в речи совершенно бессмысленные» [11, с. 187]. В рецензии на комедию А.Н. Островского «Лес» Страхов находит в пьесе «комизм самого низкого рода, который вернее всего назвать щедринским». Он считает, что драматург по существу уравнивал нравственные качества обеих сторон конфликта в пьесе: «дремучие и тёмные нравы» характерны и для хозяев жизни (дворян и купцов), и для провинциальных актёров [14, с. 59–60].

Вообще вопрос о сущности сатиры и об особенностях сатирического творчества Салтыкова-Щедрина неоднократно обсуждался критиком. 7 мая 1877 г. он писал Л.Н. Толстому по поводу «Анны Карениной»: «Вы не рассказываете никаких ужасов, а всё невинные и даже смешные вещи, но конечно *обличаете* больше, чем Тургенев, Некрасов и Салтыков, напрягающиеся для этого изо всех сил» (курсив автора. – В. Т.) [6, с. 115]. Несколько позже в статье «Взгляд на текущую литературу» («Русь», 1883, № 1–2) Страхов признаёт, что Салтыков в настоящее время относится к самым читаемым писателям в России – наряду с Достоевским, Некрасовым, Л. Толстым, однако в то же время критик резко отзывается о творчестве сатирика: «...понятие сатиры есть нечто слишком точное и определённое, в сравнении с тем, что пишет г. Щедрин. Это не сатира, а переходящая всякую меру карикатура, не ирония, а нахальная издёвка, неистовое глумление, не насмешка, а надругатель-

ство над всяким предметом, за который берётся этот сатирик. Всё это совершается с несомненным талантом; скажем более – несомненный талант нахальства и глумления один только и руководит автора в его... деятельности; он давно уже забыл требования мысли и художества, давно уже обдумывает не лица, а только прозвища, не действия, а только сильные выражения и язвительные обороты речи. <...> Вся эта пресловутая сатира сама есть некоторого рода ноздрёвщина и хлестаковщина, с большою прибавкою Собакевича» [10, с. 440].

Уже после смерти Салтыкова в статье «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария, В. Розанова. СПб., 1894» Страхов в последний раз бросил упрёк по адресу писателя, противопоставив его творчество гоголевскому: «Гоголь есть представитель истинного комизма, бесподобный изобразитель человеческой пошлости и глупости. Иным этого мало; им нужно зубоскальство и глумление, – и появляется сатира в роде писаний Салтыкова» [12, с. 223].

Что касается самого Салтыкова, то он в 1870–80-е гг. не считал нужным отвечать на критику Страхова. Своё отношение к оппоненту он высказал в письме приятелю А.Л. Боровиковскому от 4 мая 1883 г. по поводу романа «Современная идиллия»: «Страхов, у которого в голове, кроме урины, ничего не осталось, всю её готовится вылить на меня» [8, т. 20-2, с. 198–199]. Характеристика впечатляющая!

Взаимные оценки и упреки Салтыкова и Страхова – носителей противоположных литературных, эстетических и общественных позиций – яркий пример принципиального противостояния, характеризующий не только разное понимание задач развития русской литературы, но и природу самой литературы, её художественной специфики, в том числе особенностей сатирических приёмов. Одновременно это показатель нравов и этических принципов, проявлявшихся в полемике той эпохи.

Библиографический список

1. *Летописец <Страхов Н.Н.>*. Заметки летописца // Эпоха. – 1864. – № 3.
2. *Летописец <Страхов Н.Н.>*. Последние два года в Петербургской журналистике // Эпоха. – 1864. – № 10.
3. *Летописец <Страхов Н.Н.>*. Заметки летописца // Эпоха. – 1864. – № 12.
4. *Макашин С.А.* Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы: Биография. – М.: Худож. лит., 1984. – 576 с.
5. *Н. Нелишко <Страхов Н. Н.>*. Новый сборник нравственности: (Письмо в редакцию «Библиотеки для чтения») // Библиотека для чтения. – 1863. – № 9.
6. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, 1870–1894. – СПб., 1914.

7. Покусаев Е.И. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. – М.: ГИХЛ, 1963. – 472 с.

8. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. – М.: Худ. лит., 1965–1977.

9. Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы: Критический и исторический очерк. – СПб., 1868.

10. Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. Т. 1. – СПб., 1895.

11. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. – Киев, 1897.

12. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. Кн. 3. – Киев, 1898.

13. Страхов Н.Н. Письма Ф.М. Достоевскому // Шестидесятые годы. – М.: Изд-во АН СССР, 1940.

14. -2- <Страхов Н. Н.>. «Лес». Комедия в 5 действиях А.Н. Островского // Заря. – 1871. – № 2.

References

1. Letopisec <Strahov N.N.>. Zametki letopisca // ЕНрoha. – 1864. – № 3.

2. Letopisec <Strahov N.N.>. Poslednie dva goda v Peterburgskoj zhurnalistike // ЕНрoha. – 1864. – № 10.

3. Letopisec <Strahov N.N.>. Zametki letopisca // ЕНрoha. – 1864. – № 12.

4. Makashin S.A. Saltykov-SHCHeHrin. Seredina puti. 1860–1870-e gody: Biografiya. – M.: Hudozh. lit., 1984. – 576 s.

5. N. Nelishko <Strahov N. N.>. Novyj pobornik npravstvennosti: (Pis'mo v redakciyu «Biblioteki dlya chteniya») // Biblioteka dlya chteniya. – 1863. – № 9.

6. Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strahovym, 1870–1894. – SPb., 1914.

7. Pokusaev E.I. Revolyucionnaya satira Saltykova-SHCHeHrina. – M.: GIHL, 1963. – 472 s.

8. Saltykov-SHCHeHrin M.E. Sobr. soch.: v 20 t. – M.: Hud. lit., 1965–1977.

9. Strahov N.N. Bednost' nashej literatury: Kriticheskij i istoricheskij ocherk. – SPb., 1868.

10. Strahov N.N. Kriticheskie stat'i ob I.S. Turgeneve i L.N. Tolstom. T. 1. – SPb., 1895.

11. Strahov N.N. Zametki o Pushkine i drugih poehtah. – Kiev, 1897.

12. Strahov N.N. Bor'ba s Zapadom v nashej literature: Istoricheskie i kriticheskie ocherki. Kн. 3. – Kiev, 1898.

13. Strahov N.N. Pis'ma F.M. Dostoevskomu // SHestidesyatye gody. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1940.

14. -2- <Strahov N. N.>. «Les». Komediya v 5 dejstviiyah A.N. Ostrovskogo // Zarya. – 1871. – № 2.

Перфилова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

t.novikov@yspu.org

Новиков Михаил Васильевич

доктор исторических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

t.novikov@yspu.org

ПРОБЛЕМЫ МИФА И МИФОТВОРЧЕСТВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Ф.И. БУСЛАЕВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9.

Данная статья посвящается одному из аспектов обширного творческого наследия великого русского ученого Федора Ивановича Буслаева [6]. В статье рассматривается второй этап его научной деятельности, когда Буслаев сосредоточил фокус своей исследовательской активности на выяснении основанного на «языковом и мифологическом мышлении» процесса мифотворчества. Отвергая упрощенные взгляды отечественных специалистов-мифологов, он обращается к работам европейских приверженцев гриммовской школы сравнительного языкознания – А. Куна, В. Шварца, М. Мюллера. В статье приводится критический анализ Буслаевым их научных достижений в области натурмифологии, часть из которых была им принята и одобрена. Отмечается, что в то же время Буслаев осознавал ограниченность предложенной им концепции «мифологии природы» и был не удовлетворен произвольностью интерпретаций сюжетов мифов. Подчеркивается, что, отказавшись от односторонних подходов натурмифологов, Буслаев дополнил свои ранние идеи о сущности мифа, имевшие преимущественно лингвопсихологический характер, новыми идеями, выработанными на почве культурно-исторического и этнографического подходов, а также позитивистской стратегии познания.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, мифологическое сознание, мифологический дискурс, натурмифологи, «мифология природы», Веды, индоевропейцы, лингвистическая палеонтология, сравнительное языкознание.

Никогда не разрывая нити преемственности с языковедением и постоянно апеллируя к своим ранним научным размышлениям, во второй половине XIX в. Ф.И. Буслаев всё же сосредоточил фокус своей исследовательской активности на выяснении сущности мифологического сознания и его эманациях. Ему важно было понять причины, которые обусловили появление мифа не как жанра словесности, а как особого способа мыслить, присущего человеку архаических и древних обществ, как парадигму первобытного взгляда на мир.

Опереться на опыт изучения мифологического сознания своих соотечественников он не мог, хотя первые попытки воссоздания национальной мифологии появились в России задолго до вступления учёного на научное поприще.

Предшественники Ф.И. Буслаева: А.С. Кайсаров, Н.И. Костомаров, М.И. Попов, И.П. Сахаров, И.М. Снегирёв, М.Д. Чулков – подходили к изучению мифа и мифотворчества с просветительских позиций. Для них мифология сводилась к «баснословию», к системе ложных представлений необразованного народа о богах, которые мешали как распространению подлинной – христианской – веры, так и совершенствованию всей жизни простонародья. Им не была известна концепция Я. Гримма, трактовавшая миф как «живой отголосок ощущений, воззрений и нравственных, умственных или религиозных убеждений народа» на определённой ступени их исторического развития [4, с. 517]. Высказанное немецким романтиком соображение о синкретизме языка, мифологии, народной поэзии

оказалось для них непостижимым, поэтому и предлагавшийся алгоритм изложения мифологии славян в мистико-религиозном направлении [1, с. 56] был чужд Ф.И. Буслаеву.

При изучении природы мифологического сознания учёный обратился к достижениям европейских лингвистов-мифологов: А. Куна, В. Шварца, М. Мюллера. Являясь верными приверженцами гриммовской школы сравнительного языкознания, они смогли преодолеть узкие рамки изучения мифологических воззрений своего народа и обратились к рассмотрению мифологии всех представителей индоевропейской языковой общности.

Младшие мифологи, а именно так называли первых последователей Я. Гримма, стремились найти подходы к анализу самых глубоких слоёв сознания индоевропейцев, где скрывались их наиболее ранние воззрения на природу и общество. Они формировались на древнейшей – «восточной, арийской – прародине» [5, с. 655] и получили отражение в Ведах – самом первом из сохранившихся в анналах истории памятнике индоевропейской религии, мифологии, народной поэзии. В Ведах, писал Ф.И. Буслаев, «целыми тысячелетиями древнее Гомера, содержится древнейшая форма всех индоевропейских религий, которая, как самая ранняя, должна быть признана и ближайшей к форме первобытной» [5, с. 663].

Младшие мифологи уточнили метод сравнительного анализа памятников мифологического содержания, широко пропагандируя лингвистическую палеонтологию, и, кроме того, предложили своё обоснование причин зарождения архаичных

форм мышления, используя для этого рассуждения о сущности мифа [1, с. 70].

Ф.И. Буслаев, комментируя интерес младших мифологов к Ведам, писал, что только в этих священных текстах сохранился «целый мир первобытной, естественной и удобопонятной мифологии», которая ещё не успела сложиться в оформленную систему и переработать «первоначальные представления» о божественных персонажах, возникших из названий явлений природы. Именно поэтому «настоящая теогония арийских племён – Веды, – объяснял он, – для сравнительной мифологии имеет то же значение, какое санскрит имеет для сравнительной грамматики» [5, с. 661, 662].

Младшие мифологи, преклоняясь перед авторитетом своего маститого учителя, всё же не побоялись исправить те его выводы, которые в свете развития сравнительной лингвистики и мифологии оказались устаревшими. Так, В. Шварц обнаружил, что в современных преданиях, сохранившихся от седой древности в простонародной среде, содержатся «не ослабленные отголоски более развитой первобытной мифологии», как думал Я. Grimm, разбирая скандинавскую «Эдду», а сами древнейшие мотивы современного народного мироздания, та «низшая мифология», которая стала зачаточной субстанцией для появления в дальнейшем образов высших божеств [7, с. 724].

Современник В. Шварца и его соотечественник, знаменитый, в оценке Ф.И. Буслаева, немецкий лингвист Адальберт Кун своей работой «О низведении огня и напитка богов» (1859) открыл целую эпоху «в недавней истории сравнительной науки» [5, с. 665]. Этому авторитетному специалисту удалось проследить по памятникам санскрита развитие мифа от старейших, самых наивных образов богов до целой, завершённой мифологической системы и, таким образом, «подорвать старое представление о мифологии как о готовой системе». Кроме обоснования этой, чрезвычайно важной, идеи развития во времени коллективного сознания и продуктов духа народа, А. Куну принадлежала заслуга «раскрытия того первобытного начала, которое лежало в основе этого развития и послужило источником для образования мифологии греческой и римской» [7, с. 723]. Речь идёт о том, что, опираясь на этимологический и сравнительный анализ имён богов и мифологических существ, учёный объяснил причину появления старейших индоевропейских мифов обожествлением стихийных сил природы (грозы, грома, молнии, ветра, туч), положив начало метеорологической, или грозовой, теории мифотворчества [8, с. 308; 9, с. 45].

«Даровитый лингвист» Макс Мюллер [5, с. 665] – уроженец Германии, прославивший своими трудами не только историческую, но и новую родину, Англию, – выделил в первоначальной жизни праиндоевропейцев особый «мифологический

период», на протяжении которого происходило образование общих всем родственным племенам мифов. «Чрезвычайное сходство, почти тождество мифов у народов этого семейства» он объяснял общностью их исторической судьбы и генетическими корнями, ещё не разрушенными на единой азиатской прародине [7, с. 725].

М. Мюллер обратил внимание и на то, что в период создания мифов язык отличался «чувственным, наглядным характером, называл только предметы и их доступные чувствам состояния». Характеризуя предметы по их внешним признакам, язык пополнялся многими метафорами, каждая из которых становилась «зерном сказания» [5, с. 680]. Со временем ассоциации между словом-образом и зерном сказания оказались разрушенными, смысл мифа, потеряв «коренное значение», стал затемнённым и непонятным для новых поколений пользователей духовного наследия предков.

Это «ненормальное состояние» языка, который утратил связь с первоначальными представлениями, вызвавшими к жизни миф, М. Мюллер назвал «болезнью языка», проакцентировав суть так называемой лингвистической теории происхождения мифа. Согласно обоснованию М. Мюллера, причины возникновения и долгой сохранности мифического предания следует выводить из жизни языка [1, с. 70; 7, с. 725, 726]. Ключ к пониманию сюжетов античной мифологии он предлагал искать «в доисторическом мраке ведийских преданий», особо пристально изучая «здоровые этимологические основы» имён действующих в мифе лиц [5, с. 675, 682].

Труды европейских мифологов-ведистов были внимательно изучены Ф.И. Буслаевым, подвергнуты основательному разбору (он содержится во второй, третьей, четвёртой и пятой главках статьи Ф.И. Буслаева «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» [5, с. 661–699]) и после селекционных процедур дополнили копилку идей учёного, которые вдохновили его на новый этап изучения проблемы мифа и мифотворчества.

Лингвистическая теория мифа, которую вслед за М. Мюллером разделили А. Кун и В. Шварц, была вполне применима для объяснения причины зарождения мифа, считал Ф.И. Буслаев, так как она «служит основой для так называемой мифологии природы. Такая мифология, действительно, должна быть древнейшим слоем во всех народных сказаниях, верованиях и обрядах» [5, с. 684]. Недвусмысленно об этом свидетельствует «теология наших праотцев», изложенная в Ведах, утверждал он далее. И представления создателей Вед, и их язык принадлежали «младенствующему возрасту» человеческого рода, когда господствовал первобытный взгляд на природу и её отношение к человеку, а именно – «обоготворение её явлений... Свет и тьма, жар и холод, засуха и дождь, восход и за-

ход солнца, заря и луна и другие немногие явления природы – вот та простейшая основа, на которой в языке и представлениях Вед коренятся все прочие индоевропейские мифологии» [5, с. 664].

Предоставляя нам возможность окунуться в психологию творцов первых мифов, Ф.И. Буслаев с романтическим порывом, словно погружаясь в глубины их сознания, описывает ассоциативные ряды и коды арийцев, возникавшие в их воображении при первых столкновениях с загадками природы.

Например, первобытное чествование света дало рождение всемогущему богу Варуне. Народная фантазия поселила его в великий свод, опиравшийся на землю. Глазом Варуны было солнце, главным богатством – коровы в виде облаков. Небесное млеко струями плодоносного дождя по воле бога орошало и земные пастбища, и земные обитатели богов, чьё присутствие выдавали цветы, леса и горы.

Страх арийцев перед самым грозным явлением природы – грозой – вызвал к жизни бога Индру, который мог привести к покорности даже неукротимые в своей ярости стихии: огонь, воды, ветры. Представляя грозу как нашествие враждебных духов, арийцы приписывали им такое злодеяние, как похищение небесных коров – облаков. Боги и люди, страдавшие в это время от жажды, голода и засухи, молились всемогущему Индре и ждали от него помощи: освобождения из плена запертых в пещерах небесных коров и возвращения первозданного идиллического быта [5, с. 663].

Полагаясь на мнение В. Шварца, Ф.И. Буслаев заявляет, что у всех индоевропейцев, как и у их азиатских праотцов, первые мифические образы были связаны с обоготворением явлений природы [5, с. 657; 664; 666, прим.; 686]. «Небесные и воздушные явления природы», как те, что регулярно повторялись, например, в смене дня и ночи, так и другие, происходившие внезапно, наподобие бурь, гроз, наводнений, являлись естественными, «свежими», изначальными зародышами мифов, созданных «наивными воззрениями грубейшего века» [5, с. 684, 685].

Постепенно метафорический по языковой природе мифический вымысел, относившийся к «небу и атмосфере», «спустился на землю», но только для того, чтобы «прикрепить к родной земле» те сказания, что появились на заре человеческой истории от живого воззрения первобытных людей на метеорологические процессы, комментировал Ф.И. Буслаев мнение известного немецкого мифолога. В ходе этой локализации небесные воды могли быть «приурочены к той или иной реке». Тогда на первый план выступали уже местные, земные отношения действующих лиц мифа, который перерастал в народное сказание или сагу [5, с. 690].

Излагая «метеорологические» взгляды В. Шварца на процесс мифотворчества, Ф.И. Буслаев в целом соглашается с ними и даже допол-

няет примеры своего предшественника, взятые им из греческого и германского космогонических циклов, сербскими и финскими «лингвистическо-мифологическими преданиями» [5, с. 686]. Комментируя мифы об увечьях богов и героев, приводившиеся В. Шварцем в связи с интерпретацией «небесных и воздушных явлений», он расширяет их ряд женскими персонажами, заимствованными из литовских сказаний, и снова, опираясь на финские и литовские этимологические материалы, подтверждает правильность остроумных догадок немецкого коллеги. Вместе с тем Ф.И. Буслаев, всегда стремившийся к «грамматической точности» исследовательских процедур, не мог одобрить произвольное толкование мифов и тот разгул фантазии, которые допускал В. Шварц в своих комментариях «дела такого загадочного, как мифология» [5, с. 653, 687]. Так, Ф.И. Буслаев не был согласен с тем, что мифы об увечьях греческих богов и героев (уязвимой пяте Ахилла, хромоте Гефеста, утрате пальцев Геркулесом и Орестом) В. Шварц объяснял ослаблением (утиханием) грозы после того, как эта стихия наносила удар столкнувшимся чёрным тучам. Ошибочной, по мнению Ф.И. Буслаева, была трактовка В. Шварцем мифа об оскотлении Урана Кроном как объяснение первобытным сознанием причины появления радуги («лука небесного») [5, с. 687–689].

Ф.И. Буслаеву явно были ближе приёмы осуществления мифологического дискурса, представленные в сочинениях А. Куна и М. Мюллера. Эти «натуралисты мифологии» в основу своих умозаключений «подвели формы языка», в которых им удалось обнаружить «зародыши мифа, а в народной поэзии – его воссоздание и дальнейшее развитие» [5, с. 691].

Так, «знаменитый лингвист» А. Кун указал «первобытную ведийскую основу» появления греческого Прометея, когда на «твёрдой основе» этимологического анализа объяснил древнейший способ добывания «живого огня». По ведийским представлениям, царь-огонь (бог Агни) появился на свет в процессе трения (сверления) двух деревянных полочек – арани – друг о друга. Точно так же Веды объясняли происхождение молнии и солнца: «Будто бог сверлит палкой облака, и является молния, или колесо вертится на оси, и от трения втулка загорается, запуская жизнь солнца» [5, с. 666].

Процесс добывания огня, сообщал далее Ф.И. Буслаев, обозначался глаголом «манг (или мантг)», что означает «трясти, вертеть, тереть, сверлить». Звуки этого глагола повторило «всё цивилизованное человечество в имени одного из знаменитейших божественных типов греческой мифологии» – Прометея, так как сверло (прамантга), приводившее в движение космические силы, – это и есть санскритское наименование греческого похитителя небесного огня [5, с. 666].

Из «ведийской старины» А. Кун узнал о тождестве представлений, связанных с добыванием огня, и рождением человека, так как в Ригведе – самой древней части Вед – арани имеют плотский характер: они «именуются производительными органами, а добываемый ими огонь – супружеским плодом» [5, с. 667]. Этот факт позволил немецкому мифологу объяснить, почему Прометею греки приписали не только низведение огня на землю, но и функцию «творения человека».

Ф.И. Буслаев полностью соглашается с предложенной А. Куном методикой прочтения Вед через призму этимологического анализа имён богов и подтверждает сделанные немецким предшественником выводы своими наблюдениями о преемственности грамматических форм и семантических проявлений санскритской «первобытности» в немецких и славяно-русских преданиях. Как у арийцев солнце изображали в виде колеса, так и германские племена использовали слово «колесо (hveol)» для обозначения солнца, утверждает Ф.И. Буслаев и показывает цепочку родственных слов в разных языках индоевропейцев: *fagra* – *hveol* – хорошее солнце [5, с. 666, прим.]. Славяне «удержали первобытную связь добывания огня с подаванием жизни», поэтому они использовали слово «кресить» не только в значении «высекать огонь», но и в смысле «воскрешать, или давать жизнь». Об этом могут поведать «бесовские игрища» на празднике Ивана Купалы. По представлениям Ф.И. Буслаева, они воспроизводят брачный архетипичный союз ведийских богов Урваши и Пурураваса (Зари и Солнца), потому что праздничные гуляния сопровождаются разжиганием костров («вытиранием живого огня») и спуском с горы в реку горящего колеса, которое, вертясь вокруг своей оси, воспроизводит «и огонь небесный, и само солнце» [5, с. 668].

«Народная жизнь в своём язычестве, – заключает учёный, – тяготеет к первобытной древности, ясную картину которой рисуют нам ориенталисты по гимнам и религиозным обрядам индийских Вед» [5, с. 675].

Наиболее удачным опытом определения «смысла... мифа» через применение «здоровых этимологических его основ» являлись, по мнению Ф.И. Буслаева, исследования М. Мюллера, славившегося своими «блистательными гипотезами» [5, с. 675].

В отличие от В. Шварца и А. Куна, М. Мюллер не привязывал происхождение мифов к «мимолётным явлениям облаков, бури и грома» [7, с. 726], а объяснял причины их появления культом солнца, широко распространённого в архаических обществах. Ф.И. Буслаев называет М. Мюллера представителем солярной, или солнечной, теории мифотворчества [5, с. 681] и для иллюстрации способа толкования мифов, предложенного этим английским знатоком народного сознания, приводит миф об Аполлоне и Дафне.

Смысл «басни» о бегстве Дафны от влюблённого в неё бога солнца Аполлона и превращении красавицы в лавровое дерево будет ясен только тогда, утверждает он, когда при помощи этимологии и сравнительной лингвистики, обратившись к ведийским текстам, мы вслед за «даровитейшим популяризатором всевозможных научных тонкостей», М. Мюллером, установим, что слово «дафна» означает «горящая, пылающая» утренняя заря. В то же время древние греки называли «дафной» и дерево, использовавшееся как топливо. Следовательно, получается, что «заря и дерево, называющиеся одним и тем же словом, были сблизены сказкой о превращении вследствие естественного побега утренней зари, спасающейся от солнца, которое румянит её пламенем своей любви» [5, с. 676].

Однако М. Мюллер применял выведенную им солярную теорию происхождения мифа не только для «толкования какой-нибудь мифологической поговорки, которая первоначально, в эпоху ведийскую, имела смысл настоящего представления, например, о дне, солнце или заре», – всё множество самых разнообразных мифов и более поздних литературных произведений, где действовали «мифические личности», он объяснял так же незатейливо, «просто»: с точки зрения «явлений природы, подчинённых законам физической необходимости», – с упреком сообщал Ф.И. Буслаев [5, с. 683].

Какой бы сюжет ни появлялся в «мифологическом предании», даже «отцеубийство, кровосмешение и другие преступления», М. Мюллер интерпретировал его всегда односторонне и явно упрощённо, «предаваясь своим личным воззрениям», будто эти преступления совершались не людьми, а природными явлениями, чаще всего «различными фазисами и явлениями солнца – солнце восходящее, заходящее, пылающее жаром, уступающее зимнему холоду, солнце, возрождающееся весной и умирающее весной» [5, с. 680–683].

Там, где Эдип и Персей убивали своих отцов, М. Мюллер видел солнце, уничтожавшее ночной мрак. «Отцеубийцы разных мифологий»: и Кир, и Ромул, подобно Эдипу и Персею, тоже с лёгкой руки европейского мифолога превращались в солнце. Инцест между Эдипом и его матерью Иокастой трактовался им как физическая близость солнца с вечерней или утренней зарёй; Одиссей, пораженный стрелами женихов Пенелопы, или Индра, убийца Вритры, без обиняков тоже в фантазиях М. Мюллера ассоциировались с солнцем [5, с. 682].

Обнаруженные Ф.И. Буслаевым эти и другие «общие места» при интерпретации М. Мюллером солнечных сюжетов ведийской и греческой мифологии вызывают у него однозначную реакцию – осуждение. При всём уважении к научным заслугам «остроумного ведиста» Ф.И. Буслаев не мог игнорировать в «блистательных выводах» М. Мюллера субъективистского произвола, излиш-

ней увлечённости сомнительными предположениями, не укладывавшимися в «пределы достоверного» объяснения.

«Шаткость, неточность, противоречие и отсутствие ясности» – родные сёстры авторского волюнтаризма – всегда порочат, по его убеждению, имя учёного, который без внутреннего контроля с лёгкостью дилетанта переходит «за границу положительных фактов», придавая своей теории такую растяжимость, что она превращается в профанацию даже самых блестящих идей [5, с. 681]. Только «твёрдые основы лингвистики и филологии» с их неоспоримыми выводами могли, по мнению Ф.И. Буслаева, сообщить подлинно научную достоверность концепциям мифологов [5, с. 687].

Замечания в адрес европейских ведистов служили дополнительным аргументом в пользу единственно верной, по его представлениям, научной основы всех исследований по проблеме мифотворчества: «следы самого раннего религиозного и мифологического сознания» [3, с. 513], действительно, надо искать в палеолингвистике, потому что только в древнейших слоях языка содержатся наиболее важные для исследователя ранней духовной культуры человечества подсказки того, как «перевести явления природы на образы и отношения» в первобытную мифологическую эпоху [5, с. 684]. Однако, уточнял он далее, переводя язык «праотцов» на современный уровень понимания, никогда не следует руководствоваться фантастическими домыслами, допустимыми только для человека с мифологическим мышлением, – профессионал обязан строить свои умозаключения на твёрдой почве положительного знания.

Забота о безупречности исследовательских процедур свидетельствовала о том, что во второй половине XIX в. Ф.И. Буслаев следовал позитивистской стратегии познания, но она не придала его собственной мифологической концепции свежести и оригинальности и не сделала его теоретические построения качественно отличными от выводов натурмифологов.

При изучении его поздней работы, «Догадки и мечтания о первобытном человечестве», складывается впечатление, что он разделял основные положения «господствовавшей» в начале 70-х гг. XIX в. «теории мифологии природы и поэтических воззрений» архаических народов [3, с. 513]. На это же он указывал и прямо, и косвенно, прибегая к разбору книг именитых зарубежных учёных. Например, в статье «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» он ясно выразил мысль о том, что «в первобытную эпоху... миф во всей свежести наглядно возникал из живого воззрения на природу» [5, с. 684].

Аналогичное утверждение содержится и дальше, когда Ф.И. Буслаев сообщал, что, следуя М. Мюллеру и другим лингвистам, открывшим

в языке и тексте Вед «доисторические зародыши» жизни индоевропейцев, «мы усмотрели искомое у всех этих народов чествование света, неба и солнца в их борьбе с мраком и зловерными крайностями температуры: с холодом и палящим зноем» [5, с. 701].

Однако всего за год до опубликования этой статьи, то есть в 1871 г., он выражал сомнение в том, что «подведение под немногие рубрики мифологии природы» всего разнообразия народной словесности вряд ли стоит относить к достижениям сравнительной мифологии. «Общность формулы составляет и выгодную её сторону, и невыгодную, – рассуждал Ф.И. Буслаев, – выгодную – потому что целые ряды кажущихся несообразностей и часто бессмыслиц, вошедших в содержание народного эпоса, такой формулой объясняются настолько удовлетворительно, что получают некоторый смысл... Невыгодную сторону – потому что всё, что угодно, можно вставить в её широкие рамы» [2, с. 247].

Намеренное упрощение и опрометчивая «поспешность» при объяснении натурмифологами самых разнообразных сюжетов: «будь то похищение невесты, единоборство богатырей, подвиги младшего из трёх сыновей, спящая царевна и т. п.» – могут представлять опасность для науки, предупреждал Ф.И. Буслаев, если за каждым из этих эпизодов без учёта времени создания видеть «не что иное, как тепло или холод, свет или тьму, лето или зиму, день или ночь, солнце и месяц со звёздами, небо и землю, гром и тучу с дождём» [2, с. 246].

Очевидно, что наш соотечественник отчётливо осознавал ограниченность концепции «мифологии природы» и не был удовлетворён произвольностью интерпретаций сюжетов мифов, предлагавшихся натурмифологами. Тем не менее полностью отказаться от результатов их исследований он не мог: слишком велик был авторитет европейских знаменитостей, с одной стороны, слишком слабы и сбивчивы были все попытки развенчивания их ненадёжных объяснительных моделей – с другой. Поэтому, даже обнаружив уязвимые позиции исследователей мифа и мифотворчества с натуралистических позиций, Ф.И. Буслаев полностью не разрывал связи с их теоретико-методологическими конструкциями. При резком опровержении результатов изучения причин появления мифотворчества натурмифологами потерпели бы фиаско и многие выводы самого Ф.И. Буслаева, к которым он пришёл при лингвистическом анализе славяно-русской мифологии и народной словесности.

Библиографический список

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики / под общ. ред. Э.В. Померанцевой: в 2 т. Т. 2. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1963. – 363 с.

2. Буслаев Ф.И. Бытовые слои русского эпоса // Буслаев Ф.И. Народная поэзия: Исторические очерки. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. – С. 245–284.

3. Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве // Буслаев Ф.И. Сочинения по археологии и истории искусства: в 3 т. Т. 1. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 459–522.

4. Буслаев Ф.И. «Сравнение русских слов с санскритскими» А.С. Хомякова // Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – С. 516–537.

5. Буслаев Ф.И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. – М., 1872. – № 10 (октябрь). – № 101. – С. 645–727.

6. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Концептуально-методологические основания второго этапа творчества Ф.И. Буслаева // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 268–275; Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Концепция всеобщих законов развития культуры Ф.И. Буслаева // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 1. – С. 148–155; Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Ф.И. Буслаев об универсальных ментальных реакциях первобытного человечества // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 1. – С. 177–184.

7. Пытин А. Новейшие исследования русской народности // Вестник Европы: журнал истории, политики, литературы. – 1883. – Кн. 10 (октябрь). – С. 695–742.

8. Савченко С.В. Русская народная сказка (теория собирания и изучения). – Киев: Тип. Императ. ун-та Св. Владимира, 1914. – 543 с.

9. Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941. – 559 с.

References

1. Azadovskij M.K. Istoriya russkoj fol'kloristiki / pod obshch. red. E.H.V. Pomerancevoj: v 2 t. T. 2. – М.: Gos. uch.-ped. izd-vo M-va prosveshcheniya RSFSR, 1963. – 363 s.

2. Buslaev F.I. Bytovye sloi russkogo ehposa // Buslaev F.I. Narodnaya poehziya: Istoricheskie ocherki. – SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. – S. 245–284.

3. Buslaev F.I. Dogadki i mechtaniya o pervobytnom chelovechestve // Buslaev F.I. Sochineniya po arheologii i istorii iskusstva: v 3 t. T. 1. – SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – S. 459–522.

4. Buslaev F.I. «Srvanenie russkih slov s sanskritskimi» A.S. Homyakova // Buslaev F.I. Dogadki i mechtaniya o pervobytnom chelovechestve. – S. 516–537.

5. Buslaev F.I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poehzii // Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym. – М., 1872. – № 10 (oktyabr'). – № 101. – S. 645–727.

6. Novikov M.V., Perfilova T.B. Konceptual'no-metodologicheskie osnovaniya vtorogo ehtapa tvorchestva F.I. Buslaeva // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – № 6. – S. 268–275; Novikov M.V., Perfilova T.B. Konceptiya vseobshchih zakonov razvitiya kul'tury F.I. Buslaeva // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2018. – № 1. – S. 148–155; Novikov M.V., Perfilova T.B. F.I. Buslaev ob universal'nyh mental'nyh reakciyah pervobytnogo chelovechestva // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 1. – S. 177–184.

7. Pypin A. Novejshie issledovaniya russkoj narodnosti // Vestnik Evropy: zhurnal istorii, politiki, literatury. – 1883. – Kn. 10 (oktyabr'). – S. 695–742.

8. Savchenko S.V. Russkaya narodnaya skazka (teoriya sobiraniya i izucheniya). – Kiev: Tip. Imperat. un-ta Sv. Vladimira, 1914. – 543 s.

9. Sokolov YU.M. Russkij fol'klor. – М.: Gos. uchebno-pedagogich. izd-vo Narkomprosа RSFSR, 1941. – 559 s.

Едошина Ирина Анатольевна
 доктор культурологии, профессор
 Костромской государственной университет
 tettixgreek@yandex.ru

КУЛЬТУРФИЛОСОФИЯ РУССКОГО АПОКАЛИПСИСА: ФЕДОР БУСЛАЕВ И ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ

В статье художественный текст Василия Розанова «Апокалипсис нашего времени» рассматривается в аспекте культурфилософии (термин А.Х. Мюллера), что предполагает единство сущности и значения какого-либо феномена бытия, в данном случае – литературного произведения. Автором устанавливается воздействие личности и трудов Федора Буслаева на Розанова в целом, а также, в частности, – на некоторые художественные особенности в «Апокалипсисе нашего времени». Выявляются существенные стороны в исследовании Буслаевым русских лицевых Апокалипсисов, отмечается образный язык исследования, который адекватно отражает художественную сторону изображений. Подчеркивается значимая роль Императорского Московского университета, с одной стороны, в формировании личности студентов, а с другой – в итогах этого формирования: появление революционно настроенных людей. Отмечается резкая критика Розановым существа христианства в его российском усвоении: идеология подменила религию.

Ключевые слова: культурфилософия, Апокалипсис, лицевое изображение, художественный текст, университет, драматизм русской истории.

Двухсотлетию со дня рождения выдающегося русского филолога и искусствоведа Федора Ивановича Буслаева посвящается

Начну ab ovo – с культурфилософии. Этот термин зачастую понимают как синоним философии культуры, что в корне неверно. Напомню, автором термина Kulturphilosophie (в русском фактически калька с немецкого слова) был Адам Хайнрих Мюллер (Müller Adam Heinrich, 1779–1829), яркий представитель немецкого романтизма по разряду критиков, общественных деятелей и мыслителей. Он категорически не принимал революционного переустройства мира, критиковал сугубый практицизм экономических воззрений Смита, утверждая этический элемент в экономике, стремился согласовать науку и искусство, указывая на глубинную связь всего со всем («Geschichte der poetischen Literatur Deutschlands», 1812). Один из ярких образов в его размышлениях – отражение земли в облаках, а неба – в морях и реках. В этом контексте культурфилософия апеллирует к *единству сущности и значения* феноменов бытия, что позднее блестяще исследовал Ханс Фрейер (Freyer Hans, 1887–1969) в работе «Теория объективного духа. Введение в культурфилософию» (1923), где объективный дух сначала рассматривается в понятиях (бытие, процесс, система), а затем в конкретных земных формах воплощения, ибо земля, по автору, есть сцена жизни. Плоскость, в которой разворачивается постановка вопроса, это «структурная взаимосвязь человеческой культуры», теория культурного мира [17, с. 30]. Попутно замечу, что Фрейер обратился к культурфилософии вслед за В. Виндельбантом и Г. Риккертом, придавшим этому термину актуальность.

Тема «Апокалипсиса в русской литературе» представлена в обширной библиографии Е.А. Есе-

виной и А.Л. Топоркова [7], которая (в именном отношении) много шире обозначенного в названии времени – начало XX века. Обращение к «Апокалипсису нашего времени» Розанова представлено здесь давними статьями Е. Курганова (1997), С.М. Усманова (2004) и книгой Н.Ф. Болдырева «Семя Озириса, или Василий Розанов как ветхозаветный пророк» (2001). В связи с указанием в библиографии книги Болдырева странным представляется отсутствие биографий Розанова, написанных А.Н. Николюкиным (2001) и В.А. Фатеевым (2002, доп. переизд. 2013), где, естественно, есть страницы, посвященные «Апокалипсису нашего времени». В диссертации на соискание кандидата филологических наук О.В. Кузнецовой «Творчество В.В. Розанова 1910-х годов: “Уединенное” и “Апокалипсис нашего времени”» (Саратов, 2007) рассматриваются художественные особенности «Апокалипсиса нашего времени», которые в итоге определяются как «книга-завещание» в традициях понимания «книги» в литературном процессе начала XX в. От «Краткой повести об Антихристе» В.С. Соловьева и «Апокалипсиса нашего времени» протягивает нити к рубежу XX–XXI вв. Т.В. Рыжков в диссертации, посвященной эсхатологическим сюжетам в русской прозе (Армавир, 2006). В целом обращений к «Апокалипсису нашего времени» в филологических диссертациях, так или иначе связанных с творчеством Розанова, довольно много. Но эти обращения носят сугубо частный (функционально-упоминательный) характер. Столь скромный список свидетельствует, одна из финальных работ Розанова «Апокалипсис нашего времени» все еще не стала темой специально изучения.

Теперь об исследовании монументального труда Ф.И. Буслаева о русском лицевом Апокалипсисе. В свое время вышли две рецензии на эту книгу: Н.П. Кондакова (1844–1925) и Н.В. Покровского (1848–1917). Эти рецензии различались между собой весьма значительно, хотя оба автора – прямые ученики Буслаева. Но Кондаков был человеком, настроенным в отношении к вере скептически (мягко говоря), хотя и был первым браком женат на дочери священника Петра Гилярова. Для Кондакова главное в изображении на церковную тематику – самое изображение как явление искусства (вне духовного содержания) [8]. Иное – Покровский, выходец из семьи священника, получивший духовное образование сначала в Костромском духовном училище, затем в Костромской духовной семинарии и, наконец, в Санкт-Петербургской духовной академии. Он подчеркивает тесную связь изображения с преданием [9]. Однако никто из них не стал продолжателем изучения лицевых Апокалипсисов, иное влекло их – иконопись, хотя и по-разному понимаемая. Буслаеву оставалось только с горечью попытаться: «В предисловии к своему исследованию русского лицевого Апокалипсиса я выразил надежду на новые открытия по этому предмету, в ожидании дополнений к моей книге, а также исправления вкравшихся в нее погрешностей. С тех пор прошло шесть лет в напрасных ожиданиях» [3, с. 1]. Недавно вышла книга Г.П. Чиняковой «Древняя Русь и Запад. Русский лицевой Апокалипсис XVI–XVII веков. Миниатюра, гравюра, икона, стенопись» (2017). Это обширное исследование, в котором представлено более широкое, нежели у Буслаева, понимание художественных форм лицевого Апокалипсиса. У Буслаева речь идет только о миниатюре. Завершает издание помещенная в виде приложения статья-рецензия Н.П. Кондакова на исследование Ф.И. Буслаева о русском лицевом Апокалипсисе, что свидетельствует о вполне светском подходе к пониманию изображений. Кондаков и Покровский в данном случае есть пример *происхождения из одного источника принципиально разных идеологов*. Этот аспект является актуальным для понимания Розановым Апокалипсиса русской культуры. Вот почему рассматриваются две работы: обширное исследование Ф.И. Буслаева «Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений по русским рукописям с XVI века по XIX» (1884) и «Апокалипсис нашего времени» (1918) В.В. Розанова. Хотя причина эта не единственная, есть еще важное сходство: это последние крупные произведения, написанные в конце творческого пути.

Василий Розанов, как известно, писатель оригинальный, но у всякой оригинальности есть свои истоки. Были таковые и у Розанова, к сожалению, практически не выявленные, а потому неисследованные. Между тем, именно истоки являются основанием для развития всякой оригинальности:

мысль либо отталкивается от того, что было до нее, либо по-своему развивает. Иного пути нет.

Присущее Розанову от природы чувственно-органическое восприятие мира, пройдя через гимназическое увлечение модными «идеями», нашло в Императорском Московском университете ту самую почву, которая стала питательной для развития его дарования.

Розанову повезло: застал расцвет московской блистательной профессуры в области филологии, «царство наук», «золотые головы» (по Розанову). Н.С. Тихонравов (1832–1893) и Ф.И. Буслаев (1818–1897) читали историю русского языка и литературы; первый, между прочим, был ректором, публикатором древних текстов и исследователем отреченной литературы, а не менеджером, как нынче; Буслаев – основоположник русской мифологической школы, автор сравнительно-исторического метода в изучении русского церковного искусства. А.Н. Веселовский (1838–1906), блестящий знаток итальянской и русской литературы, активно использовал сравнительно-исторический подход в изучении поэтики текстов. Н.И. Стороженко (1836–1906), первый в России «шекспиролог», читал курс истории всеобщей литературы. Ф.Ф. Фортунатов (1848–1914), основоположник формальной школы, читал курс сравнительной грамматики индоевропейских языков. В.И. Герье (1837–1919), организатор и директор Московских высших женских курсов, и П.Г. Виноградов (1854–1925) читали всеобщую историю; Виноградов был (наряду с умершим Грановским) основоположником русской медиавистики. В.О. Ключевский (1841–1911) блестяще, с нескрываемым личностным отношением читал курс русской истории. И.В. Цветаев (1847–1913), специалист в области эпиграфики, Тацита, в будущем основатель Музея изящных искусств, и Ф.Е. Корш (1843–1915), знавший латинский, греческий, французский, немецкий, итальянский, английский, санскритский, арабский, персидский языки, читали историю античного мира. Каждый из них составил целую эпоху в истории русской культуры. Потому Розанов писал: «Святые имена Буслаева и Тихонравова я чту. Но это не шаблон профессора, а “свое я”. Уважаю Герье и Стороженка, Ф.Е. Корша. Какие-то обшмыганные мундиры. Забавен был “П.Г. Виноградов”, ходивший в черном фраке и в цилиндре, точно на бал, где центральной люстрой был он сам. “Потому что его уже приглашали в Оксфорд”» [10, с. 185].

Но даже в этом соцветии Буслаев выделялся, являя уникальный случай соединения в равной степени глубокого исследователя языка и изобразительного искусства. Им написаны труды, по сей день не утратившие своей значимости для этих областей знания: «Опыт исторической грамматики» (1858), «Историческая хрестоматия церков-

но-славянского и древнерусского языков» (1861; включено значительное количество текстов, впервые опубликованных и прокомментированных Буслаевым), «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (в 2 т., 1861), «Общие понятия о русской иконописи» (1866) и др.

Все названные профессора, за исключением И.В. Цветаева, получившего высшее образование в Петербурге, в свое время окончили Императорский Московский университет, все учились у Ф.И. Буслаева, тоже выпускника этого университета. При несомненной разнице между собой в занятиях и воззрениях всем был присущ самый живой интерес к русской культуре, которую они с разных сторон вписывали в общекультурный европейский и мировой контекст. Полагаю, что это также в немалой степени шло от Буслаева. Но не только знаниями и уж тем более не возрастом выделялся он среди своих бывших учеников, а как преподаватель.

Сохранились воспоминания о Буслаеве-преподавателе его учеников, среди них – известного В.О. Ключевского и не очень известного курского краеведа Анатолия Алексеевича Танкова (1856–1930). Танков учился в университете в одно время с Розановым, они одного года рождения и могли быть сокурсниками. Но Розанов задержался на два года с обучением в гимназии, поэтому Танков получил образование раньше. Тем не менее два года они учились в одно время с разницей, соответственно, в два курса. Оба слушали лекции Буслаева.

«Воспоминания о Буслаеве» (1897), написанные Танковым в связи с кончиной профессора, отличаются искренностью восприятия: «Такие великие ученые, каков Ф.И. Буслаев, нарождаются редко»; «стоило только один раз в жизни видеть Буслаева, чтобы потом его образ запечатлелся в душе навсегда» [16, с. 513, 516]. Его восхищает представительная наружность профессора, но главное – поэтическое чувство звучащего слова в сочетании с глубиной мысли, заставлявшие студентов умственно работать и эмоционально переживать вместе с Буслаевым, отсюда определение – жрец науки. Такого Буслаева застал Розанов, позднее в статьях он всегда отзывался о Буслаеве только в высшей степени хорошо, потому вполне мог повторить вслед за героем «Уединенного»: «Мой идеал... Буслаев в спокойной разумности и высокой человечности», «с его вечерним тихим закатом» [10, с. 173, 67]. Между тем, «закат» жизни Буслаева был весьма драматичным. Незадолго до смерти он лишился зрения, чему в немалой степени поспособствовала его работа над русским лицевым Апокалипсисом: атлас *in folio* содержит 308 таблиц с 400 рисунками, которые перерисовывались художником из рукописных книг под непосредственным наблюдением (читай: вглядыванием, сравнением) Буслаева в его квартире в течение пяти лет. После утраты зрения у Буслаева

развилась скоропалительная форма рака, он умер медленно и тяжело.

Начало изучения Буслаевым рукописей лицевых Апокалипсисов – 1878 г. – совпадает с поступлением Розанова в университет. Завершится работа Буслаева в 1884 г. выходом в свет его работы по изучению рукописных памятников. В 1885 г. в Брянске учитель Розанов поставит «точку» на конце огромной рукописи» [11, с. 261] под названием «О понимании» (1886). Но задумывалось-то многое еще в университетские годы, когда среди прочего слушал лекции Буслаева. В книге «О понимании» легко обнаруживаются следы этого влияния: «Художественно понятое историк должен... и художественно передать. Это значит, найденное в памятниках, и ничего не меняя в них, он должен так воссоздать в слове, чтобы у читающего возникло в воображении не то одно, что есть в памятниках, но и то все, что понял в них историк, хотя об этом он прямо и не говорит. И это требует не меньшего дарования, чем какого требует само понимание. ...Художественность есть внутреннее, и притом она не качество только, но самая сущность изложения. Достигается она при помощи языка» [12, с. 604-605]. Именно так, художественно, читал лекции Буслаев, погружая своих слушателей в мир понятий им событий и явлений.

Подобный подход Розанов вполне усвоил и развил. Приведу пример из «Апокалипсиса нашего времени»:

ХРЯЩЕВЫЕ РЫБЫ

Хрящевые рыбы вкуснее, чем костистые. Осетр. Стерлядь. Притом – это самая древняя на земле порода рыб. Так что «в начале бе слово» Бог создал только одних хрящевых, костистых же он вовсе не создавал.

Истаяние костистых в хрящевые... это «retour» судьбы и истории, - и есть декаденство.

В стихе вдруг появилась нежность. Не Некрасов, а Бальмонт; не Писарев, а Андрей Белый. Появился Блок.

Еще что же? Религия. «Были только мы сотворены Богом». Писарев Богом сотворен не был.

Музыка. Звон. Другие напевы [13, с. 146].

Как личность Розанов сформировался в дореволюционной России, где научные знания и религия сосуществовали, что отражает приводимый эпизод. Хрящевые рыбы древнее (даже с позиций эволюционного развития), потому отличаются от костных всем: и строением (хрящи у одних, кости у других), и способом дыхания (костные вдыхают/выдыхают с помощью жабр, хрящевые через жабры только выдыхают), и воспроизведением (икрометание у костных, живорождение у хрящевых), и способом пребывания в воде (плавательный пузырь у костных, его отсутствие у хрящевых). Эти сведения Розанов пропускает, обращая внимание на вкусовую разницу между видами рыб, буквально следуя библейскому тексту в Бытии. «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода», ска-

зав первым людям, «вам *sue* будет в пищу» [Быт. 1: 21, 29]. Отсюда следует закономерное обращение Розанова к началу Бытия, когда мир творился Словом, и в ряду творений – хрящевые рыбы как его прямое порождение. В этом контексте «костистые» рыбы есть отклонение от сотворенного Богом, потому вполне логично утверждение Розанова, что всякое движение в обратном направлении – благо, ибо свидетельствует о возвращении к собственной органике. Эта органика, как заметил Н.Я. Данилевский, заключается в постоянстве природных форм: «Лошадь от самого своего рождения до смерти, хотя и называется в молодости жеребенком, все-таки остается лошадью, пшеница – пшеницей, дуб – дубом; ... и рождается от них все же таки лошадь, пшеница, дуб... в какие бы страны мы их ни перевозили и каким бы условиям ни подвергали, если только они при них вообще могут существовать, то все же остаются лошадью, пшеницей и дубом» [5, с. 83–84].

Следом Данилевский добавляет: «Но видимость бывает обманчива». Вот такого рода обманчивой видимостью у Розанова оказываются Некрасов и Писарев, они суть олицетворение определенных идеологем времени, разрушительные следствия которых с горечью фиксирует Розанов. Потому Писарев вообще не сотворен Богом, а Некрасов – «плутяга» [13, с. 60]. Попутно замечу, что Писарев получил высшее образование в Петербургском университете, а Некрасов не смог окончить ни гимназии, ни Петербургского университета. Апокалиптическое время уточняет взгляды Розанова, правда, не на Писарева с Некрасовым, а на декадентов. Причем взгляды эти являются в определенной динамике: от декадентов, пишущих «бяку» (в лице Д. Мережковского и странным образом похожего на него Николая II) [13, с. 125], к декадентству К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, в творчестве которых стихи наполняются нежностью, олицетворяя «истаяние костистых в хрящевые», то есть возвращение к своим истокам. Пусть даже еще только в эмбриональном состоянии в отличие от религии с ее музыкой, звонами, иными напевами.

В анализируемом эпизоде основой художественности является фактология: Розанов обращается к событиям из Библии и своего времени из области научной и литературной. В выборе и сопряжении этих областей проявляется «я» писателя, «лирическое начало» его повествования как неявная форма мерцающих смыслов, сумма которых раскрывает «сущность изложения». Эта сущность не дается напрямую, бытийствуя *над* текстом, *внутри* текста и в *восприятии* читателя, хотя акценты расставлены Розановым вполне явственно. Художественность как внутреннее качество слова было услышано и усвоено Розановым на лекциях Буслаева. В свою очередь, время этих лекций ознаменовано напряженным интересом Буслаева к русским

лицевым Апокалипсисам, которые он начинает активно собирать и изучать. В итоге он оставит кафедру, чтобы полностью погрузиться в интересующую его тему.

Есть и еще одно обстоятельство, оказавшее сильное воздействие на Розанова со стороны лекций Буслаева. Это разработанный профессором сравнительно-исторический метод, который позволял увидеть глубинные связи между древними и новыми культурами, между язычеством и христианством, а также между искусством, литературой и фольклором. Напомню, в одно время с «Апокалипсисом нашего времени» Розанов продолжал работать над «Возрождающимся Египтом», где, в частности, утверждал, что «мир видимый и невидимый, феноменальный и трансцендентный, и в центре его как зиждитель – Бог» есть «альфа древней веры, которая без всякой перемены вошла в первый член нашего Символа» [14, с. 13], то есть Символа веры. Да и в самом «Апокалипсисе нашего времени» легко обнаруживаются следы древнейших воззрений, в частности в символе Солнца, от которого «вся жизнь» [13, с. 31].

Сравнительно-исторический метод был использован Буслаевым в анализе художественной стороны русских лицевых Апокалипсисов. Напомню, лицевой Апокалипсис содержит цветные рисунки, которыми открывается или завершается глава. Буслаев специально подчеркивает художественное единство русских и византийских лицевых Апокалипсисов, видя в них исторические формы христианского искусства. В силу того, что памятников византийской иконографии сохранилось недостаточно, Буслаев вынужденно обращался к латинским рукописям Каролингской эпохи, обнаруживая в них источник скульптурного характера русских миниатюр («огрубелый античный стиль»). В результате в лицевых Апокалипсисах античное оказывается смешанным с византийским. По мысли Буслаева, многое в этом процессе зависело от первоисточника, с которого делалась рукописная копия и раскрашивалась рисунками. Да и сам русский лицевой Апокалипсис был не только частью Нового Завета, а включал еще Толковый Апокалипсис, куда входили: «Хождение Иоанна Богослова» (литературное произведение, написанное его спутником и учеником Прохором, апокрифика), «Слово Палладия Мниха о втором пришествии» (обязательное для келейного чтения древнерусского книжника), «Зерцало Великое или от Патерика скитского. О славе небесной и радости святых и праведных» (апокрифическая повесть), «Житие Андрея Юродивого» (персонаж литературный, агиографический), «Житие Василия Нового» (обладал даром прозрения, обличал грешников, обращая их на путь покаяния, предсказывал грядущие события), «Пророчество Даниила» (библейский канон Ветхого Завета, через образ огненной реки

с Востока связан со «Словом Паллады»). Кроме того, по наблюдениям Буслаева, тексты Апокалипсиса зачастую сопровождалась сценами из Страшного суда, указывая на их единство в народном сознании [4, с. 189].

Между тем время «искушало» рисовальщиков. Западное искусство открыло для себя новые пути в подражании природе и воспроизведении действительности, что приближало художников к римскому классицизму. Эти открытия не прошли мимо русской культуры. Но отечественные рисовальщики остались верными церковному преданию. Как пишет Буслаев, «это был не застой, не ленивое коснение... а консерватизм, обращенный к прямому непосредственному источнику религиозного вдохновения – к Священному Писанию... Только церковное искусство, в стиле иконографическом, могло во всем подобающем величии воспроизвести таинственные видения Откровения Иоанна Богослова» [2, с. 187]. Ибо главным был не художественный интерес, а «созерцание Священного Писания очами фантазии в высоком подъеме религиозного восторга» [2, с. 189]. И еще одна цитата из работы Буслаева: «Икона предназначена только для молитвы; миниатюру же рассматривали в часы благоговейного досуга» [2, с. 183]. Нескрываемый налет художественности нисколько не мешает существованию мысли, скорее привлекает к ней, делает более явственным ее содержание. Собственно, вот это единство сущности и значения определяет семантику культурфилософии как понятия.

Таким образом, для Буслаева в русском лицеземе Апокалипсиса определяющим (в итоге) оказалось религиозное мирозерцание, которому полностью подчинены художественные задачи. В отличие от иконописца, придерживающегося канона, художник-миниатюрист сам ищет подходящие к тексту образы и подобию, ориентируясь, правда, не на собственное «я», а на отцов Церкви. В иконе главное – изображение, в лицевой рукописи – текст и его толкование. Художник должен перевести словесный текст в изображение, чтобы сделать доступным смысл написанного текста. Поэтому художника лицевого Апокалипсиса можно назвать визуальным комментатором Священного Писания.

Труд Буслаева важен не только наблюдениями над конкретным материалом, но методологически, ибо показывает, насколько художественно богатой была народная среда, из которой выходили умельцы-рисовальщики. Вот эта подпитка народной («туземной», по определению Буслаева) культурой традиций византийского и западного искусства является одним из важнейших открытий Буслаева и напрямую выводит (пусть имплицитно) к проблеме цельного знания, того самого, о котором писал в книге «О понимании» Розанов.

Конечно, «Апокалипсис нашего времени» был написан Розановым в иных обстоятельствах – ка-

тастрофических, в условиях коренного разлома русской культуры, и с иной целью – не как исследование, а как свидетельство. Отсюда – открытая эмоция, перехлестывающая через край, дающая о себе знать в прерывистой художественности текста. Обилие назывных и незаконченных предложений, многоточий словно отражает незавершенность бытия, пребывающего между прошлым, находящимся «в могиле», и настоящим, где «всё по-новому». Такого рода междуупребывание оказывается определяющей характеристикой сознания автора, чья мысль постоянно движется между большим временем истории и малым временем собственной жизни, стремясь выявить причины произошедшего в России катаклизма.

Начинается «Апокалипсис нашего времени» с эпизода под названием «Рассыпанное царство», где звучит признание: «Как и я “всё забыл” в Московском университете» [13, с. 5]. Так «рассыпанное царство» пока только пунктиром связывается с университетом: слова «всё забыл» Розанов заключает в кавычки, используя их метаязыковую функцию, позволяющую акцентировать именно эти слова, а не обозначаемый ими университет. Но важно, что мотив университета появляется с первой страницы «Апокалипсиса нашего времени», свидетельствуя о его пока еще не проясненной значимости.

А где-то в середине, в эпизоде «Из жизни, мечтаний и действительности», он вновь возвращается к теме университета, уже в полной мере раскрывая глубинную связь между университетом и апокалиптическими событиями современной ему России, когда «всё затянуло социал-демократией» [13, с. 232]. Здесь возникает образ *иного* университета, в нем блистают *иные* профессора – не филологии. Нет, прежние профессора (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, Н.И. Стороженко, А.Н. Веселовский, Ф.И. Буслаев, Н.И. Тихонравов) еще «процветают». Но не они оказывают воздействие на молодые умы, а профессора политической экономии и финансового права А.И. Чупров (1842–1908) и И.И. Янжул (1846–1914) со товарищи – М.М. Ковалевским (1851–1916), С.А. Муромцевым (1850–1910), будущим председателем Первой Государственной Думы. «И все они были “плеядою” 80-х гг. Московского университета» [13, с. 254]. В этом определении смысловым ядром является слово «плеяда», отсылающее к реформаторской деятельности во французской литературе XVI в. одноименной группы: участники объединения создавали новый язык в поэзии, перед которым должны склониться грек и римлянин. Не филология, а политическая экономика, финансовое право являлись полем для деятельности «плеяды» нового времени.

Почти незримая смена векторов в образовании внешне не мешала тому, что все «цвели» не только в Москве, но и в Петербурге, например

химический факультет во главе с Д.И. Менделеевым (1834–1907) и Н.И. Зининым (1812–1880). Иными словами, внешне все было прекрасно, все шло своим чередом, но именно внутри этого правильно-прекрасного формировались разрушительные идеи. Например, юный С.Н. Булгаков, сын ливенского протоиерея, становится марксистом и революционером, литератором и журналистом, преданным «теософической музе нашего длиннокудрого философа, тоже, как известно, из семейства поповичей» [13, с. 255]. Здесь важно вот это «тоже», отсылающее к происхождению Булгакова и Соловьева: оба из священнического рода.

У Владимира Соловьева дед по отцу был духовного звания, потому в их семье к вопросам религии не были равнодушны. На специфику этого неравнодушия свет проливает одно воспоминание В.С. Соловьева: «В детстве мной овладело крайнее религиозное возбуждение... я... стал подвергать себя всяким самоистязаниям, отец, человек глубоко религиозный, подарил мне в день именин, вместе с житиями святых, “Олимп”, книгу доктора Петискуса, обильно украшенную изображениями греческих богов и богинь. Эти светлые образы сразу пленили мое воображение, *расширили и смягчили мою религиозность* (курсив В.С. Соловьева. – *И.Е.*)» [цит. по: 15, с. 30]. Уравновешивание житийной литературы греческими мифами придавало житиям налет сказочности, мифичности, что, видимо, должно было уменьшить напряженность религиозного чувства. Сказка, как известно, – ложь.

У Сергея Булгакова мало того, что отец был «провинциальный священник», он сам учился в духовном училище и духовной семинарии, которой не окончил, уйдя в гимназию. Затем поступил в университет – к тем самым профессорам Чупрову и Янжулу, погрузившись на долгие годы в политическую экономию (учеба, написание и защита магистерской диссертации, начало преподавательской деятельности, заграничная командировка). Позднее, оглядываясь на пройденный путь, тесно связанный с университетом (1890–1900), Булгаков подытожит: «Уже почти десять лет в душе моей подорвана была вера, и, после бурных кризисов и сомнений, в ней воцарилась религиозная пустота» [1, с. 351]. Вот такое образование было в России, которое приводило людей к религиозной пустоте, а то и вовсе к атеизму. Императорский Московский университет с его «плеядой» профессоров в области политической экономии играл в этом процессе немаловажную роль. Оно и понятно, если вспомнить, что профессор Чупров сам был из духовенского сословия, получил духовное образование, но священником так и не стал, поступив на юридический факультет Императорского Московского университета. Зато карьера ученого ему вполне удалась, его труды высоко ценили Маркс и Ленин [6, с. 4–5].

Но вернусь к анализируемому эпизоду из «Апокалипсиса нашего времени» Розанова. Этот эпизод завершается весьма знаменательно. «И вот бреду я в Посаде на базар. Творог, яйца, сметана на уме. И по дороге идет белобрысенский попик, и около него трясется студент Духовной академии. И о чем-то интересном говорят. ...И заговорили о Булгакове: что “принимает священство”. – Да. Да. Какая радость. Но знаете: надо бы это тихо, тихо. Почти – украдкой. Революционер, марксист. Всю жизнь искал в медных трубах революции. И – Господь сподобил. Господь сподобил». В ответ на это сообщение Розанов замечает: «Господи, как хорошо, Господи, как хорошо». Он тут же вспоминает, что уже последние книги Булгакова («Свет не вечерний: Созерцания и умозрения», 1917; «Тихие думы. Этика, культура, софиология», 1918), «полные кровных, полные автобиографических дум, говорили тоном своим и какой-то далекой глубинной боли» [13, с. 255–256]. Все, казалось бы, хорошо, все вернулось на круги своя. Почти идиллия, если отвлечься от того, что происходит вокруг.

Однако следом в розановских размышлениях возникает недоверие не к священству Булгакова, нет, – к самой вере. Ведь ранее, при благоприятных условиях, вера не спасла Россию от революций, от нигилизма. Более того, именно религиозная среда в значительной мере порождала революционеров и безверие. Булгаков вернулся в лоно Церкви, а, например, Чернышевский, также происходивший из духовенства, получивший семинарское, а в итоге – светское образование (Петербургский университет), не только не вернулся, но стал заядлым революционером.

В завершение обращусь к названию этого эпизода – «Из жизни, мечтаний и действительности». Три элемента названия определили его содержание: «из жизни» – это реальность, сведенная к мысли о еде, рожденная «мечтаниями», посеянными университетским образованием, ведущим к «религиозной» (читай: душевной) пустоте во имя идеологии, и, как следствие, в «действительности» – катастрофа всей русской истории.

«Апокалипсис нашего времени» – это горькое свидетельство Розанова о том, как «религия любви» в одночасье обернулась «религиею ненависти» [13, с. 379].

Библиографический список

1. Булгаков С.Н., прот. Зовы и встречи // Булгаков С.Н. Дела и дни. Статьи. 1903–1944: Мемуарная и дневниковая проза / сост. О.С. Фигурновой, М.В. Фигурновой. – М.: Собрание, 2008. – С. 351–356.
2. Буславев Ф.И. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й. Т. 1. – М., 1884. – 835 с.
3. Буславев Ф.И. Первое дополнение к Лицевому Апокалипсису // Труды Восьмого Археологи-

ческого съезда в Москве 1890 г. Т. 2. – М., 1895. – С. 1–10.

4. Буслаев Ф.И. Изображение Страшного суда по русским подлинникам // Буслаев Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство / сост., подгот. текста, вступ. статья А.А. Алексеев. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 187–201.

5. Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. – М.: Изд-во «ФИВ», 2015. – 976 с.

6. Дудина Л.А. Экономические взгляды А.И. Чупрова: дис. ... канд. экон. наук. – М., 1998. – 220 с.

7. Есенина Е.А., Топорков А.Л. Апокалипсис в русской литературе первой трети XX в.: Материалы к библиографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernista.moscow/reference_lists (дата обращения: 6.05.2018).

8. Кондаков Н.П. [Рец.] Русский лицевой Апокалипсис: в 2 кн. – М., 1884 // Журнал Министерства народного просвещения. – 1885, июль. – С. 110–147.

9. Покровский Н.В. [Рец.] Русский лицевой Апокалипсис. – СПб., [1884]. – 9 с.

10. Розанов В.В. Уединенное / под ред. А.Н. Николукина. – М.: Политиздат, 1990. – 543 с.

11. Розанов В.В. Хорошо ли знаете, «какого вы духа»? // Розанов В.В. Собрание сочинений: В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николукина. – М.: Республика, 1995. – С. 261–279.

12. Розанов В.В. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ред. и коммент. В.Г. Сукач; вступ. статья В.В. Биbihина. – М.: Танаис, 1995. – 808 с.

13. Розанов В.В. Собрание сочинений: Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А.Н. Николукина. – М.: Республика, 2000. – 429 с.

14. Розанов В.В. Собрание сочинений: Возрождающийся Египет / под общ. ред. А.Н. Николукина. – М.: Республика, 2002. – 322 с.

15. Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция / послесл. П.П. Гайденко; подгот. текста И.Г. Вишневецкого. – М.: Республика, 1997. – 343 с.

16. Танков А.А. Воспоминания о Ф.И. Буслаеве: (приложение) // Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. – М.: Русская книга, 2003. – С. 511–526.

17. Фрейер А.Х. Теория объективного духа. Введение в культурфилософию / пер. с нем. Д.В. Кузница. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 359 с.

References

1. Bulgakov S.N., prot. Zovy i vstrechi // Bulgakov S.N. Dela i dni. Stat'i. 1903 1944: Memuarnaya i dnevnikovaya proza / sost.

O.S. Figurnovoj, M.V. Figurnovoj. – М.: Sобрание, 2008. – С. 351–356.

2. Buslaev F.I. Svod izobrazhenij iz licevyh Apokalipsisov po russkim rukopisyam s XVI-go veka po XIX-j. Т. 1. – М., 1884. – 835 s.

3. Buslaev F.I. Pervoe dopolnenie k Licevomu Apokalipsisu // Trudy Vos'mogo Arheologicheskogo s"ezda v Moskve 1890 g. Т. 2. – М., 1895. – С. 1–10.

4. Buslaev F.I. Izobrazhenie Strashnogo suda po russkim podlinnikam // Buslaev F.I. Drevnerusskaya literatura i pravoslavnoe iskusstvo / sost., podgot. teksta, vstup. stat'ya A.A. Alekseev. – СПб.: RHGI, 2001. – С. 187–201.

5. Danilevskij N.YA. Darvinizm. Kriticheskoe issledovanie. – М.: Izd-vo «FIV», 2015. – 976 s.

6. Dudina L.A. EHkonomicheskie vzglyady A.I. CHuprova: dis. ... kand. ehkon. nauk. – М., 1998. – 220 s.

7. Esenina E.A., Toporkov A.L. Apokalipsis v russkoj literature pervoj treti HKH v.: Materialy k bibliografii [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://modernista.moscow/reference_lists (data obrashcheniya: 6.05.2018).

8. Kondakov N.P. [Rec.] Russkij licevoj Apokalipsis: v 2 kn. – М., 1884 // ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1885, iyul'. – С. 110–147.

9. Pokrovskij N.V. [Rec.] Russkij licevoj Apokalipsis. – СПб., [1884]. – 9 с.

10. Rozanov V.V. Uedinennoe / pod red. A.N. Nikoljukina. – М.: Politizdat, 1990. – 543 s.

11. Rozanov V.V. Horosho li znaete, «kakogo vy duha»? // Rozanov V.V. Sобрание sochinenij: V mire neyasnogo i nereshennogo. Iz vostochnyh motivov / pod obshch. red. A.N. Nikoljukina. – М.: Respublika, 1995. – С. 261–279.

12. Rozanov V.V. O ponimanii: Opyt issledovaniya prirody, granic i vnutrennego stroeniya nauki kak cel'nogo znaniya / red. i komment. V.G. Sukach; vstup. stat'ya V.V. Bibihina. – М.: Tanais, 1995. – 808 s.

13. Rozanov V.V. Sобрание sochinenij: Apokalipsis nashego vremeni / pod obshch. red. A.N. Nikoljukina. – М.: Respublika, 2000. – 429 s.

14. Rozanov V.V. Sобрание sochinenij: Vozrozhdayushchijysya Egipet / pod obshch. red. A.N. Nikoljukina. – М.: Respublika, 2002. – 322 s.

15. Solov'ev S.M. Vladimir Solov'ev: ZHizn' i tvorcheskaya ehvoljuciya / poslesl. P.P. Gajdenko; podgot. teksta I.G. Vishneveckogo. – М.: Respublika, 1997. – 343 s.

16. Tankov A.A. Vospominaniya o F.I. Buslaeve: (prilozhenie) // Buslaev F.I. Moi dosugi. Vospominaniya. Stat'i. Razmyshleniya / sost., primech. T.F. Prokopova. – М.: Russkaya kniga, 2003. – С. 511–526.

17. Frejer A.H. Teoriya ob"ektivnogo duha. Vvedenie v kul'turfilosofiyu / per. s nem. D.V. Kuznicina. – СПб.: Vladimir Dal', 2013. – 359 s.

Власов Александр Станиславович
 кандидат филологических наук
 Костромской государственной университет
 asvlasov74@mail.ru

«...И ДУХ БОЖИЙ НОСИЛСЯ НАД ВОДОЮ» (Символика моря в повести А.П. Чехова «Дуэль»)

В статье анализируется лейтмотив моря в повести А.П. Чехова «Дуэль», раскрывается символический подтекст ряда «морских» образов и ассоциаций. Начальный эпизод I главы повести инициирует тему роковой/спасительной случайности, которой суждено стать едва ли не самой важной в «Дуэли». Разборы заключительного эпизода XVI главы, где море упоминается в связи с начинающейся грозой, и морских ассоциаций в XVII главе проясняют истинный смысл «дуэльной» линии сюжета. Особое внимание уделяется XVIII главе, содержащей чрезвычайно значимую в общем контексте ветхозаветную аллюзию, сопряжённую с образом моря. Автор приходит к выводу, что море в «Дуэли» – это одухотворённая природная стихия, воплощение естественности, символ той безусловной правды, с которой соотносятся поступки, слова и мысли персонажей повести.

Ключевые слова: А.П. Чехов, повесть «Дуэль», тема природы, символика моря, лейтмотив, образ, инвариант.

Природа для рассказов г-на Чехова – ...грандиозная мелодия, в которой звуки человеческих голосов то выделяются, то исчезают, как отдельные аккорды.

Д.С. Мережковский [3, с. 57]

К теме природы в чеховских рассказах и повестях критики и литературоведы обращались не раз. Сказанное ими можно подытожить концептуальным тезисом, сформулированным И.Н. Сухих: «Природа для Чехова – некая самостоятельная стихия, существующая по своим особым законам красоты, гармонии, свободы. Она... содержит в себе печать закономерности, высшей целесообразности, естественности и простоты, часто отсутствующей в человеческих отношениях. К ней нужно не “возвращаться”, а подниматься, приобщаться, постигая её законы» [7, с. 160].

В повести «Дуэль» (1891), которая и станет предметом нашего разбора, тема природы претворяется в лейтмотиве *моря*, обретающем символическое значение.

Прежде чем говорить о какой бы то ни было символике в «Дуэли», нужно вспомнить, что в этой повести, как и в некоторых других произведениях Чехова, практически нет стилистически маркированных языковых образов (тропов) как таковых, но вместе с тем присутствует то, что можно назвать суггестивной символикой. Символизация у Чехова – сложный процесс аккумуляции смыслов, их интерференции, синергии, результатом которого становится повышение значимости определённых реалий изображаемой действительности, предметно-«вещных» или «природных». Обретая семантический вес, эти реалии начинают подспудно (суггестивно) воздействовать на читательское восприятие как отдельных эпизодов и сцен, так и повести в целом. Попытаемся доказать это, проследив один из векторов символизации на примере «морской» линии, представленной целым рядом образов, на первый взгляд различных, но по своей глубинной, смысловой сути инвариантных.

«Читая “Дуэль”, – заметил Д. Рейфилд, – трудно представить себе, что автор недавно побывал на Сахалине, – место её действия напоминает Батум или Сухум и скорее заставляет вспомнить о поездке Чехова на Кавказ в 1888 году...» Сахалинские впечатления «если и нашли отражение в повести, то лишь в ряде незначительных деталей» [5]. Но философия природы, конституирующая образно-символический план произведения, окончательно сформировалась именно во время пребывания Чехова на Сахалине. Основные герои повести – служащий министерства финансов Иван Лаевский и зоолог Николай фон Корен – антагонисты: первый считает себя (и отчасти является) выразителем либерально-интеллигентского мировоззрения, второй с энтузиазмом проповедует естественно-научный позитивизм. Впрочем, «идеология» фон Корена в рамки позитивизма укладывается не вполне. Культ «силы», презрение к «слабым» – эти крайности, в утверждении и отстаивании которых зоолог проявляет столько пафоса (а зачастую и не поддающегося объяснению упрямства), ассоциируются уже с социалдарвинизмом – теорией, в сущности, антипозитивистской, базирующейся на иррациональных, недоказуемых предпосылках, главной из которых является тезис о том, что действие жёстких законов «естественного отбора», регламентирующих жизнь в дикой природе, распространяется и на человеческое общество. Но первопричина приводящего к дуэли конфликта героев заключается отнюдь не в идеологическом антагонизме (либерализм и позитивизм, конечно же, не антагонистичны, с большим основанием можно говорить о противоположности «гуманитарного» и «естественно-научного» типов мышления, присущих

Лаевскому и фон Корену), а в *личностном противоборстве*, сначала подспудном, затем открытом.

В художественном мире Чехова всякая отвлечённая, «общая» *идея* исследуется на предмет соответствия реальной жизненной позиции, занимаемой героем; и каждый раз выясняется, что ни одна система взглядов – идеологическая или философская – «не может служить конкретным жизненным ориентиром, абсолютной “нормой”, на которую может без раздумий опереться каждый человек в своём духовном поиске. Жизнь оказывается “мудрее” и сложнее любой из таких объясняющих систем» [7, с. 157]. По мнению Чехова, все *идеи* и *мнения* – в силу особенностей мышления человека и заведомо ограниченной «вместимости» его сознания – преходящи. Выразители их не имеют права ни претендовать на абсолютную правоту, ни судить других: делая это, они невольно начинают культивировать собственные несовершенства и пороки, чем умножают количество зла в мире, и без того несовершенном. «Все мудрецы деспотичны, как генералы, и невежливы и неделикатны, как генералы, потому что уверены в собственной безнаказанности», – шутил Чехов в письме к А.С. Суворину от 8 сентября 1891 года [10, т. 11, с. 522]. Это в полной мере можно отнести к Лаевскому и фон Корену: оба персонажа в равной степени не осознают, что они говорят и какова *истинная* цена их словам, идеям, поступкам.

Ограниченности человеческого мировосприятия Чехов противопоставляет гармоническую многомерность жизни и естественность, присущую природе. «Повесть начинается и заканчивается сценами у моря, и слова героев заглушает шум волн» [5]. Море неизменно (порой незримо) присутствует почти во всех главах «Дуэли». Оно сопровождает героев и, кажется, становится уже частью почти не замечаемого ими пейзажного и шумового фона, созвучного их мыслям и настроениям. Первичная, сугубо природная семантика данного лейтмотива не столь существенна; гораздо важнее семантика образная: наряду с другими семами в неё входят, если воспользоваться дефинициями В.Н. Топорова, «“морское” как некая стихия» и сам «принцип этой стихии, присутствующий и в море, и вне его, прежде всего в человеке» [8, с. 578]. Очень интересен в этом отношении начальный эпизод I главы – разговор Лаевского и Самойленко во время купания: «– Ответь мне, Александр Давыдыч, на один вопрос, – начал Лаевский, когда оба они, он и Самойленко, вошли в воду по самые плечи. – Положим, ты полюбил женщину и сошёлся с ней; прожил ты с нею, положим, больше двух лет и потом, как это случается, разлюбил и стал чувствовать, что она для тебя чужая. Как бы ты поступил в таком случае? <...>

– Что ж? Единовременно пятьсот в зубы или двадцать пять помесечно – и никаких. Очень просто.

– Допустим, что у тебя есть и пятьсот, и двадцать пять помесечно, но женщина, о которой я говорю, интеллигентна и горда. Неужели ты решился бы предложить ей деньги? И в какой форме?

Самойленко хотел что-то ответить, но в это время большая волна накрыла их обоих, потом ударила о берег и с шумом покатила назад по мелким камням. Приятели вышли на берег и стали одеваться.

– Конечно, мудроно жить с женщиной, если не любишь, – сказал Самойленко, вытрясая из сапога песок. – Но надо, Ваня, рассуждать по человечности. Доведись до меня, то я бы и виду ей не показал, что разлюбил, а жил бы с ней до самой смерти» [10, т. 6, с. 373]. А.П. Чудаков, проанализировавший данный фрагмент, пришёл к выводу: такие «детали обстановки», как *большая волна* (которая «накрыла» героев, «потом ударила о берег и с шумом покатила назад по мелким камням»), или *песок* (который доктор «вытрясает» из сапога), «по отношению к содержанию разговора нейтральны, ему “не нужны”. Они не усиливают и даже не уточняют реплик, но их *сопровождают*» (курсив А. П. Чудакова) [11, с. 161]. Однако так ли уж нейтральны эти «аксессуары внешнего мира» в *сюжетном* отношении? Почему автор (а именно авторскими интенциями пронизывается повествование в I главе) акцентирует на них внимание?

Песок, действительно, деталь более или менее «нейтральная». Семантику *большой волны* можно обозначить при помощи дефиниции «случайность, влияющая на дальнейшее развитие событий» или «неслучайная случайность». По верному наблюдению М. Фрайзе, «случайностные элементы» в произведениях Чехова нередко «превращаются в корни осмысления мира» [9, с. 50]. Волна прерывает диалог героев; возникшая пауза, возможно, удерживает Самойленко от чересчур поспешного ответа на вопрос Лаевского («Неужели ты решился бы предложить ей деньги? И в какой форме?») и даёт ему шанс, которым он воспользуется. Поняв душевное состояние собеседника, доктор отказывается от напускной брутальности и, возобновляя прерванный диалог, меняет тон («...надо, Ваня, рассуждать по человечности»; ср. с предыдущей репликой: «Единовременно пятьсот в зубы или двадцать пять помесечно – и никаких. Очень просто»). Волна маркирует тему роковой/спасительной случайности, иницируя тот лейтмотив повествования, которому суждено стать едва ли не самым важным в «Дуэли». Так, IX глава начинается с того, что Лаевский, мечтающий бросить Надежду Фёдоровну и возвратиться в Петербург, случайно находит в кармане и отдаёт опостылевшей любовнице письмо с известием о смерти её мужа, надеясь отвлечь этим «её внимание в другую сторону» [10, т. 6, с. 414]. В предкульминационной XV главе, придя к Самойленко за деньгами,

он встречает фон Корена и затевает с ним ничего не значащий разговор, оборачивающийся бурным выяснением отношений, взаимными оскорблениями и вызовом на дуэль, который фон Корен с готовностью принимает. Кажется, никто и ничто уже не в силах предотвратить катастрофы: она неизбежна, поскольку жёстко детерминирована всеми предыдущими звеньями этой цепи роковых (не)случайностей. Но за несколько часов до дуэли – по сути, также случайно – Лаевский узнаёт об измене и «падении» Надежды Фёдоровны. Он впервые серьёзно задумывается о своей жизни, переживает глубокий нравственный кризис. И этот кризис приобретает (сначала в пределах внутреннего, экзистенциального мира, а затем, по мере проявления, и в сфере «внешней» реальности) гораздо большую событийную значимость, нежели предстоящая дуэль. Но кульминации этот лейтмотив достигает, конечно же, в сцене дуэли, когда тайком наблюдающий за поединком дьякон Победов, крикнув «под руку» фон Корену в момент выстрела, фактически спасает Лаевскому жизнь. Восстанавливается естественный, природный порядок вещей.

Одухотворённую стихию, воплощающуюся в образе моря, трудно назвать «равнодушной природой», как это делает, например, Д. Рейфилд (см.: [5]). По мере нарастания драматизма она начинает более активно «реагировать» на то, что происходит в человеческом мире.

Очень значим в этом отношении заключительный эпизод XVI главы. Море упоминается здесь лишь в связи с начинающейся грозой, но именно связь *грозы* и *моря* проясняет символику данного эпизода и – шире – всей «дуэльной» линии сюжета. Фабульный контекст создаёт коннотации, которые, в свою очередь, частично переопределяют значение реплик дьякона, Самойленко и фон Корена, придавая некоторым словам и словосочетаниям особый смысл: «Внезапно налетел ветер; он поднял на набережной пыль, закружил её вихрем, заревел и заглушил шум моря.

– Шквал! – сказал дьякон. – Надо идти, а то глаза запарошило.

<...> Позади на море сверкнула молния и на мгновение осветила крыши домов и горы. Около бульвара приятели разошлись. Когда доктор исчез в потёмках и уже стихали его шаги, фон Корен крикнул ему:

– Как бы *погода* не помешала нам завтра!

– Чего доброго! *А дал бы бог!*» (здесь и далее курсив и разрядка в цитатах наши. – А. В.) [10, т. 6, с. 456–457].

Как видим, семантика *грозы* в данном эпизоде двойственна, амбивалентна. Ещё нельзя с уверенностью сказать, каков истинный смысл настойчиво акцентируемых повествователем признаков этого природного явления (порывы ветра, шум, вспышки молний и т. д.), сразу же вступающих в контра-

пункт с «морским» лейтмотивом. Что это – дурное предзнаменование? Или знак того, что сама природа, «угадав» тайное желание Самойленко, намеревается воспрепятствовать дуэли? А может быть, нечто иное, то, что не соотносится по большому счёту ни с воинственным настроением фон Корена, ни с миролюбивыми планами доктора?..

Это проясняется в следующей (XVII) главе, целиком посвящённой описанию преддуэльной ночи, во время которой герой переживает катарсис, повлиявший на всю его дальнейшую жизнь: «Во всех трёх окнах ярко блеснула молния, и вслед за этим раздался оглушительный, раскатистый удар грома, сначала глухой, а потом грохочущий и с треском, и такой сильный, что зазвенели в окнах стекла. Лаевский встал, подошёл к окну и припал лбом к стеклу. На дворе была сильная, красивая гроза. На горизонте молнии белыми лентами непрерывно бросались из туч в море и освещали на далёкое пространство высокие чёрные волны.

<...> Он вспомнил, как в детстве во время грозы он с непокрытой головой выбегал в сад, а за ним гнались две беловолосые девочки с голубыми глазами, и их мочил дождь; они хохотали от восторга, но когда раздавался сильный удар грома, девочки доверчиво прижимались к мальчику, он крестился и спешил читать: “Свят, свят, свят...” О, куда вы ушли, в каком вы море утонули, зачатки прекрасной чистой жизни?..» [10, т. 6, с. 458–459]. Катарсису предшествует внезапное, кратковременное, периодически повторяющееся расширение пространственных границ персонажного (локального) хронотопа, символизирующее размыкание психологического *circulus vitiosus*, – вспышки молний освещают «на далёкое пространство высокие чёрные волны» (ранее Лаевскому казалось, что «море и горы» замыкают его «со всех сторон» [10, т. 6, с. 383]). Если же рассматривать временной аспект хронотопа, то и здесь происходит очень важное изменение: бесконечно длящееся настоящее (в круговорот которого вовлекаются одни и те же привычные, давно опостылевшие реалии быта, мысли, чувства) воссоединяется с прошлым, а значит, время перестаёт быть циклическим. Интересно, что контекстуальной метафорой существования, движимого тщеславием, болезненным самолюбием – или, говоря словами Екклезиаста, «суею сует и всяческой суетой», искажающей представления о цели и смысле бытия, – опять-таки становится *море*: «...в каком вы *море* утонули, зачатки прекрасной чистой жизни?» Это закономерно: лексемы *море*, *волны* (в составе аллегорических метафор греховной, суетной жизни) встречаются в богослужебных текстах, посвящённых теме покаяния, очищения души. Ср., напр., «Великий покаянный канон преп. Андрея Критского»: «*Волны*, Спасе, прегрешений моих, яко в *мори* Чермнем возвращающесея, покрывша мя внезапно, яко египтя-

ны иногда и тристаты» («Волна моих, Спаситель, прегрешений, вдруг на меня обрушилась, вернувшись, как волны моря Красного, когда погибло в них всё войско фараона») (Песнь 6) [1]).

Но, пожалуй, наиболее интересна в этом плане XVIII глава, героем которой является дьякон Победов. В системе образов повести этот персонаж занимает особое место. Дьякон «плоховато», по его собственным словам, знает свою «богословскую часть», немного наивен и при всём том умен, чрезвычайно проницателен и мудр – той особой мудростью, о которой говорит Христос в Евангелии («...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18: 3)). Дьякон понимает, что в мире фон Корена всё взаимодетерминировано, свобода подменяется вариативностью, неисповедимый промысел Божий – умопостигаемой и почти обожествлённой целесообразностью. В спорах дьякон неизменно терпит поражение: наивные школярские доводы и полусуштливая логическая казуистика не оказывают должного воздействия на зоолога. Однако в момент дуэли Победов оказывается единственным человеком, способным взглянуть на происходящее со стороны (как в прямом, так и в переносном смысле), без предубеждений, сковывающих разум и волю. Дьякон уверен в том, что ему как духовному лицу «совсем неприлично» присутствовать на «зрелище языческом», однако «сильное, беспокойное любопытство», берущее верх над сомнениями, неудержимо влечёт его на место предстоящей дуэли: «Дьякон встал, оделся, взял свою толстую суковатую палку и тихо вышел из дому. Было темно, и дьякон в первые минуты, когда пошёл по улице, не видел даже своей белой палки; на небе не было ни одной звезды, и походило на то, что опять будет дождь. Пахло мокрым песком и морем» [10, т. 6, с. 462]. Здесь шум моря – вновь обособляясь в «остраняющем», переосмысливающим его восприятии дьякона – словно бы вплетается в полифоническую «разноголосицу» чеховской повести: «Выйдя за город, он стал видеть и дорогу, и свою палку; на чёрном небе кое-где показались мутные пятна и скоро выглянула одна звезда и робко заморгала своим одним глазом. Дьякон шёл по высокому каменистому берегу и не видел моря; оно засыпало внизу, и невидимые волны его лениво и тяжело ударялись о берег и точно вздыхали: уф! И как медленно! Ударилась одна волна, дьякон успел сосчитать восемь шагов, тогда ударилась другая, через шесть шагов третья. Так же точно не было ничего видно, и в потёмках слышался ленивый, сонный шум моря, слышалось бесконечно далёкое, невообразимое время, когда бог носился над хаосом» [10, т. 6, с. 462]. Ассоциация с начальными стихами книги Бытия очевидна (ср.: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над во-

дою» (Быт. 1: 2)). Очевидно и то, что ассоциация эта не случайна.

Отсылка к ветхозаветному тексту предвещает и отчасти маркирует дальнейшее развитие суггестивного сюжета.

«За что он (фон Корен. – А. В.) ненавидит Лаевского, а тот его? За что они будут драться на дуэли?» – спрашивает дьякон. И начинает искать ответ на мучающий его вопрос, сопоставляя свою судьбу с судьбой Лаевского и фон Корена: «Если бы они с детства знали такую нужду, как дьякон, если бы они воспитывались в среде невежественных, чёрствых сердцем, алчных до наживы, попрекающих куском хлеба, грубых и неотёсанных в обращении, плюющих на пол и отрывивающих за обедом и во время молитвы, если бы они с детства не были избалованы хорошей обстановкой жизни и избранным кругом людей, то как бы они ухватились друг за друга, как бы охотно прощали взаимно недостатки и ценили бы то, что есть в каждом из них. Ведь даже внешне порядочных людей так мало на свете! Правда, Лаевский шалый, распущенный, странный, но ведь он не украдёт, не плюнет громко на пол, не попрекнёт жену: “лопаешь, а работать не хочешь”, не станет бить ребёнка вожжами или кормить своих слуг вонючей солониной – неужели этого недостаточно, чтобы относиться к нему снисходительно? К тому же, ведь он первый страдает от своих недостатков, как больной от своих ран. Вместо того чтобы от скуки и по какому-то недоразумению искать друг в друге вырождения, вымирания, наследственности и прочего, что мало понятно, не лучше ли им спуститься пониже и направить ненависть и гнев туда, где стоном гудят целые улицы от грубого невежества, алчности, попрёков, нечистоты, ругани, женского визга...» [10, т. 6, с. 464–465].

Море, сквозь шум которого слышится дыхание «бесконечно далёкого, невообразимого времени», возвращающего к началу всего сущего, на первый взгляд, не имеет никакого отношения к дальнейшим вопросам и сугубо «прозаическим» размышлениям дьякона и даже контрастирует с ними. В действительности, однако, образ живого моря и, шире, одухотворённой природы, запечатлевшей в себе Творца и сам момент сотворения мира, начинает существенно, хотя до поры и подспудно, влиять на наше восприятие внутреннего субъективированного монолога Победова, а следовательно, и на восприятие сцены дуэли, а также, по сути, всех тех событий, свидетелем и участником которых является дьякон. Символический смысл этого образа углубляет ещё одна ветхозаветная ассоциация, актуализирующаяся при сопоставлении XVIII главы «Дуэли» с начальными стихами уже процитированной нами книги Бытия. В данном контексте монолог дьякона, остро почувствовавшего, что взаимная вражда порядочных и образованных лю-

дей не делает мир более совершенным, начинает соотноситься с моментом, когда в хаосе безгласной тьмы, небытия было сказано первое Слово, озарившее рождающуюся Вселенную вечным светом разума, божественной гармонии («...и отделил Бог свет от тьмы» (Быт. 1: 3)). Дьякон прозревает в реальной тьме *идеальный* свет. И, пожалуй, именно в этот момент читатели повести начинают в переходящей, сиюминутной лжи, более или менее правдоподобной, различать отзвуки неизбывной, настоящей *правды*.

Значение этой новозаветной аллюзии проявляется в заключительной (XXI) главе повести, где бывшие антагонисты, Лаевский и фон Корен, встречаются, чтобы проститься друг с другом. Говоря о разном, собеседники употребляют одно и то же слово – *правда*. И в данном контексте оно является ключевым: «– Не поминайте меня лихом, Иван Андреич. Забыть прошлого, конечно, нельзя, оно слишком грустно, и я не затем пришёл сюда, чтобы извиняться или уверять, что я не виноват. Я действовал искренно и не изменил своих убеждений с тех пор... Правда, как вижу теперь, к великой моей радости, я ошибся относительно вас, но ведь спотыкаются и на ровной дороге, и такова уж человеческая судьба: если не ошибаешься в главном, то будешь ошибаться в частностях. Никто не знает настоящей правды.

– Да, никто не знает правды... – сказал Лаевский» [10, т. 6, с. 476].

Правда сначала используется как случайное вводное слово в реплике фон Корена («*Правда*, как вижу теперь... я ошибся относительно вас...»), а затем – в конце фразы, сочетаясь с акцентированным определением *настоящей* – становится полисемантическим существительным («Никто не знает *настоящей* правды»). В ответной реплике Лаевский, соглашаясь с фон Кореном, определение «пропускает» – и тоже как бы совершенно случайно. Вследствие этого акцент (логическое ударение) неизбежно переходит на конец предложения, конкретизируя значение всей фразы и одновременно раздвигая смысловые границы до тех пределов, за которыми начинается процесс аккумуляции, синтеза смыслов, приводящий в итоге к возникновению и актуализации важнейшего концепта («Да, никто не знает *правды*...»).

Нетрудно заметить, что ‘настоящая правда’ фон Корена и ‘правда’ Лаевского – это, в сущности, *разные* правды. Фон Корен имеет в виду: (а) правду о Лаевском; (б) правду о мире в целом – её невозможно объять, но стремиться к её постижению нужно, дабы, не ошибаясь «в главном», то есть в истинности, незыблемости собственных представлений о природе и человеческом обществе, по возможности избегать ошибок и «в частностях», то есть в восприятии отдельных фрагментов естественно-научной картины мира. К частностям,

по его мнению, относятся и такие феномены, как личность Лаевского, изменившегося под влиянием обстоятельств. Лаевский же, утверждая, что «никто не знает *правды*», говорит не о верности фактам, не об извечном стремлении постигнуть истинное положение вещей, не об индивидуально-личной *правде-для-себя*, порождаемой зачастую не столько жизненным опытом человека, сколько его ошибками и заблуждениями, и даже не о совокупности всех возможных земных, человеческих правд. Он говорит об *истине* – той всеобъемлющей *правде*, знать которую может только Бог. Не случайно именно *истина*, противопоставляемая *пороку, обману, лжи*, то есть тому, что составляло саму основу прошлой жизни Лаевского, становится центральным, ключевым словом в XVII главе повести, тон которой задаёт пушкинский эпиграф: «...в уме, подавленном тоской, / Теснится тяжких дум избыток; / Воспоминание безмолвно предомной / Свой длинный развивает свиток; / И с отращиванием читая жизнь мою, / Я трепещу и проклиную, / И горько жалуясь, и горько слёзы лью, / Но строк печальных не смываю» [4, с. 102] (подробнее об этом эпиграфе см.: [2; 12, с. 386–393]).

Интересно и чрезвычайно важно то совершенно особое значение, которое последний стих «Воспоминания» («...Но строк печальных не смываю») вне зависимости от изначального смысла, вкладываемого в него Пушкиным, обретает в контексте XVII и следующих за ней заключительных глав «Дуэли». Лаевский переживает душевный кризис, возрождается, воскресает духовно, но «не смывает» печальных строк своей былой жизни, то есть *не забывает* их. Помня о своих непоправимых ошибках, он стремится исправить то, что ещё можно исправить. Отсюда и перемены в поведении Лаевского, которые так удивили фон Корена, не ожидавшего подобного преобразования, внутреннего и внешнего – зоолога удивляет не только брак Лаевского, оформление отношений с Надеждой Фёдоровной, не только его «целодневная работа из-за куска хлеба», но и «какое-то новое выражение» на лице своего бывшего антагониста [10, т. 6, с. 475].

После дуэли, ставшей стержневым событием XVIII главы, жизненные пути героев расходятся – фон Корен отправляется в экспедицию. В XXI главе за сценой прощания и окончательного примирения следует финальный эпизод. Стоя на берегу, Лаевский наблюдает за удаляющейся лодкой: «Лодка бойко обогнула пристань и вышла на простор. Она исчезла в волнах, но тотчас же из глубокой ямы скользнула на высокий холм, так что можно было различить и людей, и даже вёсла. Лодка прошла сажени три, и её отбросило назад сажени на две» [10, т. 6, с. 478]. Аллегорическая семантика, порождаемая этой подробностью, корреспондирует с образом живой одухотворённой стихии, обогащая «морскую» символику новыми значениями.

Подчинившись стихии, сидящие в лодке люди обрекут себя на верную гибель. Чтобы спастись, нужно уметь этой стихии противостоять. *Волны* в данном контексте символизируют внешний мир, обстоятельства, далеко не всегда благоприятствующие человеку, а *вёсла* в руках гребцов – активную целеполагающую деятельность. Жизненный путь обретает смысл лишь в упорном стремлении к истине, «настоящей правде». Далее Чехов закрепляет ассоциативную связь ‘настоящей правды’ и ‘моря’ – искусно «рифмуя» финал повести с её XVIII главой (о которой шла речь выше). Завершается процесс концептуализации, строй речи становится поэтическим: «Да, никто не знает настоящей п р а в д ы...» – думал Лаевский, с тоскою глядя на *беспокойное тёмное море*.

“Лодку бросает назад, – думал он, – делает она два шага вперёд и шаг назад, но гребцы упрямы, машут неумолимо вёслами и не боятся высоких волн. Лодка идёт всё вперёд и вперёд, вот уж её и не видно, а пройдёт с полчаса, и гребцы ясно увидят пароходные огни, а через час будут уже у пароходного трапа. Так и в жизни... В поисках за *правдой* люди делают два шага вперёд, шаг назад. Страдания, ошибки и скука жизни бросают их назад, но жажда *правды* и упрямая воля гонят вперёд и вперёд. И кто знает? Быть может, доплывут до *настоящей правды*...” [10, т. 6, с. 478].

«Дуэль» относится к произведениям, при рассмотрении которых наибольшую значимость приобретает динамический аспект смысла, механизм концептообразования. То, что принято называть основной идеей, не присутствует в произведении а priori, а порождается композиционно-сюжетной динамикой, полифоническим взаимодействием авторских и персонажных интенций. По мере развёртывания сюжета ракурсы читательского восприятия слов и поступков основных героев: Лаевского, Надежды Фёдоровны, фон Корена, дьякона Победова – постепенно изменяются; художественная действительность переходит в иную, более сложную систему координат, хронотопических и ценностно-смысловых. Едва ли не ключевую роль в этом процессе играет символика моря, формируемая целым рядом инвариантных образов. Море в «Дуэли» – это прежде всего одухотворённая природная стихия, воплощение естественности, высшей справедливости, той настоящей, безусловной правды, в свете которой становится очевидно, что правота/неправота каждого из героев сиюминутна, относительна.

Вдумчивому читателю и скрупулёзному исследователю литературы здесь приоткрывается сокровенная тайна словесного искусства (воспринимаемого целостно, вне разделения на прозаическое и поэтическое), которую вряд ли когда-либо удастся постигнуть до конца. Сущностный смысл художественного слова поистине всеохватен: в нём заключено и то, что объединяет две творческие

ипостаси Чехова – *мыслителя* и *лирика*, как охарактеризовал его некогда В.В. Розанов (см.: [6, с. 175–183]).

Библиографический список

1. Великий покаянный канон преп. Андрея Критского [Электронный ресурс] / пер. прот. Виталия Головатенко. – Режим доступа: <http://nativitas.ru/Kanon/> (дата обращения: 14.09.2017).

2. Лобкова Н.А. Под знаком Пушкина (О финале повести А.П. Чехова «Дуэль») // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. статей. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – С. 188–194.

3. Мережковский Д.С. Старый вопрос по поводу нового таланта // А.П. Чехов: pro et contra. – СПб.: РХГА, 2002. – С. 55–79.

4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 3, кн. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

5. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова [Электронный ресурс] / пер. О. Макаровой. – М.: Азбука-Аттикус, 2014 // ЛитРес: сервис электронных книг. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/donald-reyfield/zhizn-antona-chehova-3/>, платный (дата обращения: 26.09.2017).

6. Розанов В.В. Писатель-художник и партия // Розанов В. В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – С. 175–183.

7. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. – 183 с.

8. Топоров В.Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизических основах // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс, 1995. – С. 575–622.

9. Фрайзе М. Событийность в художественной прозе: типология её разновидностей и её отношение к эстетической функции литературы // Событие и событийность: сб. статей. – М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. – С. 37–57. – (Петербургский сборник. Вып. 5).

10. Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1954–1957.

11. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.

12. Эткинд Е.Г. Внутренний человек и внешняя речь: Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 448 с.

References

1. Velikij pokayannyj kanon prep. Andreyia Kritskogo [Elektronnyj resurs] / per. prot. Vitaliya Golovatenko. – Rezhim dostupa: <http://nativitas.ru/Kanon/> (data obrashcheniya: 14.09.2017).

2. Lobkova N.A. Pod znakom Pushkina (O finale povesti A.P. Chekhova «Duehl'») // Duhovno-

nravstvennye osnovy russkoj literatury: sb. nauch. statej. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2009. – S. 188–194.

3. Merezkovskij D.S. Staryj vopros po povodu novogo talanta // A.P. CHEkhov: pro et contra. – SPb.: RHGA, 2002. – S. 55–79.

4. Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 16 t. T. 3, kn. 1.– M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.

5. Rejfeld D. Zhizn' Antona CHEkhova [EHlektronnyj resurs] / per. O. Makarovej. – M.: Azbuka-Attikus, 2014 // LitRes: servis ehlektronnyh knig. – Rezhim dostupa: <https://www.litres.ru/donald-reyfeld/zhizn-antona-chehova-3/>, platnyj (data obrashcheniya: 26.09.2017).

6. Rozanov V.V. Pisatel'-hudozhnik i partiya // Rozanov V. V. Sobr. soch.: O pisatel'stve i pisatelyah. – M.: Respublika, 1995. – S. 175–183.

7. Suhij I.N. Problemy poehtiki A.P. CHEkhova. – L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1987. – 183 s.

8. Toporov V.N. O «poehticheskom» komplekse morya i ego psihofizicheskikh osnovah // Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoehticheskogo: Izbrannoe. – M.: Progress, 1995. – S. 575–622.

9. Frajze M. Sobytijnost' v hudozhestvennoj proze: tipologiya eyo raznovidnostej i eyo otnoshenie k ehsteticheskoj funkcii literatury // Sobytie i sobytijnost': sb. statej. – M.: Izd-vo Kulaginoj–Intrada, 2010. – S. 37–57. – (Peterburgskij sbornik. Vyp. 5).

10. CHEkhov A.P. Sobr. soch.: v 12 t. – M.: GIHL, 1954–1957.

11. CHudakov A.P. Poehtika CHEkhova. Mir CHEkhova: voznikovenie i utverzhdenie. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. – 704 s.

12. EHtkind E.G. Vnutrennij chelovek i vneshnyaya rech': Ocherki psihopoehtiki russkoj literatury XVIII–XIX vv. – M.: SHkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1999. – 448 s.

РЕТРОСПЕКЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОНИМАНИЕ
РОМАНА В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»

Данная статья посвящена актуальной проблеме изучения ретроспекции в художественном произведении. Автор обобщает имеющиеся знания о времени в литературе, обращает внимание на возможные подходы к изучению ретроспекции на примере романа В. Набокова «Машенька», предлагает изучение финала романа сквозь призму ретроспекции с помощью объектно-ориентированного анализа. Важным наблюдением в ходе подобного анализа романа стало определение главных и второстепенных персонажей – ими можно назвать лишь те, которые меняют состояние главного персонажа. Так, выделенные исследователем второстепенные объекты резко отличны от тех, которые могли быть выделены при другом способе изучения обратимости времени в романе.

Предложенный подход будет интересен как литературоведам, так и специалистам в области теории коммуникации.

Ключевые слова: время, ретроспекция, финал, объект, состояние объекта, роман, В. Набоков.

Значительной категорией в романе В. Набокова «Машенька» является время. Эта непрерывная физическая величина является формой существования материи, выражающей длительность бытия. Художественное время строится по своим темпоральным законам, зависящим от замысла автора. Поскольку в нашем исследовании пойдет речь о системе, а любая система, как известно, существует во времени, мы обратимся к феноменологическому времени Э. Гуссерля. Указанное время нельзя измерить каким-либо прибором или геофизическим положением Земли. Оно зависит от внутреннего сознания. Время системы художественного произведения также нельзя измерить каким-либо способом, кроме прочтения произведения. Однако произведение можно читать не один раз, останавливаться на том или ином эпизоде по нескольку раз или перечитать целиком, еще не успев дочитать до конца... Поэтому следует иметь в виду, что время, о котором мы будем говорить, также субъективно.

Современное литературоведение накопило немало информации о художественном времени произведения. В разное время его изучением занимались такие исследователи, как А.А. Потебня, Д.С. Лихачев, М.М. Бахтин, Т.П. Манн, Ю.М. Лотман, П.А. Флоренский, Ж. Женетт и др. Однако даже в XXI веке тема времени остается актуальной, поскольку современные произведения пекутся художественными приемами, связанными с игрой писателя со временем: возвраты в прошлое время и забеги вперед, нарушения линейности повествования и пр.

Одним из наиболее полных определений художественного времени является определение хронотопа, которое ввел М.М. Бахтин, опираясь, в свою очередь, на теорию о неразрывности времени и пространства. Существенным отличием хронотопа в художественном произведении представляется главенствующая для литературы как вида искусства категория времени. Описывая хронотоп в разных жанровых разновидностях, М.М. Бахтин

представил модели сюжетного построения произведений и доказал, что в новых хронотопах разнотипные элементы получают новые функции и начинают восприниматься по-новому.

Близкой нашему пониманию художественного времени в системе художественного произведения является позиция Н.А. Николиной, которая представляет его как единство бесконечного и конечного, причем первое означает выбор конкретного события из имеющегося потока, второе же – фиксацию выбранного события по отношению к читателю [6]. В.Е. Хализев рассматривает время вместе с пространством с двух позиций: как основу сюжета и как обозначение картины мира посредством символа (как правило, в лирических произведениях) [7, с. 247–249].

Теоретической и методологической основой данной статьи послужили теоретические труды М. Бахтина, Ю. Лотмана, теория Г. Буч по объектно-ориентированному анализу и проектированию, идея феноменологического времени Э. Гуссерля, работы по поэтике набоковского романа Г. Барабтарло, В. Александрова, А. Долинина, Б. Аверина, Б. Носика, Б. Бойда, А. Злочевской. Методология данного исследования базируется на теории объектно-ориентированного анализа.

Наш научный интерес направлен на изучение обратимости художественного времени в русскоязычной прозе В. Набокова. Проявлением обратимости художественного времени является ретроспекция – принцип организации ряда тематических жанров (мемуарные и автобиографические произведения, детективный роман). «Машенька» не является ни автобиографическим, ни мемуарным жанром в чистом виде. Частично наследуя модернистские приемы, придавая им огранку, В. Набоков создал произведение, особенное по его темпоральности. Несмотря на многочисленные научные работы, посвященные тому или иному аспекту творчества писателя, остается мало исследованным финал его романов, исходя из чего заявленная тема является актуальной и перспективной.

Целью данной статьи является изучение финала романа В. Набокова «Машенька» сквозь призму ретроспекции. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- изучить особенности ретроспекции художественного произведения;
- обозначить особенности ретроспекции в романе В. Набокова «Машенька», рассмотреть, каким образом ретроспекция влияет на понимание финала.

Ретроспекцией, или ретроспективой, называют обращение к прошлому или использование моментов прошлого в повествовании. В литературоведении термин используется в двух основных значениях: 1) вставной эпизод, задерживающий развязку произведения; 2) прием повествования, особенностью которого является воспоминание или ряд воспоминаний, которые прямо или косвенно влияют на осмысление произведения в целом.

Изучение финала романа имеет несколько возможных подходов. С точки зрения сюжета (последовательность событий в мире произведения), в романе В. Набокова «Машенька» наблюдается нарушение последовательного временного ряда, время становится компонентом психологического бытия человека, а событийный ряд строится на внутреннем переживании на уровне самоощущения главного героя: Ганиным переживается и переосмысливается его любовь к Машеньке и России, по мере самоосознания формируется чувство внутренней целостности героя. Воспоминания представлены непоследовательно, их нарушают моменты реальной жизни.

Эту же мысль с точки зрения психологии можно сформулировать так: ретроспекция романа основана на интроспекции (самонаблюдении), которая становится мерилем действий персонажа. Переосмысливая прошлое и поступки, Ганин как будто постоянно сверяется с определенной нормой, известной ему одному. Только попытка разобраться с тем, что происходит в душе, переосмысление пережитого в эмиграции, попытка объяснить и понять прошлое, действия, поступки, отказ от них, чувства – оценка эмоционального, интеллектуального и физического состояния – помогают герою построить ориентир для будущего. Перцепция получает свое развитие благодаря интроспекции.

По нашему мнению, ретроспекция как способ построения сюжетной линии в русскоязычной прозе В. Набокова сходна с потоком сознания М. Пруста, который, в свою очередь, заимствует идеи длительности из философии А. Бергсона. Вследствие этого мы наблюдаем в романе «Машенька» воспроизведение событий жизни с помощью сцепления ассоциаций, впечатлений, деталей, приёмы инстинктивной памяти и психологического времени. Ганин постоянно рефлексировал, и эта оценка себя как личности подается автором и воспринимается

читателем в русле феноменологического времени (по Э. Гуссерлю). Важно также отметить, что с точки зрения информационного потока перед нами – нарушение целостности линейного потока информации, которая подается получателю фрагментарно (дискретно). Все части получаемой информации связаны между собой, поскольку все они представлены сквозь призму понимания и восприятия Ганина. Согласно законам коммуникации, ориентирующих получателя на итог сообщения, большая часть передаваемой дробной информации романа теряет свою изначальную ценность, поскольку итогом становится отмена Ганиным своего решения встретить Машеньку на вокзале вместо Алферова и уехать вместе с ней строить новую жизнь. Та информация, которая касается детализированных психологических переживаний героя, воскрешение в памяти картин покинутой России в мельчайших подробностях, касающихся даже звуков, цветовой палитры, запахов перестает восприниматься как важная по окончании получения всей информации – ведь важно не это. Важным оказывается факт отмены принятого решения, и получателю информации большего знать и не нужно.

Следует учесть, что каждое слово художественного произведения имеет особый смысл и не может быть проигнорировано. Обнаруживается, что одного коммуникативного подхода к пониманию завершения романа недостаточно. Мы имеем дело с особенностями передачи информации, которые следует принять во внимание получателю. По нашему мнению, дискретность в передаче информации произведения В. Набокова усложнена ретроспекцией, которая существенно меняет понимание его финала. Получатель имеет дело с двумя потоками информации: первый описывает происходящее в настоящее время в Берлине, второе повествует о прошедших событиях в России. Оба эти потока информации передаются получателю частями, попеременно, таким образом, как можно смоделировать на примере экспериментального телефонного общения. Представим себе, что вследствие неполадки связи на одной телефонной линии оказались 4 абонента, разговаривающих каждая пара о своем. Допустим, что эти 4 абонента могут говорить только таким образом: оговоренное количество времени ведут диалог первые 2 человека, затем они вынуждены ждать, пока обменяются несколькими мыслями другие 2 человека за такое же количество времени, чтобы продолжить свою беседу. Чтобы 2 абонента знали, что их сейчас разъединят или что уже следует начать разговор, им подается сигнал. И если бы в этот момент обе пары слушал бы пятый человек, то для него всё сказанное на этой телефонной линии выглядело примерно так: диалог 1 – диалог 2 – диалог 1 – диалог 2... – конец диалога 1 – конец диалога 2. Порционно получает информацию и читатель романа «Машенька»: Бер-

лин настоящего времени повествования – Россия прошлого, Берлин – Россия... – завершение воспоминаний о России – завершение истории, происходящей в Берлине.

Попробуем представить ситуацию иначе, для чего придется несколько усложнить условный эксперимент: представим, что абонентов поставили в такие условия, когда одна пара во время ожидания своей очереди разговора становится вынужденным слушателем ненужного ей чужого разговора; допустим также, что каждую пару попросили совершить общение за установленное, одинаковое для обеих пар время, не больше и никак не меньше. В таком случае вторая пара, слыша, как заканчивается диалог первой пары, поймет, что сейчас их время прощаться, даже если они сами следили за временем. Для них это будет своеобразным сигналом, подсказкой ситуативного поведения. Безусловно, если бы перечисленные в экспериментальном разговоре условия не соблюдались, то любой паре, ведущей телефонный диалог, поведение другой пары ничего бы не подсказало. Если бы, например, все 4 человека разговаривали одновременно, то пятый (случайный слушатель), даже не успев охватить всю информацию дословно, смог бы поверхностно ухватить основную мысль каждой беседы. Воспроизвести услышанное в точности он бы не смог, но смог бы утверждать, что знает две уникальные истории, которые сообщались ему одновременно. Были бы не оценены, проигнорированы детали, нюансы, словесные коды, характерные для каждой социальной группы людей. Пятый получатель информации понял бы только суть, причем не обязательно правильно понял, а так, как он смог в отрыве от контекста и социокода. Таким образом, высока вероятность того, что восприятие двух историй, услышанных одновременно, сильно отличалось бы от понимания их же, но выслушанных отдельно, в особенности их конечный результат. Следовательно, качество связи, одновременность и дискретность, а также ограничение по времени являются важными моментами эксперимента, влияющими на его результат. Следует учесть в эксперименте, что бывают случаи, когда человек, став невольным слушателем чужих мыслей, задумывается о том же, и его беседа меняет своей изначально намеченный ход в пользу услышанного. В случае с нашей моделью телефонного разговора дело может обстоять следующими образами: 1) одна пара начинает говорить о том же, о чем вторая, но, поскольку мысли всех этих людей сходятся, то через какое-то время первая пара возвращается к прежнему разговору; 2) одна пара начинает опровергать мнение по какому-то вопросу второй пары или одного из абонентов этой пары, и между этими 4 людьми возникает полилог-дискуссия.

Для более точного понимания процесса передачи и восприятия информации романа В. Набокова

ва «Машенька» и, как следствие, осмысления его завершения мы воспользуемся принципами объектно-ориентированного анализа. Главным объектом в романе мы считаем Ганина, второстепенными будут являться те объекты, которые влияют на смену состояний Ганина: дом на полотне железной дороги, Алферов, старая фотография Машеньки, по-весеннему дрожащий голос и роспись стекла, старый поэт Подтягин, строящийся дом со сквозной крышей. Остальные персонажи для объектно-ориентированного подхода не имеют ценности, поскольку не делают ничего, что изменило бы состояние главного объекта.

Дом, в котором проживал Ганин в Берлине, представлял из себя русский неприятный пансион, в котором было слышно, как проезжают поезда, отчего всегда казалось, что сам дом куда-то едет. Этот дом, комната с видом на железнодорожное полотно приводили Ганина в нервное состояние: ему хотелось куда-то уехать, изменить настоящее, хотелось перемен именно от того, что не давала покоя манящая неизвестная даль. Когда Ганин покинул пансион навсегда, он почувствовал, что дом становится для него тенью, воспоминанием, и в этом воспоминании остаются воспоминания о Машеньке и России, которые, в свою очередь, были вызваны посредством того, что находилось в доме (фотография Машеньки, образ Алферова, Подтягин и его стихи, о которых писала в письме Лью Машенька), – есть возможность, что рекурсия прошлого замкнется в этом доме.

Песня о Стеньке Разине, услышанная сразу после разрыва с Людмилой, ощущалась как победа прошлого над настоящим, своеобразная революция, происходящая в душе, требующая изменений к лучшему. Рисунок кубических роз на витраже непостижимым образом воскресил прожитое (позже будет понятно, что это цветные витражи парковой беседки над оврагом, где Ганин впервые заговорил с Машенькой). Именно эти детали, на первый взгляд неприметные, стали своеобразной «последней каплей», благодаря которой стало возможно «впустить» в душу воспоминания без берлинских помех.

Фотокарточка Машеньки, показанная Алферовым Ганину, вывела его из оцепенения, в которое он впал и из которого никак не мог вырваться, заставила Ганина ожить, встрепенуться после длительного безделья, почувствовать себя помолодевшим на девять лет после обыкновенного утреннего бритья и, наконец, порвать с Людмилой. В доме Людмилы Ганин слышит доносящийся с улицы дрожащий по-весеннему голос, поющий о Стеньке Разине, видит на площадке витраж – все эти объекты приводят его в состояние свободы. Наконец он стал свободным, хотя раньше у него не было преград для разрыва тягостных отношений с Людмилой, но и не было толчка к этому. Теперь толчок

произошёл. Произошёл и разрыв. Наступило новое состояние героя: он стал готовым вспомнить без преград то, что было в России девять лет назад. Фотография Машеньки породила в Ганине целую смену состояний: он вспомнил старый дом в России, где девять лет назад болел тифом и во время выздоровления вбирал в себя впечатления, которые позже стали собирательным женским образом, который, в свою очередь, воплотился в реальной Машеньке. Сейчас всё, связанное с Машенькой, начиная с самого ожидания её, как ожидают встречи с первой возлюбленной все молодые люди, и заканчивая воспоминанием о дне, когда увидел её в последний раз, обрушилось на героя, но не всё сразу, а постепенно: от ощущения счастья до последнего расставания. Как бог, воскрешающий «этот мир в угоду женщине, которую он ещё не смел в него поместить», Ганин воссоздаёт мир, в котором хотел бы жить. Этот удивительный мир, оставшийся в России и в юности, резко отличается от мира Берлина. Прошлые события Ганин переживает как настоящие. Более того, настоящее воспринимается им как нечто туманное и странное, тогда как прошлое ощущается как настоящее, реальное время, цветное, полное знакомых звуков, запахов, оттенков, милых мелочей. Пропуская незначительные даты и события, никак не связанные с Машенькой, Ганин «прожил» продолжительное время прошлого за короткое настоящее: несколько лет уместилось за 4 дня.

Роман юности стал восприниматься таким, как если бы он был на самом деле. Подтягину Лев сказал, что снова влюблён, не указав, что его возлюбленная – из прошлого, и «новый» роман на самом деле происходит в прошлом времени, а настоящую Машеньку он не видел девять лет.

Всё в Подтягине напоминает Россию, ассоциируется с ней: его инициалы АСП – Антон Сергеевич Подтягин напоминают инициалы великого Александра Сергеевича Пушкина, он по-крестьянски собирает крошки хлеба в рот, его простая логика противопоставлена изощренной математической логике Алферова, его воспоминания связаны с поэзией, хоть он и признался Ганину после визита Куницына, что «своей поэзией охолостил жизнь». Подтягин – словно связующая нить прошлого и настоящего: именно его стихи вспоминал Лев, думая о Машеньке; одновременно со смертью поэта происходит понимание Ганиным невозможности нового начала с новой Машенькой.

В том же сквере, где Ганин начинал своё воспоминание Машеньки, он ждёт её приезда. В момент ожидания происходит то, что должно было случиться: нить прошлого сошлась с нитью настоящего, и герой понимает, что его Машенька навсегда осталась в прошлом, а новой он не знает и знать не хочет. Смене такого внутреннего состояния героя способствует картина строящейся крыши нового

дома: строители, находясь на одной линии и выкидывая руки назад, передают друг другу черепицу. Жизнь человека состоит из некоторых этапов, которые, наслаиваясь друг на друга, создают определенный узор отдельной личности, как создается конечный узор черепичной крыши, состоящей из множества кусочков черепицы: «Ганин глядел на легкое небо, на сквозную крышу – и уже чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда. Он длился всего четыре дня, – эти четыре дня были, быть может, счастлившей порой его жизни. Но теперь он до конца исчерпал свое воспоминанье, до конца насытился им, и образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминаньем. И, кроме этого образа, другой Машеньки нет и быть не может» [5, с. 140].

Таким образом, роман В. Набокова «Машенька», рассмотренный с точки зрения объектно-ориентированного подхода, представляет собой иной угол изучения произведения, в частности его финала. Понимание конечной мысли романа напрямую связано с тем, как меняет своё состояние главный объект – Ганин. Менее значимыми объектами являются не только некоторые второстепенные персонажи, но и предметы, так или иначе влияющие на интроспекцию героя.

Литература XX в. подарила человечеству замечательные образцы темпоральной разнонаправленности, например: «В поисках утраченного времени» М. Пруста, «На маяк» В. Вулф, «Прошлым летом в Мариенбаде» А. Роб-Грийе, «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя и др.

Роман В. Набокова «Машенька» представляет собой поток сознания главного героя. Сквозь призму ретроспекции происходит переосмысление прошлого, самопроверка и понимание направления будущего движения. Выбранный нами объектно-ориентированный метод изучения художественного произведения как нельзя лучше доказывает, что незначительные на первый взгляд образы, детали, моменты действительности влияют на сознание персонажа таким образом, что меняют его состояние. Подобно М. Прусту, В. Набоков представил своё понимание поиска утраченного времени и обретение его.

Ретроспекция романа В. Набокова тесно связана с интроспекцией и проспекцией. Она выступает как средство раскрытия имплицитного содержания – подтекста произведения.

Библиографический список

1. *Бажанова Е.А.* Своеобразие построения финалов в романах Д.Г. Лоуренса «Сыновья и любовники», «Влюбленные женщины» и «Любовник леди Чаттерли» // Научные труды Каменец-Подольского нац. ун-та им. И. Огиенка: Филологические науки. Вып. 30. – Каменец-Подольский: Аксиома,

2012. – С. 15–19.

2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – 543 с.

3. Меркулова М.Г. Ретроспекция в английской «новой драме» конца XIX – начала XX века: истоки и функционирование. – М.: Прометей, 2006. – 184 с.

4. Меркулова М.Г. Шекспировская модель ретроспекции в «Гамлете» // Шекспировские штудии II: «Русский Шекспир»: Исследования и материалы научного семинара, 26 апреля 2006 года / отв. ред. Вл.А. Луков; Моск. гуманит. ун-т. Ин-т гуманит. исследований. – М., 2006. – С. 55–78.

5. Набоков В.В. (В. Сирин). Машенька. Защита Лужина. Соглядатай. Другие берега / вступ. ст. Л.Н. Целковой; сост., коммент. Н.Г. Мельникова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. – 768 с.

6. Николina Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2008. – 268 с.

7. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.

References

1. Vazhanova E.A. Svoeobrazie postroeniya finalov v romanah D.G. Lourensa «Synov'ya i lyubovniki»,

«Vlyublennye zhenshchiny» i «Lyubovnik ledi Chatterli» // Nauchnye trudy Kamenec-Podol'skogo nac. un-ta im. I. Ogiienka: Filologicheskie nauki. Vyp. 30. – Kamenec-Podol'skij: Aksioma, 2012. – S. 15–19.

2. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poehtike // Bahtin M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i. – M., 1986. – 543 с.

3. Merkulova M.G. Retrospekciya v anglijskoj «novoj drame» konca XIX – nachala XX veka: istoki i funkcionirovanie. – M.: Prometej, 2006. – 184 s.

4. Merkulova M.G. SHekspirovskaya model' retrospekci v «Gamlete» // SHekspirovskie shtudii II: «Russkij SHekspir»: Issledovaniya i materialy nauchnogo seminara, 26 aprelya 2006 goda / отв. red. Vl.A. Lukov; Mosk. gumanit. un-t. In-t gumanit. issledovanij. – M., 2006. – S. 55–78.

5. Nabokov V.V. (V. Sirin). Mashen'ka. Zashchita Luzhina. Soglyadataj. Drugie berega / vstup. st. L.N. Celkovej; sost., komment. N.G. Mel'nikova. – M.: OLMA-PRESS Образование, 2003. – 768 s.

6. Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta: ucheb. posobie dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenij. – M.: Akademiya, 2008. – 268 s.

7. Halizev V.E. Teoriya literatury: uchebник. – M.: Vyssh. shk., 2002. – 437 s.

МАЛАЙСКИЙ МИФ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДИНАСТИИ В «СКАЗАНИИ О СЕРИ РАМЕ» XIV–XVI ВВ.: РАМА И СИТА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ

В данной статье рассматривается вопрос о том, как фигуры главных героев Рамы и Ситы древнеиндийской поэмы «Рамаяна» были переосмыслены в рамках переходного периода малайской литературы XIV–XVI вв. Особое внимание в статье уделено важному элементу малайской раннемусульманской литературы – мифу о происхождении династии. Автор прослеживает структуру данного мифа на примере «Сказания о Сери Раме», малайской версии «Рамаяны». Сопоставляя и находя соответствующие аналогии в малайских произведениях данного периода, автор приходит к выводу, что, несмотря на сохраняющуюся преемственность доисламских верований и традиций, усиливающееся влияние ислама внесло значительные изменения в восприятие героев доисламского прошлого. Рама и Сита, воплощая собой идеальных правителей, в глазах малайского читателя должны были обрести соответствующую родословную.

Ключевые слова: Рамаяна, Сказание о Сери Раме, хикаят, теневой театр ваянг, миф о происхождении, ислам, древнемалайская литература.

На рубеже XIV–XVI вв. в малайской раннемусульманской литературе формируется важный элемент крупного прозаического произведения как в жанре повести (*хикаят*), так и в жанре исторической хроники или родословий (*седжарах*, *силсилах*) – миф о происхождении царствующей династии, который был призван подтвердить исключительность и легитимность той или иной малайской династии, стать своего рода «патентом на благородство» [Ras 1990:126]. Полумифические и легендарные предки, таким образом, наделяли династию не только магическим могуществом, но и исключительным правом на власть. Такой «миф о происхождении» в той или иной степени уже встречается в древнейших исторических хрониках – «Повести о раджах Пасея» («Хикаят раджа-раджа Пасей») и «Малайских родословиях» («Седжарах Мелаю»), время создания которых относят к рубежу XIV–XV вв., в более поздних малайских хрониках государства Кутей на восточном Калимантане («Хикаят Кутей»), государства Ачех на северной Суматре («Хикаят Ачех»), государства Банджармасин на южном Калимантане («Хикаят Банджар»). Подобного рода миф мы встречаем и в «Сказании о Сери Раме» («Хикаят Сери Рама») – малайской версии «Рамаяны».

В связи с тем, что древнемалайская литература преимущественно является предметом реконструкции, сложно судить о том, в какой форме бытовала малайская «Рамаяна» до появления ислама. Британский исследователь Р. Винстедт относит время создания первоначальной версии малайской «Рамаяны» к рубежу XII–XIII вв. [10, р. 36]. Голландский учёный Л.Ф. Бракел в своей работе «Две индийские эпические поэмы на малайском» предполагает, что праверсия «Сказания о Сери Раме» могла существовать уже XIII в. в форме пураны или *лакона* (пьесы) теневого театра *ваянг*, однако свой окончательный вид в жанровой

форме «хикаят» приобрела во второй половине XIV в. в государстве Пасей на северо-восточной Суматре [7, р. 159]. Отечественный исследователь В.И. Брагинский высказывает предположение, что малайская версия «Рамаяны» в своей письменной форме была создана между XIII–XV вв. [1, с. 49]. Британский учёный Р. Винстедт в своей работе, посвящённой истории классической малайской литературы, подчёркивает: «Ни одна версия индийской эпической поэмы, из известных к настоящему времени, не была написана до тех пор, пока ислам не повлиял на малайский язык» [цит. по: 10, с. 36]. Таким образом, в малайской литературе предположительно существовала праверсия «Рамаяны», созданная до XIII в., однако все версии малайской «Рамаяны» не могли быть созданы до распространения и укрепления ислама в малайском мире, что значительно сдвигает время их создания на рубеж XIV–XV вв.

С главенствующей ролью ислама не могло не измениться и восприятие сказаний о героях доисламского прошлого, в их числе и Рамы. Как и молодые малайские династии, недавно принявшие ислам, герои индийского эпоса должны были получить соответствующую родословную для того, чтобы сохранить почётное место в рамках малайской литературы переходного периода. Таким образом, Рама и Сита получают совершенно новое и отличное от индийской «Рамаяны» происхождение, а «Сказание о Сери Раме» включает в канву своего повествования уже типичные для малайской литературы мотивы мифа о происхождении царской династии.

В индийской «Рамаяне» Вальмики Рама – аватара¹ бога Вишну, Сита – земное воплощение его божественной супруги, богини Лакшми. Жизнь и деяния Рамы – это пример строгого следования принципам дхармы². Рама – идеальный правитель, именно поэтому Бхарата, сын царя Дашаратхи от Кайкеи³ и брат Рамы, отказывается сесть на обе-

щанный ему трон. Вместо этого Бхарата кладёт на трон сандалии Рамы, которые продолжают царствовать от имени Рамы в Айодхье на время его изгнания [4, с. 10]. Весьма вероятно, что «Рамаяна» занимала особое место в древней доисламской малайской литературе, а Рама наряду с братьями Пандавами⁴ мог считаться одним из образов идеального героя. Это объясняет тот факт, что, несмотря на смену нравственных ориентиров, распространение и укрепление роли ислама в малайских средневековых государствах, «Сказание о Сери Раме» по-прежнему сохраняло свою актуальность и значимость. Однако для того, чтобы произведение могло продолжить своё существование в рамках малайской литературы, Раме и Сите необходимо было обрести соответствующую родословную.

Структуру данного мифа о происхождении можно разделить на три уровня. В основе первого, глубинного уровня лежит древнейшее анимистическое представление о союзе трёх стихий (земли, воды и солнца). В наиболее полной форме такой миф сохранился в довольно поздних, но архаичных по содержанию «Кутейских родословиях». В них царевич, спустившийся с небес, женится на девушке, рождённой из пены реки Махакам. Их сын берёт в жёны царевну, найденную в стволе бамбука, а потомки этого брака становятся правителями Кутея [1, с. 324–325]. Однако чаще встречается либо двухчастная композиция данного мифа (брак детей, найденных в стволе бамбука и речной/морской пены), либо только один из элементов. В «Повести о раджах Пасея» принцесса Бетунг⁵, найденная в стволе бамбука, становится матерью Мераха Силоу – легендарного основателя государства Самудра-Пасей на северо-восточной Суматре [2, с. 72]. В «Малайских родословиях» из пены появляется принцесса Тунджунг Буих⁶. В «Повести о Маронге Махавангсе», исторических хрониках государства Кедах на северо-западе Малайского полуострова, из бамбука рождается царевич Булух Бетунг, а из пены – царевна Путри Селуанг, которые впоследствии становятся мужем и женой, а от их брака рождаются потомки правящей династии Кедах.

Обращаясь к «Сказанию о Сери Раме», мы видим, что царь Дасарата⁷ во время поисков места для новой столицы своего государства обнаруживает бамбук невероятных размеров, в котором он находит принцессу Манду Дари⁸ – свою будущую жену и мать Рамы и Лаксаманы [5, с. 18–19]. Совершенно удивительным в этой связи становится сюжет рождения Ситы. Равана, узнав о невероятной красоте царицы Манду Дари, под обликом брахмана проникает во дворец царя Дасараты и обманом заставляет его поклясться отдать свою жену. Манду Дари, получив печальное известие от своего супруга, собрала щепотку грязи и кожи со своего тела, которая сначала превратилась в лягушку, а затем в абсолютную копию царицы – Манду

Даки⁹. Именно Манду Даки царь Дасарата отдаёт Раване. После того как Равана забирает Манду Даки в свой дворец, царь Дасарата приказывает прислать во дворец старую цветочницу, а сам превращается в младенца. В таком виде царь Дасарата попадает во дворец Раваны, где он вступает в связь с царевной Манду Даки, после чего благополучно возвращается в Айодхью. Через положенное время у Манду Даки рождается чудесная дочь Сита, муж которой по предсказанию должен стать погибелью Раваны. Тогда Равана приказывает изготовить железный ящик, положить туда ребёнка и бросить ящик в море. В это время бездетный царь по имени Махареси Кали¹⁰, исполнявший ритуал на берегу моря, обнаруживает железный ящик, в котором он находит девочку чудесной красоты. Царь Махареси Кали забирает девочку во дворец и даёт ей имя Сита Деви [5, с. 28–40]. Таким образом, в малайской версии «Рамаяны» мы видим два типичных мотива «мифа о происхождении»: Рама – сын царевны, найденной в стволе бамбука, а Сита, которая помимо всего прочего является сестрой Рамы, обретает второе рождение в воде. Интересно, что в «Повести об Ачех» (исторических хрониках государства Ачех на северной Суматре) упоминается, что предок великого султана Перкаса Алама по имени Шах Мухаммад женился на дочери небесной девы (*бидадари*), которая, словно Манду Дари, мать Рамы, была найдена в стволе бамбука [8, р. 66]. Голландский исследователь Й.Й. Рас в своей работе, посвящённой анализу «Повести о Банджаре», исторических хрониках государства Банджармасин на юго-восточном Калимантане, сравнивая «Повесть о Банджаре» со «Сказанием о Сери Раме», обнаруживает огромное количество сходств и приходит к выводу, что эта историческая хроника была написана под довлеющим влиянием малайских и яванских версий «Рамаяны» [9, h. 109].

На втором уровне малайского генеалогического мифа мы всё ещё можем наблюдать редкие, но важные для понимания характера и развития малайской литературы раннемусульманского, а затем и классического периода отсылки к индо-буддийским верованиям. Несмотря на всё возрастающую роль ислама в обществе и литературе, малайцы не спешили окончательно прерывать связь как со своим фольклорным, так и индо-буддийским прошлым. Безусловно, что отголосок этих идей и представлений с течением времени становится всё тише, однако, возможно, благодаря живой фольклорной и театральной традиции теневого театра *ваянг*, меньше подверженной влиянию ислама по сравнению с письменной придворной литературой, некоторые элементы сохранились в произведениях, написанных уже в исламский период. В частности, одним из неотъемлемых элементов является так называемый «пролог на небесах»: повествование о событиях, предшествующих

земному рождению героя. Такого рода пролог мы встречаем в особенности в волшебнo-авантюрных повестях о Панджи¹¹, которые наряду с повестями о братьях Пандавах становятся источниками сюжета для пьес теневого театра *ваянг*. Как правило, в «прологе на небесах» повествуется о сражениях и великих подвигах главного героя в предыдущем рождении и почему ему снова предстоит покинуть небесную обитель и восстановить мир на земле. Возможно, следуя старой традиции теневого театра *ваянг*, именно богам инду-яванского прошлого в этой части отдаётся главенствующая роль.

Подобного рода пролог на небесах мы обнаруживаем и в «Сказании о Сери Раме», который приводит в своей работе британский учёный Э. Баррет. Демон Сиранчак встречает прекрасную деву и преисполняется к ней страстью. Однако девушке удаётся убежать, и Сиранчак догадывается, что в этом образе красивой девушки воплотился Махабисну¹². Сиранчак отправляется в лес, где он соблазняет семь жён одного подвижника. В наказание за это Махабисну низвергает его в подземный мир. Тогда Сиранчак даёт обед подвижничеству, а Махабисну, возвратившись в небесную обитель, провозглашает, что через двенадцать лет они снова встретятся в бою на земле. Через двенадцать лет Сиранчак рождается в образе Раваны, а Махабисну воплощается в образе Рамы в семье царя Дасараты. Этот сюжет, скорее всего, апеллирует к одной из аватар Вишну (Вараха или Нарасимха): в одной из них Вишну побеждает асура Хираньякшу, а в другой асура Хираньякашипу, которым впоследствии суждено было стать привратниками у ворот небесной обители Вишну [6, р. 532–534].

В «Сказании о Сери Раме», в частности в эпизодах, где царь Дасарата обнаруживает царевну Манду Дари, а царь Махареси Кали находит железный ящик с принцессой Ситой Деви, подчёркивается, что все эти события с благополучным исходом происходят по воле Великого Преславного Бога (*Dewata Mulia Raya*). Этот Бог лишён какого бы то ни было описания в повествовании, однако именно его всепроникающая воля становится решающей в судьбах героев. Возможно, в данном представлении отразилась мусульманская идея Единого Бога (Аллаха). Однако в рамках индуизма такой мощью могла обладать как божественная троица – Тримурти (Брахма, Вишну и Шива), так и любое из этих божеств по отдельности в зависимости от религиозного течения в рамках самого индуизма. В частности, на Яве, а затем и на Бали в рамках индо-буддийской синкретической религии существовал культ Батара Гуру, который совместил в себе черты Шивы, Будды и местных божеств. Вполне вероятно, что эта концепция могла быть воспринята малайцами под влиянием развитой яванской культуры, в большей степени благодаря пьесам теневого театра *ваянг*.

Наконец, третий уровень связан с идеями и мировоззрением ислама, занявшего центральную позицию в жизни малайского общества. Молодые малайские династии, недавно принявшие ислам, стремились влиться в жизнь богатого и обширного мусульманского мира. Для этого им требовался своего рода подходящий с точки зрения ислама родоначальник, который бы позволил им на равных правах стать частью исламского мира. Такой кандидатурой становится великий воин и правитель Искандер Зулкарнайн (Искандер Двурогий). Предположительно под этим именем в восточную литературу вошёл Александр Македонский. Действительно античный «Роман об Александре» Псевдо-Каллисфена получил широкое распространение не только в европейской литературе, но и в различных литературных и фольклорных традициях Востока. В частности, мы встречаем историю о подвигах Искандера Двурогого в великой средневековой персидской поэме Фирдоуси «Шахнаме». Фирдоуси, излагая историю завоеваний и походов, невероятных чудес, встречающихся на пути, в целом следует канве «Романа об Александре». Однако немаловажно отметить тот факт, что Искандер Двурогий предстаёт перед нами не чужеземным захватчиком, но законным шахом Ирана, сыном шаха Дараба и братом царя Дария [3, с. 64]. Наконец, история о подвигах великого полководца попадает и в малайский мир, где Искандеру Двурогому суждено занять совершенно особое место в истории малайских средневековых государств.

Однако в литературе влияние ислама зачастую было поверхностным. Безусловно, существовал огромный пласт богословской литературы, переводных повестей о деяниях пророка Мухаммеда, его сподвижников и великих деятелей ислама. Тем не менее произведения о героях доисламского прошлого в основном получали лишь символическую поверхностную мусульманскую окраску, в своём же ядре и наполнении оставаясь неизменными. Таким образом, наряду с удивительными полумифическими предками царей (царевичи и царевны, найденные в стволе бамбука, в морской или речной пене) в повествование вплетаются и имена мусульманских пророков (Адам, Хизр) или выдающихся борцов за истинную веру (Искандер Двурогий). Потомки удивительного союза становятся законными и полноправными правителями, а великие прародители, однажды упомянутые, впоследствии исчезают со страниц произведения. Подобное мы видим и в малайской версии «Рамаяны», где родословную царя Дасараты автор возводит к пророку Адаму: «Дасарата Махараджа был сыном Дасараты Чакравати, а Дасарата Чакравати был сыном Дасараты Рамана. Дасарата Раман был сыном Дасараты, Дасарата же был сыном самого пророка Адама» [цит. по: 5, с. 17]. Однако пророк Адам, единожды упомянутый, более в последующем повествовании не упоминается.

Пророк Адам также появляется в так называемом «прологе на небесах», предваряющем основное содержание «Повести о Сери Раме». Равана, удалившись на гору Серендиб, совершает аскетические подвиги для того, чтобы добиться господства над четырьмя мирами. Аллах, сжалившись над Раваной, отправляет к нему пророка Адама, который сообщает ему добрую весть, что он непременно получит власть над четырьмя мирами в том случае, если будет справедливо ими управлять.

Подобное мы видим и в других важнейших произведениях раннемусульманского периода. В «Повести о раджах Пасея», «Малайских родословиях», «Хикаят Ачех» великие прародители, выполнившие свою главную функцию – дать начало новой малайской династии, исчезают и далее их имена могут более в произведении не упоминаться. Наконец, на примере «Сказания о Сери Раме» и других произведений, складывавшихся под влиянием Явы и оформившихся в рамках традиций теневого театра *ваянг* (круг повестей о царевице Панджи и героях Махабхараты), мы можем видеть, что ислам, скорее, поменял восприятие эпических героев. Несмотря на своё божественное, чудесное происхождение герои предстают перед нами не небожителями, не воплощениями божеств на земле, но великими героями, правителями с человеческим лицом, не лишёнными и некоторых человеческих слабостей.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на всё возрастающую роль новой религии в малайском обществе и искусстве, малайцы не отказывались от своих старых традиций. Смена религиозных и нравственных ориентиров, безусловно, нашла своё отражение в литературе этого периода, однако не нарушала преемственности малайской культуры. Малайские династии, избрав для себя путь в условиях обширного исламского мира, вынуждены были обосновать ценность и легитимность своего положения. Вне всяких сомнений, что и литература должна была испытать на себе последствия стремительно меняющегося малайского мира. Неудивительно, что герои старого доисламского прошлого не могли остаться неизменными в этих условиях. Рама и Сита в малайской версии «Рамаяны» предстают перед нами прежде всего не как земные воплощения богов, но как великая пара, дающая начало новой династии. В этой связи совершенно закономерным кажется тот факт, что автор «Сказания о Сери Раме» заканчивает свою повесть счастливым концом: Рама и Сита жили долго и счастливо до тех пор, пока их внуки не стали великими государями.

Примечания

¹ Аватара – земное воплощение бога или богини в индуизме.

² Дхарма – одно из важнейших понятий индуизма и буддизма, совокупность установленных норм

и правил, соблюдение которых призвано поддержать космический порядок.

³ Кайкеи – вторая из трёх жён царя Дашаратхи, правителя Айодхьи, мать Бхараты.

⁴ Пандавы – братья Юдхистхира, Бхима, Арджуна, Накула и Садева, главные действующие лица древнеиндийской поэмы «Махабхарата».

⁵ Бетунг (от мал. *betung*) – родовое название различных видов бамбука в Малайзии и Индонезии.

⁶ Тунджунг Буих (от мал. *tunjung/junjung* – «лотос», *buih* – «пена») – «пенный лотос».

⁷ Дасарата – малайский вариант имени Дашаратха; царь Айодхьи и отец Рамы.

⁸ Манду Дари – малайский вариант имени «Мандодари»; в индийской «Рамаяне» Вальмики Мандодари – супруга демона Раваны.

⁹ Манду Даки (от мал. *daki*) – щепотка грязи и кожи.

¹⁰ Махареси Кали – очевидно, малайский аналог правителя Митхилы царя Джанаки, который в индийской «Рамаяне» Вальмики находит Ситу в борозде вспаханного поля и становится её отцом.

¹¹ Панджи – яванский царевич Раден Ину Кертапати, главный герой многочисленных пьес яванского теневого театр *ваянг*.

¹² Махабисну – малайский вариант имени бога Вишну.

Библиографический список

1. Брагинский В.И. Историй малайской литературы VII–XIX вв. – М.: Наука, 1983. – 495 с.
2. Горяева Л.В. Повесть о Раджах Пасея. – М.: Наука, 2015. – 200 с.
3. Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. – М.: Наука, 1972. – 190 с.
4. Рамаяна. Кн. 1. Балаканда (Книга о детстве). Кн. 2. Айодхьяканда (Книга об Айодхье) / изд. подг. П.А. Гринцер. – М.: Ладомир: Наука, 2006. – 890 с. – (Литературные памятники).
5. Сказание о Сери Раме: Индонезийская Рамаяна / пер. Л.А. Мерварт. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 294 с.
6. Barrett E.C.G. Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – University of London, 1963. – Vol. 26, № 3. – P. 531–543.
7. Brakel L.F. Two Indian Epics in Malay // Archipel. – Vol. 20, № 1. – P. 143–160.
8. Iskandar T. De Hikajat Atjéh. – 's-Gravenhage: Nijhoff, 1958.
9. Ras J.J. Hikayat Banjar. – Kuala Lumpur, 1990.
10. Winstedt R. A History of Classical Malay Literature. – JBRAS, 1958. – Vol. 31, № 3.

References

1. Braginskij V.I. Istorij malajskoj literatury VII–XIX vv. – M.: Nauka, 1983. – 495 s.
2. Goryaeva L.V. Povest' o Radzhah Paseya. – M.: Nauka, 2015. – 200 s.

3. Kostyuhin E.A. Aleksandr Makedonskij v literaturnoj i fol'klornoj tradicii. – M.: Nauka, 1972. – 190 s.
4. Ramayana. Kn. 1. Balakanda (Kniga o detstve). Kn. 2. Ajodh'yakanda (Kniga ob Ajodh'e) / izd. podg. P.A. Grincer. – M.: Ladimir: Nauka, 2006. – 890 s. – (Literaturnye pamyatniki).
5. Skazanie o Seri Rame: Indonezijskaya Ramayana / per. L.A. Mervart. – M.: Izd-vo vostochnoj literatury, 1961. – 294 s.
6. Barrett E.C.G. Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – University of London, 1963. – Vol. 26, № 3. – P. 531–543.
7. Brakel L.F. Two Indian Epics in Malay // Archipel. – Vol. 20, № 1. – P. 143–160.
8. Iskandar T. De Hikajat Atjéh. – 's-Gravenhage: Nijhoff, 1958.
9. Ras J.J. Hikayat Banjar. – Kuala Lumpur, 1990.
10. Winstedt R. A History of Classical Malay Literature. – JBRAS, 1958. – Vol. 31, № 3.

ДРАМА Ф.М. КЛИНГЕРА «БУРЯ И НАТИСК» КАК НАЧАЛО ОТХОДА ОТ «БУРИ И НАТИСКА»

В статье рассматривается малоизученная в отечественном литературоведении драма Ф.М. Клингера «Буря и натиск», давшая название целому течению в немецкой литературе второй половины XVIII века. Обосновывается идея, что, несмотря на это, принадлежность драмы к одноименному направлению проблематична. Сначала отмечаются типичные признаки «штюрмерской» литературы, такие как наличие «сильного человека», одержимого страстями и аффектами, предельная эмоциональность, свобода от догматических драматургических правил. Но вслед за этим раскрываются моменты, выводящие драму Клингера за пределы художественной парадигмы собственно «Бури и натиска». Подчеркивается, что образ центрального персонажа подвергнут иронической релятивизации в образах его спутников, охарактеризовано нетипичное для «Бури и натиска» развитие фабулы навстречу «счастливному концу», указано на элементы самоиронии в тексте пьесы. Драма «Буря и натиск» рассматривается в контексте всего творчества Ф.М. Клингера, как важное звено в его идейной и художественной эволюции.

Ключевые слова: «Буря и натиск», Клингер, сильный человек, релятивизация, самоирония, счастливый конец, эволюция.

Название этой драмы одновременно является обозначением целого литературного направления. Ограниченное границами одной страны (Германии) и укладывающееся, по сути, чуть более чем в одно десятилетие (70-е и отчасти 80-е гг. XVIII века), оно сыграло, тем не менее, огромную роль в истории литературы. И все же недолговечность этого течения, скорое умолкание его представителей или же их быстрый переход в русло иной эстетики подчеркивают отсутствие прочного теоретического фундамента, мощной идеологической базы, долговечных целей и задач. Движение «Буря и натиск», возникшее как попытка «редактуры» «проекта Просвещения», но в исторической перспективе потерпевшее крах, имело характер яркого метеора на небосклоне немецкой словесности. Без него не было бы ни Гете, ни Шиллера, оно открыло собой так называемую «эпоху гениев» в немецкой литературе, но существенные достижения той эпохи, как правило, выходят за рамки узкого течения.

Фридрих Максимилиан Клингер (1752–1831) поначалу был одним из самых радикальных «бурных гениев». Его ранние пьесы «Отто», «Страждущая женщина», «Новая Аррия» и в особенности «Близнецы» наилучшим образом отразили дух «периода бурь». В центре этих произведений – «самостоятели»¹ (Selbsthelfer), «сильные люди» (Kraftmenschen), «гениальные натуры», индивидуалистичные, неумно свободолюбивые и в то же время – рабы своих аффектов, игрушки рока, жертвы общественного несовершенства. «Самостоятели «Бури и натиска», – указывает А. Хьюссен, – именно что не положительные герои. <...> То, что в типе самостоятеля указывает за пределы бюргерского развития, – в меньшей степени оптимизм героя, чем скорее критика рационально-инструментальной цивилизации, которая вытесняет и маргинализирует все индивидуальное; это мани-

фестируется в изоляции, отчуждении и катастрофе героя...» [4, с. 76–77]. Лишь в непосредственном предшествующем «Буре и натиску» «Симсоне Гризальдо» (1776) Клингер предпринимает попытку нарисовать «сильного человека», находящегося в равновесии с самим собой и обществом и контролирующего свои деструктивные аффекты. Драма «Буря и натиск» (осень 1776, пост. 1777) представляет собой следующий шаг на пути к постепенной «редактуры» исходного «штюрмерского» импульса.

Подобно другим сценическим произведениям Клингера, эта драма практически не изучена в отечественной науке о литературе (за исключением работ О.А. Смолян, носящих скорее ознакомительно-просветительский характер). О.А. Смолян, в частности, сообщает: «Самой характерной пьесой движения штюрмеров, отражающей его общие тенденции, считается драма «Буря и натиск» [3, с. 258]. Не уточняется, правда, – кем и почему «считается». В настоящей статье хотелось бы подвергнуть это высказывание авторитетной исследовательницы существенной ревизии. То, что эта драма дала ходовое обозначение целому литературному течению, еще вовсе не значит, что она всецело ему принадлежит.

Название драмы принадлежит не Клингеру. Авторское заглавие – «Witwagt» («Сумятица») – было изменено по совету Кристофа Кауфмана, человека, воплощавшего дух «Бури и натиска» не столько своим творчеством, сколько своей жизнью. Следует отметить, что первоначальное восхищение Клингера личностью Кауфмана быстро сменилось разочарованием. Очень скоро в сатирическом романе «Плимплямпляско», созданном вместе с И.К. Лафатером и Я. Саразеном, Клингер делает Кауфмана прототипом главного героя – шарлатана, честолюбца и пустомели. Но данное им драме Клингера название прочно вошло в историю.

Подзаголовок драмы (жанровое обозначение) – нейтральный (Schauspiel, то есть не трагедия и не

комедия). Это вполне в духе «Бури и натиска», практиковавшего «синтетический» жанр трагикомедии, то есть драматического действия, объединяющего черты смешного и страшного. Лучшее всего это удавалось Я.М.Р. Ленцу (его самая знаменитая драма «Домашний учитель» в разных источниках зовется автором то комедией, то трагедией). Но до создания «Бури и натиска» Клингера был вполне верен трагическому жанру. Его ранние пьесы подчеркнуты серьезны, конфликты в них неразрешимы, герои борются, страдают и гибнут. Их чаяния и стремления не находят удовлетворения,

«Буря и натиск» носит многие черты типично «штюрмерской» драматургии. Текст пьесы начинается с междометия («Неуда» – «Айда!», «Гей!» [6, с. 265]), излюбленной части речи в лексике штюрмеров и, в частности, раннего Клингера. Сразу же вслед за ним следуют выпендренно-патетические восклицательные предложения – «Буйное сердце! Ты должно благодарить меня, буйствуй, а потом расслабься, наслаждайся в сумятице!» [6, с. 265]). Само имя произносящего эти пылкие сентенции главного героя – Вильд (Wild) – означает «дикий», «необузданный». Он обуреваем сильными страстями, хотя природа этих страстей, похоже, скрыта от него самого. Если в прежних пьесах Клингера аффекты героев были отчетливо мотивированы, то Вильд сдается «страстью вообще»: «Я всюду должен был пускаться в бегство. Был всем. Был поденщиком, чтобы быть кем-то. Жил в Альпах, пас коз, день и ночь лежал под бесконечным небесным сводом, охлаждаемый ветрами и палимый внутренним огнем. Нигде ни сна, ни покоя» [6, с. 270]. «Внутренний огонь» Вильда – всего лишь маркер «гениальной натуры», тоскующей по великим делам: «Мы сейчас – посреди войны, единственное счастье, какое я знаю, – быть на войне», – говорит Вильд [6, с. 269]. Много в драме и других «общих мест» «штюрмерской» литературы, особенно это касается внешнего поведения персонажей. Вполне в духе сентиментализма (немецкой разновидности которого была драма «Буря и натиск») герои неумемы в проявлении чувств, в особенности в пролитии слез: плачет Вильд, плачет его возлюбленная Каролина, плачет ее отец лорд Беркли, плачет мальчик-мавр. Один из персонажей (лорд Беркли) одержим идеей мести почти в той же степени, что Гвельфо, герой «Близнецов» (из ранних творений Клингера именно эту пьесу, на наш взгляд, надо считать наиболее «штюрмерской» по духу и удачной по исполнению – недаром впоследствии автор из ранних произведений только эту трагедию включал во все сборники своих пьес).

Говоря о теоретической базе драматургии «Бури и натиска», А.А. Аникст отмечал, что та «не нуждалась в рационально продуманной мотивировке, ибо «она падала на почву движения, в котором рассудочность не считалась достоинством, тогда

как в эмоции видели наиболее убедительное выражение личности в ее порывах к благу и свободе» [1, с. 420]. Сказанное относится, конечно, не только к теории, но и к драматургической практике «штюрмеров». В этом отношении рассматриваемая драма Клингера действительно представляется достаточно типичным образцом «штюрмерской» продукции. Но несоблюдение единства действия, иррациональность желаний и поступков героев, проблематичность многих драматических положений вовсе не означают отсутствие четкого конструктивного плана у Клингера-драматурга. Много в пьесе представляется тщательно продуманным. Так, А. Пеплау справедливо замечает: «Порядок сцен в пьесе явно направлен автором на создание эмоциональных контрастов: так, явления с патетическим, элегическим и комическим основным настроением следуют друг за другом, быстро сменяя друг друга» [8, с. 125]. Пренебрежение автора драматургическими правилами означает всего лишь то, что он сам вырабатывает правила для своего творения. Это отвечает ключевой мифологеме «Буре и натиска» – о гениальном творце, самостоятельно изобретающем правила для своих творений.

Действие «Бури и натиска» происходит в Северной Америке. Безусловно, здесь нашли свое отражение автобиографические моменты. Клингер, выходец из низов, быстро осознал, что литературой не добиться ни прочного общественного положения, ни финансового благополучия. Да к тому же тоска по «великим делам», по серьезным испытаниям, опасным приключениям сдала типичного «бурного гения». Поэтому Клингер мечтал об участии в войне за независимость Соединенных Штатов, о лаврах борца за свободу. Материальная нужда не позволила писателю осуществить эти планы, в отличие от героев его драмы. О битвах и подвигах грезят не только Вильд, но и его антагонист, Капитан морского судна (причины антагонизма не раскрываются), и даже далеко не молодой лорд Беркли. Все они при первой же возможности вступают в бой.

Но, что характерно, из текста пьесы совершенно не явствует, на чьей именно стороне собрались сражаться герои. Политическое значение «Бури и натиска» ничтожно, вектор социального ангажмента героев иррелевантен. Америка в пьесе – не арена битв угнетенных с угнетателями, старого общественного уклада с новым, более прогрессивным. Америка выбрана местом действия скорее как своеобразное полусказочное «минус-пространство», деформирующее идентичности, проблематизирующее, казалось бы, незыблемые истины, революционизирующее излишне жесткие структуры сознания. Она же – оптимальное убежище для тех, чей жизненный проект потерпел крушение, кто хотел бы начать с чистого листа либо предаться тотальному забвению.

Это касается и главного героя, который в результате оказывается сыном лорда Буши, и двух его неразлучных спутников. Центральный персонаж пьесы наделен чертами «самостоятеля», страдающего от неприложимости своих природных сил и дарований. Он носит трагическую маску, которая, однако, оттеняется и отменяется выпуклыми образами его друзей. Один из них – закоренелый фантаст, стихийный поэт, готовый отдать все соблазны реальности ради прекрасной иллюзии. Он даже не отдает себе отчета, в какой части света он находится. Другой – разочарованный мизантроп, равнодушный к собственному бытию, принципиально отказавшийся от какой-либо борьбы за место под солнцем, за лучшее будущее. Он то и дело, как показывают авторские ремарки, «засыпает» в разгар действия, бравит своей скукой и «скучностью», однозначно говорит «нет» любым попыткам встроить его в общественный контекст. Напыщенные тирады Вильда часто находятся в юмористическом контрасте с репликами его друзей («Блазиус. Хочу спать. Ля Фе. Хочу есть» [6, с. 271]). Фигуры этих героев необычайно комичны и вместе с тем воплощают весьма серьезные стратегии поведения проигравших. Замена реальности фантазией и демонстративный отказ от борьбы с реальностью – то новое, что привносит драма «Буря и натиск» в картину мира Клингера, которая из гомогенной становится гетерогенной; гомотоническая структура мышления автора уступает место полифонической. Ведь оба товарища главного героя – его своеобразные двойники, его искаженные зеркальные отображения. Об этом свидетельствуют указания на обстоятельства их прошлых жизней, богатых энтузиазмом и разочарованиями, а также говорящая фамилия одного из них («le feu» означает «жар», «пожар»).

Речи друзей Вильда не только смешны, но и выражают довольно серьезные идеи. Их забавный мини-диалог с Капитаном, на первый взгляд, рассчитан на сугубо комический эффект. Но вместе с тем он демонстрирует отсутствие измерительной шкалы для масштабов отдельной личности, произвольность любых оценочных суждений. Этот обмен юмористическими репликами являет собой «тихую» субверсию концепции гениальной личности, ее релятивизацию:

Капитан. Господа, я хотел бы с вами познакомиться. Вы из армии?

Блазиус. Я – ничто. (*Засыпает*).

Капитан. Это много. А вы?

Ля Фе. Все, все.

Капитан. Это мало» [6, с. 307].

Отход от позиций ортодоксального «Бури и натиска» в одноименной пьесе выражен не только в проблематизации «гениальной природы» и создании ее пародийных двойников. Сама фабула пьесы,

направленная на устранение исходного конфликта с мирозданием, на happy end, противоречит только что сформировавшемуся канону «штюрмерской» литературы. Главная пружина драматического действия в «Буре и натиске» – вражда двух английских аристократических семейств, Беркли и Буши, недвусмысленно отсылает к конфликту «Монтеки/Капулетти» (для «бурных гениев» Шекспир был главным непрекращаемым литературным авторитетом и образцом). Зброшенные судьбой в другую часть света, они поначалу одержимы определяющим мотивом их «старосветского» бытия: они помешаны на идее мести. Однако в Новом Свете постепенно выясняется, что любые основания для лютой вражды – ложны, что якобы погубленные врагами родственники – живы, и в конечном счете враждующие кланы прощают друг другу всяческие обиды и даже породняются. При этом меньше всего Клингера заботит сколько-нибудь внятное объяснение, что же именно послужило причиной для многолетней взаимной ненависти. Важны беспочвенность этой вражды, снятие остроты заявленного конфликта, перспектива примирения с действительностью, хотя автор сознательно не утруждает себя четкой прорисовкой причин тех или иных «перемен к лучшему». Как правильно считает У. Картхаус, «действие не следует драматургии, интересующейся правдоподобием событий или единством характеров. Персонажи действуют, не сообразуясь с логикой; они не руководствуются определенными намерениями; многие высказывания и поступки кажутся немотивированными. Реальность, в которой они живут, столь же неопределенна, как лаконичное описание места действия: «Америка» [5, с. 109].

Именно немотивированность поступков и неопределенность контуров бытия характеризуют атмосферу пьесы. Модель мироздания, которую рисует драма Клингера, уложена автором в образ картонного домика (его строит лорд Беркли) – хрупкого, недолговечного и в конечном счете не настоящего. Мечта героев о реализации их утопических проектов в новой части света быстро разоблачает себя как очередная иллюзия. «Я надеялся, – признается Вильд, – найти в этой иной части света то, чего не было там. Но здесь все так же, как там, а там, как здесь» [6, с. 283].

В отношении ранних, однозначно «штюрмерских» вещей Клингера А.Н. Макаров пишет: «верна мысль об известной повторяемости, схематичности пьес Клингера, ведь основу конфликта в них составляет столкновение чувства/страсти с действительностью художественного произведения, и лишь затем результат такого бурного столкновения экстраполируется читателем на реальность мира» [2, с. 135]. Драма «Буря и натиск» также в первую очередь «литературна», объективная реальность в ней вторична, призвана воссоздавать-

ся зрителем/читателем, но сюжетная схема в ней принципиально отлична от ранних драматических опусов Клингера. Она знаменует собой движение не к катастрофе, как прежде, а, наоборот, к восстановлению разрушенных связей и торжеству всеобщей любви, пусть иронически преломленному в комедийном антураже. «Забудем дикие страсти! – говорит в конце пьесы лорд Буши. – Милорд! Я принял на себя все грехи, закончил здесь свое странствие, полное горя и страданий, да поднимется же надо мной знамя покоя!» [6, с. 351].

Финал драмы – радостный, счастливый, общепримиряющий, совершенно не характерен для драматургии «Бури и натиска», скорее он подобает «слезной комедии». Опять все сполна дают волю своим эмоциям, что вынуждает сурового Капитана изречь: «Позорно вести себя в финале как бабы» [6, с. 354]. Эта реплика адресована не столько другим персонажам, сколько публике – таким образом, она превращается в соучастницу той игры, которую затевает автор, смотрит на происходящее его глазами, а не глазами персонажей. Эта реплика нужна Клингеру, чтобы дистанцироваться от собственного творения, окончательно разрушить иллюзию правдоподобия, показать заложенный им в пьесу иронический жест.

Решения, в итоге принимаемые героями, выводят за пределы эстетики «Бури и натиска». Так, утопия, в которой собираются жить Ля Фо с его старой и некрасивой избранницей, явно заимствована из литературы рококо с типичным для нее аркадским парадизом пастушков и пастушек, Блазиус выбирает жизнь отшельника, предвосхищая известный романтический топос, а бунтарю Вильду и его возлюбленной уготовано заурядное бюргерское семейное счастье, которое представители «мещанской драмы» (Иффланд, Коцебу) вскоре совершенно лишат какой-либо поэтической и трансцендентной составляющей. В мире «Бури и натиска», – пишет М. Лузерке, – «существует спрос не на самостоятеля, а на того, кто способен к диалогу. Клингер набрасывает в преодолении заданных конфликтов модель диалога между Бурей и Натиском и Просвещением, между сыновьями и отцами» [7, с. 209]. Характерно, что именно сыновья в драме Клингера оказываются более способными к диалогу, в меньшей степени показаны как рабы слепых страстей.

Герои ранних, собственно «штюрмерских» трагедий Клингера терпят фиаско в силу своей захваченности аффектами («Страждущая женщина», «Близнецы»), политических реалий («Новая Аррия»), излишней доверчивости («Отто»), их венчает горестный и ужасный финал. Счастливый финал «Бури и натиска», намеренно условный, мало правдоподобный, в чем-то опереточный, показывает принципиальную способность автора пересмотреть недостаточно зрелые идеалы юности,

проявить эстетическую гибкость, наконец, просто посмеяться над собой.

Непосредственно следующие за «Бурей и натиском» произведения Клингера – своеобразный «отдых» от избытка страстями и бунтарством раннего творчества. На рубеже 1770–80-х гг. Клингер создает романы (упоминавшийся «Плимпланд-пляско» и «Новый Орфей»), комедии («Дервиш», «Принц Шелковичный Червь», «Фальшивые Игроки») – «легкие», юмористические, полные иронии и самоиронии, свободные от бремени мировых проблем и чрезмерных амбиций. Этот «отдых» не затянется надолго. Как автор «серьезной литературы» Клингер возродится весьма скоро и создаст свои зрелые произведения (прежде всего монументальный романтический цикл). В этой перспективе драма «Буря и натиск» – неизбежный шаг к расставанию с иллюзиями раннего периода творчества, с эстетикой чрезмерного и необузданного, взгляд на самого себя со стороны, необходимая веха в творчестве талантливого писателя.

Примечание

¹ Труднопереводимый термин «Selbsthelfer» (букв.: «сам себе помогающий») крайне широко используется в немецкоязычном литературоведении, но пока не имеет аналога в отечественном. Между тем при цитировании немецкоязычной научной литературы обойти этот термин не представляется возможным. Предложенное нами «самостоятель» не претендует на окончательность, является рабочим вариантом перевода термина.

Библиографический список

1. *Аникст А.А.* Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. – М.: Наука, 1967. – 455 с.
2. *Макаров А.Н.* Элементы тривиальности в раннем творчестве Ф.М. Клингера // *Дискуссия.* – 2014. – № 2. – С. 134–137.
3. *Смолян О.А.* Клингер // *История немецкой литературы.* – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – С. 254–262.
4. *Huyssen A.* Drama des Sturm und Drang. Kommentar zu einer Epoche. – München: Winkler, 1980. – 272 s.
5. *Karthauss U.* Sturm und Drang. Epoche-Werke-Wirkung. – München: Beck, 2, aktualisierte Auflage, 2007. – 280 s.
6. *Klinger F.M.* Die neue Arria; Simson Grisaldo; Sturm und Drang; Pyrrhus. – London: Forgotten Books, 2015. – 469 s.
7. *Luserke M.* Sturm und Drang: Autoren, Texte, Themen. – Stuttgart: Reclam, 1997. – 389 s.
8. *Poeplau A.* Selbstbehauptung und Tugendheroismus. Das dramatische Werk Friedrich Maximilian Klingers zwischen Sturm und Drang und Spätaufklärung. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2012. – 284 s.

References

1. Anikst A.A. Teoriya dramy ot Aristotelya do Lessinga. – M.: Nauka, 1967. – 455 s.
2. Makarov A.N. Elementy trivial'nosti v rannem tvorchestve F.M. Klingera // Diskussiya. – 2014. – № 2. – S. 134–137.
3. Smolyan O.A. Klinger // Istoriya nemeckoj literatury. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – T. 2. – С. 254–262.
4. Huyssen A. Drama des Sturm und Drang. Kommentar zu einer Epoche. – München: Winkler, 1980. – 272 s.
5. Karthaus U. Sturm und Drang. Epoche-Werke-Wirkung. – München: Beck, 2, aktualisierte Auflage, 2007. – 280 s.
6. Klinger F.M. Die neue Arria; Simone Grisaldo; Sturm und Drang; Pyrrhus. – London: Forgotten Books, 2015. – 469 s.
7. Luserke M. Sturm und Drang: Autoren, Texte, Themen. – Stuttgart: Reclam, 1997. – 389 s.
8. Poeplau A. Selbstbehauptung und Tugendheroismus. Das dramatische Werk Friedrich Maximilian Klingers zwischen Sturm und Drang und Spätaufklärung. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2012. – 284 s.

«ГОФМАНОВСКИЙ КОМПЛЕКС» В ШУТОЧНЫХ ПЬЕСАХ ВЛ. СОЛОВЬЕВА («Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт»)

Цель настоящей статьи – выделение в шуточных пьесах Вл. Соловьёва («Белая Лилия», «Альсим» и «Дворянский бунт») идейно-тематического «гофмановского комплекса», который характеризуется последовательным воплощением в произведениях русского философа таких важнейших проблем, как двоемирие, двойничество, проблема механизации жизни и человека. Сходные черты с Гофманом у Соловьёва также прослеживаются в отдельных образах (лилии, мифологического сада, анималистических образах). Неотъемлемой частью «гофмановского комплекса» в творчестве Вл. Соловьёва является использование таких стилистических приемов, как романтическая ирония и гротеск, которые основаны на смешении романтического и сатирического начал и проявляются в использовании автоиронии, кукольности и буффонады. В статье делается вывод, что «гофмановский комплекс» в творчестве Вл. Соловьёва начинает осознаваться как единое целое.

Ключевые слова: Вл. Соловьёв, гофмановский комплекс, двойничество, двоемирие, автоирония, кукольность, буффонада, романтическая ирония, гротеск.

Имя Э.Т.А. Гофмана – немецкого писателя-романтика – стало знаковым для русской литературы. Черты гофмановской поэтики можно проследить в творчестве многих писателей XIX века: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.К. Толстого и др. Немецкий романтик привлекал русских писателей своим неповторимым стилем, который характеризуется последовательным воплощением важнейших проблем и стилистических приемов, воспроизведение которых привело к формированию идейно-тематического «гофмановского комплекса», включающего в себя: двоемирие, живописно-музыкальную гармонию (синестезия искусств), проблему механизации жизни и человека, двойничество и кукольность, романтическую иронию и гротеск.

«Гофмановский комплекс» стал осознаваться в литературе как единое целое в творчестве символистов: А. Блока, А. Белого, Ф. Сологуба, В. Брюсова, Д. Мережковского, М. Кузьмина и др. – в связи со сходством романтического и символистского типов художественного мышления. Однако начало этому комплексу (и вообще интересу к Гофману среди символистов) было положено в творчестве Вл. Соловьёва, который, по сути, стал предтечей русского символизма.

Вл. Соловьёв считал Гофмана одним из своих любимых писателей и признавал некоторые его эстетические идеи и стилистические приемы близкими своему мировоззрению. Так, в сохранившейся анкете Т.Л. Сухотиной из «Альбома признаний» Соловьёв указывает Гофмана в качестве любимого писателя («Ваш любимый иностранный прозаик: Гофман, папа Лев тринадцатый и Боссюэт»). А любимыми персонажами называет архивариуса и Саламандра из «Золотого горшка» Гофмана [5, с. 238–239]. По свидетельству С.М. Соловьёва (племянника философа), эта сказка была «любимым произведением Владимира Сергеевича в мировой литературе» [12, с. 152]. Не удивительно,

что Соловьёв в 1880 году делает перевод «Золотого горшка», а в предисловии к новелле сообщает биографические сведения о немецком писателе.

Увлечение Вл. Соловьёва Гофманом было связано и с влиянием на русского философа творчества А.К. Толстого, который в свою очередь был поклонником немецкого писателя. Гофмановские черты проявились в ряде произведений Толстого: в пьесе «Дон Жуан», которую он посвящает Гофману, в готических повестях «Упырь», «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет» и отрывке «Амена». Соловьёв высоко ценил творчество А.К. Толстого и написал очерки о его поэзии («Поэзия графа Толстого») и прозе («Предисловие к “Упырю” графа Толстого»). Многие исследователи отмечают близость эстетических взглядов Соловьёва и А.К. Толстого. В частности, А.А. Салтыков пишет о сильном сходстве личностей Соловьёва и Толстого и делает предположение о большом влиянии творчества писателя на Соловьёва [10, с. 348]. В.М. Фатющенко и Н.И. Цимбаев полагают, что у Соловьёва с А. Толстым можно наблюдать «совпадения некоторых творческих установок» [6, с. 23]. Естественно, гофмановские аллюзии в творчестве А. Толстого для русского философа не могли остаться незамеченными.

Интерес Соловьёва к творчеству писателя-романтика был обусловлен увлечением философа эстетикой романтизма, что нашло отражение в философской лирике Соловьёва, где важную роль играют двоемирие, поэтика намеков и недосказанностей, отсылки к вечным образам и темам, так свойственные романтизму. Однако гофмановские черты у Соловьёва в большей степени проявились в шуточных стихотворениях и пьесах «Белая Лилия», «Альсим», «Дворянский бунт», где на первый план выступает ироническое начало, присущее немецкому романтику. «Гофмановский комплекс» у русского философа проявляется в двоемирии, двойничестве, проблеме механизации жизни и человека, в сходстве отдельных образов (лилии, мифологического сада, анималисти-

ческих образах), а также в использовании романтической иронии и романтического гротеска, основанных на автоиронии, кукольности и буффонаде.

Гофмановские аллюзии бросаются в глаза в пьесах Соловьева практически сразу, так как они связаны с именами героев, которые созвучны именам у Гофмана: Ансельм – Альсим, Альконда – Голконда. Белая Лилия перекликается с именем Джилио, которое переводится как лилия и с образом самой лилии в «Золотом горшке». Гофмановское творчество привлекало Соловьева в связи с неповторимым стилем немецкого писателя, особенности которого Вл. Соловьев выделяет в предисловии к своему переводу «Золотого горшка»: «у Гофмана фантастическое – другая сторона реального, и все действующие лица живут двойной жизнью, в стихии “двойной игры поэтического сознания с реальным и фантастическим миром”» [2, с. 4].

У немецкого романтика в сказках практически всегда присутствуют два мира: мир реальный и мир фантастический, а герои соприкасаются с обоими мирами, где они нередко имеют разные сущности и имена. Этим обусловлено раздвоение героев. Например, в новелле «Повелитель блох» все действующие лица имеют две ипостаси – реальную и мифологическую: Перегринус – король Секакис, Дертье – принцесса Гамахея, Георг Пепуш – чертополох Цехерит, m-г Пиявка – принц пиявка, господин Legenie – гений Тетель, няня Алина – королева Голконды.

В пьесе «Белая Лилия» присутствуют два мира: мир реальный и мир идеальный – мир мечты. Образы, которые соприкасаются с этими мирами, тоже раздваиваются, например, героини имеют две сущности: низкую (земную) и высокую (идеальную). В реальной жизни они приносят только страдания («Сколько горести напрасной / Перенес я с ней, – несчастный» [11, с. 233]) и воспринимаются как холодные, циничные и бездушные. Не случайно Халдей, Инструмент и Сорвал бегут от них в поисках идеальной любви. В мире же мечты эти женские образы воспринимаются как идеал («Белую Лилею / Узнаю в тебе» [11, с. 253]) и приобретают новые черты («Черты знакомые, но с новой красотой» [11, с. 253]). При этом сами героини остаются прежними, меняется лишь их восприятие: в мире идеальном они кажутся идеальными.

В пьесе «Альсим» встречается другой вариант раздвоения, когда внешняя красота противоречит внутренней сущности героини. Так, образ бородатой красавицы Элеонор выступает как двойственный. Она, имея внешнюю красоту, отличается злым нравом:

Так это нрав ее презрительный и злобный,

Наклонность бить, и бить по пустякам.

Кто б думать мог, что с красотой подобной

Совместна страсть к ударам и пинкам!? [11, с. 210].

В новелле Гофмана «Приключения в новогоднюю ночь» подобную двойственностью имеет ге-

роиня, которая в Италии предстает как Джульетта, а в Германии – как Юлия. Она обладает красивой внешностью, но душа ее злая: «Помедлив на пороге, Юлия обернулась и взглянула на меня, и в тот же миг мне почудилось, будто это ангельское, полное юной прелести личико вдруг исказилось язвительной гримасой» [3, т. 1, с. 266].

Двойственную сущность имеет и центральный образ мистерии – Белая Лилия, который предстает то в образе лохматого и большого медведя, то как цветок – белая лилия. Это раздвоение имеет сатирический смысл, и Соловьев создает гротескный образ в духе Гофмана:

В медведе я была, теперь во мне медведь.

<...>

Невидима тогда

Была я, а теперь –

Невидим навсегда

Во мне сокрытый зверь [11, с. 250].

Подобный тип двойничества, основанный на иронии и гротеске, использует и Гофман. Например, в «Крошке Цахесе» главный герой воспринимается окружающими как совершенство благодаря волшебным волоскам феи Розабельверде. На самом же деле Цахес – уродливый карлик, который ничего не знает и не умеет.

Образ Белой Лилии в целом имеет гофмановские корни. Ранее исследователи называли разные источники происхождения этого образа. Например, И.Б. Роднянская пишет, что он отчасти был заимствован из «Песни Песней»: «лилия долин» [9, с. 94]. Кроме того, это и традиционный цветок Мадонны, символ абсолютной чистоты. Однако, несомненно, на Соловьева повлияла и новелла «Золотой горшок» Гофмана, в которой образ лилии также является центральным. В финале новеллы в золотом горшке вырастает лилия – символ вечной любви и женственности: «она (Сerpентина) несет золотой горшок, из которого выросла великолепная лилия. Несказанное блаженство бесконечного влечения горит в прелестных глазах; так смотрит она на Ансельма и говорит: «Ах, возлюбленный! лилия раскрыла свою чашечку, высочайшее исполнилось, есть ли блаженство, подобное нашему?» [3, т. 1 с. 261].

Другим намеком на гофмановский «Золотой горшок» в пьесе Соловьева является упоминание пергамента Неплюя, который является связующей нитью между миром земным и миром мечты: «Пергамент сей / Я отыскал в развалинах Пальмиры» [11, с. 236]. В новелле Гофмана Ансельм также переписывает старый пергамент, расшифровывая древние манускрипты. Из них он получает тайные знания о чудесном мире.

Следуя гофмановской традиции, Соловьев использует в своей мистерии растительные и анималистические образы, которые звучат как пародия: в «Золотом горшке» Ансельм влюбляется в зеленую змейку, у Соловьева Мортемир – в большого медведя. Соловьев создает также аллюзию на образ сада

из новеллы «Золотой горшок», где растения разговаривают с Ансельмом: «Пламенные гиацинты, тюльпаны и розы поднимают свои прекрасные головки, и их ароматы ласковыми звуками восклицают счастливцу: «Ходи между нами, возлюбленный, ты понимаешь нас, наш аромат есть стремление любви, мы любим тебя, мы твои навсегда!» [3, т. 1, с. 314].

У Соловьева в мистерии появляется образ леса, где растения и животные разговаривают в ожидании появления Белой лилии:

Растения
Мы растем и цветом,
Бог поит нас дождем.
Ароматы мы льем
И трепещем, и ждем,
Чтоб, небесной красою сияя,
Как царица цветов,
Из обители снов
Появилась владычица рая [11, с. 230].

У Гофмана в произведениях растительные образы часто становятся символами любви и гармонии, как в «Повелителе блох» – в финале высшей точкой гармонии любви становится слияние кактуса и тюльпана: «Посреди красивого боскета за ночь вырос высокий *Cactus grandiflorus*, его цветок поник, увянув в утренних лучах, а вокруг него любовно обвивался лилово-желтый тюльпан, умерший тою же смертью растения» [3, т. 3, с. 214]. У Соловьева, несмотря на общий иронический контекст мистерии, подобные аллюзии все же возникают в финале пьесы: на бывшей могиле медведя вырастают белые лилии и алые розы. Герои делают букеты из этих цветов и поют гимн любви:

Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем –
Сердца пророческой грезой
Вечную истину мы обретаем [11, с. 254].

Финал пьесы Соловьева лишен иронии и заканчивается гармонично: каждый герой находит свой идеал. Возможно, это связано с идеей Соловьева, что ирония над идеалом не означает отказ от него. Это мысль подтверждается тем, что Соловьев продолжает создавать философские произведения в рамках своей концепции. Этим можно также объяснить и тот факт, что Соловьев переводит новеллу Гофмана «Золотой горшок» не до конца. Он опускает последние два абзаца. Видимо, такой финал – момент торжества идеальной любви, Соловьев считал более достойным: «Да, я, счастливцев, познал высочайшее: я буду вечно любить тебя, о Серпентина! Никогда не поблекнут золотые лучи лилии, ибо с верою и любовью познание вечно!» [3, т. 1, с. 261].

Следует отметить, что гофмановские черты в большей степени прослеживаются у Соловьева в мистерии «Белая Лилия», где В. Соловьев постоянно находится на грани серьезного и смешного, буффонадного и мистериального. Это может быть связано с тем, что авторство только этой пьесы приписывается лично Вл. Соловьеву. Вопрос о том, кто написал другие пьесы, считается спорным.

Существует мнение, что Соловьев был причастен к созданию трех шуточных пьес: «Альсиму» (1876–1878) «Белая Лилия» (1878–1880) и «Дворянский бунт» (1891). Однако в литературоведении долгое время решался вопрос об авторстве этих произведений. В комментариях к «Альсиму» указывается, что пьеса – плод коллективного труда [11, с. 329]. Первые два акта написаны А.А. Венкстерном и В.Е. Гиацинтовым, а Вл. Соловьевым – третий акт. Пьеса «Дворянский бунт» приписывалась В.С. Соловьеву, хотя возможными авторами считаются Э.Л. Радлов и С.Н. Трубецкой.

Следует отметить, что все три пьесы объединяет особый соловьевский юмор, который берет свои истоки отчасти и в творчестве Гофмана. Как известно, Соловьев высоко ценил неповторимый гофмановский юмор, о чем он пишет в предисловии к своему переводу «Золотого горшка»: «Этот глубокий юмор... возможен только при равносильном присутствии реального и фантастического элемента, что освобождает сознание поэта, выражающееся в этой своей свободе как юмор» [2, с. 5]. Гофман переплетает реальное и фантастическое, за счет чего появляется особый юмор. Например, архивариус в «Золотом горшке» сидит в миске, а затем перебирается в трубку конректора: «...я и сам был в компании, – возразил архивариус, – разве вы меня не видели? Но от безумных штук, которые вы проделывали, я чуть было не пострадал, потому что я еще сидел в миске, когда регистратор Геербранд схватил ее, чтобы бросить к потолку, и я должен был поскорее ретироваться в трубку конректора» [3, т. 1, с. 300].

Другой особенностью гофмановского юмора является прием совмещения несовместимого, что, однако, воспринимается как органичное явление. Гофман часто иронизирует не только над отрицательными персонажами, но и над положительными. В результате этого достигается особый эффект – снижения изображаемого предмета или персонажа. Казалось бы, это должно поставить под сомнение саму романтическую концепцию о разделении мира на реальный и идеальный, но этого не происходит, и Гофман остается в рамках романтического произведения.

Например, в новелле «Принцесса Брамбилла» Гофман в финальной сцене акцентирует внимание не на счастье молодых, а на том, какие были у них вкусные макароны и вино: «...князю ди Пистойя и импресарио Бескапи сильно пришлось по вкусу макароны и сиракузское у молодых супругов» [3, т. 3, с. 346]. Или в «Крошке Цахесе» Проспер Альпанус дарит Бальтазару и Кандиде свое поместье, олицетворяющее собой идеальный мир, но этот мир далек от поэзии. Главным достоинством в нем является решение бытовых проблем: «Ежели ты поселишься с Кандидой в моем сельском доме, то счастье вашего супружества обеспечено. <...>

Помимо чудеснейших плодов – еще и отменная капуста, да и всякие добротные вкусные овощи, каких по всей округе не найти... <...> Кухня так устроена, что горшки никогда не перекипают и ни одно блюдо не подгорает... <...> Наконец, всякий раз, когда жена устроит стирку, то на большом лугу позади дома будет стоять прекрасная ясная погода, хотя бы повсюду шел дождь, гремел гром и сверкала молния» [3, т. 3, с. 248].

Соловьевский юмор имеет общие с Гофманом черты. Вслед за немецким писателем Соловьев сначала создает высокий романтический образ, а затем тут же преподносит его в ироническом сниженном виде («Взошла моя заря в кармане панталон») или в пределах одной фразы совмещает несовместимое:

В залог отныне банк берёт
Буквально всё: поношенный берет,
Поля от шляп, поля поместий,
Штаны, болота, чувство чести [11, с. 256].

Однако ирония Соловьева жестче, она порой доходит до абсурда.

В пьесе «Белая Лилия» Соловьев также использует буффонадные иронические приемы, которые были свойственны немецкому романтику: «Сорвал. Хватает ее за ногу и, сняв башмак, поспешно сует его себе в рот, но давится высоким каблуком и падает на пол в конвульсиях». У Гофмана подобным образом описывается падение Джильо в новелле «Принцесса Брамбилла»: «...знаменитого актера Джильо Фаву какой-то сумасбродный, потешный малый вчера заколол мечом, и тот свалился, задрвав кверху ноги» [3, т. 3, с. 315].

В буффонадном стиле Соловьев в «Белой Лилии» изображает смерть Неплюя, который неожиданно хватается за живот и падает, как кукла, а также сцену торжественного выноса его тела: «Сорвал, Халдеи и Инструмент обнажают шпаги. Медведь поворачивается к ним спиной. Тогда они, скрестивши шпаги, кладут на них труп Неплюя и уносят его, напевая на мотив: «Как я рад, капитан, что я Вас увидел» [11, с. 247]. У Гофмана мы встречаем сходный буффонадный финал поединка Джильо и Корсо в «Принцессе Брамбилле», когда Джильо падает замертво, и его тело уносят со смехом и песнями: «Джильо не успел отпарировать удар, меч противника вонзился ему в грудь, и он, бездыханный, навзничь рухнул на землю. Невзирая на трагический исход поединка, толпа, когда уносили труп Джильо, грянула таким хохотом, что все Корсо дрогнуло» [3, т. 3, с. 215].

Буффонада в творчестве Гофмана связана с идеей механизации культуры. Немецкий романтик стал одним из первых писателей, у кого нашла отражение эта проблема. Важной причиной превращения человека в автомат, по мнению Гофмана, является сама действительность, разрушающая человеческую личность. Как справедливо заметил В.В. Ванслов, корни механистичности и автоматиз-

ма кроются «в превращении человека в «винтик» производственного, государственного или военного механизма, в подмене свободной и цельной личности ущербным «частичным» человеком, который является не самостоятельно и творчески действующим индивидом, а лишь функцией отчужденного от его личности абстрактного целого» [1, с. 83]. Ирония по отношению современного общества нередко присутствует у Гофмана. Так, например, в «Крошке Цахесе» люди воспринимают Фабиана негативно только из-за его странного костюма, у которого рукава собираются к плечам, а фалды волочатся за ним на шесть локтей: «Теологи скоро ославили меня еретиком и только спорили еще, причислить ли меня к секте рукавианцев или фалдистов, но сошлись на том, что обе секты до чрезвычайности опасны... <...> Дипломаты видели во мне презренного смутьяна. Они утверждали, что своими длинными фалдами я вознамерился посеять недовольство в народе и возбудить его против правительства» [3, т. 3, с. 218].

По мнению В.В. Ванслова, «Эгоистическое бездушие в моральном смысле художественно трансформируется романтиками в бездушие в физическом смысле, и механизм-автомат становится образной формой выражения характерных черт современного человека» [1, с. 83]. Таким образом, Гофман использует буффонаду и кукольность в своем творчестве, чтобы подчеркнуть бездушие современного мира.

У Соловьева эта тема находит развитие в пьесе «Дворянский бунт», где дворяне закладывают в банк собственные души: «дворянская душа – товар нежный, легко предающийся тлению и приходящий в совершенную негодность, поэтому банк предложил прекратить дальнейший прием душ» [11, с. 259]. Русский философ иронизирует над бездуховностью, которая царит в мире, где все можно купить и продать.

Кроме того, Соловьев, как и Гофман, использует автоиронию и автопародию. Главным объектом пародии Соловьева, по мнению О.А. Дашевской, становится образ самого автора: «Это тексты, где пародируются собственные идеи философской системы... со снижением личности самого лирического героя» [4, с. 149]. Так, монолог Отчаянного поэта сочетает мечты об идеале и размышления о геморрое:

Кругом – опять всё скверно:
Печалей рой
И геморрой –
Уж геморрой-то ве-е-ерный! [11, с. 216].

Такой прием автопародии использовал и Гофман. Создавая образ романтического героя, писатель сам нередко иронизирует над ним. Так, в «Повелителе блох» Гофман описывает, как Перегринус Тис в возрасте 36 лет скачет на игрушечном коне: «И он тут же вскочил на своего благородного, гордого коня, Перегринус вообще был прекрасным наездником, но на этот раз он что-то оплошал,

потому что ретивый Понтифекс (так звали коня), храпя, поднялся на дыбы, и седок полетел вверх ногами. <...> Когда Перегринус спешился, Алина отвела в стойло укрощенное животное» [3, т. 3. с. 316]. А в гофмановской пьесе «Принцесса Бландаина» поэт чтение стихов о прекрасной принцессе сочетает с рассуждениями о вкусной еде:

Бландаина! Ангел! Дивное томлень
Пронзает грудь!
<...>

Мадера, кстати, могла бы быть и получше... Отбивные были ничего, но в подливке горчицы маловато [3, т. 1, с. 356].

Таким образом, традиции Гофмана нашли отражение у Вл. Соловьева в идейно-тематическом комплексе, который в шуточных произведениях русского философа начинает осознаваться как единое целое и характеризуется последовательным воплощением таких важнейших проблем и стилистических приемов, как двоемирие, двойничество, проблемы механизации жизни и человека. Сходные с Гофманом черты у Соловьева также прослеживаются в отдельных образах (лилии, мифологического сада, анималистических). Кроме того, ироническое начало в шуточных стихотворениях и пьесах Соловьева имеет много общих черт с гофмановской иронией и гротеском, основанных на автоиронии, кукольности и буффонаде. Гофмановские новеллы, особенно «Золотой горшок», созданные в жанре капричио, стали для Соловьева незаменимым источником для поиска собственного иронического стиля.

Библиографический список

1. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. – М.: Искусство, 1966. – 397 с.
2. Гофман Э.Т.А. Золотой горшок / пер. и предисл. Вл. Соловьева. – М.: Альциона, 1913. – 97 с.
3. Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991–1999.
4. Дашевская О.А. Поэтика нонсенса в философском дискурсе. шуточные произведения В. Соловьева и «Новейший Плутарх» Д. Андреева // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2011. – Вып. 7. – С. 109–148.
5. Из «Альбома признаний» Т.Л. Сухотиной // Соловьев Вл. Письма / под. ред. Э.Л. Радлова. – Пг.: Время, 1923. – С. 238–239.
6. Литературная критика. Владимир Сергеевич Соловьев / вступ. ст. Н.И. Цимбаева, В.И. Фатющенко. – М.: Современник, 1990. – 421 с.
7. Лосев А. Владимир Соловьев и его время. – М.: Молодая Гвардия, 2009. – 617 с.
8. Минц З.Г. Поэтика русского символизма. – СПб.: Искусство, 2004. – с. 163.
9. Роднянская И.Б. «Белая Лилия» как образец мистерии-буфф: к вопросу о жанре и типе юмора пьесы Владимира Соловьева // Вопросы литературы. – М., 2002. – № 3. – С. 86–102.
10. Салтыков А.А. Белые колокольчики (воспоминания о Владимире Соловьеве) // Книга о Владимире Соловьеве. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 348.
11. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л.: Советский писатель, 1974. – 350 с.
12. Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. – М.: Республика, 1997. – 431 с.
13. Шевченко Е.С. Шуточные пьесы Соловьева: у истоков символистской мистерии и символистского балагана // Вестник Тамбовского университета. – Тамбов, 2009. – С. 148–155.
14. Юрина Н.Г. Художественная специфика и эволюция одноактной пьесы // Вестник Тверского государственного университета. – Тверь, 2015. – С. 129–138.

References

1. Vanslov V.V. Estetika romantizma. – M.: Iskusstvo, 1966. – 397 s.
2. Gofman E.H.T.A. Zolotoj gorshok / per. i predisl. V.I. Solov'eva. – M.: Al'ciona, 1913. – 97 s.
3. Gofman E.H.T.A. Sbranie sochinenij: v 6 t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1991–1999.
4. Dashevskaya O.A. Poetika nonsensa v filosofskom diskurse. shutochnye proizvedeniya V. Solov'eva i «Novejshij Plutarh» D. Andreeva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2011. – Vyp. 7. – S. 109–148.
5. Iz «Al'boma priznanij» T.L. Suhotinoj // Solov'ev V.I. Pis'ma / pod. red. E.H.L. Radlova. – Pg.: Vremya, 1923. – S. 238–239.
6. Literaturnaya kritika. Vladimir Sergeevich Solov'ev / vstup. st. N.I. Cimbaeva, V.I. Fatyushchenko. – M.: Sovremennik, 1990. – 421 s.
7. Losev A. Vladimir Solov'ev i ego vremya. – M.: Molodaya Gvardiya, 2009. – 617 s.
8. Minc Z.G. Poetika russkogo simvolizma. – SPb.: Iskusstvo, 2004. – s. 163.
9. Rodnyanskaya I.B. «Belaya Liliya» kak obrazec misterii-buff: k voprosu o zhanre i tipe yumora p'esy Vladimira Solov'eva // Voprosy literatury. – M., 2002. – № 3. – S. 86–102.
10. Saltykov A.A. Belye kolokol'chiki (vospominaniya o Vladimire Solov'eve) // Kniga o Vladimire Solov'eve. – M.: Sovetskij pisatel', 1991. – S. 348.
11. Solov'ev V.S. Stihotvoreniya i shutochnye p'esy. – L.: Sovetskij pisatel', 1974. – 350 s.
12. Solov'ev S.M. Vladimir Solov'ev. ZHizn' i tvorcheskaya ehvolyuciya. – M.: Respublika, 1997. – 431 s.
13. Shevchenko E.S. SHutochnye p'esy Solov'eva: u istokov simvolistskoj misterii i simvolistskogo balagana // Vestnik Tambovskogo universiteta. – Tambov, 2009. – S. 148–155.
14. YUrina N.G. Hudozhestvennaya specifika i ehvolyuciya odnoaktnoj p'esy // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tver', 2015. – S. 129–138.

**«ПОЭТИКА НЕЗРЕЛОСТИ»: ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ
ТЕМЫ ЮНОСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(Д. Холмс, Д. Керуак, Д. Сэлинджер, Ф. Рот)**

В статье рассматриваются особенности поэтики романа о молодом герое в американской послевоенной литературе на примере творчества Д. Холмса, Д. Керуака, Д. Сэлинджера и Ф. Рота. Показывается, как формировались представления о незрелости как доминирующей черте современного человека, какое влияние оказали эти представления на интерпретацию образа главного героя романа, что в свою очередь определило особенности поэтики произведений: построения сюжета, использования комплекса устойчивых мотивов (бунта, дороги, подполья и т. д.), пространственно-временной организации текста, приемов комического.

Ключевые слова: американская литература, поэтика незрелости, молодой герой в литературе, инициация, комическое.

Понятие «искусство незрелости» было использовано американским литературоведом Р. Посноком в исследовании, посвященном творчеству Ф. Рота. Под незрелостью Р. Поснок понимает «способ существования, возникающий не на основе стремления к уничтожению буржуазных ограничений, а из попыток неповиновения или их игнорирования; способ существования, который противопоставлен господствующей норме» [18, р. XII]. Незрелость подразумевает неконвенциональность, бунт против принятых обществом норм и правил, поиск альтернативных поведенческих моделей, в том числе «уход в подполье» как вариант неконформистского способа существования.

Поснок вводит понятие «искусство незрелости» для характеристики особенностей творчества Рота, однако оно применимо для выявления специфики американской литературы 1940–1960 годов в целом, для которой впервые предметом изображения стал незрелый герой, а проблемы, связанные с молодежью, вышли на первый план.

Безусловно, существовали социальные и духовные предпосылки для того, чтобы литература заинтересовалась таким героем, а феномен незрелости стал предметом художественного анализа.

Среди социокультурных изменений в 1940–1960-е годы весьма существенным стало формирование, по словам С. Беллоу, «нового класса молодых людей» [4, р. 23] и новой культуры – культуры молодых.

В США устойчивое словосочетание «молодое поколение» («younger generation») стало использоваться уже в 1920-е годы. Тем самым признавалось, что молодежь имеет другие, отличные от взрослых ценности. Молодое поколение подвергало резкой критике присущее взрослому миру стремление к успеху, конкуренцию, веру в прогресс. Но если в 1920-е годы протест выразила богемная, артистическая молодежь, то в 1950–1960-е годы формируется особая молодежная культура, бросившая вызов культуре мейнстрим и позиционировавшая

себя как контркультура. В США у истоков молодежного неконформистского движения стали молодые люди, называвшие себя поколением Бит. Д. Керуак, писатель, выразивший наиболее полное устремление этого поколения, назвал произошедшие сдвиги в обществе «революцией нравов» [14, р. 14]. Очень верным представляется замечание Р. Кимбалла, данное им в исследовании «Долгий марш: как культурная революция 1960-х изменила Америку»: «...если в чем и заключалась американская революция, так в атаке на зрелость и в прославлении юности и незрелости. <...> Победа молодежной культуры 1960-х годов состояла не в том, что ее требования были выполнены, а в том, что ее ценности были приняты культурой в целом» [15, р. 9].

Утверждение культуры молодых как следствие процесса «инфантилизации» общества имело разнообразные источники. Молодёжная контркультура явилась частью романтического наследия с его бунтом против рационализма и апологией свободы. Среди духовных отцов молодежной контркультуры можно назвать Руссо, Ницше, Фрейд, Маркса, а также Достоевского. Молодежная контркультура возникает в различных европейских странах, поддержанная европейскими интеллектуалами. Антонио Грамши, Герберт Маркузе стали выразителями умонастроений молодежи.

Ортега-и-Гассет писал, что инфантильность является характерной чертой современного человека: «Пора уже наметить первыми двумя штрихами психологический рисунок сегодняшнего массового человека: эти две черты – беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной природы и, второе, врожденная неблагодарность его всему, что сумело облегчить ему жизнь. Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребенка» [3, с. 319].

Незрелость, инфантильность всегда были специфической чертой американского общества. Эта особенность отмечена и самими американцами.

Например, исследователь Ф. Карпентер объясняет факт, что социальные проблемы в американском обществе идентифицируются с проблемами подростка тем, что американское общество является незрелым, невзрослым [5, р. 19]. П. Спэкс в работе «Подростковая идея: миф о юности и воображение взрослых» утверждает, что «наиболее авторитетный стиль жизни в Америке – подростковый» [21, р. 3]. В исследовании, посвященном американскому роману, Л. Фидлер отмечал, что одной из его особенностей является невинность, юность: «Это качество, по которому наша проза сразу же отличается от европейской» [6, р. 29]. Оно объясняется своеобразием национальной жизни, наследием пуританства с его склонностью чувственный мир толковать аллегорически не как реальность, а как систему знаков. Американский роман, в отличие от европейского, избегает таких «романных» тем, как любовь, адюльтер, женитьба. Избирая героем прозы молодого героя, американскому писателю удается сосредоточиться на философских, экзистенциальных и метафизических проблемах.

Роман о молодом герое становится наиболее популярной разновидностью американского романа. К нему обращаются такие писатели, как К. Маккаллерс, С. Плат, Д. Сэлинджер, С. Беллоу, Ф. Рот, Д. Ноулз, Д. Керуак, Д. Холмс и др.

Анализируя причины обращения современной литературы к теме юности, известный американский литературовед Л. Фидлер обоснованно увидел их в изменениях, происходящих в обществе: «одно из главных изменений современного сознания состоит в передвижении ребенка из периферии к центру искусства и на самом деле к центру жизни и заканчивается “ребенко-центричным” обществом» [7, р.252]. Все это, по мнению исследователя, является признаком инфантильности современной ему культуры: «Все это привело к тому, что литература о детях стала взрослой, и сформировался образ о самих себе как о детях. <...> Керуак в своей прозе остается 35-летним подростком, обращающимся к тинэйджерам с проповедью о том, как нужно жить» [7, р. 170].

Важно отметить, что незрелость героя не определяется его возрастом, послевоенный роман создает образы героев разных возрастных групп: героине Маккаллерс – тринадцать лет, Сэлинджера – пятнадцать, Плат – девятнадцать, Холмса и Керуака – за двадцать, герою романа Ф. Рота тридцать три, но их объединяет особый психологический феномен – незрелость. Как говорит герой Рота Алекс Портной, он чувствует себя пятнадцатилетним подростком. Сам предмет конфликта с окружающим миром – утверждение своего «я» – характерен для невзрослого человека: «посмотрите-ка, половина гонки уже пройдена, а я все еще на старте, я – первый, выбравшийся из пеленок и облачившийся в гоночный костюм. 150 баллов IQ, и до сих

пор спорю с властями о правилах и нормах!» [19, р. 258]. Манера повествования осознается Портным как подростковая. Свой голос он называет «задыхающимся фальцетом подростка» [19, р. 124].

Незрелость не только определяет психологический склад героя американского романа, но и его жизненную позицию. «Взрослый» означает для него филистерский, «невзрослый» – ищущий, духовный, творческий. Для Портного признать себя взрослым – значит отказаться от поисков истины: «Мое бесконечное детство! Которое я не оставлю – или которое не оставит меня!» [19, р. 306].

Кроме того, взросление в представлении героев – это изгнание из «рая детства», воспринимаемое как трагедия, оно более напоминает «скачок, нежели переход, который всегда сопряжен с риском» [16, р. 139]. Взросление – это и самоопределение, то есть определение собственных границ и, следовательно, признание своей конечности. Повзрослеть – значит потерять бессмертие. Именно поэтому герои обречены на бунт, и этот бунт принимает метафизический характер. Герой бунтует не только против общества, но и против удела, судьбы. Тема бунта, которая имеет глубокие корни в американском романтизме, входит как одна из центральных в американский роман 1940–1960-х годов. Это нонконформистский бунт, анархический по своей природе, имевший целью раскрепощение, освобождение личности и направленный на разрушение барьеров – политических, социальных, гендерных, ментальных. Таким образом, бунт определяет жизненную позицию героя, мотив бунта является сюжетообразующим в романе.

Не менее важным оказывается и мотив дороги. Сюжет романа развивается как странствия героя в поисках собственной идентичности, а также духовной истины. Этот сюжет отличается от традиционного сюжета романа воспитания, связанного с инициацией героя, который преодолевает испытания, чтобы стать взрослым. Герои американского романа не хотят взрослеть, они избегают всякой завершенности, статичности. В их представлении взрослый мир консервативен, статичен, неспособен к обновлению, юность мыслится как движение, которому нет конца. Дорога – символ вечных поисков человека – указывает на их собственную незавершенность и незавершенность мира. Завязка романа о молодом герое строится как выход протагониста из замкнутого пространства (школа, дом) в большой мир. Герои Сэлинджера и Плат отправляются в Нью-Йорк, Маккаллерс – в путешествие по городу, но наиболее ярко образ дороги воплощен в культовом романе Керуака «На дороге». Позиция в пространстве коррелирует с жизненной позицией героев. Путешествия имеют смысл только как путь самопознания, который бесконечен. Неслучайно герой-повествователь Сал задает всем встречающимся на его пути девушкам вопрос:

«Чего ты ждешь от жизни?» [13, р. 57]. Этот вопрос может быть адресован и ему. Объекты поиска (себя, любви, Бога, братства) возникают и исчезают, но в конце концов герой, ведущий поиск, подходит к ним все ближе. Сюжетобразующая модель поиска и потери присутствует не только в романе «На дороге», но и «Легенде Дулуоза» в целом. Образ дороги вводит в роман романтический мотив бегства героев от реальности, которая представлена как абсурдная. Герой-повествователь Сал констатирует, что американцам «некуда идти и не во что верить» [13, р. 245], их жизнь бессмысленна. «Безумная мечта: хватать, брать, давать, вздыхать, умирать – и все ради того, чтобы быть погребенным на ужасных городах-кладбищах» [13, р. 107].

Нужно отметить, что пребывание на дороге как попытка уклониться от необходимости взрослеть и брать связанную с этим ответственность характерна и для самих представителей поколения Бит. Нил Кэссиди, ставший прототипом Дина Мориарти в романе Керуака, в письме Алену Гинсбергу 1948 года говорит о себе: «Я простоватый, ребячливый, неуклюжий подросток» [17, р. 48]. Американская писательница Д. Джонсон, участница движения Бит, рассказывая о последнем разговоре с Керуаком, пишет: «Последний раз я слышала голос Джека по телефону в 1964 году. Он позвонил неожиданно из своего пьяного одиночества: «Ты никогда ничего не хотела, кроме горохового супа». Конечно, это было неправдой, но я заплакала после того, как он повесил трубку. “О чем это он?”, – спросил мой друг. Я думаю, о праве оставаться детьми» [8, р. 261]. Инфантильность героев произведений Керуака и самого автора отмечалась отечественными и американскими исследователями. Так, Т.Н. Денисова пишет: «Мировоззрение Керуака – от первых книг до последних – характеризуется незрелостью, инфантильностью. Он зачастую выглядит мальчиком, растерявшимся перед загадочным миром взрослых» [1, с. 176]. Американский литературовед Т. Хант, анализируя роман Керуака «На дороге», отмечает, что конфликт, представленный в романе, – это конфликт подростка с миром взрослых: «Пример Дина (главный герой романа Дин Мориарти. – *И. Л.*) – типично американский. Он воплощает конфликт между мечтательным подростком, создающим свой мир, и ограничивающим, но устойчивым социальным миром взрослых» [11, р. 480]. Другой исследователь, К. Вopat, также подчеркивает инфантильность героев Керуака: «Сэл чувствует себя более комфортно в роли капризного ребенка, нежели в роли друга или брата, еще менее отца и мужа. Герои Керуака отправляются в дорогу не для того, чтобы отыскать настоящую жизнь, но чтобы оставить ее позади, и прежде всего связанную с ней ответственность. Дин появляется каждый раз, чтобы спасти своего друга от взросления» [22, р. 442–443].

Литература о молодом герое открывает еще одно пространство – нонконформистское подполье, где, как и «на дороге», молодой человек обретает свободу, в том числе свободу оставаться незрелым, незрелым. Подполье противопоставлено как незрелый мир взрослому.

Тема подполья наиболее полно представлена в творчестве Д. Холмса и Д. Керуака. Подполье по сути инфантильно. Об инфантильности героев нонконформистского подполья пишет Холмс. Демонический Агатсон из его романа «Иди» оказывается «всего лишь школьник, который так и не вырос», как характеризует его один из героев Кетчам; а «его дикие выходки, безумные трюки, рассчитанные непристойности (потому как вы знаете, он их действительно просчитывает), по словам другого героя, Стофски, – не трагические иллюстрации стремления к смерти или упадка западной цивилизации... но просто... мальчишество, старина!» [10, р. 10]. В романе Холмса важно сравнение героев с детьми. Оно вынесено и в эпиграф: «Но кому уподоблю род сей? Он подобен детям, что сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали» (Евангелие от Матфея 11:16,17). Подполье Бит – это мир детей без взрослых. Холмс показывает, как незрелость его участников ведет к трагедии и преступлению.

Одним из итогов странствий по подпольному миру главного героя романа Гоббса является понимание того, что выйти из подполья – значит повзрослеть: «Я был только ребенком, бездумным ребенком... Знаешь, что я имею в виду? Это было все только литературой, ребячеством», – говорит своей жене Гоббс [10, р. 277].

Подполье поколения Бит – это своего рода сообщество, мужское братство – «беспокойное, находящееся в непрерывном движении» [10, р. 237]. М. Каули полагал, что возникновение феномена мужского братства – следствие отчуждения молодежи. Но также его появление объясняется незрелостью молодых участников молодежного подполья, их стремлением войти в мир на своих условиях, создать собственную модель отношений между людьми.

Подполье противопоставлено не только как незрелый мир взрослому, свободный – несвободному, но и как смеховой – серьезному, в котором ценности традиционного общества пародируются и трагестируются. Карнавальная стихия, где верх и низ смешаны, низ воспевается и сакраментализуется, характерна для романа о молодом герое. Источник комического заключается в самом возрасте героя, в его наивности, в несоответствии физического созревания и интеллектуального, жизненного и эмоционального опыта, желаний и возможностей, мечты и действительности. Пафос

нелепого, абсурдного – отличительная черта прозы К. Маккаллера. Напряжение между смешным и патетическим создает основную тональность романа «Участница свадьбы». История трагического одиночества Франки пронизана светом комического. В комические ситуации попадает герой Сэлинджера Холден. Он бунтует против конформизма взрослых, боясь стать *phoney*, другим, прожить не свою жизнь, а навязанную кем-то, поэтому он не хочет взрослеть. Однако он сознает, что в мире, где господствуют взрослые, подросток оказывается неполноценен, поэтому Холден выдает себя за совершеннолетнего, тем самым попадая в комические положения, в романе он также играет роль буффона, шута. Стихия комического представлена и в романе Рота «Случай Портного». Рот называет роман «комической жалобой» [20, р. 50], а своего героя – «героем из еврейского анекдота» [20, р. 7]. Главный герой романа Алекс Портной – клоун, буффон, который выявляет гротескное, абсурдное, ненормальное в повседневности, остракая его. Для Портного характерна этика игры. «Эта насмешка, подшучивание, игра, притворство – все для насмешки! Как я люблю это! И тем не менее за всем этим – настоящая правда... Проигрыш и выигрыш – это не шутка... и тем не менее шутка! И именно это меня трогает больше всего» [19, р. 275]. Герой романа Рота утверждает жизнь, но комически, настаивая на ее абсурдности. Таким образом, комическое составляет важную особенность поэтики романа о молодом герое.

Одним из открытий американской литературы 1940–1960-х годов стал сам образ героя, находящегося в периоде становления. Он воплотил в себе черты человека переходной эпохи, каким явилось послевоенное время. Неустойчивость положения человека в обществе, незавершенность его душевного склада представляют существенную характеристику этого героя.

П. Гудман назвал героя романа 1940–1960-х *protean*, изменчивым, ибо «личность постоянно борется, чтобы проявиться такой, какова она есть. Процесс не завершен, нет и никаких стабильных результатов. Каждая стадия предполагает кризис идентичности. Изменчивый (*protean*) человек – это явление послевоенное» [12, р. 130]. Для подобного героя приложима и характеристика Р. Музиля: «человек – нечто почти бесформенное, неожиданно пластичное, на все способное. Доброе и злое колеблются в нем как стрелки чувствительнейших часов» [2, с. 11].

Герой вбирает в себя полярные стремления, совмещает в себе крайности. В нем воплотились протест и жажда искупления, жертвенность и бунтарство. Отмечая «несоответствие между невинностью героя и деструктивным характером его опыта» [9, р. 7], И. Хассан для обозначения этого качества героя использует оксюморонное сочетание «ради-

кальная невинность»: «Его способность чувствовать боль кажется почти святой, а его страсть к ереси почти преступной. Но, будучи безупречным в своей святости и почти гротескным в своей преступности, он выражает человеческое неугасимое желание утвердить человеческое понимание жизни» [9, р. 6]. Герой послевоенного американского романа находится в поиске новых духовных ценностей, чтобы стать собой. Он выступает как бунтарь и жертва. Сложность, хаотичность послевоенной действительности явились причиной того, что человек послевоенного времени жил с ощущением трагичности и абсурдности бытия, его ответом миру стал, с одной стороны, бунт, с другой – растерянность и бегство. Это герой эпохи рубежа, где сходятся крайности, где все находится в движении, становлении. Молодой герой-бунтарь становится символом смятенного человечества.

Образ «незрелого героя» определяет поэтику романа: особенности построения сюжета, комплекс устойчивых мотивов, пространственно-временную организацию текста, символизм, стихию комического.

Незрелость, неустойчивость, незавершенность как черты современного человека нашли отражение в интерпретации темы юности, теперь этот период не имеет устойчивых возрастных границ, но видится как время бунта и преобразования, когда становление человека связано не со стремлением войти во взрослый мир, а напротив, избежать взросления, создав собственный мир, свободный и человеческий.

Библиографический список

1. Денисова Т.Н. На пути к человеку. Борьба реализма и модернизма в современном американском романе. – Киев: Наукова думка, 1971. – 338 с.
2. Музиль Р. Человек без свойств. – М.: Художественная литература, 1984. – Кн. 1. – 751 с.
3. *Омега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.
4. *Bellow S.* Conversations with Saul Bellow. – Mississippi: University Press of Mississippi, 1994. – 288 p.
5. *Carpenter F.I.* The Adolescent in American Fiction // English Journal. – 1957 (September). – P. 19.
6. *Fiedler L.* Love and Death in the American Novel. – N. Y.: Dalkey Archive, 1966. – 520 p.
7. *Fiedler L.* No! in Thunder: Essays on Myth and Literature. – Boston: Stein and Day Publishers, 1960. – 336 p.
8. *Johnson J.* Minor Characters. – Boston: Houghton Mifflin Co., 1983. – 263 p.
9. *Hassan I.* Radical Innocence: Studies in the Contemporary American Novel. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 362 p.
10. *Holmes J.C.* Go. – N. Y.: Thunder's Mouth Press, 1980. – 344 p.

11. *Hunt T.* On the Road: an Adventurous American Education // *J. Kerouac.* On the Road: Text and Criticism. – N. Y.: Viking, 1979. – 490 p.
12. *Karl F.* American Fiction 1940–1980. – N. Y.: Joanna Cotler Books, 1983. – 637 p.
13. *Kerouac J.* On the Road. – N. Y.: Penguin Books, 1976. – 307 p.
14. *Kerouac J.* Safe in Heaven Dead. – N. Y.: Hanuman Books, 1994. – 129 p.
15. *Kimball R.* The Long March: How the Cultural Revolution of the 1960s Changed America. – San Francisco: Encounter Books, 2000. – 326 p.
16. *Peck M.* The Road Less Travelled. – N. Y.: A Touchstone Book, 1978. – 315 p.
17. *Plummer W.* The Holy Goof. A Biography of Neal Cassady. – Englewoof Cliffs: Prentice-Hall, 1981. – 176 p.
18. *Posnock R.* Philip Roth's Rude Truth. The Art of Immaturity. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. – 328 p.
19. *Roth Ph.* Portnoy's Complaint. Ph. Roth. – N. Y.: Bantam, 1970. – 289 p.
20. *Roth Ph.* Reading Myself and Others. – N. Y.: Penguin, 1975. – 336 p.
21. *Spacks P.* The Adolescent Idea: Myths of Youth and the Adult Imagination. – N. Y.: Basic Books, 1981. – 308 p.
22. *Vopat C.G.* Jack Kerouac's On the Road: a Re-evaluation // *J. Kerouac.* On the Road: Text and Criticism. – N. Y.: Viking, 1979. – P. 431–450.
6. *Fiedler L.* Love and Death in the American Novel. – N. Y.: Dalkey Archive, 1966. – 520 p.
7. *Fiedler L.* No! in Thunder: Essays on Myth and Literature. – Boston: Stein and Day Publishers, 1960. – 336 p.
8. *Johnson J.* Minor Characters. – Boston: Houghton Mifflin Co., 1983. – 263 p.
9. *Hassan I.* Radical Innocence: Studies in the Contemporary American Novel. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 362 p.
10. *Holmes J.C.* Go. – N. Y.: Thunder's Mouth Press, 1980. – 344 p.
11. *Hunt T.* On the Road: an Adventurous American Education // *J. Kerouac.* On the Road: Text and Criticism. – N. Y.: Viking, 1979. – 490 p.
12. *Karl F.* American Fiction 1940–1980. – N. Y.: Joanna Cotler Books, 1983. – 637 p.
13. *Kerouac J.* On the Road. – N. Y.: Penguin Books, 1976. – 307 p.
14. *Kerouac J.* Safe in Heaven Dead. – N. Y.: Hanuman Books, 1994. – 129 p.
15. *Kimball R.* The Long March: How the Cultural Revolution of the 1960s Changed America. – San Francisco: Encounter Books, 2000. – 326 p.
16. *Peck M.* The Road Less Travelled. – N. Y.: A Touchstone Book, 1978. – 315 p.
17. *Plummer W.* The Holy Goof. A Biography of Neal Cassady. – Englewoof Cliffs: Prentice-Hall, 1981. – 176 p.
18. *Posnock R.* Philip Roth's Rude Truth. The Art of Immaturity. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. – 328 p.
19. *Roth Ph.* Portnoy's Complaint. Ph. Roth. – N. Y.: Bantam, 1970. – 289 p.
20. *Roth Ph.* Reading Myself and Others. – N. Y.: Penguin, 1975. – 336 p.
21. *Spacks P.* The Adolescent Idea: Myths of Youth and the Adult Imagination. – N. Y.: Basic Books, 1981. – 308 p.
22. *Vopat C.G.* Jack Kerouac's On the Road: a Re-evaluation // *J. Kerouac.* On the Road: Text and Criticism. – N. Y.: Viking, 1979. – P. 431–450.

References

1. Denisova T.N. Na puti k cheloveku. Bor'ba realizma i modernizma v sovremennom amerikanskom romane. – Kiev: Naukova dumka, 1971. – 338 s.
2. Muzil' R. CHelovek bez svojstv. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1984. – Kn. 1. – 751 s.
3. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass // EHstetika. Filosofiya kul'tury. – M.: Iskusstvo, 1991. – 588 s.
4. Bellow S. Conversations with Saul Bellow. – Mississippi: University Press of Mississippi, 1994. – 288 p.
5. Carpenter F.I. The Adolescent in American Fiction // English Journal. – 1957 (September). – P. 19.
6. Fiedler L. Love and Death in the American Novel. – N. Y.: Dalkey Archive, 1966. – 520 p.
7. Fiedler L. No! in Thunder: Essays on Myth and Literature. – Boston: Stein and Day Publishers, 1960. – 336 p.
8. Johnson J. Minor Characters. – Boston: Houghton Mifflin Co., 1983. – 263 p.
9. Hassan I. Radical Innocence: Studies in the Contemporary American Novel. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 362 p.
10. Holmes J.C. Go. – N. Y.: Thunder's Mouth Press, 1980. – 344 p.
11. Hunt T. On the Road: an Adventurous American Education // J. Kerouac. On the Road: Text and Criticism. – N. Y.: Viking, 1979. – 490 p.
12. Karl F. American Fiction 1940–1980. – N. Y.: Joanna Cotler Books, 1983. – 637 p.
13. Kerouac J. On the Road. – N. Y.: Penguin Books, 1976. – 307 p.
14. Kerouac J. Safe in Heaven Dead. – N. Y.: Hanuman Books, 1994. – 129 p.
15. Kimball R. The Long March: How the Cultural Revolution of the 1960s Changed America. – San Francisco: Encounter Books, 2000. – 326 p.
16. Peck M. The Road Less Travelled. – N. Y.: A Touchstone Book, 1978. – 315 p.
17. Plummer W. The Holy Goof. A Biography of Neal Cassady. – Englewoof Cliffs: Prentice-Hall, 1981. – 176 p.
18. Posnock R. Philip Roth's Rude Truth. The Art of Immaturity. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. – 328 p.
19. Roth Ph. Portnoy's Complaint. Ph. Roth. – N. Y.: Bantam, 1970. – 289 p.
20. Roth Ph. Reading Myself and Others. – N. Y.: Penguin, 1975. – 336 p.
21. Spacks P. The Adolescent Idea: Myths of Youth and the Adult Imagination. – N. Y.: Basic Books, 1981. – 308 p.
22. Vopat C.G. Jack Kerouac's On the Road: a Re-evaluation // J. Kerouac. On the Road: Text and Criticism. – N. Y.: Viking, 1979. – P. 431–450.

ЧЕЛОВЕК КАК ИСКАТЕЛЬ БЫТИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ У.Х. ОДЕНА «WHITHER?»

Цель данной статьи – рассмотреть стихотворение У.Х. Одена «Whither?» (1938) с философской (экзистенциальной и онтологической) точки зрения. Данное произведение нечасто привлекает внимание критиков, а между тем в нем сосредоточены многие вопросы, актуальные для зрелой поэзии Одена (американский период). В статье устанавливается связь стихотворения «Whither?» с английской литературной традицией через жанрообразующий мотив «Quest». На основе анализа текста на образно-композиционном уровне определяется авторская интенция – деконструкция бинарных оппозиций. Содержание стихотворения исследуется в контексте философских систем М. Хайдеггера и Ж. Деррида. В результате проведенного анализа автор статьи приходит к следующему выводу: субъект в данном стихотворении – это собирательный образ странника, чья экзистенция является путешествием во времени в поисках бытия. Бытие в тексте Одена трактуется как взаимодействующее с временностью и историчностью. Бытие призывает человека-странника, говоря с ним на языке сущего.

Ключевые слова: У.Х. Оден, стихотворение «Whither?», мотив «Quest», экзистенция, бытие, М. Хайдеггер, бинарная оппозиция, деконструкция, Ж. Деррида.

Одним из основных мотивов в творчестве выдающегося англо-американского поэта У.Х. Одена (1907–1973) является мотив «Quest». Это английское слово можно перевести как «странствие в поисках чего-то важного, что очень трудно найти». Данный мотив был жанрообразующим для английской средневековой литературы («Beowulf», «Sir Gawain and the Green Knight», Thomas Malory's tales of King Arthur), а в последующие века он осмыслялся по-новому: его широко использовали романтики, викторианцы, модернисты. И когда Оден в 1938 году пишет стихотворение «Whither?» («Куда?»), которое открывает цикл «A Voyage» («Морское путешествие»), он вступает в диалог с богатой литературной традицией, модернизируя ее. Вслед за Т.С. Элиотом Оден развивает мотив «Quest» в философско-психологическом ключе.

Необходимо отметить, что стихотворение «Whither?» было написано за год до того, как Оден эмигрировал в США, покинув Европу – «бесплодную землю», охваченную предчувствием катастрофы. В родной Англии многие сочли этот поступок поэта предательством. Столь суровое осуждение объяснялось тем, что к началу 30-х годов Оден уже приобрел известность как поэт политически ангажированный: молодой Оден разделял «левые» убеждения. Критики высоко ценили его смелую трактовку проблем современного социума. Поэтому эмиграция Одена в Америку в 1939 году в глазах европейских интеллектуалов выглядела как бегство. В каком-то смысле это и было бегством, но не от угрозы надвигающейся войны, а от той роли ангажированного «голоса поколения», в которой общество желало видеть Одена. Проблема заключалась в том, что к концу 30-х годов Оден претерпел серьезные внутренние изменения: он чувствовал, что перерос эту роль, что ему – как автору и как личности – необходимо развиваться

в другом направлении. Социально-политические темы в его творчестве постепенно уступают место психологическим и философским. Поэт начинает серьезно интересоваться философией и религией. Он отрекается от роли трибуна, глашатая, лидера, публичной фигуры, выбирая позицию исследователя. И в качестве объекта исследования в его произведениях все чаще выступает сама человеческая природа. Человек в зрелом творчестве Одена изучается не только в контексте современного ему общества, но и в связи с более глубокими экзистенциальными и онтологическими вопросами. С одной стороны, поэт, обращаясь к этому кругу вопросов, выходит во вневременное поле: то же стихотворение «Whither?», которое мы будем рассматривать, может быть интерпретировано как некая универсальная аллегория человеческого пути, не зависящая от социально-исторических процессов. С другой стороны, субъект, путь которого описывается в данном произведении, безусловно, конституирован в контексте XX века. Стихотворение «Whither?» не относится к числу широко известных, на него не так часто обращала внимание критика, а между тем оно представляет немалый интерес для исследователя оденовского творчества как произведение, в котором сосредоточены вопросы, актуальные для зрелой поэзии Одена, поэзии американского периода.

Примечательно название этого стихотворения. Английское слово «whither» – это устаревшая форма вопроса «where» («куда», «до какого места»). На всем протяжении текста стихотворения, состоящего из 5 строф, устаревшая лексика не используется, но таким названием Оден подчеркивает внутреннюю связь своего произведения с древней литературной традицией. Эта связь не так уж очевидна, потому что оденовский текст на первый взгляд не имеет ничего общего, например, с рассказом о поиске Святого Грааля. По нашему мнению,

однако, в творчестве Одена имеет место новая форма, в которую облекается вечное содержание.

Стихотворение открывается строфой, в которой автор мастерски использует один из своих излюбленных приемов – прием монтажа:

Where does this journey look which the watcher upon the quay,
Standing under his evil star, so bitterly envies,
As the mountains swim away with slow calm strokes
And the gulls abandon their vow? Does it promise a juster life?!

Читатель одновременно видит отплывающий корабль глазами человека, который остался на пристани, и удаляющуюся береговую линию глазами путешественника. Путешественник у Одена – образ собирательный, аллегорический, так как речь идет о жизни людей вообще, о человеческой экзистенции. В тексте странник именуется «he» и «fortunate traveler» (во 2-й строфе). Счастье странника, покидающего берег, противопоставлено «горькой зависти» того, кто остается. Цель странствия определяется как «a juster life» и «the Good Place» – «хорошее место» (противоположное элиотовской «бесплодной земле»), нечто вроде «земли обетованной». Интересно, что во 2-й строфе Оден сравнивает поиск этой «земли» с детской игрой. На протяжении всего стихотворения автор резко сталкивает друг с другом такие понятия, как «real» / «unreal» («настоящее» / «ненастоящее»), «true» / «false» («истинное» / «ложное»). Но, говоря о пространстве детской игры, Оден снимает бинарную оппозицию: он использует слово «convincing» («убедительный»), оставляя открытым вопрос о реальности или нереальности данного пространства. По сути, вопрос снимается вместе с бинарной оппозицией. Вся логика текста будет вести нас к пониманию того, что именно этим качеством – *убедительностью* – должна обладать искомая «земля». Данное качество является радикальным выходом за пределы дуалистического противостояния, но обрести его не так просто: в отличие от детей, которые способны видеть «хорошую землю» повсюду, оденовский «счастливый странник» (ирония) даже не уверен в том, что эта «земля» вообще существует:

Alone with his heart at last, does the fortunate traveler find
In the vague touch of a breeze, the fickle flash of a wave,
Proofs that somewhere exists, really, the Good Place,
Convincing as those that children find in stones and holes?!”

Вводя образы ребенка и детской игры в текст, Оден предлагает читателю задуматься о том, что именно делает эту игру *убедительной*, почему в ней возможна деконструкция таких базовых оппозиций, как «настоящее / ненастоящее», «истинное / ложное». Эти оппозиции являются фундаментом метафизики, именно они определяли развитие западной философии на протяжении веков, начиная с Платона и Аристотеля. Однако в XX веке, под прямым воздействием философии

Ницше, метафизика и ее дуалистический принцип осмысления действительности подверглись радикальной критике – от деструкции М. Хайдеггера до деконструкции Ж. Деррида. Эти мыслители полагали, что классические методы философствования, основанные на дихотомии («объект – субъект», «отсутствие – присутствие», «время – вечность», «природа – культура», «зло – добро» и т. д.), завели западную цивилизацию в тупик, выход из которого не будет легким. И когда Ницше устами своего Заратустры воспекает ребенка, он имеет в виду освобождение от тех «метафизических оков», в которых пребывает человек. Детская игра, детский смех в культуре XX века становятся символами этого освобождения (творчество Германа Гессе, например). И отнюдь не случайно понятие «игра» будет одним из ключевых в философии постструктурализма, нацеленной на деконструкцию западной метафизики.

Ребенок, в отличие от взрослого, не заражен дуалистическим восприятием мира. Это выражается прежде всего в том, что ребенок не противопоставляет себя миру – он составляет с ним одно целое. Восприятие ребенка, вовлеченного в игру, не определяется оппозицией «объект – субъект». Именно поэтому для ребенка нет того, что не было бы «хорошим местом». Другими словами, «хорошее место» – это самосознание ребенка, которое проецируется на весь мир.

Но оденовский странник – это взрослый человек, утративший чистоту детской недвойственности: он, говоря библейским языком, уже вкусил запретный плод и уже различает «добро» и «зло». В 3-й строфе стихотворения «Whither?» поэт описывает нигилизм и отчаяние, настигающие человека после «грехопадения»:

No, he discovers nothing: he does not want to arrive.
His journey is false, his unreal excitement really an illness
On a false island where the heart cannot act and will not suffer:
He condones his fever; he is weaker than he thought; his
weakness is real.

При всей универсальности этого образа нельзя не заметить, что это и отчаяние человека XX века, экзистенциальное отчаяние. Это тот самый нигилизм, о катастрофическом приходе которого в западный мир предупреждал Ницше. Это также Ничто, в которое человек, согласно Хайдеггеру, погружается в опыте экзистенциального ужаса. Но, как известно, Хайдеггер описывал опыт Ничто как «светлую ночь». Под этим он имел в виду то, что опыт Ничто – не финален для человека. Напротив, именно он парадоксальным образом может стать для человека дверью в бытие. Происходит это потому, что опыт Ничто является очищающим для человека: все метафизические конструкты, которые, казалось бы, создавали такую прочную основу для экзистенции, но вместе с тем полностью отгораживали человека от бытия, теперь разруша-

ются экзистенциальным ужасом. Как ни мучителен этот процесс, именно он расчищает человеку дорогу к бытию, к единству с бытием, которое он на самом деле и ищет, не осознавая того. Единство с бытием и есть его «хорошее место», к которому он бессознательно стремится.

В 4-й и 5-й строфах Оден описывает состояние путешественника, который внезапно, в какие-то мгновения, выходит из своего транса *неподлинного* (двойственного) в самую сердцевину *подлинного* (недвойственного) существования (курсивом выделены определения Хайдеггера):

But at moments, as when real dolphins with leap and panache
Cajole for recognition or, far away, a real island
Gets up to catch his eye, his trance is broken: he remembers
Times and places where he was well; he believes in joy,

That, maybe, his fever shall find a cure, the true journey an end
Where hearts meet and are really true, and crossed this
ocean, that parts

Hearts which alter but is the same always, that goes
Everywhere, as truth and falsehood go, but cannot suffer.

Океан – это образ самого бытия: он простирается всюду, и он вечен. Он абсолютно трансцендентен по отношению к двойственным метафизическим конструктам («truth and falsehood»). Но океан бытия взаимодействует с тем, что Хайдеггер определял термином «Dasein» («вот-бытие»), то есть с экзистенцией-сознанием самого человека, которое является историческим и временным. С.А. Коначева пишет об этом взаимодействии: «Субъект-объектное видение, присущее метафизике, отбрасывается в интуитивном схватывании бытия, которое только и может привести к истинной онтологии. Это схватывание бытия не может быть ни метафизическим, ни сверхвременным, но должно осуществляться в пределах исторического континуума или процесса» [2, с. 31]. Мгновение, когда оденовский странник наконец *видит* «настоящих дельфинов» и «настоящий остров», – это и есть выраженное поэтическим языком интуитивное «схватывание бытия», которое всегда доступно для человека. Более того, бытие *призывает* человека к себе, о чем свидетельствуют такие фразы в стихотворении, как «cajole for recognition» и «catch his eye»: сущее, которое изнутри высвечено бытием, *просит* странника обратить на него внимание, признать его и погрузиться в то единство бытия и сущего, которое, как оказывается, доступно не только детям. «Экстатическая сущность человека означает, что человек принадлежит себе только в той мере, в какой он слышит призыв бытия», – говорит С.А. Коначева [2, с. 28]. «Экстатическая сущность» проявляется тогда, когда человек совершает прыжок из транса двойственной неподлинности в недвойственную истину бытия, когда его сознание озарено этой истиной. И тогда каждое *событие* (Ereignis, термин Хайдеггера) характери-

зуется преодолением метафизики, «возможностью оставаться в движении, в конечном итоге, выставленностью в бездну игры» [2, с. 30–31]. Через *событие* бытие осмысливается не в отрыве от истории и времени, а внутри них (имманентно по отношению к ним). Бытие «схватывается» в то мгновение, когда, согласно Кьеркегору, раскрывается вся «полнота времени» [3, с. 185]. Или, в хайдеггеровских терминах, человек откликается на зов бытия в «аутентичном настоящем», которое существует не просто как некое движущееся лезвие между прошлым и будущим, но как глубокое отношение, связь между подлинной открытостью к тому, что еще только будет, и совершенным приятием тех условий человеческого существования, которые уже были заданы. Хайдеггер неоднократно подчеркивал в своих работах, что «единство трех измерений времени покоится на игре каждого в пользу другого» [4, с. 400].

Мысли Кьеркегора и Хайдеггера получили развитие в философии постструктурализма. По мнению Ж. Деррида, необходимо не только отыскивать диалектику предвосхищения и удержания «в самом средоточии наличия», но попытаться «охватить его этой диалектикой» [1, с. 194]. В результате, пишет Деррида, должно возникать понимание того, что, например, наличный опыт определяется «не тем настоящим наличием, которое непосредственно ему предшествует, а тем, которое возникает задолго до него» [1, с. 194]. И то же запаздывающее воздействие или *последействие* (термин Деррида) обнаруживается в проекции настоящего момента в будущее: опыт аутентичности, переживаемый в данный момент, соотносится с некой точкой в будущем, то есть не с сиюминутностью, а с потенциальной возможностью.

Именно эту диалектику предвосхищения и удержания в «средоточии наличия» мы видим у Одена в 4-й и 5-й строфах, которые являются кульминационными. Алан Родвей, анализируя тексты Одена 30-х годов, в которых ключевым мотивом является путешествие, пишет: «Как если бы некий странник достиг своей цели, даже не подзревая об этом, и стал свидетелем того, как его чашка для подаваний превратилась в Святой Грааль» [6, с. 114].

Итак, субъект в стихотворении Одена «Whither?» предстает как странник, номад, чья экзистенция является путешествием во времени в поисках бытия. Но едва ли это можно назвать «целью» в привычном понимании. Скорее, это некий потенциал самодвижения, самораскрытия, который заключен в экзистенциальном странствии. Хайдеггер полагал, что, экзистируя, человек стоит в «просвете бытия», и этот «просвет» есть возможность для человека постичь бытие в мгновенном схватывании. Мы думаем, что образы из кульминационной части рассмотренного стихотворения

(«real dolphins», «real island»), которые внезапно пробуждают странника, выводя его в подлинность единства с бытием из «транса» двойственной неподлинности («his trance is broken»), указывают на безграничный потенциал экзистенции, человеческого пути («Quest»).

Примечание

¹ Здесь и далее текст стихотворения цитируется по изданию: Auden W.H. *Collected Poems* / ed. by E. Mendelson. – New York, 1991. – P. 173–174.

Библиографический список

1. Деррида Ж. О грамматики. – М., 2000. – 512 с.
2. Кончева С.А. Теологическая онтология в постметафизическую эпоху: от IPSUM ESSE к событию // *Философские исследования*. – 2016. – Т. 5 (1/2).
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М., 1998. – 110 с.
4. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. В.В. Бибихин. – М., 1993. – 447 с.

5. Derrida J. *Differance* // *Literary Theory: An Anthology* / ed. by J. Rivkin and M. Ryan. – Oxford, 1998. – P. 385–407.

6. Rodway A. *A Preface to Auden*. – London; New York, 1984. – 172 p.

References

1. Derrida J. *O grammatologii*. – М., 2000. – 512 с.
2. Koncheva S.A. *Teologicheskaya ontologiya v postmetafizicheskuyu epohu: ot IPSUM ESSE k sobytiyu* // *Filosofskie issledovaniya*. – 2016. – T. 5 (1/2).
3. K'erkigor S. *Strah i trepet*. – М., 1998. – 110 s.
4. Hajdegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* / sost. V.V. Bibihin. – М., 1993. – 447 s.
5. Derrida J. *Differance* // *Literary Theory: An Anthology* / ed. by J. Rivkin and M. Ryan. – Oxford, 1998. – P. 385–407.
6. Rodway A. *A Preface to Auden*. – London; New York, 1984. – 172 p.

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
tgkuchina@mail.ru

Иванова Дарья Михайловна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, студентка магистратуры
mirandasha@mail.ru

«КАЛЛИГРАФИЧЕСКИЕ» МОТИВЫ В ПРОЗЕ МИХАИЛА ШИШКИНА

Статья обращена к рассмотрению «каллиграфической» образности рассказов и романов Михаила Шишкина. Герои-скрипторы (Евгений Александрович из «Урока каллиграфии», Володя и Глазенап из «Письмовника»), «слово» / «буква» в качестве сквозных лейтмотивов, а также многократно повторяющиеся сцены письма – устойчивые черты прозы М. Шишкина. Человек пишущий в художественном мире писателя представлен в череде перформативных актов: выводя пером приговор, судебный писарь «казнит и милует», а Володя, отправляя похоронку родителям погибшего солдата, его воскрешает («Ваш сын погиб, но он жив и здоров»). Перо, выписывающее изгибы букв, и чистый лист метафорически соотносены с линией жизни и тем неназываемым миром, что был до первой заглавной буквы и останется после того, как перо оторвется от бумаги, поставив финальную точку. В акте письма разрозненные «частички бытия» собираются в единый и связный экзистенциальный сюжет, в котором «все происходит одновременно – и бывшее, и еще не наступившее». Каллиграфия в прозе М. Шишкина – образцовый, доведенный до эстетического совершенства путь из текучей, преходящей, временной жизни в подлинный, созданный словами мир.

Ключевые слова: Михаил Шишкин, мотив, письмо, каллиграфия, скриптор.

Герой-«скриптор» и «каллиграфическая» образность входят в прозу Михаила Шишкина уже в одном из первых его произведений – рассказе «Урок каллиграфии» (1991; опубликован в 1993 г.). Роман «Венерин волос» (2005) продолжает тему письма в истории толмача, фиксирующего рассказы беженцев («От вас останется только то, что я сейчас запишу» [3, с. 265]). В «Письмовнике» (2010) каллиграфические мотивы появляются в сюжетной линии Володи (сам он штабной писарь, а его друг Глазенап увлеченно, всерьез осваивает искусство каллиграфии) и встраиваются в сложно структурированную систему мотивов – свободы, творчества, умирания-воскрешения, «сплавленности» слова и человека, рассказа о его жизни и самой жизни. Рассматривая соотношение «письма» и «бытия» в рассказе «Урок каллиграфии», исследователи указывают на то, что «автор выдвигает в центр повествования “пишущее сознание”, характеризующее персонажа “сдвинутого”, читающего “мир как текст”» [1, с. 138], что «письмо является основой жизненной философии учителя каллиграфии, доказательством взаимосвязи вещей, символом нерасторжимости бытия» [2, с. 340]. Эти тезисы верны не только для рассказа «Урок каллиграфии», но и для романной прозы Михаила Шишкина. Цель данной работы – выявить структурно-семантические связи каллиграфических мотивов с мотивами, определяющими экзистенциальное содержание произведений писателя (времени, памяти, творчества, жизни и смерти, подлинности индивидуального бытия), и охарактеризовать значимые смысловые грани «каллиграфической» образности.

Эссе М. Шишкина «В лодке, нацарапанной на стене» утверждает пишущего в роли «связки между двумя мирами: между нереальным миром жизни, где все текуче, мимолетно, смертно и исчезает

без следа... и миром достойных веры слов, которые впрыскивают эликсир бессмертия... тому живому, несмотря на смерть, человеку, чьи ноги бросились обнимать обе Марии» [4, с. 195]. Процесс письма в произведениях М. Шишкина не исчерпывается графической фиксацией текста – выписываемая чернилами на бумаге линия становится линией судьбы, уготованной герою. Сам же homo scribens становится творцом, словом которого создается действительность («Что было на так называемом самом деле – никто никогда не узнает. Но рассказанные истории, слова создают свою реальность. Важны детали. Слова рожают действительность и решают судьбу» [4, с. 194]. Поэтому важной оказывается сама манера письма героев, то, каким образом окружающий их мир отражается в слове.

И в «Письмовнике», и в «Уроке каллиграфии» мир будто рождается на глазах читателей, при этом его появление – результат письма как творческого акта: как только перо касается бумаги, зарождается жизнь. «Еще только что ничего не было, абсолютно ничего, пустота, и еще сто, тысячу лет могло бы ничего не быть, но вот перо, подчиняясь недоступной ему высшей воле, вдруг выводит заглавную букву и остановиться уже не может» [4, с. 221].

Мир «дописьменный» существует раздробленным на мелкие части или разлетевшиеся «семена», которые не перестали, однако, от этого быть одним целым. Поэтому в «Уроке каллиграфии» возникает модель мироздания, в которой все разрозненные предметы связаны друг с другом и стремятся к единой «точке сборки»: «Между всеми вещами на свете существуют эти невидимые штрихи, все ими взаимосвязано и нерасторжимо. <...> Проведенная пером линия и есть эта, как бы овеществленная связь. И буквы – не что иное, как штрихи, линии, завязанные для прочности узелками и петельками» [4, с. 223–224]. Из условного символъ-

ного обозначения буква превращается в видимую глазом «соединительную» ткань бытия.

В «Письмовнике» тот же образ визуализируется в эпизоде, когда Чартков, муж Саши, объясняет дочке Сонечке перспективу в живописи: «Смотри, перспективой держится мир, как картина веревочкой, подвешенной к гвоздику» [5, с. 149]. Во время прогулки Саша отчетливо видит, как «трамвайные рельсы идут к невидимому гвоздику, на котором держится мир» [5, с. 176]. Умирающей Сонечке Саша объясняет, что после смерти каждый вернется в ту точку схода, к тому гвоздику: «Сначала ты, потом Донька, потом твои папа и мама – это не так важно, кто первый» [5, с. 279]. Все эти эпизоды иллюстрируют мысль о связи на первый взгляд разных «частичек бытия» друг с другом, однако понять и осмыслить эту связь возможно только тогда, когда увиденное отображается в слове.

Свое подтверждение эта идея находит в размышлениях судебного писаря Евгения Александровича (литературного «наследника» Акакия Акакиевича и князя Мышкина), которыми он делится с ученицам (а они, в свою очередь, оказываются сведенными в одну условную фигуру проекциями литературных героинь из совершенно разных произведений – Грибоедова, Пушкина, Достоевского, Толстого) в «Уроке каллиграфии»: герой показывает ученице, как «перо завязывает черту в форму, образ, придает ей смысл и дух, как бы очеловечивает ее. <...> Все происходящее в вашей жизни немедленно оказывается на кончике вашего пера» [4, с. 224]. Между внешне не связанными частями необходимо искать глубинные связи, в буквальном смысле прочерчивая линии от одной детали к другой, подобно тому как каллиграф пером соединяет буквы. Тем самым процесс письма в произведениях приравнивается к процессу воссоздания мира, возвращения ему потерянной гармонии.

Переформатировать «видимый» мир посредством слова / письма способны герои-каллиграфы. Таким персонажем в «Письмовнике» является Глазенап, приятель Володи, «восторженно влюбленный в язык Конфуция, Ли Бо и Ду Фу» [5, с. 122]. Сохранить ощущение красоты, сопричастности культуре чужак Глазенап пытается на протяжении всего своего пребывания на войне. Например, Володя отмечает, что мешок Глазенапа совсем не походному «набит книгами, свитками, воззваниями» [5, с. 122], а спать он может, «только подложив под голову свою китайскую узорную подушечку, набитую каким-то особым чаем, со специальной дырочкой для уха» [5, с. 161]. В одном из своих писем Володя рассказывает: «Когда выпадает возможность, Глазенап занимается каллиграфией» [5, с. 162]. За неимением бумаги он записывает стихотворения на китайском на доске или холстине, окуная кисточку в простую воду. Несмотря на то, что он не успевает дописывать стихотворение до

конца, потому что начало быстро исчезает от солнца и ветра, Глазенап продолжает писать, благоговей перед красотой иероглифов. Письмо растворяется в воздухе, но ощущение красоты, гармонии сохраняется. Поэтому каллиграфия Глазенапа – это именно художественное переосмысление действительности, и в этом отношении его взгляд на окружающий мир показательно сопоставлен со взглядами другого героя «Письмовника» – художника Чарткова.

Для художника так же, как для Глазенапа, мир «видимый» – и часто нелепый – противостоит миру искусства, подлинному, нефальшивому. Однако, в отличие от Володи и Глазенапа, для Чарткова пропасть между двумя мирами непреодолима. В одном из писем Саша пересказывает слова художника: «...нужно писать живой жизнью – слезами, кровью, потом, мочой, калом, спермой, а они пишут чернилами» [5, с. 119]. В его понимании «чернильные» слова не в силах уместить все главное на листе бумаги, стать «второй жизнью» реальности. В том же письме Саши есть еще одно уточнение: «Любые слова – это только плохой перевод с оригинала. Все происходит на языке, которого нет. И вот те несуществующие слова – настоящие» [5, с. 116].

Визуализация несуществующих слов и есть главное дело каллиграфа (даже если визуальную форму слова получают лишь на несколько минут и вскоре навсегда исчезают). По мысли Глазенапа, «мазок кисти не должен напоминать... ничего реального» [5, с. 162]; искусство каллиграфии как раз и заключается в изображении предмета или явления таким образом, чтобы они не имели прямых аналогов в объективном мире. «Письмо не отражение красоты, но сама красота!» – солидарен с Глазенапом Володя; для Чарткова же письмо, слово, буквы – из профанного, подвергшегося примитивизации мира: «В начале было не слово, но рисунок – алфавитные знаки представляют собой сокращенную, произвольную форму» [5, с. 227].

В сюжетной линии Володи каллиграфические мотивы появляются в связи с воспоминаниями о детском увлечении ботаникой: «...больше, чем рвать растения по оврагам и засушивать их в томах Брокгауза, мне нравилось потом подписывать аккуратным почерком: “Одуванчик, *Taraxacum*” или “Подорожник, *Plantago*”» [5, с. 207]. В этом отношении он близок Евгению Александровичу, ведь для обоих героев написанное слово несет в себе красоту, преодолевающую дисгармонию. Более того, во власти скриптора – самому вершить судьбы тех, о ком он пишет. «По-прежнему перо мое скрипит, казнит и милует» [4, с. 251] – так понимает свою миссию судебный писарь. Володя же занят на службе написанием (скорее даже сочинением) похоронок, в которых канцелярские клише под его пером трансформируются из типового «с глупо-

ким прискорбием сообщая Вам, что Ваш сын» [5, с. 103] (в конце этого незаконченного предложения в романе стоит точка) в разнообразные дубли с общим композиционным звеном «выполняя боевое задание дурака-командира, верный присяге» и добавлением – на выбор – «погиб» или «тяжело заболел и умер». Впрочем, Володя предпочитает не казнить, но миловать; итоговый текст, который он отправляет родителям солдата, таков: «Ваш сын погиб, но он жив и здоров» [5, с. 108]. Переместившись в сплетения букв, прерванная было жизнь обретает иную экзистенциальную форму, но продолжается, длится, не исчезает. Этот принцип верен и для самого Володи: извещение о его смерти не отменяет продолжающих приходить от него писем, и в них по-прежнему – события, встречи, разговоры, лица. Реплика же Володи о первом евангелисте окончательно отменяет все пограничные линии между жизнью и смертью: «Через слова протянулось от того человека ко мне то, что сильнее и жизни, и смерти, особенно если понять, что это одно и то же» [5, с. 217]. Обретая себя в слове и письме, жизнь уже не может исчезнуть. Не случайно и финальный эпизод «Письмовника» – это вновь «сцена письма»: «Перо поскрипывает по бумаге... Уставшая рука спешит и медлит, выводя напоследок: счастлив бысть корабль, переплывши пучину морскую, так и писец книгу свою» [5, с. 413].

Таким образом, письмо / слово – это способ связать разрозненные детали, события, судьбы в единое целое, вернуть миру первоначальную гармонию и красоту. Особенно чутко это ощущают герои-каллиграфы, получающие возможность не только отобразить свой жизненный опыт на листе бумаги, но и насладиться красотой письма, абстрагируясь от окружающего мира. Увлеченные каллиграфией, герои подвергают действительность художественному обобщению, так как каллиграфическое письмо априори не должно дублировать реальность. Поэтому, несмотря на то что каждый из героев обладает своей собственной историей, личным почерком, его жизнь оказывается вписана

в ряд уже имеющихся сценариев. Это дарует герою своего рода бессмертие, потому что он становится неотъемлемой частью вечной истории.

Библиографический список

1. *Ингеманссон А.Р.* Художественный мир рассказа Михаила Шишкина «Урок каллиграфии» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10 (64). – С. 137–140.
2. *Рогова Е.Н.* Мотив каллиграфии в творчестве Дж. Джойса и М. Шишкина // Дергачевские чтения – 2014. Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций: материалы XI Всерос. науч. конференции с междунар. участием (Екатеринбург, 6–7 октября 2014 г.). – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. – С. 338–342.
3. *Шишкин М.П.* Венерин волос. – М., 2006. – 480 с.
4. *Шишкин М.П.* Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе. – М., 2017. – 318 с.
5. *Шишкин М.П.* Письмовник. – М., 2011. – 412 с.

References

1. Ingemansson A.R. Hudozhestvennyj mir rasskaza Mihaila SHishkina «Urok kalligrafii» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2011. – № 10 (64). – S. 137–140.
2. Rogova E.N. Motiv kalligrafii v tvorchestve Dzh. Dzhojisa i M. SHishkina // Dergachevskie chteniya – 2014. Russkaya literatura: tipy hudozhestvennogo soznaniya i dialog kul'turno-nacional'nyh tradicij: materialy XI Vseros. nauch. konferencii s mezhdunar. uchastiem (Ekaterinburg, 6–7 oktyabrya 2014 g.). – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2015. – S. 338–342.
3. SHishkin M.P. Venerin volos. – M., 2006. – 480 s.
4. SHishkin M.P. Pal'to s hlyastikom: korotkaya proza, ehsse. – M., 2017. – 318 s.
5. SHishkin M.P. Pis'movnik. – M., 2011. – 412 s.

Чернов Александр Валентинович
доктор филологических наук, профессор
Череповецкий государственный университет
avchernov@bk.ru

ЖУРНАЛИСТСКАЯ «ОПТИКА» В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ. «ИСТОРИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» М. ЗЫГАРЯ И Л. ПАРФЕНОВА. Часть 1

Цикл из двух статей посвящен проблеме выявления и обоснования специфически журналистского подхода к пониманию и воспроизведению прошлого. На материале наиболее ярких авторефлексий – выступлений, предисловий, интервью – самых известных российских журналистов, обращающихся к истории России – Леонида Парфенова и Михаила Зыгаря – предпринята попытка выявить целостные историософские концепции авторов. Первая статья посвящена постановке исследовательских вопросов, анализу проектов и текстов Л. Парфенова, в ней рассматривается последовательная идентификация автора как журналиста, а истории как «пространства журналистского поиска». Скептическое отношение к историческим источникам, представление о разрушенной преемственности поколений, обрыве традиций формирует особый авторский принцип работы с разномасштабными и разнофактурными деталями быта и стереотипами общественного сознания той или иной эпохи. Представляется, что за авторским методом работы с прошлым стоит своеобразная историософия, определяющая и выбор объектов, и выбор методов воплощения прошлого.

Ключевые слова: история и журналистика, Леонид Парфенов, Михаил Зыгарь, историософия, «историческое письмо».

Предметом рассмотрения в нашей статье является журналистская «версия» прошлого, создаваемая на основании особого понимания автором философии истории и исторических источников. Нас интересует определенным образом дискурсивно организованная версия истории страны или хронологического периода, знаковой личности или группы лиц и т. д., представляемая самим автором как историческое (пусть и с оговорками) описание или исследование, на научность не претендующее, но «по-журналистски историческое».

Обоснованное формирование сколько-нибудь полного корпуса такого рода явлений, отбор и обоснование медиафеноменов для включения в него – отдельная задача.

В данной статье рассмотрены самые очевидные случаи. В качестве эмпирической базы выступили ключевые работы двух наиболее популярных авторов-журналистов, работающих в исторической области: Л. Парфенова и М. Зыгаря. Главным аргументом для выбора стала развернутая авторская рефлексия в отношении исследуемого проблемного поля «журналистика и история», а также однозначная и последовательная «журналистская» самоидентификация обоих авторов в их «историческом письме».

В работе ставятся два исследовательских вопроса:

1. Можно ли, рассматривая авторские декларации, выявить типологические черты подхода к прошлому, позиционируемые авторами как сугубо журналистские? Есть ли основания, исходя из рассмотренного материала, говорить о специфическом журналистском, профессионально обусловленном, историческом дискурсе, журналистском способе «исторического письма»?

2. Является ли журналистский вариант исторического дискурса, если наличие такового удастся обосновать, монолитным или, напротив, неоднородным с точки зрения понимания исторического процесса, авторской историософии?

Выдвинем следующее предположение. Существенные и требующие исследования отличия профессионального журналиста, обращающегося к историческому материалу, от профессионального, академического историка либо непрофессионального, но занимающего социальную позицию такового исследователя прошлого возникают тогда, когда автор, обращаясь к историческому материалу, сохраняет и демонстрирует специфическую «журналистскую оптику». Прежде всего, установка на актуализацию исторического материала в контексте настоящего времени использует специфические приемы журналистского поиска, отбора материала и профессиональные технологии визуализации результата.

Если рассматривать проблемное поле в целом, то непосредственных мотивов и поводов обращения журналиста к прошлому может быть множество: автор может стремиться разрушать или смещать социальные стереотипы настоящего, оспаривать общепринятую, обывательскую, картину мира, вызывать сомнение в очевидных, казалось бы, общепринятых, фактах и увлекаться прочими вариантами деконструкции социальных мифов... Его может увлекать поиск аналогий, исторических прецедентов, для прогнозирования результатов длящихся в современности событий; поиск недостающей для истолкования происходящего информации и т.д.

Так или иначе, история была и остается ключевым фактором, а зачастую и драйвером смысло-, целе- и ценностнопорождающих процессов в кол-

лективной картине мира, которую, согласно Н. Лумену, в фоновом режиме формируют медиа. При этом очевидно, что чем выше уровень недоверия к «мейнстримной» картине мира настоящего, тем шире и глубже процесс актуализации исторического прошлого в медиапространстве. Как заметил в одном из выступлений М. Зыгарь, все современные журналисты говорят о прошлом. Но уровень этого разговора, его структура, содержание, платформы и приемы совершенно разные.

Поэтому в данном случае нас будет интересовать не общий тренд внимания к прошлому, а выстроенные и продекларированные журналистские «историософии» и способы «исторического письма», которые снабжены своей системой аргументации, техниками работы с материалом, его интерпретации и презентации, в общем, устойчивыми характерными особенностями планов содержания и планов выражения.

Легендарный цикл «Намедни», блестящие телевизионные фильмы и другие авторские медиаформаты Л. Парфенова, книги «Вся кремлевская рать. Краткая история современной России», «Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917 гг.», уникальные мультимедийные проекты «1917», «Карта истории», «1968» М. Зыгаря являются яркими феноменами дуализма «исторического» и «журналистского». Новаторство, креативность, успешность проектов этих авторов общепризнанны, но серьезный историософский посыл их зачастую остается не очень заметен или трактуется весьма упрощенно.

Работы Л. Парфенова и М. Зыгаря представляют огромный интерес в силу принципиально нового новаторства авторов, тщательно продуманных и уникальных по технологиям медиаплатформ, а также уровню отрефлексированности в авторском сознании категорий «журналистика» и «история», соотношения их, продуманности профессиональных ролей историка и журналиста. Эти авторские представления, концепции представляют настолько яркий материал для исследования отношений «журналист–историк», что мы можем ставить вопрос о целостной историософии авторов. Пусть с оговорками, но все же специфической журналистской историософии, представляющей интерес в силу ее оформленности, непротиворечивости и, конечно, аутентичности перевода на язык медиаобразности.

Леонид Парфенов: «...Все равно я действую журналистом».

Л. Парфенов – создатель особого направления в современной тележурналистике. Он неоднократно повторяет в интервью и выступлениях, что сегодняшний интерес к истории в нашем обществе происходит от ее тотального незнания. Что, в свою очередь, делает невозможным извлечение уроков из прошлого: «Да какое у нас будущее, если мы не

извлекли уроков из прошлого?! Весь сегодняшний интерес к истории только оттого, что мы её совершенно не знаем» [2].

Актуальность исторического многоаспектна. Знание прошлого – основа самоидентификации. А у современного общества нет самоидентификации, следовательно, и нет возможности «начать новую эпоху»: «...Без оглядки на свое прошлое не получится начать новую эпоху. Потому что нужно понимать, кто ты такой. А у нас нет самоидентификации...» [3]. Нарушена естественная преемственность поколений, поэтому историческая память так сильно искажена и подвержена различным манипуляциям: «В течение 100 лет мы живем уже в третьей стране. С 1913 года, с которого так любила считать советская статистика, у нас третья страна. Мы, конечно, не Советский союз, хотя сегодняшняя Российская Федерация – с юридической точки зрения правопреемник Советского Союза. Но еще менее мы – та дореволюционная Россия, Российская Империя. Тут самое главное – называть вещи своими именами и впредь не пытаться выдавать копию за оригинал» [4].

Проблема «исторического транзита» усугубляется тем, что в сознании людей прошлое не может отсутствовать. Естественная преемственность замещается преемственностью искусственно сконструированной. Прошлое присутствует в отрывочном, неполном, мифологизированном и парадоксально скрепленном виде: «Люди что-то знают, чего-то не знают совсем, что-то знают немного и готовы поинтересоваться, откуда оно взялось, а где-то вообще глухая стенка. Помнят то, чего не было» [3].

Отсюда глухота к подлинности прошлого, неспособность почувствовать значимость и ценность исторического измерения и уникальности чего-либо. Отсюда нечувствительность к подделке и неспособность отличить подлинник от новодела.

Что же предлагается в качестве рецепта? Есть ли какая-то возможность если не обретения, то хотя бы верного направления поиска идентичности через прошлое? В ответе на этот вопрос принципиальная позиция автора: целостность прошлого невосстановима, но есть возможность сохранить, восстановить, передать его аромат, приблизить это прошлое через подлинность детали: «...Я скорее про то, что нужно на это трезво посмотреть, перестать выдавать сегодняшние “под старину” вещи за действительно старинные, а действительно старинные постараться хоть как-то законсервировать и не разрушать дальше. Хотя бы понять ценность вещей, которые подлинны. К сожалению, сплошь да рядом люди этого не понимаю» [4].

Эта формула представляется ядерной для историософской концепции Л. Парфенова в целом. Ею определяется и сам способ взаимодействия с прошлым и форматность его медиавоплощения.

Ключ к прошлому один – подлинная деталь этого прошлого, аутентичные предметы (в широком смысле) оформляют, составляют и являют собой поисковый ретромаршрут. Размер, масштаб, репутация, значимость в сознании потомков – все это относительно. Более того, именно контрастность и разномасштабность – признак глубины такого «зондажного» прочтения прошлого. Вот так авторский метод представлен в интервью, посвященном выходу очередного тома «Намедни»: «Вообще, “как” – метод – давно важнее, чем “что” – тема. В этом томе я пытаюсь представить поток времени, когда в одном коллаже живут Ежов, дамские береты, ГТО, Изабелла Юрьева, ликвидация кулачества как класса, Михаил Кольцов, “Девушка с веслом”, война в Испании, лозунг Сталина “Жить стало лучше, жить стало веселее”, закон о трех колосках, продажа шедевров Эрмитажа за границу, процесс над военными, ДнепрогЭС, Чкалов, начало соперничества “Спартака” и “Динамо” и прочее-прочее» [1].

Смещение и смешение масштабов и иерархий устоявшейся в памяти картины мира не может не вызывать несогласия у определенной части аудитории, но автор настаивает на эффективности и корректности своего метода. В ответ на упреки после выхода на телеэкраны цикла «Намедни», где совмещаются «какие-то мелкие вещи и крупные события, из-за чего создается ощущение абсурдности и гротескности отечественной истории», Л. Парфенов ответил: «Да, тогда говорили: “Ну что же такое? Мини-юбки и танки в Праге стоят на одной доске?” Ну, они и стояли на одной доске. На человека же все влияет, а не только исторические события, которые жирным шрифтом выделены в учебнике. Пражские девочки, которые напротив советских танков стоят в мини-юбках, – это тоже важно. Это часть человеческой памяти, представлений о тогдашнем мире и вторжении этих танков. Человек так живет. Он помнит время не столько по выборам в Верховный Совет СССР, сколько по песням Блантера на стихи Фатьянова, по моде на плащ болонья» [5]. Парфенов настаивает, что историческая память мозаична и коллажная хранение деталей быта и политических реалий для нее естественна. Выступая в октябре 2017 в Ельцин-Центре с презентацией третьего фильма «Русские евреи», автор акцентирует внимание не только на эффективности, но на принципиальной историчности такого подхода. При этом он использует яркое и точное определение своего метода журналистской историографии: «В силу опыта мы, переходя из социализма в капитализм, никогда не забудем, как шуршал мамин плащ-болонья, каким был Человек-амфибия, каким красавцем был Муслим Магомаев, как в Чехословакию ввели танки, как повышали цены. Это хотелось «проинвентаризировать» [6].

«Проинвентаризировать» детали – это значит в какой-то части преодолеть разрыв исторической памяти. Тем более что «... в истории напрямую ничто не повторяется. Важны зарубки на память, обогащение опыта, с которым человеку дальше идти по жизни» [7].

Историческая деталь, цвет и вкус времени в пространстве медиаобразности оказываются адекватным заменителем непреложных исторических законов и вскрытых процессов. Инвентаризация заменяет концептуализацию. Возможно, и потому, что поиск последней – это не журналистская задача. А Л. Парфенов постоянно говорит о себе именно как о журналисте. И эта самоидентификация принципиально важна.

Л. Парфенов рассматривает свою работу не как разыскания историка, а именно как журналистский поиск. Меняется предметная область, фактура может не отвечать привычным представлениям о журналистском материале, но остается главное – журналистский метод поиска и работы с этой фактурой. Журналистская идентичность не просто не размыта, она приобретает новые измерения и воплощения. Появляется «другая дисциплина инфоповода» [8]. «Журналистика может быть и про XIX век. Журналистика – это рассказ про людей, их ощущения, их страсти» [3]. В одном из интервью по поводу проекта «Намедни. Караоке» автор повторил: «Журналистикой я занят выше крыши...»; «У меня нет ощущения, что я не занят по основной профессии»; «Я смотрю на это все равно как на журналистику» [8].

Прошлое – нормальное пространство журналистского творчества: «Я могу как журналист-поисковик как бы работать с материалом, но это все равно комментарий в кадре, стендапы, кадровые и закадровые тексты, это все равно я действую журналистом, пусть и на специфическом материале, на какой-то такой фактологии, которая, может быть, другим кажется неочевидной» [8].

Саморефлексия Л. Парфенова в рамках формируемого им исторического дискурса принципиально журналистская. Она основана на понимании прошлого, как пространства ушедшего невозвратно, утратившего целостность и преемственность, но сохранившегося как совокупность неочевидно связанных между собой подлинных деталей, обладающих более высоким уровнем эмпатии, чем целостные концептуальные исторические конструкции.

«Мне кажется, – подчеркивает автор, – не надо нагружать журналистику какими-то несвойственными ей задачами. Поставить вопрос – этого достаточно для функции журналистики. Ответ всякий должен давать сам. Мое дело, наше дело – было сделать это достаточно убедительно, чтобы можно было смотреть это час двадцать чистого времени, сколько длится фильм» [4].

Стремление к классификации характеристик объекта в историческом поле куда важнее, чем выстраивание каких-то иерархий в исторической синхронии. Подлинность прошлого не в целостности картины, восстановление которой во всей полноте зачастую просто невозможно, а в верности и точности деталей. Любой предмет, вне зависимости от размера и масштаба для современников, будучи классифицирован и определен, сообщает о прошлом куда больше, чем грандиозное историческое полотно, логично и последовательно сплетенное из неполных знаний, стереотипов и конъюнктур.

Автор ищет и находит реальные осколки бытия, даже не столько свидетельствующие о прошлом, сколько этим прошлым являющиеся, исходит из убеждения, что «людям интересна жизнь, богатая своими проявлениями» [3].

Библиографический список

1. Кондуков А. Леонид Парфенов рассказал про литературных рабов, маг и Дудя [Электронный ресурс] // GQ. – 2017. – 25 сентября. – Режим доступа: <http://www.gq.ru/person/parfenov-namedni-1931-1940> (дата обращения: 19.03.2018).
2. Парфенов Л. Наследник непоротого поколения [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. – № 50. – 09.12.2009. – Режим доступа: <http://leonidparfenov.ru/intervyu/naslednik-neporotogo-pokoleniya/> (дата обращения: 19.03.2018).
3. Парфенов Л. История в деталях [Электронный ресурс] // Известия. – 2011. – 27 мая. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/parfenov/4_20.html (дата обращения: 19.03.2018).
4. Парфенов Л. Леонид Парфенов о «позапрошлой» Родине. К премьере фильма «Цвет нации» на «Первом канале» (06.06.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/doc/za-kadrom/leonid-parfenov-o-pozaproshtoy-rodine-k-prem'ere-filma-cvet-nacii-na-pervom-kanale> (дата обращения: 19.03.2018).
5. Парфенов Л. «Не было более мирных времен, чем нынешние» [Электронный ресурс] // Кинопоиск. – 2017. – 21 марта. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/interview/2915656/> (дата обращения: 19.03.2018).
6. Парфенов Л. «Мы не разобрались с XX веком». Выступление в Ельцин-Центре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yeltsin.ru/news/leonid-parfenov-my-ne-razobralis-s-hh-vekom/> (дата обращения 19.03.2018).
7. Парфенов Л. Нашу семью ничто не миновало [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://leonidparfenov.ru/leonid-parfenov-nashu-semyu-nichto-ne-minovalo/> (дата обращения: 24.03.18).

leonidparfenov.ru/leonid-parfenov-nashu-semyu-nichto-ne-minovalo/ (дата обращения: 24.03.18).

8. Парфенов Леонид в эфире программы «Телохранитель» «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/tv/2031436-echo/> (дата обращения: 24.03.18).

9. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

References

1. Kondukov A. Leonid Parfenov rasskazal pro literaturnykh rabov, mat i Dudy [EHlektronnyj resurs] // GQ. – 2017. – 25 sentyabrya. – Rezhim dostupa: <http://www.gq.ru/person/parfenov-namedni-1931-1940> (data obrashcheniya: 19.03.2018).
2. Parfenov L. Naslednik neporotogo pokoleniya [EHlektronnyj resurs] // Argumenty i Fakty. – №50. – 09.12.2009. – Rezhim dostupa: <http://leonidparfenov.ru/intervyu/naslednik-neporotogo-pokoleniya/> (data obrashcheniya: 19.03.2018).
3. Parfenov L. Istoriya v detalyah [EHlektronnyj resurs] // Izvestiya. – 2011. – 27 maya. – Rezhim dostupa: https://www.booksite.ru/parfenov/4_20.html (data obrashcheniya: 19.03.2018).
4. Parfenov L. Leonid Parfenov o «pozaproshtoy» Rodine. K prem'ere fil'ma «Cvet nacii» na «Pervom kanale» (06.06.2014) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.1tv.ru/doc/za-kadrom/leonid-parfenov-o-pozaproshtoy-rodine-k-prem'ere-filma-cvet-nacii-na-pervom-kanale> (data obrashcheniya: 19.03.2018).
5. Parfenov L. «Ne bylo bolee mirnykh vremen, chem nyneshnie» [EHlektronnyj resurs] // Kinopoisk. – 2017. – 21 marta. – Rezhim dostupa: <https://www.kinopoisk.ru/interview/2915656/> (data obrashcheniya: 19.03.2018).
6. Parfenov L. «My ne razobralis' s HKH vekom». Vystuplenie v El'cin-Centre [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://yeltsin.ru/news/leonid-parfenov-my-ne-razobralis-s-hh-vekom/> (data obrashcheniya 19.03.2018).
7. Parfenov L. Nashu sem'yu nichto ne minovalo [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://leonidparfenov.ru/leonid-parfenov-nashu-semyu-nichto-ne-minovalo/> (data obrashcheniya: 24.03.18).
8. Parfenov Leonid v ehfire programmy «Telohranitel'» «EHkho Moskvu» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://echo.msk.ru/programs/tv/2031436-echo/> (data obrashcheniya: 24.03.18).
9. Uajt H. Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДНИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ КАК ОСНОВА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

С 24 по 26 мая 2018 года на базе Костромского государственного университета проходила международная научно-практическая конференция «Дни славянской письменности. Славянские языки и диалекты как основа духовно-нравственного и гражданского воспитания», учредителями которой выступили Костромской государственный университет и Институт языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. В ходе научного собрания внимание участников было сфокусировано на обсуждении новых научных результатов и нераскрытых проблем в области славянской филологии (славянские языки и диалекты), происходил взаимный обмен накопленной информацией и идеями. Ключевые проблемы рассматривались на пленарном заседании, тематических секциях, выездных заседаниях и презентациях.

Особый интерес участников конференции вызвали научные доклады, прозвучавшие на пленарном заседании: «Беларуская мова ў сучасным славянскім кантэксте» академика НАН Беларуси А.А. Лукашанца (первый заместитель директора Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси), «Роля газеты “Наша Ніва” (1906–1915) у станаўленні нацыянальнай свядомасці беларусаў» И.Л. Копылова (директор Института языкознания имени Якуба Коласа), «Старабеларуская пісьменнасць: традыцыі Старажытнай Русі і наватарства» И.В. Будько (завкафедрой белорусского и русского языков Белорусского национального технического университета), «Проблемы текстологии житий Геннадия Костромского и Александра Свирского» А.Е. Соболевой (ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН). Пленарное заседание завершилось презентацией учебного комплекса «Костромские говоры» профессора Костромского государственного университета Н.С. Ганцовой. Автор рассказала о многолетней работе над изданием, вышедшем в свет благодаря поддержке РОО «Костромское землячество» (Москва), о содержании каждого из двух томов. Состоялись также презентации ещё двух новых изданий: на секции «Славянское языкознание: история славянского письма, литературный язык и диалекты» – «Словаря вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области)» (науч. ред. Л.Ю. Зорина); на совместном с Государственным мемориальным и природным музеем-заповедником А.Н. Островского «Щелыково» выездном заседании – монографии А.А. Бурыкина «“Слово о полку Игореве”: текст, лексика, автор», в которой представлена оригинальная гипотеза об авторстве знаменитого памятника литературы Древней Руси.

Программа конференции включала свыше 40 научных докладов, освещающих вопросы славянских литературных языков и диалектов, славянской старопечатной книги, славянской лексикографии, творчества славянских писателей, славянской истории и культуры. В данном выпуске журнала читателям представлены статьи, подготовленные на основе материалов конференции.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО И ЯЗЫЧЕСКОГО ВЗГЛЯДОВ НА МИР В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ*

В данной статье описываются своеобразные черты народного православия. Объектом исследования являются диалектные слова, анализ которых показывает адаптацию христианской лексики в народной речи. В работе делается попытка выявить, с одной стороны, роль православной традиции в формировании самобытной духовной культуры Русского Севера, с другой стороны, влияние на нее языческих верований. В основе статьи лежат диалектные данные, зафиксированные в региональных словарях и их картотеках. Этнолингвистический аспект исследования показывает роль православного календаря в крестьянской жизни, свидетельствует о том, что правила поведения, система нравственных норм северного крестьянина складывались под влиянием христианской традиции. Вместе с тем вологодские говоры содержат интересные факты о сохранившихся языческих верованиях русского народа, его архаичном взгляде на окружающий мир.

Ключевые слова: вологодские говоры, диалектная лексика, народное православие, языческие мотивы, семантическая эволюция.

В современных исследованиях историков, этнографов, лингвистов неоднократно высказывалась мысль о своеобразии народного православия, о необходимости изучать его с учетом синтеза христианского и языческого мировосприятия русского народа. Объектом описания в статье являются диалектные слова, которые позволяют судить, с одной стороны, о роли православной традиции в формировании самобытной духовной культуры Русского Севера, с другой стороны, о влиянии на нее языческих верований.

Т.А. Листова отмечает, что «крестьянство являлось не только самым многочисленным сословием в России, но и хранителем ее этнической культуры, в том числе ее религиозной ипостаси» [3, с. 3]. Об этом позволяют судить и данные вологодских говоров, получившие отражение в региональных словарях и их картотеках: «Словаре вологодских говоров», «Словаре вологодского режского говора» и «Словаре говоров Русского Севера».

Сам образ жизни севернорусского крестьянина во многом определялся церковными правилами. Но, отмечая сохранение традиций православной культуры в крестьянской среде, исследователи говорят и об их трансформации: «Народная речь живо воспринимала язык богослужения, сохраняя его в различных видах метаязыковой рефлексии, видоизменяя для пользователя, утверждая свои приоритеты» [2]. Заметим, что язык диалекта отражает и те изменения, которые происходили под влиянием времени, социальных факторов, в частности борьбы власти с религией. В советское время большинство сельских храмов было закрыто: *Детей не оксти́ла ра́ньше: запре́щена це́рква бы́ла.* Сямж. (Картотека Словаря вологодских говоров, далее КСВГ).

Но люди пытались соблюдать церковные обряды и в этих условиях. Об этом, в частности, свидетельствует употребление в вологодских го-

ворах таких слов, как *келёй, келёя, келья* 'дом, принадлежащий кому-либо из верующих людей и используемый для группового самостоятельного отправления религиозного культа без священнослужителей', а также *келёйник, келёйцик, келёйница, келёйница* 'люди, отправляющие религиозный культ при отсутствии священнослужителей': *Оне содер́жали э́тот килёй, моли́лись – вот кто та́кие килёйники. Монаст. В килью иди́, ма́ленький та́кой до́мик. Тут жи́вут килёйшчы́цы, та́ки хоро́шеньки ста́рушки – Евла́мпия и Овдо́тьюшка. А ко́гда це́рквы-то не ста́ло, дак к ним и хо́дили. Монаст. [5, с. 186, с. 187]. В этот период церковные требы в деревне совершали самые набожные крестьяне, обычно пожилые женщины: *Петро́вна и сейча́с дете́й-от кре́щаёт. У не́й кни́жки богомо́льные е́сть, дак она́ по им мно́го-ма́ло кре́щаёт дете́й. Монаст. [5, с. 258]. Об этом свидетельствует и составное наименование ба́бушка-анге́лушка 'женщина, которая при отсутствии священника крестила детей': *Не, по́на ту́тока нет, дак ба́бушку-анге́лушку зо́вут. Сямж. [КСВГ].***

Православный взгляд на мир достаточно стойко сохраняется в сознании диалектоносителей старшего поколения. Отметим функционирование в их речи литературного слова *крещёный* в расширенном значении. Его общерусское значение – 'тот, кто подвергся обряду крещения', а также прост., устар. 'христианин' [7, т. 2, с. 128]. В вологодских же говорах слово *крещёный* имеет значение 'человек', 'любой человек, кто-либо': *Кре́щёные-то уж карто́шку вы́копали, а у нас всё ещё нет. А про лю́бого челове́ка и ска́жут – кре́щёный. Монаст. [5, с. 258].* Используется эта лексема и в обращении: *Здорово но́чэва́ли, все кре́щёные! Тарн. [КСВГ].* В качестве ласкового обращения употребляется и слово *христовый*: *Ой ты, христо́вая мо́я, иди́шь! В-У. [4, вып. 11, с. 215].*

* Статья публикуется по материалам международной научно-практической конференции «Дни славянской письменности. Славянские языки и диалекты как основа духовно-нравственного и гражданского воспитания».

Показательны контексты, в которых зафиксированы диалектные глаголы *крещать*, *кстить* ‘совершать над кем-либо обряд крещения’: *Раньше в церкви всех крещали. Сок. Раньше робят всех кстили. Ник. [4, вып. 3, с. 124; вып. 4, с. 9].* С осуждением отмечают носители говора: *Ноне робёнок родится и не крещают. Сок. Бъли бы все крещёные, дак, мо́жет, поу́мнейъ бы́ли бы, а те́перь и мо́ды нет кстить. Ник. [КСВГ; 4, вып. 4, с. 9].* Большое количество диалектных слов, обозначающих в вологодских говорах крестных родителей, так же свидетельствует о роли этого обряда в крестьянской среде: *бо́жа, бо́ба, божа́та, божа́тка, бо́жка, ко́ка, крѣстка, крѣстка, нанашка* ‘крестная мать’, *божа́т, божа́тко, бо́жка, ко́кой* ‘крестный отец’. Обратим внимание на слова *бо́ба, ко́ка, ко́кой, нанашка*, образованные путем редупликации, по этой модели обычно возникают в детской речи названия кровных родственников. С одной стороны, использованный способ номинации объясняется тем, что в больших крестьянских семьях в роли крестных родителей нередко выступали близкие родственники: дядя, тетя, старший брат, старшая сестра. Об этом свидетельствуют и зафиксированные примеры: *Сестра́ моёй ма́мы для меня́ божа́тка. У-К. Дядя да и божа́тко́ этому Алёхе он был. Влгд. [КСВГ; 4, вып. 1, с. 35; с. 36].* С другой стороны, между крестными родителями и ребенком возникало духовное родство, эти связи нередко считались более важными, чем кровное родство. По рассказам диалектоносителей, если родители умирали рано, благословение на брак давали крестные.

Особую роль в жизни крестьянина имел православный календарь. С каноническими праздниками как важными временными вехами были связаны народные приметы, обрядовые действия. Наименования церковных праздников в народной речи при этом нередко трансформировались, переосмыслилась их внутренняя форма. Приведем отдельные примеры: *Ведёнье* ‘праздник Введения в храм Богородицы (21 ноября по ст. ст.)’ (*А как зимá, дак уж зимá и стужа. Говорят только, что ведёнье ломáет ледёньё. Дак то́ уж на четвёртое декабря. У-К.*), *Благовёщев день* ‘церковный праздник Благовещенье (25 марта по ст. ст.)’ (*Ежели в Благовёщев день лётний вѣтер, то оглб́ли выворáчивай: некогда, пахáть да сѣять нáдэ. У-К.*) [КСВГ]. Ряд слов и их вариантов *ра́довальница, ра́дованица, ра́довница, ра́довоница, ра́дуны* имеет значение ‘религиозный праздник Радуница’. Контексты позволяют судить о народных традициях, связанных с этим праздником: *Вторник на́ этой неде́ле ра́довоницей назывáли, в́ этот день обяза́тельно на моги́лы к родным ходи́ли. Гряз. В ра́довницу по́койников поминáли. Ник. [4, вып. 9, с. 5].* Лишь единичные примеры свидетельствуют о формальном отношении к этому празднику в советское время, утрате

обычая поминовения умерших в этот день: *Топерь уж́ этот прáздник забы́ли. А рáньше все знáли, что во вторник после Пáсхи ра́довальница, отмеча́ли. Тарн. [4, вып. 9, с. 4].* Отмечали сельские жители также *девя́тую* ‘праздник в девяную пятницу после Пасхи’: *На девя́тую-то всегда́ в дере́вне лю́дно бы́ло. Тот. Вот, бывáло, в девя́ту-то гуле́ли. Сок. [КСВГ; 4, вып. 7, с. 12; вып. 2, с. 15–16].* Следует отметить, что в число канонических праздников этот день не входит, священники считали празднование девятой пятницы народным суеверием.

В церковном календаре важное место занимает также недельный круг богослужения, что отражается в языке диалекта. Так, в вологодских говорах употребляется наименование *среднохрѣстная неде́ля* ‘неделя, предшествующая празднику Крещения’, *вѣрбница* ‘неделя, предшествующая празднику Пасхи, вербная неделя’, *страшная неде́ля* ‘последняя неделя поста, страстная неделя’, *великоде́нный четверто́к* ‘страстной четверг’. Иллюстративный материал отражает особенности поведения крестьян в указанное время: строгий пост, отказ от лишних разговоров, развлечений: *В среднохрѣстную неде́лю пѹ́ще говя́т да молча́т. Ник. Неде́ля есь, вѣрбница, вѣрбушку лома́ют, свята́т в це́ркве да до́мой несут. Тот. В страшную неде́лю ниче́го нельзя́ бы́ло е́сть, грех вели́кий. Влгд. [4, вып. 9, с. 124; вып. 1, с. 61; вып. 10, с. 138].* Великий пост (*Великоговёнье, Вели́кое Говёнье*) в крестьянской среде соблюдался с особым рвением, причем обращалось внимание и на его духовную составляющую: *В Вели́кое Говёнье в усты́ можно брать [есть], а из устóв [ругаться] нельзя́. У-К. [6, вып. 2, с. 49].*

Наряду с церковными правилами существовали и народные обряды, суеверные представления, связанные с отмеченным временем. Так, в вербное воскресенье устраивали *вербохлѣст* ‘обряд, при котором ударяют освященными веточками вербы всех домашних, детей’: *Вот нарвѣм прѹ́тиков вѣрбы да и устро́им всем вербохлѣст. Всех прѹ́тиками от вѣрбы нахлѣста́ем. Влгд. [КСВГ]. На великоде́нный четверто́к, перед Паской закармливают скотину, камешки на крышу кидают, чтобы́ крышу не снесло, куриц из огорода выганивают, хоть и нет их, всё равно «кыш-кыш». Нюкс. [6, вып. 2, с. 49].* Старые люди предупреждали: *В страшную пята́ницу е́жели захохо́чешь – уста́ разорвѣт. Влгд. [4, вып. 10, с. 138].*

Слова, связанные с народными православными традициями, со временем могли изменять свое значение. Например, слово *коляди́ть* зафиксировано в вологодских говорах в значении ‘болтать, пустословить’: *Вон она́ стои́т коляди́т с ба́бкой-то. У-К. [4, вып. 3, с. 93].* Первоначально диалектный глагол *коляди́ть*, как и общерусский *колядо́вать*, имел значение ‘на Рождество, на святки, на Новый год: ходить по дворам с пением колядок, собирая

угощение, деньги'. Этот обычай имеет языческие корни, как само слово *коляда́*, заимствованное из латинского языка, так и его производные развивают в славянских языках и их диалектах ряд значений [8, т. 2, с. 568–579]. Судя по различной внутренней форме наименований колядок, зафиксированных в СВГ, содержание их было разным: *приговóрка* (*В свѣтки приговóрки пѣли, по домáм ходили. Баб.*), *славлѣнка* (*Славлѣнки-тѣ пѣли, радóсть в дом несли. Нюкс.*) [4, вып. 8, 44; вып. 10, 42]. По-видимому, наименование *славлѣнка* связано с более поздним видом обрядовых песен, в которых «славили Христа». Этнографы отмечают, что обрядовые тексты колядок, адресованные хозяевам, были поздравительными, благопожелательными, величальными, позднее возникает обычай исполнять духовные песнопения [8, т. 2, с. 570].

Колядование сопровождалось обязательным ряженьем, обрядовым перевоплощением, чего не допускают церковные каноны. В СВГ и его картотеке находим ряд наименований ряженых, разграничить значение которых позволяют контексты. Слова *мудрушка*, *обряжѣнка* обозначали любого ряженого, независимо от вида его одежды: *У нас, в Сидорове, мудрушками наряжались: то в прázдничное, а то висóк на вискѣ, как нищие. Раньше мы на Рождество обряжѣнками ходили и в каждом домѣ корóчки просили, пѣсню пѣли: «Коляда́, коляда́, ты ходила, коляда́, с госудáрева двора́». У-К.* [КСВГ; 4, вып. 6, с. 9]. Одну из групп ряженых представляли нарядно одетые девушки, женщины, их называли *выряжѣнка*, *выряжуха*: *Выряжѣнки эки нарядные бѣгали, в одѣжах баских... Монаст. Выряжухи – дак это когда баско вѣрядятся, а как тряпѣ одѣнут, так это кулесá. Монаст.* [5, с. 60, с. 232]. Отдельную группу представляли ряженые в старой, рваной одежде, шубе, вывернутой наизнанку: *наряжóнка*, *кудесá* мн., *кулес*, *кулесёнок*, *кулеи*: *Наряжóнками в свѣтки ходили. Одеваемсѣ пострашнѣе, по деревне бѣгаем, по углам стучим, пѣсни поём. Тот. Кудесá ходили от рождества́ до крещѣния. Шексн.* [4, вып. 4, с. 12]. *Раньше вѣрядятся кулесом, как смешнее вѣрядятся. Наряжались всякими кулесами – шубняк выворотят кверху шерстью. Монаст. Вот кулеи. А сáжой всё лицо оммажешь, тебя́ не узнают – одни́ глázки сверкают, да зубы-ти как вѣрежешь из картóшки-то, это мѣсто всё поднимѣт, ты никак не узнаёшь. Монаст.* [5, с. 232]. В этой группе выбирали самого главного ряженого, который распорядился всем действием. Показательно, что его называли *поп*: *Попá – главно́го своего́ – кулесята сами́ выбирают. Монаст. А поп – это кулес самый́ главный, сидит и наказáние каждому́ говорит. Монаст.* [5, с. 393]. Карнавальным характером обряда допускал, чтобы ряженые переодевались в одежду другого пола: *Пáрень дак в плáтье нарѣдится и бежит кулесёнком. Монаст.* [5, с. 232].

Как видим, обряд колядования, хронологически связанный с важнейшим христианским праздником Рождеством и свѣтками, отражает древние мифологические представления наших предков, которые отчасти трансформируются под влиянием церкви.

Рассуждая о синкретизме христианских и языческих традиций, М.Н. Власова считает, что «усвоена и творчески переработана русскими крестьянами была, прежде всего, внешняя, так сказать “зрелищная”, обрядовая сторона христианства». В результате устойчивым было «представление об особой, исходящей от священных предметов, действий, слов (и безотносительной к понятиям “добра” и “зла”, “язычества” и “христианства”) магической силе: молитвы, священные предметы воспринимались крестьянами как нечто волшебное, колдовское» [1, с. 26]. Отчасти об этом свидетельствуют и факты вологодских говоров. Диалектное прилагательное *пáский* в значении ‘пасхальный’ фиксируется в следующем контексте: *А всё рáне и клáли пáские яйца в хлеб, чтоб лучšie родился. У-К.* Как видим, пасхальные яйца, по мнению крестьян, обладали магической силой: могли увеличивать урожайность. Отметим и составное наименование *христóвая скáтерть* ‘самотканая скатерть, которую постилали на стол в день Пасхи и которая, по поверьям, использовалась для лечения паралича’: *Если разобѣт когó паралиць, ну́жно завернуть в христóву скáтерть: или вѣздоровеет целовѣк, или умрѣт. Вот как рáньше лецили. Монаст.* [5, с. 566].

По словам О.А. Черепановой, важное место в традиционном народном сознании занимают «представления о магии и колдовстве, уходящие в глубины первозданного бытия и сохраняющиеся исключительно устойчиво» [9, с. 5]. Действительно активны в вологодских говорах такие слова, как *озык* в значении ‘наговор, сглаз, порча’ (*Не даёт кова́ корóва молока́ день да другой, знáчит, озык у её, сгláзили корóву-ту. Влгд.*), *запу́ка*, *запу́га* ‘старый обычай, правило’ (*Нельзѣя́ плести́ ко́су, коли прázдник, это́ запу́ка. Сямжс.*) ‘заговор, заклинание’ (*Когда́ замуж-то отдавали́, дак рáзные запуги́ дѣлали. У-К.*), *уро́ки*, об. мн. ‘по суеверным представлениям – болезнь, явившаяся результатом сглаза, колдовства; порча’ (*Ты, мѣлушка, не просты́ла, а уро́ки у тебя́. Уро́ки-то шибко му́чают людѣй некрещѣных. К-Г.*) [4, вып. 6, с. 39; вып. 2, с. 144; вып. 11, с. 140].

Магические действия *очертиться*, *обчертиться*, *зачертиться*, *росчертиться* предполагали защиту от нечистой силы: *Как перекрестилась́ да очертилась́, так и не заказалось. К-Г. Обчертишься́ да и ждѣшь, когда́ колоколчик зазвенит. Тарн. Когда́ гадать будешь – зачертишься́, а то ничегó не увидишь! Тут говорят: «Чѣрти, черти́тесь, бѣсы, беси́тесь, сам Сатана́, выходи́ со дна́!». А как конча́ют,*

обратно расчёрчиваются, крестятся, и говорить надо наоборот: «Чёрты, не чертитесь, бёсы, не беситесь, сам Сатана, уходи от меня! Во веки веков, аминь!». Расчёртишься, дак и блазнов никаких не будет, а забудешь расчёртиться, дак худо! Кир. [4, вып. 6, с. 110, 13; КСВГ].

Проведенный анализ показывает, что в коллективном народном сознании переплетаются христианские и языческие представления об окружающем мире. Во многом именно под влиянием христианской традиции складываются правила поведения в крестьянской жизни, система нравственных норм. Вологодские говоры содержат крайне интересные факты об архаичном взгляде северного крестьянина на окружающий мир, о характере русской национальной души, которая, по словам О.А. Черепановой, обладает мистико-иррациональными свойствами [9, с. 3].

Библиографический список

1. Власова М.Н. Новая АБЕВЕГА русских суевий [Электронный ресурс]: иллюстрир. слов. – СПб.: Северо-Запад, 1995. – 380 с. – Режим доступа: <http://rumagic.ucoz.ru/files/abevega>.
2. Дубровина С.Ю. Христианская лексика в диалектах русского языка [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2006. – 489 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khristianskaya-leksika-v-dialektakh-russkogo-yazyka>.
3. Листова Т.А. Предисловие // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: Итоги этнографических исследований. – М.: Наука, 2001.
4. Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ/ ВГПУ, 1983–2007 (СВГ).
5. Словарь вологодского режского говора / науч. ред. Л.Ю. Зорина; Мин-во образования и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2017. – 604 с. (СРГ).
6. Словарь говоров русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Вып. 1–6. – Екатеринбург, 2001–2014 (СГРС).
7. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984 (МАС).
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2 / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – М.: Межд. отн., 1995 (СДЭС).
9. Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 212 с.

References

1. Vlasova M.N. Novaya ABEVEGA russkikh sueverij [Elektronnyj resurs]: illyustrir. slov. – SPb.: Severo-Zapad, 1995. – 380 s. – Rezhim dostupa: <http://rumagic.ucoz.ru/files/abevega>.
2. Dubrovina S.YU. Hristianskaya leksika v dialektah russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]: dis. ... d-ra filol. nauk. – Tambov, 2006. – 489 s. – Rezhim dostupa: <http://www.dissercat.com/content/khristianskaya-leksika-v-dialektakh-russkogo-yazyka>.
3. Listova T.A. Predislovie // Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX–XX vv.: Itogi etnograficheskikh issledovaniy. – M.: Nauka, 2001.
4. Slovar' vologodskih govorov / pod red. T.G. Panikarovskoj, L.YU. Zorinoj. Vyp. 1–12. – Vologda: VGPI/ VGPU, 1983–2007 (SVG).
5. Slovar' vologodskogo rezhskogo govora / nauch. red. L.YU. Zorina; Min-vo obrazovaniya i nauki RF, Vologod. gos. un-t. – Vologda: VoGU, 2017. – 604 s. (SRG).
6. Slovar' govorov russkogo Severa / pod red. A.K. Matveeva, M.EH. Rut. Vyp. 1–6. – Ekaterinburg, 2001–2014 (SGRS).
7. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; pod red. A. P. Evgen'evoj. – M.: Russkij yazyk, 1981–1984 (MAS).
8. Slavyanskije drevnosti: Ehtnolingvisticheskij slovar': v 5 t. T. 2 / pod obshch. red. N.I. Tolstogo; Institut slavyanovedeniya RAN. – M.: Mezhd. otn., 1995 (SDEHS).
9. Cherepanova O.A. Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1996. – 212 s.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ*

В диалектной речи жителя сельской местности обнаруживаются уникальные черты постигаемого им мира, специфика познания и интерпретации окружающей действительности, что находит отражение прежде всего в семантике слов и фразем, номинирующих и характеризующих познание. Это позволяет рассматривать диалектный словарь как культурно маркированный текст, концентрирующий в себе различные виды этнокультурной информации, связанной с историей, традициями, бытом народа в его прошлом и настоящем. В статье представлены группы диалектной лексики, связанные с материальной и духовной культурой казачества. Особое внимание обращается на номинации, отражающие особенности самоуправления в казачестве. Рассматриваются такие группы лексики, как военная лексика, термины родства, лексика земледелия и скотоводства. Наблюдения показывают, что Словарь донских говоров Волгоградской области обладает высокой степенью культурной информативности, позволяет получить всесторонние знания о разных сторонах жизни казачества.

Ключевые слова: диалект, культура, традиции, диалектный словарь, этнокультурная информация.

Особенности мировосприятия жителей сельской местности находят свое отражение в тезаурусе диалектного словаря, где через значение слов и фразем аккумулятивно представлены практически все стороны жизни диалектоносителей. Значимость таких словарей переоценить трудно: они не просто надолго продлевают жизнь диалектного слова, в них содержатся сведения о прошлом и настоящем диалектоносителей, традициях, обычаях и обрядах народа, элементах его духовной и материальной культуры. Они служат источником сведений по этнической культуре, отражают специфику мировосприятия народа, своеобразие быта в разных регионах нашей страны. С одной стороны, диалектный словарь – показатель яркости и выразительности самого диалекта. Здесь в большом количестве представлены различные образные средства и фигуры речи (метафоры: *говяжий голосок* – о грубом, низком голосе; сравнения: *как туды-судытный веник* – о непоседливом человеке; гиперболы: *три бабайки в гору* – об очень высоком человеке (*бабайка* – весло); литоты: *с гулькин скок* – очень близко; плеоназмы: *лето летовать* – переживать лето, *ёдма есть* – изводить, есть поедом; пословицы и поговорки, коммуникативные фраземы: *Роза духовитая, да колючки у ей* – о возможной неожиданной опасности; *Шишига тебя заломай!* – бранное пожелание и мн. др. С другой стороны, диалектные словари представляют собой кумулятивную базу культурно-исторических данных о жизни народа, отражающих практически все стороны его жизни.

Яркий пример тому – Словарь донских говоров Волгоградской области [6], включающий в себя свыше 17 тысяч словарных статей. Через семантику слов и выражений в нем представлены страницы истории казачества от далекого прошлого до нынешних дней (ср.: *с Дону выдачи нет; ходить за зипунами; не рассказывай казаку азовские вести;*

попасть под советскую власть; комисариться; где казак-удалец, там фашистам конец). Широко представлены в Словаре военная миссия казачества и его повседневная жизнь – трудовая деятельность, промысел, досуг, межличностные отношения, праздники, обряды, вера, суеверия и мн. др.

Этнокультурный потенциал диалектного словаря основывается на том, что этноязыковое сознание носителя диалекта трансформирует субъектные ценности, превращая их в оценочную семантику слов и фразем. Вербальные знаки выступают трансляторами общепринятых норм и установок. При этом нередко на семантику языковой единицы накладываются дополнительные смыслы, отражающие специфику мировосприятия данного народа – носителя языка. Так, лексема *воля*, например, в зависимости от ценностно-смыслового контекста получает или коннотативное значение «самая высокая социальная ценность» (*хоть жизнь собачья, зато воля казачья*), или созначения «нежелательная вседозволенность». Наличие в диалектном словаре развернутой системы номинаций, так или иначе связанных с данным понятием, позволяет реконструировать культурную информацию, закодированную в семантике слов и фразем (см. об этом подробнее: [2, с. 247–254]).

Материалы Словаря дают этномаркированную информацию о том, что в прошлом формой самоуправления в казачестве был *круг* – общее собрание казаков, где решались все основные вопросы жизни, и не только военные. Военно-административным начальником в казачьих областях и высшим начальником в казачьих войсках был *атаман* – выборное лицо. Казаки выбирали себе *хуторского, станичного, окружного атаманов*. Во время походов, войны выбирался *походный, или кошевой, атаман*. Был также *наказной (наказный), войсковой атаман* – начальник казачьего войска, который назначался царем. Особенности социального

* Статья публикуется по материалам международной научно-практической конференции «Дни славянской письменности. Славянские языки и диалекты как основа духовно-нравственного и гражданского воспитания».

устройства и военной жизни казаков нашли отражение и в таких словах и выражениях, как *сбить круг* – организовать общее собрание казаков; *вывести на круг* – поставить перед судом общества; *односум, полчанин (полчан)* – сослуживцы по армии, по полку. Исключительно на Дону функционируют выражения *казачья развязка, донская развязка*, которые характеризуют свойственную донским казакам ловкость, удаль, сноровку: *Казачья развязка – эт асобая снарофка, лофкасть, какая толька у казакоф бываить. Если смельй чилавек, аччаянный, гаварять: казачья развязка.*

Спустя довольно продолжительное время с того периода, когда казакам строго запрещалось жениться, и в связи с переходом на воинскую службу и построением сторожевых городков, казаки стали обзаводиться семьями. С тех пор институт семьи укреплялся с каждым десятилетием. В формирующемся донском диалекте идет фиксация роли женщины-казачки – жены, матери, бабушки – в обустройстве казачьего быта: от *баба в стане – казаку несчастье до казак на Азове служит, а жена на Дону тужит; у хорошего мужа и жена досужа; с умной бабой и беда с погоря* и совсем уж полного признания роли женщины в жизни казака: *Баба в могилу, и казак завыл. Вдовец – не отец, сам сирота.* Хотя параллельно с этим используются в речи и гордое *лучше смерть в поле, чем в бабьем подоле* и по-женски унижительное *плохой казачишка, а жене плетнишко.*

Широко представлены в Словаре термины родства. Прежде всего это развернутые наименования ближайших родственников, которые в одних случаях являются синонимами-дублетами (*бабака, бабана; деданя, дедуня; мать, матеря, матря*), в других различаются эмотивно-оценочными аффиксами – чаще суффиксами (*бабенька, бабика, бабуня, дедунюшка, мамака, маманюшка, мамашка, маменка, мамонька, мамунюшка, мамуня, мамушка, матенька*). Для наименования отца используются лексемы *батаня, батенка, батька, батюнюшка, батюня, батя, батяка, батяна, батянька, батяня, батяшка, папака*. Причем одни из наименований родственников выступают как номинативы, другие – как вокативы.

Диалектные слова, служащие для именования дочери и сына, внука и внучки, представлены в донских говорах меньшим числом единиц. Старшего сына в семье называют *старшак (Старшаку у нас уж сямнацатый гадок паиол)*, младшего сына – *меньшак (У сястры мяньшак в горади учица)*; последнего ребенка в семье – *послед, последышек (Последышык – значить, послн фсех радилси, последний ф симье)*. Для называния внука на Дону имеется только одно диалектное слово – *внуча (Вот и внучу даждалась, он мне памагаить)*, а для именования внучки используют тот же термин – *внуча, а также внуча (Внуча у нас всю лету литавала)*.

Как правило, во всех говорах, в том числе и донских, существует большое многообразие лексем для наименования незаконнорожденного, внебрачного ребенка. Все они зафиксированы в Словаре донских говоров и свидетельствуют об отношении народа к факту внебрачного появления ребенка, ср.: *байстрик, байстрик, найда, найдак, найдачок, найдачонок, найдёнок, найдёныш, найдук, найдушка, найдушник, найдьыш, накотыш, нахал, нахалёнок, падалица, подолёнок* (многие из перечисленных названий связаны с глаголом «найти»). Столь же многочисленны на Дону обозначения приемного ребенка: *вскорменник, воскормленник, восприёмник, восприёмныш, детище, приёмуш, прикормленник, примак* (см. об этом подробнее: [1, с. 127–133]).

Однако сколь ни важна для казака семья, свое судьбоносное предназначение казаки определяли как воинскую службу, поэтому словарный запас казачества содержит значительное количество собственно военной лексики, причем степень активности многих военных терминов меняется в разные исторические периоды. Ранее активно используемые наименования *вой, жалнер, джура, коновод, молодики, малолетки, нукер, одноворец, односум, пластун, булат, гурда, нагайка, насека, палаши, пика, самострел; бунчук, епанча, сагайдак, тумак, бекет* и мн. др. в настоящее время находятся в пассивном арсенале диалекта. Другие же военные термины в процессе функционирования подвергаются метафоризации и часто используются в бытовом контексте, ср.: *стоять на слуху* – быть, находиться на страже: *Дятьми были, тожа азравали. Бывала ф сат палезим х каму – ты на слуху стаи, а мы чирис плитень.*

Осознание своей военной миссии как поведенческой доминанты во многом определило отношение казачества к бытовой деятельности, которая воспринималась мужчинами без энтузиазма. Труд в быту лежал на плечах женщины-казачки: *Казаки у нас лядащие (ленивые), а казачки маторныя* – так определяли сами казаки распределение бытовых обязанностей. Тем не менее, как и принято в русской народной культуре в целом, казаки резко осуждают жизнь за чужой счёт, безделье, лень. В связи с этим в речи казаков бытуют такие выражения, как *за чужой стеной затишек пахать* – жить за чей-либо счет; *кизика не слепить* – ничего не сделать, не предпринять из-за лени, бездельничать; *косить собакам сено* – заниматься заведомо бесполезным делом; *не ловить мышей* – быть беспечным, ленивым; *лежать как сом на икре, показывать воробьям дули* – бездельничать и под.

Условия существования казаков на первых этапах практически исключали занятия земледелием и скотоводством. Лексика, тематически связанная с этими видами деятельности, относится к более позднему, оседлому, периоду их жизни. С древних времен распространенным занятием донских

казаков являлось рыболовство, поэтому на Дону широко представлена и детализирована лексика, связанная именно с этим видом промысла [3, с. 11]. В Словаре зафиксированы диалектные названия рыб, обитающих в Дону и в Волге, рыболовные снасти и их элементы, названия плавсредств: *брусик, сказоб* – пескарь; *пиеничник* – густера; *чебак* – лещ; *киляк* – лещ среднего размера; *ласкирь* – мелкий лещ; *белесь* – жерех; *сикля* – плотва и др.; *бродак* – небольшой невод; *делячка* – полотно рыболовной сети; *квоктушка* – снасть для приманки сомов; *санетка* – плетеная из прутьев ивы особой формы корзина для ловли рыбы и раков и мн. др.

Особенности материальной и духовной культуры казаков также обусловлены сложившимися традициями, развернутые сведения о которых можно получить из Словаря. Особую значимость для жителя сельской местности имеет время. Его восприятие культурно и этнически обусловлено. Чаще для выражения времени в пределах суток используются многочисленные устойчивые выражения, называющие разные временные промежутки. Для обозначения утра используется выражение *солнце в дуб вышки* – положение солнца невысоко от горизонта на уровне леса; для выражения дневного времени – *солнце в обед* или *солнце в дуб* – положение солнца на небе около полудня; для обозначения вечернего времени – *заря истухает (заря погорает)* – о наступлении позднего вечера, темноты, *солнце за дуб* – время заката и др. Часто на Дону определяют время по пению *кочетов* (петухов): *первые кочета* – полночь, *вторые кочета* – около двух часов ночи, *третьи кочета* – конец ночи, начало рассвета; *по (первым, вторым, третьим) кочетам* (вставать) – рано, ночью, до рассвета; под пение петухов, по которому определяют время (просыпаться, вставать) [5, с. 156].

Заметную роль в определении сроков хозяйственной деятельности играют народные приметы, отражающие особенности этнического мировосприятия диалектоносителей. К примеру, в конце марта отмечается день св. Алексея, один из праздников начала весны, который в диалектах имеет разные названия: *Алёша, Алексей – Божий человек, Алёша-с гор потоки, Алексей холодный, Алексей весенний*. Традиционно считается, что это время начала весенних работ: *Как наступит Алёша-с гор потоки, можна на гаррот выхадить, грядки гатовить*.

В Словаре полно представлена информация о материальной и духовной культуре казачества. Известно, что казаки – мастера песенного искусства. Словарь дает подробные сведения об этом: от наименования и описания самих песенных форм (*частая, протяжная, вилочая, прибаска* и др.) до пословиц и поговорок, в которых отражается песенное мастерство казаков: *на Дону исстари ведётся: без запевалы песня не поётся; казак без песен, что*

виноградная лоза без гроздьев; казак в пути не скачет: он песни играет; на Дону казаку и камешек подпеваает; казаки песни в тороках возят; в боях казак славит себя не языком, а песней и клинком; веселы привалы, где казаки запевалы; казак с песней и в дождь, и в ведро чувствует себя бодро; на Дону что ни хутор, то и своя запевка; казачьи песни слушать – мёд ложкой кушать; чем с плачем жить, так лучше с песней умереть и др. Как видно из примеров, песня сопровождает казака на протяжении всей его жизни; она его верный спутник и в пути, и в работе, и в бою, и на привале, и на празднике. Донские казаки всегда славились своим мастерством *играть песни*, и пословицы и поговорки, собранные на Дону и занесенные в Словарь, – яркое тому свидетельство, так как в их содержании многоаспектно отражен этот вид деятельности казаков.

В Словаре донских говоров Волгоградской области зафиксировано свыше 80 названий игр, которые были известны местному населению в прошлом или известны в настоящее время. Номинации игр на Дону весьма разнообразны. В различных хуторах и станицах существуют разные названия для одних и тех же игр: например, игры в *хоронилки, хороньбу, хоронюшки, стукалочки, застукалку* – это игра в прятки; в *айданчики, бабки, казанки* – игра в кости; в *выбивалки, выбивуши, выбивыши, выбитного* – детская подвижная коллективная игра с мячом [6, с. 187–188].

В Словаре даны наименования и описания различных обрядов и их элементов (*отливать зори, выпить стременную (закурганную), нести калину, бить горшки, кумиться* и мн. др., расписаны детали проведения обрядов, приведены убедительные примеры, свидетельствующие о важности, значимости, этнокультурной маркированности того или иного действия.

Значительная часть Словаря – слова и фраземы, номинирующие и характеризующие элементы материальной культуры казачества. Это и наименования жилых и хозяйственных построек (*хата, курень, мазанка, плетуха, саманка, холупа, пятиястенок, протяжной дом, двойник (двойничок), круглый дом, флигель, царай, денник, баз*), и внутреннее убранство дома (*постав, подзорник*), и наименования разных видов одежды и обуви (*донская шуба, полугусарики, поршни, пара, занавеска, чирики, бахмара*), украшений (*кушак, монисто, базелика, кичка*), названия посуды и кушаний (*бальсан, махотка, каньши, каравай, вертушки, кулага, звар, арьян*) и мн. др.

Таким образом, Словарь донских говоров Волгоградской области, отражающий особенности жизни донского казачества, как и другие диалектные словари дифференциального типа, обладает высокой степенью культурной информативности, позволяет получить всесторонние знания о разных сторонах жизни казачества. Такие словари

не только сохраняют богатство языковой культуры народа, но и аккумулируют в себе неиссякаемый этнокультурный потенциал, отсылающий читателя к прошлому и настоящему русского народа.

Библиографический список

1. *Брысина Е.В.* Номинации незаконнорожденных, внебрачных детей в русских народных говорах: мотивационный аспект // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. – СПб.: Наука, 2017. – С. 127–133.
2. *Брысина Е.В.* Этнокультурная идиоматика донского казачества: монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 293 с.
3. *Кривина М.С.* Лексико-семантическое поле «Рыболовство» в донских казачьих говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2012. – 24 с.
4. *Кудряшова Р.И., Брысина Е.В., Супрун В.И.* Диалектный словарь как источник этнокультурной информации // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию Г.Г. Мельниченко (Ярославль, 25–27 окт. 2007 г.). – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 164–171.
5. *Лалаева Д.И.* Лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте: этнолингвокультурологический аспект исследования: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 260 с.
6. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина,

В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. – Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.

References

1. Brysina E.V. Nominacii nezakonnorozhdennyh, vnebrachnyh detej v russkih narodnyh govorah: motivacionnyj aspekt // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov: Materialy i issledovaniya. – SPb.: Nauka, 2017. – S. 127–133.
2. Brysina E.V. Ehtnokul'turnaya idiomatika donskogo kazachestva: monografiya. – Volgograd: Peremena, 2003. – 293 s.
3. Krapivina M.S. Leksiko-semanticheskoe pole «Rybolovstvo» v donskih kazach'ih govorah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2012. – 24 s.
4. Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. Dialektnyj slovar' kak istochnik ehtnokul'turnoj informacii // Russkoe slovo: literaturnyj yazyk i narodnye govory: materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu G.G. Mel'nichenko (YAroslavl', 25–27 okt. 2007 g.). – YAroslavl': Izd-vo YAGPU, 2008. – S. 164–171.
5. Lalaeva D.I. Leksiko-semanticheskoe pole «Vremya» v donskom kazach'em dialekte: ehtnolingvokul'turologicheskij aspekt issledovaniya: dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2007. – 260 s.
6. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / avt.-sost. R.I. Kudryashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun; pod red. prof. R.I. Kudryashovoj. – Volgograd: Izdatel', 2011. – 704 s.

НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ ПОСРЕДСТВОМ ЛЕКСЕМ, СООТНОСИМЫХ С ЖИВОТНЫМИ*

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 31.16.848.2016-а
«Псковский областной словарь с историческими данными»

В статье рассмотрены случаи использования номинаций животных применительно к человеку, зафиксированные в Псковском областном словаре (вып. 1–27, 235 примеров). Описано употребление гиперонимов *зверь* и *животина*, ласковых (*голубка*, *кошенька*) и бранных номинаций и обращений (*змея*, *вошь*). Выявлены причины использования названий животных по отношению к людям. Группа номинаций по внешнему сходству содержит существительные, мотивированные заметной отличительной особенностью (*худой человек* – *мотылек*, *крупный* – *медведь*, с *веснушками* – *куропатка*). В группе номинаций по поведению выделяются подгруппы *глупость* (*баран*), *лень* (*налим*), *назойливость* (*клеш*) и др. Среди номинаций похожести в действии выделяются группы *'много работающий'* (*конь*), *'передвигающийся каким-либо образом'* (*паук*) и др. Выделяется группа, соотносимая с каким-либо количеством людей (*выводок*). Рассматриваются имена животных, имеющие разные причины переноса (*лиса*). Делаются выводы о том, что переносы номинаций с животных на человека широко представлены в говорах, могут быть оценочными и нейтральными, базируются на одном или нескольких основаниях.

Ключевые слова: Псковский областной словарь, номинации человека, номинации животных, диалект, псковские говоры.

Псковский областной словарь (ПОС, Словарь) [1, вып. 1–26] и его картотека, материалы которой записываются более семидесяти лет, представляют богатейшее собрание речений псковского крестьянства. Не случайно данные ПОС и его картотек легли в основу большого количества исследований по лексике и фразеологии [2, с. 38–325].

Рассмотрим случаи, когда носители псковских говоров для характеристики человека используют названия животных. В 27-ми выпусках Словаря (*а – поддуюхий*, более 65 тысяч слов) таких имен 235.

Начнем с гиперонимов, сущ. *зверь* и *животина*. Сравнение человека со *зверем* негативно, за одним исключением: (*работать*) как *зверь* означает 'старательно, усердно' (*Мáлиц раба́тяишы́й, раба́тае как зверь*). В остальных случаях отрицательно оценивают: внешность (*Ана́ бы́ла што зверь, кака́я там краси́вая*), кого боятся (*Ра́ньшы я пъя́ных гара́з ба́ялась, как зви́рёф*), кто жесток (*Чи́тый – челове́к, а напье́ца – зверь*). Не случайно формируется бранное значение (*Пагади́, зверь ты э́такий*). Производные (*звери́ца, зверю́га, зверьё, зверёныш*) в той или иной степени включают отмеченные значения, иногда расширяясь новыми: 'дикий, примитивный человек' (*А на краю́ жи́вё стару́ха, как звя́рица – ба́йню са́жгла*), 'тёмные, неразвитые люди' (*И́ лю́ди ня те́, жи́вуть как звя́рьё*). Сущ. *животина*, соотносимое с сельскохозяйственным животным, не может стать пейоративным: в говорах зафиксированы шуточные употребления (*Ня́ушта ты кака́я жи́ватина – па́здаро́укайса. Я еду́ на кабы́ли – а он гавари́т: што за жи́ватина сиди́т на хря́птини?*).

При обращении или упоминании любимого или приятного говорящему человека принято **ласково** именовать названиями некоторых птиц – *голубей* (*го́лубь, голу́бок, голу́бочек, голу́бчик, голу́бка, гу́ленька*), *ласточки* (*каса́тка, каса́точка, каса́тушка, каша́ночка, ла́стовка, ла́стушка*), *лебедей* (*лебеде́к, лебе́дик, лебе́да, лебе́диночка, лебе́динушка, лебе́дка, лебе́душка*), *кукушки* (*заго́нька, заго́нюшка, куку́шенька, куку́шечка, куку́шка*), производными от сущ. *орёл* (*орело́к, орело́чек*), а также *кошки* (*ки́ска, коту́лина, ко́шенька*), *кота* (*ко́тя, ко́тенька, кото́к*), *котенка* (*котенёнок, кото́чек*). Некоторые лексемы употребляются только в фольклорных текстах, другие частотны и в разговорной речи.

На другом полюсе располагаются сущ., употребляемые **бранно**. Помимо гиперонима *зверь* это *вьёдра*, *кошка*, *гагара*, *кураш* ('индок'), *лягу́ха*, *овца́*, *лунь* ('филин'), *вёкиа́* ('белка'), *микрób*, *паразит*, *вошь*, *змея*, *змея* и ряд производных. *Вьёдрой* ругают женщину, которая любит покрасоваться (*Вьёдра ты выгаля́стая, выгаля́йся то́лька, а де́ла никако́ва*), *кошкой* – женщину с мелированием (*Вот быва́ла ана́ иде́т – накра́иэн вала́са; я я́ называ́ла «ко́шка трехио́рстная»*). Как бранные употребляются имена птиц с черным оперением (*Гага́ра – чилаве́к тако́й надбо́рый, фу́люгани́стый. Ана́ ху́жы ма́тицы будя́, сыно́к ходь ба сло́ва сказа́л, а за што пазво́лил ма́ть глада́ть га́гры тако́й*). В одном случае ассоциация базируется на неповоротливости (*Иде́, как расплы́вня́, как га́га пльве́, мыла́дая, ниакура́тная*). *Лягу́хой* бранят крикуна (*Иши́ гарла́стая, ну што, захляну́лась, пага́нка ты, лягу́ха ты пага́ная*), *лунём* – гуляку (*Во*

* Статья публикуется по материалам международной научно-практической конференции «Дни славянской письменности. Славянские языки и диалекты как основа духовно-нравственного и гражданского воспитания».

лунь *какой* – *фсю ночь прагулял*), *овцой* – того, кто жуёт (*Как афца калхозная – жуёт и жуёт*). Необычно использование номинации белки в функции бранного слова (*Атстань, вякиа!*) и в составе бранного выражения (*Ох ты, зми́ная ве́киа, такы ве́шаица*). Однако цитата на основное значение объясняет причину этого: *Старики́ гаваря́т, што вякиа́ к пажа́рам при́ходит – бая́лись*. Особыми лексемами из разряда бранных являются *зме́й* (*зми́й*), *змея́* и их производные. В русской культуре змеи амбивалентны: это и добро, и зло, и мудрость, и коварство. В псковских говорах подтверждение этому – многозначность слов *зме́й* (*зми́й*): второе значение – ‘О злом, коварном человеке’ (*У, Си́дор, гат ка́кой, зме́й, и жо́нка у нево́ была́ гаде́ха, а и то ушо́ица*), а третье – ‘Об умном, ловком и хитром человеке’ (*Эта курча́вый в вас спра́шивал, где ну́мяра́ция? От зме́й му́дрый*). Во втором значении отмечены бранные выражения *зме́й карта́вый* (*рога́тый, сипа́тый, шелуда́вый*). Слово *змея́* переносно является пейоративной номинацией злой, хитрой, вредной женщины, где выделяются бранные выражения (*змея́ него́иная, имуля́стая, подхали́мая, щира́я* и др.) Производные сущ. (*змеёвка, зме́йна, зме́ица, змеё́ка, змею́шина*) все пейоративны. Общерусскими словами – именами насекомых-вредителей, выступающими как бранные, являются сущ. *парази́т, микро́б – микро́ба, вошь*.

Большинство остальных сближений визуальны, за некоторыми стоит звуковой образ. Случаи, в которых человека сравнивают с животным, группируются следующим образом: сближение, основанное на внешнем сходстве, на сходстве в поведении, на похожести в действии или положении.

1. Внешнее сходство. *Худого человека́* называют *курёнок*, сравнивают с мотыльком (*Дед ужо́ софсе́м засо́х, сухой́ как пе́киль*), лягушкой (*Пато́м за́муш вёи́шла – лягу́хай бы́ла*), *плисто́вкой* (ласточкой); *приземистого́* – *малёк, мура́ха* ‘муравей’, *пигали́ца* ‘пиявка’ (*Да пигали́цы фсе – ма́ленькие та́кие*), *козело́к* ‘козлёнок’ (*Казяло́к жы́л – ма́линький мужычо́к*). Выделяется подгруппа сущ., соотносимых с маленькими детьми, поскольку для них быть маленькими – норма. Тем не менее принципы номинации здесь те же (*Тако́му ба́льшойму чилаве́ку с ва́иам вази́ца. А еише́ от таке́й клапо́к ма́лянький. Шиэ́ и вну́ка ажэ́ню, бу́дут та́ки казя́уки. Радилá – ня ви́жу, куда́ катенё́нка занесли́*). В одном примере люди обычного роста уподобляются насекомым, тем самым усиливая величие старинных богатырей: *Багаты́ри бы́ли – наро́т прасто́й как му́шынки перед ни́ми. Челове́ка с крупным телом называют именами крупных животных (*Мой муш што битю́к. Два та́ких каня́ – и не памага́ют! Та́кие жэ́ребáлы – ма́льцы ба́льшавенные. Лашади́на-неме́ц. Эва́лапиши́на-та, как у мидве́да. А е́сли здо́ровый, мужэ́ствинный, кула́к – ведро́ с ма́слам, то га́рилла и есь*). Сущ.*

жеребе́ц может использоваться и по отношению к женщинам (*А ба́ба бы́ла ба́льшая, Жарипо́м яё зва́ли*), остальные образы коррелируют по роду (*Та́кие кабы́лы – да ни памо́жут се́на слажы́ть. Стаи́т та́кая жсы́рипчу́жына, ро́жа то́лька што ни трэ́сне. На́дя з Зи́най – две ласи́хи здо́ровыи. Э́ти де́фки ба́льшыи та́ки ласи́цы*). В группе доминируют номинации коня, представлены названия медведя и лося, и, что любопытно – крупной африканской обезьяны. Полных людей называют *бóров* (*О бо́раф так бо́раф – он по́вар там*), *нали́м, лец* (*А леши́и то́лстый, здо́ровый – Лё́ха и проза́л яво́ Лешиво́м*), *лось* (*Хто гара́з здо́ровый да по́лный – у́, гаваря́, лось пашо́л*), *медве́дь* (*Бы́ла я то́лстая, как ме́дветь*), *индю́к*; женщину – *медве́дица* (*Мидве́дица а́на та́кая*), *коро́вица* (*Аткү́дава та́кая карови́шия при́шла?*), *дю́ша* ‘свинья’ (*Ка́кая дю́ша то́лстая*), *кря́ква, жа́ба*. Особняком стоит уподобление упитанного малыша толстой рыбке: *Ах ты, ма́нту́с э́такий!* Отношение говорящего здесь положительно, чего нельзя сказать о заместительных номинациях взрослых людей, отличающихся от нормы. Высоких людей называют журавлём (*Ва́ня Жо́руф, он та́кой ба́льшой бы́л. Э́сли дли́нная шэ́я, гаваря́: вот Кали́с пашо́л*), *пету́х голла́ндский* (*Иде́т дли́нный па́ринь – иму́ и гаваря́т: иш ты, как питу́х га́ла́нский*), *козе́л* (*Э, бес, вы́рашишы́ как казе́л*); подростка – *жеребе́нок* (*Та́кии жсы́ряба́та есь ба́льшыи*). Если привлекает внимание цвет волос, появляются номинации *вороне́ныш* (*Э́н чо́рный, как воро́неныш*), *лунь* (*А ашио́ в нас лунё́м заву́т, кы́ли си́вый ча́лаве́к*), *пегáшка* (*Лю́сянка пегáшка ка́кая-та, што жса́рябе́нак*). Другие частные особенности, ставшие причиной номинации: большой нос (*Мужы́к бы́л наса́тый, нос – шта́ у дра́зда, патаму́ и Дрост зва́ли*), большой лоб (*Вот камло́ха ешо́: е́сли лоп ба́льшой – камла́тая заву́т, где комло́ха – безро́гая коро́ва*), веснушки (*Лю́ди с вясну́шкам – ба́бы заруга́юца: у́, ска́жут, ря́ба, как кара́пка*), косоглазие (*В та́во гла́зы врось, как в за́йца*), красная кожа (*Он че́лаве́к кра́сный, как нали́м, и на́зван Нали́м*), некрасивость (*Па́рень – как э́та лягу́ха шы́ракано́сяя. Мо́рда в тя́бя, как у блязы́ны, утврати́тельная*). Перечисленные особенности являются врожденными, постоянными. Однако имена животных могут привлекаться и на основе временного, случайного сходства: *А на́ша брига́да забеле́фшы, как лебе́дя. Как е́реш ко́лкай галаве́нку зде́лала. Как дю́шки перяма́жуца – ма́ть радна́я ня узна́я. Хо́диш как ме́двядю́га гря́зный*. Иногда встречаются сравнения с экзотическими животными: *Э́та я си́жу [на фото], как павли́н далгахво́стый. Дикобра́зы бу́дут малады́е, з барадо́й ня пусти́ли на сва́дбу, апка́рна́ли*. Возможно, в последнем примере речь идет не об использовании номинации животного, а о новообразовании с той же внутренней формой. Также используется сущ. *карака́тица* по отноше-

нию к некрасивым людям (*На каракатицу стала пахóжа*). Головоногий моллюск обитает в южных морях и вряд ли знаком жителям Псковщины. В словарях литературного языка второе значение этого слова – ‘неуклюжий, коротконогий человек’ [4, т. 2, с. 31]. Вероятно, также под влиянием литературного языка в псковской деревне появляется слово *крокодил*: *В Гарáях бáрин был, такой кракадил – малинький, гарбáтинький*.

2. Сходство в поведении. Регулярно маркируются отрицательные качества: глупость (*Стаиш, как барáн, и ничевó не панимаеш. Дуркаватые лóди були, лунí були, сéрые. Онé как óфцы малóденькие, им не падстáть пад гармóшку*); лень – используются названия малоподвижной рыбы, налима (*Лежыт как мень пат кáмнем, ленивьíй. Мень – э́та лентя́й. Уну́чик мой как минтусóк*), крупной рабочей лошади (*Битю́к, ни ляжсы́, схади́ хыть дрóф нькали́*), филина (*Кóлька панёс мяшо́к мукí – никтó ни памóк на крылёц слесть – во лу́ни какíе*); заносчивость – лексемы *петух, пету́н, петушо́к, гóголь, павли́н, индю́к, кура́ш, кура́н, кура́шка (Иш, андю́к какóй ва́жньи! Кагда́ начина́ит пить – начина́ет быть павли́нам. Идёт, как кура́шка, распуши́фшы)*; назойливость – *клец, осá, мошкарá (Как мышкарá, никак ни атпихáть [детей]), лепень ‘насекомое’ (Дéвак ляпня́м пристава́ла, кагда́ я маладо́й был)*; хитрость – *жук, лиса (Вот какóй он хитрый́, жучо́к какóй. Во хитре́ц-та, во Лисá Патрикеевна! Какíи лиси́цы: так и лóвят [о собирателях лексики])*; угрюмость – *бирю́к (‘волк’, ‘медведь’) и битю́г (У э́тава ни спра́шывайти: он битю́к)*; похотливость (*Ёйный мужы́к был кабе́ль. Он óчень не любíл мушын, катóрые, гаварí, идёш на дире́вне – пирибига́ют, ну што каты́, из до́му в дом*).

Образных номинаций заслуживают не только отрицательные качества. Подвижность – 14 лексем (10 животных). Типично сравнение быстрого человека с мотыльком (*Што митилёк дед бéгая. Ю́рка што мэте́нь сляти́т в лес. Яна́ што мя́тличек. Лята́ла, как пикалёк*), иноходцем (*Ена́ ни зна́ла тíха хадíть, што винахо́т*). Есть сравнения с ершом (*Ты што как ирéш кру́тисся!*), мышью (*Ты бы́тта мыш стрикíши*), козой (*коза́, козю́лька*), цыпленком (*Наиу́сь, как курёнак*) и белкой (*Што ты но́сишся, как вéкша!*). Выразительно окказиональное сравнение жениха с жеребенком: *Он как жырябёнак бéгал вакру́к её*. Сравнение подвижного человека с блохой и с гончей типично для языка (*Ска́чить, каг будéц. Сять, паёш, а то бéгаеш, каг гонча́я саба́ка*). Склонность к домоседству – 9 лексем (5 животных): *клу́ха и клу́ша, кря́ква, ку́рица (Сидí, как ку́рица на я́йках), куры́шка ‘индейка’ (Я здíсь как куры́шка сижу́), ку́на и ку́ня ‘куница’ (Сижу́ как куна́ в дупли́, никуда́ ни éжжу́)*. Домоседа сравнивают с медведем: *Ён жывё́ как мярло́жник в мярло́ги*.

Единичные сравнения также отражают типичные свойства: кто все время что-то несет домой, вызывает ассоциацию с муравьем (*Ты дéвачка акурáтная, дамóй валакёш как муравёй фсё*), кто первым приезжает – с грачом (*Как Ма́ня приёдет – гаваря́т: ско́ра грачи́ прилетя́т; её Грачо́м заву́т*), кто скачет – с зайцем (*Што за́йчик ис-пад ё́лачки ска́чя*), ловко лазает – с белкой (*Ни мальчи́шка, а вякиа́: напро́буи на таку́ вышы́ну залéсь*), сидит без дела – с ласточкой (*Ничаво́ ня дéлают, сидя́т как кашáначки*), что-то грызет – с мышкой (*Грызё́ кару́шку хлéба как мы́шка*), мало ест – с комаром (*Еди́м-та как камары́*) и курицей (*Еш как курли́нка – где ш толсту́ быть*), хорошо ест овощи – с козлом (*Как кузёл, капу́сту, картóшку ест*), плавно идет – с самкой павлина (*Што па́ва пльвё́т*), подражает другим – с обезьяной (*Тяпéрь лóди как абязя́ны*), всегда против – с ершом (*Ты фсё прóти, быта́ ярéш*), надулся – с пиявкой и пауком (*Наду́фшы как пия́гафка. Наду́лся как наву́к*), забывчив – с кукушкой (*Вот ста́ла биспа́мятливая куку́шка: забы́ла, куды́ палажы́ла*), упрям – с барсуком (*Мо́жна чилавё́ка назва́ть барзунóм – упрямый тако́й*), агрессивен – с орлом (*Э́тат мужы́к арёл – фсем гла́зы вы́царапаит, зде́лаит, как яму́ луччи́*), жаден – с жабой (*Ани́ жа́бы такíи – э́та скупы́х так заву́т у нас*), подкапывается под других – с кротом (*Крот – Ванька, он тако́й паткапа́стый, фсё яму́ ня так, патка́ываица ка фсем*). И снова лексемы, обозначающие экзотических животных, *па́ва* и *обезья́на*, появляются в народной речи под влиянием литературного языка.

Ряд сравнений имеет звуковую природу: женщина, которая залиvisto хохочет, сравнивается с гусыней, курицей и лошадей (*Ана́ гагату́ха: раз-айдё́цца и залива́ицца. Нашли́ ба́бушку-квахту́ху. Ржут, каг жырябóхи*), а парень – с жеребцом (*Васька ржо каг жырябóк*), сварливая женщина – с уткой (*Стáрая кря́ка*), не умеющий петь – с волком (*Ска́жут, как волк вуёт*), плачущий малыш – с чибисом и кукушкой (*кувьёушка, кувя́кушка, няздрик*), с лягушкой (*кваку́ха, кваку́ша*), плакса сравнивается с коровой, кто постоянно бранится – с псом (*Ну он и брэ́шется, как пёс*). Молчаливый человек вызывает ассоциацию с выпью (*Ты што малчи́ш как гук*), глухой – с глухарем (*Вот и сиди́ш, как машини́к: кричу́ – а ты и в ус не ду́иш*) и филином (*Быва́ет челавёк с глуши́най – лунь*).

К данной группе можно отнести суш. *глотойм*. В основном значении это ‘животное, заглатывающее свою добычу целиком’ (*Глатай́м – э́та уш атно́сицца к зvéрю; ва́зьми аку́ла – ана́ хвата́ет и ест ево́ – вот и назавёш глатай́м*), а в переносном – человек, не ценящий себе подобных (*А кто убьё́т, дак у нас гаварíли крава́тивец, глатай́м, кроф чужю́ пье*).

3. Сходство в действии, свойстве или положении. Самое частотное сравнение по действию –

‘много работающих’. Здесь представлены номинации всех тягловых животных – коня и лошади, вола, ишака (*Работаем, прям как лошади. Сасёт как лошадиюга работат. Работала, как вузавица. Фсю жьсь работала, каг гужэвик. Работала, што коница. Ишаки бѣли, а ни работники*). Сравнение с конем и волком может быть и положительным, и отрицательным, тогда как использование слова *ишак* всегда пейоративно. Другое сравнение по действию – *пить как кони* (*Пьют как кони – како и здаровье?*), где есть языковая игра прямого и переносного значений глагола, отраженная в идиоме *пить как лошадь*. Ситуативная похожесть представлена в сравнениях движущихся людей и пса, пауков, насекомых, белки, посей, коня (*Пабѣк как пясѣк через дарогу. Ганяли явѣ, как кабяля, фсѣ бягом. Тягаюца как пауки: анни в байну, другие – из байни. Ёсли нарѣт ни истряблять, то как насикомые двѣжуца. Рябятя, вы и пат празникта виздѣ вѣшатишь, как вѣкши. Вѣ вы фчарѣ пианицы жьзны дѣли – што ласи катѣлись. Как кони бѣгают*). При характеристике положения в пространстве привлекаются образы клопа, котѣнка, посихи (*Зимѣ забрался как клоп ъ ишѣлку. Няуш на падушку, как катинѣнку, свярнуца. Ёта вѣтянуфшы ляжѣт, а ёта скѣклифшы как катѣнак. Валяишыся как лосѣня*). При передаче ощущения холода – образ лягушки (*Как лягуха фсягдѣ халѣнная*). Свойства человека, характеризующиеся через сравнения – это сила (*Ох мядвядюга, иш скѣка сѣна взвалил! Как кони дѣжыте*), приспособленчество (*Тяпѣрь тихаюца кто куда мѣжыт, прилѣпца, как кашняк пат крѣшу – и жывѣт*), незначительность (*В даваѣнное врѣмя мы клѣпы бѣли*). Похожесть в положении представлена привлечением образа волка для выражения значения одиночества (*Вот зимѣ аннѣя, што волк, скѣшина*) и сравнением с детенышами животных для выражения полной зависимости от других людей (*Бросила дѣтѣй, как катѣят или ишенѣт какѣх. Мы у людѣй жьѣли, ани нас как катѣят взяли*).

Ряд номинаций соотносится с группой людей. Лексема выводок в первом значении – ‘детеныши птиц, животных, выведенные одной самкой и держатые вместе’, а в производном – ‘все дети одних родителей’ (*У явѣ вѣвадак какѣй няскладный*), словом вороньяк называются не только вороны, но и люди, которых много (*Нарѣт налитѣл, как вараньяк*) и которые смеются (*Вараньяк так ѣ хахѣчит*). Таким образом, у переноса может быть ряд оснований: вороньяком называли людей, которые и собрались вместе, и при этом шумят. Двойная мотивировка также характерна для слова жучѣк, которым называют черноволосого мужчину небольшого роста.

Часто человека могут называть именем животного в разных случаях по разным причинам. Женщину называют куропатка и при наличии вес-

нушек на лице, и за быструю речь; жерѣбѣнком называют и рослого мальчика, и жениха, бегающего вокруг невесты; битѣг – это и сильный человек, и лентяй, лежебока, и сердитый, угрюмый человек; мѣрин – это и врун, и болтун, и обжора; загѣнькой, загѣнюшкой (кукушкой) называют несчастную девушку, сироту, одинокую женщину; индѣк – это и заносчивый человек, и толстяк; вѣкши – быстро бегающий ребенок, и ловко лазающий по деревьям, и который везде виснет; медвѣдь – и большой человек, и толстый, и сильный, и домосед, и кто крепко спит; медведѣгой именуют и сильного человека, и запачкавшегося; мышь – кто грызет корочку, кто проворен, кто смотрит настороженно, кто обиделся, надулся; лиса – кто хитер и кто ласков; с волком сравнивают одинокого человека, того, кто плохо поет, кто много работает, волками зовут ночных сватов и тех, кто перевозит приданое невесты.

Номинации человека именами животных в псковских говорах всегда мотивированы: «Компонент семантики, осуществляющий смысловую связь... может представлять собой конкретный признак, который лежит на поверхности, легко вычлняется и эксплицитно привязывает метафорическое значение к исходному» [3, с. 50]. В литературном языке, как пишет далее Г.Н. Складаревская, есть и второй вид сближений – сближения неочевидные. Но в диалектах, как показывает материал, употребляются однозначно трактуемые переносы. Сравнение переноса номинаций с животного на человека в литературном языке и в говорах дает и второе их яркое различие. Как пишет Г.Н. Складаревская, «тип регулярного метафорического переноса *животное* → *человек* играет в языке роль одного из самых сильных экспрессивных средств, обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской» [3, с. 98]. Вместе с тем в народной речи подобные переносы могут быть как пейоративными, так и мелиоративными, и нейтральными по оценочному компоненту.

Данный обзор использования номинаций животных применительно к человеку в псковских говорах не является исчерпывающим, однако позволяет сделать следующие выводы. 1. Перенос номинаций *животное* → *человек* широко представлен в диалектах. 2. Основа таких переносов всегда конкретна. 3. Переносы могут быть как оценочными (мелиоративными и пейоративными), так и нейтральными. 4. Перенос может иметь как одно основание, так и несколько (что встречается реже). 5. Использование номинаций одного животного по отношению к человеку может иметь в разных случаях разные причины. 6. Ассоциации могут иметь визуальное основание, звуковое, базироваться на сходстве в поведении, свойствах или положении, быть постоянными или ситуативными. 7. Диалек-

ты в целом гораздо богаче и разнообразнее литературного языка в использовании номинаций животных по отношению к человеку.

Библиографический список

1. Псковский областной словарь с историческими данными. – Л.; СПб., 1967–2016. – Вып. 1–26 (издание продолжается).
2. Псковские народные говоры в их истории и современном состоянии: библиографический указатель / ред.-сост. Н.В. Большакова. – Псков, 2013. – 328 с.
3. Складарская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 164 с.

4. Словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986.

References

1. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. – L.; SPb., 1967–2016. – Vyp. 1–26 (izdanie prodolzhaetsya).
2. Pskovskie narodnye govory v ih istorii i sovremennom sostoyanii: bibliograficheskij ukazatel' / red.-sost. N.V. Bol'shakova. – Pskov, 2013. – 328 s.
3. Sklyarevskaya G.N. Metafora v sisteme yazyka. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2004. – 164 s.
4. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – M., 1986.

Верба Ирина Павловна

кандидат филологических наук

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны

verba.ir@mail.ru

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.Н. ОСТРОВСКОГО В АКАДЕМИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ*

Рассматривается представленность цитат из произведений А.Н. Островского в словарях, изданных Академией наук в XIX–XX веках. Словарь русского языка (том I) под редакцией Я.К. Грота – первый академический словарь, в котором приведены примеры из произведений А.Н. Островского в качестве иллюстраций значений слов. В отечественной академической лексикографии используются цитаты из различных произведений А.Н. Островского, как художественных, так и нехудожественных, в качестве образцовых примеров употребления того или иного слова в речи. Лексическое богатство, содержащееся в пьесах А.Н. Островского, его Словаре русского народного языка, Путешествии по Волге от истоков до Нижнего Новгорода, переписке и других источниках, даёт возможность изучения русского национального языка в его многообразии.

Ключевые слова: произведения А.Н. Островского, академическая отечественная лексикография конца XIX века, лексикография XX века, толкование значения слова.

Первым академическим словарём, в котором лексическое богатство русской классической литературы составляет «весьма существенную часть его» [6, вып. 1, с. XI], стал Словарь русского языка, а именно том I (1891–1895) под редакцией Я.К. Грота. В числе источников словаря «все наши первоклассные и некоторые второстепенные писатели» [6, вып. 1, с. XI–XII]. В общем перечне имён поэтов и писателей, из произведений которых взяты «оправдательные примеры» для объяснения значений слов в Словаре Я.К. Грота, находится имя А.Н. Островского.

Иллюстрации из произведений А.Н. Островского в Словаре Я.К. Грота единичны. Цитатой из пьесы «Не было ни гроша, да вдруг алтын» иллюстрируется употребление уменьшительной формы междометия *агу*, «с которым для приветствия или успокоения обращаются к грудному младенцу»: *Ну, агунюшки, дитя моё милое*. Остров. [6, вып. 1, стлб. 12]. Контекст данного словоупотребления в пьесе: Баклушин берёт Настю, племянницу Крутицкого, за руку: *Ну, перестаньте, Настасья Сергеевна! Настенька! Ну, рассмейтесь! Ну, агунюшки, дитя моё милое! Ну, какой я муж? Я ведь шалопай совершеннейший. Ну, рассмейтесь!* Настя улыбается, а жена Крутицкого, Анна Тихоновна, отвечает: <...> *Ей не агунюшки нужны! Ей нужен тёплый угол да кусок хлеба* (действие второе, явление девятое) [цит. по: 3]. В толкование слова *ансамбль* в Словаре Я.К. Грота включена цитата из Записки А.Н. Островского о театральном училище от 1886 года: «Стройное согласие отдельных предметов или действий, составляющих одно целое. Особенно: дружное, единодушное действие артистов при исполнении какой-либо драматической или музыкальной пьесы. *Стройный ансамбль, живость и изящество исполнения*. Островский» [6, вып. 1, стлб. 48]. Ещё пример из Словаря Я.К. Грота: «**Барственность**. Дворянское достоинство... *Не стоит*

вам, по вашей барственности, о всякой дряни беспокоиться. Остров. Воспит.» [6, вып. 1, стлб. 117] – так увещевала приживалка Василиса Пелегриновна помещицу Уланбекову в пьесе «Воспитанница» (сцена вторая, явление второе). Для толкования глагола *взопреть* в Словаре Я.К. Грота используется отсылочная дефиниция «См. Преть» и приводится иллюстрация: «*Летел к вам скоропалительно, даже взопрел-с*. Островск.» [6, вып. 1, стлб. 407]. В пьесе «В чужом пиру похмелье» Андрей Титыч говорит Лизавете Ивановне: «*Летел к вам скоропалительно, инда взопрел-с*» (действие первое, явление четвёртое) [цит. по: 3]. Пример из произведения А.Н. Островского приводится и в качестве иллюстрации переносного значения слова *воложный*: «*жирный, обильный. *Прощай, масленица! Сладко, воложно нас кормила Суслон, бражкой поила*. Остр. Снегурочка» [6, стлб. 494] – так поют везущие Масленицу берендеи в весенней сказке А.Н. Островского (пролог, явление четвёртое).

Академику Я.К. Гроту ещё до начала работы над первым томом Словаря русского языка было известно о том, что А.Н. Островский задумал большой труд. На заседании Второго отделения Академии наук 16 октября 1880 года было решено просить А.Н. Островского о доставлении словарных материалов. Материалы были переданы в Отделение русского языка и словесности только после смерти писателя, в 1891 году.

Материалы А.Н. Островского представляли большой интерес для составителей Словаря русского языка Императорской Академии наук. Материалы частично вошли в «шахматовскую редакцию» Словаря (том 2, 1897–1907) и были указаны в числе его источников под названием «Словарь народного языка, составленный А.Н. Островским». Так, в Словаре А.А. Шахматова из Словаря А.Н. Островского вошли такие слова и сочетания, как *глоха, епишка, ерошиться, ериши Галицкие,*

* Статья публикуется по материалам международной научно-практической конференции «Дни славянской письменности. Славянские языки и диалекты как основа духовно-нравственного и гражданского воспитания».

жаркий лов, желтоглазый, желтостебельник, жерло, жиган, жизнёнок, жимолостный, жировой плавник, жучка, зауживать, зауза и др. В качестве иллюстраций значений ряда слов А.А. Шахматов приводит цитаты из художественных произведений А.Н. Островского. А.А. Шахматов сохраняет гротовскую иерархизацию имён поэтов и писателей: А.Н. Островский, по его мнению, относится к той группе авторов, лексика произведений которых должна быть исчерпана полностью [см.: 1]. К примеру, толкование слова *ерофеич* приводится в Словаре А.А. Шахматова со ссылкой на материалы А.Н. Островского: «Водка, настоящая набором разных пахучих трав, с прибавлением мелких сушёных померанцев» [7, вып. 1, стлб. 134]. В числе прочих иллюстраций приводится цитата из пьесы А.Н. Островского «Не в свои сани не садись»: «С дорожки-то ты бы, сват, велел подать рюмочку ерофеичу» [7, вып. 1, стлб. 134] – просит Русаков, отказавшись перед этим от рюмочки лисабончику (действие первое, явление третье).

Произведения А.Н. Островского, как художественные, так и нехудожественные, являются одним из источников современных словарей русского языка. Показательным в этом отношении является представленность цитат из произведений А.Н. Островского в Словаре русского языка в 4 томах под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС). Наряду со словарным составом русского литературного языка в современном его состоянии, МАС включает часть общеупотребительной лексики русского литературного языка от пушкинской эпохи до наших дней, необходимую для понимания произведений художественной, публицистической и научной литературы XIX–XX веков. Словарные статьи МАС иллюстрируются литературными и общеязыковыми примерами. В качестве иллюстративного материала, включённого в толкование лексической единицы, порядка двух тысяч раз используются цитаты из произведений А.Н. Островского.

Цитаты из произведений А.Н. Островского используются в МАС для толкования как знаменательных, так и служебных частей речи [далее цит. по: 5]. Например: «**АДВОКАТСТВО**, -а, ср. Деятельность адвоката. [Досужев:] *Вот я и взялся за ум: принял за адвокатство, стал купцам слёзные прошения писать*. А. Островский, Доходное место»; «**АДСКИЙ**, -ая, -ое. 3. Злобный, коварный. *Адский замысел*. [Антрыгина:] *Я с радостью встречу смерть и с адским хохотом закрою глаза свои*. А. Островский, Свои собаки грызутся, чужая не приставай!»; «**БЕГАТЬ**, -аю, аешь; несов. от кого-чего. Прост. Избегать, сторониться. [Подхалюзин:] *А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастья-с*. А. Островский, Свои люди – сочтёмся!»; «**БЕЗВЫХОДНО**. Нареч. к **безвыходный** (в 1 знач.). [Мурзавецкая:] *Вели людям сидеть в передней безвыходно!* А. Островский, Волки и овцы»; **А** как противительный союз при

указании на уступительный характер противопоставления предложений или их членов: «[Жадов:] *Рассказывайте, что хотите, а я всё-таки женюсь и буду жить счастливо*. А. Островский, Доходное место»; **А** как сопоставительный союз: «[Лель (поёт):] *Туча со громом сговаривалась: Ты, гром, греми, а я дождь разолью*. А. Островский, Снегурочка»; **А** как побудительная частица: «[Дарья:] *Барышня, а барышня! Где вы тут?* А. Островский, Бедная невеста» и др.

Цитаты из произведений А.Н. Островского привлекаются для толкования лексики как общеупотребительной (см. вышеприведённые примеры), так и ограниченной в употреблении, например: «устар.» *антик, баба* в значении ‘замужняя крестьянка’, *барыш, благополучие* в значении ‘счастье’, *благословение* в значении ‘благодарность, хвала’; «разг. устар.» *ажитация*; «прост. устар.» *бессчастный*; «устар. и обл.» *батог*; «обл.» *благой* в значении ‘сумасбродный, взбалмошный’; «высок.» *бессмертие* в значении ‘неувядаемая посмертная слава’ и др.

С привлечением иллюстраций из произведений А.Н. Островского толкуются в МАС и многие устойчивые выражения: *ни аза (в глаза) не знать, ни аза не знать (не понимать, не смыслить), одному аллаху известно, бешеные деньги* и др. Например: «**В аккурате** (прост.) – как следует. [Большов:] *Как сделаешь всё в аккурате, такой тебе, Сысой Псоич, магарыч поставлю, просто сказать, угоришь*. А. Островский, Свои люди – сочтёмся!».

В нормативный словарь современного русского языка также вошла лексика, на которую обратил внимание А.Н. Островский, собирая материалы для Словаря русского народного языка [см.: 2]. Известно, что в материалах для своего Словаря А.Н. Островский указывал прежде всего значения, отличные от общеупотребительных. Например, слово *молодёц* А.Н. Островский толкует следующим образом: «Должность у купцов, прислужник в лавке и дома; 1-й – приказчик, 2-й – молодец, 3-й – мальчик. – *Жить в молодцах, в мальчиках* (в мальчиках может жить и совершеннолетний, и пожилой)» [2, с. 327–328]. В МАС иллюстрация из произведения А.Н. Островского используется для толкования следующего значения: «Разг. Употребляется как похвала, одобрение того, кто проявил смелость, находчивость, достойно вёл себя и т. п. [Миловидов:] *Молодец ты, баба! Вот это мне на руку! Этаких я люблю*. А. Островский, На бойком месте». Отмеченное А.Н. Островским значение вошло в толкование 4-го значения слова *молодёц*, здесь оно имеет пометы «разг. устар.»: «Слуга, обычно молодой (рассыльный, приказчик у купца, половой в трактире и т. д.)».

Многие слова, отражённые А.Н. Островским в Словаре, получили в МАС помету «обл.». Например, в Словаре А.Н. Островского толкуется видовая пара «*Имать*. Ловить. *Изымать*. Поймать» [2,

с. 318]. В МАС отражён возвратный глагол *иматься*: «Устар. и обл. Браться, схватываться. [Кочетов:] Друз Василий, Не похвались: Частёхонько за бороду чужую Имаешься, как за свою, без спроса. А. Островский, Комик VII столетия». То же с глаголом *кучиться*. В МАС этот глагол имеет помету «обл.»: «Усиленно просить о чём-л., беспокоить просьбами. *«Девушка красная Просится, кучится Взнести челобитище.* А. Островский, Снегурочка». Такие слова, как *подзаборник, подход, шалопай*, лексикографически описанные А.Н. Островским в материалах для Словаря, сходно толкуются в МАС и имеют в нём помету «разг.».

В МАС также приведены цитаты из Путешествия по Волге от истоков до Нижнего Новгорода [см.: 4], первые четыре главы которого были напечатаны в «Морском сборнике» (1859. № 2) по результатам этнографической экспедиции 1856–1857 годов. Цитаты из Путешествия используются в качестве иллюстраций для толкования ряда слов: *пара* в 5-м значении «Два существа, находящиеся, действующие вместе, объединённые чем-л. общим; двое, рассматриваемые как нечто целое. *Вечером на городском бульваре не редкость встретить пару, которая сидит обнявшись и ведёт сладкие разговоры;*»; *переезд* в 1-м значении «*Действие по глаг. переезжать (в 1 и 2 знач.). Когда просёлочные дороги достаточно обсохли и переезд через ручьи и овраги сделался возможным, я решил ехать в страну болот и озёр, к истокам Волги;*»; *переправить* в 1-м значении «Перевезти, перевести (обычно через реку, а также через какое-л. труднопроходимое место). *Был один случай: кто-то захотел переправить корову за Волгу, корова, на середине реки, продавила копытом лодку, и все потонули;*»; *умыкание* как форма заключения брака путём похищения невесты: «*В Торжке ещё до сей поры существует обычай умыканья невест. Считается особым молодецеством увезти невесту потихоньку, хотя это делается почти всегда с согласия родителей*» и некоторые другие. В 70 словарных статьях МАС в толковании используются цитаты из писем А.Н. Островского.

Цитаты из художественных и нехудожественных произведений А.Н. Островского приводятся в академических словарях русского языка в качестве образцовых примеров использования того или иного слова в речи. Лексическое богатство, содержащееся в пьесах А.Н. Островского, его Словаре русского народного языка, Путешествии по Волге от истоков до Нижнего Новгорода, переписке и других источниках, даёт возможность изучать русский национальный язык во всей его полноте и разнообразии.

Библиографический список

1. История создания II тома Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Академии наук (под редакцией А.А. Шахматова) // Исто-

рия русской лексикографии / отв. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2001. – С. 240–245.

2. Островский А.Н. [Материалы для словаря русского народного языка] // А.Н. Островский. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 13. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1952. – С. 305–361.

3. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. [Электронный ресурс]. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1949–1953. – Режим доступа: http://az.lib.ru/ostrowskij_a_n/text_0020 (дата обращения: 10.07.2018).

4. Островский А.Н. Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода // А.Н. Островский. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7 / под ред. М.И. Писарева. – СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1896. – С. 499–527.

5. Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc> (дата обращения: 12.07.2018).

6. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. 1 (А–Д) / под ред. Я.К. Грота. – СПб.: Типография Имп. АН, 1895.

7. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. 2 (Е, Ж, З) / под ред. А.А. Шахматова. – СПб.: Типография Имп. АН, 1907.

References

1. Istoriya sozdaniya II toma Slovarya russkogo yazyka, sostavlennogo Vtorym otdeleniem Akademii nauk (pod redakciej A.A. SHahmatova) // Istoriya russkoj leksikografii / otv. red. F.P. Sorokoletov. – SPb.: Nauka, 2001. – S. 240–245.

2. Ostrovskij A.N. [Materialy dlya slovarya russkogo narodnogo yazyka] // A.N. Ostrovskij. Poln. sobr. soch.: v 16 t. T. 13. – M.: Gos. izd-vo hud. lit-ry, 1952. – S. 305–361.

3. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 16 t. [Elektronnyj resurs]. – M.: Gos. izd-vo hud. lit-ry, 1949–1953. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/ostrowskij_a_n/text_0020 (data obrashcheniya: 10.07.2018).

4. Ostrovskij A.N. Puteshestvie po Volge ot istokov do Nizhnego Novgoroda // A.N. Ostrovskij. Poln. sobr. soch.: v 10 t. T. 7 / pod red. M.I. Pisareva. – SPb.: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1896. – S. 499–527.

5. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Elektronnyj resurs] / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy; pod red. A.P. Evgen'evoj. – M.: Rus. yaz; Poligrafresursy, 1999. – Rezhim dostupa: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc> (data obrashcheniya: 12.07.2018).

6. Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imp. Akademii nauk. T. 1 (A–D) / pod red. YA.K. Grot. – SPb.: Tipografiya Imp. AN, 1895.

7. Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imp. Akademii nauk. T. 2 (E, ZH, Z) / pod red. A.A. SHahmatova. – SPb.: Tipografiya Imp. AN, 1907.

Ганцовская Нина Семеновна
 доктор филологических наук, профессор
 Костромской государственной университет
 Gantsovsky_n@mail.ru

Неганова Галина Дмитриевна
 кандидат культурологии
 Костромской государственной университет
 cultland@yandex.ru

**ПО СЛЕДАМ Г.З. ШКЛЯРА:
 СУДЬБА ЗВАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ
 (на материале произведений М. Богдановича)***

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-012-00809 А
 «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»*

В исследовании Г.З. Шкляра типологии звательной формы на материале языка писателей в современном литературном белорусском языке анализируемое явление рассматривается в плане диахронии и синхронии, семантико-структурных, стилистических и ареально-типологических качеств. Для формулировки окончательных выводов он апеллирует к диалектам, редкое употребление в современном белорусском литературном языке звательной формы объясняя тем, что в основу его легли центральные белорусские говоры. Список писателей, язык которых анализирует учёный, мы дополняем исследованием языка поэтических произведений М. Богдановича, которое выполняем с теми же задачами и по тем же методикам, что и Г.З. Шкляр. Наши выводы по всем аспектам совпали с наблюдениями Г.З. Шкляра над судьбой звательной формы в современном белорусском литературном языке: в области структурных форм, семантики, особенностей функционирования, стилистических качеств и др.

Ключевые слова: звательная форма, Богданович, современный белорусский литературный язык.

Г.З. Шкляр, учёный-славист широкого профиля, работавший с 1.1.1930 г. по 28.6.1941 г. в Институте языка и литературы Академии наук БССР (Минск), а с 15.8.1941 г. в Костромском педагогическом институте им. Н.А. Некрасова и заложивший там фундамент научного и практического изучения костромских диалектов, в 1960 г. в костромских Учёных записках КГПИ опубликовал обширное исследование о типологии звательной формы как средства обращения в современном белорусском языке [7]. Анализируемое явление рассматривается им в плане диахронии и синхронии, семантико-структурных, стилистических и ареально-типологических качеств с опорой на значимые труды русских, белорусских, болгарских, польских, французских и др. славистов, в которых затрагивается данный вопрос. Так, выявляются и обсуждаются точки зрения на историю и дальнейшее развитие звательной формы в славянских языках А. Соболевского, Е. Карского, А. Мейе, Н. Дурново, Р.И. Аванесова, П.С. Кузнецова, А. Селищева, Л. Андрейчина, Ю. Маслова, А. Широковой, Л. Булаховского, Н. Булахова, Ю. Мацкевича, Н. Войтович и др., автором статьи ведётся научная дискуссия по этому вопросу и предлагается своё решение обсуждаемой проблемы.

Исследование Г.З. Шкляра находится в области дискурса современного белорусского литературного языка, но при этом для формулировки окончательных выводов по вопросам актуальности и востребованности в современной стандартной речи образованных белорусов звательной формы в апел-

лятивной функции он обращается к диалектам, так как белорусский литературный язык, как известно, построен на диалектной основе, о чём и напоминает учёный. Редкое употребление в современном белорусском литературном языке звательной формы он объясняет тем, что в основу белорусского литературного языка легли центральные белорусские говоры, в которых «звукосы и грамматические нормы центральных белорусских говоров являются в своём подавляющем большинстве нормами белорусского литературного языка» и в которых «звательная форма существительных имеет незначительное распространение» [7, с. 273]. Это мнение о диалектной основе белорусского литературного языка и о судьбе звательной формы в роли обращения в нём к тому времени не было ещё устоявшимся. См., например, утверждение Т.П. Ломтева о том, что «в функции обращения в белорусском языке очень часто употребляется звательная форма имени существительного» [6, с. 121]), но ещё ранее Е.Ф. Карский указывал обратное, ссылаясь на роль центральных говоров в формировании норм белорусского литературного языка [5, т. 2, вып. 3, с. 121, 128]. Также в этом вопросе Г.З. Шкляр опирается на мнения и современных ему учёных. В числе их названа Н.Т. Войтович, которая в своих исследованиях «сложных взаимоотношений» между литературным языком и народными говорами – «вопроса о диалектной основе белорусского национального языка и современного белорусского языка как его письменной литературно обработанной форме» – обращалась к произведениям белорусских поэтов,

* Статья публикуется по материалам международной научно-практической конференции «Дни славянской письменности. Славянские языки и диалекты как основа духовно-нравственного и гражданского воспитания».

в частности к произведениям Я. Купалы и Я. Коласа [3, с. 41, 26, 39].

В качестве материала для изучения статуса звательной формы существительных в современном белорусском языке, степени распространённости и стилистической роли её Шкляром выбраны разножанровые произведения белорусских писателей и поэтов на протяжении последних пятидесяти лет: Янки Купалы, Я. Коласа, Зм. Бядули, К. Чёрного, П. Труса, М. Лынькова, К. Крапивы, П. Бровко, П. Глебко, А. Кулешова, М. Танка, И. Шамякина, Я. Брыля. Среди них мы не находим имени крупного поэта, деятеля белорусского национального возрождения, сотрудника журнала «Наша нива» и одного из основателей белорусского литературного языка – Максима Богдановича (1891–1917). Печататься он начал ещё гимназистом и успел создать на белорусском языке большое количество прекрасных образцов поэзии, оригинальной и переводной, разных жанров и тематической направленности. Хотя М. Богданович почти всю жизнь прожил в Ярославле, там окончил гимназию и лицей, имя его не забыто как в Белоруссии, так и за её пределами, слава его растёт, а книги ежегодно переиздаются. Так, в мае 2017 г. в Беларуси, а также в России, в частности Ярославле и Костроме, широко отмечали День памяти поэта, который дорог не только белорусам, но и жителям Верхней Волги.

Наша задача – детально проанализировать стихи М. Богдановича с той же целью и по тем же методикам, что ранее сделал Г.З. Шкляр по отношению к вышеупомянутым прозаикам и поэтам, поскольку его исследовательские приёмы оказались эффективными в достижении поставленной им цели, сделали убедительными выводы исследователя и могут быть применены для анализа языка и других писателей, представляющих современный образцовый белорусский литературный язык. Мы постараемся на материале поэзии разных жанров одного автора – Максима Богдановича – подтвердить, уточнить, а может быть, и подвергнуть сомнению положения Г.З. Шкляра относительно статуса звательного падежа в современном белорусском литературном языке в качестве обращения и объяснить причины такого положения.

Для анализа мы выбрали поэтические тексты юбилейного, 2016 г. (к 125-летию со дня рождения поэта), издания книги «Максім Багдановіч. Я не самотны...», где содержатся воспоминания о поэте и «таксама амаль усе паэтычныя творы паэта» [1]. Поэзия М. Богдановича многотемна, но преобладают в ней мотивы природы: полевой и лесной растительности края («сосны, елі, хвоя, хвощы...»), «прывольная, цёмная пушча...», «по-над белым пухам вишняў», «белым кветам адзета каліна...»); животного мира родных мест («не кувай ты, шэрая зязюля...», «страцім-лебедзь», «мушка-зелянушка и камарык-насацы тварык»); земного и небесного

ландшафта («Я спакойна дремлю пад гарой між кустоў...»), «Вось и ноч. Нада мной заліліся нябёсы...», «У небе – ля хмары грывотной – празрыстая, лёгкая хмара...», «На небе месяц ўстаў зялёны...», «Зорка Венера ўзышла над зямлёю...»), природных явлений («цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог...», «Дождж у полі і холад... і мгла...»). Также к числу наиболее привлекательных тем для поэта относятся народная (лясун, пугач, водзяник, русалка, Падвей) и античная (Геракл, Антэй, купідон) мифология, романтические образы народной белорусской и иных народов поэзии («Вершы беларускага складу»: «Бяседная», «Лявоніха», «У Максіма на кашулі вышыты галубкі...», «Сярод улiцы у нас карагод»; «Песні народаў»: сербская, руская, украiнскія, скандынаўская, гішпанскія, японскія, персідскія). Есть у него и переводная лирика («з чужой нiвы» – древнеримской, немецкой, русской, украинской, французской, шведской поэзии, также романтического склада. Как молодого человека, его волновали темы дружбы, любви к женщине, страданий, личных и всего белорусского народа, с которым себя отождествлял поэт, исторического прошлого родины («Старая Беларусь») и человечества («Думы и вобразы»). В целом надо отметить глубокую фольклорную основу большей части его оригинального творчества, связанного с родным белорусским краем, но ему не чужды были и мотивы классической мировой поэзии, античной и новой, вплоть до французского модерна начала XX в.

Из этого краткого перечня тем поэтических страстей М. Богдановича становится понятно, почему его лирика глубоко эмоциональна, почти лишена эпической безмятежности и изобилует многими средствами поэтической выразительности: олицетворениями, сравнениями, в том числе и скрытыми (метафорами), гиперболами и др. Неудивительно поэтому, что в числе художественных средств его поэтической речи как дань романтизму периода сецессии постоянно присутствуют и такие фигуры речи, как разного рода повторы, эпитеты, риторические вопросы, восклицания и, конечно, обращения. В роли обращений-существительных, которые принадлежат к одним из наиболее выразительных средств языка поэта, у М. Богдановича выступает, как правило, форма именительного падежа существительных мужского, женского и среднего рода единственного и множественного числа и гораздо реже – звательная форма. Особой формы звательного падежа не имеют, по понятным причинам, существительные во множественном числе и среднем роде (в древности её никогда там и не было), не имеют в единственном числе существительные женского рода бывших склонений на *ǫ и на *ī, но имеют, правда ограниченно, существительные мужского рода, нарицательные и собственные, одушевлённые и неодушевлённые бывших склонений на *ǫ, *jǫ и *ī.

Последовательно рассмотрим все формы выражения существительных в функции обращения в поэзии М. Богдановича, следуя методике Г.З. Шкляра, раздельно по склонениям в современном русском языке (их нумерация Шкляром и нами даётся так, как это было принято в первой академической грамматике русского языка под ред. В.В. Виноградова [4]). Внутри склонений выделяются существительные нарицательные, одушевлённые и неодушевлённые; из собственных – только антропонимы, личные имена людей.

Г.З. Шкляр излагал историю звательной формы в восточнославянских языках следующим образом: «В языке древнерусской народности форма звательного падежа существительных имела широкое распространение. <...> Эти звательные формы существительных были унаследованы отдельными восточнославянскими языками, образовавшимися на основе языка восточнославянской народности. Однако в разных восточнославянских языках судьба звательных форм существительных оказалась неодинаковой.

В русском языке звательная форма существительных совершенно вышла из употребления. <...> Иную судьбу имела звательная форма существительных в другом восточнославянском языке – украинском, где форма эта в основном сохранилась до нашего времени. <...> Особой оказалась судьба звательной формы существительных в третьем восточнославянском языке – белорусском.

В старом белорусском языке звательная форма существительных как средство выражения обращения имела широкое распространение... Но с течением времени сфера употребления звательной формы существительных в белорусском языке значительно суживается, и в настоящее время эти формы, хотя и существуют в языке, но имеют незначительное распространение. При этом у различных групп существительных процесс вытеснения звательных форм шёл различным путём, в чём мы убедимся при анализе способа выражения в белорусском языке обращения существительных разных склонений» [7, с. 254–255].

Дадим перечень существительных 1-го склонения (бывшее склонение на *ǫ, *jǫ и *ǫ) в роли обращения в поэзии М. Богдановича: земляча, дружа, васілёк, коні, вечар, снег, людзі, сэрца, брацця, народ, чалавек, панове, краю, Вацлаве, труд, лісты, Рафаэль, верш, дрэва, пане, гасцейкі, шнур, луг, бор, таварышы, друг, сэрца, момант, пива, Максіме, сонца, дзеткі, палейка, сэрца, мужачок, музыкі, коню, гаспадару, дружэ (украинизм), божа.

В звательной форме из 40 существительных в роли обращения у Богдановича встречается десять слов (причём одно – *друже* – цитата из украинского поэта): *земляча, дружа, краю, Вацлаве, пане, Максіме, коню, гаспадару, дружэ, божа*. Почти все они, за исключением слова *краю*, –

имена одушевлённые. Г.З. Шкляр отмечает, что в обследованных им литературных произведениях из семидесяти неодушевлённых существительных первого склонения, причём встречаются они исключительно в поэтических произведениях, только шесть по одному-два раза встречается в звательной форме [7, с. 256] Одно из них – *краю* – фигурирует в стихотворении Якуба Коласа 1909 г. (*Усе у тебе, мой родны краю, апавита горам*) [7, с. 257] и у Максима Богдановича в сонете 1911 г., написанном в Ярославле и посвящённом А. Пагодзіну (*Вось сімвал твой, забыты краю родны!*) [7, с. 206–207]. Кроме *краю*, все остальные существительные этого склонения у Богдановича одушевлённые.

Если Г.З. Шкляр из числа редких слов первого склонения одушевлённых неличных, имеющих звательную форму при обращении к лицам, зафиксировал как наиболее частотные слова *голубе, соколе*, то у Богдановича встречается трижды слово *коню*, также в переносном смысле, но по отношению к жуку, в пародийном стихотворении 1915 г. на темы сербского фольклора (цикл «Песні народаў»): «Гой ты, коню, гой ты жук рагаты!»; «Стаў ты, коню, бабай шумадзійскай!»; «Гой ты, коню, – кажа, – верны коню! Мы скакнулі перадам праз мора, Дык скакнём жа праз яго і задам» [7, с. 273–274]. В этом же стихотворении встречается и личная форма одушевлённого личного существительного в звательной форме *гаспадару*, но в переносном значении: «І прамовіў шэршно жук рагаты: “Гаспадару, дэлібаш адважны! Не скакаць бы мне з табою праз мора”» [7, с. 273–274]. Г.З. Шкляр, впрочем, находит форму *гаспадару* как единичное образование у Я. Коласа в номинативном значении «*гаспадар* – хозяин, зательная форма *гаспадару* (*Здалек ты, ты пане гаспадару* – Я. Колас)» [7, с. 262]. По всей видимости, звательные формы в этом стихотворении Богдановича – подражании образцам восточной поэзии типа «Шаганэ» С. Есенина – используются в целях ориенталистской стилизации и «под старину». Отсюда необходимость использования яркой экспрессии звательных форм.

Форма *пане* как обращение отмечено не однажды Г.З. Шкляром у белорусских писателей (например, см. выше, у Я. Коласа), есть оно и у М. Богдановича (единственный случай). Это полонизм, стереотипное обращение белорусского крестьянина к помещику (последними в Беларуси были исключительно поляки), который мы встречаем в выразительной сатирической зарисовке «Пан и мужык» (1912):

Дзякуй, пане, бо пазнаў ад вас і я, –
Не на трох кітах трымаецца зямля,
Згода, згода, бо здабца неяк мне,
Што стаіць яна на нашай жа спіне.

Также форма *божа*, встречающаяся у Богдановича, является стереотипом для белорусского языка, по сути дела междометием, как и для русского

боже. Интересно, что она используется при переводе поэзии Поля Верлена [1, с. 309]:

Божа мой, божа! Мірна ліецца
Вокал жыццё.
У горад ад гэтай ціхы ліецца
Шумнае ўсё.

Об употреблении формы *боже* П.С. Кузнецов писал так: «Остатками старой звательной формы в современном русском языке являются сохранившиеся под влиянием церковнославянского языка и ставшие по существу восклицаниями междометного характера “боже!”, “господи!”» [2, с. 226]. Эти слова справедливы и для форм белорусского языка в интерпретации М. Богдановича. Хотя новый белорусский литературный язык не строился на церковнославянской основе, но М. Богданович, как это и было принято в его время (а речь в стихотворении идёт от имени крестьян), был набожным христианином.

В наших материалах дважды встретились звательные формы, образованные от личных имён собственных – антропонимов: *Вацлаве* и *Максіме*. Первое – в стихотворении «Ліст да П.В. Ластоўскаго» как обращение к другу и уважаемому человеку. Возможно, это полонизм или стилизация под античную старину (*Хоць гэта значыць несць у Афіны совы, – Усё ж такі пішу да вас, Вацлаве, словы Несмелага ліста* [1, с. 213]). Второе – в поэме-были, подражании старинным народным сказам «Максім і Магдалена» (*Гэй, было бы табе, Максіме, не кахацца, На вельможную дачку не ляцацца* [1, с. 263]). Возможно, поэт отождествлял себя с героем поэмы, отсюда и выбор доверительно-ласковой формы звательного падежа для имени героя при обращении к нему.

Г.З. Шкляр на основании изученных им материалов утверждает, что фактически подобные существительные (личные собственные имена) «употребляются в белорусском литературном языке в звательной форме так же редко, как и нарицательные личные существительные» [7, с. 263]. Он приводит в доказательство этому убедительные фреквентивные данные. «В поэме Я. Коласа «Сымон Музыка» в обращениях форма *Сымоне* (звательная форма) встречается 6 раз, а форма *Сымон* (именительный падеж) – 14 раз. В повести Я. Коласа «На просторах жыцця» та же форма *Сымоне* встречается в обращениях один раз, а в форме *Сымон* – 8 раз» [7, с. 264]. Материалы поэзии М. Богдановича подтверждают выводы Г.З. Шкляра: примеры звательной формы личных имён нетипичны для нейтральной разговорной речи и уместны только как стилизация «под старину» – *Максіме*) или же с подчеркнутой экспрессией выражения дружеских черт, когда, опять-таки, возможен этот ретро-стиль.

Как видим, во всех случаях существительные в форме обращения у М. Богдановича, сами по себе экспрессивно-эмоциональные даже в форме

именительного падежа, во много раз усиливают этот выразительный накал в звательной форме. Рассмотрим это на примере небольшого стихотворения поэта [1, с. 153], включающего два образца употребления звательной формы в роли обращения: *земляча* и *дружба*.

На чужыне

*Вакруг мяне кветкі прыгожа красуюць.
Маркотна між іх я хаджу адзінок.
Аж бачу – мне сіняй галоўкай ківае
Наш родны, забыты у цяні васілёк.
«Здароў будзь, земляча!» Чуть бачны ў даліне,
Панура, нявесела шэпча ён мне:
«Успамянем, мой дружа, ў багатай чужыне
Аб беднай, далёкай сваёй старане».*

Этот изящный этюд – одно из наиболее ранних и удачных стихотворений поэта. Написано оно в 1908 г. в Ярославле, когда поэт ещё учился в гимназии. Он любил этот волжский край, но всем сердцем тосковал по Беларуси, родине предков, где родился и он сам, прожил самое начало своей жизни, язык которой он выучил самостоятельно, блестяще владел им и на нём писал свои «творы». Мечтательный, как все поэты, но постоянно грустный из-за своей неизлечимой болезни (он и умер от туберкулёза), в одиночестве он любовался неброской природой ярославского края, «чужыны», где «*кветкі прыгожа красуюць*», которая была схожа с природой Беларуси, и вдруг увидел «*наш родны*» василёк, как известно, символ Беларуси. Поэт использует приём олицетворения для доверительной беседы с васильком, который напоминает ему бедную далёкую родину. Эпитеты помогают выстроить параллелизм образов одинокого, задумчивого поэта и забытого в тени, чуть видного в низине цветочка с синей головкой. Все эти экспрессивные приёмы активизируют форму обращения цветка к поэту в звательной форме, как к земляку и другу, их солидарность в отношении к земному пространству, локусу, далёкому и близкому. В этом случае надо согласиться с мнением Г.З. Шкляра о семантико-стилистической особенности звательной формы в современном белорусском литературном языке: «звательная форма этих существительных имеет оттенок ласкательности или, так сказать, фамильярности» [7, с. 271].

Существительные 2-го склонения в современном белорусском языке (бывшее склонение на **ā* и **jā*, на **ī* женского рода) в качестве обращений в поэзии М. Богдановича выступают часто, но исключительно в именительном падеже: *зязюля*, *зара-заряніца*, *дума*, *Камэна*, *галіны*, *Маць-Дзева*, *лялечка*, *Лявоніха*, *Агата*, *Вераніка*, *Аня*, *Анечка*, *сямейка*, *хмялінушка*, *Магда*, *Магдычка*, *шырстыяніца*, *дзядзьчанька*, *сіньёра*, *донна Клара*, *пані*, *зараночка*, *думка*, *надзеі*; *Беларусь*.

Г.З. Шкляр полагает, что для современного общелитературного белорусского языка звательная форма не характерна и является, в прозе, средством

речевой характеристики персонажа, а «в авторской речи существительные в функции обращения встречаются в белорусском литературном языке в звательной форме почти исключительно в поэтических произведениях, где вообще употребляются устарелые, не свойственные живой речи формы» [7, с. 272]. Эти слова учёного справедливы и для поэзии М. Богдановича. В силу жизненных обстоятельств поэт досконально не знал белорусских диалектов (знакомился с ними только по фольклорным произведениям), владел рафинированным литературным языком и мало использовал разговорную белорусскую речь. Следовательно, можно квалифицировать употребляющиеся в его произведениях как обращения звательные формы как устарелые, используемые как средство художественной выразительности.

Прежде чем прийти к выводу Г.З. Шкляра относительно функционально-типологических качеств звательной формы в качестве обращения в современном белорусском литературном языке, о их стилистической окраске, обратимся к следующему его наблюдению: «Нередко писатели в одних и тех же произведениях и даже в одних и тех же предложениях употребляют рядом одни и те же существительные в качестве обращений то в звательной форме, то в именительном падеже. <...> В поэтических произведениях тут определённую роль играют соображения ритма и рифмы. <...> Но в целом выбор звательной формы для выражения обращения диктуется соображениями смыслового характера. Дело в том, что существительные эти в звательной форме имеют определённую стилистическую окраску. Звательная форма этих существительных имеет оттенок ласкательности или, так сказать, фамильярности. <...> Существительные в звательной форме становятся как бы синонимами к существительным с уменьшительно-ласкательными суффиксами. И действительно, иногда в одних и тех же предложениях употребляются в обращениях как синонимы существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами и существительные в звательной форме. Ср., например, у Я. Коласа в стихотворении «Першы заботок»:

Ходзь, Алеска, сюды брацік,
Бліжэй, бліжэй, браце.

<...> Смысловой близостью существительных в звательной форме к существительным с уменьшительно-ласкательными суффиксами следует объяснять то, что существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами значительно реже встречаются в звательной форме, чем существительные без этих суффиксов» [7, с. 270–271].

Мы полностью согласны с подобной стилистической квалификацией звательных форм в современном белорусском языке Г.З. Шкляра, как и со всеми другими его положениями о статусе этих форм, динамике развития их формы и значения, строгой ситуативности и тематического отбора при их употреблении, хотя многих примеров их использования мы не находим в поэзии М. Богдановича по сравнению с материалами Г.З. Шкляра ввиду ограниченности объёма нашего источника.

Библиографический список

1. *Багдановіч М.* Я не самотны...: успаміны, артыкулы, вершы, пераклады / укладальнік Віктар Шніп. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2016. – 335 с.
2. *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Наука, 1965. – 557 с.
3. *Войтович Н.Т.* К вопросу о диалектной основе белорусского литературного языка // Вопросы языкознания. – 1954. – № 4. – С. 26–41.
4. Грамматика русского языка: в 2 т. / под ред. В.В. Виноградова. – М.: АН СССР, 1060–1962.
5. *Карский Е.Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа: в 3 вып. (в 2 т.) – М.: АН СССР, 1956.
6. *Ломтев Т.П.* Белорусский язык: учеб. для рус. отделений филол. фак. гос. ун-тов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. – 132 с.
7. *Шкляр Г.З.* Звательная форма как средство выражения обращения в современном белорусском языке // Уч. записки. Вып. 7. – Кострома: Костр. гос. пед. ин-т, 1960. – С. 249–275.

References

1. Bagdanovich M. YA ne samotny...: uspaminy, artykuly, vershny, peraklady / ukladal'nik Viktar SHnip. – Minsk: Mastackaya litaratura, 2016. – 335 s.
2. Borkovskij V.I., Kuznecov P.S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. – M.: Nauka, 1965. – 557 s.
3. Vojtovich N.T. K voprosu o dialektnoj osnove belorusskogo literaturnogo yazyka // Voprosy yazykoznanija. – 1954. – № 4. – S. 26–41.
4. Grammatika russkogo yazyka: v 2 t. / pod red. V.V. Vinogradova. – M.: AN SSSR, 1060–1962.
5. Karskij E.F. Belorusy. YAzyk belorusskogo naroda: v 3 vyp. (v 2 t.) – M.: AN SSSR, 1956.
6. Lomtev T.P. Belorusskij yazyk: ucheb. dlya rus. otdelenij filol. fak. gos. un-tov. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1951. – 132 s.
7. SHklyar G.Z. Zvateľnaya forma kak sredstvo vyrazheniya obrashcheniya v sovremennom belorusskom yazyke // Uch. zapiski. Vyp. 7. – Kostroma: Kostr. gos. ped. in-t, 1960. – S. 249–275.

ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОЙ ХРОНОНИМИИ
В ГОВОРАХ ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ
(лексико-семантический и ареальный аспекты)*

В статье рассматривается структура обозначений времени (линейного и циклического) в говорах такой диалектной зоны, как Западная Брянщина, а также лексические взаимосвязи западно-брянских говоров с белорусскими, а также южно- и севернорусскими говорами. Собранный материал позволил выделить лексемы, встречающиеся на территории западной части Брянской области и в белорусских говорах, в западно-брянских и смоленских, псковских (то есть находящихся в контакте с белорусскими) говорах, кроме того, отмечены лексемы, обладающие более широким ареалом распространения. Лексико-семантические явления, характеризующие исключительно западно-брянские говоры, относятся в основном к образной сфере диалекта. В области фонетики и словообразования, особенно префиксального, говоры Западной Брянщины демонстрируют белорусские черты.

Ключевые слова: славянская диалектология, историческая лексикология, говоры Западной Брянщины, диалектные ареалы.

Говоры Западной Брянщины занимают особое место на лингвистической карте Славии. Положение в зоне контактов белорусских, русских и украинских диалектов определяет интерес лингвистов к этому идиому для выяснения многих аспектов межъязыковой интерференции. Кроме того, традиционным для диалектологии является вопрос об этнической характеристике говоров в этой части Брянской области. Лексический материал данного диалектного микроузла позволяет выделить разные, с точки зрения широты ареала распространения и принадлежности к тому или иному уровню языка, параллели. Можно отметить изоглоссы, связывающие говоры этого региона с южно-, восточно- и западнославянскими. Очень важным представляется изучение характера взаимосвязей западно-брянских говоров с южно- и севернорусскими говорами и говорами белорусского языка. Для анализа была выбрана группа диалектных слов, обозначающих различные периоды и интервалы времени, а также некоторые маркированные точки в системе его исчисления (даты народного календаря).

Одним из самых значимых в этой семантической сфере обозначений является наименование родового понятия времени. Здесь говоры Западной Брянщины демонстрируют ряд особенностей. Среди лексем, манифестирующих значение 'время', зафиксированы такие, как *гадіна*, *даба́*, *урэ́мя*.

Существительное *гадина* может обозначать как родовое понятие (*ой, што то за гадина* [3, с. 74]), так и небольшой промежуток времени, астрономический час – *сажджы, парынь, гадзиначку, сажджы, другую* [3, с. 74]. В русских говорах значение 'время, час' у данной лексики засвидетельствовано в материале курских, донских, смоленских говоров [4, т. 6, с. 268]. В белорусских говорах *годзи-*

на обладает такой же семантикой: 'время, час' [2, т. 1, с. 115], в польских говорах *godzina* – прежде всего астрономический час [7, т. 2, с. 99].

Лексема *урэ́мя* используется для наименования родового понятия (*усё ўрэ́мя двери ў нас на зашчапке* [3, с. 116], но чаще в значении 'пора, подходящий момент времени' (*ужо ўрэ́мя даіць карову* [3, с. 272]; *ніяк я не патраплю ў эта ўрэ́мя* [3, с. 202]; *такое вясенняя урэ́мя, што ўсякая скаціна ў заняці* [3, с. 110]; в уменьшительной форме – *ня прыспела ўрэ́мьчэ* [3, с. 272]). Эта лексема используется в различных восточнославянских (в том числе белорусских [2, т. 1, с. 70]) и южнославянских говорах [1, с. 185].

В говорах Западной Брянщины в значении 'время' фиксируется также лексема *даба́* [3, с. 86], известная западнославянским и другим восточнославянским диалектам; например, в нижнелужицком *doba* – 'удобное время, пора' и 'мера, степень' [8, т. 1, с. 174–175], в польском – *doba* 'время' [7, с. 330], в русских (смоленск., твер., ржев., костром.) говорах *доба* 'пора, время' [4, т. 8, с. 73], в северо-западных белорусских – *доба* 'сутки' [5, т. 2, с. 76].

Иногда понятие времени наполняется определенным содержанием, характеризующим целую эпоху в социально-экономическом отношении. Такого, в частности, значение лексики *дурники* в значении 'время, когда народ был бесправный, прижатый условиями жизни': *прайшли ужо тые дурники, калі вы ездилі на нас* [3, с. 96]. Отметим здесь лексикализацию формы множественного числа, характерную для обозначения различных интервалов времени в исследуемых говорах. Аналогичные явление обнаруживается в лексемах, обозначающих различные части суток: *дёнкі* 'весь, целый день' *пастух ужо пагнаў на дёнкі* [3, с. 91]; *паўдёнкі* 'полдень'

* Статья публикуется по материалам международной научно-практической конференции «Дни славянской письменности. Славянские языки и диалекты как основа духовно-нравственного и гражданского воспитания».

у паўдёнкі прыду [3, с. 202]; *ра́нкі* ‘рано утром’: *на ранкі пастух выганяе толькі да Петра* [3, с. 230]. Подобная форма множ. числа *полдёнкі* отмечена в курских и смоленских говорах [4, т. 29, с. 40], *ранки* – в смоленских [4, т. 34, с. 101].

Семантически близким родовому понятию времени является обозначение некоторых временных феноменов, не поддающихся измерению. К ним в говорах Западной Брянщины можно отнести лексему *век* ‘конец чего-нибудь (помимо значения, свойственного литературному языку)’: *и веку ему не буде* [3, с. 63]. Хрононимы, образованные от корня *-век-*, используются для передачи целого ряда значений: ‘до конца жизни, до гроба’ – *до веку (до веку тебе не забуду)* [3, с. 92]; ‘никогда’ – *во веку (ни во веку этага не скажу)* [3, с. 66]; ‘никогда, вечно, на всю жизнь, до конца жизни’ – *навек (николи этага не забуду – навек буду помнить)* [3, с. 181]; ‘сначала, издавна, испокон веков’ – *спрэдвэку (спрэдвэку ўсё эта мы делали)* [3, с. 250], *звэку (звэку так не было ў нас)* [3, с. 118]. Лексема *век* в значении ‘срок жизни’ представлена в южно- и севернорусских говорах [4, т. 4, с. 99], в значении ‘никогда’ – в некоторых севернорусских [4, т. 4, с. 99–100], ‘издавна’ – в псковских говорах [4, т. 4, с. 99–100]. Лексема *спрадвэку* известна белорусскому языку, где также отмечено и *звэку* ‘издревле’ [2, т. 1, с. 200].

Что касается направленности времени, то в западно-брянских говорах открывается тот же семантический феномен, что и в говорах Белоруссии – «размещение» будущего в прошлом: *абра́тна* ‘опять’ – *абратна снег буде* [3, с. 30], в северо-западных белорусских говорах *абратна* манифестирует семеме ‘снова’ [5, т. 1, с. 39]. Обозначения прошлого, удаленного от момента речи без четкой стратификации на временной оси и без указания на меру удаленности, сближают говоры западной Брянщины с белорусскими и западнославянскими, в частности с кашубскими. К ним можно отнести, например, *даўнёй* ‘в прошлом, раньше’: *даўней ён быў саўсім другим* [3, с. 89]. «Словарь русских народных говоров» дает употребление лексемы *давней* ‘раньше, прежде’ только для русских говоров в Латвии, Литве и Эстонии [4, т. 7, с. 261].

Среди различных хрононимов огромную роль играют наименования календарного года как одного из важнейших средств исчисления времени. В этом значении в говорах Западной Брянщины чаще всего используется лексема *год*: *да ена ўжо други год, як пахавала свайго мужыка* [3, с. 162]; *во ўжо ў серэду буде адинанцать гадоў, як я заўдавала* [3, с. 35]; *у минулам гаду як раз эта самая было* [3, с. 160]. Годовщина со дня смерти кого-нибудь также обозначается производным от корня *-год-*: *угодки (у ваўторак его ўгодки – год буде, як ён памёр)* [3, с. 267]. *Угодки* ‘годовое поминовение по умершему’ отмечено и в говорах белорусского языка [2, т. 2, с. 650].

В западно-брянских говорах фиксируются обозначения календарного года с помощью производных от корня *-рок-*: *ракавіны* ‘годовщина со дня смерти кого-нибудь’ (*эта ў серэду будуть ракавины на батьку*) [3, с. 229] и наряду с этим *ракаўшчыны* (дореволюц.) ‘хлебное зерно, собираемое с каждого крестьянского двора для служителей культа’ [3, с. 229]. На русской диалектной территории лексема *рок* ‘год, единица летоисчисления’ встречается в некоторых западных и южных говорах [4, т. 35, с. 168]. В белорусских говорах представлены обе лексемы: *рок* ‘год’ и *роковицина* ‘годовое поминовение по умершему; годовичная плата’ [2, т. 2, с. 566].

Широко распространена в говорах западной части Брянской области система счета времени с использованием производных от *лето*. Это обозначения текущего года, предшествующего ему и следующего за ним. Первую группу представляют лексемы *сёлета*: *мая агародина саўсім сёлета пасохла* [3, с. 33]; *екая высокая сёлета иржа* [3, с. 43], *сёлета ўсім даволи буде яблак* [3, с. 86]; *сего́лета*: *сеголета сын не прыде* [3, с. 238]; обозначения прошлого года – *лётась*: *лётась эта ён казаў* [3, с. 150]; названия позапрошлого года – *пазалётась*: *эта ж было пазалётась, а не тады, кали вы кажыте* [3, с. 188], *залётась*: *эта ж не тады, а залётась было* [3, с. 108]; будущего года – *налёта*, *налёття*: *нехай налета купим (корову)* [3, с. 167]. Продуктивность этой семантической модели подтверждают производные от этих хрононимов: *сего́летак*, *сёлетак* ‘годовалый теленок, жеребенок’ (*толькі во еты сеголетак и астаўся ў меня*) [3, с. 238], *залета́шняя мука* – ‘позапрошлогодня мука’ [3, с. 108]. Наименование в форме *сёлето* достаточно широко представлено и в южно-, и в севернорусских говорах, а также в белорусских [2, т. 2, с. 577]. В говорах белорусского языка отмечена также лексема *налета* ‘будущим летом’, *налеце* ‘будущий год’ [2, т. 1, с. 311].

Из семантических универсалий, характеризующих семантическую сферу хрононимии, можно назвать тесную связь обозначений пространства и времени. В говорах западной Брянщины широко представлено наименование изменения светового дня как его становления большим, более длинным или меньшим: *балшы ўжо стаў день* [3, с. 48], *дни стали болить* [3, с. 54]; *теперь уже день наболиў* [3, с. 181]; *што день, то ўсеночы теперь даўжэють* [3, с. 89] или *дни ўжо багата стали менить* [3, с. 159]. Глагол *болеть* в значении ‘расти, увеличиваться’ отмечен в некоторых южнорусских говорах – тульских, курских, орловских [4, т. 3, с. 74], *должеть* ‘удлиняться’ – в псковских и смоленских [4, т. 8, с. 110]. Аналогичная пара глаголов представлена в полесских белорусских говорах: *ужэ дзень мениае, а ноч большае* [6, т. 3, с. 74].

Широко распространены также запечатленные в диалекте ассоциативные сближения точек, слу-

жащих пределом в пространстве и во времени, то есть наличие у лексем одновременно значений 'до того места' и 'до сих пор': *дасюль, дбюль* (*дасюль ён николи на абманываў*) [3, с. 88]; *датуль, дбтуль* (*датуль седеў, пакуль заснуў*) [3, с. 89]. Здесь можно отметить параллели с некоторыми русскими говорами: *досюль* 'до сего времени, до сего места' в смоленских, архангельских [4, т. 8, с. 153] и в белорусских говорах [2, т. 1, с. 143], *дотуль* в том же значении – в южно- и севернорусских говорах [4, т. 8, с. 156–157].

Особый интерес для характеристики культурной семантики говоров представляют наименования маркированных элементов системы исчисления времени, дат народного календаря. Лексема *свята* 'праздник' (*слухай, калі ў вас будзе тое свято, што вутрам паішуть, ув абеда плачуть и у вечару скачуть?*) [3, с. 238] связывает западно-брянские говоры с западнорусскими и белорусскими [2, т. 2, с. 576], а также с псковскими и смоленскими говорами [4, т. 37, с. 5].

В этой группе обозначений значительную долю составляют названия праздников, в которых проявляется особая диалектная мотивация: *багатая куття* 'канун Нового года, когда девушки щедровали, то есть ходили вечером по домам и пели щедровные песни', отличительную черту обеда на *багатую куттю* составляла так называемая крупянка – колбаса из толстой кишки, начиненная гречневой кашей со свиным салом (*эта ж было неделю назад – на багатую куттю*) [3, с. 46]; *вадахрышчы* 'христианский праздник Крещение' (употреблялось преимущественно в присловье *трэшчы не трэшчы, праши Вадахрышчы, не к Ражству, а к Петру* (говорилось про морозы)) [3, с. 59]; *велікадне, велікдень* 'Пасха' на *Великадне* *буде тры гады, як ён памёр* [3, с. 63]; *шчэдры вечар* 'вечер накануне Нового года, когда щедровали крестьянские и городские девушки' [3, с. 292] (*шчадраваць* – исчезнувший в XX веке обычай ходить вечером под Новый год по домам и петь под окнами щедровные песни; щедровали только девушки [3, с. 291]); *купала* 'народный праздник Ивана Купала, приуроченный к Иванову дню (7 июля)' (существовало в народе поверье, что накануне праздника ведьмы лазят через ворота и «портят» коров; чтобы предохраниться от них, на ворота по обеим сторонам клали крапиву и придавливали ее кирпичом; в деревнях дети-подростки в этот день прыгали через небольшой холмик, сделанный из песка, с воткнутой в него крапивой, в деревнях на ворота клали небольшую, вырытую с корнем осину, а на окно – крапиву-джигучку) [3, с. 144]. Эти наименования находят параллели в других русских говорах. Например, *богатая куття* в значении 'канун рождества' отмечено в донских говорах [4, т. 16, с. 179], *водокреща* – в псковских, тамбовских, смоленских говорах [4, т. 4, с. 342], *водохреще* – в вос-

точных белорусских [2, т. 1, с. 63]. В полесских белорусских говорах встречается *шчодры вечор* 'вечер перед Новым годом' [6, т. 5, с. 343].

Ряд наименований традиционных праздников не столь распространен в славянских диалектах. Отметим среди них следующие: *бабіны* 'гулянье на второй день рождественских праздников в доме повивальной бабки; было распространено в деревнях в XIX веке; участвовали в нем родители всех родившихся в истекшем году' [3, с. 45]; *басіны* 'название одного из еврейских осенних праздников' (*тады ета було, як былі ў вас басіны*) [3, с. 49]; *грэная неделя* 'восьмая неделя после пасхи' (в 90-х годах XIX в. было весьма распространено; по народному суеверию, на *грэнной неделе* нельзя ничего вить, крутить, гнуть, городить, ставить кросны и проч., это могло отразиться на приплоде домашнего скота – приплод будет увечный: *усё на скаціні акашыцца, ні зроду ня мінецца, а цяпер жа... кароўка ўжо цельна, авечечка тож*) [3, с. 83]; *чуды* 'народный праздник 19 (6) сентября, постепенно исчезнувший к концу XIX века' (*эта было за неделю да чуды*) [3, с. 284]; *родичы* 'день поминовения умерших' (*калі йта ў нас будуць родичы?*) [3, с. 230]; специфику соблюдения постов характеризует глагол *панеделкаваць* 'поститься не только в среду и пятницу, как положено у христиан, но и в понедельник': *не ем я сегодні мяса – я панеделкую* [3, с. 194]; *здвіги* 'христианский праздник': по существующему в народе поверью, в этот день "уси гады, змеи и вужы здвигаюцца ўместа и хваваюцца ў землю" [3, с. 119].

Эти наименования также находят свои параллели: праздник *бабіны* фиксируется в смоленских говорах [4, т. 2, с. 20]; *грэнуха, грены* 'народный праздник семик' – в орловских [4, т. 7, с. 134]; *здвигенье* – в различных южно- и севернорусских говорах [4, т. 11, с. 229], *здвиги* 'праздник Воздвижения' – в восточных белорусских [2, т. 1, с. 204]; *понедел(к)оваць* в значении 'поститься в понедельник' известно также псковским, тверским говорам и русским говорам в Литве [4, т. 29, с. 256], в форме *понеделковать* – восточным белорусским говорам [2, т. 2, с. 467]. Обозначение праздника *чудо* 'религиозный праздник осенью' отмечено в полесских белорусских говорах [6, т. 5, с. 300], *чуды* 'праздник воспоминания чуда св. Архистратига Михаила' (в этот день грех молотить, если молотить – обязательно сгорит гумно) в восточных белорусских говорах [2, т. 2, с. 701].

В некоторых случаях название праздника служит мотивационной основой для номинаций в других семантических сферах: *каляды, кóледы* 'рождество, народное название христианских рождественских праздников' [3, с. 130] и *калядски гость* 'человек, который подолгу засиживается в гостях' (*ти доўга йшчэ будзе седець ты калядски гость?*) [3, с. 130].

Среди наименований различных периодов времени выделяются обозначения дня: *абыдэнь* ‘в один день’: *ўся гульня абыдзень канчаецца* [3, с. 32]; *день у день* ‘каждый день, ежедневно’: *иде ж там будучь грошы, кали день у день п'ян* (при значении этого выражения в литературном языке ‘точно в назначенный срок (день в день)’ [3, с. 91]. Выражение *день в день* ‘ежедневно, изо дня в день’ известно также смоленским, псковским, курским, орловским говорам [4, т. 7, с. 353].

В говорах Западной Брянщины прослеживается различное обозначение седьмого, выходного дня недели. Им может быть как слово *недэля*: *добрэ, у неделю прыйду* [3, с. 174], так и *скрысэньне*: *заўтры скрысэньне, буду да цябе хадить кожнага скрысэньня* [3, с. 244]. *Неделя* в значении ‘воскресенье, седьмой день недели’ известно также смоленским, псковским, курским [4, т. 21, с. 13] и в форме *недзеля* – белорусским говорам [6, т. 3, с. 182].

Сама последовательность из семи дней может именоваться как *недэля, нядзэля (ня раби на этай нядзели* [3, с. 224], *ужо с неделю, як трохі ачунёў* [с. 45]) и как *тыдэнь, тыждэнь (ужо другі тыдэнь пашоў* [3, с. 264]).

Среди разных обозначений частей суток выделяются наименования начала дня, утра. Лексемы с этим значением мотивируются либо ранним временем суток: *ура́нки, ура́нку, ура́нни, ура́нцы* ‘рано утром’ – *заўтры ўстану ўранки и пабегу* [3, с. 271]; *ра́нне – пагади да рання, тады пойдём* [3, с. 230], либо наступлением светлого времени: *дóсвета, дóсветак, дóсвету* ‘до рассвета, очень рано’ – *сегодне ён досвета ўстаў, досветком толкут (коноплю) в деревянной ступе* [3, с. 92]. Лексема *ранки* встречается также в смоленских говорах [4, т. 34, с. 101], а *досветки* ‘время перед появлением утренней зари’, *ранне* ‘утро’, *ранки* ‘выгон скота зарею на утреннее пастбище’ зафиксированы в белорусских говорах [2, т. 2, с. 555].

Обозначения вечера чаще интерпретируют это время суток как наступление темноты, причем в лексике западно-брянских говоров различаются ранний вечер: *завидна* ‘засветло, до захода солнца’ (*ены прышли йшчэ завидна* [3, с. 103]), *датемна́, дóтемна* ‘до позднего вечера, до темноты’ (*даседели датемна, куды большы* [3, с. 89]), *надвечер* ‘под вечер’ (*прыходьте надвечар – я ў дварэ буду* [3, с. 165]), и поздний вечер, наступление ночи: *увэчары* ‘вечером’ (*нехай увечары скажу* [3, с. 266]). В этой группе слов можно также выделить некоторые параллели с белорусскими говорами, например *завидно* ‘засветло’ [2, т. 1, с. 162].

Общеславянским лексико-семантическим феноменом является использование одного слова, мотивированного темнотой или отсутствием света, для наступления утра и вечера: *пры́темки* ‘рано вечером или утром до восхода солнца’ *тады йшчэ пры́темки були* [3, с. 220]. *Пры́темки* в данном значении

отмечено в псковских говорах [4, т. 32, с. 13], а *пры́цёмно* – в полесских белорусских [6, т. 5, с. 260].

Лексика говоров Западной Брянщины включает в свой состав и наименования повторяющихся частей суток и других периодов времени: *штове́чар* ‘каждый вечер’ (*штовечар ён у их седитъ*); *штогóд* ‘каждый год’ (*штогод ён к нам прыежджае*); *штодэ́нь, штодня* ‘каждый день’ (*штодэнь, то ў их лайка*); *штоно́ч* ‘каждую ночь’ (*штоноч, то й дождж*) [3, с. 290]. Эта номинативная модель представлена в белорусских говорах: *шчовек, шчо́году, шчодзень* [6, т. 5, с. 342–343].

Таким образом, лексика народной хрономии в говорах Западной Брянщины представляет собой один из вариантов реализации в диалекте представлений и понятий, связанных с восприятием времени. Слова, обозначающие различные периоды и интервалы времени, а также календарные даты (характер членения временной последовательности и временных циклов в целом повторяются в говорах Славии), относятся к древнейшим пластам славянской лексики, поэтому, как правило, они имеют достаточно широкий ареал распространения. Собранный материал позволил выделить лексемы, встречающиеся на территории Западной Брянщины и в белорусских говорах (*угодки* ‘годовое поминовение по умершему’); в западно-брянских и смоленских, псковских говорах (то есть находящихся в контакте с белорусскими, например *ранки* ‘утро’); а также обладающие более широким ареалом распространения (*даб’а* ‘время’ на Западной Брянщине; *doba* ‘удобное время, пора’ и ‘мера, степень’ в нижнелужицких; *doba* ‘время’ в польских; *доба* ‘пора, время’ в русских (смоленск., твер., ржев., костром.) говорах; *доба* ‘сутки’ в северо-западных белорусских). Лексико-семантические явления, характеризующие исключительно говоры Западной Брянщины, относятся к образной сфере диалекта, к его потенциалу языковой интерпретации реалем: *дурники* ‘время, когда народ был бесправный, придавленный условиями жизни’, *калядски гость* ‘человек, который подолгу засиживается в гостях’.

В области фонетики и словообразования, особенно префиксального, говоры Западной Брянщины демонстрируют белорусские черты.

Библиографический список

1. Български етимологичен речник. Т 1. – София: Издателство на Българската академия на науките, 1971.
2. Носович И.И. Словарь белорусского наречия: в 2 т. – СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1870.
3. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: (Материалы для истории словарного состава говоров) / ред. Е.М. Романович. – Мн.: Наука и техника, 1973. – 296 с.

4. Словарь русских народных говоров: в 47 вып. – СПб.: Наука, 1965–2014.

5. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю.Ф. Мацкевіч [і інш.], рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.

6. Тураўскі слоўнік: у 5 тамах. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987.

7. *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. 1. – Krakow Nakładem Akademii umiejętności, 1900.

8. *Muka A.* Słownik dolnoserbskeje řečy a jeje narěcow. T. 1–2. – Budyšin, 1966.

References

1. В"лгарски етимологичен речник. Т 1. – София: Издателство на В"лгарската академия на науките, 1971.

2. Nosovich I.I. Slovar' beloruskogo narechiya: v 2 t. – SPb.: Izd. Otd. rus. yaz. i slovesnosti Imp. akad. nauk, 1870.

3. Rastorguev P.A. Slovar' narodnyh govorov Zapadnoj Bryanshchiny: (Materialy dlya istorii slovarnogo sostava govorov) / red. E.M. Romanovich. – Mn.: Nauka i tekhnika, 1973. – 296 s.

4. Slovar' russkih narodnyh govorov: v 47 vyp. – SPb.: Nauka, 1965–2014.

5. Sloŭnik belaruskich gavorak paŭnochna-zahodnyaj Belarusi i yae pagranichcha: u 5 t. / uklad. YU.F. Mackevich [i insh.], rehd. YU.F. Mackevich. – Minsk: Navuka i tehkhnika, 1979–1986.

6. Turaŭski cloŭnik: u 5 tamah. – Minsk: Navuka i tehkhnika, 1982–1987.

7. *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. 1. – Krakow Nakładem Akademii umiejętności, 1900.

8. *Muka A.* Słownik dolnoserbskeje řečy a jeje narěcow. T. 1–2. – Budyšin, 1966.

К ПОИСКУ ЭТИМОЛОГИИ НЕОБЫЧНОГО РУССКОГО СЛОВА В ЭТНОКОНТАКТНОЙ ЗОНЕ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ (ПРИХОХОТЬЕ)*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-012-00810
«Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI–XXI вв.)»

Слово *прихохотье* (*прихахотье*) известно беломорским говорам в значении 'возлюбленный, милый'. В нем предположительно выделяется приставка *при-* и суффикс *-(o)mj-*, этимология корневой морфемы вызывает затруднения. Наличие в прибалтийско-финских диалектах слов *prikosa*, *priha* – вариантов заимствования русского слова *пригожий*, употребляющегося преимущественно в народной поэзии, – свидетельствует о непосредственной связи слов *прихохотье* и *priha*. Автор делает попытку объяснить процессы адаптации русского слова в прибалтийско-финской языковой среде и возвращения его в родную стихию (обратного заимствования). При вхождении в неродственную языковую систему слово обычно меняет форму, подчиняясь структурным законам языка – реципиента. Не исключается влияние дополнительных факторов, способствовавших изменению корня *-гож-* > *-хох-*. Появление слова *прихохотье* ярко свидетельствует о сложных лингвистических процессах в зонах длительного этнокультурного взаимодействия, к которым относится Карельское Поморье.

Ключевые слова: этноязыковые контакты, лексические заимствования, фонетические процессы, этимология, говоры Карельского Поморья.

Известный исследователь Беломорья К.П. Гемп в тематической части «Словаря поморских речений», описывающей настроение и чувства, приводит лексемы *прихохотье* – о ком-, чем-либо любимом, нравящемся, приглянувшемся и *прихохотьице* – об избранном: «*Прихохотье-то мое не торопится сватов слать, то и тоска мне, батюшка поглядывают строго*», «*Парень мне давно глянулся, а он и посватался. Теперь он прихохотьице мое, все знают. Зарученье будет, женихаться станем*» [2, с. 527]. В селе Сумский Посад Беломорского района И.М. Дуровым зафиксирован фонетический вариант: *прихахотье* 'незадачливый жених, не нравящийся родственникам ухажер или жених', 'сожитель у замужней женщины, женатый ухажер у девушки' [4, с. 341]. Слово известно также на Пинеге: *прихохотье* 'возлюбленный, милый' Арх., 'любовник' Пинеж. Арх. [13, вып. 32, с. 52], в целом оно является ареально ограниченным. Ср. также *прихахотья* 'кавалер, ухажер, жених', 'любень, сожитель' Сумский Посад Белом. [4, с. 341], *прихохот* 'милый, любимый' Свердл. [13, вып. 32, с. 52].

При выделении очевидной приставки *при-* и предполагаемого суффикса *-(o)mj-* в качестве корневой морфемы определяется часть *-хох-*, этимология которой к настоящему времени остается неясной. Кажется неприемлемой связь данного слова с лексемой *хохот* как производящей. Сделаем попытку выявить некоторые лингвистические факты, приближающие нас к разгадке происхождения данного слова, не претендуя на окончательное решение вопроса.

При поиске этимологии слова *прихохотье*, на наш взгляд, весьма существенным может ока-

заться учет не только географии слова, но и этнической истории региона, в частности Беломорья. Рассматривая вопрос о формировании говоров Беломорья, А.С. Герд приходит к выводу о том, что лексические данные беломорских говоров в их географических связях свидетельствуют об интенсивности славянского (новгородского) движения на север, при этом отмечает «обособление тех или иных зон, происходившее в условиях встреч и симбиоза с прибалтийско-финскими диалектами, в условиях многовекового этнографического и языкового смешения» [3, с. 99]. К признакам некоторой обособленности беломорских говоров следует отнести тот факт, что в СРГК [11] представлено значительное число слов, известных только на территории Кемского, Беломорского, Лоухского районов, то есть Карельского Поморья.

Длительные контакты прибалтийско-финских и русского языков, имеющих разную структурную организацию, сопровождаются проникновением единиц одной системы в другую, возникновением таких слов, в которых объединяются свои и инородные элементы, о чем свидетельствуют исследования как финских, так и российских ученых.

Весьма существенное звено в поиске этимологии указанного слова составляет отношение его к обрядовой лексике, ср. общеизвестное название песни – «*Кто у нас хороший, кто у нас пригожий*». Главные действующие лица свадебного ритуала – жених и невеста – люди «*пригожие*». Необходимость обращения к слову *пригожий* очевидна.

Слово *пригожий*, использованное в памятниках русской письменности с XV в., имело в семантической структуре признаки 'пригодный', 'должный', 'знатный', 'приличный' [18, т. 2, ч. 2, с. 1393; 14,

* Статья публикуется по материалам международной научно-практической конференции «Дни славянской письменности. Славянские языки и диалекты как основа духовно-нравственного и гражданского воспитания».

вып. 19, с. 134], бытовало в устной поэзии в значении ‘красивый, пригожий’: *Хорош мои миленькой, что наливная яблочка, пригошь мои миленькой, как маковъ цветочикъ*. Песни Квашн., XVII в. [14, вып. 19, с. 134].

Лексикографы указывают на ограниченность употребления слова *пригожий* и родственных образований в современном русском литературном языке. Помету «народно-поэт.» имеют лексемы *пригожий* ‘красивый, миловидный, с привлекательной внешностью’, *пригоженький* ‘хорошенький, миленький’, *пригожество* и *пригожесть* ‘красота, миловидность’, субстантивированные прилагательные *пригожий* и *пригожая*, безлично-предикативное слово *пригоже* ‘следует, годится, нужно’ [16, т. 11, с. 424–425]. Лексико-семантический вариант *пригожий* ‘такой, какой нужно, требуется’ представлен с пометой «устар.». Не имеет никаких помет, то есть является общеупотребительным, лексико-семантический вариант *пригожий* ‘ясный, теплый, солнечный – о погоде’ [16, т. 11, с. 424–425]. Более поздние словари практически сохранили характеристики слова *пригожий*.

В русских говорах слово *пригожий* выступает в качестве производящего для ряда слов. Опуская слова с приставкой *при-* и корнем *-год-*, объединенные семей ‘годный, нужный’ и широко известные русским говорам [13, вып. 31, с. 165–166], выделим слова с *при-* и *-гож-*, в семантике которых преобладает признак ‘приятный, хороший’: *пригожѧн* ‘красивый, пригожий парень’, *пригожѧвица* ‘красавица’ Чер. Волог., *пригожѧть* ‘стараться сделать хорошо’ Лод. Ленингр., *пригожитъ* сов. к *пригожѧть* Медв. Карел., *пригожница* ‘услужливая женщина’ Тихв. Ленингр. [11, вып. 4, с. 151–152]; Кадн. Волог., 1866, *пригоже* ‘красиво, хорошо’ Смол., 1890, Пск., Брян., *пригожеть* ‘становиться красивее, хорошеет’ Зап. Брян., *пригожѧть* ‘то же’ Ивдел. Перм., Красноуфим. Свердлов., *пригоживѧться* ‘прихорашивѧться’ Р. Урал., *пригожий* ‘приятный’ Ряз., 1820, Арх., ‘нарядный’ Брон. Моск., 1897, *пригожитъ* ‘приласкать, приголубить, приветить’ Волосов. Ленингр., *пригожица* ‘красавица’ Нижегород., *пригожество* ‘красота, привлекательность’ Слов. Акад. 1822, Судок. Влад., 1851, Пск., Калуж., *пригожуля* ‘красивый, привлекательный человек’ Пошех. Яросл., 1849, *пригожунья* ‘красавица’ Зап. Брян., *пригожница* ‘растение ... незабудка’ Осташк. Твер., 1869 [13, вып. 31, с. 166], *пригоха* ‘пригожая девушка, женщина, красавица’ Новг. Новг., 1904 [13, вып. 31, с. 176], *пригожанка* ‘пригожая, красивая девушка’ Сок. Волог. [9, вып. 8, с. 44], *пригожник* ‘щёголь’ Дан., Нек. Яросл. [20, вып. 2, с. 204]. Тенденция к переходу общеизвестного народнопоэтического слова *пригожий* в диалектную лексическую систему, к актуализации признака ‘внешняя привлекательность’ обнаруживается в представлении лексемы в некоторых

диалектных словарях: *пригожий* ‘красивый’ Дем. Новг. [8, с. 942], Буйск. Костр. [1, с. 316].

Описывая особенности семейной обрядности карел, Р.Ф. Никольская обращает внимание на распространение и использование русских песен: «На беседах и гуляньях во время праздников молодежь пела песни, танцевала. Примечательно, что довольно широко исполнялись песни на русском языке, хотя исполнительницы не вполне точно понимали значение воспроизводимого на память текста» [7, с. 142]. Не касаясь сложности свадебного ритуала у разных народов, отметим, что красота и молодость, неизменно сопутствующие возникновению симпатии, влюбленности, как правило, являются неотъемлемым условием вступления в брак. Популярность слова *пригожий* в русской языковой среде в условиях тесного этнокультурного взаимодействия имела следствием непосредственное заимствование русского слова прибалтийско-финскими народами.

Финская лексикография представляет несколько различающиеся в фонетическом и морфологическом отношении этимологические сведения, связанные с заимствованием слова *пригожий*.

Наиболее близким к русскому слову *пригожий* ‘красивый, хороший, пригожий’ является олонечское *prigožu* ‘красивый, миловидный, хорошенький, симпатичный, привлекательный’¹ [21, s. 620]. Финские варианты, возводимые к русскому слову *пригожий*, представлены не только в говорах, но и в устной финской поэзии²: *prikosa* ‘прекрасный, замечательный, превосходный, великолепный’, *rikosa* ‘красивый, роскошный (напр., дом); цветущий, здоровый, веселый; хороший, чистый, приятный’: при этом отмечается, что вариант *rikosa* известен на Ладогге, в Северной Карелии (юго-восток Финляндии), в районе Саво – с указанием населенных пунктов [21, s. 620].

Значительные изменения фонетического и морфологического плана представлены в заимствованиях *priha*, *briha*, *riha* и связанных с ними лексемах: *priha*, *riha* (юго-вост. диал., Сев.-Карел., Ингерм.) ‘молодой красивый мужчина или девушка, сильный, крепкий, проворный мужчина; нарядный мужчина, щёголь, видный, статный молодой человек; очаровательный, красивый (напр., прелестная девушка Ингерм.), видный, статный, стройный (Лённрот³, лицензиат *riha*), щёголь-мужчина, франт (Лённрот *priha*), своевольный, дерзкий, бойкий’, карельско-олонечское *briha*, *briha*, *priha* ‘холостой молодой мужчина, благовоспитанный молодой человек’, *brihatišu*, *prihatišu* ‘мальчик’, людиковское *briha*, *briha*, *priha* ‘молодой человек, холостой’, *brihatš*, *brihatišu* ‘мальчик’, вепское *priha* ‘молодой человек, парень, мальчик, возмужалый молодой человек или женатый мужчина, пока не имеющий детей’, *prihqine*, *priheine*, *prihäine* ‘маленький мальчик’. В говорах вепского

языка функционируют разноформленные лексемы: ср.-вепс. *briha* ‘молодой мужчина’, юж.-вепс. *priha*, *priha* ‘мальчик’, *prihāne*, *prihāne* ‘маленький мальчик, ребенок’, сев.-вепс. *prihatšine* ‘маленький мальчик’ [21, s. 619]. Авторы SKES допускают возможность заимствования русского слова *пригожий* ‘красивый, пригожий’ [21, s. 619].

Говорам вепсского языка в настоящее время известны слова: *prihä*, *prihän*, *priha*, *priha* ‘парень’, *prihäch* ‘паренек’, *prihāine*, *prihāizžen*, *prihālaps* ‘мальчик’, ‘братец (при фамильярном и дружеском обращении)’; *prihakõnz* пренебр. ‘мальчишка’, *prihastus* ‘юность’, *prihastda* ‘жить холостяком’, *prihavečor* ‘мальчишник (вечеринка у жениха накануне свадьбы, на которую собираются только парни)’ [5, с. 433–434]. Как видим, употребительны и слова, связанные с традиционным свадебным обрядом.

В ливиковских говорах карельского языка также представлена большая группа родственных слов с начальным звонким согласным: *briha*, *brihaine* ‘юноша; взрослый парень’, ‘холостяк’, ‘молодец (при выражении похвалы)’, *brihakko* ‘подросток, парень’ и др. [10, с. 28]. Выделим особо слово, относящееся к свадебному обряду: *brihaškül’ü* этн. ‘баня, в которой моется жених перед тем, как ехать венчаться’ [10, с. 28].

Слово *пригожий* в результате фонетической и морфологической адаптации вошло и в собственно карельские говоры. Отметим лексемы, относящиеся непосредственно к территории Карельского Поморья: в значении ‘мальчик’ – *brihačču* Тунгуда Беломорского района, Ондозеро Муезерского района, ‘парень’ – *priha* Вокнаволок Калевальского района, *briha* Тунгуда Беломорского района, Ондозеро, Реболы Муезерского района [17, с. 72–73].

Вепские лексемы *prihä*, *prihän*, *prihāine* содержат сочетание заднеязычного звука с гласным переднего ряда *-hä-*, которое в русском «исполнении» превращается в *-хе-*, что соответствует известному соотношению финского *-ä-* и русского *-е-* (ср. фин. *värttinä* и слав. **verteno* ‘веретено’). Прибалтийско-финское слово *prihāine*, имеющее конечное сочетание *-ne*, преобразуются в русской языковой среде в *прихехэня*, ср. слова на *-ня* в говорах: *растрепэня* ‘растрепя, неряха’ Киров. [13, вып. 34, с. 274], *ерепэня* ‘вздорный человек’ Перм., Ср. Урал, Краснояр. [13, вып. 9, с. 19]. Повтор сочетания *-хе-*, вероятно, обусловлен тем, что в бытовом сознании данный компонент слова не может восприниматься в качестве корневой морфемы, в качестве самостоятельной производящей основы. Более того, немалую роль в необходимости повтора играет, кажется, и тот факт, что слова, обозначающие любовника, любовницу, особенно в сельской местности, в условиях ограниченного социума, могут иметь иронический оттенок, отсюда связь со словами, выражающими хохот, – междометиями *хо-хо*, *хе-хе*, *ха-ха*. В одном ряду в связи

с этим оказываются *прихехотье*, *прихехэня*, *хэхаль*. Этимологи возводят *хэхаль* ‘обманщик, мошенник, франт, любовник, насмешник’ Новг., Яросл., Волог. к междометию *ха-ха!* [19, т. 4, с. 227].

Говорам Ладого-Тихвинской группы в значении ‘суженый, возлюбленный’ известны слова *прихехэня* Тихв. Ленингр., Чуд. Новг., *прихехэнюшка* Тихв. Ленингр., а также близкое к ним экспр. *прихехэ* ‘любовник, любовница’ Новг. Новг. [11, вып. 5, с. 222]. В смоленских говорах слово *прихехэ* ‘о милом (милой), возлюбленном (возлюбленной)’ употребляется без оттенка иронии, о чем свидетельствует иллюстрация: *А ён ручушки сваи к сердцу прижау у такой пичали, што ня видить сваей прихехе*. Росл. [15, вып. 9, с. 45]. Данная группа слов продолжается родственными образованиями в уральских говорах: ‘поклонник, кавалер’ – *прихехэшник* Реж. Свердл., *прихехэт* Туг. Свердл. [12, с. 463], ср. *прихехэт* ‘милый, любимый’ Свердл. 1965 [13, вып. 32, с. 52]. При сравнении слов *прихехотье* и *прихехэ* вариант *прихехэт* можно рассматривать как промежуточный.

Близким по наполнению производящей основы к слову *прихехотье* является, по-видимому, и слово с повторяющимся элементом *-хо-*: *прихехониться* ‘принарядиться’ Нижегород., Вят., Влад.; примечательна иллюстрация, имеющая отношение к свадебному обряду: *Не ширяй, не пыряй, добрый молодец, дай-ко нашей невесте прихехониться* (свадеб. приговор) Влад. [13, вып. 32, с. 52].

Возвращаясь к слову *прихехотье*, подчеркнем его ограниченность беломорскими (архангельскими) говорами и неразрывную связь с лексикой, обозначающей возлюбленного, милого в произведениях устнопоэтического творчества русского и прибалтийско-финских народов и восходящей к русскому слову *пригожий*, которое адаптировано к определенной диалектной среде – с морфологическими и фонетическими изменениями. В русской диалектной лексике обратим внимание, например, на упомянутое выше *пригоха*, сохраняющее частично связь с корнем *-гож-* / *-год-*, но изменившее последний звук, включившись в разряд имен существительных на *-оха*. Возможной причиной такого образования послужило прибалтийско-финское *priha*. Однако в словообразовательном отношении собственно суффикс *-ох-* выделяется условно, лишь в сопоставлении со словами типа *гладоха* (от *гладкий*), первоначальная производящая основа усечена в такой степени, что в целом основа слова *пригоха* с современной точки зрения может считаться непроизводной.

В слове *прихехотье* условно выделяется корневая морфема *-хох-* (возможно, из *-гох-*), в которой первый звук отражает замену звонкого заднеязычного *-г-* глухим фрикативным *-х-*. Данное явление ярко отражает особенности фонетики прибалтийско-финских языков. Б.А. Ларин считал, что при-

чины мены звонких и глухих согласных в севернорусских говорах «надо искать в их субстрате, так как языки угро-финской группы имеют и другие фонологические противопоставления рядов согласных (например, глухие сильные – глухие слабые – звонкие), а в некоторых диалектах – утрату звонких, в других – озвончение глухих» [6, с. 47].

К вышеприведенным иллюстрациям слова *прихохотье* добавим те, что относятся не к возлюбленному, а связаны с другими объектами. Речь идет о любимой младшей внучке: «*Младшая-то внука – прихохотье мое, кроткая и веселая*», «*Кажись бы, бабушки все внуки одинаки должны быть, а вот меньшенькая – прихохотьице мое*», о красивой одежде: «*Нету у меня шали цветастой, а мне она прихохотье давнее*», о желании иметь возможность пить вино, хорошо закусывая: «*Мне прихохотьице – чарочка да закусь хорошая, да*» [2, с. 527]. Эти записи свидетельствуют о том, что в беломорских говорах данные слова – *прихохотье* и *прихохотьице* – имеют более широкую семантику. Они обозначают не только возлюбленного, но и ребенка, и предмет быта (одежды, обуви и т. п.), и привычки человека.

При вхождении в неродственную языковую систему слово меняет свой внешний облик и одновременно стремится сохранить семантическое ядро. При заимствовании слова *пригóжий* в прибалтийско-финские языки актуализирован признак ‘молодой’ (< ‘красивый’), перенесенный на лицо, обладателя признака. Обновленное слово, известное беломорским говорам, – *прихохотье* – сохранило и расширило семантику, приобрело некоторые фонетические признаки соседних языков. Подобные факты свидетельствуют о сложных процессах длительного взаимодействия говоров русского и прибалтийско-финских языков. Вопрос о происхождении слова *прихохотье* требует дополнительных поисков.

Примечания

¹ Здесь и далее перевод словарных статей *priha* и *prikosa* словаря SKES [21] выполнен автором настоящей статьи.

² Об этом свидетельствует ссылка на финского фольклориста XVIII в. Христфрида Ганандера в виде пометы Gan. = Christfrid Ganander [SRES, s. 620].

³ Указание на Лённрота, известного фольклориста XVIII в., составителя карело-финских рун «Калевала», также свидетельствует о народнопоэтических истоках слов *priha*, *riha*, их несомненной древности.

Библиографический список

1. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный клуб Книговек, 2015. – 512 с.

2. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / вступ. ст. Д.С. Лихачева, Ф.А. Абрамова; науч. ред. В.Н. Булатов; подгот. С.Я. Косухина, Л.С. Скепнер. – М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004. – 637 с.

3. *Герд А.С.* К истории образования говоров Беломорья // Диалектное и просторечное слово в синхронии и диахронии. – Вологда, 1987. – С. 94–103.

4. *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – 455 с.

5. *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепсского языка. – Л.: Наука, 1972. – 746 с.

6. *Ларин Б.А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 424 с.

7. *Никольская Р.Ф.* Традиционно-бытовая культура // Карелы Карельской АССР / Ин-т яз., лит. и истории Карел. филиала АН СССР. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – С. 103–152.

8. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010. – XXVII, 1435 с.

9. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / ред. Т.Г. Паникаровская; Л.Ю. Зорина. – Вологда: Русь, 1983–2007.

10. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / под ред. И.В. Сало и Ю.С. Елисеева, сост. Г.Н. Макаров. – Петрозаводск: Карелия, 1990. – 495 с.

11. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005 (СРГК).

12. Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения / под ред. А.К. Матвеева – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 580 с.

13. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 1–49. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1967–2016.

14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. – М.: Наука, 1975–2008.

15. Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11 / под ред. А.И. Ивановой. – Смоленск: СГПУ, 1974–2005.

16. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

17. Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. – Петрозаводск, 2007. – 347 с.

18. *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка: в 3 т. – Репр. изд. – М.: Книга, 1989.

19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. – М.: Прогресс, 1964–1973.

20. Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

21. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. – Helsinki, 1955–1981 (SKES).

References

1. Gancovskaya N.S. Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova; M.: Knizhnyj klub Knigovek, 2015. – 512 c.

2. Gemp K.P. Skaz o Belomor'e. Slovar' pomorskih rechenij / vstup. st. D.S. Lihacheva, F.A. Abramova; nauch. red. V.N. Bulatov; podgot. S.YA. Kosuhkina, L.S. Skepner. – M.: Nauka; Arhangel'sk: Pomor. un-t, 2004. – 637 s.

3. Gerd A.S. K istorii obrazovaniya govorov Belomor'ya // Dialektoe i prostorechnoe slovo v sinhronii i diahronii. – Vologda, 1987. – S. 94–103.

4. Durov I.M. Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i ehtnograficheskom primenenii. – Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2011. – 455 s.

5. Zajceva M.I., Mullonen M.I. Slovar' vepsskogo yazyka. – L.: Nauka, 1972. – 746 s.

6. Larin B.A. Russko-anglijskij slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.). – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1959. – 424 s.

7. Nikol'skaya R.F. Tradicionno-bytovaya kul'tura // Karely Karel'skoj ASSR / In-t yaz., lit. i istorii Karel. filiala AN SSSR. – Petrozavodsk: Kareliya, 1983. – S. 103–152.

8. Novgorodskij oblastnoj slovar' / In-t lingv. issled. RAN; izd. podgot. A.N. Levichkin, S.A. Myznikov. – SPb.: Nauka, 2010. – XXVII, 1435 s.

9. Slovar' vologodskih govorov. Vyp. 1–12 / red.

T.G. Panikarovskaya; L.YU. Zorina. – Vologda: Rus', 1983–2007.

10. Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskij dialekt) / pod red. I.V. Salo i YU.S. Eliseeva, sost. G.N. Makarov. – Petrozavodsk: Kareliya, 1990. – 495 s.

11. Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej / gl. red. A.S. Gerd. – Vyp. 1–6. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1994–2005 (SRGK).

12. Slovar' russkih govorov Srednego Urala: Dopolneniya / pod red. A.K. Matveeva – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1996. – 580 s.

13. Slovar' russkih narodnyh govorov / pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova. Vyp. 1–49. – M.; L.; SPb.: Nauka, 1967–2016.

14. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–28. – M.: Nauka, 1975–2008.

15. Slovar' smolenskih govorov. Vyp. 1–11 / pod red. A.I. Ivanovoj. – Smolensk: SGPU, 1974–2005.

16. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 1–17. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948–1965.

17. Sopostavitel'no-onomasticheskij slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo, saamskogo yazykov. – Petrozavodsk, 2007. – 347 s.

18. Sreznevskij I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka: v 3 t. – Repr. izd. – M.: Kniga, 1989.

19. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 1–4. – M.: Progress, 1964–1973.

20. YAroslavskij oblastnoj slovar': Dopolneniya: v 2 t. / pod nauch. red. T.K. Hovrinov. – YAroslavl': RIO YAGPU, 2015.

21. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. – Helsinki, 1955–1981 (SKES).

ИГРОВАЯ ЛЕКСИКА В ГОВОРАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-29-09021
«Русские говоры Симбирского Заволжья как отражение этноязыкового взаимодействия».

В статье анализируются особенности функционирования игровой лексики в русских говорах Ульяновской области, предпринимается попытка выявить наиболее сохранные слои данной тематической группы слов, показать частичное изменение функциональной значимости этих слов в связи с изменением значения самих игр как элемента этнической культуры. В статье подробно рассматривается игровая номенклатура, то есть названия игр, игровых предметов, игровых действий, показана фонематическая, словообразовательная и семантическая вариативность данной тематической группы лексики в говорах Ульяновской области. В исследовании делается вывод о хорошей сохранности в говорах Ульяновской области номенклатурной части игровой лексики и о худшей сохранности её обрядово-фольклорной составляющей. В данной тематической группе выявлена как общеупотребительная, так и диалектная лексика.

Ключевые слова: русские говоры, диалектная лексика, игровая лексика, фонематический вариант, словообразовательный вариант, метонимический перенос, лексическая синонимия.

Материалом для исследования игровой лексики послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся в течение пяти лет (с 2012 по 2017 гг.) в ряде населённых пунктов Старомайнского, Чердаклинского, Мелекесского и Сенгилеевского районов Ульяновской области. Также были использованы данные «Словаря русских народных говоров» для уточнения и дополнения экспедиционных материалов.

Сложность семантической структуры лексем *игра*, *играть* прослеживается в разных группах говоров [4, с. 104] и отражена в словарях диалектной лексики (см., например, «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия»). Помимо значения ‘развлекаться, забавляться’, лексема *играть* в говорах Ульяновской области имеет значения ‘плясать, танцевать’, ‘издавать музыкальные звуки, петь’, а также ‘заигрывать с девушкой или парнем’: *А потом делали девшиник: жених с невестой сидят ф передньм углу, фпереди, а тут караводом играют дефьки, поют песни девшиенски*. Старая Майна. Хороводные игры принадлежат глубокой древности и составляли первоначально часть языческих религиозных обрядов [8, ч. 4, с. 133]. Календарные игры приурочены к календарным праздникам, в центре которых стоят мотивы продолжения человеческого рода, плодородия земли, плодovitости скота [9, с. 615].

Большинство опрошенных информантов родились в начале 30-х гг. XX в., описывали современные им игры, которые естественным образом лишились многих своих обрядовых элементов. Сохранившиеся старинные народные игры в советское время уже функционировали исключительно для развлечения, забавы. Уход в прошлое многих игр был также связан с тяжёлыми событиями в на-

родной жизни первой половины XX века (война, коллективизация и т. д.). Наиболее сохранными оказались детские игры соревновательного характера, некоторые календарные игры, приуроченные к наиболее значимым праздникам (Пасха, Троица), а также некоторые посиделочные молодёжные игры. Упрощается и фольклорно-театральное наполнение игры: уходят в прошлое роли (а с ними и наименования ролей) игроков, песенная составляющая игры.

Игры обычно классифицируются по различным признакам: по возрасту участников (детские, молодёжные, взрослые); по характеру действия (подвижные / неподвижные); по способу организации действия (сюжетные игры и игры-соревнования); игры с предметами и без предметов. Выделяются также игры с временной и локативной привязкой (например, календарные игры) и игры без временных и пространственных регламентаций [2, с. 345].

Как отмечает Е.Л. Березович, основными формами игрового дискурса являются игровая номенклатура и тексты [2, с. 345]. К игровой номенклатуре относятся лексемы и фразеологизмы: наименования игр, игроков, их действий и результатов действий, игрового пространства, игровых предметов и т. д. (*чиж*, *клёк*, *слепая сковорода*, *панок*, *мая*, *заклёкать*, *галанцы*). Игровые тексты обычно сопровождают действия в игре, это тексты формульного типа: считалки, команды, ролевые слова («*На кули-и!*», «*Клёк!*», «*Кулю, кулю баба, не выколи глаза; глаз поспел, коврижку съел!*»).

Рассмотрим зафиксированную в говорах Ульяновской области игровую лексику, которую можно отнести к игровой номенклатуре, а также некоторые игровые тексты формульного типа. Номенклатурные единицы можно распределить по следующим группам¹.

* Статья публикуется по материалам международной научно-практической конференции «Дни славянской письменности. Славянские языки и диалекты как основа духовно-нравственного и гражданского воспитания».

Наименования игр: *катать яйца, катать шишкí, кúчки* (вариант *подкúчки*), *чушки, галáнцы* (вариант *голáнцы*), *клёк, кóлколки* (варианты *кáлкалки, скóкалки, скáкалки*), *кулю́кушки* (варианты *кулю́чки, подкулю́чки*), *круговая лаптá, длинная лаптá, беговая лаптá, чекалду́шки, тиж, му́ха* (вариант *му́шка*), *слепая сковородá, ша́брики, штáндер, рю́хи, котлы́, кóндалы* (вариант *кандалы́*), *кулик, на кули́*.

Наименования игровых действий: *ва́дить, заклéкать, коновóться, конáться, ма́яться, кулю́кать* (вариант *кулекáть*), *школя́ть* ‘гонять за чижом, мучать в игре’, *цельгáть* ‘бросать, швырять, выбивать мячом, битой’, *люсítь*.

Наименования игроков: *во́да, ва́да, ма́я, люсá, кулю́кан, кулекáница, мазóк* ‘игрок, которого запятнали’.

Наименования игровых предметов: *кóдны, панóк, тиж, скóкалка, чекалду́шка, рю́ха, му́ха, шишóк, галáнец, мýзгалка* ‘палка для игры в бабки на льду’, *клёк, чу́шка, свист* ‘бита для игры в городки’.

Игры для взрослых – это, как правило, игры, привязанные к определённым праздникам, календарным датам:

яйца катать ‘игра на Пасху, Троицу’ (*Вот помню на Троицы яйца катали. Ну человек двенацать, с этой стороны шесть, с этой стороны шесть. Вот ямки – пердо фсеми ямки – и вот палкай катали яйца, ва́дили, как-то кановéлись, кто будёт первый кидать, кто чево... Ерыклинск*);

шишкí катать ‘пасхальная игра, вид городков’ (*Шышкí катали: вот этак вот шар назывался шышкóм, стаяли вот такие чурбачки, и вот ани кидали. Сколь сабьют – столько яиц выиграют на Пасху. Ерыклинск*);

кúчки ‘пасхальная игра, участники которой ищут яйца, спрятанные в кучках из земли, песка, опилок, соломы’ (*Тоже на Пасху вот играли ф кúчки: эта такие песок мешали с апилками, штоп палехче были, и делали такие вот кúчки, и вот руки прятали, дапустим, в юпку бальшую такую, ячки складывали в одно места, вот берёш их и в эти кучки прячши. Ерыклинск*);

чушки ‘игра, в которую играли на Троицу, вид городков’ (*Вот нисёш из дому яйцо. Кинеш, чушки не собьёш – фсё, удадёш мяч вот эдакай, а чушки – деревяшки вот, тюк пополам – росколоты, вот оне наставлены, и збить вот этим вот шаром. Вот я кинула, збила – мне яйцо дают. Если я ешиш збила – мне ешиш яйцо дают. Красная Река*).

Все эти игры, привязанные по времени к весне – началу лета, не случайно в игровой процесс включают яйца – либо как вознаграждение за выигрыш, либо в качестве игрового предмета. Эти обычаи отражают древние верования, в соответствии с которыми яйцо символизировало новую жизнь, пробуждение природы, земли, солнца [9, с. 630]. Все

эти наименования игр образованы путём метонимического переноса с предметов игры. По словам Т.В. Бахваловой, названия игр с предметом чаще всего представляют собой результат именно такого метонимического переноса с основного предмета, используемого в игре [1, с. 88]. *Катание яиц* являлось широко распространённой забавой на Пасху и Троицу [5, с. 381]. Лексема *шишкí* в СРГМ приводится со значением ‘игра в городки’ [6, ч. 2, с. 1523]. В наших материалах *шишкí* – шары, которыми выбивали чурбачки, *клёки*. *Катать шишки* – местное наименование пасхальной игры. Ещё одна подобная игра называется *чушки*, в данном случае перенос наименования происходит не с шара, который кидают, а со сбиваемых чурбачков. Данный вариант названия игры со сбиванием чурбачков является широко известным, игра описывается у А.В. Терещенко [8, ч. 4, с. 56]. *Кúчки* (*подкúчки*) – достаточно распространённая в Среднем Поволжье игра с прятаньем яиц. В СРНГ приводится лексема *подкúчки* с территориальными пометами Тамб., Пенз. [7, вып. 28, с. 53]. Наименования *кучки, подкучки* зафиксированы в СРГМ [6, ч. 1, с. 469; ч. 2, с. 852].

Молодёжные игры – это в первую очередь игры на посиделках:

ша́брики ‘игра, в которую играли на посиделках’ (*В шабрики играли. Ф посетки сидят нескалька дефчонак. Я ухожу ф сени и говорю: «Выгоньте эту дефчонку», её гонют ремнём, ну не то што ту её насилкай гонют, а просто, она устаёца, она вызыват другова ково ей нада. Вот эт называли шабрики. Красная Река*);

слепая сковородá ‘игра, в которую играли на посиделках, род жмурок: водящему завязывали глаза, поймав кого-нибудь, он должен был назвать пойманного по имени’ (*В слепу скóвороду играли, в слепу сковороду. Завязываеш глаза, и дефчонок полно, и вот ты ищеш. Забава называлась слепая сковородá. Красная Река*).

Местному наименованию игры *ша́брики* соответствует более распространённое *соседи*, правда, по данным СРНГ, правила игры *соседи* отличаются от правил игры *шабрики*: «Соседи 2. Мн. Молодежная игра (обычно на святочных вечеринках), когда молодые люди садятся парами, выбирая себе соседа, соседку» [7, вып. 40, с. 40–41]. Игра *слепая сковородá* представляет собой род жмурок и также является местным наименованием, фиксируется в СРГМ [6, ч. 2, с. 1157].

Большая часть зафиксированной игровой лексики относится к детским и подростковым подвижным играм. В этой области наблюдается наибольшая вариативность наименований. Так, для разновидности игры «в классики» зафиксированы фонетические варианты *кóлколки, кáлкалки, скóкалки, скáкалки*: *Мы ф скóкалки играли, вот зьделали скóкалку гоняли, скóкалки-ть прыгали. Красная Река; Играли ф кóлколки: вот на дороге*

начертиши углём вон ис печи, так, так, вот пять этих клеток, и потом прыгаиш вот, попадёт вот на между – ты дурак, другой берёт. Калкалки играли, калколки. Красная Река. В СРГМ зафиксированы лексемы скакалки и скачки в значении ‘детская игра классы’ [6, ч. 2, с. 1150, 1152]. В Старомайновском районе зафиксировано другое название разновидности классиков – чекалдушки: *А то играли ещё вот в эти, чекалдушки. Начерчена вот такие клетки мелом, и вот эту чекалдушку пинаш её, чтобы она на эту вот не попала, на линию-та, рукой кинеш в одну в первую-т клетку.* Старая Майна. Игра названа по игровому предмету – чекалдушке: *Чекалдушка эт деревянный квадратненький вот такой вот, сосетка вот у нас, ей отец выстрагат-выстрагат, и она гладенька, ей хорошо скокаться, украдём мы у неё.* Старая Майна.

Игра с подбрасыванием мелких камешков или горшечных черепков в говорах Ульяновской области называется галанцы (вариант голанцы). В СРНГ обнаруживаем следующие интересные данные: «Галанец, -нца, м. 1. Галька. *Где галанец, там рыбы нет.* Г. Гурьев Урал., 1958. 2. Камешек или черепок, которым играют дети. Симб., 1852. Ставроп. Самар.» [7, вып. 6, с. 104]; «Голанец, -нца, м. Мелкий круглый гладкий камешек; голыш. Симб., 1888. Играть в голанцы. Играть в камешки, подкидывая и ловя их. Симб., 1888» [7, вып. 6, с. 282]; «Коланец, -нца, м. 2. Осколок глиняного горшка, черепок (обычно употребляемый детьми для игры). Коланец. Даль [без указ. места]. *Игра коланцы.* Слов. Акад. 1847. Усть-Медв. Дон., 1911–1912. *Коланцы по воде пускает.* Пенз. Коланцы. Круглые камешки, косточки, округлые осколки глиняной посуды, употребляемые в играх. *Давайте играть в коланцы.* Николаев. Самар., 1852. Пенз.» [7, вып. 14, с. 111]. В СРГМ находим только лексему коланец в 2 значениях: 1) небольшой округлый камешек; 2) осколок глиняного горшка, тарелки и т. п. (обычно употребляемый детьми для игры) [6, ч. 1, с. 387].

Ещё одна игра с высокой вариативностью наименований – это прятки. В говорах Ульяновской области используются различные производные от глагола кулюкать ‘водить в игре в прятки’ (фонетические варианты кулекать, куликать): кулюкушки, кулюкашки, кулючки, подкулючки. Также зафиксированы такие наименования водящих в игре в прятки, как кулюкан и кулеканница [7, вып. 16, с. 56]. В СРГМ, наряду с лексемами кулюкушки, кулючки, можно найти и такие фонематические и словообразовательные варианты: глюкушки, гулючки, закулюкушки [6, ч. 1, с. 140, 164, 268]. А.В. Терещенко описывает эту игру как колючки, где водящий колюкает: «*Колю, колю, баба! не выколи глаза*» [8, ч. 4, с. 84]. В СРНГ находим лексемы кулюкушки, кулючки и глагол кулюкать с территориальными пометами южнорусских говоров, говоров Поволжья, Урала, Сибири (Курск.,

Ворон., Дон., Терск., Кубан., Калуж., Тул., Сарат., Тамб., Пенз., Ульянов., Уральск., Перм., Челябин., Том., Сиб. и др.), также приводятся варианты глагола: куликать и кулекать (с пометой Симб.) [7, вып. 16, с. 56, 67, 76]. В СРГМ приводится междометие кули! с толкованием ‘побуждение к движению: беги! (при игре в прятки)’ (*Када надъ, итоб ни застужъли, мы кричим: кули! кули!*), здесь же лексема куликать имеет значение ‘бродить, потеряв дорогу’ [6, ч. 1, с. 455].

Лексемы, близкие к указанным фонетически и, частично, семантически, используются в детской игре чиж (в наших материалах зафиксирован фонематический вариант тиж): *А ф тиш – эта на кули бегае водит. Если будеш водить, тя замучают – нада вот ему бежать скока там «на кули-и-и!» – куды улетит тиш.* Ерыклинск. В СРГМ находим лексему кулик со значениями 1) ‘детская игра в чижики’, 2) ‘заостренная палочка, по которой бьют другой палкой в данной игре’ [6, ч. 1, с. 455]. Кулик в значениях ‘детская игра в чижики’ и ‘деревянная палочка для этой игры’ приводится и в СРНГ с пометами Нижегород., Чкал. [7, вып. 16, с. 66], там же находим игру на-кули с забрасыванием палки или камня с пометой Сарат. [7, вып. 19, с. 356] и лексему закули ‘слово, которое кричит тот, кто водит (в детских играх)’ с пометой Влад. Таким образом, по данным СРНГ, обычай кричать кули! и играть в кулик территориально распространён в Поволжье, в то же время сам обычай является старинным, приводится в описании игры чиж у А.В. Терещенко [8, ч. 4, с. 57].

Общепринятая игра лапта зафиксирована в материалах по Ульяновской области в нескольких разновидностях: круговая лапта, длинная лапта и беговая лапта. *Лапты была дзве: беговая и круговая; беговая – эта вот значт на каком-та расстянии ат аднаво места да другога были метки, ну чортачки делали, вот значт бегали с аднаво места на другое, дзве каманды была. А круговая: ну выбивали ис круга, адна каманда другую выбивали ис круга.* Ерыклинск. *И в круговую лапту играли, и в длинную лапту играли. Длинная лапта – эт такая делают лопаточку, и вот мячик кидаш и этай лопаткай-та и поддаёш туды, а круговая вот ф кругу: если мячик попал ф тебя, то ты идёш вадить.* Ерыклинск. По текстам записей видно, что длинная и беговая – это одна и та же классическая разновидность лапты с подаванием мяча лаптой, разметкой поля и перебеганием через поле, круговая лапта подобна современной игре в вышибалы. В СРГМ находим лексемы беговая в значении ‘русская народная игра лапта’ и круговая – ‘детская игра, в которой двое играющих выбивают из круга мячом третьего’ [6, ч. 1, с. 25, 440]. В СРНГ такие лексические разграничения разновидностей лапты не отмечены, они вполне могут быть характерны именно для Поволжья.

Такие наименований игр, как *клёк*, *муха* (вариант *мушка*), *рюхи*, *котлы*, *итандер*, являются широко известными, при этом сами правила игры могут иметь территориальные разновидности. *Клёк* и *рюхи* – игры из рода городков – на выбивание палками (*панками*) поставленных небольших круглых чурок. Эта чурка и называется *клёк*, *рюха* и, соответственно, даёт наименование игре. Подобные игры на других территориях могут иметь и другие наименования: *бабки*, *чушки*, *пекарь*, *ноп* и др. Для говоров Ульяновской области характерным является наименование *клёк*: *Мальчишки большинство играли ф клёк. Панок вот зделан палка, наставят там этих, чуркаф, и вот эти чурки палкай кинет он этим панком-ть. Шишбёт – значит выиграл, не шишбёт – значит проиграл.* Старая Майна; *Ну клёк вот: допустим этот квадрат, ставили этот клёк, у каждава была бита играющева, на каком-та расстаянии черта, вот битай нада была збить этот клёк.* Ерыклинск. Биту для выбивани клёка, как правило, называют *панок*. Лексема *панок* в значении ‘бита’, по данным СРНГ, имеет весьма широкое распространение [7, вып. 25, с. 197]. Лексема *муха* (словообразовательный вариант *мушка*) также является широко распространённым наименованием игры, похожей на клёк, со сбиванием деревянной палочки со столбика. Лексемы *мушка*, *клёк* встречаются и в описании игр у А.В. Терещенко [8, ч. 4, с. 21, 56]. Лексемы *итандер*, *котлы* представляют собой весьма распространённые наименования игр с мячом, зафиксированы в СРНГ и СРГМ [7, вып. 15, с. 102; 6, ч. 2, с. 1534]. Игра *кóндалы* (фонетический вариант *кáндалы*) также является достаточно распространённой, описана у А.В. Терещенко [8, ч. 4, с. 58], приводится в СРНГ, СРГМ [7, вып. 14, с. 246; 6, ч. 1, с. 401].

Отметим, что многие из указанных народных игр описаны в книге В.С. Брыжинского «Мордовские народные игры» (г. Саранск, 2009). В этой работе можно найти такие мордовские игры, как катание пасхальных яиц, *бабки* (морд. *панок*, *чика*, *козна*), *кулик*, *чиж* (морд. *гича*), *чушки*, *лапта* (морд. *чийнема оска* букв. ‘беговой мяч’ и морд. *кирькс оска* букв. ‘круговой мяч’), *прятки* (морд. *кекинемка*), игра с камешками (морд. *щёлкт* – по звуку, издаваемому камешками – русское название *галанцы*) и др. Отличие мордовских народных игр от соответствующих русских заключается в их ролевом, театральном характере, так, например, в игре в «беговую лапту» распределяются роли «зайцев», «охотников», «егерей», сама игра реализуется как «охота за зайцами» [3, с. 86–88]. При значительной общности русских и мордовских игровых традиций, можно отметить своеобразие в реализации сценария игры у русских и мордвы, частично общую и частично различную игровую лексику.

Для обозначения ведущего (водящего) в игре в говорах Ульяновской области используются лексемы *ва́да* или *ма́я*, соответственно, ‘исполнять роль водящего’ – *ва́дит* или *ма́яется*: *Теперь ты мая, ты маешься!* Ерыклинск. Лексемы *мая* и *маяться* используются в Поволжье, в СРНГ приводится только глагол *ма́ять* ‘водить (в детской игре)’ с пометами Ряз., Моск., Тул. [7, вып. 18, с. 61], в СРГМ зафиксирован глагол *ма́яться* ‘водить (в детских играх)’ [6, ч. 1, с. 526]. Глагол *ва́дит*, по данным СРНГ, имеет весьма широкое распространение в русских говорах, прежде всего южнорусских и среднерусских [7, вып. 4, с. 11], лексема *ва́да* также приводится в СРНГ.

Ещё одна характерная для Среднего Поволжья лексема – *люса́* ‘человек, неправильно ведущий игру, обманщик’ – в СРНГ приводится с пометами Пенз., Самар., Саратов., Симб., является производным от глагола *лю́сить* «хитрить, обманывать в деле, игре. Пенз., Даль. *Люса кто люсит.* Симб., 1888» [7, вып. 17, с. 247].

Из лексем, обозначающих игровые предметы, интерес представляет слово *ко́дны* ‘кости, суставы барана или другого животного, употребляемая для игры, бабка’: *Ну вот отец если сохранит, барана-та кололи, суставы эти, кодны их называли, кодны, ну вот высушит, и вот их ставили, эти кодны, и вот так палки у них были выструганы, и вот по очереди шишывали.* Ерыклинск. Слово *ко́дны* в наших материалах было зафиксировано неоднократно и может рассматриваться как фонематический диалектизм при наличии общеупотребительного *ко́зны*.

Подведём некоторые итоги. В тематической группе игровой лексики наименьшая степень сохранности свойственна лексическим единицам, относящимся к играм обрядового характера: хороводным и «посиделочным», таким как *шабрики*, *слепая сковорода*, *кучки*, *чижи́ком играть*. Большую сохранность обнаруживает лексика уличных игр для детей и подростков, это подвижные игры соревновательного характера: *лапта* (*беговая* и *круговая*), *клёк*, *муха*, *тиж*, *скакалки*, *чушки* и др.

Для игровой лексики характерна высокая степень вариативности. Это может быть вариативность фонетическая (*скакалки* / *скокалки*; *голанцы* / *коланцы*; *чиж* / *тиж*), словообразовательная (*муха* / *мушка*; *кулочки* / *кулюкушки*; *кучки* / *подкучки*), лексическая синонимия (*ва́дит* / *маяться*; *клёк* / *рюхи* / *чушки*; *прятки* / *кулюкушки*), а также вариативность в семантическом наполнении лексем, связанная с вариативностью и «размытостью» правил однотипных игр, таких, например, как *клёк*, *муха*, *чиж*.

Как любая тематическая группа лексики, игровая лексика имеет в своём составе определённое количество общеупотребительных слов, а также слов диалектных с обширной территорией быто-

вания: *катать яйца, чушки, клёк, рюхи, вадить, чиж, кандалы, лапта, панок, кулюкушки, кулюкать, коланцы, штандер, муха*. В то же время можно отметить в этой группе значительное число узколокальных слов, а также лексики, бытующей в говорах Ульяновской области и смежных территорий (Пензенской, Самарской, Тамбовской области, республики Мордовия): *катать шишки, кучки, шабрики, слепая сковорода, мая, галанцы, колкалки, скакалки, беговая и круговая лапта, длинная лапта, тиж, на кули, кодны, чекалдушка, люса*.

Отметим, что для современного состояния игровой лексики в говорах Ульяновской области характерно, прежде всего, сохранение её «номенклатурной» части, то есть названий игр, игровых предметов, игровых действий. Значительно хуже сохраняется обрядово-фольклорная составляющая: игровые формулы, песни, считалки, ролевые слова.

Примечание

¹ Значения приводятся для тех лексем, которые не получили подробного описания в статье.

Библиографический список

1. Бахвалова Т.В. Игровая лексика как фрагмент номинативного пространства орловских говоров // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. трудов / отв. ред. Т.В. Симашко. – Москва; Северодвинск: БИБКОМ, 2017. – Вып. 8. – С. 87–94.
2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
3. Брызгинский В.С. Мордовские народные игры. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2009. – 272 с.
4. Евтихиева Л.Ю. Этнографическая информация в игровой лексике (на материале этнолингвистической экспедиции 1991–1996) // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования) 1996. – СПб.: ИЛИ РАН, 1998. – С. 103–106.
5. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
6. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. – СПб.: Наука, 2013. – Ч. 1–2 (СРГМ).
7. Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. – Вып. 1–49 (СРНГ).
8. Терещенко А.В. Быт русского народа: в 4 ч. – СПб., 1848. – 338 с.
9. Тульцева Л.А. Календарные обряды и праздники // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 1999. – С. 615–645.

References

1. Bahvalova T.V. Igrovaya leksika kak fragment nominativnogo prostranstva orlovskih govorov // Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoj kartiny mira: sb. nauch. trudov / отв. ред. Т.В. Симашко. – Москва; Severodvinsk: BIBKOM, 2017. – Вып. 8. – С. 87–94.
2. Berezovich E.L. YAzyk i tradicionnaya kul'tura: Ehtnolingvisticheskie issledovaniya. – М.: Indrik, 2007. – 600 s.
3. Bryzhinskij V.S. Mordovskie narodnye igry. – Saransk: Mor-dovskoe kn. izd-vo, 2009. – 272 s.
4. Evtihieva L.YU. Ehtnograficheskaya informaciya v igrovoj leksike (na materiale ehtnolingvisticheskoy ehkspedicii 1991–1996) // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov: (Materialy i issledovaniya) 1996. – SPb.: ILI RAN, 1998. – S. 103–106.
5. Zelenin D.K. Vostochnoslavyanskaya ehtnografiya. – М.: Nauka, 1991. – 511 s.
6. Slovar' russkih govorov na territorii Respubliki Mordoviya. – SPb.: Nauka, 2013. – CH. 1–2 (SRGM).
7. Slovar' russkih narodnyh govorov / sost. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov. – М.; Л.; SPb.: Nauka, 1965–2016. – Вып. 1–49 (SRNG).
8. Tereshchenko A.V. Byt russkogo naroda: v 4 ch. – SPb., 1848. – 338 s.
9. Tul'ceva L.A. Kalendarnye obryady i prazdniki // Russkie / отв. ред. V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishchuk. – М.: Nauka, 1999. – С. 615–645.

Петрова Татьяна Викторовна

Институт языкознания им. Якуба Коласа
 Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы
 Национальной академии наук Беларуси, г. Минск
 tatyanyushka27.05@gmail.com

НАДПИСИ НА НАДГРОБИЯХ НЕКРОПОЛЕЙ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА БЕЛАРУСИ И ПОВОЛЖЬЯ КАК ИНДИКАТОРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Пространство некрополей рассматривается сквозь призму семантических и идентификационных функций. Проводится основной анализ характерных черт художественного воплощения и особенностей эпиграфики православных, католических, старообрядческих, лютеранских, мусульманских, иудейских некрополей. Определены общие черты для этнических некрополей Поволжья и Беларуси. Выявлена архитектура надмогильного текста, особенности проявления билингвизма и межъязыковых связей в пространстве некрополя. В статье делается вывод о том, что язык и структура текста на некрополях вкупе с формой и символикой некрополя являются индикатором национальной и религиозной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, некрополи, эпиграфика, языковые особенности, Беларусь, Поволжье.

Одним из мест, отражающих коллективное и индивидуальное проявление идентичности (национальной, религиозной, этнической и т. д.), являются некрополи. Семантическая функция некрополей заключается в передаче знаний о погребенных и их взаимоотношениях с близкими, отражении информации о религии сообщества или группы, исторических и художественных особенностях региона [2].

Анализ надгробного письма позволяет судить о языковых и культурных традициях местного сообщества, дает возможность составить представление о степени развития языка, его статусе в определенном обществе в конкретный исторический период, его диалектных и индивидуальных особенностях [4, с. 153–166].

Ярким свидетельством тому являются мультиэтнические некрополи Беларуси и Поволжья. Это и еврейские мацевы, и лютеранские (немецкие гражданские), православные, католические (для Поволжья – захоронение католиков из стран Западной Европы), старообрядческие некрополи, татарские мизары (кладбища мусульман).

Одними из немногочисленных, но не менее ярких в культурном и языковом плане являются кладбища лютеран. Наиболее полным из сохранившихся лютеранских кладбищ на территории Российской Федерации является Смоленское кладбище Санкт-Петербурга. Поскольку для России более распространенной ветвью православия было христианство, католиков в Санкт-Петербурге также хоронили на лютеранском кладбище. В Беларуси фрагментарно сохранилось около десятка лютеранских некрополей.

Среди основных отличительных особенностей надгробий лютеран можно выделить следующие: среди основных форм надгробия используются: крест на постаменте, стелы,obelisks, плиты, малые архитектурные формы; в качестве декоратив-

ных элементов можно встретить портрет усопшего, изображение растений, цветов, скульптурные композиции с мотивами скорби, барельеф с изображением покойного, фигуры ангелов. Символом конфессиональной принадлежности был четырехконечный крест (без распятия), использовались и геральдические символы.

Что касается структуры надмогильного текста, то он выглядит следующим образом: надписи выполнены на немецком языке средствами латинской графики. Логика надмогильного текста выглядит так: вводная формулировка (типа «здесь пребывают в Боге», либо указание на социальный статус умершего), имя, дата смерти; встречаются и весьма лаконичные надписи, которые содержат лишь имя усопшего и даты жизни. Приведем примеры:

Полоцкое лютеранское кладбище «Jauzia Schults 7 lutego 1856 19 marca 1896», «Eweline Silsberdorff gebur Songer geb. den 11 jub 1864 gesturb den 6 juni 1914», «1834 ZY FRÜH 1874», «Lobe den Herrn meine Seele und vergiss nicht was Er dir Gutes gethan Psalm 103,2», «Hier ruhet in Gott Aleksander Johann von SCHILDKNECHT geb. 2 juni 1828 gest. 2 juni 1858»;

Смоленское кладбище Санкт-Петербурга «Akadeemik dr. Ferdinand Johann Wiedemann 30.III.1805 – 29.XII.1887», «Professor theol Aleksander Berendts geb. 2 september 1863 gest. 26februar 1912 Selig sind die reines Hersens sind denn sie werden Gott schauen Mattf 5.8», «Friedrich Meyer geboren in Lampspridge im Koenigreich Hannover am 18ten August 1797, und gestorben in St-Petersburg am 21-ten august 1855 Du Lebtest night für Dich allein Dir war es Pflicht ganz Mensch zu sein, und suchtest hier für deine Müh Den Lohn der Welt und Ehre nie».

Также встречаются и памятники-билингвы с надписями на русском и немецком языке, например: «Dr. Aleksander FREY 1838–1899 Александръ ФРЕЙ род 30 августа 1838 г. сконч. 29 ноября 1899 г.» (полоцкое лютеранское кладбище).

* Статья публикуется по материалам международной научно-практической конференции «Дни славянской письменности. Славянские языки и диалекты как основа духовно-нравственного и гражданского воспитания».

Другой не менее интересной религиозной группой, чьи некрополи имеют яркие отличительные особенности, являются старообрядцы. До сегодняшнего дня в Саратове сохранился старообрядческий некрополь, который позволяет расширить понимание о культуре и традициях данной религиозной группы, отличающейся замкнутостью и консервативностью. В Беларуси центром старообрядчества считается Гомельский регион. В городе Ветка Гомельского района также сохранился некрополь староверов.

Проанализировав надмогильные сооружения, можно выявить отличительные особенности старообрядческих надгробий: использование церковнославянского, русского языка (дореформенное правописание), графическая система – кириллица; в качестве основных форм художественного решения использовались голбцы, кресты, необработанный камень, каменные стелы, часовни. Доминантой композиции памятника должен быть староверский восьмиконечный крест – либо в качестве формы надгробия, либо в качестве основного изображения.

Что касается структуры надписей, она представляется следующим образом: вводная часть типа «На сем месте погребено тело раба Божия», возможно указание социального статуса умершего; имя покойного, дата смерти; завершающая часть религиозного характера.

Саратовский старообрядческий некрополь «Здѣсь погребено тѣло Саратовскаго купца Константина Андреевича Андреева скончав. 1 мая 1902 г. на 87 г. жизни»;

Ветковский старообрядческий некрополь «Под сим камнем погребено тѣло Гомельскаго Купца Симеона Ильича Машиковского представившегося 1869-го года Октября 27-го д. на 58 году отъ рождения его», «Помяни ма Господи Егда поидеши во Царствии си», «Михаиль Ковалѣвъ 1911 г. мар. 31», «Здѣсь погребено тѣло потомственнаго почетнаго гражданина Саввы Тимофеевича ДРЫ-БИНЦОВА умершаго въ своемъ имѣнии Верхулицѣ Рогачевскаго уезда 22 февраля 1911 года на 70-мъ году жизни».

Кроме ветвей христианской религии как на Поволжье, так и в Беларуси проживали (и проживают) мусульмане (преимущественно татары). В конце XIX века в Саратовской губернии насчитывалось более 60 татарских поселений. Самым крупным центром проживания татар в Беларуси является город Ивье, в котором они проживают и до сего дня. Там сохранился и действует татарский некрополь. Всего на территории Беларуси сохранилось около 30 мусульманских погостов.

Анализ татарских надгробий XIX – начала XX века, находящихся на Белорусских и Поволжских мизарах, позволил выявить следующие отличительные особенности: использование старота-

тарского языка, поволжский тюрки, дублирование основной информации на национальном языке (для территории Беларуси характерно использование как польского, так и русского языка для дублирования надписи).

Художественное выполнение: стела с полукруглым, копьеобразным или остроконечным завершением; обязательным символом-индикатором является полумесяц со звездой; в качестве декоративных элементов использовались полумесяц со звездой, орнамент, растительные мотивы.

Архитектуру надмогильного текста составляют: имя покойного, дата смерти, сура Корана или слова Пророка, в тексте на национальном языке религиозные тесты не использовались, а заменялись на выражения скорби, либо текст ограничивался только фактологическими данными.

Саратовский татарский некрополь «Елизавета Матвѣевна Ильясевичъ 1 сентября 1868 сконч 19 июн 1888 г. Осиротевшие муж и дочь возлюбленной жене і матери»;

Ивьевский татарский некрополь «Rafałowicz Chalil syn Aleja matki Chalimy urodzony 1884 roku zmarł 22 VII 1915 roku», «Tu spoczywa Aleksandra Koporacki ur 12 XI 1877 r. zm. 8 IX 1938 r.», «Матвѣй Александрович Ахматович род. 1 апрѣля 1820 г. ум 8 августа 1901 г.», «Jan syn Mustafy Bazarewski kapitan b. wojsk polskich umarł 10 sierpnia 1855 roku zul lat 82».

Большой и достаточно влиятельной этнической группой как Поволжья, так и Беларуси (в довоенный период) являются евреи. Одним из наиболее интересных еврейских погостов Поволжья является Саратовское старое еврейское кладбище. Здесь похоронены известные евреи-саратовцы: деятели культуры, врачи, бизнесмены. В Беларуси одним из наиболее интересных является лепельский еврейский некрополь.

Анализ указанных некрополей позволил выделить следующие отличительные черты: надписи выполнены на иврите, также могут дублироваться на государственном языке, в качестве графической системы используется квадратное письмо; архитектуру памятников представляют вертикальные плоские плиты (мацевы), стелы; в качестве декоративных элементов могут использоваться изображения зверей, птиц, растений; основными символами-индикаторами являются шестиконечная звезда Давида, подсвечник на 7 свечей (минора), ладони, распростертые к небу [2].

Архитектура текста представляет собой следующую схему: вводная формулировка в виде двух букв еврейского алфавита – «пэ» и «нун» (פ נ). Это первые буквы от слов «здесь покоится», далее следуют имя и имя отца, дата смерти умершего, описание добродетелей умершего, заключительный оборот «да будет душа его завязана в узле жизни». В некоторых случаях, достаточно редко,

встречаются проявления билингвизма, при этом содержания текста на языке этноса и на языке моста отличаются содержательно.

Что касается православных некрополей, то они широко представлены как в России, так и в Беларуси. Если говорить о художественной форме выражения, то православные надгробия представлены такими формами, как шестиконечный крест, обелиск, горизонтальная плита, мини-часовня. В Беларуси получила распространение форма стелы в виде дерева с обрубленными ветками. В качестве художественного оформления использовались икона святого покровителя, портрет усопшего, изображение растений, цветов, скульптурные композиции (барельефы) с мотивами скорби.

Структура текста представляет собой следующую формулу: вводная формулировка «здесь покоится», «вечная память», имя покойного, дата смерти, интерпретация статуса умершего, посвятельная часть, фрагменты из Святого Писания (канонический текст).

Саратовский некрополь «Милочка Шлегель сконч. 27. янв. 1919 г. 3 л. 4 м.», «Здѣсь покоится младѣнѣць Пётр Тихоновъ. Скончался 30 октября 1910 года», «Здѣсь покоится Павелъ Емельяновичъ Калятин, умершій 20-го іюня 1900 года, 79 летъ. Мир праху твоему, дорогой отецъ!», «Здѣсь покоится прахъ из духовнаго званія Ивана Андреевича Смеловскаго. Скончаг. 31 октября 1890. Житія его было 56 л.»;

Брестский, Гродненский, Гольшанский, Плебанский некрополи «Генераль лейтенантъ Александръ Петровичъ Гельмерсенъ директоръ Александровскаго Брестскаго кадетскаго Корпуса Родился 1797 года марта 13-го дня Скончался 1852 года мая 12-го дня соизволеніемъ и милостивымъ соучастіемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА любимому и уважаемому начальнику отъ признательныхъ подчиненныхъ», «Здѣсь покоится прахъ бывшаго кассира Гродненскаго Казначейства Юсифа Викентіевича Гладыша умершаго 9 февраля 1912 г. На 63 году жизни», «З. П. Раба Божая Наталія Кивель 15 декаб. 1919 жила 55 л.».

Другой по степени распространения религии в Беларуси является католицизм. Практически в каждом районе Беларуси имеются католические храмы, старые некрополи. Что касается Поволжья, представители католичества тут появились наряду с лютеранами, в качестве приглашенных специалистов. Хоронили католиков и лютеран также в пределах одного погоста.

Характерными особенностями католических надгробий можно назвать: язык надписей – польский (для территории Беларуси), западноевропейский (английский, французский и т. д.) для Поволжья. Пластическое исполнение – крест на постаменте, стела, обелиск, горизонтальные

плиты, малые архитектурные формы (каплицы-усыпальницы), саркофаг. Среди наиболее распространенных элементов декора использовались небольшая икона Девы Марии или Иисуса Христа, портрет усопшего, изображение растений, цветов, скульптурные композиции (барельефы) с мотивами скорби, бюст покойного, имитация архитектурных сооружений, изображения ангелов. Элементами-символами были: четырехконечный крест, мальтийский крест, «всевидящее око», геральдические символы, символы вечности (песочные часы, крылья).

Архитектоника текста представляет собой следующую формулу: вводная формулировка «S-P», «D-O-M», «Świętej Pamięci», «Tu spoczywa», «Tu leża», «Grób», имя покойного, дата смерти, интерпретация статуса умершего, посвятельная часть, фрагменты из Святого Писания.

Саратовский некрополь «*Militaires français morts en 1812 / Eriçe par la colonie française 1889*», «*Ernest Paul Refregier ne le 3 fevrier 1869 decede le 13 decembre 1901*»;

Гольшанский и Новодворский некрополь «*DOM Piotrowi JANKOWSKUMU zmarlamu 1849 Augusta 10 w 37 roku zyci osirocilo dzieci Stroskana zona*», «*DOM SZANOWNYCH ZWŁOK S. P. ALEKSANDRA MIKULSKIEGO PORUCZNIKA WOYSK POLSKICH I PREZYDENTA P. u LIDZKIEGO OD NAJPRZYWIĄZANSZEJ ZONY KAMILLI Z ORDOW I NAJDCIĘCZNIEJSZYCH DZIECI POSWIĘCONY URODZIŁ SIĘ W R 1797 MAJA 11 Z SZEDŁ Z TEGO SWIATA 1853 R. STYCZNIA 28*», «*Janowi i Annie, Mateuszowi i Elżbiecie, Kazimierzowi i Jozefie, Stanisławowi Marcellemu JAROCKIM wieczne odpocznienie Jam jest Zmartwychwstanie i żywót. Kto w mnie wierzy choćby i umarł żyw bedzie 25 Jana w roz XI Grob rodziny JAROCKICH Zbudowany roku Panskiego 1868 Maja 4 dnia*».

С учетом специфики существования на территории Беларуси на протяжении нескольких веков язык богослужений (которыми являлись русский (для православных) и польский (для католиков) языки) отличались от естественного разговорного языка, что не могло не оставить своего особенного отпечатка на надгробных надписях. Анализ надписей на белорусских некрополях показывает тенденции к проникновению натуральной разговорной речи, что отражается в случаях отступления от стандартов орфографии, фонетики и грамматики [1].

Так, например, в кириллических (русскоязычных) надписях это воплотилось в ненормативном применении отдельных букв **ь**, **и**, **ѣ**, отражении на письме характерного для белорусской фонетики затвердения шипящих **ц** и **р**, «аканья», удвоения согласных, гипернормализмах и пр.

Интересными иллюстрациями взаимопроникновения языковых систем могут быть надписи: «*ЗП / Антон і Марыя Герштанович / ум. 21 Іюля*

1926 г. Жил 72 г.», «В. П. / старший БРАТЧИКЪ АДЛЬФЪ / ГАНУСЕ / ВИЧЬ / УМ. 24 ДЕКАБ. / 1912 г. / на 60 г. жыз. », «Елырионъ Вушыла Жыль 42 г. ум 12 февраля 1907 г.», «Стефанъ Каспаревичъ 1861 Октября 30 дня», «З. П. Антанина Кашалевска Жила 95 лет у. 20 умерла 1916 го», «Олимпіада Мацьвральник Жила 22 г., ум. 5 Мая 1924 г.».

Таким образом, можно говорить о том, что пространство и язык некрополей являются не только источником изучения этнических и языковых процессов, а также отражением национальной и религиозной идентичности погребенного, и позволяют расширить знания о развитии истории и культуры региона и являются своеобразными документами времени.

Библиографический список

1. Муллин И.Р. Некоторые аспекты искусствоведческого анализа памятников татарской мусульманской эпиграфики // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 2. – С. 156–158.
2. Разумова И.А. Некрополь как социальное пространство: функциональные аспекты // Некрополи Кольского Севера: изучение, сохранение, коммуникация. – Мурманск: Мурман. гос. гуманит. ун-т, 2013. – С. 4–16.
3. Konczewska K. Uwagi o polszczyźnie inskrypcji nagrobnych na Grodzieńszczyźnie // Acta Baltico-Slavica. – 2014. – № 38. – S. 68–88.

4. Kornacka-Skwara E. Tożsamość narodowa w świetle przemian kulturowych // Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie, 2011, z. XX. – S. 113–120.

5. Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej : u 2 t. / red. W. Waleczak i K. Łopatecki. – Białystok, 2010. – T. 1. – 404 s.

References

1. Mullin I.R. Nekotorye aspekty iskusstvovedcheskogo analiza pamyatnikov tatarskoj musul'manskoj ehpiigrafiki // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. – 2015. – № 2. – S. 156–158.
2. Razumova I.A. Nekropol' kak social'noe prostranstvo: funkcional'nye aspekty // Nekropoli Kol'skogo Severa: izuchenie, sohranenie, kommunikaciya. – Murmansk : Murm. gos. humanit. un-t, 2013. – S. 4–16.
3. Konczewska K. Uwagi o polszczyźnie inskrypcji nagrobnych na Grodzieńszczyźnie // Acta Baltico-Slavica. – 2014. – № 38. – S. 68–88.
4. Kornacka-Skwara E. Tożsamość narodowa w świetle przemian kulturowych // Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie, 2011, z. XX. – S. 113–120.
5. Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej : u 2 t. / red. W. Waleczak i K. Łopatecki. – Białystok, 2010. – T. 1. – 404 s.

ТЕКСТЫ Е.В. ЧЕСТНЯКОВА
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КОСТРОМСКИХ ГОВОРОВ:
ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

Статья посвящена анализу диалектной лексики кологривских говоров в различных жанрах литературного творчества Е.В. Честнякова, который сейчас известен не только как художник, но и как писатель и знаток народного слова. Энциклопедически широко отразил он богатство народной речи поунженских крестьян конца XIX – первой половины XX веков. На примере литературных произведений разных жанров (сказок, рассказов, пьес, стихотворений и др.) автор статьи рассматривает разные группы лексики, отражающие природу, быт, одежду, традиции, обычаи поунженской деревни. Более подробно в статье анализируются сказки Е.В. Честнякова, в частности, «Чудесное яблоко». Нам удалось показать, что рукописные тексты сказок, хранящиеся в фонде «Документы» Костромского музея-заповедника, содержат больше диалектизмов по сравнению с изданными, подвергшимися редакторской правке. В поэзии Е.В. Честнякова особенно широко отражена лексика природы (барандук, барашки, блянка, брусничка, векиша, зубка, кокушка и др.). Обращаясь к эпистолярным жанрам (письмам, заметкам, воспоминаниям и др.) в литературном наследии Е.В. Честнякова, мы приходим к мысли об избирательном использовании писателем диалектизмов в своих текстах. Произведения Е.В. Честнякова разных жанров служат незаменимым источником сведений о поунженских диалектах в различных аспектах их существования.

Ключевые слова: Е.В. Честняков, литературные жанры, поунженские говоры, диалектизмы.

Творчество Е.В. Честнякова (1874–1961) получило широкую известность в 80-е годы XX века. Е.В. Честняков предстал как самобытный художник, а далее, по мере расшифровки и издания его рукописей, и как писатель, знаток народного языка и фольклора. Большая часть произведений «шабловского мастера» (почти всю жизнь Е.В. Честняков провёл в д. Шаблово Кологривского уезда) сейчас хранится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике и его филиале Кологривском краеведческом музее им. Г.А. Ладыженского. В рукописный фонд Е.В. Честнякова входит 5 рукописных книг, содержащих авторские иллюстрации и рисунки, записные книжки, тетради, отдельные листы с записями, письма и др., всего более 1000 листов. Многие моменты биографии Е.В. Честнякова удалось прояснить благодаря сохранившимся документам, а также рассказам земляков художника. Однако остается еще немало «белых пятен» в истории его жизни и процессе создания литературных произведений, раскрытия основных черт его творческого стиля.

Жанровый репертуар литературного наследия Е.В. Честнякова весьма многообразен: это стихи, поэмы, сказки, рассказы, сказания, пьесы, эссе, письма, воспоминания, философские рассуждения, дневниковые записи, педагогические заметки и др. Многие из них не закончены автором, имеют варианты, исправления, авторские пометки. Т.П. Сухарева, автор-составитель книги «Русь уходящая в небо...» (Материалы из рукописных книг), в вступительной статье к книге отмечает: «В рукописях Е.В. Честнякова есть много незаконченных произведений, начало которых свидетельствует об интересных замыслах. Все эти записи этюдного характера вместе с законченными произ-

ведениями складываются в единое повествование об удивительном, сказочном мире... Не случайно одноименные герои встречаются в разных произведениях Ефима Честнякова, сюжеты переплетаются, варьируются» [14, с. 9].

В литературном творчестве писатель проявил себя в первую очередь как знаток родного кологривского говора и местных обрядов, обычаев, фольклора, борец за продвижение диалектных культурных ценностей в городскую речь образованных. Его также волновали вопросы развития русского литературного языка, который, по его мнению, должен был в большей степени ориентироваться на севернорусскую окающую языковую стихию, язык многомиллионного крестьянства.

В «словесностях», как называл сам Е.В. Честняков свои литературные сочинения, проявились не только любовь и знание народного слова, но и стремление показать его богатство, красоту, выразительные и изобразительные возможности. Сам автор относился к своим литературным произведениям не менее трепетно, чем к живописи. Только в сопровождении литературных сочинений он показывал картины зрителям. Художественное и литературное творчество Е.В. Честняков воспринимал как единое целое. Именно поэтому понять сюжеты его картин гораздо легче после прочтения его текстов.

Е.В. Честняков чаще всего писал свои произведения, широко используя язык крестьян верхнего Поунжья, который был знаком ему с детства и который без труда и без особых стилистических ухищрений мог воспроизвести в произведениях разных жанров (например, в пьесе «Свадьба (Свадьба)» даже ремарки написаны на диалекте [1, с. 183–198]. Однако автор использует диалектизмы только там, где они уместны. В литературных про-

изведениях гражданской и философской направленности, эпистолярного жанра (эссе, философская лирика, письма и т.д.) они отсутствуют.

Широкое использование диалектизмов в текстах не было навязчивой идеей автора, Е.В. Честняков на протяжении всей своей жизни действительно считал, что «живой язык творит селянин, простой мужик». Он был верен своим принципам, четко следовал им, это проявилось и при написании литературных произведений. Именно поэтому мы вряд ли найдем в творчестве других писателей такое изобилие диалектизмов, как у Е.В. Честнякова.

В литературных текстах писатель энциклопедически широко отразил богатство народной речи поунженских крестьян конца XIX – первой половины XX веков. Это и лексика по теме «Природа»: *брусница, валежины, вереск, вискирь, волнуха, калужина, кокушка, кукушечкин ленок, мокретьина, ронжа, сиверуха, сивун, сухара, сыроеха, чапыга, чересполосье, черница, чилик* и др., по теме «Человек»: *батька, баушка, братук, дружска, желаночка, молодаяжка, парнёк, сваха, тятя* и др., лексика, связанная с производственной деятельностью: *вага, вича, гумённый мешок, пестерушка, пестеревья, вилаха, высевки, житница, зарод, изгреби, кострица, кросна, куделя, куколь, кулига, мякинница, мялка, навой, навина, овин, ондреи, отрепи, полоска, рига, седёлко, соломенник, стлице, стожар, угород, швейка* и др., лексика по теме «Пища»: *варево, галанка, испить, крошенина, крупничок* и др., «Обрядовая лексика и лексика народных развлечений»: *беседки, вечерина, гулевать, гульбище, красный стол, сваребьна, сговоры, тальяночка, ходить в кругах* и др., «Бытовая лексика»: *бурак, дрян, зыбка, корчага, кутенка, мост, наседадо, опарница, полати, рогожка, секач, сени, шоптаники* и др. Диалектные глаголы, прилагательные, наречия, служебные слова пронизывают всю ткань его произведений: *баять, вопить, гулевать, казать, изладить, испить, нашибиться, рвать (лён), сулить; баской, дородный; бесперечь, завсегда, али, буде, промеж* и др. Кроме нарицательной лексики Е.В. Честняков достоверно отразил собственные названия (топонимы) близлежащих деревень (*Акатово, Дербин, Бурдово, Хапово, Денюгино, Зеленино, Дуплениха* и др.), речек (*Пеженка, Сеха, Малая Унжа*), ручьев (*Сырь Чернява, Крутецкий ручей, Ломенка*), возвышенностей (*Михайлова гора, Шабала*), урочищ (*Симоново, Воровой, Анюж, Обрящица, Кунаж*) и др. Обращает на себя внимание насыщенность его произведений собственными именами людей, которые до последнего времени были характерны для поунженской деревни. Как правило, это имена в полной и краткой форме, реже фамилии и отчества, но не прозвища (*Парасковья, Грунюшка, Офонька, Офроська, Тит, Титок, Лука, Пестимей, Марковой, Федотья, Митрий, Самойло* и др.). Анализу антропонимов у Е.В. Честнякова

как части диалектной системы кологривских говоров посвящены исследования О.А. Образцовой [5].

Большую часть диалектной лексики, собранной нами и другими исследователями, отражённую в словаре Н.С. Ганцовской «Живое поунженское слово» [1], нам удалось верифицировать полевым способом в начале 2000-х годов, работа в этом направлении продолжается и сейчас.

Наиболее известными широкому кругу читателей в жанровом отношении являются сказки Е.В. Честнякова. Точное количество их неизвестно, но полагают, что их несколько десятков. Наиболее популярны три сказки писателя, которые вышли в 1914 году в издательстве «Медвежонок» и журнале «Солнышко» в Санкт-Петербурге: «Чудесное яблоко», «Иванушко», и «Сергиюшко» [9]. В небольшой книжке в сноске к первой сказке сообщается: «Редакция считает долгом оговориться, что во всех трех сказках сохранен говор крестьян Костромской губ., уроженцем которой они созданы. Редакция находит, что ознакомление детей с местными особенностями русской речи будет небесполезно, т.к. расширит запас знакомых им слов» [9]. Действительно, сказки Е.В. Честнякова буквально пестрят народными словами. Однако если обратиться к рукописным текстам писателя, которые находятся в фонде «Документы» Костромского музея-заповедника, и сравнить их с дореволюционным изданием сказок, мы найдем немало различий, говорящих о том, что редакция внесла значительные правки в авторский текст в сторону уменьшения диалектных слов. Обратимся для подтверждения этого к некоторым фрагментам сказки «Чудесное яблоко». В книге второе предложение звучит так: «*Пошел дедушко в лес дрова рубить и видит: стоит старая-старая яблоня, а на ней большуцее яблоко*». Находим это же место в рукописи: «*Пошел дедушко на Илейно в лес дрова рубить и видит: стоит старая-старая яблоня, а на ней большуцее яблоко с плетушку*» [8, Л. 83 об.]. В этом предложении редакция вычеркнула несколько местных слов и контекстов к ним: *Илейно* – название места, недалеко от деревни Шаблаво, где находились сенокосные угодья и пашни, и *плетушку* – ‘большую плетеную корзину’. Далее *Мне не унести, подумал дедушко* – в книге, а в рукописи: *Что-де мне пожалуй и не унести, подумал дедушко*. В письме к некоему М.Г., датированном примерно 1914 годом, Е.В. Честняков писал, что слово «яблоко» употребляется в местном говоре в мужском роде, как «яблук» и, действительно, в рукописи мы находим: «*Яблук рос не очень высоко и он подошел попробовал на сучке рукой пошевелить ну даже ни-ни....*» [8, Л. 83 об.], в печатном же издании слово употреблено в среднем роде как в литературном языке. Подобные правки касаются всех трех сказок писателя. Редакция, по-видимому, не только заменяла народно-разговорные слова

и их формы общеупотребительными (*пестер* – кузов, *чернишным* – черничным, или – пробовали, потшуют – кормят, *ваши-ти* – ваши-то и др.), но и сокращала тексты. Так, в рукописи имеется более полный вариант сказки Иванушко [8, 79–83 об.].

Позднее эти же сказки Е.В. Честнякова и некоторые другие («Шабловский тарантас», «Сказка о крылатых людях») были напечатаны в изданиях, над которыми работали С.В. Ямщиков [4; 3; 12], а также в периодической печати. В 2011 году вышла книга «Русь, уходящая в небо...». В неё кроме известных ранее сказок вошли новые: «Катеринушка», «Гостевой пирог», «Летучий корабль», «Сказкины женихи», «Шабловские чудеса» и др. В 2012 году некоторые сказки Е.В. Честнякова были изданы в книге «Сказки. Баллады. Фантазии», составителем которой стал Р.Е. Обухов [15].

В сказках писатель широко использует диалектную лексику разных тематических групп. Чаще всего героями сказок Е.В. Честнякова являются крестьяне и крестьянские дети («Чудесное яблоко», «Иванушко», «Сергиюшко», «Катеринушка», «Гостевой пирог», «Шабловский тарантас» и др.). Автор дает диалектные названия не только предметам, но и использует их в речи персонажей, причём это не только существительные, но и непредметная лексика, особенно частотны наречия и служебные слова. Например, в сказке «Катеринушка» диалог бабушки и её внучки Катеринушки звучит так (сохранена орфография и пунктуация автора): – Катеринушка, али в куколки играет?... Ну вот и играйте!.. Да учились бы ткать пояски, голуници вязать... Вот и ладно дево'ньки-ти ходят... Охотнее вам в избушке... А в угородец от поглядывайте... – Мы гледим, баўш, – отвечает Катеринушка с дево'ньками из избушки... И принесла им баўшка лепешек полную плошку – масляная... поставила на окошко: – Еште все... Катеринушка потчуй подружек-то... [14, с. 89]. В сказках Е.В. Честнякова встречаются также наименования мифических существ, которые восходят к народному фольклору: *Лизун*, *Кикимора*, *Суседушко*, *Вихор*. Они имеют свой облик, наделены особыми функциями: следят за порядком в доме и скотном дворе и др. В сказке «Бабушка и внучек» (название дано составителем книги Сухаревой Т.П.) бабушка рассказывает внуку: – [Лизун-от] – в овине... в трубе... за квасницей в гоўбче... Суседушко и кикимора тоже в гоўбче да в подполье... и на подволоке... под подволокой... Домоведушко, кикиморин муж... тоже старый.. оброс весь... маленький... ровно кужельотрепей... И в избе они живут на дворе у скотины... везде ходит... к лошадям... Ежели который лошадей любит – сена подкладывает... да расчесывает... гладит... Кикимора... тоже ходит везде... на наседаде куриц ощипывает... Когда керкают курицы ночью – а это кикимора... А ежели пряжи оставят не благословясь – куделю прядет –

только шорготан стоит... Шур-шур... Я видала сама... И суседушко видала... ночью... никого не было в избе... [14, с. 93].

Особенную выразительность и экспрессию сказкам Е.В. Честнякова придают устойчивые народные выражения *хоть горстями бери* – ‘очень много’, *ходить в кругах* – ‘водить хороводы’, *заболтать блины* – ‘приготовить тесто на блины’, *обыденной чередой* – как обычно, *в зависти нет* – ‘в помине нет, совсем нет’. Писатель часто использует фольклорные выражения, например, со словом *красный*, которые обычно встречаем в русских народных сказках: – *Здорово... здорово красная девица... Где ты старик такую красавицу встретил...* [14, с. 102]. *Встал утром (Тимофеюшко) побежал играть в угородец... День красный...* [14, с. 104]. *И сказали, чтобы каждый день переменять белье все, свежую мытую смену... Шелка носить в красные дни...* [14, с. 111]. *Прощай красное лето...* [14, с. 116]. *А ты бы уж спал там без чувства под снегом до красной весны...* [14, с. 129].

В наиболее известном читателю рассказе «Ручеек» (полная его версия вошла в книгу «Русь, уходящая в небо...») писатель поэтично воссоздает картину бытия маленького ручейка, рассказывая об изменениях в природе и жизни крестьян в течение годового цикла. Кроме обширного пласта природной лексики в этом рассказе широко представлены диалектизмы, связанные с народной духовной культурой, играми и праздниками: *говинье вопить, имать лошадей, беседки, ходить в кругах, имки, шляки, чibaки, Фролы, Спасов день, Афанасьев день* и др.

К центральному произведению в литературном творчестве Е.В. Честнякова можно отнести роман-сказку «Сказание о Стафии – Короле Тетеревином». Исследователи творчества Е.В. Честнякова сходятся в мнении о том, что над этим произведением он работал на протяжении многих лет. В рукописных книгах встречается другое название, то, которое автор планировал дать этому роману – «Летучий корабль». В нем писатель широко использует возможности богатой народной речи, где исключительно разнообразно представлена номенклатура диалектизмов, нередко поданных в фонетическом и грамматическом облике, характерной для поунженской речи.

Увлечение Е.В. Честнякова театром проявилось в написании немалого количества небольших пьес, сценок и драматургических зарисовок. Пьесы «Чудесная дудочка», «Деревенская беседка», «Чивилюшко», «Сватовство» были напечатаны в книге «Живое поунженское слово» [1]. По воспоминаниям земляков, импровизированные спектакли автор устраивал вместе с крестьянскими детьми прямо на улице. Язык этих драматургических постановок образный, яркий, основанный на народной речи. Например, обратимся к диалогу Марьи (М)

и Одарьи (О) в пьесе «Сватовство»: О: *Отколь, Марья, идёшь?* М: *Да, matka, у Фомы сватья. Ты али не знала? Давно уж сидят. Я всё там была. Народу людно пришли глядеть.* О: *Я, матушка, седни не выходила из избы и не слыхала, что за сватья.* М: *Да Пестимей из Глухарёва.* О: *Ну, вот, бают, место хорошо. Что говорят?* М: *До зимы откладывают. Ну, да обо всём переговорили. Тут уж, виднее можно сказать, усватались. Только свадьбу зимой.* **Ватага** плоха, у Фомы работать некому. А к тому лету ребята ихние, Офонька и Евлашка, уж побольше будут [1, с. 185]

Поэзия и проза в равной степени представлены в литературном наследии Е.В. Честнякова. Бытует мнение, что в советское время автор не раз отдавал свои стихи для публикации в кологривские печатные органы, но их не издавали, так как они не соответствовали новой идеологии. Спустя годы, когда имя художника и писателя стало известным, его поэзия была издана в книгах: «Поэзия Российских деревень»; «О живой воде и своей судьбе».

Поэзия Е.В. Честнякова представлена стихотворениями и поэмами. В стихах Е.В. Честняков обращался к таким темам, как природа, деревня, воспоминания о детстве, крестьянский труд и др. Здесь особенно частотны диалектизмы, отражающие наименованиями природного мира (названия животных, растений, ягод, грибов, погодные явления и др.). Приведем в алфавитном порядке некоторые из них, встретившиеся нам в стихах. **Барандук.** Бурундук. *Там тетери и рябки, Филины, барандуки* [14, с. 35]. **Барашки.** Растение первоцвет. *Белы-красленькие кашки Ещe белые барашки...* **Билянка.** Гриб сыроежка. *И смазливый поселянки Девки, белья билянки* [14, с. 53]. **Брусничка.** Брусника. *Ещe кто у нас по ягоды ходил Ещe зрелый куст брусничинаходил...* [14, с. 99]. **Векша.** Белка. *Зайцы, векши, горностаи И дроздов-чиркужей стаи* [14, с. 35]. **Губки.** Грибной нарост на стволе дерева. *На березах то и знай Красны губки и лишай. Бабы их берут себе Красить ниточки в избе* [14, с. 53]. **Кокушка.** Кукушка. *И кокушка будто знала И в лицо не коковала А в затылок – никогда – Будто будем жить всегда* [14, с. 31]. **Комолушка.** Безрогая корова. *и курочки ходят рябушки.. коровы красули, пеструшки.. билянки, седья.. чернушки... с рогами, без рогов комолушки....* [14, с. 99]. В стихах Е.В. Честняков широко использует диалектизмы, связанные с устройством деревенского быта, крестьянской избы, названия одежды, пищи, трудовой деятельности (обработка льна, сенокошение, полеводство и др.) Приведем их примеры в контекстах. *Станет рвать душа красавица ленок Бабки свяжет из соломы поясок...* [14, с. 33]. *Коло нашего двора, Бают воўки ночью были И собаку утащили...* [14, с. 38]. *Дома ваши большаки? – Нет, в засеке мужики...* [14, с. 45]. *Сутажи грибки боринки Кружсева и бусеринки...* [14, с. 46].

И мужики и молодци И братики и все сестрици... [14, с. 45]. *На овине та лежат колосники Да на жниву с квасом носят бураки...* [14, с. 101]. *Теплу печку будет матушка топить Пирогги пекчи да варево варить...* [14, с. 33]. *И вспомним все мы на чужбине: И как гала'нь пекли в овине..* [14, с. 31]. *На мосту стоит кадушка у дверей В кадку ты воды холодныя налей* [14, с. 33]. *Мы бывало в старину Жгли, рубили новину* [14, с. 37]. *Сковородка горячая взанивает... Сковородничек-от стучает... масло шипит...* [14, с. 25]. *Разноцветны сарафаны И рубахи и кафтаны И онучи и штаны И полотна новины* [14, с. 18]. В поэзии Е.В. Честнякова советского периода немало стихов гражданской и религиозно-философской направленности, в них автор использует диалектизмы в отдельных случаях.

Эпистолярный жанр представлен письмами, заметками, воспоминаниями Е.В. Честнякова. Некоторые из них частично были опубликованы в книгах, посвященных творчеству художника и писателя. В фонде «Документы» Костромского музея-заповедника хранится несколько десятков писем, адресованных родственникам, знакомым, лицам, покровительствовавшим Е.В. Честнякову во время его проживания в Петербурге и других местах, и даже в редакцию газет. Язык этих писем напрямую зависит от адресата. Так в письме к Н.А. Абрамовой (супруге кинешемского промышленника) он пишет: «*Многоуважаемая, Наталья Александровна, всегда у меня в мыслях написать о себе Вашему кругу, но затрудняюсь – что писать. Я уже говорил не раз, как неопределенно разбросисто и расплывчато в моих делах... С совершенным к Вам уважением Ефим Честняков*» [6, Л. 1]. Совсем иная тональность его писем к родной сестре Александре: «*Здравствуй сестрица Александра. Письмо мое от ноября, недосланное тогда к тебе, – хранил до твоего приезда, чтобы когда приедешь ко мне, – прочтала бы, а когда приехали без тебя, – послал тебе в Кологрив для прощенья... январь 61*» [7].

Литературное наследство, которое оставил Е.В. Честняков после себя, немалое по объёму и разножанровое по содержанию, служит незаменимым источником сведений о поунженских диалектах в различных аспектах их существования: от бытового просторечия, нейтрального слоя разговорной лексики, близкого к литературному языку до высоких стилистических пластов, которые он находил в обрядово-фольклорном слое говора.

Библиографический список

1. Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с.
2. Игнатъев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. – Кострома: ИПП «Кострома», 1995. – 128 с.

3. *Игнатьев В.Я., Трофимов Е.П.* Мир Ефима Честнякова. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 221 с.

4. Новые открытия советских реставраторов / сост. С.В. Ямщиков. – М.: Сов. художник, 1985. – 140 с.

5. *Образцова О.А.* О русских антропонимах в иноязычной аудитории // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – №2. – С. 240–243.

6. Письмо Е.В. Честнякова к Наталье Александровне // Костромской музей-заповедник. – Фонд «Документы». – КМЗ КХМ КП – 8031. – 2 л.

7. Тетрадь с рукописями Е.В. Честнякова // Костромской музей-заповедник. – Фонд «Документы». – КМЗ ОФ КП – 3698/151.

8. *Честняков Е.В.* Рукописная книга №5 с рисунками // Костромской музей-заповедник. – Фонд «Документы». – КХМ КМЗ КП – 8088. – 221 л.

9. *Честняков Е.В.* Чудесное яблоко; Иванушко; Сергийюшко: сказки и рисунки: для детей младшего возраста. – СПб: Медвежонок, 1914. – 26 отдл.

10. *Честняков Е.В.* О живой воде и своей судьбе: стихи / сост. В. Поваров. – Кострома: Самиздат, 1995. – 676 с.

11. *Честняков Е.В.* Поэзия Российских деревень. Стихотворения. – М., 1982. – 320 с.

12. *Честняков Е.В.* Чудесное яблоко; Иванушко; Сергийюшко // Легенда о счастье: проза и стихи русских художников. – М.: «Московский рабочий», 1987. – С. 336–344.

13. *Честняков Е.В.* Поэзия / вступ. ст. и ред. Р.Е. Обухова. – М.: ЗАО «Издат. дом «Компьютерный аудит», 1999. – 335 с.

14. *Честняков Е.В.* Русь, уходящая в небо... : Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева; отв. ред. Н.А. Дружнева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.– страницы.

15. *Честняков Е.В.* Сказки. Баллады. Фантазии / сост. и коммент. Р.Е. Обухов; вступит. ст. Р.Е. Обухов, М.А. Васильева. – М.: ОАО «Москов. учебники», 2012. – 352 с.

16. *Честняков Е. В.* Сказание о Стафии – Короле Тетеревином: роман-сказка / сост. и автор коммент. Р.Е. Обухов. – М.: Междунар. Центр Рерихов: Мастер-Банк, 2007. – 368 с.

References

1. Gancovskaya N.S. ZHivoe pounzhenskoe slovo. Slovar' narodno- razgovornogo yazyka

E.V. CHestnyakova. – Kostroma: Kostromaizdat, 2007. – 225 s.

2. Ignat'ev V.YA. Efim Vasil'evich CHestnyakov. – Kostroma: IPP «Kostroma», 1995. – 128 s.

3. Ignat'ev V.YA., Trofimov E.P. Mir Efima CHestnyakova. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 221 с.

4. Novye otkrytiya sovetskih restavradorov / sost. S.V. YAmshchikov. – М.: Sov. hudozhnik, 1985. – 140 s.

5. Obrazcova O.A. O russkih antroponimakh v inoyazychnoj auditorii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – №2. – S. 240–243.

6. Pis'mo E. V. CHestnyakova k Natal'e Aleksandrovne // Kostromskoj muzej-zapovednik. – Fond «Dokumenty». – КМЗ КХМ КП – 8031. – 2 л.

7. Tetrad' s rukopisyami E.V. CHestnyakova // Kostromskoj muzej-zapovednik. – Fond «Dokumenty». – КМЗ ОФ КП – 3698/151.

8. CHestnyakov E.V. Rukopisnaya kniga №5 s risunkami // Kostromskoj muzej-zapovednik. – Fond «Dokumenty». – КХМ КМЗ КП – 8088. – 221 л.

9. CHestnyakov E.V. CHudesnoe yabloko; Ivanushko; Sergiyushko: skazki i risunki: dlya detej mladshogo vozrasta. – SPb: Medvezhonok, 1914. – 26 otd.l.

10. CHestnyakov E.V. O zhivoj vode i svoej sud'be: stihy / sost. V. Povarov. – Kostroma: Samizdat, 1995. – 676 s.

11. CHestnyakov E.V. Poehziya Rossijskih dereven'. Stihotvoreniya. – М., 1982. – 320 с.

12. CHestnyakov E.V. CHudesnoe yabloko; Ivanushko; Sergiyushko // Legenda o schast'e: proza i stihy russkih hudozhnikov. – М.: «Moskovskij rabochij», 1987. – С. 336–344.

13. CHestnyakov E.V. Poehziya / vstup. st. i red. R.E. Obuhova. – М.: ЗАО «Izdat. dom «Komp'yuternyj audit», 1999. – 335 с.

14. CHestnyakov E.V. Rus', uhodyashchaya v nebo... : Materialy iz rukopisnyh knig / sost. T.P. Suhareva; отв. ред. Н.А. Дружнева. – Кострома: Kostromaizdat, 2011. – 168 с.– stranicy.

15. CHestnyakov E.V. Skazki. Ballady. Fantazii / sost. i komment. R.E. Obuhov; vstupit. st. R.E. Obuhov, M.A. Vasil'eva. – М.: ОАО «Moskov. uchebniki», 2012. – 352 с.

16. CHestnyakov E. V. Skazanie o Stafii – Korole Teterevinom: roman-skazka / sost. i avtor komment. R.E. Obuhov. – М.: Mezhdunar. Centr Rerihov: Master-Bank, 2007. – 368 s.

ЛЕКСИКА ГОВОРОВ ПОУНЖЕНСКОГО КРАЯ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.М. КАСАТКИНА
И ЕЁ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ

В статье представлен опыт создания областного словаря по материалам произведений И.М. Касаткина, автора многочисленных рассказов о русской деревне и судьбе крестьян. Творческое вдохновение писатель черпал в родных поунженских местах. В текстах его произведений отразились многообразные, географически маркированные диалектные черты северо-восточных костромских говоров. Реалистически точная передача диалектных особенностей поунженской речи в произведениях И. Касаткина даёт основание говорить о его творческом наследии как о достойном материале для лексикографической разработки. Представленные принципы составления словаря, отражающего типичную лексику поунженских костромских говоров по материалам авторского источника, позволяют, с одной стороны, выявить специфику и типологические черты рассматриваемой лексики, с другой стороны, во всей полноте раскрыть значения слов, передать культурно-исторический и этнографический фон, раскрывающий социальный тип и облик народа. Авторские контексты играют роль качественного иллюстративного материала, раскрывающего функционирование трактуемой лексики, лингвистические особенности ее употребления и сочетаемости.

Ключевые слова: И. Касаткин, костромские говоры, диалектная лексика, областной словарь, авторская лексикография.

Современный этап развития русской диалектологии характеризуется значительной активизацией лексикографической разработки словарного состава народных говоров. Создание диалектных словарей, различных по объему, содержанию, исходным принципам, имеет огромное практическое значение, раскрывает словарное богатство русского национального языка и даёт толчок к решению многих теоретических вопросов, способствуя расширению и углублению проблематики диалектно-лексических разработок.

Одним из вопросов, встающим перед создателями диалектных словарей, является выбор источников. Многие исследователи сходятся во мнении, что стремительное изменение диалектных систем, стирание из памяти молодого поколения многих диалектных слов требует привлечения дополнительных данных.

О необходимости использования в качестве источника диалектной лексики художественных произведений авторов, живших на описываемой ими территории, писали многие лингвисты (Т.В. Бахвалова, О.И. Блинова, Н.С. Ганцовская, А.С. Герд, Н.А. Красовская, И.А. Оссоветский, А.Р. Попова, Г.З. Шкляр и др.). Среди несомненных достоинств материалов произведений художественной литературы для диалектной лексикографии исследователи называют следующие: 1) это «бесценный источник для изучения не только национального языка того или иного периода, но и богатейшая база для познания жизни народа в её самых разных проявлениях на одной из ступеней своего исторического развития» [2, с. 6]; 2) они показывают «речевую жизнь диалектного слова» [12, с. 5]; 3) прекрасно иллюстрируют значение лексем, дают дополнительные этнографические и культурные сведения, являются «бесценным источником знаний, который помогает понять, почему возникло то или

иное название» [14, с. 3–4]; 4) в значительной мере могут играть роль справочного материала, раскрывающего особенности говоров определённой территории [8, с. 4]; 5) помогают «уточнить семантику отдельных слов, дополнить словарные статьи некоторых многозначных слов значениями, не зафиксированными словарями» [13, с. 173–174].

В возрастающем интересе диалектологов к материалам художественных текстов исследователи видят тенденцию «сближения диалектной и литературной лексикографии» [12, с. 4], которая проявляется также в подаче полных, развёрнутых толкований слов вопреки традиционному указанию на литературный эквивалент [12, с. 5].

Данная тенденция, на наш взгляд, находит отражение и в создании особого типа словарей, находящихся на стыке диалектной и оформившейся в отдельное направление на рубеже XIX–XX веков, основанной на отражении языка писателей, авторской лексикографии. В таких диалектных авторских словарях представлена областная лексика произведений писателей, близких к документально точному изложению материала, полно и достоверно отразивших в своём творчестве язык, быт и культуру жителей определённого региона. В качестве примеров словарей такого типа можно назвать «Мир орловского крестьянина в лексикографическом представлении (на материале произведений И. Вольнова)» [2], «Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» [8].

В таком словаре гармонично сочетается ценность областного словаря, который помогает выявить специфику и типологические черты лексики определённой территории, и информативность литературного словаря, позволяющего во всей полноте раскрыть значения и оттенки лексических единиц, передать культурно-исторический и этнографический фон.

Ценным источником для изучения лексического состава костромских говоров является творческое наследие И.М. Касаткина, автора многочисленных рассказов о русской деревне и судьбе крестьян. И.М. Касаткин – выходец из бедной крестьянской семьи, уроженец д. Барановицы Кологривского уезда Костромской губернии. Творческое вдохновение писатель черпал в родных поунженских местах, в большинстве рассказов именно о них он вёл своё повествование.

Этнокультурная специфика описываемого региона передаётся И. Касаткиным, в первую очередь, на лексико-фразеологическом уровне. На страницах рассказов мы встречаем предметную и непредметную диалектную лексику различной частеречной принадлежности, передающую колорит речи поунженского крестьянина: служебные слова (*альбо, альни, инда, поколь, буде, -де, окромя, супротив* и др.), знаменательную нарицательную лексику широкого тематического диапазона. Широко и объёмно в количественном отношении, во всём богатстве семантических, деривационных и ареальных связей представлена в произведениях И. Касаткина терминологическая лексика и лексика повседневного употребления. В этом плане надо отметить следующие тематические группы: ТГ «Сплав»: *барка, вожжевая, гребь, кнехт, кошма, лот, льяло, пухина, шалман, шеймаи* др.; ТГ «Человек»: *гляделки, долонь, баба, молодуха, тятька, вахлак, колокольник, тамойка* и др.; ТГ «Пища»: *берёзовица, кокорка, приварок, сбитень, сычуг, напереться, позоблить* и др.; ТГ «Жилище и хозяйственные постройки»: *жило, зимница, клеть, овин, притулье* и др.; ТГ «Предметы быта»: *бурак, долбня, заслонка, зыбка, крынка, корчага, окорёнок, пестер, подоиница* и др.; ТГ «Одежда»: *армяк, кацавейка, онуча, поддёвка, подпояска, сибирка, чапан, чуйка* и др.; ТГ «Природа»: *выскирь, куколь, осокорь, сухара, чапыжник, сиверко, сутемки* и т.д. Лингвистическая энциклопедичность произведений И. Касаткина проявилась и в отражении состава и особенностей функционирования в поунженских говорах личных имён собственных (*Епишка, Костюнька, Левонтий, Фонасий, Гришук, Моська, Силашка* и др.) и прозвищ (*Гнузд, Скворчик, Чемиза, Пыжик, Уключка*). Необычайно выразительны в рассказах И. Касаткина местные устойчивые выражения, отражающие важнейшие стороны исторического прошлого крестьян поунженских деревень и специфику повседневного существования (*ещё черти в кулачки не бьются; крепи гашиник, медвежьим ладом, на другой колодке плетёны; одна назола, один разор, пришло узло к гузну, не рука, разлиули-малина, почём сотня гребёшки* и др.).

На основании материалов произведений И.М. Касаткина нами подготовлен словарь диалектных слов и фразеологических оборотов костромских северо-восточных говоров. Словарь

отражает лексику территориально ограниченного социума, с точки зрения полноты представленного лексического материала он является дифференциальным. Как и большинство современных лексикографов, признающих важность этнолингвистического подхода, мы придерживаемся принципа дифференциальности в широком смысле, стремясь отобразить в словаре в максимальном объёме систему характерной для края лексики. Так, например, слова *барка, изба, дом* были введены в состав словника (хотя они и фиксируются словарями литературного языка). Такая позиция обоснована тем, что смысловое наполнение лексем в литературном языке гораздо шире общего с ней слова говора, развивающего особые специализированные значения и оттенки, связанные с внеязыковой действительностью: особенностями крестьянского быта, видами хозяйственной деятельности. Кроме того, как отмечал А.С. Герд, игнорирование общерусских слов «неизбежно приведет к искажению картины словообразования не только на уровне морфем, но и на уровне моделей и вариантов» [5, с. 43].

Что касается литературного просторечия, квалифицируемого современными лингвистами как маргинальная особенность языка, пограничной между кодифицированным литературным языком и диалектами, то определение его границ представляет определённые трудности. Они объясняются «причинами генетического порядка, историческими связями просторечия с народными говорами» [1, с. 105]. Мы посчитали целесообразным включение в словарь наиболее частотных, передающих колорит крестьянской речи просторечных единиц, в том числе входящих в так называемое литературное просторечие.

Также в состав словника были введены слова, в грамматической парадигме которых обнаруживалось отклонение от норм литературного языка (например, нетипичное образование множественного числа: *волосья, дырья*; совершенного вида глаголов: *заскучиться, обзариться, обсказать*; несовпадение грамматической категории рода: *яблонь* (м.р.) и под.) с целью разностороннего описания говоров, в том числе и их специфики в области морфологии.

Широко представленная И. Касаткиным атрибутивная, глагольная, адвербиальная диалектная лексика также вошла в словарь. Нашли отражение в нём и устойчивые сочетания, слова незначительных частей речи. Личные и коллективные прозвища мы включили в состав словника, поскольку они являются неотъемлемой частью живой народной речи, зачастую содержат диалектные корни и дают представление об этноязыковой и лингвогеографической специфике региона. Таким образом, словарь содержит характерную для края лексику и фразеологию, отражая языковые особенности северо-восточных костромских говоров сквозь приз-

му богатых, информативно насыщенных авторских контекстов, способствующих воссозданию той атмосферы сельской жизни, в которой бытуют живые слова.

Далее изложим основные позиции лексикографической обработки лексики: структуру словарной статьи и принципы формирования её зон.

Заглавное слово снабжено ударением (там, где возможно его идентифицировать по другим источникам). Имена существительные даются в форме именительного падежа единственного или множественного числа (если существительное употребляется только в форме множественного числа), указывается род существительного. Имена прилагательные представлены в форме единственного числа мужского рода именительного падежа. Глаголы приводятся в неопределенной форме. При неизменяемых частях речи указывается их частеречная принадлежность. Фразеологические единицы и устойчивые словосочетания располагаются в словаре по грамматически опорному компоненту.

Толкование слова является важнейшей задачей диалектных словарей. Сложившиеся в диалектной лексикографии принципы объединения в областном словаре черт словаря филологического, переводного, толкового, исторического и энциклопедического находят отражение в способах и методах семантической разработки слов в нашем словаре. Мы стараемся дать развёрнутые определения, вскрывающие константные и дополнительные признаки значения, отразить в толковании слов понятийный и реальный компоненты значения, а также внутриязыковые связи и отношения лексем. Лексическое значение слова формулируется главным образом исходя из контекстов произведений И. Касаткина с учётом литературы по краеведению и этнографии костромского края, данных живых поунженских говоров. В случаях, если имеется несколько слов с тождественным значением, используется формула «то же, что». Суффиксальные образования имён существительных могут объясняться с помощью формул «Ласк.к», «Уменьш.к». Каждое значение многозначного слова имеет порядковый номер. Последовательность в расположении значений определяется логическими, генетическими связями или частотностью употребления. Оттенки значений помечены символом ~.

Иллюстрации из произведений И.М. Касаткина приводятся в максимально возможном количестве. Для этого мы использовали наиболее полное из имеющихся в настоящее время изданий рассказов писателя [10]. Нами было найдено несколько рассказов И. Касаткина, отсутствующих в данном сборнике. Они были опубликованы в журнале «Волга» в 1970 году по материалам периодического издания 1908 года «Судоходец» [9]. При иллюстрациях данные источники обозначаются соответственно цифрами 1 и 2, после чего следует

название рассказа и номер страницы издания, из которого взята цитата.

Далее предполагается отдельно выделенная зона дополнительной информации – комментирующая часть, в которой содержатся данные о наличии представляемой лексемы в других лексикографических источниках, а также материал для сравнения, если обнаруживаются какие-либо несоответствия в фонетическом облике, грамматическом оформлении или значении лексем. Данные сведения помогают, с одной стороны, верифицировать лексику рассказов И.М. Касаткина, доказать, что это не авторские неологизмы, а реально существующие языковые факты, с другой стороны, показать географию слова, смысловые приращения, особенности его грамматического и фонетического оформления в северо-восточных костромских говорах. Списком здесь перечисляются словари, в которых форма и значение слова совпадают с представленными у И. Касаткина. Если обнаруживаются какие-либо расхождения, то предлагается информация для сравнения данных писательского источника с материалами других словарей. Здесь же к отдельным словам, ярким маркерам исследуемой территории, отражающим типологические и этнолингвистические особенности поунженских говоров, после знака // дается историко-этнографический, культурологический, этимологический комментарий.

Проиллюстрируем описанные выше принципы подачи диалектной лексики несколькими словарными статьями, отражающими слова различной частеречной принадлежности:

Али и аль, союз разделительный. Или. Кто их знает: были дочери али нет? (1-С доукой, 168); Да ежели бы конфету, аль бы пряник Ганьке, чтоб водился с девкой, как быть надо (1-Тимофей Жвака, 206).

СРНГ: т. 1, с. 234; Даль: т. 1, с. 55. КрКОС: с. 16; ЖПС: с. 14.

// Архаический союз, входящий в общеславянский лексический фонд.

Альбо, союз разделительный. Или, либо. Поразундай в городе и опиши...Может, в спитательный, альбо в ученье какое, хоть двоих-то... (1-Путь-дорога, 238).

СРНГ: т. 1, с. 244; Даль: т. 1, с. 55; КрКОС: с. 16.

// Слияние союза аль с энклитикой. В различных вариантах союз функционирует в языках всех славянских групп. В русском литературном языке вышел из употребления: с XVIII века не используется в художественной литературе.

Большак, м. 1. Хозяин дома, глава семьи. Это тот самый Костюнька, у которого на мельнице задало отца; в доме он теперь за большака (1-Петрунькина жизнь, 118); В эту зиму и мать начала пропадать из дому. Вставала, когда в избе ещё темно, топил печь, кормила Анку грудью, потом

пеленала её и уходила работать, оставляя Петруньку за **большака** (1-Петрунькина жизнь, 220). ~ Муж. **Большак-то мой, как открылась тогда эта война самая, ушёл, да с того часа и не пишет, ровно камень в воду...**(1-Петрунькина жизнь, 229); **2. во мн. ч.** Взрослые, трудоспособная часть населения. *По будням дома только старьёй да мальёй: большаки все в поле, иные там и ночуют* (1-Петрунькина жизнь, 118). **3.** Большая проезжая дорога, тракт. *Твёрдо выстуная по большаку, он то и дело азартно сбивает шапку с вспотевшего лба и расплывается в своих думах, подобных медленным волнам* (1-Путь-дорога, 244); *Робкий Панкрат задолго сходил с большака в сторону и ждал, пока пройдёт это разнообразное сборище людей, окружённых солдатами* (1-Петрунькина жизнь, 249).

СРНГ: т. 3, с. 86 (только в 1 знач.); СГРС т. 1, с. 143 (только в 1 знач.); ЯОС: т.2, с. 12 (только в 1 знач.); СГКЗ: с. 28 (представлены 1 и 3 значения).

Вёдреный. Ясный, солнечный, недождливый (о погоде). *Вот тоже говорят, ежели осень такая-то вёдреная, скажем, то лето-де будет урожайное* (1-Осенний ветер, 147).

СГРС: т. 2, с. 40; ТСАГ: с. 48; ЖПС: с. 20. Ср.: СРНГ: *выросший в ясную, солнечную погоду* (Урал): т. 4, с. 93; ЯОС: **вёдры** (ясная погода), т. 2, с. 51.

Где-ниги, нареч. В каком-либо неопределённом месте. *Выйдет где-ниги, изогнётся это тебе и узлом и всяко, на все манеры, да-а и опять в землю, и конца-краю нет ему* (1-Лесосека, 112). – Ты, Ганька, гляжу я, спишь **где-ниги**, а? *Покатай Серёжу, возьми...* (1-Первопутук, 272). *Тиф. Слово-то какое, со свистом... Конечно, это чудно, но оно похоже и на чих овцы, когда она пыли наглотаётся и перхает где-ниги на припёке* (1-Записи Хоркина, 304).

В данном виде слово в лексикографических источниках не представлено.

Грёбь, жс. Рулевое управление на носу барки. *«Ге-гей, команда!» – зычно закричал с другого конца барки Мухин. – «Носовые – на грёбь, кормовые – травы лота!»* (1-На барках, 39). *На носу со скрипом заработала влево грёбь; на корме гулко зафыркал по кнехту канат спускаемого лота.* (1-На барках, 39).

СРНГ: т. 7, с. 128.Ср. СГРС: *рулевое весло на плоту:* т. 3, с. 127; ЖПС: *рулевое управление у плота:* с. 25.

Жеделяга, жс. Размякшая от воды земля, слякоть. *На пригорках мурава так и прыснула щёткой. Но в лощинах ещё грязь, жеделяга, из грядок на огороде ногу не вытащишь, гумно взбухло пирогом* (1-Силантьёво детство, 80).

Ср.: СРНГ: **жидель:** т. 9, с. 168; СГРС: **жедель:** т. 3, с. 348.

Зáраз, нареч. Тотчас, в тот же момент, сейчас. *«Сыграни, друх, зараз!» – взмолился Елифан, дёргая бородку. – Вдарь, брат, для души!»* (1-На барках, 31); *Зря упираешься. Шёл бы зараз, а? Житьё до-*

брое, и притом же... Подумаешь?.. (1-Лесосека, 115); *Ехали, значит, мимо, а на улице нелюди-мо. Вы смекнули, да зараз к шведу и завернули!* (1-Осенний ветер, 150); *«А ежели что, коли ладно там будет, пиши!» – выкрикивал один. – Вот те крест, не сробею, зараз двинусь! Тоже, как ты, продам домишко – и айда!»* (1-Петрунькина жизнь, 226); *«Все приходите, – разрешает Сёмка. – Я зачну говорить, а вы вот так руки подымать будете. Зараз совет и откроем. Я буду председатель»* (1-Галчата, 309).

СРНГ: т. 10, с. 376; СГРС: т. 4, с. 171; ЖПС: с. 32; Ср. СГКЗ: *сразу, за один приём:* с. 126.

Крепи гашник. 1. Клич-вызов задира в словесной перепалке перед кулачным боем. **Крепи гашник... гашник крепи, суконная харя! Дух вышибать будем, чё-орт!..** (1-На барках, 28). 2. Ничего не получишь, не рассчитывай получить. *Подаст, держись... крепи гашник!* (1-Силантьёво детство, 94).

// Гашником называется пояс, который продевается в верхнюю часть штанов для их подвязывания (СРНГ: т. 6, с. 155; ЯОС: т. 3, с. 71; КрКОС: с. 79. Ср.: СГРС: **гачник:** т. 4, с. 93).

Особенность верёвочного пояса, созданного из подручного материала плохого качества, способного оборваться в самый неподходящий момент, создаёт в говоре ассоциацию, положенную в основу устойчивых сочетаний. Ср.: Даль: в борьбе: *рад бы вперёд подался, да гашник оборвался; и рад бы не поддался, да гашник оборвался:* т. 1, с. 327.

Мухрастый. Тёмно-рыжий, гнедой (о масти лошадей). *Лошадёнки, мухрастые вятки, понурились, парят ноздрями, носят боками – отдыхают* (1-Лоси, с. 181).

Ср.: СРНГ: **мухортый, мухорчатый** (Урал., Забайкал., Сиб.): т. 19, с. 39; Даль: **мухортый:** т. 2, с. 306.

Огóревать. Приобрести, получить что-либо с большим трудом. *«Полно, Семён! – говорит кто-то. – Кто знает, может, не хуже житьё себе огоревашь, как говорится»* (1-Петрунькина жизнь, 226).

СРНГ: т. 22, с. 343; ЯОС: т. 7, с. 31; Дилакторский: с. 313.

Пёстер, м. Берестяной короб в виде ранца для переноски на спине разной поклажи. *Большая артель микулинцев, с пестерами, пилами и рубанками на спинах, провожаемая бабами и ребятишками, покидала в этот день село, уходила на заработки* (1-Село Микульское, 141); *На сходнях сгрудилась и галдит артель плотников с пестерами на спинах и с билетами в зубах, застрявшая между тарантасом и бочками* (1-Дуныша, 197).

СРНГ: т. 26, с. 309; ЯОС: т. 7, с. 101; Дилакторский: с. 358; СГКЗ: с. 277.

// Заимствование, предположительно, из мерянского источника. Г.Г. Мельниченко отмечает, что варианты пестер, пестерь, пестёрка распростра-

нены в зоне новгородской колонизации, тогда как варианты пехтер, пехтерь, пещер, пещерь – в зоне кривичской колонизации.

По, *предлог*. Употребляется с сущ. в вин. пад. с целевым значением. *А в ней прописано, что я обязан явиться по свою супругу и по новорожденных, значит...* (1-Мужик, 48); *А ко мне вот от доктора бумага. По супругу еду* 1-Мужик, 51); *Семка, айда завтра в Ошмятихуно грибы* (1-Галчата, 309); *Еще, помню, мальчонкой с батькой по рыбу ездил...* (1-С доукой, 161).

СРНГ: т. 27, с. 180 (без указания на распротр. в костр. говорах); ЖПС: с. 63.

// Объектно-целевые конструкции с предлогом *по* были общерусским фактом в языке XVII века. В настоящее время в сочетании с одушевлёнными существительными свойственны говорам северо-восточных территорий.

Рожо́ный. Ласковое обращение женщин к сыновьям и близким к ним по возрасту юношам. *В городе, рожоный, в городе* (74,9). «**Рожоный мой, опиши!**» – слезливо встревала вдова Козлиха, тёмная, высохшая, будто щепка. (238,7); *Нельзя, рожоное моё, нельзя...* (17,3); «Дитятко ты моё-**орожоное**...» – стараясь подражать матери, говорил Стёпка; (18,8). Свихнули тебе ноженьки-то, **рожоное** ы моё... (23,3); *Нет, рожоное моё...* Спи... спи... (225,4).

Ср.: СРНГ: *ласковое обращение*: т. 35, с. 150; ЯОС: *родной, милый, желанный*: т. 8, с. 136.

Тамо́йки, *мн.* Прозвище жителей лесных деревень в верховьях Унжи, которые вместо «там» говорят «тамой». *Настоящий колокольник всегда заряжен яркой ненавистью к «лешим тамоикам» – мужикам, верховым сгонщикам плотов и барок, перехватывающим работы, на которых выросла Колоколиха и живёт, извёртываясь с хлеба на квас* (1-На барках, 24).

Ср.: СРНГ: *заволжских жителей зовут тамоиками, потому что они говорят тамое вместо там*: т. 43, с. 258; Воронцова: *прозвище жителей части Костромской губернии, находившейся в нижнем течении р. Волга*: с. 316.

Шитик, *м.* Личное прозвище. «Не, братан, стой, ядрёна муха!» – навязчиво, точно козёл, дребезжал Прохор **Шитик**, малоземельный безлошадник. Росту он был небольшого, точно катышек, голову же имел обширную, лицо курносое и злое, в крупных корявинах (1-Село Микульское, с. 120).

// По-видимому, прозвище дано по ассоциации с речным судном – *шитиком* (Даль: *волж. Мелкое речное судно, крытое округлою палубою, как тихвинки; сиб. Лодка с нашивами, набоями, с нашивыми бортами*: т. 4, с. 427).

Таким образом, составляемый нами областной авторский словарь, содержащий лексику однородного по языковым и этническим характеристикам региона (северо-восточной части Костромской

области в районе р. Унжи), позволяет наглядно представить специфику поунженских костромских говоров, а также вносит важные дополнения и коррективы в их изучение. Использование различных подходов к разработке смыслового содержания слов: филологического объяснения и энциклопедического толкования; стремление дать в словаре подробные сведения о жизни, быте, культуре региона; расширение энциклопедического толкования лексем через введение этнографического, исторического, культурного, этимологического и ареального комментария даёт определённое представление о прошлом лексикографируемых территорий в плане их глотто- и этногенеза.

Библиографический список

1. Балахонова Л.И. К вопросу о статусе просторечной и диалектной лексики // Вопросы языкознания. – 1982. – № 3. – С. 104–110.
2. Бахвалова Т.В., Попова А.Р. Мир орловского крестьянина в лексикографическом представлении (на материале произведений И. Вольнова). – Орёл: ОГУ, 2010. – 240 с.
3. Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. – М.: АСТ-Пресс, 2011. – 448 с.
4. Ганцовская Н.С., Горлова Т.В. Источники изучения севернорусских говоров: рекреационные топонимы уездного костромского города // Севернорусские говоры. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2016. – № 15. – С. 233–239.
5. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб.: Наука, 2005. – 457 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 1-4. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
7. Дилакторский П.А. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / ред. А.И. Левичкин, С.А. Мызников. – М.: Наука, 2006. – 684 с.
8. Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с. (ЖПС).
9. Касаткин И.М. Филиппыч. Дурные сны. Ледолом. Томление // Волга: литературно-худож. и общественно-политич. журнал. – Саратов: Приволжское книжн. из-во, 1970. – № 10. – С. 152–164.
10. Касаткин И.М. Мужик / сост. Н.М. Солнцева. – М.: Советский писатель, 1991. – 382 с.
11. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома, 2006. (КрКОС)
12. Кудряшова Р.И., Брысина Е.В., Супрун В.И. Современная диалектная лексикография: проблемы и тенденции развития // Известия ВГПУ. – 2005. – № 3. – С. 3–10.
13. Курносова И.М. Произведения А.И. Эртеля как объект лексикографии // Труды института линг-

вистических исследований / отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2008. – Т. IV, ч. 3. – С. 168–176.

14. Лутовинова И.С. Слово о пище русской. – СПб., 2005. – 288 с.

15. Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка. – 2-е изд. – М., 2012. – 510 с.

16. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – XXXI. – 512 с. (СГКЗ)

17. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. – Т. 1–6. – Екатеринбург, 2001–2014. (СГРС)

18. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – Т. 1–50. – М.; Л./СПб., 1965–2017. (СРНГ)

19. Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии / сост. А.В. Костров. – Кострома: Фабрика сувениров, 2015. – 308 с. (ТСАГ)

20. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.

21. Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. – Вып. 1–10. – Ярославль, 1981–1991. (ЯОС)

References

1. Balahonova L.I. K voprosu o statusе prostorechnoj i dialektnoj leksiki // Voprosy yazykoznanija. – 1982. – № 3. – S. 104–110.

2. Bahvalova T.V., Popova A.R. Mir orlovskogo krest'yanina v leksikograficheskom predstavlenii (na materiale proizvedenij I. Vol'nova). – Oryol: OGU, 2010. – 240 s.

3. Voroncova YU.B. Slovar' kollektivnyh prozvisch. – M.: AST-Press, 2011. – 448 s.

4. Gancovskaya N.S., Gorlova T.V. Istochniki izucheniya severnorusskikh govorov: rekreacionnye toponimy uездnogo kostromskogo goroda // Severnorusskie govory. – SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2016. – № 15. – S. 233–239.

5. Gerd A.S. Vvedenie v ehtnolingvistiku: kurs lekcij i hrestomatiya. – SPb.: Nauka, 2005. – 457 s.

6. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. – Т. 1–4. – М.: OLMA-PRESS, 2001.

7. Dilaktorskij P.A. Slovar' oblastnogovologodskogo narechiya. Po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 g. /

red. A.I. Levichkin, S.A. Myznikov. – М.: Nauka, 2006. – 684 s.

8. Gancovskaya N.S. ZHivoe pounzhenskoe slovo. Slovar' narodno-razgovornogo yazyka E.V. Shestnyakova. – Kostroma: Kostromaizdat, 2007. – 225 s. (ZHPS).

9. Kasatkin I.M. Filippyeh. Durnye sny. Ledolom. Tomlenie // Volga: literaturno-hudozh. i obshchestvenno-politich. zhurnal. – Saratov: Privolzhskoe knizhn. iz-vo, 1970. – № 10. – S. 152–164.

10. Kasatkin I.M. Muzhik / sost. N.M. Solnceva. – М.: Sovetskij pisatel', 1991. – 382 s.

11. ZHivoe kostromskoe slovo. Kratkij kostromskoj oblastnoj slovar' / sost. N.S. Gancovskaya, G.I. Mashirova; отв. red. N.S. Gancovskaya. – Kostroma, 2006. (KrKOS)

12. Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. Sovremennaya dialektnaya leksikografiya: problemy i tendencii razvitiya // Izvestiya VGPU. – 2005. – № 3. – S. 3–10.

13. Kurnosova I.M. Proizvedeniya A.I. EHrtelya kak ob'ekt leksikografii // Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij / отв. red. N.N. Kazanskij. – SPb.: Nauka, 2008. – Т. IV, ch. 3. – S. 168–176.

14. Lutovinova I.S. Slovo o pishche russkoj. – SPb., 2005. – 288 s.

15. Samotik L.G. Leksika sovremennogo russkogo yazyka. – 2-е изд. – М., 2012. – 510 с.

16. Gancovskaya N.S. Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi. – Kostroma: KGU; М.: Knizhnyj Klub Knigovek, 2015. – XXXI. – 512 s. (SGKZ)

17. Slovar' govorov Russkogo Severa / pod red. A.K. Matveeva, M.EH. Rut. – Т. 1–6. – Ekaterinburg, 2001–2014. (SGRS)

18. Slovar' russkikh narodnyh govorov / gl. red. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov. – Т. 1–50. – М.; Л./СПб., 1965–2017. (SRNG)

19. Tolkovyj slovar' «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии / сост. А.В. Костров. – Кострома: Фабрика сувениров, 2015. – 308 с. (TSAG)

20. SHeStakova L.L. Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'. – М.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2011. – 464 s.

21. YAroslavskij oblastnoj slovar' / pod red. G.G. Mel'nichenko. – Vyp. 1–10. – YAroslav', 1981–1991. (YAOS)

Князева Елена Георгиевна

доктор филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
helen_27@mail.ruСВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЯЗЫКА
РАССКАЗА А.И. КУПРИНА «КУСТ СИРЕНИ»

Автор статьи отмечает широкий тематический диапазон раннего творчества А.И. Куприна и обращается к рассказу «Куст сирени», подчеркивает многомерность и смысловую насыщенность этого небольшого произведения, выявляет особенности изображения писателем семейной темы. Используя различные методы филологического анализа текста, автор статьи исследует самые интересные художественные находки писателя, показывая столкновение эмоциональных тональностей, знаковые повторы, своеобразное использование фразеологизмов. А.И. Куприн представляет читателю приоритеты и ценности своих героев, выявляет «рецепт» счастливой семейной жизни.

Ключевые слова: А.И. Куприн, семейная тема, реализм, изобразительный и выразительный реализм, сюжет, психологизм, субъектно-речевой план, многомерность художественного текста.

Рассказ А.И. Куприна «Куст сирени» впервые был опубликован в киевской газете «Жизнь и искусство» в 1894 году. Небольшой по объему, но глубокий и очень жизненный, рассказ является одним из шедевров раннего творчества писателя. Примечательно, что в этом произведении как бы совмещаются и элементы литературной традиции, и новаторский, индивидуально-авторский подход писателя к выбранной теме.

Нельзя не отметить, что для А.И. Куприна, особенно в ранний период творчества, был характерен большой тематический диапазон, обусловленный, во-первых, личными впечатлениями и собственным опытом писателя, во-вторых, ориентацией молодого автора на достижения русского реализма XIX века. Собственные впечатления о непростой армейской жизни нашли реализацию в военных рассказах писателя: «Дознание», «Ночлег», «Ночная смена», «Поход» и др., в повести «Поединок». Сложностям жизни и опасностям буржуазной цивилизации, стирающей уникальность человека, безжалостно раздавливающей его, ненасытно пожирающей человеческие жизни, посвящена повесть «Молох». Впечатления от службы на Волыни оказались воплощенными в «полесском цикле» писателя.

Родившийся в 1870 году, А.И. Куприн оказался современником крупнейших русских писателей XIX века, и, разумеется, он ориентировался на традиции русской классической литературы. Однако на фоне общих тем и мотивов в жизненных историях А.И. Куприна было много нового, перед нами появился другой герой, герой рубежа XIX–XX веков, часто это был маленький человек, оказавшийся в замкнутом круге неурядиц и порочного устройства действительности.

Прежде чем обратиться собственно к филологическому анализу рассказа «Куст сирени», отметим, что отчасти он перекликается с жизненной неудачей самого Куприна, мечтавшего поступить в Николаевскую академию Генерального штаба. То ли из-за инцидента в Киеве, то ли из-за неудачной сдачи экзаменов в Петербурге, Куприн не был

принят в академию. «Как бы там ни было на самом деле, небесный покровитель Александр Невский не захотел, чтобы Куприн стал офицером Генштаба. Мы-то знаем почему, но Куприну-то каково было!», – пишет В.Д. Миленко. Исследовательница отмечает, что Куприн очень сильно переживал, задумывался даже о самоубийстве: «Еще целый год наш герой оставался в полку, не решаясь уйти в запас. Когда вера в себя растоптана, не до перемен, проще плыть по течению. Единственное, что согревало, – воспоминание о том, как в столице он нанес визит в “Русское богатство”. Наверное, это было эффектно: молодой красавец в форме, прямо Лермонтов в редакции “Отечественных записок” или Толстой в “Современнике”. <...> Куприн, как видно, уже тогда остро чувствовал “жареные темы”, потому что написал рассказ “Дознание” о публичной порке рядового за кражу. И попал в нерв общественных дискуссий того времени о недопустимости телесных наказаний» [3].

В рассказе «Куст сирени» Куприн обращается к теме семейной, показывает, как благодаря чуткости и находчивости своей жены Веры молодой небогатый офицер Алмазов не просто удачно сдает все экзамены в Академии генерального штаба, но выпутывается из фактически безвыходного положения с последним, самым сложным экзаменом – практической работой – инструментальной съемкой местности.

Сюжет рассказа прост, но занимателен. При подготовке плана местности поручик Алмазов ставит на нем жирное пятно, которое удачно зарисовывает, изображая кусты. Профессор, хорошо знающий местность, убеждает поручика в том, что там не может быть кустов. Алмазов возражает и пытается отстоять свою правоту. Профессор и сам Алмазов договариваются проверить факт наличия кустарников на местности на следующий день, таким образом, поручик фактически оказывается в шаге от провала. Ситуацию спасает его жена: она закладывает в ломбард все свои драгоценности, на вырученные деньги супруги нанимают садовника, рабочие сажают в нужном месте кусты сирени.

И вместо решительного провала поручик после встречи с профессором оказывается на коне.

Однако конкретный случай из жизни Алмазова и его жены рассказан Куприным так, что перед читателем предстает не только живая картинка взаимоотношений двух людей, но и модель гармоничной, счастливой семьи. На самом деле, образцов семейного счастья даже в классической русской литературе не так уж много. Даже в одноименной повести Л.Н. Толстого «Семейное счастье» автор рассуждает о разных этапах в жизни семьи, женщины, о смене любви-страсти, любви-увлечения любовью-привязанностью и любовью-уважением: «С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положил начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я еще не прожила в настоящую минуту» [6, с. 320].

Жанровые особенности не позволяют Куприну представить в рассказе «Куст сирени» какие-либо стороны и грани чувств супругов Алмазовых, впрочем, у автора и нет такой задачи. Писатель показывает нам цельное и сильное чувство героев, основанное на понимании, жертвенности, взаимных уступках, умении переживать вместе все печали и радости.

Е.Б. Тагер отметил, что в начале XX века «внутри реалистического искусства объективно-изобразительный план произведения не исчезает, а как бы подчиняется главной задаче художника, его экспрессивному замыслу» [5, с. 323]. В рассматриваемом нами рассказе значимыми оказываются выразительные детали и подробности, позволяющие писателю представить мир семьи.

Рассказ начинается с описания внешнего вида героя, с которым, как понимает его супруга, «произошло очень большое несчастье» [2, с. 73], а заканчивается описанием большой и взаимной радости. Автор стремится показать читателю, что эта радость – вознаграждение героев за труд и терпение, за упорные страдания и честность.

Образ «несчастья» в начале рассказа соотносится с мрачной фигурой самого Алмазова. Писатель трижды повторяет о злости героя: он говорит не о злости, как о плохом качестве и озлобленности, но о злости как эмоции: «Потом он выпустил из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, а сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами» [2, с. 73]. Все к черту пошло!.. Всю эту дрянь, – и он злобно ткнул ногой портфель с чертежами» [2, с. 74]. «Во все время разговора он вытаскивал из стоявшей перед ним пепельницы горелые спички и ломал их на мелкие кусочки, а когда замолчал, то с озлоблением швырнул их на пол» [2, с. 75]. В сочетании с резкими и порывистыми действиями героя (бросился, хрустнув, ткнул ногой, ломал, швырнул) это упо-

минание о злости показывает степень отчаяния поручика.

Поведение Веры в данной ситуации противопоставлено поведению Алмазова. Известие о неудаче мужа ни в коей мере не рождает в сердце Веры злобы. Куприн отмечает страдание на лице героини: «Вера стояла в двух шагах от него также молча, с страданием на красивом, нервном лице». Скорее всего, не случайно автор назвал свою героиню Верой, одарил ее необыкновенной чуткостью, жертвенностью и готовностью помогать. Не случайно в описании трудностей, которые пришлось пройти героям во время обучения Алмазова, Куприн использует трансформированный фразеологизм «одному богу известно» – «не известно никому, решительно никто не знает»: «До сих пор все экзамены прошли благополучно, и только одному богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили» [2, с. 73].

Как будто одаренная высшей силой, Верочка не дает Алмазову отчаиваться, и тут писатель использует еще один фразеологизм «падать духом». Параллелизм предложений, использование ряда глаголов действительного залога прошедшего времени, передающих регулярные, повторяющиеся действия в прошлом (не давала, поддерживала, приучалась встречать, отказывала себе), наконец, ряд однородных подлежащих, описывающих разные роли Веры, показывают внутреннюю силу этой женщины, ее нравственный стержень: «Но Верочка не давала ему падать духом и постоянно поддерживала в нем бодрость... Она приучилась встречать каждую неудачу с ясным, почти веселым лицом. Она отказывала себе во всем необходимом, чтобы создать для мужа хотя и дешевый, но все-таки необходимый для занятого головной работой человека комфорт. Она бывала, по мере необходимости, его переписчицей, чертежницей, чтицей, репетиторшей и памятной книжкой» [2, с. 73].

Очень значимо, что именно Вера придумывает план спасения. В сложившейся ситуации она не теряет ясности мысли и продолжает активно действовать, что прекрасно понятно из описания сборов героини: «Вера быстро выдвигала ящики столов и комодов, вытаскивала корзины и коробочки, раскрывала их и разбрасывала по полу» [2, с. 76].

Образ большого несчастья, представленный в начале рассказа, поддерживается эпитетами и описанием странного, отличающегося от нормального хода будильника: «Прошло минут пять тяжелого молчания, тоскливо нарушаемого хрым ходом будильника, давно знакомым и надоевшим...» [2, с. 74].

Очень интересен и показателен первый диалог Алмазова и Веры, когда герой говорит «горячо и раздраженно», показывая негодование, но при этом и внутреннюю слабость: на самом деле он оказывается похожим на обиженного ребенка.

Не случайно автор использует лексический повтор: «высказывая долго сдержанную обиду», «продолжал смотреть в угол с обиженным выражением» [2, с. 74]. Обиду героя автор передает и с помощью разговорных слов, наделенных особой экспрессией: «всю эту дрянь» (про портфель с чертежами), «из-за какого-то поганого пятна». Гневные восклицания Алмазова: «Все к черту пошло!..»; «О черт!» создают накаленную атмосферу. А внимательно слушающая и вникающая в суть дела Вера, задающая, по словам Алмазова, детские вопросы, ведет себя максимально выдержанно и мудро, показывая большую внутреннюю силу: говорит Вера «с той осторожностью, с которой говорят только женщины у кровати близкого труднობольного человека» [2, с. 74].

Осторожность и забота видна во всех вопросах Веры, значим тут и повтор вопроса: «Какое пятно, Коля?»; «Какое же пятно, Коля?». Он позволяет сосредоточить внимание читателя на происшествии и в сочетании с повтором лексемы «*пятно*» создает комический эффект: «И это из-за какого-то поганого пятна...»; «Ах, ну, обыкновенное пятно, зеленой краской»; «Ну, засиделся я вчера, устал, руки начали дрожать – и посадил пятно... Да еще густое такое пятно... жирное» [2, с. 74].

Значимые эпитеты передают эмоциональный накал героев: сильный человек, в тяжелом раздумье, энергичным движением и др. Показательна созданная автором форма превосходной степени, объединяющая простую и составную формы: «*Самый безобразнейший педант*». Так называет Алмазов профессора, уверяющего его в отсутствии кустов в том месте, где их обозначил поручик. Эта намеренно сгущенная форма позволяет автору передать отношение Алмазова к профессору, очень большому педанту.

Диалог Алмазова и Веры открывает читателю достоинства последней: Вера умеет обходить острые углы, она лишена эгоизма, который выставляет на первый план «я», она готова многим жертвовать ради мужа и семейного счастья.

Не случайно фразеологизм «как свои пять пальцев», который появляется в цитации Алмазовым слов профессора-немца: «Нет, я эту местность знаю, как свои пять пальцев, и здесь кустов быть не может», далее соотносится со сравнением поручика, построенным по такому же типу: «Да потому, что он вот уже двадцать лет местность эту знает лучше, чем свою спальню» [2, с. 75]. Автор показывает читателю, что для самого Алмазова, в данный момент очень переживающего по поводу плана и спора с профессором, очень важны семейные ценности, что он не карьерист.

Н.А. Николина подчеркивает, что авторское отношение к изображаемому сравнительно редко находит отражение в прямых оценках, но проявляется на разных уровнях системы текста. Так, на

содержательном уровне оно прежде всего выражается через семантические доминанты и особенности мотивной структуры [4, с. 117]. На самом деле, в рассказе «Куст сирени» мы не найдем прямых авторских оценок, писатель показывает правду жизни и ее смысл через поступки героев, столкновение их позиций, через явленные в тексте контрастные эмоциональные тональности, точки зрения.

В речи супругов немало вопросов и восклицаний, обращения «Коля» и «Вера», адресованные героями друг другу, делают диалог живым и непосредственным. А помимо уже указанных нами лексических повторов есть и другие, как более, так и менее значимые.

Вообще необходимо заметить, что повторов в рассказе довольно много. Во-первых, в диалогах супругов повторы выступают не только связкой реплик, но и своеобразным эхом. Во-вторых, повтор отдельных лексем позволяет автору выразить то, что скрыто в подтексте – мысль о том, какими должны быть взаимоотношения мужа и жены.

Н.С. Болотнова отмечает, что «создавая художественный образ, автор опирается на образный потенциал слов, на их способность вызывать различные представления о реалии художественного мира: зрительные, осязательные, слуховые, моторно-двигательные и т.д. Динамику слова и образа, создаваемого на его основе в тексте при участии других языковых средств разных уровней, можно проследить, анализируя их взаимодействие во все более расширяющихся контекстах. При этом в восприятии читателя слово обрастает различными смысловыми и эмоционально-оценочными оттенками, то сгущенными контекстом, то ослабленными им. Активность разных языковых единиц неодинакова: образную перспективу имеет каждое слово, но “длина” образуемых им в сознании читателя “ассоциативных линий” различна, как различно участие слов в создании образа. Это зависит от их выразительных возможностей и специфики контекстуального употребления. То и другое, т.е. отбор языковых единиц и характер их функционирования, всецело определены замыслом писателя [1, с. 475].

Так, одним из самых важных в плане выражения скрытых смыслов, является повтор лексемы «глупость».

« – Ах, не говори, Вера, глупостей. Неужели ты думаешь, я поеду оправдываться и извиняться. Это значит над собой прямо приговор подписать. Не делай, пожалуйста, глупостей.

– Нет, не глупости, – возразила Вера, топнув ногой» [2, с. 75].

Этот повтор, позволяющий передать силу характера Веры, ее изобретательность, перекликается с аналогичным в сцене сборов героев («Глупости... Едем!»), а также с финальными репликами героев:

« – Да так, глупости. Вспомнилась вся эта история с сиренью. А ты?

– Я тоже, глупости, я тоже – про сирень...» [2, с. 78].

Куприн мастерски представляет читателю приоритеты и ценности своих героев: для них важно дело, и это дело оказывается после его удачного разрешения «глупостью», поскольку первостепенны любовь, взаимопонимание, взаимовыручка, участие, забота и терпение, а с этими качествами по плечу будут любые вопросы и дела.

В плане внутренней организации текста,ращения смыслов очень важно то, что правда, утаенная от профессора-немца самим Алмазовым, все-таки оказывается рассказанной Верой чеху садовнику, «маленькому старичку в золотых очках». «Мне бы нужно было так и рассказать, как все было», – говорит Алмазов, все-таки упершийся на своем. Несмотря на то, что читатель прекрасно понимает весь смысл этого обмана профессора, все-таки это ложь героя. Так как профессору признаться и покаяться уже нельзя, признаются садовнику, и этим действием герои как бы оправдывают себя, снимают с себя тяжесть обмана: «Тогда оставалось только одно средство: рассказать садовнику подробно всю историю с злополучным пятном, и Верочка так и сделала» [2, с. 77].

Таким образом, мы можем констатировать особую смысловую емкость и насыщенность художественного мира рассказа А.И. Куприна «Куст сирени». Анализ субъектно-речевой организации произведения, эмоциональных тональностей, точек зрения, средств художественной выразительности позволил нам выявить многомерность повествования. За сюжетом небольшого произведения, данная имплицитно, оказывается обширная информация: рассказ о происшествии и поиске решения супругами Алмазовыми вместе с тем является историей семейного счастья. Более того, на примере своих героев, описывая поведенческие харак-

теристики и модели поведения, писатель выявляет «рецепт» счастливой семейной жизни.

Библиографический список

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
2. Куприн А.И. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. – М.: Правда, 1982. – 464 с.
3. Миленко В.Д. Куприн: возмутитель спокойствия. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 402 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/393490/read> (дата обращения: 12.06.2018).
4. Николina Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
5. Тагер Е.Б. Избранные работы о литературе. – М.: Сов. Писатель, 1988. – 512 с.
6. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12 т. Т. 2. – М.: Правда, 1987. – 528 с.
7. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.

References

1. Bolotnova N.S. Filologicheskij analiz teksta: ucheb. posobie. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 520 s.
2. Kuprin A.I. Sobr. soch. v 5 t. T. 1. – M.: Pravda, 1982. – 464 s.
3. Milenko V.D. Kuprin: vozmutitel' spokojstviya. – M.: Molodaya gvardiya, 2016. – 402 s. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://coollib.com/b/393490/read> (data obrashcheniya: 12.06.2018).
4. Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2003. – 256 s.
5. Tager E.B. Izbrannye raboty o literature. – M.: Sov. Pisatel', 1988. – 512 s.
6. Tolstoj L.N. Sobr. soch. v 12 t. T. 2. – M.: Pravda, 1987. – 528 s.
7. Fedorov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka. – M.: Astrel': AST, 2008. – 828 s.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
РАССКАЗА М.А. БУЛГАКОВА «ХАНСКИЙ ОГОНЬ»

В статье рассматриваются особенности построения и языковой организации рассказа «Ханский огонь» М.А. Булгакова. Повествование в рассказе обладает рядом особенностей, позволяющих развернуть произведение в глубину и ширину. Во-первых, Булгаков сталкивает несколько точек зрения, причем авторская позиция не является явной и однозначной. Во-вторых, писатель показывает психологические портреты героев в сложные минуты, что придает повествованию особую занимательность. В-третьих, художественный текст содержит большое количество средств выразительности, все пласты языка рассказа, начиная от отдельных лексем и заканчивая сложными синтаксическими целыми, несут глубокий смысл. В рассказе предстает не только образ минувшего века и века нынешнего (относительно времени повествования), но и трагедия русской интеллигенции, а также целостный образ душевно и духовно богатого человека, представляющий квинтэссенцию высшей русской знати конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, рассказ, психология, языковая организация, автор-повествователь, интеллигенция и народ.

Рассказ «Ханский огонь» относится к ранним произведениям М.А. Булгакова. Небольшой по объему, этот рассказ очень глубок и психологически точен, он посвящен проблеме столкновения двух миров в послереволюционной России. Это история человеческих судеб и даже шире – национального выбора, исчезновения в России дворянства как класса и всех тех родовых и потомственных ценностей, без которых дворянство было немыслимо.

В.В. Новиков назвал «Ханский огонь» «наиболее булгаковской вещью» и отметил, что это самый живописный из повествовательных рассказов Булгакова и самый исторический: «По жанру это скорее повесть, чем рассказ, – с острейшим занимательным сюжетом и с рельефно выписанными типами. Поражают живописность деталей, их пластичность и умение автора – через восприятие зрителями-экскурсантами экспонатов музея – дать представление об эпохе» [2].

На самом деле, сюжет рассказа достаточно увлекателен и интересен. Перед читателем предстает музей «Ханская ставка», созданный в родовом имении князей Тугай-Бегов, последний из которых, как узнает далее читатель, сразу после революции вместе с супругой эмигрировал в Европу. Казалось бы, начинается ничем не примечательный один из дней жизни старого сторожа музея, Ионы, который в прежние времена был камердинером у князя. Однако сначала Ионе приходится быть экскурсоводом и встречать гостей музея, выполняя функции заболевшей Татьяны Михайловны, причем гости в этот день оказываются действительно странными и вздорными. Наконец, в оставшемся после закрытия выставки иностранце Иона узнает последнего хозяина дома, князя Тугай-Бега, под видом иностранца приехавшего в родное гнездо. Тугай-Бег разговаривает с Ионой, проводит в доме несколько часов, а потом, забрав

необходимые документы из своего кабинета, поджигает усадьбу и уезжает.

Рассказанная автором история захватывает читателя своей живостью и внутренней напряженностью. Как отмечают исследователи творчества писателя, рассказ «Ханский огонь» вместил наблюдения Булгакова за реальными людьми. Литературоведы подчеркивают, что в этом произведении описывается подмосковное имение Архангельское, принадлежавшее некогда князьям Юсуповым, в после революции превращенное в музей. А пожар в усадьбе, который устраивает Тугай-Бег, мог быть навеян Булгакову пожаром в усадьбе Муравишино, расположенной в Сычевском уезде Смоленской губернии, где Булгаков работал земским врачом в 1916–1917 годах [4].

Однако вдумчивое чтение рассказа убеждает исследователя, что соотношение правды, прототипов и вымысла, придуманных героев несколько не волнует читателей произведения, для которых гораздо важнее колорит произведения, психологическое мастерство писателя, его тонкий юмор и удивительный язык.

Повествование в рассказе обладает рядом особенностей, позволяющих развернуть произведение в глубину и ширину. Во-первых, Булгаков сталкивает несколько точек зрения, причем авторская позиция не является явной и однозначной. Во-вторых, писатель показывает психологические портреты разных людей в сложные минуты, что придает повествованию особую занимательность. В-третьих, язык рассказа необычен: художественный текст содержит большое количество средств выразительности, все пласты языка рассказа, начиная от отдельных лексем и заканчивая сложными синтаксическими целыми, несут глубокий смысл, разворачивающийся при чтении. Различные лексические средства, особенно повторы, поддерживают реализации значимых мотивов.

Повествование в рассказе ведется от 3 лица. Автор-повествователь в рассказе «Ханский огонь» оказывается над всеми героями, он знает большую историческую правду, хотя, конечно, как и все люди, не претендует на всеведение. Л.О. Яновская справедливо отмечает, что в основу небольшого рассказа легли серьезные размышления писателя, что для создания «Ханского огня» были использованы материалы, которые Булгаков собирал в 1921–1922 годах для исторической драмы о времени Николая II и об убийстве Распутина. Кроме того, исследовательница считает, что рассказ по смыслу, «приметами не внешними, а глубокими, внутренними», а еще и стилем повествования тесно связан с романом «Белая гвардия»: «Как и в “Белой гвардии”, публицистическая, страстно бьющая мысль автора убрана в глубины образов, прикрыта кажущейся ровной объективностью автора, ибо Булгаков той поры – писатель взволнованный, ищущий – считал художественно недопустимым слишком явно подсказывать читателю свои оценки» [5].

Так, повествование начинается от лица сдержанного рассказчика, однако достаточно быстро многое из описываемого вокруг мы начинаем воспринимать глазами Ионы – старого камердинера, а теперь уже сторожа усадьбы. И это не случайно: по всей видимости, автору, как и старому камердинеру в его рассказе, очень дорог этот уходящий дворянский быт. Булгаков очень тонко и умело переплетает и различные восприятия: недавно мы еще слышали голос автора, а следом уже видим впечатления Ионы. Так, после краткого внутреннего монолога Ионы автор-повествователь прикладывает к окружающему характеристики и оценки старого камердинера: «“Тьфу, окаянный, – злобно и растерянно думал Иона, косясь на незваного гостя, – принесла нелегкая. И чего Цезарь воет. Ежели кто помрет, то уж пуцай этот голый”». Пришлось Цезаря съездить по ребрам ключами, потому что вслед за толпой шли отдельно пятеро хороших посетителей» [1]. Разумеется, позиция повествователя в данном случае несколько не сливается с позицией Ионы, хотя автор очень положительно и высоко оценивает этого героя – верного слугу и хозяйственного человека. Не сходится полностью позиция автора и с точкой зрения князя Тугай-Бега, хотя и этот герой ему близок.

Повествователь, который в данном случае выражает волю и мнение автора, прямо не открывает его читателям, но направляет наше восприятие с помощью значимых характеристик и описаний. Булгакову, как и Ионе, дорог старый дворец воспоминаниями о прошлом, но для Булгакова, разумеется, это свои воспоминания о высокой дворянской культуре и ее расцвете. В отличие от Ионы, не осознающего смысла и глубины всех исторических катаклизмов, Тугай-Бег, вслед за автором-повествователем, понимает причины и последствия ре-

волюции, слабые места интеллигенции. В рассказе князем овладевают воспоминания, он лишен возможности трезво взглянуть на своих предков, которые все-таки не только служили царю, но и жили в свое удовольствие. Булгаков не на стороне «голового гостя» Семена Антонова, не на стороне разрушителей старого, он на стороне правды и исторической достоверности, поэтому «княгиня-мать» Тугай-Бега для автора-повествователя оказывается женщиной, «неистощимой в развратной выдумке, носившей всю жизнь две славы – ослепительной красавицы и жуткой Мессалины» [1].

Начало рассказа выдержано в намеренно сниженной, разговорной манере, которую общему нейтральному повествованию придают реплики Ионы Васильевича и Татьяны Михайловны. Просторечное «кличут»; словосочетание «розовая Дунька», в котором эпитет приобретает помимо цвета более широкие характеристики (внешний вид, цвет лица); «пונеслась»; «пуцай»; разговорный фразеологизм «поминай, как звали» – все эти слова и словосочетания создают образ крестьянского быта. А несколько значимых повторов уже с первых строк позволяют охарактеризовать Иону – человека услужливого, верного делу и долгу, имеющего большой жизненный опыт, но вместе с тем недалекого, мнительного: «То-то Цезарь воет, воет... Я говорю: чего, *дурак*, *воешь* среди бела дня? А? Ведь это к покойнику. Так ли я говорю? Молчи, *дурак*. На свою голову *воешь*» (курсив мой. – Е.К.) [1]. Не менее интересен и другой повтор: «Присмотрим. Самое главное – чашки. Чашки самое главное. Ходят, ходят разные... Долго ли ее...» [1]. Этот повтор в начале рассказа выглядит смешно, поскольку он выражает щепетильность Ионы к вещам – всему тому, что хранит старый слуга после отъезда господ. Но к финалу романа, вспоминаясь, этот повтор приобретает ироническое значение: нет смысла беречь чашки, когда жизнь сломана, когда все отдается большому пожару.

На протяжении всего рассказа мы видим многочисленные упоминания о смерти, перед нами даже мотив смерти. С одной стороны, как уже не раз было отмечено литературоведами, в «Ханском огне» речь идет о гибели цивилизации, уходе старого мира. И этот уход уже явлен, факт уничтожения дома Тугай-Бегом – это только внешнее действие. С другой стороны, в рассказе идет речь и о смерти конкретных людей, об уходе из жизни. Уже Иона, упоминая о вое Цезаря, несколько раз говорит о смерти. Он актуализирует этот мотив в разговоре с голым посетителем: «Руководительница, – начал Иона и засопел от ненависти к голому, – с зубами лежит, *помирает*, к утру *кончится*. А насчет Царствия – это вы верно. Для кой-кого его и нету. В небесное царствие в срамном виде без штанов не войдешь» (курсив мой. – Е.К.) [1]. Слова Ионы оказываются, на самом деле, пророче-

скими по отношению к тому дому, к той усадьбе, частью которой он фактически является.

«Словесная игра» в антиномичные номинации «живой» – «мертвый» продолжается на протяжении всего рассказа. «А где он теперь? Умер?» – спрашивает дама про князя Тугай-Бега, о котором рассказывает посетителям Иона. «Зачем умер...», – отвечает Иона. «Как жив?» – изумляется дама [1].

Не случайно при встрече старого слуги и князя Булгаков вновь использует лексему, связанную со смертью, кончиной: «Звуки его голоса *убили* Иону, колена у него *разъехались*, руки *похолодели*, и связка ключей *брякнулась* на пол» (курсив мой. – Е.К.) [1]. С приездом Тугай-Бега, с исчезновением усадьбы прошлое и настоящее Ионы оказываются мало связанными, тот, прежний Иона фактически уходит, как уходит старый образ Тугай-Бега, влиятельного князя: «По живой моей крови, среди живого шли и топтали, как по мертвому. Может быть, действительно я мертв? Я – тень? Но ведь я живу, я все ощущаю, чувствую. Ясно чувствую боль, но больше всего ярость» [1].

Ряд исследователей видят в этом отрывке связь Тугай-Бега с нечистой силой, находя в указании на тень и смерть нечто инфернальное. По нашему мнению, образ последнего князя скорее загадочен, но несколько не связан с темным, дьявольским началом. Все восклицания наподобие «черт их бери» просто передают максимальную степень негодования героя – это ругательства для хорошо воспитанного человека, причем ругательства значимые. В художественном мире рассказа отсылка князем новой власти к черту противопоставляется образу царствия небесного.

Так, сначала рассуждают о царствии небесном Иона и «голый» товарищ Антонов – выше мы уже процитировали удачную шутку Ионы. В художественном мире рассказа очень важно замечание «голового»: «...Царствия небесного не существует и князя нынешнего, слава Богу, уже нет» [1]. Во-первых, читатель понимает, что факт отсутствия князя опровергается. Значит, по аналогии, нужно бы и опровергнуть отсутствие царствия небесного. Во-вторых, показательно, что неверующий Антонов употребляет выражение «слава Богу», а далее, несколько противореча сам себе, говорит о странностях симпатий к царствию небесному, по сути дела, не опровергая его существования. Таким образом, Булгаков предстает перед нами матером диалога: умело чередуя реплики и показывая сущность героев, он представляет читателям как сомнения, опасения и желания каждого, так и авторскую мысль о мире и его строении. Показательно в данном случае использование Ионой в речи многочисленных обращений к высшим силам: «Господи Иисусе!»; «Да вы зачем, царица небесная?» [1].

Князь, приезжающий в родное гнездо, видящий там людей, порочащих честь его предков, вы-

нужденный сжечь усадьбу из большой ненависти к новой власти, на самом деле, показан очень несчастным человеком. Он лишен Родины и дома, он одинок, он похоронил на чужбине жену, до последней минуты вспоминая о России. И в день приезда князь испытывает множество разных чувств: боль, жалость к себе и прошлому, ностальгию, а в большей степени – ненависть и злобу по отношению к своим врагам – нынешней власти. В описании Тугай-Бега Булгаков не случайно подчеркивает звериное начало: «Князь рассмеялся на эти слова Ионы так, что зубы у него *оскалились* только с одной стороны – с правой»; «На-ародное... (зубы у князя *закрылись* с правой стороны и *оскалились* с левой)»; «...князь *ощерился*» (курсив мой. – Е.К.) [1]. Булгаков использует знаковое сравнение, с приездом князя мысли Ионы начинают «прыгать бестолково, как зайцы из мешка, в разные стороны» [1]. Показательна метафора, использованная для представления движения времени – она также создает образ животного, откусывающего что-то: «Плыла полная тишина, и сам Тугай слышал, как в жилете его неуклонно шли, *откусывая минуты, часы*» (курсив мой. – Е.К.) [1]. А портретные описания Тугай-Бега, их детали передают крайнюю степень возмущения: «Беловатая пенка явственно показалась в углах рта»; «мутные глаза» [1].

Мотив смерти видим мы и в злых и ненавистных желаниях князя повесить Эртуса и Антона Семенова, и в его объяснении того, почему он на месте не убил последнего: «Неужели тебе теперь не приходит в голову, как я в ту же секунду *не убил* голого? <...> Но вот *не убил! Не убил*, Иона, потому что сдержался вовремя. Но чего мне стоило сдержаться, знаю только один я. *Нельзя было убить*, Иона» (курсив мой. – Е.К.). Почти эти же самые слова повторит про себя и пробормочет себе самому князь Тугай-Бег, оставшись один в доме. И этот повтор психологически точно угадан писателем: во-первых, он помогает Булгакову обозначить чувства князя: «Ясно чувствую боль, но больше всего ярость», во-вторых, показать читателю, что сам Тугай-Бег фактически объясняет самому себе испытываемую им гамму чувств. Герой раздвоен между прошлым и настоящим и, сжигая усадьбу, он отрывает себе мысленный путь в прошлое, хоронит его.

Очень показателен и монолог князя по поводу Эртуса и Антона Семенова. Скорее всего, князь понимает, что он ничего не сможет сделать ни с одним, ни с другим, тем не менее, чувства переполняют Тугай-Бега, его слова полны экспрессии. Многочисленные заявления князя: «Будь уверен»; «Будь покоен», «Это я сделаю, Иона, клянусь тебе, чего бы это ни стоило», «Честное слово», обращенные к старому слуге, показывают степень решимости героя и его готовности мстить за себя и семью.

После торжественного дневного описания великолепного дворца, с использованием цветописы,

ряда параллелизмов, рядов однородных членов, передающих историю рода: «За полтысячи лет смотрел со стен род князей Тугай-Бегов, род знатный, лихой, полный княжеских, ханских и царских кровей. Тускнея пятнами, с полотен вставала история рода с пятнами то боевой славы, то позора, любви, ненависти, порока, разврата...»; «Шли через кабинет князя, с эспантонами, палашами, кривыми саблями, с броней царских воевод, со шлемами кавалергардов, с портретами последних императоров, с пищалями, мушкетами, шпагами, дагерротипами и пожелтевшими фотографиями...» [1], мы видим совершенно другое настроение. Вечером в пустом доме Иона и князь испытывают боль и тревогу, князь вынужден скрываться, опасаться, торопиться, немногочисленные, но очень меткие эпитеты хорошо передают состояние героев: Иона – «ошалевший», «трясущийся, голос у него «дрожачий».

В финале рассказа описательные картины усадьбы сменяются рассказом о действиях Тугай-Бега. Ярость князя сменяется решимостью, вся сцена поджога дома и описания начинающегося пожара полна глаголами: *превратил, сгреб, натакал, сорвал, разбил, придвинул, снял, унес, вернулся, поджог* и т.д. Не случайно всех посетителей музея князь описывает одним бранным словом «сволочь» – в значении «сброд, подлые люди» [3], но обращается к Ионе со словами «друг мой». Читатель рассказа Булгакова должен понять огромную разницу: для Тугай-Бега Иона оказывается одним из самых близких, верных людей, а все посетители усадьбы, без разницы, кто именно, – это бессовестно вторгающиеся в чужой дом люди.

Таким образом, в рассказе «Ханский огонь», благодаря мастерству авторских описаний и точных психологических характеристик, перед нами предстает не только образ минувшего века и века нынешнего (относительно времени повествования), но и трагедия русской интеллигенции, а также целостный образ душевно и духовно богатого человека, представляющий квинтэссенцию высшей русской знати конца XIX – начала XX века. Молодой, но уже достаточно опытный Булгаков

в этом произведении делает шаг вперед в мастерстве построения диалогов. И по настроению рассказа, и сюжетно, «Ханский огонь» предшествует роману «Белая гвардия».

Библиографический список

1. Булгаков М.А. Ханский огонь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/BULGAKOW/hanskij.txt>
2. Новиков В.В. Михаил Булгаков – художник. – М.: Моск. рабочий, 1996. – 357 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-rentier.ru.russofile.ru/articles/article_64.php
3. Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Абзуковник, 1999. – 944 с.
4. «Ханский огонь» // Булгаковская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bulgakov.ru/h/fire/>
5. Яновская Л.М. О рассказе Михаила Булгакова «Ханский огонь» // Наш современник. – 1974. – С. 125.
6. Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова. – М.: Сов. писатель, 1983. – 318 с.

References

1. Bulgakov M.A. Hanskij ogon' [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://lib.ru/BULGAKOW/hanskij.txt>
2. Novikov V.V. Mihail Bulgakov – hudozhnik. – M.: Mosk. rabochij, 1996. – 357 s. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://e-rentier.ru.russofile.ru/articles/article_64.php
3. Ozhegov S.N., SHvedova N.YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. – M.: Abzukovnik, 1999. – 944 s.
4. «Hanskij ogon'» // Bulgakovskaya ehnciklopediya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.bulgakov.ru/h/fire/>
5. YAnovskaya L.M. O rasskaze Mihaila Bulgakova «Hanskij ogon'» // Nash sovremennik. – 1974. – S. 125.
6. YAnovskaya L.M. Tvorcheskij put' Mihaila Bulgakova. – M.: Sov. pisatel', 1983. – 318 s.

Пчелина Татьяна Михайловна

кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
Carrie.T@mail.ruИЗУЧЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «РЕЧЕВОЙ ГОЛОС»
В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматривается фонетическая категория современной лингвистической теории – речевой голос. В центре внимания автора изучение сложного, полиинформативного и полифункционального явления и его многокомпонентный состав. В русле дискуссии о составе номенклатуры речевого голоса и его функционального аспекта автор обосновывает необходимость исследования лингвистически релевантных явлений, которые могут рассматриваться как компоненты речевого голоса. Отечественные и зарубежные ученые по-разному определяют данное явление и его компонентный состав. Современные лингвистические исследования показывают, что при описании речевого голоса выделяются три основных направления: аксиологическое, социолингвистическое и речеведческое. Определение компонентного состава речевого голоса напрямую зависит от данных лингвистических направлений. В статье представлен анализ основных концепций, представляющих компоненты речевого голоса и их функциональную значимость. Чаще всего в состав номенклатуры речевого голоса ученые включают качество голоса, интонацию, тембр голоса, голосовые модуляции и тон голоса. Каждый из этих компонентов способствует реализации риторического плана профессиональных ораторов.

Ключевые слова: речевой голос, лингвистически релевантные явления, интонация, качество голоса, тембр голоса, голосовые модуляции, тон голоса.

Исследование речевого голоса было начато античными риториками, намного позже в XVIII–XIX вв. в своих работах по риторике его продолжили отечественные ученые (среди которых были М.В. Ломоносов, И.С. Рижский, А.Ф. Мерзляков, А.И. Галич, Н.Ф. Кошанский, М.М. Сперанский и др.). Научные фонетические описания компонентов речевого голоса появились к XIX веку.

Современные лингвистические исследования показывают, что при описании речевого голоса выделяются три основных направления: аксиологическое, социолингвистическое и речеведческое [4, с. 16]. Аксиологический подход предполагает изучение символики как сегментных, так и сверхсегментных фонетических единиц. При этом могут анализироваться ассоциации, связанные со звучанием не только отдельных звуковых явлений, но и целого звучащего текста в контексте определенной культуры: «Звучащий текст может оцениваться воспринимающим субъектом в плане того, насколько эстетически приятное впечатление создается при восприятии текста на слух, насколько комфортен и благоприятен сам процесс восприятия, насколько значимым и информативным является текст по смыслу, насколько адекватны смыслу и выражаемым эмоциям произносимые звуки, просодия текста, качества речевого голоса» [1, с. 5].

Социолингвистическое направление основано на углубленном изучении социолингвистического аспекта английской звучащей речи [4, с. 17]. В работах этого направления исследуются просодические характеристики, характерные для женской и мужской речи, а также качество голоса, являющееся социальным или профессиональным маркером. Например, артисты могут использовать придыхательный голос для создания особой экспрессии.

Речеведческое направление связано с изучением языкового общения в целом и функционирования языковых единиц в частности, особый акцент сделан на экспрессивную коммуникацию [4, с. 17–18]. В данном направлении написано много работ ученых МГУ, среди которых О.С. Ахманова, И.М. Магидова, С.В. Дечева, М.Н. Козырева, Н.Ф. Медведева и др.

Вне зависимости от научного подхода важным является различие двух понятий: «индивидуальный голос» и «речевой голос». Индивидуальный голос «наивного» носителя языка (термин И.А. Анашкиной) представляет собой «звук, возникшие в результате колебания связок и исходящие изо рта человека...» [7, с. 453] или более полно – это «звук, образуемый колебанием /вибрацией, дрожанием/ приближенных друг к другу голосовых связок под давлением выдыхаемого воздуха» [2, с. 102]. Как отмечает Н.Ф. Медведева, данное явление не может быть объектом лингвистического анализа в силу своей узкой анатомо-физиологической обусловленности. Данный феномен только указывает на голосовые возможности отдельного человека вне рамок какой-либо конкретной речевой ситуации. Что касается «речевого голоса», то его в современной лингвистической литературе часто рассматривают как некий сплав взаимообусловленных биофизических, акустических и функциональных характеристик звучания, реализующихся в процессе речи на определенном языке [8, с. 10]. Очевидно, что данная характеристика может считаться дефиницией речевого голоса.

Сходную идею высказывает исследователь этого же научного направления М.Н. Козырева. Она определяет речевой голос как «совокупность лингвистически релевантных модуляций по высоте и интенсивности, которые используются говорящим на данном языке для передачи речевой

информации и оказания различных речевых воздействий» [6, с. 6].

При определении данного феномена представители других научных школ могут уделять особое внимание физио-акустическому аспекту. Например, И.А. Анашкина считает, что речевой голос – это «совокупный акустический продукт двигательной активности организма, образующийся в результате скоординированного центральной нервной системой взаимодействия речевых органов, приводящего к периодическим колебаниям голосовых связок гортани» [1, с. 78].

Кроме того, И.А. Анашкина предлагает трехчленную голосовую классификацию, отражающую степень аксиологизирующих возможностей голоса говорящего. Рассматриваемые качества голоса отражают модуляционные звуковые возможности. Данная классификация включает «поставленный актерский голос», который «характеризуется максимальными возможностями в плане воздействия на оценочные реакции индивида», среди голосовых качеств выделяется «полетность», «благозвучность», «хорошая дикция», «гибкость», «суггестивность» и «креативный тембр». Вторым членом классификации выступает «профессионально поставленный голос», рамки качественных характеристик здесь немного сужены до «адаптивности», «спонтанного тембра», «четкой дикции» и «гибкости». И, наконец, третьим компонентом выступает «голос “наивного” носителя языка», в рамках которого справедливо выделены только два аспекта, а именно «природные качества» и «умение их использовать» [1, с. 79].

Данные концепции позволяют сделать вывод о том, что речевой голос является сложным полиинформативным, многофункциональным фонетическим явлением супraseгментного уровня. Важно, что при изучении данного феномена ученые обращают особое внимание на его многокомпонентный состав и полифункциональную природу. Коротко остановимся на составляющих речевого голоса.

Г.Е. Крейдлин выделяет следующие голосовые признаки: высоту тона (параметр, зависящий «от числа колебаний голосовых связок в секунду: чем больше число колебаний, тем выше голос», громкость (параметр, связанный «с амплитудой колебаний голосовых связок, которая, в свою очередь, зависит от индивидуальных особенностей голосовых связок, от величины подсвязочного давления – чем давление больше, тем звук сильнее – и от строения речевого аппарата», тембр и фонацию (данные параметры обуславливают, по мнению Г.Е. Крейдлина, «общую и (преимущественно) эмоционально-чувственную окраску и обрамление звуков голоса» [7, с. 458]. Данные фонетические показатели часто включаются лингвистами в рамки интонации, но в данном случае исследователь рассматривает их как независимые голосовые компоненты рече-

вого голоса, а само явление, по его мнению, можно считать стилеобразующим средством: «...Все перечисленные признаки голоса уточняют, а порой и однозначно задают тот или иной конкретный тип речевого акта в коммуникации. Достаточно назвать такие речевые акты, как причитание, нытье, клятва, уверение, наставление, поучение, вопрошание, подбадривание, утешение, извинение, оправдание, упрек, оскорбление, ругань, или различного вида аппелятивы – каждый из них связан с определенным видом голоса» [7, с. 459–460].

Состав номенклатуры речевого голоса может увеличиваться. Наряду с высотой тона и громкостью исследователи могут включать лингвистически мотивированные качества голоса, которые, по мнению Н.Ф. Медведевой, «используются для разграничения функциональных стилей и других социолингвистически обусловленных типов речи» [8, с. 11]. Важно, что за речевым голосом снова закрепляется стилеобразующая функция. Такого же мнения придерживается М.Н. Козырева, которая наряду с релевантными изменениями громкости и высоты тона в качестве параметров речевого голоса выделяет систему тонов конкретного языка (мелодику) и качества голоса как функционально обусловленную звуковую окраску [6, с. 7, 33]. Однако, тембральные характеристики, по мнению ученых, не должны рассматриваться в составе речевого голоса, поскольку они относятся к «индивидуальному голосу» наивного говорящего и не могут им осознанно контролироваться, использоваться для передачи речевой информации [8].

Понятие «качество голоса» (voice quality), к которому обращаются многие зарубежные и отечественные лингвисты, скрупулезно было изучено британским ученым Джоном Лейвером, которому принадлежит большое число работ, посвященных данному явлению. В своих работах исследователь рассматривает качество голоса не только как показатель физио-акустической индексальной информации (indexical information – термин Дж. Лейвера), но и психической и социальной [9, с. 2]. Следует отметить, что в этом случае категория «качество голоса» приобретает тот же статус, что и «речевой голос». Однако определение, которое дает ученый, свидетельствует о доминирующей физио-акустической природе данного феномена: это «характерный звуковой образ голоса конкретного говорящего, создаваемый определенной работой ларингальной и надларингальной систем» [9, с. 1].

Похожей точки зрения придерживается И.А. Анашкина, которая особое внимание уделяет физио-акустическому аспекту при рассмотрении качества голоса: «“Качества речевого голоса” – это не только качества фонации (звукопроизводящей деятельности голосовых связок и гортани), но и те качества, которые обусловлены деятельностью и других частей голосового тракта: велафаринкса,

надгортанника, ротовой, носовой полостей, языка и других органов, относящихся к артикуляторной системе» [1, с. 78].

Интересно, что в некоторых отечественных работах понятие «качество голоса» может отождествляться с понятием «тембр голоса», т.е. его индивидуальным качеством: «Голос, образующийся колебанием напряженных голосовых связок под давлением выдыхаемого воздуха, видоизменяется под влиянием резонаторов и превращается в звук, приобретая лишь одному ему присущее качество» [3, с. 199]. При подключении новых резонаторов или изменении положения уже участвующих в образовании звука резонаторов создается дополнительная окраска, которую, по мнению Е.А. Бурай, И.Е. Галочкиной и Т.И. Шевченко, следует называть «просодическим тембром» [3, с. 199]. Важно, что просодический тембр может быть объектом лингвистического исследования только тогда, когда говорящий (или оратор) намеренно изменяет качества своего голоса «с целью передачи оценочной информации, являющейся частью смысла высказывания» [3, с. 201]. Таким образом, просодический тембр может рассматриваться как средство, раскрывающее эмоциональное состояние говорящего и его отношение к слушающему или содержанию высказываемого, и одновременно способствует реализации информационно-содержательного компонента звучащего текста.

Среди видов тембральной окраски Е.А. Бурая, И.Е. Галочкина и Т.И. Шевченко выделяют гиперлабиализованный тембр (при произнесении нежных слов), создаваемый сильным огублением; нелабиализованный тембр (при передаче контекста негативного или даже яростного характера); ларингальный тембр (при демонстрации боли и страдания); тембральная окраска с использованием переднеорального резонатора (при создании иронического эффекта); придыхательное звучание (для передачи сильно эмоциональных чувств) [3, с. 201].

В работе С.В. Дечевой за тембром голоса как одного из компонентов речевого голоса также закреплена эмоционально-модальная функция. Автор определяет тембр как «способность говорящего к выделению в речи тех элементов звучания, которые необходимы как для эстетического воздействия на слушающего, так и для адекватного восприятия произведения в целом» [5, с. 13]. Как видим, в данном определении эмотивный аспект превалирует над физио-акустическим.

Наравне с тембром исследователь включает в состав номенклатуры речевого голоса громкость, темп, мелодику и ритм. Интересно, что громкость, темп и мелодику часто рассматривают в рамках интонации, но автор закрепляет за ними независимый статус фонетических средств. Особое внимание уделяется просодическому явлению – ритму. По мнению С.В. Дечевой, «ритм подразумевает

сознательное стремление говорящего к ритмической сбалансированности высказывания, его упорядоченности в плане соотношения и взаимного расположения простых, сложных ритмических групп» [5, с. 12].

Все перечисленные параметры речевого голоса, как отмечает С.В. Дечева, находятся в тесной взаимосвязи, но именно слог способствует их объединению: «Слог предстает как центральная единица речевой цепи, помогающая свести воедино сегментные и сверхсегментные характеристики английской речи и обуславливающие ее ритмическое своеобразие» [5, с. 12].

Наш краткий обзор был бы неполным без рассмотрения еще двух компонентов речевого голоса – голосовых модуляций и тона голоса. Голосовая модуляция является важной составляющей, поскольку она является мелодическим компонентом эмотивного характера, создаваемая говорящим (или оратором) в результате особого использования артикуляционной базы голосового аппарата с целью передачи определенной языковой информации или реализации риторических стратегий.

Голосовую модуляцию следует отличать от качества голоса. Голосовое качество является показателем анатомо-физиологической или социальной индексальной информации. Использование голосовых модуляций характерно для речи профессиональных ораторов, которые могут создавать особые звуковые эффекты на определенном отрезке речи, например, в рамках только нескольких синтагм.

Характер голосового модулирования зависит от вида риторического дискурса. Как отмечает М.Н. Козырева, например, при чтении лекции выступающий часто прибегает к использованию звучного голоса, а в рекламе фильма часто используется грудной голос для создания драматического напряжения или придыхательное звучание для передачи образа интимного характера [6, с. 40–41]. Опытные ораторы могут демонстрировать богатый репертуар голосового модулирования.

Голосовая модуляция, безусловно, является лингвистически релевантной категорией, так как целенаправленно используется оратором для передачи определенного рода информации или создания экспрессивного мелодического образа, а не является постоянной голосовой характеристикой.

Еще одним компонентом речевого голоса, который активно используется профессиональными ораторами, является тон голоса. В отличие от тона голоса «наивного» говорящего тон голоса оратора выражает его эмоционально-модальные установки, придает голосу дополнительные звуковые оттенки эмотивного характера и способствует реализации риторического плана публичного выступления.

По мнению Дж. Лейвера, тон голоса следует считать паралингвистическим явлением, поскольку он выражает эмоции и различного рода

аффекты [10, с. 21–22]. Как отмечает ученый, тон голоса является вокальным паралингвистическим феноменом; невокальными паралингвистическими средствами считаются жесты, телодвижения, выражение лица и др. [10].

Тем не менее, отечественные исследователи считают, что к «тону голоса» можно относиться как к лингвистически релевантному феномену, так как он сообщает речевую информацию, а именно служит показателем окказионального контролируемого выступающим эмотивного состояния [6]. Таким образом, тон голоса можно рассматривать как окказиональный эмотивный голосовой компонент речевого голоса, контролируемый оратором и способствующий реализации его коммуникативных задач.

Тон голоса является важным компонентом речевого голоса, так как от эмотивного характера его звучания зависит ответный «отклик» аудитории. В зависимости от того, будет ли тон выступающего восторженным, возбужденным, неуверенным, важным, сердитым, гневным, жалобным, ироническим, шутливым или радостным, довольным, нежным, удивленным, уверенным, учтивым, игривым и т.д., будет зависеть восприятие информации слушающим. Следовательно, как пишет Г.Е. Крейдлин: «Основное коммуникативное назначение тона – согласовывать межличностные и социальные отношения между участниками данного акта коммуникации, а потому тон является этикетно-нормативным, контролируемым и регламентированным» [7, с. 497].

Итак, подводя итог нашему краткому обзору, следует отметить, что вопрос о компонентном составе речевого голоса остается дискуссионным. Однако согласно современным лингвистическим теориям, в состав номенклатуры речевого голоса можно включить качество голоса (как показатель анатомо-физиологической и социальной индексальной информации); интонацию (как показатель анатомо-физиологической, психо-эмоциональной, социальной и эмотивной индексальной информации); тембр голоса (как показатель психо-эмоциональной индексальной информации), голосовые модуляции (как показатель эмотивной индексальной информации) и тон голоса (как показатель эмотивной индексальной информации). Данный компонентный состав доказывает, что речевой голос является сложным, полиинформативным и многофункциональным фонетическим явлением.

Библиографический список

1. Анашкина И.А. Звучащий текст в аспекте культурной аксиологии. – Саранск, 1998. – 264 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 607 с.
3. Бурая Е.А., Галочкина И.Е., Шевченко Т.И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – 288 с.
4. Гирина И.Г., Хмара О.Е. Речевой голос в звучащем американском телевизионном рекламном тексте. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2008. – 137 с.
5. Дечева С.В. Когнитивная силлабика. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – 215 с.
6. Козырева М.Н. Введение в изучение речевого голоса. – М.: МГУ, 1986. – 96 с.
7. Крейдлин Г.Е. Голос и тон в языке и речи // Язык о языке. – М., 2000. – С. 453–501.
8. Медведева Н.Ф. К вопросу о прагмалингвистике национального голоса. – М.: МГУ, 1987. – 27 с.
9. Laver J. The Phonetic description of Voice Quality. – Cambridge University Press, 1980. – 186 p.
10. Laver J. Principles of Phonetics. – Cambridge University Press, 1994. – 707 p.

References

1. Anashkina I.A. Zvuchashchij tekst v aspekte kul'turnoj aksiologii. – Saransk, 1998. – 264 s.
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: Sov. ehnciklopediya, 1969. – 607 s.
3. Buraya E.A., Galochkina I.E., Shevchenko T.I. Fonetika sovremennogo anglijskogo yazyka. Teoreticheskij kurs. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2014. – 288 s.
4. Girina I.G., Hmara O.E. Rechevoj golos v zvuchashchem amerikanskom televizionnom reklamnom tekste. – Habarovsk: Izd-vo DVGGU, 2008. – 137 s.
5. Decheva S.V. Kognitivnaya sillabika. – M.: Dialog – MGU, 1998. – 215 s.
6. Kozyreva M.N. Vvedenie v izuchenie rechevogo golosa. – M.: MGU, 1986. – 96 s.
7. Krejdlin G.E. Golos i ton v yazyke i rechi // YAzyk o yazyke. – M., 2000. – S. 453–501.
8. Medvedeva N.F. K voprosu o pragmalingvistike nacional'nogo golosa. – M.: MGU, 1987. – 27 s.
9. Laver J. The Phonetic description of Voice Quality. – Cambridge University Press, 1980. – 186 p.
10. Laver J. Principles of Phonetics. – Cambridge University Press, 1994. – 707 p.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СОВОКУПНОГО НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследование структуры ассоциативного поля компьютерных терминов осуществляется с применением комплексного лингво-статистического подхода. На материале данных свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в два этапа в 2008 году и в 2016–2017 гг., изучается структура ассоциативного поля компьютерных терминов на основе гипотезы Ю.Н. Караулова о золотом сечении ассоциативного поля. Рассчитываются такие показатели, как лексическое богатство и лексическое разнообразие. Выявляются слова-стимулы, показатели по которым сближаются с показателем «золотое сечение». Приводится пример ассоциативного поля. Выделяются экстралингвистические факторы создания языковой картины мира совокупного носителя языка. В заключении делается вывод об ассоциативном эксперименте как источнике богатого материала для лингвистических исследований.

Ключевые слова: компьютерные термины, свободный ассоциативный эксперимент, золотое сечение, ассоциативное поле, ассоциации.

Ассоциативный эксперимент пришел в лингвистику из психологии и прочно вошел в инструментарий науки. Предлагая испытуемым различные стимулы и изучая их бессознательные реакции, можно исследовать как мыслительные процессы, культурные установки, образы языкового сознания, отношение информантов к реалиям окружающего мира, так и саму грамматическую структуру языка, активный словарь испытуемых, отношения и связи между словами в ассоциативном поле. Изучая структуру ассоциативного поля компьютерных терминов, мы использовали свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). САЭ был проведен стандартно: опрошено 600 респондентов в два этапа (в 2008 году: 200 человек – контрольная группа (КГ) и 200 человек – экспериментальная (ЭГ), и в 2016 году 200 человек – контрольный срез). В результате эксперимента было получено и обработано 12 000 ассоциативных реакций.

Реакции с наибольшим количеством повторений составляют ядро ассоциативного поля (таблица 1). Во всех трех группах испытуемых наблюдаются устойчивые ассоциативные связи, так как ядерные реакции, как правило, совпадают. Например, первая ассоциация к слову **ссылка** – в *Сибирь*, говорит о знакомстве информантов с русской исто-

рией и культурой. Как известно из курса истории, после разгрома декабристов на Сенатской площади многие из них были приговорены к каторжным работам и ссылке в Сибирь. Именно эти знания актуализируются в реакциях: *Сибирь, декабристы, каторга, на каторгу, Николай I, север*. Ассоциации *рабочий стол, на рабочем столе, компьютер, папка* на стимул **ярлык**, и *материнская, компьютер* на стимул **плата** свидетельствуют о достаточно высокой компьютерной грамотности участников эксперимента.

С точки зрения соотношения общеупотребительных слов русского языка и компьютерных терминов в ядре ассоциативных полей наблюдается большое количество компьютерных терминов (50–60%). Это является следствием активной информатизации современного общества. Компьютерные, мобильные и Интернет-технологии успешно внедряются в различные сферы человеческой жизни: производственную, образовательную, политическую, сферу банковских и почтовых услуг и т.д., что неизбежно ведет к улучшению компьютерной грамотности населения в целом, и, следовательно, к изменению языковой картины мира носителей русского языка (появляются новые реалии и новые термины их обозначающие, например, транскрибированные с английского языка и употребляемые

Таблица 1

Фрагмент ядерных реакций

Слова-стимулы и ожидаемые реакции	ЭГ 2008	КГ 2008	КГ 2016
ПЛАТА (материнская)	<i>материнская</i> 64; деньги 32; <i>компьютер</i> 10; зарплата 5; заработная 3...	<i>материнская</i> 43; деньги 40; <i>компьютер</i> 18; долг 6; цена 5...	<i>материнская</i> 34, деньги 24; за жизнь 10, долг 9; <i>компьютер</i> 9...
ССЫЛКА (гиперссылка)	<i>Интернет</i> 20; каторга 16; Сибирь 15; <i>адрес</i> 9; в Сибирь 8...	в Сибирь 22; <i>сайт</i> 21; <i>Интернет</i> 16; <i>компьютер</i> 13; декабристы 5...	в Сибирь 23; <i>сайт</i> 17; в <i>Интернете</i> 16; декабрист(ов) 8; на <i>сайт</i> 10...
ЯРЛЫК (запуск)	<i>компьютер</i> 14; <i>рабочий стол</i> 12; одежда 11; клеймо 9...	<i>рабочий стол</i> 27; <i>компьютер</i> 18; <i>папка</i> 12; клеймо 9; бирка 7...	на <i>рабочем столе</i> 17; одежда 18; на одежде 11; <i>мой компьютер</i> 10; бирка 9...

сегодня в социальных сетях термины: *хэштэг, лайфхак, блогер, флэшмоб и др.*). Эти тенденции можно проследить на примере ассоциативного поля на стимул **ошибка**, в котором 18% ассоциаций составляют слова, принадлежащие к компьютерному терминополью. Компьютерные ассоциации выделены полужирным курсивом:

ошибка – исправить **15**, двойка **14**, орфографическая **12**; *в системе* **8**, грамматическая **8**, исправление **7**, опыт **6**, слово **4**, допущена **4**, в тетради **4**, глупая **3**, грубая **3**, грамматика **2**, жизненная **3**, в жизни **3**, *компьютер* **3**, *компьютерная программа* **3**, провал **3**, память **3**, красная ручка **3**, урок **3**, фатальная **3**, досада **2**, неудача **2**, пустая **2**, провал **2**, *программы* **2**, *404* **2**, опечатка **2**, опыт **2**, оценка **2**, *винда, вирус, в коде*, входа, вычисления, в примере, выборка, *глюк*, гауссовская, где, *действие, монитор*, МФТИ, исчезла, красные буквы, кино, красный, критика ластик, любовь, молодости, наказание, нелепая, неважная, незаметная, неисправность, неполадки, нормально, оговорка, обидно, ответственность, *отладка*, отзыв, последствие, природы, прошлое, промах, проблемы, переводчика, правка, правописание, *программа, перезагрузка*, работа, расчётов, роковая, расплата, решение, русский язык, *синий экран, сервера*, страдание, случайная, случайность, сбой, самостоятельность, серьезно, ужас, улучшение, учеба, чтения, школа, *эппор, Windows, error 402, error, segmentation fail, C++*, **1**.

По данным САЭ 2016–17 гг. количество компьютерных ассоциаций в структуре ассоциативных полей на предложенные слова-стимулы составляет от 7% до 47,5%. Самый высокий процент обнаруживается в ассоциативных полях стимулов *пароль* (45%), *ссылка* (47,5%), *ярлык* (41%), *сеть* (45,5%), *плата* (37,5%), а наименьшее количество компьютерных ассоциаций в словах *база* (8%), *корзина* (9,5%), *окно* (7%). Все указанные слова-стимулы относятся к высокочастотной лексике русского языка, однако у многих испытуемых во время САЭ на бессознательном уровне актуализируется сема «компьютер / компьютерные технологии», что свидетельствует об активных процессах семантической адаптации компьютерных терминов в русском языке и их внедрении в языковую картину мира совокупного носителя русского языка.

В ассоциативном поле между словами-реакциями и словом-стимулом возникают различные отношения [4]. Рассмотрим их на примере словарной статьи слова **память**, полученной в ходе проводимого нами САЭ. Здесь можно выделить: синонимическое обозначение признака: *слуховая, зрительная, кратковременная, долговременная, визуальная, хорошая, крепкая, долгая, отличная*; носитель признака с отрицательной оценкой: *плохая, сумасшедшая, пусто, отшибло, мало, дырка*; оценка признака: *не очень, нет ее, дырявая, то чего нет, ужас*; лексико-грамматическое варьиро-

вание: *запоминать – запомнить, сохранить – хранить, дырка – дырявая, воспоминание – помнить*; метафорическое варьирование: *старость смерть, детство, возраст, интерактивная, диск D, жесткий диск*; место появления признака: *голова, время, ностальгия*; метонимическое варьирование признака: *на диске, лист, дневник, книга*; тематическое варьирование признака: *оперативная, флэшка, мегабайт, компьютера, телефонная, компьютерная, виртуальная, закончилась мозг, человек*; связь с устойчивыми выражениями: *девичья, короткая, вечная*. Семантические связи между словами в ассоциативном поле обширны и многообразны и в каждой словарной статье они достаточно полно реализованы.

Рассмотрим экстралингвистические факторы, которые участвуют в создании мозаичной картины мира совокупного носителя языка. В активном словаре испытуемых заложены определенные культурные установки и ценности, опирающиеся на полученное ранее образование, перцептивный опыт, окружение и т.д., которые возникают в виде реакций на стимулы, на первый взгляд далекие от культурных: **карта** – *девятый вал Айвазовского, ярлык* – *Татаро-монгольское иго, хан Тохтамыш, порабощение Руси, ссылка* – *декабристы, Репрессия, СССР, Николай I, блок* – *Есенин, Александр, окно* – *в Европу, Петр I, память* – *Ленин и т.д.* Также сильное влияние на языковую картину мира оказывает окружение человека и место его проживания. Так, участниками эксперимента, проживающими в Челябинской области, на стимул **база** были предложены следующие ассоциации *Курочкино* (база отдыха в Челябинской области), *НИИ МАШ* (Научно-исследовательский институт машиностроения, г. Миасс), *Пато* (остановка общественного транспорта в городе Миасс), *Тургоякское шоссе* (улица в городе Миасс), на стимул **карта** – *Челябинская* (город Челябинск), **окно** – *ЮурГУ* (Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, **ярлык** – *ЧелГУ* (Челябинский государственный университет).

Особого внимания заслуживают ассоциации, связанные с реалиями общественной жизни, политики и экономики: **ярлык** – *промоакция, шопинг, почта* – *России, карта* – *банковская, блок* – *партия, госдума, плата* – *коммуналка, сеть* – *МММ*. Реклама и часто повторяющиеся рекламные слоганы прочно входят в ассоциативный ряд носителей языка, например: **карта** – *Черная карта* (реклама кофе), **вирус** – *Касперский* (автор программы защиты ПК от вирусов) и т.п. Кино, как неотъемлемая часть массовой культуры, актуализируется в ассоциативных связях следующим образом (сюда же относятся телепередачи, телепрограммы, театр): **жесткий** – *романс* (кинофильм «Жестокий романс»), **паук** – *человек-паук* (кинофильм «Человек-паук»), **мышь** – *Джерри* (мультифильм «Том и Джерри»),

пароль – *рыба-меч* (кинофильм – Пароль «Рыба-меч»), **паук** – *Шнюк* (мультифильм «Приключения Лунтика и его друзей»), **ярлык** – *Якубович* (ведуший телепередачи «Поле чудес») и т.д.

Фразеологизмы и устойчивые словосочетания, как единицы языка народного творчества – фольклора, неизбежно находят свое отражение в языковой картине мира испытуемых: **мышь** – *повесилась*, **мышь** – *амбарная*, **память** – *феноменальная*, **ошибка** – *молодости, природы* и т.д. Одной из форм хранения знаний в сознании носителей языка является мысленное воспроизведение образа предмета и его чувственное восприятие [3]. Например, визуальное восприятие предмета/объекта выражается в таких ассоциациях, как: **папка** – *желтая, кожаная, прямоугольник, реферат, синяя, черная*; **стол** – *дубовый, просторный, стеклянный, модерн, свадебный, журнальный*; **почта** – *синий ящик*, **мышь** – *серая, белая*, **корзина** – *коричневая*.

Итак, САЭ доказывает, что экстралингвистические факторы оказывают основополагающее влияние на языковую картину носителя языка. Без глубоких знаний культуры, литературы и истории невозможно в полной мере овладеть языком. Именно они создают для всех носителей языка базу (активный словарь), необходимую для эффективной коммуникации и взаимопонимания с минимальными интеллектуальными усилиями.

Остановимся на изучении показателя «золотое сечение» структуры ассоциативного поля.

Ю.Н. Караулов интерпретирует идею о «золотом сечении» ассоциативного поля через показатели «лексическое разнообразие» и «лексическое богатство» и считает, что определенное соотношение этих показателей может выявить содержательные характеристики ассоциативной статьи (поля). Так, «отношение разных ответов к общему числу ответов служит некоторым показателем лексического разнообразия поля, а отношение единичных ответов к разным должно свидетельствовать о его лексическом богатстве» [3, с. 23]. Если за N обозначить общее число реакций, а за $N_{разн}$ – число разных ответов, то лексическое разнообразие A может быть вычислено по формуле (табл. 2):

$$A = \frac{N - N_{разн}}{N}$$

Во всех представленных далее таблицах собраны результаты экспериментов 2008 и 2016–17 гг.

В свою очередь, лексическое богатство B выражается с помощью отношения (табл. 3):

$$B = \frac{N_1}{N_{разн}}$$

где N_1 – количество единичных реакций.

Подсчитав коэффициенты, ученый обратил внимание на две вещи: численную близость обоих показателей друг к другу и на колебание их значений вокруг числа **0,618**, характеризующего «гармоническое деление», или «золотое сечение», т.е. деление отрезка в среднем и крайнем отношении, когда

Таблица 2

Слово-стимул	ЭГ 2008		ЛР	КГ 2008		ЛР	КГ 2016-17		ЛР
	N	N _{разн}	A	N	N _{разн}	A	N	N _{разн}	A
БАЗА	198	60	0,7	194	56	0,71	199	64	0,67
БЛОК	195	85	0,56	196	89	0,54	200	81	0,56
ВИРУС	195	50	0,74	199	42	0,78	200	59	0,70
ЖЕСТКИЙ	198	51	0,74	199	53	0,73	200	45	0,77
КАРТА	195	65	0,6	194	67	0,65	200	63	0,68
КОРЗИНА	194	57	0,70	198	65	0,67	199	67	0,66
МЫШЬ	197	63	0,68	197	50	0,74	200	68	0,66
ОКНО	196	70	0,64	199	65	0,67	200	71	0,64
ОШИБКА	183	100	0,452	180	95	0,47	200	99	0,50
ПАМЯТЬ	193	90	0,53	194	95	0,51	200	96	0,52
ПАПКА	189	65	0,65	193	62	0,67	199	65	0,67
ПАРОЛЬ	196	84	0,57	198	60	0,69	200	104	0,48
ПАУТИНА	194	39	0,79	196	62	0,68	200	55	0,72
ПЛАТА	195	68	0,65	195	62	0,68	200	69	0,65
ПОЧТА	188	60	0,68	198	64	0,67	200	48	0,76
РЕАЛЬНОСТЬ	193	65	0,66	181	51	0,71	200	68	0,66
СЕТЬ	191	58	0,69	192	54	0,71	200	51	0,74
ССЫЛКА	195	83	0,57	193	82	0,57	200	73	0,64
СТОЛ	193	59	0,69	199	50	0,74	200	50	0,75
ЯРЛЫК	197	91	0,53	194	87	0,55	200	84	0,58

Примечание: ЛР – лексическое разнообразие.

Таблица 3

Слово-стимул	ЭГ 2008		ЛБ	КГ 2008		ЛБ	КГ 2016-17		ЛБ
	N _{разн}	N ₁	В	N _{разн}	N ₁	В	N _{разн}	N ₁	В
БАЗА	60	42	0,7	56	38	0,68	64	42	0,66
БЛОК	85	50	0,58	89	57	0,64	81	34	0,42
ВИРУС	50	33	0,66	42	25	0,59	59	34	0,58
ЖЕСТКИЙ	51	33	0,64	53	31	0,58	45	21	0,45
КАРТА	65	39	0,6	67	34	0,50	63	41	0,65
КОРЗИНА	57	27	0,47	65	33	0,50	67	39	0,58
МЫШЬ	63	41	0,65	50	26	0,52	68	38	0,56
ОКНО	70	41	0,58	65	33	0,50	71	41	0,58
ОШИБКА	100	70	0,7	95	47	0,49	99	68	0,69
ПАМЯТЬ	90	66	0,73	95	54	0,56	96	69	0,72
ПАПКА	65	42	0,65	62	37	0,59	65	64	0,98
ПАРОЛЬ	84	60	0,71	60	32	0,53	104	63	0,60
ПАУТИНА	39	29	0,74	62	44	0,70	55	35	0,63
ПЛАТА	68	49	0,72	62	40	0,64	69	54	0,78
ПОЧТА	60	36	0,6	64	34	0,53	48	25	0,52
РЕАЛЬНОСТЬ	65	47	0,72	51	30	0,58	68	43	0,63
СЕТЬ	58	39	0,67	54	39	0,72	51	48	0,94
ССЫЛКА	83	56	0,67	82	52	0,63	73	42	0,57
СТОЛ	59	39	0,66	50	31	0,62	50	49	0,98
ЯРЛЫК	91	60	0,65	87	58	0,66	84	58	0,69

Примечание: ЛБ – лексическое богатство.

Таблица 4

Золотое сечение

Слово-стимул	Экспериментальная группа 2008		Контрольная группа 2008		Контрольная группа 2016-2017	
	А/В	В/(А+В)	А/В	В/(А+В)	А/В	В/(А+В)
БАЗА	1	1	1,04	0,50	1,01	0,49
БЛОК	0,96	0,50	0,84	0,54	1,33	0,42
ВИРУС	1,12	0,47	1,32	0,43	1,2	0,45
ЖЕСТКИЙ	1,15	0,5	1,25	0,44	1,5	0,44
КАРТА	1	0,5	1,3	0,40	1,04	0,48
КОРЗИНА	1,48	0,40	1,34	0,42	1,13	0,46
МЫШЬ	1,04	0,48	1,42	0,41	1,17	0,46
ОКНО	1,10	0,47	1,34	0,43	1,10	0,46
ОШИБКА	0,64	0,60	0,95	0,51	0,72	0,57
ПАМЯТЬ	0,72	0,57	0,91	0,52	0,72	0,57
ПАПКА	1	1	1,13	0,46	0,68	0,60
ПАРОЛЬ	0,80	0,55	1,30	0,43	0,80	0,55
ПАУТИНА	1,06	0,48	0,97	0,50	0,92	0,52
ПЛАТА	0,90	0,52	1,06	0,48	0,83	0,55
ПОЧТА	1,13	0,46	1,26	0,44	1,46	0,40
РЕАЛЬНОСТЬ	0,91	0,52	1,22	0,44	1,04	0,49
СЕТЬ	1,02	0,5	0,98	0,50	0,78	0,56
ССЫЛКА	0,85	0,54	0,90	0,52	1,2	0,44
СТОЛ	1,04	0,5	1,19	0,45	0,73	0,57
ЯРЛЫК	0,81	0,55	0,83	0,54	0,84	0,55

меньший отрезок A относится к большему отрезку B так же, как больший – к их сумме (табл. 4):

$$\frac{A}{B} = \frac{B}{A+B}, \text{ где } B > A.$$

Решив это уравнение, мы и получим 0,618, так как

$$X = \frac{A}{B} = \frac{\sqrt{5}-1}{2} \approx 0,618.$$

По мнению Ю.Н. Караулова, «золотая пропорция может отражать структурную гармонию частей и целого и служить показателем некоторого оптимума в их соотношении, их баланса. Другими словами, показатели золотого сечения в пропорциях его числовых характеристик могут отражать стабильность его структуры как единицы владения языком, или языковой способности его носителя, являясь чисто внешним по отношению к его содержанию параметром» [5, с. 158]. Ю.Н. Караулов пришел к выводу, что оптимальным количественным составом поля как единицы владения языком следует считать число реакций в пределах 400–500 единиц, т.е. именно в этом случае указанные показатели (лексическое богатство и разнообразие) приближаются к показателю золотого сечения [1]. Числовые величины, представленные в таблице 4, отклоняются от показателя **0,618**, выведенного Ю.Н. Карауловым. Возможно, что расхождение показателей связано с различием в количестве испытуемых. В САЭ 400 испытуемые были разделены на контрольную и экспериментальную группы по 200 информантов в каждой. Показатель «золотого сечения» рассчитывался по каждой группе.

Очевидно, что оптимальным количественным составом поля следует считать именно 400–500 реакций, выделенных Ю.Н. Карауловым. По некоторым позициям можно отметить приближение полученных результатов к показателю золотого сечения в контрольной группе (2008 г.) в словах – *блок, ярлык*, в экспериментальной – *ошибка, память, пароль, ссылка, ярлык*, в контрольной группе (2016–17 гг.) – *ошибка, память папка, пароль, плата, стол, ярлык*. Стоит отметить, что во всех трех группах лишь на стимул *ярлык* показатели совпадают. Максимально близкие значения наблюдаются в ЭГ (2008) у стимула *ошибка* и в КГ (2016–17 гг.) у стимула *папка* – 0,60. С наибольшим отклонением от золотого сечения выделяются слова *корзина* в ЭГ (2008), *КАРТА* в КГ (2008), *реальность* в КГ (2016–17 гг.) – 0,40. Во всех остальных словах показатели колеблются вокруг числа 0,50.

Проанализировав реакции испытуемых, можно сказать, что, с одной стороны, активный словарь у каждого человека индивидуален, и он во многом зависит от общего уровня образования, профессии и жизненного опыта (*пароль* – *Николь, кнопки, паспорт, closed, от почты, король, легкий, не скажу, Брежнев* и т.д.). Но с другой стороны, языковая картина мира совокупного носителя языка содержит фрагменты определенных культурных маркеров, об-

щих для представителей одной культуры и страны, региона. Таким образом, ассоциативный эксперимент позволяет всесторонне исследовать семантическую структуру слова-стимула, глубинные связи между словами-реакциями, получить достаточно объективные данные по изучаемым явлениям, выявить стереотипные реакции на то или иное слово-стимул и т.д., что является источником богатейшего лингвистического материала для исследователя.

Библиографический список

1. *Горошко Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38> (дата обращения: 09.07.2018).
2. *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности: Послесловие // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 1. – С. 751–782.
3. *Караулов Ю.Н.* Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 67–96.
4. *Мартинович Г.А.* Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. – 1990. – № 2. – С. 143–146.
5. *Юхмина Е.А.* Адаптация англоязычных компьютерных терминов к лексической системе русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2009. – 237 с.

References

1. Goroshko E.I. Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo ehksperimenta [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38> (data obrashcheniya: 09.07.2018).
2. Karaulov YU.N. Russkij associativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza yazykovoj sposobnosti: Posleslovie // Russkij associativnyj slovar': v 2 t. / YU.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, YU.A. Sorokin, E.F. Tarasov. – M.: Astrel': AST, 2002. – T. 1. – S. 751–782.
3. Karaulov YU.N. Tipy kommunikativnogo povedeniya nositelya yazyka v situacii lingvisticheskogo ehksperimenta // EHtnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya / pod red. N.V. Ufimcevoj. – M.: Institut yazykoznanija RAN, 1996. – S. 67–96.
4. Martinovich G.A. Tipy verbal'nyh svyazej i otnoshenij v associativnom pole // Voprosy psihologii. – 1990. – № 2. – S. 143–146.
5. YUhmina E.A. Adaptaciya angloyazychnyh komp'yuternyh terminov k leksicheskoj sisteme russkogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk. – Chelyabinsk, 2009. – 237 s.

РАЗЛИЧИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ СОЮЗОВ *THOUGH* И *ALTHOUGH* В УСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (на материале публицистики)

Статья посвящена различиям в употреблении союзов *though* и *although* в уступительных сложноподчиненных предложениях современного английского языка. Часто эти союзы рассматриваются в учебных пособиях как равнозначные и взаимозаменяемые. Однако есть основания говорить о различиях в их семантике и употреблении. Союз *although* обладает большей силой уступительно-противопоставительного значения. По этой причине он не употребляется в инвертированных конструкциях и в сочетании с усилительной частицей *even*. Союз *although* сохраняет абсолютное уступительное значение в придаточной части в постпозиции. Придаточные предложения с союзом *though* в постпозиции более самостоятельные, уступительное значение в них ослаблено, часто наблюдается парцелляция придаточного предложения. Данные и другие причины не позволяют говорить о равнозначности и взаимозаменяемости союзов *though* и *although*.

Ключевые слова: синтаксис, сложноподчиненное предложение, придаточное предложение, уступка, противопоставление, подчинительный союз, современный английский язык.

Изучению синтаксиса сложного предложения в последнее время уделяется всё больше внимания. Научному исследованию подвергались и обстоятельственные сложноподчинённые предложения, как в русском, так и в английском языках. В то же время вопрос об уступительных предложениях в современном английском языке до сих пор остаётся мало разработанным теоретически. Поэтому и в существующих практических пособиях по английскому языку уступительные предложения или совсем не рассматриваются, или сведения о них крайне недостаточны.

Довольно скудными являются и сведения об уступительных союзах. Часто они рассматриваются наряду с сочинительным союзом *but* как союзы, выражающие значение противопоставления (contrast). Специфика уступительного значения при этом не отмечается и не разъясняется [3, с. 64; 8, с. 164; 10, с. 84; 11, с. 163]. Ведущие уступительные союзы *though* и *although* часто рассматриваются как тождественные и взаимозаменяемые. Таким образом, изучение уступительных предложений и уступительных союзов имеет не только теоретическое, но и практическое значение для преподавания современного английского языка.

Уступительные союзы *though* и *although* и различия в их употреблении в сложноподчиненных предложениях с придаточным уступки являются предметом анализа данной статьи. Материалом для исследования послужили британские издания *The Independent*, *The Guardian*, *The Daily Mail*.

Основным типом уступительных сложноподчиненных предложений в современном английском языке являются собственно-уступительные предложения (Clauses of Admitted Concession). В этих конструкциях придаточное предложение сообщает информацию об обстоятельствах, вопреки которым происходит действие, выраженное в главном пред-

ложении [2, с. 297]. Уточняя данное определение, необходимо отметить, что уступительное значение является более сложным, чем значение противопоставления. В данных конструкциях условие или причина должны бы препятствовать осуществлению того, что выражается в главном предложении, но фактически не препятствует, а уступает этим фактам, т. е. являются недостаточными, чтобы получить необходимый и ожидаемый результат, что и приводит к следствию, противоположному ожидаемому [6, с. 23]. Например: *The enjoyable irony is that the Tory shires are first over the precipice, though the Labour cities have had the harshest cuts: Dorset is most protected, Liverpool hardest hit* (Cut-hit councils are going broke. Let them charge however much they like. *The Guardian*, 8 February 2018). *Although it is against the rules to use your phone, I spend much of lunch surreptitiously looking up translations for "once upon a time" and "total eclipse of the heart"* (Although I love skiing, I don't really approve of skiers. *The Guardian*, 3 February 2018).

Союзы *though* и *although* являются основными уступительными союзами в современном английском языке, что отмечается всеми зарубежными исследователями английского синтаксиса. Все другие союзы и союзные сочетания в этой функции (*albeit*, *as*, *despite the fact that*, *in spite of the fact that*) в большей или меньшей степени являются эквивалентными этим союзам. В наших материалах конструкции с союзами *though* и *although* также являются самыми распространёнными – 82% от всего материала.

Не обладая иными значениями, кроме уступительного [2, с. 297], союзы *though* и *although* выражают уступительные отношения, обладающие абсолютным характером уступительного значения. Значение полной уступки наиболее ярко и полно выражено в препозитивных придаточных, вводи-

мых этими союзами. Например: *Though the actor couple may have split nearly four years ago, that doesn't mean they can't be friends* (Melanie Griffith shares photo from dinner with ex-husband Antonio Banderas and their daughter Stella. The Daily Mail, 17 April 2018). *And although numerous experts and organisations – Nasa, Elon Musk and a bunch of other highly intelligent individuals – have provided exhaustive explanations about why the Earth is in fact round, Flat Earthers haven't taken to them* (Neil de Grasse Tyson proves the Earth is not flat once and for all. The Independent, 14 March 2018).

Изначально союз *although* (от древнеанглийского *ēal(l)-þēah*, образованного от союза *þēah* (*though*) и наречия *ēall* (*all*), употреблявшегося в качестве усилительной частицы с уступительным значением [7, с. 144]) был более эмфатичным, чем союз *though*. Сейчас, согласно многим авторам учебников по грамматике и словарей современного английского языка, *although* стал практически одним из вариантов союза *though*, и союзы эти являются взаимозаменяемыми, равнозначными [1, с. 32, 710; 3, с. 64; 5, с. 47; 8, с. 164; 9, с. 29]. Однако исследованный материал показывает, что нет достаточных оснований говорить о равнозначности союзов *though* и *although* и об их взаимозаменяемости.

Выступая, как и *though*, с абсолютным уступительным значением, союз *although* обладает большей силой уступительно-противопоставительного значения. *Although it was unfortunate to get motor neurone disease, I have been very fortunate in almost everything else* (Stephen Hawking had perfect advice for people with depression. The Independent, 14 March 2018).

Обладая большей силой уступительного значения, союз *although* не употребляется в инвертированных конструкциях следующего типа [5, с. 80–81; 8, с. 164]: *Thinly veiled marketing plot though it may be, it's certainly a good excuse to put the spotlight on his iteration of the Bordeaux blend grape, which in South America takes centre stage* (Wines of the week. The Independent, 14 April 2018).

По этой же причине союз *although* не употребляется с усилительной частицей *even*, которая часто встречается в сочетании с союзом *though* [3, с. 64; 5, с. 47; 10, с. 84]. Например: *Even though the team declined a White House invite last year after their victory over the Cleveland Cavaliers in the NBA Finals, the team met up with House Minority Leader Nancy Pelosi and Rep Barbara Lee – both California Democrats – in Washington Wednesday after a game against the Wizards* (Golden State Warriors meet Nancy Pelosi after declining Trump invitation to White House. The Independent, 1 March 2018).

В отличие от *though*, союз *although* не теряет абсолютного уступительного значения в придаточной части в постпозиции. Ср. 1) *Bundy now has a 1.42 ERA and has pitched well in all five of his*

starts, though Baltimore has lost in three of those games (MLB roundup: Moreland's slam lifts Red Sox to eighth straight. The Daily Mail, 21 April 2018). Уступительное значение в этом примере неустойчивое, оно сопровождается оттенками временного и противительного значения. Союз *though* может быть заменён здесь союзом *while* или *but* – при дальнейшем ослаблении уступительного значения. В следующем предложении союз *though* имеет присоединительное значение, значение уступки также ослаблено: *Depending on how "empty weight" is defined, this leaves a question mark over the fate of Boeing's new big-selling 737 MAX 8 jet – though the larger MAX 9 and MAX 10 could be spared* (Jet weight puzzle to determine China tariff impact on Boeing. The Daily Mail, 4 April 2018).

2) *Stressing concerns over the humanitarian situation, Macron said he would host a conference in the coming months to see what more could be done, although he backed the Saudi-led coalition's actions in Yemen* (France's Macron defends Saudi arms sales, to hold Yemen conference. The Daily Mail, 10 April 2018). *I am OFFICIALLY dead, although I'm alive; I have no income and because I am listed dead, I can't do anything* (A Romanian court has ruled that a man is dead, even though he's clearly alive – and the decision is final. The Independent, 18 March 2018). В вышеприведенных предложениях с союзом *although* придаточная часть и в постпозиции сохраняет уступительное значение, конструкции более экспрессивные, эмоциональные.

Таким образом, усилительное значение, свойственное древнеанглийскому *ēal(l)-þēah*, сохранилось и в современном уступительном союзе *although*. В отличие от придаточных предложений с союзом *though*, придаточные предложения, вводимые союзом *although*, никогда не являются в такой же степени самостоятельными [4, с. 45].

По этой же причине именно в случаях с союзом *though* чаще встречаются парцелляции придаточного. Например: *And Paul Cook's men did it all without star man Nick Powell as Shrewsbury's draw with Bury ensured they could no longer be caught by Paul Hurst's outfit with a 10-point cushion and just three games left to play. Though in the first half it was not the stroll in the park the score line reflects as Fleetwood put up a fight with boss John Sheridan left to rue what could have been had one of Ash Hunter's chances gone in* (Wigan Athletic seal promotion to Championship as next Fleetwood manager Joey Barton watches on. The Independent, 21 April 2018).

Многие зарубежные авторы учебников по грамматике современного английского языка отмечают также стилистические различия в употреблении союзов *though* и *although*: союз *though* более характерен для разговорной устной и письменной речи, в то время как *although* употребляется во всех стилях [1, с. 710; 5, с. 47; 8, с. 164; 10, с. 84].

Перечисленные отличительные черты союза *although* указывают на то, что и в современном английском языке союзы *though* и *although* не являются тождественными и не могут рассматриваться как взаимозаменяемые. Употребление *though* или *although* в современном английском языке зависит, как правило, от содержания высказывания и от степени экспрессивности уступительно-противопоставительного значения частей сложноподчиненного предложения.

Библиографический список

1. Гринбаум С., Уиткат Дж. Словарь трудностей английского языка. – М.: Рус. яз., 1990. – 786 с.
2. Ильин Б.А. Строй современного английского языка (на английском языке). – Л.: Просвещение, 1971. – 367 с.
3. Клоуз Р.А. Справочник по грамматике для изучающих английский язык: пособие для учителя (на английском языке). – М.: Просвещение, 1979. – 352 с.
4. Михалев А.Ф. Сложные предложения с уступительным значением в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1957. – 124 с.
5. Суон М. Английский язык в современном употреблении (на английском языке). – М.: Высш. шк., 1984. – 552 с.
6. Федоров А.К. Спорные вопросы анализа сложноподчиненных предложений уступительного типа // Исследования по семантике и структуре синтаксических единиц: межвузовский сб. ст. – Орел, 1998. – С. 21–37.
7. Шульман Э.И. Уступительное значение в простом предложении в древнеанглийском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1955.
8. Hewings M. Advanced Grammar in Use (with answers). – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 294 p.
9. The Oxford Modern English Dictionary / ed. by J. Swannell. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 1287 p.

10. Vince M. Intermediate Language Practice (with Key). – Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2006. – 266 p.

11. Vince M. Macmillan English Grammar in Context (Advanced with key). – Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2013. – 240 p.

References

1. Grinbaum S., Uitkat Dzh. Slovar' trudnostej anglijskogo yazyka. – M.: Rus. yaz., 1990. – 786 s.
2. Il'ish B.A. Stroj sovremennogo anglijskogo yazyka (na anglijskom yazyke). – L.: Prosveshchenie, 1971. – 367 s.
3. Klouz R.A. Spravochnik po grammatike dlya izuchayushchih anglijskij yazyk: posobie dlya uchitelya (na anglijskom yazyke). – M.: Prosveshchenie, 1979. – 352 s.
4. Mihalev A.F. Slozhnye predlozheniya s ustupitel'nym znacheniem v sovremennom anglijskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1957. – 124 s.
5. Cuon M. Anglijskij yazyk v sovremennom upotreblenii (na anglijskom yazyke). – M.: Vyssh. shk., 1984. – 552 s.
6. Fedorov A.K. Spornye voprosy analiza slozhnopodchinennyh predlozhenij ustupitel'nogo tipa // Issledovaniya po semantike i strukture sintaksicheskikh edinic: mezhvuzovskij sb. st. – Orel, 1998. – S. 21–37.
7. SHul'man E.H.I. Ustupitel'noe znachenie v prostom predlozhenii v drevneanglijskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. – L., 1955.
8. Hewings M. Advanced Grammar in Use (with answers). – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 294 p.
9. The Oxford Modern English Dictionary / ed. by J. Swannell. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 1287 p.
10. Vince M. Intermediate Language Practice (with Key). – Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2006. – 266 p.
11. Vince M. Macmillan English Grammar in Context (Advanced with key). – Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2013. – 240 p.

К ВОПРОСУ О ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НЕМЕЦКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ

Фонд медицинской лексики постоянно пополняется новыми терминологическими наименованиями. Заимствования из английского языка в немецкий язык в медицинской сфере приводят к появлению большого количества англо-немецких терминологических эквивалентов. В статье рассматриваются вопросы тематической классификации англицизмов в немецкой медицинской терминосистеме. На основании анализа эмпирического материала, включающего более 100 примеров употребления англоязычных медицинских терминов в онлайн-версии немецкой медицинской газеты *Ärzte Zeitung Online* за период 2004–2017 гг., показано, что англоязычные заимствования широко представлены в таких тематических группах, как заболевания, их симптомы и причины, лекарственные средства, медицинские инструменты, отрасли и профессии, связанные с медициной. Наиболее часто англицизмы как неологический пласт лексики служат для обозначения новейших методов диагностики и лечения, исследований и экспериментов. В статье обозначена проблема ассимиляции англицизмов в немецкой терминосистеме, рассмотрены примеры англицизмов с различной степенью ассимиляции в системе заимствующего языка.

Ключевые слова: немецкий язык, медицинская лексика, неологизм, синонимия, тематическая группа, термин, терминологический эквивалент, англицизм.

В связи со стремительным ростом новых технологий в начале третьего тысячелетия происходит постоянное обновление терминосистем в различных областях знания.

Профессиональная коммуникация предполагает грамотное использование специальных терминов, что является необходимым условием точной передачи научной информации. В частности, в области медицины возрастает актуальность изучения формирования фонда специальной терминологии, в том числе за счет заимствований. Появление заимствованных терминов в медицине обусловлено её интенсивным развитием. Медицинские термины продолжают активно создаваться, преимущественно на основе английского языка, что обусловлено, в первую очередь, его глобальным употреблением и распространением в инновационных научных сферах, к которым относятся и новые технологии в медицине.

Термин представляет собой точное вербальное обозначение какого-либо конкретного понятия в различных областях науки, техники, культуры и т.д.

Терминологическая лексика включает общую и узкоспециальную терминологию. Общая терминология охватывает универсальные слова, которые могут употребляться в разных областях науки. Узкоспециальные термины обозначают понятия, использующиеся только в конкретной научной области.

В научно-технической сфере традиционно выделяется девять групп узкоспециальной лексики: величины, единицы измерения, науки и отрасли, предметы, профессии и занятия, процессы, режимы, свойства, состояния. В научно-медицинской сфере более важным является выделение тематических групп, связанных с клинической практикой.

Использование интернациональной терминологической лексики, особенно в сфере современных технологий, способствует более точному её пониманию. Однако при лингвистическом заимствовании

возникает проблема выбора варианта термина, существование огромного числа синонимичных терминов затрудняет общение специалистов.

Существует несколько номинаций терминов с близким, тождественным значением: синонимы, дублиеты, эквиваленты.

О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» отмечает две характерные черты синонимов как особой лексической группы: во-первых, они относятся к одной части речи; во-вторых, они имеют практически одинаковое значение, в связи с чем их употребление требует от говорящего «точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств» [2, с. 406–407].

В общеупотребительной лексике синонимы используются как средство выразительности, стилистической окраски текста. В специальной лексике синонимия создает трудности в профессиональной коммуникации, а стилистическая нейтральность является одним из основных требований к терминам.

С.В. Гринёв-Гриневиц выделяет понятие *равнозначные термины* и относит к ним слова с одинаковым или близким значением, называющие одно понятие [3, с. 105]. Данные термины в классификации С.В. Гринёва-Гриневица подразделяются на *термины-синонимы* (равнозначные термины в одном языке) и *эквиваленты* (разноязычные синонимичные термины).

Выделяют ещё целый ряд видов специальной лексики – номены, терминоиды, предтермины, квазитермины, прототермины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, которые достаточно сложно различать между собой, но основной единицей специальной лексики является термин.

Не все номинации медицинской лексики, включая заимствования, можно отнести к терминам, например, названия лекарственных средств нельзя отнести к терминам, но отрезки, из которых составлены международные непатентованные наи-

менования лекарственного средства (МНН) – наименования фармацевтической субстанции, можно называть терминологическими.

Источниками специальной лексики помимо энциклопедий, терминологических словарей, учебных материалов, каталогов и номенклатурных классификаций могут также выступать распространенные виды специальной литературы – монографии и статьи в журналах, где содержится новая и авторская терминология.

Существует два способа записи лексики – тезаурусный и тематический. В источниках специальной лексики она чаще всего систематизируется в алфавитной форме и никакой связи между номинациями не имеется. Тематическая систематизация лексики позволяет объединять номинации в группы на основе их соотносённости с конкретной тематикой, при этом включение терминов в группы определяется «денотативным фактором, общностью самих явлений» [4, с. 72]. Так, Ю.Д. Апресян относит к тематической группе слова, принадлежащие к разным частям речи, но связанные с одной темой. Критерием формирования тематических групп выступают экстралингвистические параметры [1, с. 119].

Тематическая группа слов является основой для восприятия текста – это основа, которая позволяет перейти к дословной интерпретации или же поиску аналогов или эквивалентных заменителей. Выделение тематических групп – это вопрос не только перевода, но также и составления текста и передачи содержащейся в нём информации на родном языке.

В целях изучения особенностей заимствований, функционирующих в рамках немецкой медицинской терминосистемы, был собран эмпирический материал – более 100 англоязычных заимствованных медицинских терминов, выявленных методом сплошной выборки в научных статьях, представленных в онлайн-версии немецкой медицинской газеты *Ärzte Zeitung Online* (*aerztezeitung.de*) за период 2004–2017 гг. В онлайн-режиме доступен архив статей с 2004 года, что позволяет использовать их как корпус немецкого языка в медицинской сфере, состоящий из более 180000 медицинских научных статей.

Англоязычные заимствования можно классифицировать по следующим тематическим группам:

1. Заболевания, патологические состояния.
2. Симптомы заболеваний.
3. Причины заболеваний (этиология).
4. Анатомия, физиология.
5. Единицы измерения.
6. Медицинские инструменты, материалы, оборудование.
7. Медицинские профессии, звания.
8. Медицинские отрасли.
9. Медицинские учреждения, подразделения.
10. Методы диагностики и лечения.
11. Лекарственные средства.
12. Проведение исследований и экспериментов.

В немецком медицинском дискурсе встречаются примеры англицизмов всех выделенных тематических групп.

1. Заболевания, патологические состояния.

Термин «*Burn-out*» (англ. *burn-out* – выгорать) – синдром выгорания. Состояние физического, психологического утомления в результате постоянного стресса.

Metabolic Syndrome (англ. *metabolic* – связанный с обменом веществ + *syndrome* – синдром) – метаболический синдром.

Voice lift, voice-lift (англ. *voice* – голос + *lift* – подъём) – войслифт. Пластическая операция на голосовых связках с целью улучшения голоса.

Значительную часть наименований заболеваний англоязычного происхождения составляют эпонимы – термины и понятия, образованные от какого-либо имени собственного и названные в честь ученых, которые внесли наибольший вклад в исследование данных заболеваний:

Die Addison-Krankheit, Morbus Addison (болезнь Аддисона) – болезнь, которая была впервые описана британским врачом Томасом Аддисоном в 1855 г.

Das Down-Syndrom (синдром/болезнь Дауна) – заболевание названо в честь английского врача Джона Дауна, который описал его впервые в 1862 г.

Der Morbus Crohn (болезнь Крона) – данное заболевание получило свое имя в честь английского доктора Баррила Бернарда Крона. В 1932 г. ученый совместно с двумя своими коллегами опубликовал первое описание этой болезни.

Morbus Huntington (болезнь (синдром) Гентингтона или Хантингтона, хорей Гентингтона) – генетическое нейродегенеративное заболевание. Названо заболевание по фамилии врача, впервые описавшего её проявления в 1872 году.

Die Parkinson-Krankheit, Morbus Parkinson (болезнь Паркинсона / дрожательный паралич) – эта болезнь была известна задолго до исследований, проведенных Джеймсом Паркинсоном, однако получила его имя, так как он впервые выделил ее как самостоятельную нозологическую форму и описал в 1817 г.

В качестве примера англицизма-аббревиатуры, функционирующего в рамках данной тематической группы, можно привести: *AIDS (acquired immunodeficiency syndrome)* – СПИД, *HIV (Human immunodeficiency virus)* – ВИЧ.

2. Симптомы заболеваний.

Ache – боль, *breathlessness* – одышка, *chills* – озноб, *cough* – кашель, *insufficiency* – недостаточность.

3. Причины заболеваний (этиология).

Repetitive Strain Injury (RSI) – хроническое растяжение сухожилий, *whiplash associated disorders (WAD)* – хлыстовая травма.

4. Анатомия, физиология.

Ankle (лодыжка), *arm* (рука), *back* (спина), *bladder* (мочевой пузырь), *bone* (кость), *brain* (мозг, головной мозг), *bottom* (крестец).

5. Единицы измерения.

Ankle brachial index, Ankle-Brachial-Index (ABI) – лодыжечно-плечевой индекс (ЛПИ); *Body Mass Index, Body-Mass-Index (BMI)* – индекс массы тела (ИМТ).

6. Медицинские инструменты, оборудование.

Der Adapter (adapter англ. – адаптер, переходник) – переходник; *die Box* (box англ. – коробка) – специальная емкость для хранения материалов и инструментов; *der Flap* (flap англ. – лоскут, клапан) – кожный лоскут, используемый для устранения дефекта или повреждения; *der Scrub* (to scrub англ. – тереть, чистить) – косметическое средство, используемое для очищения кожи; *der Sizer* (sizer англ. – размер) – сайзер, наружный имитатор грудных имплантатов; *der Stripper* (stripper англ. – съемник, очиститель) – инструмент лазерной хирургии для устранения волокнистой поверхности; *das Tray* (tray англ. – лоток, поднос) – емкость для хранения медицинских инструментов.

7. Медицинские профессии, звания.

Medical Doctor (MD) – доктор, врач; *Master of Public Health (MPH)* – степень магистра в области общественного здравоохранения, *PhD* – доктор наук; *Nurse* – медсестра; *Advanced Nurse* – медсестра высшей квалификации; *Registered Nurse (RN)* – медицинская сестра, имеющая специальное образование, получившая регистрацию и юридическое право осуществлять медсестринскую деятельность.

8. Медицинские отрасли.

Internal Medicine – внутренние болезни, *die Care* – гигиена, *die Surgery* – хирургия.

9. Медицинские учреждения, подразделения.

Infirmary – больница (изолятор, лазарет), *Medical Center* – медицинский центр, *Department of Surgery* – хирургическое отделение.

10. Методы диагностики и лечения.

Bloodtest – анализ крови, *X-ray* – рентген.

Das Coping (to cope with smth – справиться с чем-либо) – термин в психологии для обозначения методов помощи в сложных ситуациях.

Das Lifting (to lift англ. – поднимать) – лифтинг, косметическая операция, состоящая в подтяжке кожи лица. Разновидности косметических подтяжек: *Face-Lifting, Laser-Liftings* и др.

Das Scanning (to scan – сканировать, внимательно рассматривать) – диагностическое сканирование, процесс получения изображения с оригинала.

Das Screening (to screen – экранировать, сортировать) – методика в диагностике, направленная на выявление заболеваний у клинически бессимптомных лиц.

Das Shunting (to shunt – шунтировать) – шунтирование, операция, в результате которой создается дополнительный путь для тока крови в обход участка сосуда или органа с помощью системы шунтов (трансплантатов). Шунтирование осуществляется для восстановления нормального кровотока в сосудах и восстановления нормальной работы органа.

11. Лекарственные средства.

Среди англицизмов, представляющих данную тематическую группу, можно выделить патентованные коммерческие названия некоторых лекарственных средств, например, фармацевтической компании Pfizer США: *Celebrex, Zoloft, Viagra* – название ассоциируется с силой (vigour англ. – сила), созвучно названию водопада Ниагара и формирует подсознательный образ мощного потока. В настоящее время этот препарат является одним из самых знаменитых в мире фармацевтических брендов.

Немало англицизмов представляют собой номинации, а также аббревиатуры, применяемые при маркировке лекарственных средств, например:

Over-The-Counter, Over the counter, Over-the-Counter-, Over-the-counter-, Over The Counter, Over the Counter, OTC = Over The Counter, over the counter = OTC, over the counter, «over the counter», over the Counter =, over the counter «OTC», (OTC) – лекарственные средства, продаваемые без рецепта, используемые в случаях самолечения.

Der Off-Label-Use, Off-label-use, off-label-use, Off Label Use, Off Label-Use, Off-label-Use, Offlabel-use, Off Label, off-label-use, off-label use, off labeluse, «off labelus» – использование без прямых показаний препарата, который одобрен по отношению к определенной области применения, к определенной группе лиц. В особых случаях препарат может использоваться для лечения заболеваний лиц, у которых он не разрешен.

12. Проведение исследований и экспериментов.

В эту группу входит медицинская лексика различных номинаций, связанная с проведением экспериментов, сразу же ставшая интернациональной, не требующей перевода: *das Monitoring, das Planning, das Research, das Team, der Test, der Trend.*

Англоязычные заимствования широко представлены в рамках немецкой медицинской терминосистемы. В настоящее время можно говорить об интенсификации данного процесса.

Англицизмы представляют собой неологический пласт лексики, который возникает вследствие популяризации английского языка и служит в основном для номинации новых понятий в рамках медицинского дискурса. К тематическим группам, представленным наибольшим количеством англицизмов, относятся группы новейших методов диагностики и лечения, а также исследований и экспериментов.

Англицизмы характеризуются различной степенью ассимиляции в системе заимствующего языка. В рамках медицинского дискурса функционируют как полностью ассимилированные слова, адаптированные к заимствующему языку на фонетическом, графическом, морфологическом и семантическом уровнях, так и собственно иностранные слова, выражения и аббревиатуры, не входящие в словарный состав немецкого языка и сохранившие свой иноязычный графический образ.

Современные англоязычные заимствования часто используются как неосвоенные на данный момент языком-реципиентом иноязычные вкрапления, когда слова или словосочетания передаются в речи графическими и фонетическими средствами языка-источника. В таких случаях у англицизмов-существительных опускается определённый артикль, в частности – это названия фирм: *Health-Start-up, Smart Health Service Plattform, E-Health*; периодические издания: *Magazin "Diabetes Care", Canadian Medical Association Journal, European Journal of Preventive Cardiology*.

Иногда англицизмы-существительные пишутся без артикля и с маленькой буквы, в кавычках или без них: *palliative care, «Intermediate care», «ankle brachial index»*.

Англицизмы-существительные могут употребляться и в соответствии с правилами немецкого языка – с определённым артиклем и с большой буквы. Однако и в этом случае следует отметить отклонение от правила, когда англицизм полностью пишется заглавными буквами: *die italienische MORE-CARE-Studie* или с большой выделенной буквой в середине слова: *Projekt CaRe High*.

В ряде случаев в состав англицизмов-существительных входят англоязычные предлоги: *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine, Award for Research, die European Federation of Internal Medicine (EFIM)*.

Англоязычные идиоматические выражения могут быть написаны с большой или с маленькой буквы, в кавычках или без кавычек: *«Time is brain», time is brain, "time is brain"* – время – мозг, то есть вовремя начатое лечение – спасенный мозг.

Тематические классификации не зависят от принадлежности к различным языкам и позволяют учитывать заимствования разной степени их освоения, в том числе на начальном этапе иноязычного вкрапления, когда заимствования зачастую еще не включены в словари. Например, часто используются: *Off-Label-Use* (в 205 статьях за 2004–2017 гг.), *Over-The-Counter* (в 18 статьях за 2004–2017 гг.), *Infirmarium* (в 18 статьях за 2004–2017 гг.) не включены в словари «Дуден».

Заимствованная лексика может иметь как временный, так и постоянный характер. Временные неологизмы используются эпизодически и вытесняются более уместными эквивалентами. Заимствования, не являющиеся необходимыми, приводят к избыточной синонимии.

Тематические классификации, в основе которых лежит распределение специальных терминов по тематическим областям, позволяют выявить области, в которых присутствует избыточная синонимия, включающая терминологические эквиваленты. При разработке терминосистем возможен искусственный отбор терминов и отделение их от эквивалентных вариантов.

В результате анализа эмпирического материала, включающего более ста английских заимствований в немецком медицинском дискурсе, были сделаны следующие выводы:

1. В настоящее время наблюдается интенсификация процесса пополнения немецкой медицинской лексики английскими заимствованиями. Наибольшее количество неологизмов английского происхождения представлено в тематических группах новейших методов диагностики и лечения, а также исследований и экспериментов. Это объясняется повышением значимости английского языка как источника интернациональной медицинской терминологии. Новые понятия, возникающие в сфере медицины, всё чаще получают английские наименования и усваиваются языками-реципиентами.

2. Англицизмы в немецкой медицинской терминосистеме отличаются различной степенью ассимиляции: некоторые термины адаптировались к немецкому языку на фонетическом, графическом, морфологическом и семантическом уровнях, другие слова сохранили свой иноязычный графический образ.

3. Распространение интернациональной лексики в сфере современных технологий, в том числе в медицине, является закономерным и необходимым процессом. Однако существование огромного числа синонимичных терминов может приводить к затруднению профессиональной коммуникации. Борьба с явлением избыточной синонимии позволяет составление тематических классификаций терминов, отбор закрепившихся в языке терминов и отделение их от эквивалентных вариантов. Широкое употребление англицизмов в немецкой медицинской терминосистеме сопряжено с определенными трудностями, однако необходимость их систематизации сомнений не вызывает.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. Гринева-Гриневиц С.В. Введение в терминоведение. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 304 с.
4. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.

References

1. Apresyan YU.D. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka. – M.: Nauka, 1974. – 368 s.
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1966. – 608 s.
3. Grinev-Grinevich S.V. Vvedenie v terminovedenie. – M.: Izd. centr «Akademiya», 2008. – 304 s.
4. Kuznecova EH.V. Leksikologiya russkogo yazyka. – M.: Vysshaya shkola, 1989. – 216 s.

**ПРИЕМЫ ДИАЛОГИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ
(на материале публичных выступлений Ангелы Меркель)**

В статье рассматривается вопрос, связанный с изучением диалогизации монологической публичной речи. Диалогизация – определенная стратегия речевого поведения, предусматривающая активную и равноправную роль адресата в процессе коммуникации. Диалогизация определяется также как комплекс приемов, которые наделяют монологическую речь чертами диалога. Объектом лингвистического исследования послужили тексты публичных выступлений Ангелы Меркель с 2009 по 2017 год. В качестве предмета исследования были выбраны приемы диалогизации немецкой публичной речи в политическом дискурсе. На основании анализа материала в настоящей статье отмечается ряд характерных средств диалогизации, приводятся наиболее частотные примеры конкретных языковых реализаций в отношении каждого из приемов, объясняется актуальность и уместность их употребления. Выделяются функции, реализующиеся приемами диалогизации в структуре речи политика. Особое внимание сфокусировано на восприятии устной речи адресатом в ситуации общения. В заключении делаются выводы о целесообразности и значимости исследования приемов диалогизации в аспекте достижения эффективного воздействия на адресата.

Ключевые слова: диалогизация, приемы диалогизации, диалогизированный монолог, публичная речь, политическая речь, политический дискурс, немецкий язык.

В основе публичной речи лежит заранее подготовленный текст, оформленный в виде монолога и предназначенный для устного изложения. Монологическая по форме публичная речь, тем не менее, предусматривает последующую двустороннюю коммуникацию, так как ее успешность напрямую зависит от «диалогического» взаимодействия с аудиторией. Диалогичность публичной речи в политическом дискурсе также объясняется ее воздействующим потенциалом [18, с. 49]. В соответствии с этим оратор создает речь с установкой на адресата в ситуации непосредственного контакта. Под влиянием данного фактора в структуре публичной политической речи обнаруживаются черты диалогизированного монолога.

В лингвистической литературе под диалогизацией монологической речи понимается «намеренное наделение монологической речи чертами диалога, экспликация речевого взаимодействия коммуникантов во время монологического речевого общения» [9]. Суть процесса диалогизации как одной из стратегий речевого поведения наглядно отражена в одном из современных риторических законов, который гласит, что эффективность речевого общения возможна в ситуации диалогического взаимодействия, то есть симметричной коммуникации. При этом понятия «диалогичность», «диалог» и «диалогический» трактуются в широком смысле слова. Согласно сформулированному закону, «эффективная» и «воздействующая» речь всегда предполагает обращенность к адресату, который является не пассивным, а активным равноправным участником коммуникации [10, с. 80–81; 8, с. 157]. Это позволяет нам говорить о том, что явление диалогизации монологической речи тесно связано с ее эффективностью и достижением коммуникативных целей. Действительно, публичное выступление политика всегда ориентировано на определенного адресата с учетом его индивиду-

альных характеристик. Поэтому в расчете на достижение эффективности речи значительные коммуникативные усилия говорящего должны быть направлены на соответствующий вербальный отбор [4, с. 376]. Будучи отличительной чертой политического текста, высокая степень диалогизации, по словам Н.Б. Руженцевой, способствует вовлечению слушающего в процесс общения, установлению доверительной связи и сокращению дистанции между коммуникантами [14, с. 46].

Актуальность изучения диалогизации, в частности, категории диалога, обусловлена сдвигами, произошедшими в области гуманитарного знания в XX веке. Так, принятие антропоцентрической парадигмы привело к тому, что ядро научных исследований составили следующие понятия: «общение», «сотрудничество», «диалог», «взаимопонимание», «другой» [3, с. 15; 4, с. 72–73]. Об этом свидетельствуют труды таких философов, как М. Бубер, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, Ф. Розенцвейг, Н.А. Бердяев, А.А. Брудный, В.С. Библер и др. Несомненно, нельзя недооценивать огромное влияние, которое оказала концепция диалога российского теоретика М.М. Бахтина на развитие наук о языке и философии. В его трудах «диалог» приобретает глубокое, философско-экзистенциальное значение, так как «быть – значит общаться диалогически» [2, с. 160]. В то же время диалогичность есть универсальное явление, которое лежит вне пределов языка и пронизывает всю человеческую жизнедеятельность [2, с. 248]. Таким образом, ученый подчеркивает социально и коммуникативно значимую сущность языка. Последняя, по словам М.Н. Кожинной, находит отражение в таком свойстве монологической речи как диалогичность [6, с. 78]. В настоящей статье диалогичность рассматривается в качестве конститутивного и внутреннего признака публичной политической речи, обусловленного целым рядом причин. Во-первых,

как было отмечено выше, политик всегда адресует свою речь аудитории и выстраивает высказывание в соответствии с ожиданиями и ответной реакцией на него, надеясь на активное понимание. Во-вторых, принимая во внимание концепцию М.М. Бахтина, в публичной речи отражается не только сознание одного субъекта, говорящего, но и слушающего. Публичная речь – это то поле, где взаимодействуют два сознания, два мировоззрения. В результате политик устанавливает диалог с адресатом с целью воздействия на активное мышление на уровне сознания. Наконец, диалогичность имеет экстралингвистическое обоснование: она связана с диалогичностью социального мышления в политической сфере.

Диалогизация монологической речи с давних пор является объектом филологического исследования в теоретических работах Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова, М.Н. Кожиной, Л.Р. Дускаевой [15, с. 45–47]. Кроме того, рассматриваемый феномен интенсивно изучается в научной речи [6; 7], академическом выступлении [3; 16], в художественных произведениях [11; 20], в религиозных текстах [12], в публицистических текстах [5], а также в англоязычном политическом дискурсе [1]. Существуют исследования частного характера, посвященные, например, монологичности и диалогичности реплики в немецкой парламентской коммуникации [19]. Тем не менее, как показывает обзор, анализ приемов диалогизации еще не получил должного освещения на материале немецкого политического дискурса. Цель настоящего исследования – анализ политических публичных речей Ангелы Меркель с точки зрения выявления характерных приемов диалогизации, установления их роли в успешности восприятия и в осуществлении оптимального эффективного общения. Материалом для исследования послужили тексты 50 публичных речей А. Меркель в период с 2009 по 2017 год.

Разнообразие средств диалогизации в политической публичной сфере можно свести к функциям, которые они выполняют в речи: 1) репрезентация плана речи «третьих» лиц; 2) указание на характер взаимодействия смысловых позиций; 3) экспликация автодиалогичности; 4) побуждение [15, с. 131]. Учитывая специфику политического публичного выступления, необходимо также выделить пятую, когезивную функцию. Она позволяет упорядочить концептуально-содержательную информацию и, следовательно, облегчить восприятие адресатом. Рассмотрим каждую из функций.

Экспликация чужих смысловых позиций может быть вербализована при помощи: а) цитации: *Der ungarische Schriftsteller György Konrád bezeichnet Europa gern als – ich zitiere ihn: „superkomplexen interessanten Roman“/ Oder wie der französische Schriftsteller André Gide feststellte:*

„Man entdeckt keine neuen Erdteile, ohne den Mut zu haben, alte Küsten aus den Augen zu verlieren.“ б) когезивной речи: Denn mir wurde gesagt, die Beantragung von Fördermitteln der Europäischen Union sei nahezu so kompliziert wie ein Hochschulstudium / Jedoch wurde mir gesagt, die Zahl derer, die für die B190n sind, sei weitaus größer als die Zahl der Menschen, die dagegen sind в) вводных слов и вводных замечаний со ссылкой на чужое мнение: Wie Sie, Herr Vizepremierminister, es eben gesagt haben, zählt auch der Umbruch in Nordafrika und im Nahen Osten zu unseren gemeinsamen Herausforderungen / Ich unterstreiche das, was Sie, Herr Präsident, gesagt haben, nämlich dass wir diese Reformen jetzt im Interesse der Landwirtschaft schnell abschließen müssen [13]. Как показал анализ, политические речи Ангелы Меркель насыщены множеством цитат, аллюзий, ссылок, иными словами, прецедентными феноменами, активизирующими фоновые знания, коды и ассоциации культурного фонда адресата. Восприятие подобных выражений с «приращением» смысла всегда «однозначно и предопределено национально-культурными традициями аудитории» [4, с. 109]. Все это в совокупности играет большую роль в оказании сильного воздействующего эффекта на адресата.

В текстовой ткани публичных выступлений также прослеживается указание на характер взаимодействия смысловых позиций. Так, отношения противопоставления реализуются посредством употребления вводных слов и противительных союзов, что дает возможность представить ход мышления говорящего в речи: *Doch umgekehrt hat Großbritannien Europa auch schon viel gegeben / Dennoch wird die kontroverse Diskussion über diese Frage natürlich anhalten / Jedoch wollen wir eine politische Lösung / / Sie macht deutlich, dass diese Herausforderung keine deutsche allein ist, dass sie auch keine europäische allein ist, sondern eine globale / Wir wissen aber, dass Pandemien nicht nur einzelne Länder gefährden, sondern einen großen Einfluss auf die gesamte Welt haben können [13].* Отношения согласия выражаются при помощи соответствующих вводных слов, предлогов, частиц указанной семантики: *Wir müssen natürlich das gesetzliche Renteneintrittsalter Schritt für Schritt erreichen / Zweifellos nehmen in solchen Prozessen die Medien eine wichtige Rolle ein / Das ist doch wirklich eine Erfolgsgeschichte / Laut UN-Empfehlung wäre deutlich mehr möglich / Wie wir wirtschaften, wie wir konsumieren, wie wir vorsorgen – all das bestimmt unser Erbe [13].*

К следующему приему диалогизации монологической речи следует отнести вопросно-ответный комплекс. Он представляет собой структурно-семантическую целостность и состоит, как правило, из двух предложений. Его употребление соотносится с функцией автодиалогичности, по-

сколькo говорящий сам отвечает на поставленный вопрос, имитируя диалог. Весьма эффективно данный комплекс акцентирует внимание адресата на политических проблемах, подлежащих обсуждению. Кроме того, вопросно-ответные формы позволяют аудитории следить за ходом и логикой рассуждения говорящего, а также привносят динамизм в речь. Как верно отмечает А.П. Сквородников, помимо того, что вопросно-ответный ход активизирует внимание, он также создает непринужденный и разговорный тон речи [8, с. 112]. Проиллюстрируем сказанное примерами: *Was ist das Wichtige? Das Wichtige ist, dass der Abschluss der Finanzverhandlungen jetzt Planbarkeit und Planungssicherheit schafft, und zwar für alle / Warum erzähle ich Ihnen das? Weil ich mich im Vorfeld schon einmal nach der Frage der Barrierefreiheit erkundigt habe* [13]. Наряду с данным комплексом политик также прибегает к использованию риторических вопросов, которые не подразумевают ответа: *Deshalb lässt sich aus der Grundsatzfrage nach der gesellschaftlichen Nutzenstiftung einer Forschung auch eine weitere Frage ableiten. Und die heißt: Wie sieht eigentlich optimale volkswirtschaftliche Politikberatung aus?* [13] Известно, что риторические вопросы служат целям экспрессии речи. Как отмечает Л.Р. Дускаева, риторические вопросы усиливают диалогический тонус высказывания, инициируя эмоциональное воздействие. В результате эмоционально окрашенное высказывание интимизирует общение, вовлекая адресата в совместное размышление [15, с. 644].

В ходе выступления немаловажным представляется побудить адресата к выполнению действий. Для этого на вербальном уровне часто используются безличные модальные конструкции с инфинитивом. Примером тому могут служить следующие фрагменты: *Das heißt, man muss darauf hinarbeiten, dass zum Schluss eigentlich in jedem der Länder die Ziele erreicht werden / Man sollte vielleicht die Arbeitsgesetzgebung schon einmal in diese Richtung weiterentwickeln / Man kann sich oft gar nicht vorstellen, dass mehr Flexibilität möglich ist* [13].

Помимо вышеперечисленных языковых средств, функция побуждения маркеров диалогизации осуществляется при помощи форм непрямого «lassen» и прямого императива, а также лексем с компонентами совместности: «вместе», «партнер» «поддерживать контакт», «поддерживать диалог» и т.д. Причем побуждение, исходящее от Ангелы Меркель, направлено именно на совместное сотрудничество. Данную мысль можно подтвердить следующими примерами: *Seien Sie Partner für andere in der Welt / Zum Schluss wollen wir alle eine gemeinsame Lösung finden / Lassen Sie uns gemeinsam daran arbeiten / Lassen Sie uns in Kontakt bleiben / Lassen Sie uns in einem intensiven Dialog bleiben* [13].

Наконец, весьма важным приемом диалогизации является использование вводных слов, словосочетаний и предложений, указательных местоимений, которые организуют логику изложения и поэтапное разворачивание мысли оратора, устанавливая связь между высказываниями, что облегчает восприятие устной речи аудиторией. Это можно подтвердить следующими примерами: *jetzt kommen wir noch einmal zu den Wurzeln, zu den Ursachen der Situation / Zweitens. Wir haben den Stabilitäts- und Wachstumspakt verschärft / Das war das, was ich zum europäischen Thema sagen wollte / abschließend eine kurze Bemerkung zu Deutschland und zur Zukunft Deutschlands / Ich werde gleich noch einmal darauf zurückkommen / Ich möchte noch auf einen anderen Aspekt des Ausweichens zu sprechen kommen / Also gibt es einen hohen Bedarf an Investitionen in bestehende Verkehrswege / In diesem Zusammenhang möchte ich auch Ihnen für das danken, was Sie im Bereich der Ausbildung tun / Darüber haben wir vor gut zwei Monaten auch auf dem EU-Afrika-Gipfel gesprochen / Ich will aber zu Beginn doch noch einmal daran erinnern / Das dritte ist, dass auch eine Analyse der makroökonomischen Faktoren vorgenommen wird* [13]. Широкий спектр когезийных средств позволяет политику прогнозировать восприятие и понимание речи аудиторией, поскольку устную речь, в отличие от письменной, невозможно обозреть.

Таким образом, изученные публичные выступления Ангелы Меркель отличаются ярко выраженными чертами диалогизации на различных уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом. В результате исследования были выявлены наиболее типичные приемы диалогизации: цитация, косвенная речь, ссылки на чужое мнение, вопросно-ответные конструкции, риторические вопросы, формы непрямого и прямого императива, неопределенно-личные конструкции с модальным глаголом, средства выражения смысловых позиций, когезийные средства. Введение элементов диалога Ангелой Меркель подчинено цели оживления монологической речи и привлечения внимания, установления и поддержания контакта с аудиторией. С помощью проанализированных приемов усиливается как эмоциональное воздействие, так и воздействие интеллектуального характера. Кроме того, приемы диалогизации обеспечивают непосредственное участие адресата в процессе рече-и сомышления, выражают побуждение к действию. Их использование является необходимым условием для успешного общения и оптимизации двусторонних отношений.

Библиографический список

1. Бабиц Н.Г. Диалогизация и интимизация как средства создания персуазивности в политическом дискурсе (на материале президентского интер-

- вью Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего и Барака Х. Обамы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. – 2012. – № 6. – С. 97–103.
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев: «Next», 1994. – 511 с.
 3. Блох М.Я., Фрейдина Е.Л. Публичная речь и ее просодический строй. – М.: Прометей, 2011. – 236 с.
 4. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – 441 с.
 5. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. – 176 с.
 6. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи // Русский язык за рубежом. – 1981. – № 6. – С. 77–83.
 7. Красавцева Н.А. Выражение диалогичности в письменной научной речи: дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 1987. – 254 с.
 8. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
 9. Матвеева Т.В. Диалогизация // Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н / Д.: Феникс, 2010. – С. 89–90.
 10. Михальская А.К. Основы риторики. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
 11. Моисеева Н.В. Средства диалогизации монологической речи (на материале прозы А.П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д., 1998. – 22с.
 12. Орехова Д.В. Церковно-религиозный и политический типы дискурса сквозь призму диалогичности: на материале жанра послания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 23 с.
 13. Публичные речи А. Меркель с 2009 по 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bundeskanzlerin.de/SiteGlobals/Forms/Webs/BKin/Suche/DE/Solr_aktuelles_formular.html?nn=619050&timerange=2017+2016+2015+2014+2013+2012+2011+2010+before&doctype=speech (дата обращения 12.05.2018)
 14. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2004. – С. 46.
 15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 696 с.
 16. Хорошилова С.П. Диалогизация процесса речевого воздействия на аудиторию // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 11. – С. 131–132.
 17. Цин Ян. Приемы речевого воздействия в жанре лекции: стилистические фигуры, способы диалогизации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2018. – 26 с.
 18. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – 292 с.
 19. Burkhardt A. Zwischen Monolog und Dialog. Zur Theorie, Typologie und Geschichte des Zwischenrufs im deutschen Parlamentarismus. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. – 676 s.
 20. Orth E.-M. Das Selbstgespräch: Untersuchungen zum dialogisierten Monolog am Beispiel englischsprachiger Romane. – Trier: WVT, 2000. – 190 s.

References

1. Babich N.G. Dialogizaciya i intimizaciya kak sredstva sozdaniya persuazivnosti v politicheskom diskurse (na materiale prezidentskogo interv'y u B. Klinton a, Dzh. Bush a-mladsh ego i Baraka H. Obamy) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Lingvistika. – 2012. – № 6. – S. 97–103.
2. Bahtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo. – Kiev: «Next», 1994. – 511 s.
3. Bloh M.YA., Frejdina E.L. Publichnaya rech' i ee prosodicheskij stroj. – M.: Prometej, 2011. – 236 s.
4. Graudina L.K., SHiryayev E.N. Kul'tura russkoj rechi i ehffektivnost' obshcheniya. – M.: Nauka, 1996. – 441 s.
5. Duskaeva L.R. Dialogicheskaya priroda gazetnyh rechevyh zhanrov. – Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 2004. – 176 s.
6. Kozhina M.N. O dialogichnosti pis'mennoj nauchnoj rechi // Russkij yazyk za rubezhom. – 1981. – № 6. – S. 77–83.
7. Krasavceva N.A. Vyrazhenie dialogichnosti v pis'mennoj nauchnoj rechi: dis. ... kand. filol. nauk. – Perm', 1987. – 254 s.
8. Kul'tura russkoj rechi: EHnciklopedicheskij slovar'-spravochnik / pod red. L.YU. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. SHiryayeva i dr. – M.: Flinta: Nauka, 2003. – 840 s.
9. Matveeva T.V. Dialogizaciya // Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. – Rostov n / D.: Feniks, 2010. – S. 89–90.
10. Mihal'skaya A.K. Osnovy ritoriki. – M.: Prosveshchenie, 1996. – 416 s.
11. Moiseeva N.V. Sredstva dialogizacii monologicheskoy rechi (na materiale prozy A.P. CHEkhova): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Rostov-n/D., 1998. – 22s.
12. Orekhova D.V. Cerkovno-religioznyj i politicheskij tipy diskursa skvoz' prizmu dialogichnosti: na materiale zhanra poslaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2015. – 23 s.
13. Publichnye rechi A. Merkel' s 2009 po 2017 god [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.bundeskanzlerin.de/SiteGlobals/Forms/Webs/BKin/Suche/DE/Solr_aktuelles_formular.html?nn=619050&timerange=2017+2016+2015+2014+2013+2012+2011+2010+before&doctype=speech

13+2012+2011+2010+before&doctype=speech (data obrashcheniya 12.05.2018)

14. Ruzhenceva N.B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossijskom politicheskom diskurse. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2004. – S. 46.

15. Stilisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka / pod red. M.N. Kozhinoj. – M.: Flinta: Nauka, 2011. – 696 s.

16. Horoshilova S.P. Dialogizaciya processa rechevogo vozdejstviya na auditoriyu // Mezhdunarodnyj zhurnal ehksperimental'nogo obrazovaniya. – 2010. – № 11. – S. 131–132.

17. Cin YAn. Priemy rechevogo vozdejstviya v zhanre lekcii: stilisticheskie figury, sposoby

dialogizacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ekaterinburg, 2018. – 26 s.

18. CHudinov A.P. Sovremennaya politicheskaya kommunikaciya. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2009. – 292 s.

19. Burkhardt A. Zwischen Monolog und Dialog. Zur Theorie, Typologie und Geschichte des Zwischenrufs im deutschen Parlamentarismus. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. – 676 s.

20. Orth E.-M. Das Selbstgespräch: Untersuchungen zum dialogisierten Monolog am Beispiel englischsprachiger Romane. – Trier: WVT, 2000. – 190 s.

ЛЕКСЕМЫ СЛОЖЕНИЕ, ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ И ИХ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С КИТАЙСКИМ

В работе основное внимание уделяется оценочным характеристикам лексем *сложение* и *телосложение*, находящимся в атрибутивной конструкции и представляющих собой важные фрагменты русской и китайской языковых картин мира. Сопоставление с оценочными фрагментами русской и китайской языковых картин мира позволяет установить их сходства и различия. Сопоставительный анализ оценочных структур данных слов позволяет прийти к следующему выводу: у носителей русского и китайского языков в представлениях о сложении и телосложении человека имеются сходства, при этом существует и немало различий. Кроме словарной статьи в одноязычных и двуязычных словарях, коннотация также не менее важна для функционального аспекта слова. Количество характеристик внешних свойств тела человека в китайской языковой картине мира гораздо меньше, чем в русской.

Ключевые слова: значение лексемы *сложение*, значение лексемы *телосложение*, значение лексемы *体格*, значение лексемы *体型*, оценка, атрибутивная конструкция, русская языковая картина мира, китайская языковая картина мира.

В «Русском семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой слова *сложение* и *телосложение* помещаются в подмножестве «общие обозначения тела» [5, т. 1. с. 467]. «Словарь, составленный по принципу объединения однородных вещей, более поучителен, чем составленный в алфавитном порядке» [8, с. 198]. Существительное *сложение* толкуется следующим образом: ‘то же, что телосложение’ [5, т. 1, с. 467]. Значение слова *телосложение* трактуется так: ‘внешнее строение, форма тела’ [5, т. 1, с. 467]. Лексема *сложение* переводится как *体格*, *身材* ‘сложение, фигура’ [13, с. 592], а слово *телосложение* – *体格* ‘сложение, фигура’ [13, с. 592]. *体格* переводится как ‘телосложение, сложение’ [11, с. 2004]. Существительное *体型* – ‘тип тела человека’ (в основном относится к пропорции между разными частями тела) [12, с. 1280]. Слово *体格* соответствует лексеме *сложение*, а *身材* и *体型* – лексеме *телосложение*, но в нашей статье только *体型* соответствует слову *телосложение*. Основой исследования стали атрибутивные конструкции со словами *сложение* и *телосложение*, представленные в предложениях национального корпуса русского и китайского языков [2; 8].

Наша основная гипотеза состоит в том, что в русском и китайском языковом сознании *сложение* и *телосложение* семантически не эквивалентны. В Викисловаре происхождение слова *сложение* определяется как ‘от гл. сложить’ [4]. *Телосложение* – ‘из тела + сложение’ [4]. В китайском языке *体格* ‘сложение’ включает в себя иероглифы *体* ‘тело’ и *格* («品格, 风度) ‘характер, манера поведения’ [9, т. 1, с. 799]. Слово *体型* ‘телосложение’ содержит иероглифы *体* ‘тело’ и *型* («式样, 类型) – ‘стиль, тип’ [10, т. 3, с. 2569]. Для начала мы разделили имеющиеся у нас примеры на три группы: 1) лексемы *сложение* и *телосложение* могут быть взаимозаменяемыми в русском языке; 2) лексема *сложение* не заменяется на слово *телосложение*; 3) лексема *телосложение* не заменяется

на лексему *сложение*. Внутри каждой группы мы осуществляем перевод на китайский язык.

Лексемы *сложение* и *телосложение* могут быть взаимозаменяемыми в русском языке.

Сложение и *телосложение* концептуализируются в русском языке как внешнее строение и форма тела человека, поэтому к ним применимы те перцептивные характеристики, большинство которых выражается через ощущение и восприятие объекта. Выделим ряд таких характеристик.

Состояние полноты. Для описания состояния полноты в русском и китайском языках имеется богатая лексика. Дескриптивные прилагательные (*пышный, худой, угловатый*) находятся на шкале оценивания сложения, и также могут быть вынесены на шкалу оценивания телосложения без учета контекста. *Острые мелкие черты, козлиная бородка чеховского героя, выдающиеся лопатки и длинные руки, при худом сложении и очках...* (А.С. Грин. «Фанданго») [2]; *...будучи дамой пышного телосложения, рассчитываете с их помощью превратиться в Дюймовочку* (Яна Зубцова, Мария Перова. «Ликвидация без операции») [2]. Слабый оценочный компонент, имеющийся в этих примерах, возникает в виду культурной и социальной обусловленности: герой представлен худощавым и длинным. Прилагательные *острый, козлиный* (козлиная бородка тоже заострена), *длинный, худой* подчеркивают внешность героя, солдата из пехоты. А во втором примере дама имеет пышное телосложение. Параметрическое прилагательное *пышный* само по себе носит положительную оценку при описании формы тела женщины. Как выше сказано, слова *体格* ‘сложение’ и *体型* ‘телосложение’ также сочетаются с прилагательными, носящими значение состояния полноты тела человека, поэтому могут употребляться в данных примерах.

Красота. *Сложение* и *телосложение* относятся к внешнему строению и форме тела человека, красота которых обращает на себя большое внимание. Красота, получаемая человеком сенсорно,

дает наслаждение и эстетическое удовольствие. Там она встретила девушку, которая ей приглянулась: «...Она стройна, красивого сложения. Ростом с нашу Катерину или повыше. (А.К. Дживелегов. Аньоло Фиренцуола (1934)) [2]. ...На зеркало невольно приходится смотреть и на женщину красивого телосложения тоже. (В.Н. Гельфанд. Дневники) [2]. В первом контексте сразу заметен сильный оценочный компонент, возникающий ввиду близкого рассмотрения незнакомой девушки, которая приглянулась женщине. Во втором предложении сильный оценочный элемент, выражающий появившуюся симпатию мужчины к женщине, возникает при рассмотрении объекта через призму зеркала. Сильные оценочные компоненты, имеющиеся в двух контекстах, отличаются друг от друга в культурном и социальном аспектах. Буквальное значение 体型 ('телосложение') – 'форма тела'. В сознании носителя китайского языка тело может обладать как красивой формой, так и непривлекательной.

Состояние здоровья. Для указания на состояние здоровья существует ряд прилагательных, среди которых прилагательное *здоровый* является самым распространенным. Прилагательные *крепкий, сильный, железный* являются положительными на шкале оценивания, в то время как прилагательные *слабый, хилый, убогий* несут отрицательную коннотацию. *Рыцарю со слабенькими рожками и, следовательно, хилым телосложением не видать невесты, как своих рогов* (С. Веденин. Зачем барану рога? (1970)) [2]. *Несмотря на свое довольно хилое сложение, бывший купец обладал удивительной верткостью ...* (Елена Хаецкая. Мракобес) [2]. В обоих предложениях прилагательное *хилый* сочетается со словами *сложение* и *телосложение*, при этом, как можно понять из контекста, речь идет о разных людях: в первом примере фигурирует рыцарь – 'всадник в средневековой Европе, обычно мужественный и благородный'; в другом примере купец – 'человек, занятый торговлей', наделен хилым сложением. Производный предлог (*несмотря на*) подчеркивает имеющийся в описании человека контраст, ведь хилое сложение подразумевает нездоровое тело, а значит и возможные проблемы с движением. В китайской традиционной медицине 体格 ('сложение') олицетворяет здоровье. Если у человека хорошее 体格 ('сложение'), считается, что он обладает безупречным здоровьем и не может заболеть.

Лексема *сложение* не заменяется на лексему *телосложение*.

Лексемы *сложение* и *телосложение* являются синонимами, в большинстве случаев они могут заменять друг друга. Хотя они сходны по значению, но отличаются либо стилистической окраской, либо оттенками значения.

Вес. Весовая категория строится на основе оппозиции прилагательных *легкий / тяжелый*,

которые носят негативную оценку и находятся на отрицательной стороне оценочной шкалы. *Оказался он крепкого тяжеловесного сложения, с намечающимся брюшком.* (Елена Хаецкая. Мракобес (1997)) [2]. В данном предложении *сложение* рассматривается с точки зрения состояния здоровья человека и характеризует его вес. Прилагательное *тяжеловесный* толкуется как 'то же, что тяжелый, а также массивный, громоздкий' [3, с. 810]. Слова *тяжеловесного, намечающимся, брюшком* четко показывают, что у героя, упоминаемого в примере, крепкое здоровье, но уродливое тело. В подобном примере в китайском языке следует употреблять слово «身体» ('тело'), потому что в сознании носителя китайского языка только у тела имеется вес.

Часть, компонент тела. В сознании носителя русского языка тело человека состоит из мышц и костей, и в контексте этот факт определяет выбор конкретного слова. *Вошедший солдатик был парень лет двадцати трех, крепкого, мускулистого сложения, красивого лица, стройный, смуглотелый.* (Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862)) [2]. В данном предложении под *сложением* имеется в виду 'мускулистая ткань тела человека', который является военнослужащим низкого ранга. Сильный оценочный компонент, имеющийся в этом примере, возникает из-за употребления слов *солдатик* – «Ласк. к солдату» [6, с. 189]. Прилагательные *крепкий, мускулистый, красивый, стройный* и *смуглотелый* дают нам прекрасное представление об этом солдате. В китайском языке в подобном примере употребление слова «身体» ('тело') можно считать допустимым, но только с учетом перевода прилагательного *мускулистый* на китайский язык как 强壮 ('сильный') или 结实 ('крепкий').

3. Лексема *телосложение* не заменяется на лексему *сложение*.

Прямота. Что касается формы тела, кроме полноты, роста, веса, существует еще такая характеристика, как прямота. Телосложение с позиции прямоты рассматривается в следующем примере: *...Гердера, который придает так много цены прямому телосложению человека, чего лишены другие твари* (А.В. Никитенко. Дневник (1831)) [2]. При описании прямоты телосложения прилагательное *прямой* является часто употребляемой нормой. Это прилагательное несет положительную оценку. Слово *сложение* не применимо в тексте А.В. Никитенко, поскольку стилистически этот отрывок текста близок к научному стилю, подразумевающему употребление терминов. Термином же является *телосложение*, а не *сложение*. Слово 体型 ('телосложение') само по себе содержит иероглиф 型 ('форма'), который вполне можно сочетать с прилагательным *прямой*.

Эмоция. Чувственное отношение базируется на бездоказательном утверждении: любая оцен-

ка дается человеком, что обязательно предполагает субъективность, так как каждый человек имеет свое мнение. И достижение объективной оценки практически невозможно. В.К. Вилонас отмечал, что «эмоциональные переживания отличаются исключительной субъективностью, ... то есть удовольствие, желание, гнев имеются в мире лишь постольку, поскольку в нем есть существа – субъекты» [1, с. 31]. И все эти эмоции выражаются вербально, в языковом пространстве, а также невербально, через мимику, жесты. Язык же является одним из важнейших средств: ... и вот на сцене и экране действует артист **завидного телосложения** (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)) [2]. Сильный эмоционально-оценочный компонент, имеющийся в данном контексте, возникает при описании конкретного человека в специальной ситуации (на сцене и экране). Здесь употребление эмоционального прилагательного *завидный* сразу дает нам понять, что перед нами человек с красивым, стройным и подтянутым телом, вызывающим даже зависть. В китайском языке завидное 体格 ‘сложение’ обозначает то, что у тела человека очень хорошее состояние здоровья. *Завидное 体型* ‘телосложение’ значит красивое и стройное телосложение, вызывающее зависть.

Изложенные наблюдения приводят нас к выводу о том, что в отношении характеристики тела человека сенсорное восприятие является основным компонентом для определения оценки сложения и телосложения, и на основе визуального восприятия даются эстетическая, медицинская и эмоциональная оценки. В русском языке слова *сложение* и *телосложение* являются синонимами, но со своими функционально-стилевыми особенностями. Когда идет речь о внешних параметрах, к примеру, о размере или полноте, в этой ситуации сложение и телосложение являются полными синонимами. Тело и телосложение (форма тела) в русском языке находятся в одном семантическом поле. Это означает, что в русской языковой картине мира предмет и его внешние свойства тождественны. В китайской же языковой картине мира, наоборот, тело и его форма, то есть сложение или телосложение находятся в разных семантических полях, в виду этого не являются тождественными друг другу. В сознании носителя китайского языка тело является предметом, который можно потрогать, понюхать, взвесить, в то время как на форму тела можно только смотреть. Итак, сфера употребления слов *сложение* и *телосложение* в русском языке гораздо шире, чем их сфера употребления в китайской культуре. Таким образом, в русской и китайской языковых картинах мира существует большая разница в понимании и восприятии внешних характеристик тела человека. Поэтому при переводе русских атрибутивных сочетаний со словами *сложение* и *телосложение* на китайский

язык, помимо лексического значения, закрепленного в словаре, необходимо учитывать еще и ситуативно-культурологические особенности указанных лексем.

Библиографический список

1. Вилонас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М.: МГУ, 1976. – 143 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 08.06.2017).
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 стр.
4. Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 08.11.2017).
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: РАН. Ун-т рус. яз., 2002. – 800 с.
6. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 4. – 800 с.
7. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / пер. с нем. А.С. Бобовича; ред., предисл. и прим. Р.А. Будагова. – М.: Инстр. лит-ра, 1950. – 296 с.
8. CCL 语料库检索系统 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xandai (дата обращения: 08.06.2017).
9. 辞海 第六版彩图本/ 夏征农, 陈至立主编. – 上海: 上海辞书出版社, 1, А-Г, 2009.9 3099 页 (Ци Хай. Шестое издание цветной версии / гл. ред. Цзя Чжэнноу, Чжэнь Жили. Т. 1, А-Г. – Шанхай: Шанхайская типография словаря, 2009. – 3099 с.)
10. 辞海 第六版彩图本/ 夏征农, 陈至立主编. – 上海: 上海辞书出版社, 3, N-T, 2009.9 3099 页 (Ци Хай. Шестое издание цветной версии / гл. ред. Цзя Чжэнноу, Чжэнь Жили. Т. 3, N-T. – Шанхай: Шанхайская типография словаря, 2009. – 3099 с.)
11. 汉俄大词典/ 顾柏林主编. – 上海: 上海外语教育出版社, 2009. 2877页 (Большой китайско-русский словарь / гл. ред. Гу Байлинь. – Шанхай: Типография иностранного обучения Шанхая, 2009. – 2877 с.)
12. 江蓝生 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 6版. –北京: 商务印书馆, 2012 1789页. (Цзян Лань Шэн. Современный китайский словарь / редакция словаря в институте лингвистики китайской академии науки. 6-е изд. – Пекин: Типография бизнеса, 2012. –1789 с.)
13. 张建华 现代俄汉双解词典/张建华等编. –北京: 外语教学与研究出版社,1992. 4. 1304页. (Чжан Цианьхуа Современный русско-китайский словарь / гл. ред. Чжан Цианьхуа. – Пекин: Типо-

графия обучения и изучения иностранных языков, 1992. – 1304 с.)

References

1. Vilyunas V.K. Psihologiya ehmocional'nyh yavlenij. – M.: MGU, 1976. – 143 s.
2. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 08.06.2017).
3. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. – M.: OOO «A TEMP», 2006. – 944 str.
4. Russkij Vikislovar' [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ru.wiktionary.org> (data obrashcheniya: 08.11.2017).
5. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij / pod obshchej red. N.YU. SHvedovoj. – M.: RAN. Un-t rus. yaz., 2002. – 800 s.
6. Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. / RAN, In-t lingvisticheskikh issledovanij; pod red. A.P. Evgen'evoj. – M.: Rus. yaz., 1999. – T. 4. – 800 s.
7. SHuhardt G. Izbrannye stat'i po yazykoznaniyu / per. s nem. A.S. Bobovicha; red., predisl. i prim. R.A. Budagova. – M.: Inostr. lit-ra, 1950. – 296 s.
8. CCL 语料库检索系统 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai (data obrashcheniya: 08.06.2017).
9. 辞海 第六版彩图本/ 夏征农, 陈至立主编. – 上海: 上海辞书出版社, 1, A-G, 2009.9 3099 页 (Ci Haj. SHestoe izdanie cvetnoj versii / gl. red. SHCHia CHzhehnnou, CHzhehn' ZHili. T. 1, A-G. – SHanhaj: SHanhajskaya tipografiya slovarya, 2009. – 3099 s.)
10. 辞海 第六版彩图本/ 夏征农, 陈至立主编. – 上海: 上海辞书出版社, 3, N-T, 2009.9 3099 页 (Ci Haj. SHestoe izdanie cvetnoj versii / gl. red. SHCHia CHzhehnnou, CHzhehn' ZHili. T. 3, N-T. – SHanhaj: SHanhajskaya tipografiya slovarya, 2009. – 3099 s.)
11. 汉俄大词典/ 顾柏林主编. – 上海: 上海外语教育出版社, 2009. 2877页 (Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' / gl. red. Gu Bajlin'. – SHanhaj: Tipografiya inostrannogo obucheniya SHanhaya, 2009. – 2877 s.)
12. 江蓝生 现代汉语词典/ 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 6版. – 北京: 商务印书馆, 2012 1789页. (Czyan Lan' SHEhn. Sovremennyj kitajskij slovar' / redakciya slovarya v institute lingvistiki kitajskoj akademii nauki. 6-e izd. – Pekin: Tipografiya biznesa, 2012. – 1789 s.)
13. 张建华 现代俄汉双解词典/ 张建华等编. – 北京: 外语教学与研究出版社, 1992. 4. 1304页. (CHzhan Cian'hua Sovremennyj russko-kitajskij slovar' / gl. red. CHzhan Cian'hua. – Pekin: Tipografiya obucheniya i izucheniya inostrannyh yazykov, 1992. – 1304 s.)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Автор обращается к одному из наиболее актуальных объектов современной отечественной лингвистики – политическому дискурсу. Цель статьи сводится к уточнению особенностей, присущих политическому дискурсу. Приводится широкое понимание политического дискурса. Основная цель исследуемого феномена видится в его инструментальном предназначении, однако выявлены и другие цели политического дискурса (информирование, привлечение внимания и т.д.). На основе работ отечественных и зарубежных исследователей автором последовательно определяются особенности политического дискурса: множественная жанровая реализация, релевантность различным социальным группам, национально-культурная предопределенность и открытость к интеграции, амбивалентность, прагматическая (инструментальная) направленность, манипулятивность, динамичность, массовость адресатов, полемичность, экспрессивность, разнообразие используемого языка и высокая степень автора ответственности за коммуникативные неудачи.

Ключевые слова: политический дискурс, язык, речь, прагматика, политика, характеристики, общество.

Современная политическая ситуация свидетельствует об обострении форм борьбы за власть и поднимает проблему теоретизации взаимодействия дискурса и власти. Все происходящее в истории конкретного общества и его различных сферах (медицина, политика, религия, экономика) имеет собственное уникальное отображение в языке. В частности, это проявляется в возрастающем влиянии языка на социальные процессы и вовлеченных в них субъектов. В то же время язык – это тень общественной жизни, он представляет собой внешнее проявление глубинной сущности бытия.

Политика – одна из наиболее архаических (в смысле – иррациональных) сфер человеческой деятельности. Проявление связи на уровне «политика – язык» обнаруживается как минимум в следующем. Существование политического режима, а, следовательно, самого государства и всего плюрализма его институтов невозможно без коммуникативного аспекта. Управление информационными потоками в современном мире стало одним из значимых факторов завоевания и удержания власти. Политический дискурс есть особый язык политики, представляющий этот мир [9, с. 12]. По мнению автора статьи, сегодня содержание политического дискурса составляет структура и единство речевых актов, имеющих отношение и непосредственно функционирующие в политическом пространстве. Уточним, что широкое понимание содержания политического дискурса делает целесообразным также отнести сюда устные и письменные тексты и/или их фрагменты, которые создаются как профессионалами, так и журналистами и даже неспециалистами [4], в их сопряженности с ситуативным контекстом и рядом факторов (исторические, социально-культурные, экономические, идеологические, психологические, а также набирающие популярность при проведении междисциплинарных исследований – правовые).

Отметим, что сегодня развернутая и связанная контекстная речь взрослых людей представляется

нам не только некоторой роскошью, сколько «лакмусовой бумажкой» мышления. В политике как искусстве управления государством значительная часть успеха того или иного лидера зависит от его риторической компетентности. Успешность проводимой политики зачастую зависит от искусно построенной политической коммуникации. Стратегии власти формируются с учетом преобладания коммуникативной составляющей и направлены на такую организацию среды, в которой процесс общения был бы обусловлен правилами и границами смыслового порождения главенствующего дискурса. Также можно обнаружить, что в настоящее время в ряде государств практика политического дискурса в значительной мере опередила его теоретическое осмысление.

Главная тема и цель политического дискурса воплощается в его инструментальном предназначении в разворачивающейся между определенными политическими силами при борьбе за власть (традиционно сюда относят: овладение ею, ее последующее сохранение, осуществление, стабилизация и/или перераспределение, отчуждение от власти («капитуляция», «сложение полномочий»)) [20]. Отсюда очевидна позиция исследователей, считающих, что «убеждение является основной характеристикой политического дискурса» [12]. Эффективность политического дискурса определяется многими как соответствие этой главной цели. А.Г. Корсунский отмечает, что для политического дискурса первоочередной по значимости является проблема признания [8]. В то же время действия, совершаемые посредством дискурса, можно интерпретировать и в качестве достижения множества других различных коммуникативных целей (к примеру, информативных, утверждение собственных прогрессивных взглядов, привлечение внимания, дискредитация оппонентов ради самой дискредитации оппонентов), зависящих от жанра и личности политического деятеля и непосредственно не связанных с борьбой за власть. Мы приходим к выводу, что большее вни-

вание языку политики уделяется в реалиях большей открытости и демократии общественной жизни.

Как и любая разновидность дискурса, политический имеет свои особенные характеристики, которые мы попытаемся выявить и уточнить в настоящей работе. Начнем с первой особенности политического дискурса – множественное жанровое воплощение. Жанр является целеполагающей характеристикой речи. Говоря о тесной связи жанра и деятельности человека, обратимся к работе Е.Ю. Алешиной, в которой обнаруживаем важный тезис: «Любая человеческая деятельность имеет на своем высшем уровне мыслительной активности деятельность, которая выражается языком. При этом языковая личность является субъектом всей деятельности человека. Такое понимание жанра позволяет нам указать на контекст как ситуацию, в которой разворачиваются деятельность и общение» [1]. Поэтому вполне логично понимание политических практик как конкретных вариантов социальной активности. Здесь также необходимо указать и на воплощение политического дискурса в различных жанрах. Главным образом, это обуславливается тематизацией текста. Именно она связана с реалиями политической сферы, интересами субъектов и наличием речевой ситуации.

В самом общем виде жанры политического дискурса могут быть классифицированы на ритуальные/эпидейктические, ориентационные и агональные. Внутри представленной классификации дискурс может реализоваться, например, в предвыборных программах и дебатах, произносимых «дежурных» речах политических деятелей и интервью с ними, проблемных политических статьях, написанных журналистами, и проблемных аналитических статьях, написанных политиками, наконец, программах партии и отчетных докладах, задавать собственные «специализированные» разновидности дискурса (дипломатический, партийный) и т.д. [1; 14]. Многообразии жанров детерминировано плюрализмом форм политических взаимодействий. Так, избирательная кампания неизбежно формирует предвыборный дискурс. Многообразие типов политического дискурса может обладать «локальным» значением, при котором предмет взаимодействия попадает в поле интересов лишь нескольких человек (смена политического лидера в маловлиятельной политической организации), а может приобрести национальные и интернациональные масштабы (уже упомянутые выборы главы государства). Процессы принятия политических решений, оппозиционные шествия, политические мероприятия различного уровня – вот лишь некоторые виды из множества известных взаимодействий в политической сфере, определяющих смысл данных взаимодействий и дающих его участникам возможность адекватного реагирования на действия друг друга [10].

Обращаясь далее к выявлению особенностей политического дискурса, обнаруживаем, как различные языковые коллективы моделируют собственные культурные ценности. Например, сюда можно отнести способы установления и пропаганды социального порядка в различных обществах, определение значимости тех или иных элементов в «языковых картинах мира» [22], которые остаются за пределами сознательных речевых стратегий говорящих, пути формирования «концептуальной картины мира», так или иначе присущей любому без исключения языковому коллективу [2]. Постигание языковой картины мира определенного общества и государства неизбежно отсылает субъекта исследования к национально-культурной специфике политического дискурса [15]. В языке политики находит свое отражение ментальность народа, а в некоторых случаях – и его идеология. Политический дискурс порожден множественными культурами на разных этапах их развития и культурного диалога. Кроме этого, политический дискурс рассматривается нами как одно из основных средств межкультурной политики, с помощью которого осуществляется ее формирование, функционирование и адаптация к новым условиям. Обращение к дискурсу позволяет не только познакомиться с автором, но и увидеть его ментальный мир и составляющие этот мир структурные элементы. Не секрет, что национально-культурная специфика построения политического дискурса напрямую связана с языковой картиной мира или с языковым сознанием говорящего, в основе чего лежат не индивидуальные представления, а выработанные обществом в результате практик на протяжении столетий идеи и конструкты [15]. Время, политика, язык и власть обладают лингвокультурологическим измерением, поскольку допускают интерпретацию в знаках культуры конкретного общества и в связи с его культурной спецификой.

Противоречивость политических реалий и осуществление борьбы за власть по принципу дихотомии «свой – чужой» экстраполируется и на политический дискурс, определяя в качестве его очередной составляющей амбивалентность. Отметим, что в условиях современного усложняющегося мира мы наблюдаем следующее: политический дискурс интегрирован не только в мировое политическое, но и, что особо важно, в лингвокультурное пространство. Это приводит к тому, что в одно и то же время ему характерны, с одной стороны, сохранение собственного этнокультурного специфического кода, с другой – неизбежное включение в собственные дискурсивные практики индивидуально-личностных маркеров.

Социальные интересы не могут рассматриваться вне языковых форм выражения. Наша позиция близка идеям Д.В. Архипкина в части того, что политический дискурс соотносится не только с ре-

альностью (по смыслу), но и субъектно (с определенной группой или группами людей) [2]. Поэтому здесь необходимо указать, что отражение различных субъектов в политическом дискурсе может быть каким угодно, но никак не одинаковым. В любом коммуникативном пространстве политического дискурса (при его рассмотрении с институционального подхода), как ни в каком другом, наличествует ярко выраженная и строго обозначенная система статусно-ролевых отношений. Роли и статусы связаны между собой функциями, укрепляющими социальные связи и отношения. Соответственно, каждой социальной группе созвучен и понятен свой политический язык. Понимание конкретного политического языка может рассматриваться и как стратообразующий фактор, и как критерий идентификации его носителя с конкретной стратой [13]. То есть такое общение политического лидера (как автора) и, например, электората (как адресата) осуществляется в заранее четко заданных координатах с учетом их различной групповой принадлежности. Включаясь в многосложные социальные процессы, политический язык позволяет предвосхитить будущую ситуацию, то есть выявить постпозицию его носителя в социальной структуре.

Политический дискурс легитимизирует новую повестку дня. В политическом пространстве перманентно осуществляются переоценка и переформулирование норм, целей и задач, что указывает на невозможность определения и установления его точных границ ввиду усложняющихся взаимосвязей между его элементами. Как известно, время императивно задает свои условия, и процесс коммуникации происходит (правда, далеко не всегда) в соответствии с отмеченными в работах некоторых авторов актуальными на конкретный исторический отрезок правилами. Поэтому здесь также необходимо принимать во внимание и учитывать не только быстротечность времени и стремительную смену событий, но и культурные реалии и, главное, разницу (доходящую порой до «полярной») в языковой и образовательной подготовке субъектов [4]. Понимание политического дискурса предполагает знание множества нюансов (автора, его мотивов, аудитории, исторического фона и др.), связанных с конкретной эпохой [3], что делает справедливым тезис о непредсказуемости власти языка. Разумеется, с одной стороны, эта власть должна быть очевидной для всех без исключения, а с другой – общество не должно в полной мере осознавать роль языка в отличие от политиков, которые его используют как средство влияния. Последнее дает нам полное право заявить даже о некоторой «эзотеричности» политического дискурса.

А что можно сказать о самом языке политического дискурса? Прежде чем ответить на этот вопрос, скажем, что динамический подход к пониманию

политического дискурса позволяет представить его как процесс кодирования-декодирования информации, связанной с отстаиванием интересов определенного класса с использованием аппарата власти. Субъекты политического дискурса выступают его ключевым элементом, генерируют наполняющие его идеологемы, задают его нормы и определяют структурные элементы. В политическом дискурсе принято выделять трех субъектов действия: автор (говорящий); прямой адресат (слушающий); адресат-наблюдатель (часто «народ»).

Наличие третьего субъекта представляет собой не просто факт, осознаваемый автором и прямым адресатом, но, что важнее всего, оказывает самое непосредственное влияние на выбор и реализацию ими коммуникативных интенций. Поэтому полисубъектность, наряду со неповторимыми коммуникативными ролями участников политического дискурса, детерминирует осуществление выбора участниками политической коммуникации персуазивных стратегий речевого поведения манипулятивным контекстом по отношению к аудитории, который не всегда удается и/или не всегда необходимо скрывать [16; 17]. Неотъемлемой частью политического дискурса являются автор и адресат, поэтому первостепенной для политического дискурса будет являться сопряженность не с темой и стилем (это вторично), но с «говорящим». Решение задачи по наиболее детальной идентификации автора («говорящего») неизбежно влечет за собой необходимость дать ответы на следующие вопросы: «кому?» (адресат), «что?» (содержание), «в какой ситуации?» (контекст) «с какой целью?» (результат). Политический дискурс представлен в лицах, а сам политик как языковая личность, включая определенный набор характерных поведенческих моментов, приобретает чрезвычайно значимый статус. Лицо политика хоть и сливается с текстом, но в то же время само является ни чем иным, как текстом [9].

В очередной раз, обращаясь к упомянутой противоречивости политического дискурса, приводим о том, что ему характерно специфическое содержание, но не форма. Существует мнение об особом положении грамматического строя политического языка, таких как устранение лица при помощи номинализованных конструкций-девербативов и безагентного пассива, инклюзивное использование личных местоимений («мы», «наш») [11]. Однако Е.И. Шейгал считает, что такие грамматические особенности не являются чертами, присущими исключительно политическому дискурсу, так как подобные формы и конструкции используются и в других видах коммуникации [20].

Современный политический дискурс «элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с “языком народа”, но проявляет зна-

чительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе» [18].

Языку политического дискурса также характерна релевантность разнообразию при подборе и употреблении языковых средств, одновременная доступность и сложность при понимании употребляемых специальных терминов, использование множества грамматических форм и комбинаций лексики, отсутствие однообразности текстов при их построении. Вдобавок он характеризуется особым словарем (запасом относящихся к данной предметной области слов и выражений), смысловыми связями между отдельными политическими концептами, базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления, построением суждений [9]. Опорой политического дискурса являются также актуальные временные реалии. Речь политических субъектов становится важнейшим средством их коммуникативной компетентности, одновременно являя собой уникальный «продукт», по которому возможно идентифицировать того или иного политика. Она наполнена специфическими речевыми конструкциями, которые дают возможность активно воздействовать на слушателей-адресатов. Таким образом, язык политического дискурса как средства ведения борьбы за власть использует богатые языковые, когнитивные и коммуникативные инструменты, что позволяет некоторым политическим силам как участникам этой борьбы обрести и удержать власть. Инструментальный характер политического дискурса реализуется в оперировании политическими понятиями; политическими притязаниями; политическими аргументами; ультиматумами; категорическими требованиями; эзоповскими речами, содержащими явный или неявный политический подтекст; социально-политической мимикрией; всякого рода имитациями. Все это обусловлено необходимостью повлиять на адресата, донести информацию и побудить к соответствующим действиям [4]. Это позволяет выделить еще одну отличительную особенность политического дискурса – его массовость и неопределенность границ коммуникантов. Мы связываем это с мнением В.И. Карасика, отмечающего, что средой существования языка политики является массовая информация, а по причине ориентации политического общения на массового адресата политический дискурс выходит за институциональные рамки, характерные для любого специального языка [7]. Аргументом в этом случае является и то, что сама политическая деятельность предполагает поддержку широких слоев населения.

Политической речи также свойственна полемичность (как своеобразная театрализованная игра), основные идеи которой основаны на формировании и внедрении в сознание электората отрицательного образа политических противников

автора, на навязывании аудитории собственных ценностей и оценок, репрезентированных как наиболее естественные, выигрышные и безальтернативные. В этой известной бинарной оппозиции «свой-чужой» скрывается причина, по которой транслируемые сообщения оцениваются позитивно сторонниками одних взглядов, но воспринимаются негативно, маркируемые не иначе как «прямое оскорбление» [3]. Именно полемичность как характеристика политического дискурса привела, на наш взгляд, к небывалым проявлениям жанра речевой инвективы. Инвектива использует все многообразие средств, позволяющих негативно оценить поведение человека. Сюда относится употребление экспрессивных слов и оборотов, охваченных пределами литературного словоупотребления, а также грубо просторечная и обценная лексика.

Политический дискурс осуществляется в конкретной политической ситуации и имеет ярко выраженные прагматические особенности. Общеизвестно, что в прагматизме главным принципом действия (в данном случае – коммуникативного) является достижение конкретных полезных практических последствий. Политическая дискурсивная практика осуществляется в определенном контексте и хронотопе в корреляции с конкретными смысложизненными ориентациями и целями его участников. Учитывая значимость борьбы за власть, позволяющей в перспективе осуществлять над обществом, политический дискурс является наиболее прагматически ориентированным. Персуазивность реализуется в «иерархии коммуникативных установок публичной речи через совокупность актуализаций, то есть посредством структурного и семантического выдвигания определенных компонентов текста» и достаточно часто в его соотнесенности с фактологичностью, т.е. конкретными коммуникативными событиями в социуме и реакцией на них [16].

Однако далеко не всегда фактологичность имеет место быть. Соответственно манипуляция сознанием, осуществление которой происходит в рамках политического поля, включается в область политического дискурса, являясь также одной из его характерных особенностей [19]. Любопытно мнение, что язык с момента своего зарождения уже использовался как инструмент воздействия и манипуляции. Стоит помнить, что политический язык не является прерогативой государственных чиновников или профессиональных политиков, поскольку является открытым для каждого члена языкового сообщества ресурсом. Катализатором манипуляции являются неосознаваемые адресатом вербальные и невербальные сообщения, создающие мнения и формирующие стереотипы поведения через определенный языковой образ. Самым ярким примером такого образа будет его оценка по принципу «положительный-отрицательный». В свою очередь

манипуляция включает в себя не обычный властный элемент, но предполагает злоупотребление дискурсивной властью, венчаемой такой психологической характеристикой как «доминирование». Никакое политическое не может возникнуть до появления хотя бы первых приблизительных представлений о нем: поэтому понятия о политических феноменах находятся с их качественными характеристиками в синкретическом единстве.

В свою очередь в политическом дискурсе языковая манипуляция «осуществляется путем искажения значений слов за счет идеологичности, оценочности, модальности, подвижности семантики и прагматики слова, вариативности денотативных и коннотативных значений одних и тех же языковых знаков под влиянием социальных, культурных и других факторов» [5]. Таким образом, в политическом дискурсе язык – это средство воздействия, вся мощь и богатство которого позволяют обнаружить приоритет ценностной и оценочной (эмоциональной) составляющей перед составляющей фактологической (рациональной). Такое определение во многом выглядит оправданным и соответствует мнению В.З. Демьянкова, поскольку в идеале «речь политика должна уметь затронуть нужную струну в массовом сознании, его высказывания должны укладываться во “вселенную” мнений и оценок (то есть, во все множество внутренних миров) его адресатов, “потребителей” политического дискурса» [3]. Таким образом, отличительной чертой манипуляции будет являться отношение к партнеру/ оппоненту не как к личности, но как к средству, нацеленность на его использование в целях реализации собственных целей в соответствии с персональными интересами.

Обнаруживаем следующее: «политики часто пытаются завуалировать свои цели, используя номинализацию, эллипсис, метафоризацию, особую интонацию и другие приемы воздействия на сознание» не только электората, но и оппонентов [12]. Для совершения речевой манипуляции используются слова, символы, жесты, мимика – лингвальные и паралингвальные знаки, которые в определенном контексте и смысле могут иметь необходимое воздействие на адресата – инструменты речевой манипуляции. В повседневной жизни люди часто используют эти знаки осознанно или же неосознанно. Современный политический дискурс обладает мифологичностью, яркостью и высокой экспрессивностью, что приводит к изменению содержания коммуникативной деятельности. Достижение целей, как и сокрытие истинных намерений, возможно обеспечить путём использования мифологем, которые представляются способами оптимальной реализации речевых намерений, могущих привести к необходимой интерпретации информации. В случае осознанного использования языка можно говорить о речевой манипуляции в ее

истинном значении. Согласно мнению М.Г. Цуцовой, «выбор коммуникативной стратегии выражает отношение языковой личности политика к дискурсивному универсуму», что обуславливает осуществление интеракций [16]. Так, в речевые стратегии манипуляции включаются и промиссивы – акты-обязательства, в которых даются обещания исполнить желательное для адресата действие. В промиссивах могут приводиться расчеты и краткие изложения законопроектов. Однако их нельзя считать экономически обоснованными. Они остаются промиссивами – речевыми актами для «принятия на веру».

Личность политика наделена значимым статусом, требуя от него соблюдения определенных профессиональных аспектов в поведении. В связи с чрезвычайной значимостью сферы политики, необходимо указать и на высокий уровень личной ответственности политика при выборе дискурса. Именно дискурс политика, выбранный им сознательно или неосознанно (наряду со многими другими факторами), предопределяет отношение как самого политического деятеля, так и его адресатов к широчайшему спектру стоящих перед ним задач, неизбежно возникающих в процессе эволюции политической жизни. Политический дискурс, будучи чрезвычайно прагматичным, требует от политиков продуманных высказываний, превращая их в «хозяев» своих слов. Хотя понять, являются ли участники политического дискурса, согласно М.В. Ильину, хозяевами своих слов, достаточно трудно: «На самом деле большой вопрос, кто чьим является хозяином. Собственное косноязычие, неграмотность, неосвоенность культуры, спрессованной в понятиях, разрушают благие порывы отечественных политиков гораздо сокрушительней и фатальней, чем любые происки соперников. Ставшее фактом политики слово требует уважительного к себе отношения» [6]. Каждое высказывание в политике оказывает конструктивное или деструктивное влияние на ход общественно-политических событий. Опасность недооценки роли и возможностей политического дискурса обнаруживает себя в первую очередь в «молодых демократиях» [13].

Таким образом, традиционно выделяемые характерные особенности политического дискурса как объекта лингвистического исследования были уточнены рамках настоящей статьи. Особенности политического дискурса находятся в зависимости от адресованности реципиентам, личности и коммуникативной компетентности выступающего и, соответственно, контекста [13]. Нами установлено, что сущностными характеристиками политического дискурса являются его ярко выраженная прагматическая (инструментальная) направленность, множественное жанровое воплощение, амбивалентность, национально-культурная предопределенность и открытость к интеграции, ма-

нипулятивность, соотнесенность с социальными группами, динамичность, массовость адресатов, полемичность, экспрессивность, разнообразие используемого языка и высокая степень ответственности автора за коммуникативные неудачи. Политический дискурс отражает всю совокупность взаимоотношений на уровне «человек-общество», оказывая, таким образом, существенное влияние на формирование картины мира его реципиентов. Это смещение содержания порождает новое содержание. Вполне очевидным представляется, что политический дискурс всегда будет выступать активным преобразователем окружающей действительности, участником сферы политической борьбы за завоевание, удержание и использование политической власти. Тем не менее, при интерпретациях политического дискурса в его целостности, ошибочным будет ограничиваться исключительно языковыми моментами, поскольку велика вероятность не осмыслить самое главное – его суть и цель.

Библиографический список

1. Аleshina Е.Ю. Жанровая градация политического дискурса // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 293–301.
2. Архипкин Д.В. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Актуальные вопросы филологической науки XXI века сборник статей по материалам третьей Всероссийской научной конференции молодых ученых: в 2 частях. – М., 2013. – С. 15–18.
3. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН. – 2002. – № 3. – С. 32–43.
4. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 6 (335). – С. 42–46.
5. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 230 с.
6. Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 127–140.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 390 с.
8. Корсунский А.Г. Политический дискурс в работах современных французских философов // Дискурс-Пи. – 2016. – Т. 13. – № 1. – С. 108–111.
9. Кузьмина С.В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: социология, политология. – 2011. – Т. 11. – № 2. – С. 54–56.

10. Пушкарева Г.В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5. – С. 90–100.

11. Рижинашвили И.У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления событий в англо-американской периодике: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 1994. – 17 с.

12. Синеокая Н.А. Характеристика политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 512.

13. Суллаева Н.А. Политический дискурс: философско-политологический анализ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 1. – С. 160–165.

14. Тищенко Н.В. К вопросу о жанрах и специфике политического дискурса // Экономический вектор. – 2016. – № 2 (5). – С. 155–158.

15. Тищенко Н.В. К вопросу о национально-культурной специфике политического дискурса // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 11 (113). – С. 99–101.

16. Цуцьева М.Г. Политический дискурс как интегративный феномен // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 174–179.

17. Чекменев Д.С. Политические субъекты общественно-политического дискурса // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2015. – № 9. – С. 23–27.

18. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000–2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2. – С. 41–50.

19. Шевченко О.П. Лингводискурсивные особенности публичных выступлений: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 208 с.

20. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.

21. Янтарова В.Н. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования // Филология и культура. – 2016. – № 2 (44). – С. 165–170.

22. Lucy J.A. Sapir-Whorf Hypothesis // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). – 2015. – P. 903–906.

References

1. Aleshina E.YU. Zhanrovaya gradatsiya politicheskogo diskursa // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2016. – Т. 5. – № 3. – С. 293–301.
2. Arhipkin D.V. Politicheskij diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka sbornik statej po materialam tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh: v 2 chastyah. – М., 2013. – С. 15–18.
3. Dem'yankov V.Z. Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya

nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya. – M.: INION RAN. – 2002. – № 3. – S. 32–43.

4. Evtushina T.A., Koval'skaya N.A. EHkonomicheskij diskurs kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 6 (335). – S. 42–46.

5. Zheltuhina M.R. Komicheskoe v politicheskom diskurse: dis. ... kand. filol. Nauk. – Volgograd, 2000. – 230 s.

6. Il'in M.V. Politicheskij diskurs: slova i smysly // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 1994. – № 1. – S. 127–140.

7. Karasik V.I. YAzykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd: Peremena, 2004. – 390 s.

8. Korsunskij A.G. Politicheskij diskurs v rabotah sovremennyh francuzskih filosofov // Diskurs-Pi. – 2016. – T. 13. – № 1. – S. 108–111.

9. Kuz'mina S.V. Politicheskij diskurs kak neot'emlemaya chast' politicheskoy kommunikacii // Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: sociologiya, politologiya. – 2011. – T. 11. – № 2. – S. 54–56.

10. Pushkareva G.V. Homo politicus: politicheskaya real'nost' i politicheskij diskurs // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 2013. – № 5. – S. 90–100.

11. Rizhinashvili I.U. Lingvisticheskie mekhanizmy tendencioznogo predstavleniya sobytij v anglo-amerikanskoj periodike: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – SPb., 1994. – 17 s.

12. Sineokaya N.A. Harakteristika politicheskogo diskursa // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2012. – № 6. – S. 512.

13. Sullaeva N.A. Politicheskij diskurs: filosofsko-politologicheskij analiz // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2013. – № 1. – S. 160–165.

14. Tishchenko N.V. K voprosu o zhanrah i specifikhe politicheskogo diskursa // EHkonomicheskij vektor. – 2016. – № 2 (5). – S. 155–158.

15. Tishchenko N.V. K voprosu o nacional'no-kul'turnoj specifikhe politicheskogo diskursa // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. – 2016. – № 11 (113). – S. 99–101.

16. Cucieva M.G. Politicheskij diskurs kak integrativnyj fenomen // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. – 2012. – T. 1. – № 2. – S. 174–179.

17. CHekmenev D.S. Politicheskie sub"ekty obshchestvenno-politicheskogo diskursa // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire. – 2015. – № 9. – S. 23–27.

18. CHudinov A.P., Budaev E.H.V. Konceptual'naya metafora v politicheskom diskurse: novye zarubezhnye issledovaniya (2000–2004) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2005. – № 2. – S. 41–50.

19. SHEvchenko O.P. Lingvodiskursivnye osobennosti publicnyh vystuplenij: dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2010. – 208 s.

20. SHEjgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: dis ... d-ra filol. nauk. – Volgograd, 2000. – 440 s.

21. YApparova V.N. Diplomaticeskij diskurs kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya // Filologiya i kul'tura. – 2016. – № 2 (44). – S. 165–170.

22. Lucy J.A. Sapir-Whorf Hypothesis // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). – 2015. – P. 903–906.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА О ПРЕСТУПНОСТИ И НАКАЗУЕМОСТИ ПОВЕДЕНИЯ МОНАРХА

В статье рассматриваются особенности древневосточных представлений о юридической ответственности монарха. Для их анализа проведено сравнительно-правовое исследование наиболее известных сводов норм, относящихся к древневосточной правовой культуре. Историческую основу статьи составили законы древневавилонского царя Хаммурапи, законодательство древнееврейского пророка и вождя Моисея, несколько сборников древнеиндийского права – драхмашастр Ману, Яджнавалкьи и Нарады. В результате автор приходит к выводу, что распространенное в историко-правовой науке убеждение в юридической безответственности древневосточного монарха перед населением управляемого государства не должно безоговорочно распространяться на все этапы развития древневосточных институтов государства и права. Рассмотренные в статье древние памятники права свидетельствуют о том, что для политико-правовой мысли Древнего Востока характерны тенденции нормативного закрепления юридических обязанностей царя, мер его сакральной и юридической ответственности за преступления против богов, государства, народа и отдельных подданных.

Ключевые слова: монархия, восточная деспотия, древневосточное право, право Древнего Востока, законы Хаммурапи, законодательство Моисея, Тора, Пятикнижие, дхрмашастра, законы Ману, Ману-смирити, Яджнавалкья-смирити, Нарада-смирити.

В теории и истории права для характеристики политико-правового режима типичного древневосточного государства нередко используется термин «восточная деспотия». Пожалуй, главным признаком последней можно назвать никем и ничем не ограниченную единоличную власть обожествляемого монарха, опирающуюся на мощный механизм вооруженного насилия и развитый бюрократический аппарат, когда воля и произвол правителя, собственно, и служили источником законов общественной жизни.

Вместе с тем, «древний мир являет сегодня все еще недостаточно изученную правоведами область эволюции социальных и политических институтов и одновременно первых опытов рационального мышления по вопросам государственного устройства, законодательной политики» [7, с. 36]. Особенно остро проблема малоизученности проявляет себя в области политико-правовых идей Древнего Востока, так как «изучение древневосточных цивилизаций с позиции истории права и политической мысли все еще продолжает оставаться делом весьма затруднительным в силу слабой вовлеченности юристов в этот процесс и в силу известной периферийности этой темы для востоковедов» [7, с. 72–73]. Поэтому в данной области истории права и государства, политических и правовых учений можно встретить множество пробелов и не меньше стереотипов и заблуждений, включая распространенные представления о безнаказанности древневосточных царей.

Для претендующей на объективность оценки политико-правовых идей и реалий Древнего Востока, касающихся статуса и поведения монарха, следует обратиться к их первоисточникам в виде дошедших до нас письменных памятников права.

При этом именно стремление к объективности требует сделать несколько оговорок относительно такого метода исследования: с одной стороны, он позволяет освободиться от сложившихся стереотипов в восприятии государственно-правовых явлений древности; с другой стороны, и он не может гарантировать юридической чистоты и исторической правдивости выводов, поскольку не все древневосточные юридические тексты (например, Законы Хаммурапи, Пятикнижие Моисея, Манавадхармашастра и др.) сохранились в неизменном виде и избежали редактирования при составлении имеющихся списков. Это существенно осложняет анализ законодательства, действовавшего на раннем этапе государственного строительства, по причине трудности выделения и отграничения аутентичного материала от поздних дополнений, наслоений и т. п. Но даже с учетом указанных обстоятельств внимательный взгляд на содержание норм древневосточных законов, посвященных монарху, порождает сомнения в достоверности некоторых мифов о восточной деспотии.

1. Законы Хаммурапи (Древний Вавилон).

Законы древневавилонского царя Хаммурапи считаются одним из древнейших памятников права и датируются XVIII в. до н. э. (1750-е гг. до н. э.). В контексте проблематики преступности и наказуемости деяний монарха наиболее примечательны не столько нормы данных Законов, разбитые на 282 статьи, сколько введение к Законам и заключение к ним. С одной стороны, во введении наблюдается такой характерный для древневосточных правовых представлений штамп, как богоустановленность верховной власти Хаммурапи, параллельно с его богобоязненностью и богоугодностью. С другой стороны, там же утвержда-

ется диссонирующая со стереотипным образом древневосточного правителя политико-правовая идея о предначертанном богами назначении царской власти – «дать сиять справедливости в стране», «уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого», «справедливо руководить людьми и дать стране счастье» и т. д. Такие политические декларации, предшествующие изложению собственно законов и выполняющие роль своего рода принципов или идеологических основ последующих за ними норм, как минимум, порождают сомнения в распространенной ныне уверенности в произволе и юридической безответственности древневосточных монархов. Как свидетельствует А.А. Немировский, «из сохранившейся переписки Хаммурапи видно, что он в самом деле ощущал ответственность перед населением своей державы и неустанно пекся о справедливом (конечно, в понимании его времени и его собственном понимании) ведении ее дел, воздерживаясь от произвольных действий», что согласуется с общепринятой в Вавилоне первой половины – середины II тыс. до н. э. религиозной концепцией о том, «что боги пекутся о человеческой справедливости, награждают правого и карают злодея» [9].

Еще более красноречиво идея юридической и сакральной ответственности царя выражена в заключении к Законам Хаммурапи. Утверждая обязательность и незыблемость своих законов для всех последующих царей Вавилона как торжества истины и справедливости, гарантирующих благоденствие народа, Хаммурапи, призвав богов, практически объявил преступными следующие деяния правителей («будь то царь, будь то властитель»): а) «не будет чтить мои постановления, которые я начертал на своей стеле»; б) «отменит законы, которые я установил»; в) «искажит мои слова»; г) «изменит мои указы» и др. Таким образом, всякое нарушение, искажение или изменение Законов Хаммурапи любым последующим за законотворцем монархом получило правовую оценку страшного преступления, сурово наказываемого божественным правосудием.

Одни из наказаний, предусмотренных для преступивших Законы царей, имеют характер мер юридической ответственности, другие носят сугубо сакральный характер. Так к числу негативных правовых последствий преступления вавилонским правителем Законов Хаммурапи можно отнести наказания в виде: а) лишения его царской власти («пусть он (бог Анум – В. Б.) отвратит от него царский ореол, пусть он сломает его скипетр», «пусть Син ... отнимет у него венец и царский престол»); б) смерти («пусть Элليل ... определит ему ... внезапную смерть», «пусть он (бог Шамаш – В. Б.) исключит его из живых наверху и заставит его дух жаждать воды внизу, в преисподней»). Сакральные наказания представлены всевозможными про-

клятиями и страшными пророчествами (лишения разума, бездетности, тяжелой болезни монарха, его поражения и пленения врагами и т. д.). При этом грозящие вавилонскому правителю наказания дополняются, что характерно для древневосточной правовой культуры, народными бедствиями и тяготами, перенесением ответственности властителя на управляемый им народ – это и «погибель его рода, рассеяние его людей, порабощение его царства», и «опустошение его страны, уничтожение его народа», а также засуха, голод и нужда, жестокое поражение врагами и др.

Такие угрозы суровыми наказаниями и страшными бедствиями, адресованные царю и народу Вавилона, преступившим Кодекс Хаммурапи, по мнению А.А. Немировского, «уникальны для законодательных сборников Месопотамии» и своим содержанием «доказывают, что Хаммурапи, едва ли не единственный из всех правителей Месопотамии, искренне полагал, что ему удалось найти оптимальный государственный порядок “на все времена”, и свидетельствуют о серьезных (однако недолговечных) идеологических сдвигах в его правление, сделавших возможным публичное провозглашение этой уверенности как основы государственной политики» [9]. Потому любые посяательства на этот вечный оптимальный государственный порядок, невзирая на лица, включая даже царей, получили в Законах Хаммурапи политико-правовую оценку опаснейших преступлений, заслуживающих самых страшных и неотвратимых наказаний, гарантированных высшим божественным правосудием, неподвластным земным правителям.

2. Законы Моисея (Древний Израиль).

Другим всемирно известным памятником древневосточного права является законодательство древнееврейского пророка Моисея, зафиксированное в Торе или Пятикнижии. Специалисты в области экзегетики Ветхого Завета и истории Древнего Востока обычно относят события, связанные с постановлением и развитием Моисеева законодательства ко II тыс. до н. э. (1300–1250 гг. до н. э.), хотя при этом считают, что сам текст Торы датируется I тыс. до н. э. [16, с. 86]. В контексте рассматриваемой проблематики среди многочисленных норм Моисеева законодательства, имеющих, по нашему мнению, преимущественно уголовно-правовой характер [2, с. 64–65], особый интерес представляют нормы книги Второзаконие о преступлениях против государственной власти, установленные духовным и политическим лидером Израиля незадолго до построения еврейского государства в Земле Обетованной. В Торе не только определены основы политической системы, которую предстоит построить еврейскому народу, но и в целях обеспечения ее нерушимости и стабильности закреплена свод норм, напоминающих в своей совокупности

современные уголовно-правовые нормы о преступлениях против государственной власти. Как пишет Е.В. Калинина, «1) в изучаемом источнике определены оптимальная (теократия) и желательная (ограниченная монархия) формы правления; 2) описан порядок формирования органов власти (избрание царя и представителей народа), их полномочия и статус (ограничения произвола и требования к кандидатам на царствие); 3) упомянут принцип разделения властей и сделана попытка создать систему “сдержек и противовесов”» [11]. Примечательно, что если в предшествующей Второзаконию книге Числа были лишь заложены начала криминализации посягательств на политическую власть в лице взятого под Божию и правовую защиту предводительства пророка Моисея [3, с. 310–321], которые могут считаться прообразами института преступлений против государственной власти, то во Второзаконии представлена действительно сложная система таких деяний [3, с. 451–475], первое место в которой заняли преступные нарушения порядка отправления царской власти.

Несмотря на то, что теократия представлена в Пятикнижии как единственно совершенная форма организации власти, и никакая иная форма правления такого признания в Священном Писании не получила, еврейский вождь Моисей пророчески предвидел введение царской власти в Израиле как одного из последствий ослабления народа в вере: «Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе, и овладеешь ею, и поселишься на ней, и скажешь: “Поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня”: то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой» (Втор. 17, 14–15). Одновременно им учреждается институт преступлений против государственной власти вообще и царской власти в частности, которые стали хронологически последними в системе особенной части Моисеева уголовного законодательства (в отличие от религиозных преступлений, посягательств на общественную нравственность, преступлений против жизни и здоровья, собственности и др.) [3, с. 197–229, 384–491]. Государственная власть стала согласно Торе последним серьезным институтом, получившим санкцию Божию и освящение Его законами.

В соответствующих нормах Второзакония В.И. Лафитский увидел «шесть заповедей, которые следовало исполнить при утверждении царской власти» [13, с. 54]. В свою очередь, Е.В. Калинина отметила, что «в истории правовой мысли Тора не является первым источником, в котором описывались бы полномочия главы государства и других должностных лиц, ограничения правотворческой и судебной деятельности правителя», но «в данном источнике заложены гарантии соблюдения прав личности и народа в виде препятствий для проявления произвола правящего (например, страх

Божий как внутренний ограничитель злоупотреблений царя; подконтрольность правителя Сангедрину, народное вето и пр.)» [11]. Своего рода «уголовно-правовыми средствами» обеспечения данных политических гарантий применительно к власти царя стали следующие положения Моисеева законодательства: а) запрет на замещение царского престола иноземцами – «из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою царем иноземца» (Втор. 17, 15), являющийся прообразом норм уголовных законов о незаконном захвате власти; б) запрет на злоупотребление царской властью из корыстных («только чтоб он не умножал себе коней... и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно» (Втор. 17, 16–17)) и иных личных («чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его» (Втор. 17, 17)) побуждений – прообраз состава преступления в виде злоупотребления должностными полномочиями; в) запрет на измену народу, его призванию Богом в Землю Обетованную – «чтоб он... не возвращал народа в Египет» (Втор. 17, 16), т. е. «запрещалось возвращать народ Израиля в рабство» [13, с. 54], что является прообразом состава преступления в виде государственной измены; г) запрет на пренебрежительное отношение к богоизбранному народу – «чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его» (Втор. 17, 20); д) универсальный запрет на всякие нарушения и любые отступления от законов Израиля – «чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево» (Втор. 17, 20).

Даже богословам цель перечисленных норм видится в том, чтобы «ограничить хищнические стремления царя» [5, с. 107] – его преступные корыстные мотивы и цели, являющиеся обязательными юридическими признаками субъективной стороны таких составов преступлений, как злоупотребление должностными полномочиями и получение взятки. При этом, как и во многих других случаях, характерных для Моисеева уголовного законодательства, наказуемость преступных нарушений норм о царской власти определена в Пятикнижии методом от противного – «дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля» (Втор. 17, 20). Такая редакция санкции указывает на наказание преступившего закон царя лишением власти (свержением с престола), включая прекращение династического правления. Историческое подтверждение такому толкованию рассматриваемой санкции содержится в последующих книгах Ветхого Завета. Например, когда Саул, первый еврейский царь, преступил заповеди Господни, Бог отверг его и повелел пророку и верховному судье Самуилу помазать на царство другого избранника – Давида (1 Цар. 16, 1).

Наряду с обозначенным наказанием за нарушения библейского порядка монархического правления, как отмечает С. Гаген, рассуждая о справедли-

ности наказуемости преступлений царя, «в книгах Ветхого Завета содержится множество пассажей, которые изображают природные катастрофы, которые рассматриваются как следствия того, что царь нарушил законы, данные Яхве» [6]. Таким образом, ответственности за злодеяния царя подвергаются не только сам виновный монарх и его потомки (т. е. царская династия), но и весь народ Израиля, что вполне соответствует как принципу объективного вменения, характерному для древневосточных правовых представлений, так и присутствующему учению Торы о преступлении и наказании институту коллективной уголовной ответственности [4, с. 103–107].

По мнению П.Д. Баренбойма, установление Второзаконием случаев преступности и наказуемости конкретных общественно опасных деяний еврейского царя является совершенно нетипичным для права Древнего Востока, на фоне которого «Моисей впервые в истории человечества сформулировал конституционную идею ограничения законом монархической власти» [1, с. 90]. Однако, как мы видим, соответствующие государственно-правовые тенденции наблюдаются и в других древневосточных законах. Тем не менее, обозначенная особенность Моисеева законодательства позволила правоведам дать ему следующую политико-правовую оценку: «В учении Торы содержится весьма необычная смесь теократических, аристократических и демократических настроений, исключающих а priori возможность отнесения иудейского государства к типу восточных деспотий, что является столь нехарактерным для древневосточных традиций, и, более того, послуживших поводом для развития теорий о конституционных началах, в нем (учении) заложенных» [12]. По законам Моисея «даже царь мог быть приговорен судом к смерти, если он нарушил закон, требующий подобного приговора» [14, с. 260].

Примечательно, что Тора, обратившись к институту царской власти, не только установила основания и меры ответственности монарха, но и предусмотрела меры предупреждения его преступлений, предписав ему постоянные занятия по повышению своего правосознания (Втор. 17, 18–19).

Таким образом, обращение к Торе показывает, что, несмотря на богоизбранность монарха, одной из важнейших религиозно-нравственных идей, на которой покоятся древнееврейские представления о преступлениях против основ формирования и отправления царской власти, является принцип прямой пропорциональной зависимости характера и размера юридической ответственности субъекта власти от объема его властных полномочий. Такой подход исключает признание политической власти (тем более верховной) основанием для освобождения публичных лиц от ответственности за их беззакония и, соответственно, не допускает

нормативного закрепления каких-либо служебных иммунитетов и привилегий как материально-правового, так и процессуально-правового характера, получивших массовое распространение в новейшее время.

3. Дхармашастры (Древняя Индия).

3.1. Дхармашастра Ману (Ману-смирти).

Манава-дхармашастра – самый известный из древнеиндийских памятников права, чаще именуемый Законами Ману, которые, как считается, в течение столетий существовали в устной форме и оформились в виде дошедшего до нас письменного текста во II в. до н. э. – II в. н. э. [10, с. 6–7]. Они содержат множество дхарм – относительно систематизированных правовых, моральных и иных социальных норм, регламентирующих различные аспекты жизни человека в зависимости от его сословной принадлежности (варны), а также регулирующих важные вопросы общественного управления. Из них в контексте проблематики древневосточных представлений о юридической ответственности монарха первостепенный интерес представляют дхармы царя, выделенные в Манава-дхармашастре в главу седьмую, состоящую из 226 статей, цель которых состоит в регламентации и изложении того, «какой образ жизни следует вести царю, каково его происхождение и каков [путь достижения] высшего успеха» (VII, 1).

С одной стороны, Законы Ману еще более категоричны по сравнению с законодательством Хаммурапи и Моисея в утверждении идеи божественной природы царской власти вообще и ее носителя в частности: «Так как царь был создан из частиц ... лучших из богов, он блеском превосходит все живые существа» (VII, 5), «царь – ... великое божество с телом человека» (VII, 8). С другой стороны, они не менее последовательны в развитии этой идеи путем нормативного закрепления особой миссии индийского царя и связанной с ней повышенной ответственности монарха перед богами и народом. В частности, в круг священных обязанностей индийского царя включены уничтожение преступников и наложение наказаний (VII, 25–32 и др.), охрана народа, подданных (VII, 35–36, 87, 142 и др.), защита страны и уничтожение врагов (VII, 110), уважение к законам и народным обычаям (VII, 80 и др.), знание учения Вед (XII, 100). При этом правителю предписано «поступать с людьми, как отец» (VII, 80), ибо «защита народа» – это «лучшее средство для царей достичь блаженства» (VII, 87).

Манава-дхармашастра указывает на десять пороков царя, вызываемых желанием, которые влекут за собой лишение царя богатства и дхармы (добродетели) – «охота, игра в кости, спанье днем, злословие, женщины, пьянство, пение, музыка, танцы и бесцельное путешествие» (VII, 47). К ним примыкают восемь пороков царя, порож-

денных гневом, вследствие которых царя покидает «даже душа» (VII, 46) – это «доносительство, насилие, вероломство, зависть, гневливость, нарушение [прав] собственности (arthadusana) и оскорбление словом и палкой» (VII, 46). При этом указано, что царю «надо тщательно избегать» указанных пороков, «имеющих плохой конец» (VII, 45), ибо «порочный идет в преисподнюю» (VII, 53).

Но наряду с преступными пороками индийского монарха, включившими в себя не только его деяния, но и желания и даже эмоции, Законы Ману указывают и на более привычные для современного правоведа признаки составов преступлений, посягающих на дхармы царя, а также полагающихся за их совершение наказаний: а) «царь, который по неразумию беспечно мучает свою страну, немедленно лишается вместе с родственниками страны и жизни» (VII, 111) – своеобразное описание состава государственной измены; б) «не следует подсекать корень свой и других чрезмерной жадностью, ибо подрубаяющий корень губит себя и других» (VII, 139) – иносказательное описание корыстных злоупотреблений царя, дополненное еще одной нормой: «Царю, даже обедневшему, не следует брать то, что не полагается брать... Взимание того, что не полагается брать... расцениваются как слабость царя, и он погибает после смерти, и в этом мире» (VIII, 170–171); в) «тот царь мертвый, [а] не живой, который вместе со слугами видит, как зывающих [о помощи] подданных враги (dasu) угоняют из страны, и не принимает мер к их защите» (VII, 139) – еще одно описание частной разновидности государственной измены; г) «того злонамеренного царя, который по глупости решает судебные дела не по дхарме, враги быстро подчиняют» (VIII, 174) – частный случай преступной небрежности царя, связанный с ненадлежащим исполнением им обязанностей по осуществлению справедливого правосудия.

Примечательно, что в Законах Ману уголовно-правовыми средствами обеспечения надлежащего функционирования царской власти стали не только перечисленные нормы об основаниях и мерах ответственности царя за собственные преступления, но и специальные нормы, обеспечивающие неприкосновенность и святость индийского монарха, утверждающие абсолютную ценность личности царя и призывающие его к постоянной бдительности и готовности к угрозам покушений (VII, 12, 212–213, 217–220 и др.).

Манава-дхармашастра является самой известной, но все-таки одной из многих дхармашастр (законов), созданных различными брахманскими школами, изучавшими ведические тексты, и входящих в священные писания индуизма – смрити. Потому нормы об обязанностях и ответственности монарха характерны не только для Законов Ману, они встречаются и в других дхармашастрах.

3.2. Дхармашастра Яджнавалкья (Яджнавалкья-смрити).

Яджнавалкья-смрити, датируемая предположительно III–IV вв. н. э., в своей редакции дхармы царя (I, 309–368) [15, с. 51–55] обязывает его быть сведущим в «учении о наказании» (I, 311) и налагать справедливое наказание «на живущих несправедно» (I, 354), ибо «несправедливое наказание губит небо, славу и мир, справедливое же – приносит царю небо, славу [и] победу» (I, 357). Для этого правителю предписано охранять подданных «от обманщиков, воров, злодеев, грабителей и прочих, а особенно – от писцов» (I, 336), в противном случае половина греха преступника «достается царю» (I, 337).

Как и в Ману-смрити, в книге Яджнавалкья высшей дхармой царя объявлена его обязанность «обеспечивать подданным постоянную безопасность» (I, 323), для чего «надо построить крепости для охраны людей, казны [и] себя самого» (I, 321) и вообще быть с подданными «подобным отцу» (I, 334). За неисполнение этой священной обязанности царю грозит страшное наказание – «Огонь, возникший от жара страданий подданных, не прекращает пылать, пока не сожжет семью, счастье и жизнь царя» (I, 341). Кроме того, отдельными нормами установлена преступность и суровая наказуемость корыстных злодеяний правителя: а) «тот царь, который вопреки закону преумножает свою казну за счет сельской местности, лишенный счастья, скоро находит гибель вместе с родственниками» (I, 340); б) «[если] какой-то штраф взят царем вопреки закону, пусть он сам даст в тридцать раз больше наложенного [штрафа] брахманам» (II, 307).

3.3. Дхармашастра Нарады (Нарада-смрити).

Дхармашастра Нарады датируется еще более поздним периодом времени – IV–VI вв. н. э. и даже во введении содержит ссылки на Законы Ману, упоминая и их нормы об образе жизни царя [8, с. 56]. Ее содержание позволяет предположить, что ко времени Нарада-смрити абсолютная власть индийского монарха значительно укрепилась. По сравнению с предшествующими дхармашастрами у мудреца Нарады значительно больше внимания уделено священному статусу царя, его божественной природе. При этом акцент делается на заслугах царя и полагающихся ему сакральных и иных наградах при надлежащем следовании своей дхарме, а не на его ответственности за ее неисполнение, хотя последняя пусть редко, но все-таки упоминается в тексте этого документа как своего рода дань традиционной древнеиндийской политико-правовой мысли.

Так согласно Дхармашастре Нарады появление института политической власти монарха увязано с началом исчезновения дхармы, когда «появилась тяжба, и царь, налагающий наказание» и рассматривающий тяжбы (I, 2). При этом царь провозглашен

самой значительной опорой правосудия (I, 7), а «царский указ» – высшей ступенью правосудия (I, 10).

Таким образом, дхарма образует идеологический «корень царской власти» (III, 5), для соответствия которому индийский правитель при осуществлении правосудия обязан проявлять бескорыстие и беспристрастность (I, 28), усердие (I, 59), тщательность (I, 65) и вообще знание дхармы (III, A 333; 4, 11; 18, 41 и др.). В противном случае при неверном решении дела на царя падает четверть греха преступника (III, 11). Предусмотрена и более конкретная, имущественная ответственность царя и его администрации за бездействие в вопросах защиты подданных от преступлений: «Если же воры не найдены, пусть царь даст [возмещение] из своей казны: ведь если он нерадив, то, становясь грешником, лишается дхармы и артхи» (14, 26).

Однако эти скромные меры ответственности царя за неисполнение своих обязанностей по охране подданных, почитанию старших и брахманов (17, 31–32) меркнут и теряются на фоне текстов Нарада-смрити, возвеличивающих и обожествляющих индийского правителя, утверждающих, что «царь – это тот среди людей, кто безначален и беспределен по блеску и чистоте, если он не уклоняется от [своего] пути» (18, 13), что указ монарха – «это сияние, [исходящее] от царей и содержащееся в [их] слове, потому что бы они ни сказали – хорошее или дурное – это дхарма для тяжущихся» (18, 19), что «под именем царя живет в зримом облике на земле тысячеокий; преступив его указ, подданные нигде не скроются» (18, 20), что царь – «владыка [этого] мира» (18, 21) и хозяин подданных, которые «должны подчиняться его слову, и жизнь их зависит от него» (18, 23), что потому «царь, хотя бы и недостойный, должен быть почитаем подданными» (18, 22), что царь – это священная драгоценность мира (18, 51) и т. д.

По сравнению с более ранними древневосточными правовыми памятниками, рассмотренными выше, нарисованный в Дхармашастре Нарады политический портрет царя наиболее соответствует сложившимся в историко-правовой науке представлениям о восточной деспотии – максимум политической власти в руках обожествляемого правителя на фоне символической и ничтожной его ответственности перед населением страны. Зато Нарада-смрити установила смертную казнь за нарушение указа царя (18, 30), квалифицированную смертную казнь («зажарить на вертеле») для «злодея, который ударит царя» (15–16, 30), наказание вырезанием языка и конфискацией всего имущества за оскорбление царя (15–16, 29). При этом царское имущество с помощью уголовно-правовых институтов преступления и наказания также взято под особую защиту и сакрализовано: «А кто берет то, что признано царским..., – достоин казни» (II, A 35); «Всякий клад принадлежит царю... Не со-

общивший [о кладе] становится вором» (7, 6–7); «Всякое имущество очищается, став царским» (18, 43) и др.

Таким образом, обращение к древневосточным памятникам права, рассмотренным выше (законоустановлениям вавилонского царя Хаммурапи, законодательству еврейского пророка Моисея и наиболее известным индийским дхармашастрам – Ману-смрити, Яджнавалкья-смрити и Нарада-смрити) позволяет сделать вывод о неоднозначности подходов идеологов-правотворцев соответствующих государств Древнего Востока к установлению и законодательному закреплению оснований и мер юридической ответственности монарха за преступления, выражающиеся в различных нарушениях норм института царской власти – от казни правителя и лишения его власти до символических угроз негативных религиозных последствий. При этом обозначенная проблематика требует, на наш взгляд, дальнейшего комплексного историко-правового и сравнительно-правового исследования древневосточной политико-правовой мысли на монографическом уровне с привлечением дополнительных исторических (например, древнеегипетских, шумерских, хеттских и др.) научных источников.

Библиографический список

1. *Баренбойм П.* Первая Конституция Мира. Библейские корни независимости суда: учеб. пособ. – М.: Белые альвы, 1997. – 144 с.
2. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветная история уголовного права в Пятикнижии Моисея как новое направление историко-правового и сравнительно-правового научного исследования // Публичное и частное право. – 2014. – Вып. III. – С. 63–89.
3. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. – СПб.: Изд-во «Юридический Центр», 2015. – 533 с.
4. *Беспалько В.Г.* Древние представления о вине в Моисеевом уголовном законодательстве сквозь призму современной уголовно-правовой доктрины // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 1. – С. 101–108.
5. *Брюггеман У.* Введение в Ветхий Завет. Канон и христианское воображение. – М.: Библейско-богослов. ин-т св. ап. Андрея, 2009. – 584 с.
6. *Гаген С.* Абсолютный идеал правосудия в общественном правосознании от Древнего Египта до поздней Византии // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 11. – С. 2–5; 2010. – № 1. – С. 2–4.
7. *Графский В.Г.* История политических и правовых учений: учебник. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2016. – 736 с.
8. Дхармашастра Нарады / перев. и коммент. А.А. Вигасина и А.М. Самозванцева; вступ. ст. А.А. Вигасина. – М.: Вост. лит., 1998. – 256 с.

9. Законы вавилонского царя Хаммурапи / пер. В.А. Якобсона в частичной обработке А.А. Немировского; коммент. А.А. Немировского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm (дата обращения: 05.04.2018).
10. Законы Ману / предисл. А. Шапошникова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 496 с.
11. Калинина Е.В. Источники религиозного права: Тора как основной закон древнееврейского государства // История государства и права. – 2011. – № 16. – С. 35–38.
12. Калинина Е.В. Теория разделения властей: истоки проблемы и ветхозаветное видение системы «сдержек» и «противовесов» // История государства и права. – 2011. – № 15. – С. 22–25.
13. Лафитский В.И. Воскресение права. Часть третья. Книги завета. – М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2009. – 153 с.
14. Люкимсон П.Е. Моисей. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 367 с.
15. Самозванцев А.М. Книга мудреца Яджнавалкьи. – М.: Вост. лит., 1994. – 376 с.
16. Шифман И.Ш. Ветхий Завет и его мир: (Ветхий Завет как памятник литературной и общественной мысли Передней Азии). – М.: Политиздат, 1987. – 239 с.
9. Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2015. – № 1. – С. 101–108.
5. Bryuggeman U. Vvedenie v Vethij Zavet. Kanon i hristianskoe voobrazhenie. – М.: Biblejsko-bogoslov. in-t sv. ap. Andrey, 2009. – 584 s.
6. Gagen S. Absolyutnyj ideal pravosudiya v obshchestvennom pravosoznanii ot Drevnego Egipta do pozdnej Vizantii // Arbitrazhnyj i grazhdanskiy process. – 2009. – № 11. – С. 2–5; 2010. – № 1. – С. 2–4.
7. Grafskij V.G. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: uchebnik. – М.: Norma, INFRA-M, 2016. – 736 s.
8. Dharmashastra Narady / perev. i komment. A.A. Vigasina i A.M. Samozvanceva; vstup. st. A.A. Vigasina. – М.: Vost. lit., 1998. – 256 s.
9. Zakony vavilonskogo carya Hammurapi / per. V.A. YAkobsona v chastichnoj obrabotke A.A. Nemirovskogo; komment. A.A. Nemirovskogo [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm (data obrashcheniya: 05.04.2018).
10. Zakony Manu / predisl. A. SHaposhnikova. – М.: Izd-vo EHKSMO-Press, 2002. – 496 s.
11. Kalinina E.V. Istochniki religioznogo prava: Tora kak osnovnoj zakon drevneevrejskogo gosudarstva // Istoriya gosudarstva i prava. – 2011. – № 16. – С. 35–38.
12. Kalinina E.V. Teoriya razdeleniya vlastej: istoki problemy i vethozavetnoe videnie sistemy «sderzhek» i «protivovesov» // Istoriya gosudarstva i prava. – 2011. – № 15. – С. 22–25.
13. Lafitskij V.I. Voskresenie prava. CHast' tret'ya. Knigi zaveta. – М.: Izd-vo Tihomirova M.YU., 2009. – 153 s.
14. Lyukimson P.E. Moisej. – М.: Molodaya gvardiya, 2013. – 367 s.
15. Samozvancev A.M. Kniga mudreca YAdzhnavalk'i. – М.: Vost. lit., 1994. – 376 s.
16. SHifman I.SH. Vethij Zavet i ego mir: (Vethij Zavet kak pamyatnik literaturnoj i obshchestvennoj mysli Perednej Azii). – М.: Politizdat, 1987. – 239 s.

References

1. Barenbojm P. Pervaya Konstituciya Mira. Biblejskie korni nezavisimosti suda: ucheb. posob. – М.: Belye al'vy, 1997. – 144 s.
2. Bespal'ko V.G. Vethozavetnaya istoriya ugolovnoogo prava v Pyatiknizhii Moiseya kak novoe napravlenie istoriko-pravovogo i sravnitel'no-pravovogo nauchnogo issledovaniya // Publichnoe i chastnoe pravo. – 2014. – Vyp. III. – С. 63–89.
3. Bespal'ko V.G. Vethozavetnye korni ugolovnoogo prava v Pyatiknizhii Moiseya. – SPb.: Izd-vo «YUridicheskij Centr», 2015. – 533 s.
4. Bespal'ko V.G. Drevnie predstavleniya o vine v Moiseevom ugolovnom zakonodatel'stve skvoz' prizmu sovremennoj ugolovno-pravovoj doktriny //

ВИДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТИКУЛЬТУРЫ

В работе ставится вопрос о необходимости исследования явления этнической юридической антикультуры и ее видов. Автор впервые проводит научную типологию данного явления. Указывается, что типологическое описание этнической юридической антикультуры возможно на основе анализа ее пространственной культуры. В качестве оснований выделения отдельных видов этноюридической антикультуры в статье используются природа, исторические предпосылки формирования, отдельные элементы системы права, носители антикультуры, наличие или отсутствие научного подхода, отклонения правового характера, массовость, характер этнического поведения, уровень господства той или иной этнической группы, отрицательные последствия, степень общественной опасности, способы внешнего проявления, причины возникновения, степень завершенности, формы проявления, степень интеграции в правовую систему. Разработанная научная типология может явиться основанием для дальнейшего предупреждения этнической юридической антикультуры и ее наиболее опасных проявлений.

Ключевые слова: антикультура, этнос, право, типология, предупреждение.

Этническая юридическая антикультура представляет собой сложное социально-правовое явление. В развитие предыдущих положений о содержании, признаках и предпосылках формирования данного явления [3, с. 47–51], в настоящей работе проводится изучений видового разнообразия этноюридической антикультуры.

Видовое исследование этноюридической антикультуры возможно при анализе ее пространственной структуры. Считаем правильным выводить типы, виды и подвиды этноюридической антикультуры, основываясь на понимании пространственной структуры – понятии, которое предлагает профессор В.Н. Карташов при изучении юридической антикультуры [1, с. 233–234]. Он считает правильным типологизировать юридическую антикультуру по ряду оснований.

В зависимости от природы юридической антикультуры ее виды подразделяются на правонарушения и правовые казусы, юридические конфликты, пробелы в праве и деформации в правосознании, юридический нигилизм и фетишизм, догматизм и цинизм, инфантилизм и нигилизм, романтизм и др.

В нашем исследовании мы настаиваем на необходимости выделять этническую преступность и деликты как тип этнических правонарушений. Это можно сделать на основании того, что у данных явлений выделяется признак, в зависимости от которого они отделяются от других типов правонарушений. Данным признаком можно признать мотив национальной или религиозной ненависти или вражды, представляющий особую общественную опасность, либо принадлежность к определенной этнической группе.

Отдельно следует проводить типологию этнических конфликтов как разновидности этнического девиантного поведения.

Этническая юридическая антикультура может зарождаться и существовать в различных национальных государствах, территориальных анклавах,

этнических общностях. Исходя из этого возможно выделение этноюридической антикультуры различных национально-государственных систем, этнических меньшинств, национально-культурных автономий.

Типологию этноюридической антикультуры также возможно проводить на основе выделения отдельных элементов системы права (право, юридическая практика, правосознание). В отдельных государствах характеристикой правовой системы могут явиться и некоторые видовые проявления юридической антикультуры, например, пробелы и противоречия в праве и законодательстве, правовой вакуум и другие. В ситуациях отсутствия сильной политической власти, военных действий регулятором общественных отношений могут явиться сложившиеся веками национальные обычаи (кровная месть, куначество, абречество). Например, на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. в сознании горских народов сложилось пробельное и неточное представление об абреке – человеке, выполняющем «благородную миссию» с помощью разбоя, целью которого являлась кара жестоких российских управленцев и местной знати и передача добычи бедным общинникам. Абреки не представляли собой копию русских разбойников или грабителей, в связи с чем был создан особенный романтический образ абрека. Вместе с тем, абречество подчас ничем могло не отличаться от обычного уголовного бандитизма. По мнению Д.В. Новикова, «в действительности в “политическом абречестве” практически всегда присутствуют признаки обычных уголовных преступлений. В последнем случае абреки экстремистскими методами (терроризм, разбой) боролись против пореформенных социальных и этнорелигиозных противоречий» [4, с. 66].

По носителям этноюридической антикультуры можно выделять такие ее типы, как индивидуальную (представителя отдельного этноса); конкретной этнической группы, этноса или народа; националь-

ную (антикультура татар, чеченцев, дагестанцев, русских и др.) и национально-государственную (российскую, грузинскую, азербайджанскую, украинскую и др.). Особое место в этом ряду занимает этноюридическая антикультура экстремистских и террористических группировок, которые, выступая как оппозиционные силы, имеют ложные правовые представления, применяют ошибочное толкование права, используют противоправные юридические действия. Все это влечет за собой насилие, грубейшее нарушение прав и законных интересов граждан и национально-этнических групп.

Исходя из наличия или отсутствия научного подхода к пониманию этноюридической антикультуры, можно выделять обыденный и теоретический уровни ее проявления.

Следует также выделять различные отклонения правового характера в профессиональной и непрофессиональной типах юридической этнической антикультуры. Примером могут послужить непрофессиональные лозунги национальных движений о разьединении Карачаево-Черкесии в период распада СССР. В октябре 1991 года Съездом депутатов Карачая всех уровней Карачаево-Черкесия была провозглашена Карачаевской Республикой. Ответной реакцией прозвучало провозглашение Баталпашинской (казачьей) республики (август), Черкесской и Абазинской республик (октябрь 1991 г.) и Урупско-Зеленчукской республики (ноябрь).

В декабре 1991 г. Совет народных депутатов Карачаево-Черкесии провел опрос, который показал отсутствие популярности идей данных национальных движений и незначительные пределы их влияния. Большинство участников референдума (78,6%) высказалось за сохранение единства республики [5, с. 70].

В полиэтничном обществе следует выделять массовую правовую культуру конкретного этноса и культуру национальных элит. Массовая правовая этническая культура несет в себе как положительный, так и отрицательный смысл. Последний заключается в том, что этническим группам и нациям навязываются такие формы юридического знания, которые могут приводить к деформации правосознания и пренебрежению существующим легализованным законодательством.

В культуре национальных или этнополитических элит, которую несут отдельные национальные лидеры, политики, общественные деятели, присутствует множество различных деформаций: ложных юридических понятий, националистических идей, этнорелигиозных предубеждений, безграмотных действий.

На основе представленной нами типологии этнического поведения в правовой системе целесообразно выделять этноюридическую антикультуру населения в целом, деликтную этноюридическую антикультуру, а также наиболее общественно опас-

ный вид – юридическую антикультуру этнических преступных групп, осуществляющих противоправную деятельность.

В зависимости от того, какая группа антиценностей превалирует на той или иной территории проживания этносов или наций, в этноконфликтном пространстве, следует выделять господствующую и подчиненную ей этноюридическую антикультуру. Выделение данных видов значимо при изучении этнокриминальной антикультуры.

Многообразные проявления этноюридической антикультуры, исходя из их отрицательных последствий, целесообразно группировать по степени их результативности в социальной и юридической сферах, а также в зависимости от того, насколько эти результаты могут быть ожидаемыми или нет, временными или устоявшимися, главными или побочными.

По степени общественной опасности для конкретного гражданина, отдельных этнических групп и организаций, конкретного государства и общества в целом этнические девиации возможно подразделять на существенные и незначительные, особо опасные (например, радикализм этнических движений, этническая преступность) и другие.

По способам внешнего проявления выделяются такие виды этноюридической антикультуры, как открытые и латентные.

В зависимости от причин возникновения этноюридических деформаций выделяют объективные и субъективные юридические аномалии в сфере межэтнических отношений, а также дефекты, возникающие в результате комплексного воздействия на национальные отношения экономических и политических, социально-демографических, духовных и организационных, конфессиональных, юридических и иных факторов.

По степени завершения этнодевиантного юридического поведения имеет смысл говорить об оконченных и неоконченных правонарушениях и преступлениях по мотиву национальной или иной ненависти и вражды, этноюридические конфликты и другие разновидности этноюридической антикультуры.

Проявления этноюридической антикультуры в правовой системе общества можно разграничить на типичные (бандитизм, организация этнических преступных сообществ) и нетипичные (этнорелигиозный экстремизм, попытки создания новых национально-государственных образований). Профессор В.Н. Карташов совершенно правильно указывает, что «типичными считаются наиболее распространенные дефекты, характеризующиеся обобщенными чертами. К нетипичным относятся такие юридические аномалии, которые необычны для той или иной сферы жизнедеятельности, имеют значительное своеобразие, стоят особняком в юридической антикультуре» [1, с. 235].

Этническими группами, этносами, национальной элитой могут игнорироваться различные по своей природе юридические нормы и предписания. Исходя из этого, целесообразно выделять юридические погрешности указанных субъектов, связанные с нарушением национально-правовых норм и положений, принципов и норм международного права, нормативно-правовых и интерпретационных, индивидуально-конкретных и других предписаний.

Этноюридическая антикультура проявляется в различных сферах жизнедеятельности, в соответствии с чем необходимо выделять этноюридические девиации и деликты в социально-экономической и политической системах, конфессиональной и духовной среде, государственном управлении и осуществлении правосудия. Также имеет значение классификация видов этноюридической антикультуры в зависимости от сферы проявления: в частной или публичной сферах жизнедеятельности.

Центральное место в структуре элементов этноюридической антикультуры занимает конфликтная и противоправная этническая деятельность. Последняя представляется наиболее общественно опасной, в связи с чем следует определиться с ее пониманием.

Этническую противоправную деятельность нельзя отделять от правомерной, их необходимо изучать в единстве. Как считает Е.Л. Ковалева «противоправное и правомерное поведение представляют собой пусть разные, но все же стороны одного явления – деятельности человека, – диалектически взаимосвязанные и взаимодействующие. Правовое поведение – это единство противоположностей, изучать которые необходимо в тесной взаимосвязи между собой и с условиями жизни общества. Научное исследование обеих форм правового поведения необходимо для того, чтобы повысить эффективность действия права» [2, с. 4].

Также следует учитывать, что этническая деятельность признается правомерной или противоправной в зависимости от конкретных исторических условий и времени. Категории «правомерность» и «противоправность» относятся к оценочным понятиям, они могут быть изменчивы и условны.

Под противоправной этнической деятельностью в данном исследовании понимается совокупность общественно опасных, виновных, нарушающих юридические нормы и предписания действий, реализующихся в процессе этнического делинквентного и преступного поведения, наносящих вред личности, обществу и государству в целом. Теоретико-правовое и криминологическое значение имеет уяснение природы, отдельных признаков, содержания и причин совершения этнической

противоправной деятельности, ее внешней и внутренней стороны.

Кроме рассмотренных выше типов этнической юридической антикультуры существуют еще и другие ее проявления. Их детальное изучение позволит выявить иные особенности данного негативного правового явления и будет способствовать определению механизмов по предупреждению или минимизации действия многообразных проявлений этноюридической антикультуры.

Библиографический список

1. *Карташов В.Н.* Теория государства и права: учебное пособие для бакалавров. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – 274 с.
2. *Ковалева Е.Л.* Правомерное и противоправное поведение : их соотношение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 25 с.
3. *Кузьмина Н.В.* Этническая юридическая антикультура: понятие, признаки и предпосылки формирования на муниципальном и региональном уровнях // Муниципалитет: экономика и управление: Екатеринбург, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС). – 2017. – № 3 (20). – С. 47–51.
4. *Новиков Д.В.* Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия. Политико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
5. *Тышков В.А.* Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад. – М.: Авиаздат, 1999. – 186 с.

References

1. Kartashov V.N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe posobie dlya bakalavrov. – Yaroslavl: YArGU, 2012. – 274 s.
2. Kovaleva E.L. Pravomernoe i protivopravnoe povedenie : ih sootnoshenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2002. – 25 s.
3. Kuz'mina N.V. Etnicheskaya yuridicheskaya antikult'ura: ponyatie, priznaki i predposylki formirovaniya na municipal'nom i regional'nom urovnyah // Municipalitet: ehkonomika i upravlenie: Ekaterinburg, Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii» (RANHiGS). – 2017. – № 3 (20). – S. 47–51.
4. Novikov D.V. Ehtnoreligioznyj ehkstreizm na Severnom Kavkaze: metody protivodejstviya. Politiko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2003.
5. Tishkov V.A. Puti mira na Severnom Kavkaze. Nezavisimyj ehkspertnyj doklad. – M.: Aviaizdat, 1999. – 186 s.

Солнцев Александр Михайлович

кандидат юридических наук, доцент
Российский университет дружбы народов, г. Москва
a.solntcew@gmail.com

Есенбаева Гулжан Серик кызы

Российский университет дружбы народов, г. Москва
Магистрант РУДН (Москва, Российская Федерация),
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан
gul.serikkyzy@mail.ru

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ РАКЕТ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Статья подготовлена при поддержке грантового финансирования «Вклад Республики Казахстан в совершенствование национального и международно-правового режима контроля за ракетными технологиями и использование космических технологий в мирных целях» (AP05135405).

В статье анализируется Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет 2002 г., который объединяет сегодня 139 государств мира. Авторы детально рассматривают генезис разработки Кодекса, указывают основные вехи становления этого международного режима, подчеркивают роль России и Казахстана в развитии режима. Авторам отмечается, что хотя Кодекс вначале развивался как самостоятельный международный документ, но впоследствии он стал активно поддерживаться со стороны Организации Объединенных Наций (ООН), в том числе в форме принятия резолюций Генеральной Ассамблеи ООН. В статье делается прогноз о дальнейшем развитии Гаагского Кодекса, которое должно быть направлено на расширение членского состава и универсализацию режима (прежде всего, за счет присоединения к нему ракетно-значимых стран, таких как Израиль, Китай, КНДР, Бразилия, Пакистан), укрепление доверия между государствами путем обмена предварительными уведомлениями о пусках баллистических ракет и представления ежегодных деклараций о национальных ракетных программах.

Ключевые слова: международное право, международная безопасность, космос, режим контроля ракетных технологий, Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет, баллистические ракеты, ракетные технологии.

Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет (далее Гаагский кодекс поведения, Кодекс), ранее известный как «Международный кодекс поведения», был принят на международной конференции, состоявшейся 25–26 ноября 2002 года в Гааге [3]. Гаагский кодекс поведения объединяет сегодня 139 государств мира на основе свода добровольных правил с целью предотвращения и сдерживания распространения систем баллистических ракет [1, с. 101]. Кодекс является единственным многосторонним международным документом в области разоружения, который был принят в последние годы, единственным нормативным инструментом для сдерживания распространения баллистических ракет. Кодекс не требует уничтожения каких-либо ракет, а является соглашением между государствами о том, как они должны «вести» свою торговлю баллистическими ракетами [10, с. 623].

Гаагский кодекс поведения, в первую очередь, нацелен на предотвращение роста количества и сокращение распространения баллистических ракет, способных обеспечивать доставку оружия массового уничтожения и подобные технологии. Кодекс предназначен для дополнения режима контроля ракетных технологий (далее РКРТ), но его членство не ограничено [5, с. 240]. Он предназначен для дополнения, а не вытеснения режима контроля ракетных технологий, и осуществляется совместно

всеми странами-участниками [8, с. 76]. Несмотря на отсутствие в нем юридически обязывающей составляющей, на сегодняшний день этот Кодекс является универсальным инструментом по данной тематике. Как многосторонний инструмент политического характера, он предлагает целый комплекс мер укрепления доверия и транспарентности.

Подписавшие Кодекс государства обязуются не способствовать распространению баллистических ракет и проявлять максимально возможную сдержанность при разработке, испытании и развертывании баллистических ракет, способных обеспечивать доставку оружия массового уничтожения. Также одной из мер является присоединение государств к Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 год), Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972 год), и Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1975 год).

Главная цель Кодекса состоит в повышении уровня прозрачности отношений между подписавшими его государствами и укреплении атмосферы доверия благодаря ежегодной публикации деклараций с изложением основных направлений их политики в отношении баллистических ракет, а также благодаря уведомлениям о планируемых пусках и испытаниях баллистических ракет и кос-

мических ракет-носителей. Как таковой, Кодекс не запрещает ни одну из категорий оружия. И что еще важнее, он вполне совместим с разработкой амбициозных программ, направленных на мирное освоение космоса.

Таким образом, Гаагский Кодекс поведения ни в коем случае не запрещает владеть баллистическими ракетами и не лишает государства возможности извлекать пользу из освоения космоса в мирных целях. Не призывает Кодекс и к уничтожению ракет. Главная цель Кодекса заключается в укреплении доверия и транспарентности [9, с. 53–54].

Преимуществом Кодекса является то, что воплощение в жизнь его положений отличается простотой, не требует затрат и не влечет за собой никаких принуждений. В Кодексе не содержится никаких юридических обязательств, все действия его участников добровольны и основаны на доброй воле.

Ежегодно государства-участники проводят регулярные встречи, которые начались в 2003 году. Очередное семнадцатое заседание прошло 28–29 мая 2018 г. в Швеции, а в следующем 2019 г. Такая совместная встреча будет в Вене (Австрия). На первой конференции Австрия была назначена административным центральным контактным центром (Исполнительный секретариат), который является местом обмена информацией между государствами [2].

Россия является одним из соучредителей Кодекса. При его разработке были использованы элементы российской инициативы о создании Глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий, выдвинутой на встрече лидеров стран «Группы восьми» в 1999 г.

Россия рассматривает Гаагский кодекс поведения как первый шаг на пути к выработке юридически обязывающей договоренности о глобальном режиме ракетного нераспространения и считает, что государства, не присоединившиеся к Кодексу на начальном этапе, должны иметь возможность участвовать в его дальнейшей доработке. Еще в 2004 г. Россия предложила внести поправки, нацеленные на создание условий для присоединения к Гаагскому кодексу поведения государств, которые в нем не участвуют [3].

Россия ежегодно предоставляет через Центральный контактный пункт в Австрии информацию в отношении программ создания баллистических ракет, в том числе – основных направлениях своей политики в области космических ракет-носителей, а также заблаговременных уведомлений о предстоящих запусках баллистических и космических ракет.

Необходимо обозначить предысторию разработки Гаагского кодекса поведения. Так, в октябре 2000 года на пленарном заседании в Хельсинки государства-участники Режимы контроля за ракетными технологиями выпустили проект Между-

народного кодекса поведения, согласно которому государства-участники обязывались проявлять максимально возможную сдержанность в разработке, испытаниях и развертывании баллистических ракет, способных доставлять оружие массового уничтожения. В проекте кодекса содержались принципы, обязательства, стимулы и меры укрепления доверия, в том числе объявление о планируемых запусках ракет, а также меры прозрачности, касающиеся политики и запасов ракет. Государства-участники проекта Кодекса согласились готовить и присылать депозитарию ежегодную декларацию в отношении программ баллистических ракет, в том числе схему их баллистических ракет и космических средств. Проект Кодекса предлагал всем странам, не входящим в РКРТ, возможность участвовать в более широких общих усилиях по согласованию международно-обязательного Кодекса. Согласно Кодексу, совместные меры должны проводиться в каждом конкретном случае между странами, запрашивающими сотрудничество, и теми странами-участниками, которые желают и могут его предоставить.

На совещании в феврале 2002 года в Париже более 80 государств согласовали несколько пересмотренный проект Международного кодекса поведения, надеясь завершить его к концу 2002 года. К числу вопросов, которые рассматривались, относятся призывы к делегитимизации ракет и содействие ракетному разоружению, вопрос о том, как сохранить мирное использование технологии баллистических ракет в космосе (космические ракеты-носители) без содействия распространению баллистических ракет, а также вопрос о крылатых ракетах большой дальности.

17–19 июня 2002 года делегации из почти 100 стран собрались в Мадриде для продолжения переговоров по разработке Международного кодекса поведения по предотвращению распространения баллистических ракет. На Мадридской конференции страны представили дополнительные замечания и предложения по пересмотренному тексту. Число стран, присутствовавших на совещании, превысило число участников встречи в Париже, и включало государства с хорошо развитыми ракетными программами, такие как Китай, Индия, Израиль и Пакистан. Однако Иран, который активно участвовал в парижском совещании, решил не присутствовать в последнюю минуту [4].

Второе ежегодное совещание состоялось 1–3 октября 2003 года в Нью-Йорке и проходило под председательством Чили. Члены согласились продолжить работу по универсализации Кодекса, а также по вопросам реализации его положений. Также обсуждались ежегодные заявления о политике в области космических и баллистических ракет. Третья регулярная конференция состоялась в Вене в ноябре 2004 года. На этом заседании было

решено, что Международный кодекс поведения будет называться Гаагским кодексом поведения.

В 2005 году Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (далее ООН) на своей 60-й сессии приняла резолюцию 60/62, в которой Гаагский кодекс поведения был представлен как «практический шаг против распространения оружия массового уничтожения и их доставки», и предложила неприсоединившимся государствам присоединиться к Кодексу [11]. 10 сентября этого же года в Маниле прошел информационно-пропагандистский семинар, направленный на повышение осведомленности о Кодексе и поощрение большего числа азиатских государств к подписанию Кодекса.

Седьмое очередное совещание проходило в Вене с 29 по 30 мая 2008 г. под венгерским председательством. 28 октября первый комитет ООН проголосовал по проекту резолюции 63/64, в котором отмечалось, что 130 государств присоединились к Кодексу, и снова было предложено присоединиться к Кодексу государствам, которые еще не сделали этого. Необходимо отметить, что при голосовании за резолюцию только Исламская Республика Иран голосовала против принятия резолюции. Иран выразил протест в связи с тем, что Гаагский кодекс был обсужден за пределами Организации Объединенных Наций и не привлекал к участию все заинтересованные страны в этом процессе.

8 декабря 2010 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 65/73 «Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет» [12]. И снова в данной резолюции содержался призыв ко всем государствам, которые еще не присоединились к Гаагскому кодексу поведения, сделать это. В Резолюции также было принято решение включить в предварительную повестку дня шестьдесят седьмой сессии Генеральной Ассамблеи ООН пункт, озаглавленный «Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет».

В 2012 году на 11-ом пленарном заседании в Вене государства-участники отметили важность того, что Гаагский Кодекс поведения является уникальным многосторонним механизмом укрепления доверия и транспарентности, и согласились содействовать принятию резолюции о Кодексе на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Япония была избрана председателем на 2013–2014 годы, и Азербайджан объявил о своей кандидатуре на 2014–2015 годы. Республику Конго и Сингапур приветствовали в качестве новых членов Гаагского Кодекса поведения.

4 января 2013 года Генеральная Ассамблея приняла Резолюцию 67/42 «Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет», в которой признавался вклад Кодекса в нераспространение баллистических ракет, и по-

становила включить в предварительную повестку дня своей шестьдесят девятой сессии пункт, озаглавленный «Всеобщее и полное разоружение» с подпунктом «Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет».

30–31 мая 2013 года состоялось 12-е очередное заседание Гаагского кодекса поведения. Были поставлены цели на последующие годы, направленные на полное и всестороннее осуществление Кодекса во всех его аспектах и усиление информационно-пропагандистской деятельности. Государства, подписавшие соглашение, вновь подтвердили свою приверженность международному миру и безопасности.

По состоянию на июль 2018 года к Кодексу присоединилось 139 стран. Необходимо отметить, что количество государств-членов Гаагского кодекса поведения с каждым годом увеличивается. Так, в 2002 году участниками были 93 государства, в 2003 году – 109, а в 2005 году – 119 государств [14]. Кодекс открыт для всех государств, которые могут подписать его, направив дипломатическую ноту в министерство европейских и иностранных дел Австрии, являющееся Центральным контактным пунктом Кодекса.

Республика Казахстан присоединилась к Гаагскому кодексу поведения в 2005 году. В 2016–2017 гг. Казахстан являлся председателем Гаагского кодекса поведения. Председательство Казахстана в Гаагском кодексе поведения стало очередным признанием вклада Республики Казахстан в укрепление международной безопасности и нераспространение оружия массового уничтожения, что в свою очередь соответствует стратегическим подходам Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева и его инициативам по укреплению международной безопасности. Казахстан стал 14-м Председателем Гаагского Кодекса поведения и первой страной евразийского пространства, которая возглавила этот международный режим. За эти годы Республика Казахстан проделала значительную работу по привлечению внимания международного сообщества к Кодексу с целью расширения членского состава и универсализации режима [7].

На сегодняшний момент остается актуальным вопрос присоединения к Кодексу стран, обладающих баллистическим и ракетным потенциалом, особенно таких стран, как Китай, Иран, Пакистан, Индонезия, Бразилия, Мексика и Израиль. Только в 2016 году эти страны провели огромное количество ракетных испытаний, связанных либо с разработкой новых ракет, либо с усовершенствованием уже существующих [10, с. 621]. Необходимо отметить также, что важным итогом Председательства Казахстана явилось решение такого ракетно-значимого государства, как Индия, присоединиться к Гаагскому кодексу поведения в 2016 году. Ранее

Индия в течение длительного времени воздерживалась от этого шага [6].

В декабре 2016 года на 71-й сессии Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, которую поддержали 166 государств-членов (в том числе 34 государства, не являющиеся участниками Кодекса), что является рекордным числом для такой резолюции. 77 государств-членов выступили в качестве соавторов. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН содержится призыв ко всем государствам, не присоединившимся к Гаагскому кодексу поведения, сделать это. Резолюция также призывает изучить дальнейшие пути эффективного решения проблемы распространения баллистических ракет, способных доставлять оружие массового уничтожения, и продолжать расширять взаимоотношения между Гаагским кодексом поведения и ООН [13].

Среди проблем, не позволяющих Кодексу стать эффективным механизмом в сфере предотвращения ракетного распространения – слабая внутренняя дисциплина, неполный характер представления предварительных уведомлений о ракетных пусках, низкая информативность деклараций о ракетно-космической деятельности, неучастие в Кодексе таких ракетно-значимых стран, как Бразилия, Израиль, Иран, Китай и Пакистан.

Таким образом, Кодекс не представляет собой эффективный и поддающийся проверке режим против баллистических ракет. Скорее, это политически обязательный документ, побуждающий государства к принятию ограниченных мер, таких как ежегодная отчетность о своих программах по баллистическим ракетам и предупреждение всех других подписавших сторон перед проведением испытаний баллистических ракет. Попытки взять на себя обязательства по подписанию правовых обязательств не предпринимаются, при этом основное внимание следует уделять широким принципам, а не подробным планам действий. Не существует системы контроля для обеспечения соблюдения Кодекса или санкций за его нарушение [9, с. 54].

Дальнейшее развитие Гаагского Кодекса должно быть направлено на расширение членского состава и универсализацию режима, укрепление доверия между государствами путем обмена предварительными уведомлениями о пусках баллистических ракет и представлении ежегодных деклараций о национальных ракетных программах. Следует всячески поддерживать универсализацию Гаагского Кодекса поведения за счет присоединения к нему ракетно-значимых стран, таких как Израиль, Китай, КНДР, Бразилия, Пакистан и другие.

Библиографический список

1. Барановский В.Г., Топычканов П.В. Россия и дилеммы ядерного разоружения. – М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2012. – 290 с.

2. Гаагский кодекс поведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.hcoc.at (дата обращения 20.08.2018).

3. Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/eksportnyj-kontrol/-/asset_publisher/UhKoSvqyDFGv/content/id/1125444 (дата обращения: 20.08.2018).

4. Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/hague-code-conduct-against-ballistic-missile-proliferation-hcoc/> (дата обращения: 20.08.2018).

5. Жуков Г.П., Абашидзе А.Х. Международное космическое право: учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2018. – 240 с.

6. Индия присоединилась к Гаагскому кодексу поведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/26863/India_Joins_Hague_Code_of_Conduct (дата обращения: 20.08.2018).

7. Казахстан поддерживает Гаагский кодекс поведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfa.kz/ru/content-view/kazakhstan-podderzhivaet-gaagskij-kodeks-povedeniya> (дата обращения: 20.08.2018).

8. Корсаков Г.Б. Региональные ракетно-ядерные угрозы: к вопросу об актуальных механизмах сдерживания // Пути к миру и безопасности. – 2014. – № 2 (47). – С. 65–80.

9. Мизин И.Г. Россия и РКРТ: эволюция подхода и будущее режима контроля. – М.: МГИМО – Университет, 2009. – 88 с.

10. Ознобищев С.К. Эволюция РКРТ и ПРО: региональный аспект // Ежегодник СИПРИ. – 2011. – С. 623.

11. Резолюция ГА ООН. Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет. A/RES/60/62. 8 декабря 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/491/34/PDF/N0549134.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.08.2018).

12. Резолюция ГА ООН. Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет. A/RES/65/73. 8 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/516/94/PDF/N1051694.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.08.2018).

13. Резолюция ГА ООН. Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет. A/RES/71/33. 5 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/418/42/PDF/N1641842.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.08.2018).

14. Список стран, являющиеся государствами-участниками Гаагского кодекса поведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hcoc.at/?tab=subscribing_states&page=subscribing_states (дата обращения: 20.08.2018).

References

1. Baranovskij V.G., Topychkanov P.V. Rossiya i dilemmy yadernogo razoruzheniya. – M.: Institut mirovoj ehkonomiki i mezhdunarodnyh otnoshenij RAN, 2012. – 290 c.

2. Gaagskij kodeks povedeniya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.hcoc.at (data obrashcheniya 20.08.2018).

3. Gaagskij kodeks povedeniya po predotvrashcheniyu rasprostraneniya ballisticheskikh raket [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.mid.ru/ekspornyj-kontrol/-/asset_publisher/UhKoSvqyDFGv/content/id/1125444 (data obrashcheniya: 20.08.2018).

4. Gaagskij kodeks povedeniya po predotvrashcheniyu rasprostraneniya ballisticheskikh raket [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.nti.org/learn/treaties-and-regimes/hague-code-conduct-against-ballistic-missile-proliferation-hcoc/> (data obrashcheniya: 20.08.2018).

5. ZHukov G.P., Abashidze A.H. Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. – M.: YUrajt, 2018. – 240 s.

6. Indiya prisoedinilas' k Gaagskomu kodeksu povedeniya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/26863/India_Joins_Hague_Code_of_Conduct (data obrashcheniya: 20.08.2018).

7. Kazahstan podderzhivaet Gaagskij kodeks povedeniya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://www.mfa.kz/ru/content-view/kazakhstan-](http://www.mfa.kz/ru/content-view/kazakhstan-podderzhivaet-gaagskij-kodeks-povedeniya)

[podderzhivaet-gaagskij-kodeks-povedeniya](http://www.mfa.kz/ru/content-view/kazakhstan-podderzhivaet-gaagskij-kodeks-povedeniya) (data obrashcheniya: 20.08.2018).

8. Korsakov G.B. Regional'nye raketno-yadernye ugrozy: k voprosu ob aktual'nyh mekhanizmah sderzhivaniya // Puti k miru i bezopasnosti. – 2014. – № 2 (47). – S. 65–80.

9. Mizin I.G. Rossiya i RKRT: ehvolyuciya podhoda i budushchee rezhima kontrolya. – M.: MGIMO – Universitet, 2009. – 88 s.

10. Oznobishchev S.K. EHvolyuciya RKRT i PRO: regional'nyj aspekt // Ezhegodnik SIPRI. – 2011. – S. 623.

11. Rezolyuciya GA OON. Gaagskij kodeks povedeniya po predotvrashcheniyu rasprostraneniya ballisticheskikh raket. A/RES/60/62. 8 dekabrya 2005 g. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/491/34/PDF/N0549134.pdf?OpenElement> (data obrashcheniya: 20.08.2018).

12. Rezolyuciya GA OON. Gaagskij kodeks povedeniya po predotvrashcheniyu rasprostraneniya ballisticheskikh raket. A/RES/65/73. 8 dekabrya 2010 g. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/516/94/PDF/N1051694.pdf?OpenElement> (data obrashcheniya: 20.08.2018).

13. Rezolyuciya GA OON. Gaagskij kodeks povedeniya po predotvrashcheniyu rasprostraneniya ballisticheskikh raket. A/RES/71/33. 5 dekabrya 2016 g. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/418/42/PDF/N1641842.pdf?OpenElement> (data obrashcheniya: 20.08.2018).

14. Spisok stran, yavlyayushchiesya gosudarstvami-uchastnikami Gaagskogo kodeksa povedeniya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.hcoc.at/?tab=subscribing_states&page=subscribing_states (data obrashcheniya: 20.08.2018).

Кабанов Владимир Львович

кандидат педагогических наук, доцент
Российский университет дружбы народов, г. Москва
rudn_mp@mail.ru

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ ИЗ ЧИСЛА ЦЫГАН (РОМА)

Современный правозащитный метод подразумевает выделение наиболее уязвимых категорий населения с тем, чтобы разработать специальные эффективные методики их защиты. Данное явление проявляется и при защите прав детей. Одной из наиболее уязвимых категорий детей являются дети из числа цыган (рома). В рамках настоящей статьи детально рассматриваются права детей из числа цыган на образование, анализируются соответствующие документы, принятые в рамках договорных органов по правам человека системы ООН и региональных европейских организаций. Особое внимание уделяется практике Российской Федерации, представляется объяснение, почему существующую в России практику в отношении детей из числа цыган нельзя считать сегрегационной.

Ключевые слова: права детей, права детей цыган (рома), международное право, права человека, ООН, Совет Европы, ЕС, ОБСЕ.

Сегодня в мире уделяется существенное внимание защите прав детей [6], особенно детей, относящихся к различным уязвимым группам населения, а именно: детей-инвалидов, детей коренных народов [5], детей-беженцев, просителей убежища (в т. ч. несопровождаемых детей) и детей-мигрантов, детей-рома. Действительно, различные категории детей требуют специально разработанных подходов при защите. В рамках настоящей научной статьи мы бы хотели проанализировать проблемы, встающие при реализации права на образование детей из числа цыган (рома) в России и других государствах, рассмотреть соответствующий международный опыт разрешения этих проблем.

Цыгане являются одним из самых многочисленных этнических меньшинств в Европе (есть они также в Северной Африке, Северной и Южной Америке и Австралии). Их называют – цыгане, рома, синти, мануш, кале. В Европе их численность составляет 10–12 млн. человек, из них в России около 220 тысяч цыган (согласно переписи 2010 г.).

В основных странах проживания цыган в Европе, включая государства-члены Евросоюза, сохраняются негативные явления в отношении представителей этой этнической группы в социально-экономической сфере, до их исключения из общественно-политической жизни общества. Цыгане по-прежнему сталкиваются с предубеждениями, нападениями и даже массовыми высылками. Сохраняются проблемы с их доступом к здравоохранению, трудоустройству и образованию [2].

Дети из числа рома, проживающие в различных европейских государствах, как развитых, так и развивающихся, очень часто либо вообще не учатся в школах, либо не заканчивают их. Таким образом, они имеют крайне ограниченные знания, что, конечно, не позволяет им поступать в университеты и устраиваться на престижную работу. Другой пласт проблемы состоит в отсутствии у них документов, удостоверяющих личность. Это также создает барьеры для поступления в школы. Другими

проблемами, препятствующими осуществлению права на образование детям из числа рома, являются: проблема общественного транспорта из места их проживания до школы, отсутствие денежных средств на оплату имеющегося общественного транспорта, недостаток учебной литературы. Более того, большинство из детей рома, которые отстают в развитии или обладают ограниченными способностями (умственными или физическими), вообще не посещают школ. В настоящем исследовании мы не поднимаем еще проблематику доступа детей из числа рома в дошкольные учреждения, которая также имеет место быть [11].

Международные организации проявляют существенный интерес к защите прав детей из числа цыган. Прежде всего этой проблемой озабочены крупнейшие региональные европейские организации – Совет Европы, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и ЕС [15]. Также эта проблема беспокоит правозащитных экспертов ООН, работающих в договорных органах по правам человека.

ОБСЕ была первой международной организацией, которая стала заниматься вопросами защиты прав рома еще в 1990 г. Причиной, побудившей ОБСЕ исследовать этот вопрос, стал небывалый рост проявлений расовой и этнической ненависти, ксенофобии и дискриминации. Чуть позже, в 1994 г. в структуре ОБСЕ был создан специальный орган, призванный заниматься этим вопросом – Контактный пункт по вопросам рома и синти при Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). Особо стоит отметить, что это был вообще первый в мире международный орган, учрежденный для защиты прав рома и интеграции их в общество. Помимо институционального строительства в ОБСЕ стали разрабатывать и международные документы в этой сфере. В рамках ОБСЕ в 2003 г. был выработан всеобъемлющий документ под названием «План действий по улучшению положения рома и синти в регионе ОБСЕ» [4], где раздел 5 полностью

посвящен вопросам улучшения доступа к образованию. В этом Плане отмечалась особая роль образования как предпосылка для интеграции рома в европейское общество, подчеркивалось, что необходимо бороться с неграмотностью, повышать посещаемость занятий в школах со стороны детей из числа рома и при этом учитывать их культурную специфику. В этом международном документе содержались следующие рекомендации: борьба с расовой сегрегацией и дискриминацией в области образования детей из числа рома; важность консультирования с представителями рома относительно разработки образовательных программ; способствование тому, чтобы представители рома сами шли преподавать в школы; уделять на уроках внимание вопросам истории и культуры цыган; бороться с фактами обучения цыган в специальных школах и специальных классах, что рассматривается как сегрегация [1].

В рамках Совета Европы в качестве приоритетных проблем выделяются следующие: борьба с языком вражды и преступлениями на почве ненависти к рома; борьба с сегрегацией в системе образования и поощрение инклюзивного образования; работа над искоренением проживания без гражданства среди рома; предотвращение принудительных выселений рома и жилищной сегрегации; устранение препятствий для свободного передвижения рома в контексте международной миграции [12, с. 12]. В 2000 г. была принята Рекомендация Комитета министров № R (2000) 4 «Образование детей рома/цыган в Европе», где были освещены значимые проблемы при реализации права на образование цыган в европейских государствах [13].

В России, являющейся членом Совета Европы и участницей ОБСЕ, создано уникальное образование – общероссийская общественная организация «Федеральная национально-культурная автономия российских цыган», которая была провозглашена на учредительном съезде цыган России в 1999 году [9]. Среди ее основных уставных целей – сохранение языка, национальной самобытности, развитие образования и культуры цыган, расширение цыганского движения на все регионы страны. В субъектах Российской Федерации были созданы аналогичные региональные автономии цыган, способствующие росту их национального самосознания и активной позиции в отстаивании своих прав и интересов.

На универсальном уровне существует немало количество международных соглашений, которые закрепляют права детей и устанавливают обязательства государств по осуществлению этих прав. Российская Федерация принимает участие во многих международных договорах в данной области. Для контроля выполнения положений этих международных договоров были созданы договорные органы по правам человека. Различные договорные

органы по правам человека системы ООН в своих заключительных замечаниях по докладам Российской Федерации высказали замечания применительно к существующей в России практике привлечения детей цыган (рома) к образовательному процессу, квалифицируя эту практику в качестве сегрегации [3].

При обзоре ситуации с доступом детей рома к образованию на территории Российской Федерации выявляется отсутствие официальной информации об охвате детей рома образованием.

Имеются лишь отдельные статистические данные. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Российской Федерации проживало 204958 цыган (рома), среди которых 77599 человек составляли дети в возрастной группе от рождения до 17 лет. По территориальному расселению наибольшее количество цыган проживали в следующих субъектах Российской Федерации: Ставропольский край – 30879, Ростовская область – 16657, Краснодарский край – 12920, Волгоградская область – 8216, Астраханская область – 5214, Воронежская область – 5153, Самарская область – 4875, Тверская область – 4666, Нижегородская область – 4469, Челябинская область – 4266, Тамбовская область – 4120, Тульская область – 4043 [7].

Общероссийская общественная организация «Федеральная Национально-Культурная Автономия Российских Цыган» перечисляет следующие основные причины низкого уровня образования среди цыганских детей:

- отсутствие должного уровня подготовки к школе;
- отсутствие опыта восприятия информации и коммуникативного опыта, необходимого для обучения;
- родители не имеют навыков внеклассной работы с детьми;
- учителя не имеют необходимых навыков, не владеют методиками работы с детьми-цыганами.

В результате этих и других причин и обстоятельств дети-цыгане оказываются не подготовленными к обучению и после 2–3 класса теряют интерес к получению образования и покидают школу [8]. Многие из этих детей попрошайничают вместе с их родителями и не посещают школу. Для того чтобы такие дети наверстали упущенный материал, для них в соответствующих школах создают отдельные классы для адаптации к текущему учебному процессу, что оценивается договорными органами по правам человека как проявления сегрегации.

В самом деле, проблема с непрерывным привлечением к образованию детей рома является постоянной заботой государства. Как отмечено в представленном Российской Федерацией национальном докладе в рамках третьего цикла универсального периодического обзора: «С целью более успешной социализации детей-цыган в образова-

тельное пространство школы подготовлена концепция азбуки по русскому языку для детей цыган, не владеющих им, и учебника цыганского языка для начальных классов» (п. 261).

Согласно информации, представленной в соответствии с Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств (2016), в четвертом государственном докладе Российской Федерации в Совете Европы Федеральным институтом развития образования были разработаны новые методики работы с детьми рома, включая привлечение в образовательный процесс представителя цыганского сообщества для улучшения коммуникации между учителями, учащимися и их родителями [14].

Таким образом, сложившаяся практика обучения части детей рома в специальных классах обусловлена мерами по их адаптации к текущему образовательному процессу. Следовательно, специальные классы, создаваемые для детей рома, являются адаптационными, направленными на решение проблем, указанных выше, и не имеют ничего общего с проявлениями сегрегации.

Целесообразность и правомерность российской практики подтверждается Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ) [10] по делу Оршуш и другие против Хорватии. Хотя Суд по данному делу отметил, что зачисление цыганских детей в отдельные классы не имело под собой четких правовых оснований, однако при этом Суд призвал правительство Хорватии принять позитивные меры с целью оказания помощи заявителям в приобретении необходимых лингвистических навыков в максимально короткие сроки, в частности, по организации специальных уроков по языку.

Именно этой цели служит российская практика.

Примечательно, что договорными органами по правам человека системы ООН были сделаны аналогичные замечания по национальным докладам других государств со значительным цыганским населением:

– Комитетом по правам ребенка по объединенным третьему–пятому периодическим докладам Болгарии;

– Комитетом по правам ребенка по объединенным третьему и четвертому периодическим докладам Хорватии;

– Комитетом по правам человека по второму периодическому докладу Греции.

Для дальнейшего прогресса в этом направлении возникает необходимость наличия полной информации о преимущественном проживании цыган на территории Российской Федерации в разбивке по различным показателям, в том числе по положению с образованием детей рома.

Библиографический список

1. БДИПЧ и вопросы рома и синти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/odihr/104117?download=true> (дата обращения 20.08.2018).

2. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации А.К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ 6 апреля 2017 года по случаю Международного дня цыган [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/permanent-council/313291?download=true> (дата обращения 20.08.2018).

3. Док. ООН CRC/C/RUS/CO/4-5, para. 59.; UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Concluding observations on the twenty-third and twenty-fourth periodic reports of the Russian Federation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fRUS%2fCO%2f23-24&Lang=ru (дата обращения 06.05.2018).

4. Документ ОБСЕ MC.DEC/3/03, 2 декабря 2003 г. «План действий по улучшению положения рома и синти в регионе ОБСЕ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/odihr/17558?download=true> (дата обращения 20.08.2018).

5. Кабанов В.Л. Вопросы защиты прав детей из числа коренных народов по международному праву // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7. – С. 91–94

6. Международная защита прав детей: программа курса / А.Х. Абашидзе, Д.А. Гугунский, В.Л. Кабанов, А.Е. Конева, К.О. Кебурия, М.А. Симонова, А.М. Солнцев. – М.: РУДН, 2017.

7. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения; 06.05.2018).

8. Образование как способ адаптации цыган в российское общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80afhma1aipka1c6c.xn--p1ai/fnka/proekti/obrazovanie-kak-sposob-adaptatsii-cigan/> (дата обращения: 06.05.2018).

9. Официальный сайт «Федеральная национально-культурная автономия российских цыган» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: цыгане-россии.рф (дата обращения 20.08.2018).

10. Официальный сайт Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (дата обращения: 20.08.2018).

11. Права народа рома и тревеллеров. Выдержки из основного доклада [Электронный ресурс]. – Страсбург, 2012. – С. 12. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/-/16807971b9> (дата обращения: 20.08.2018).

12. Права народностей рома и лиц, ведущих кочевой образ жизни [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/thematic-work/roma-and-travellers> (дата обращения: 20.08.2018).

13. Рекомендации Комитета министров № R (2000) 4 «Образование детей рома/цыган в Европе». – 03.02.2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805e2e91 (дата обращения: 20.08.2018).

14. Четвертый государственный доклад Российской Федерации в Совет Европы в соответствии с Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств (2016). The fourth state report submitted by the Russian Federation (ACFC/SR/IV(2016)006) to the Council of Europe (2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/16806fd935> (дата обращения: 06.05.2018).

15. Roma integration in EU countries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/combating-discrimination/roma-and-eu/roma-integration-eu-countries_en (дата обращения: 20.08.2018).

References

1. BDIPCH i voprosy roma i sinti [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/odihr/104117?download=true> (дата обращения: 20.08.2018).

2. Vystuplenie Postoyannogo predstavatelya Rossijskoj Federacii A.K. Lukashevicha na zasedanii Postoyannogo soveta OBSE 6 aprelya 2017 goda po sluchayu Mezhdunarodnogo dnya cygan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/permanent-council/313291?download=true> (дата обращения: 20.08.2018).

3. Dok. OON CRC/C/RUS/CO/4-5, para. 59.; UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Concluding observations on the twenty-third and twenty fourth periodic reports of the Russian Federation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CE RD%2fC%2fRUS%2fCO%2f23-24&Lang=ru (дата обращения: 06.05.2018).

4. Dokument OBSE MC.DEC/3/03, 2 dekabrya 2003 g. «Plan dejstvij po uluchsheniyu polozheniya roma i sinti v regione OBSE» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/odihr/17558?download=true> (дата обращения: 20.08.2018).

5. Kabanov V.L. Voprosy zashchity prav detej iz chisla korennyh narodov po mezhdunarodnomu

pravu // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2016. – № 7. – S. 91–94

6. Mezhdunarodnaya zashchita prav detej: programma kursa / A.H. Abashidze, D.A. Gugunskij, V.L. Kabanov, A.E. Koneva, K.O. Keburiya, M.A. Simonova, A.M. Solncev. – M.: RUDN, 2017.

7. Naselenie po nacional'nosti i vladeniyu russkim yazykom po sub"ektam Rossijskoj Federacii [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

8. Obrazovanie kak sposob adaptacii cygan v rossijskoe obshchestvo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80afhma1a1pkal1c6c.xn--p1ai/fnka/proekti/obrazovanie-kak-sposob-adaptatsii-cygan/> (дата обращения: 06.05.2018).

9. Oficial'nyj sajt «Federal'naya nacional'no-kul'turnaya avtonomiya rossijskih cygan» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cyganerossii.rf (дата обращения: 20.08.2018).

10. Oficial'nyj sajt Evropejskogo Suda po pravam cheloveka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (дата обращения: 20.08.2018).

11. Prava naroda roma i trevellerov. Vyderzhki iz osnovnogo doklada [Электронный ресурс]. – Strasburg, 2012. – S. 12. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/-/16807971b9> (дата обращения: 20.08.2018).

12. Prava narodnostej roma i lic, vedushchih kochevoj obraz zhizni [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/thematic-work/roma-and-travellers> (дата обращения: 20.08.2018).

13. Rekomendacii Komiteta ministrov № R (2000) 4 «Образование детей рома/цыган в Европе». – 03.02.2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805e2e91 (дата обращения: 20.08.2018).

14. CHetvertyj gosudarstvennyj doklad Rossijskoj Federacii v Sovet Evropy v sootvetstvii s Ramochnoj konvenciej o zashchite nacional'nyh men'shinstv (2016). The fourth state report submitted by the Russian Federation (ACFC/SR/IV(2016)006) to the Council of Europe (2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/16806fd935> (дата обращения: 06.05.2018).

15. Roma integration in EU countries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/combating-discrimination/roma-and-eu/roma-integration-eu-countries_en (дата обращения: 20.08.2018).

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В периоды мировых и локальных экономических кризисов наиболее актуальной становится проблема правовой защиты граждан в социальной сфере. В середине XX в. была разработана концепция социального государства, в которой обоснована функциональная особенность механизма власти, призванной создать условия для развития рыночной экономики. Основными принципами данной экономики являются принципы равновесия и социальной справедливости. Анализ социальной реальности современного российского пространства указывает на необходимость использования во внутренней политике страны принципов государства всеобщего благоденствия. Однако несмотря на привлекательность данной концепции, существуют недостатки стратегии социального государства, связанные с современными особенностями процессов, происходящих в реальной жизни общества.

Ключевые слова: социальное государство, государство всеобщего благоденствия, рыночная экономика, социальная справедливость, правовая справедливость, равенство, свобода.

Впервые представления о возможности существования государства всеобщего благоденствия и первые философско-социальные обоснования этих представлений возникли в Германии в 80-е годы XIX в. В связи с политическими мотивами, ориентированными на ослабление влияния социал-демократической партии, германское правительство вынуждено было подготовить проекты законов, в которых говорилось о страховании рабочих промышленных предприятий. С этого исторического момента социальная политика в Германии стала считаться официальной стратегией государства, и этот факт был закреплен в Веймарской конституции 1919 года, в которой были зафиксированы социальные права граждан, такие как права на профсоюзные объединения, на защиту от безработицы, на охрану трудоспособности и здоровья. С конца XIX – начала XX веков некоторые меры в социально-политической сфере начинают проводить и другие государства, но, к сожалению, их развитие было остановлено в 30-х годах кризисом в экономической сфере.

Процессы практического развития и внедрения концепции общественного благоденствия в социальную сферу государства возобновились в 40–50-е годы. Политика социального благоденствия в этот период была ориентирована на создание программ, в которых были разработаны механизмы управления, способствующие достижению высокого уровня жизни трудящегося населения через участие в государственных системах образования, здравоохранения, через поддержку индивидуального жилищного строительства. Также программами было предусмотрено оказание помощи гражданам, которые самостоятельно не способны обеспечить себе минимум доходов. В дальнейшем социальная сфера внутренней политики промышленно развитых стран исследовалась учеными, результаты работы которых были представлены в многочисленных трудах, опубликованных в стра-

нах западной Европы и США. В этих работах политика, ориентированная на улучшение социальных условий жизни граждан, стала называться «политикой благоденствия» (Welfare State). Однако в официальных документах и законодательстве западных стран понятие «государство благоденствия» используется крайне редко, чаще употребляется термин «социальное государство». Таким образом, «государство всеобщего благоденствия» и «социальное государство» – синонимичные характеристики, которые используются в различных научных статьях, исследованиях. При этом целью существования такого государства является его «активное устремление гарантировать обеспечение достойного человека уровня жизни, а также удовлетворения базовых потребностей всех слоев общества согласно существующим стандартам [1].

Безусловно, демократические преобразования должны стать целью развития современной России, так как именно они ориентированы на защиту человека, его социальных прав. В постиндустриальном мире высшей ценностью является человек, его права и свободы – традиция, начало которой восходит к эпохе Нового времени. Не случайно слова И. Канта: «Человек – цель, а не средство» актуальны и по сей день. Этот кантовский девиз составляет смысл демократических преобразований, которые являются обязательным условием динамичного развития в XXI веке. Как бы ни хотелось думать, что демократия как принцип современного государственного устройства прочно укоренилась в системе социальных связей, нельзя забывать слова Г. Манна: «Борьба за демократию – это бой, исход которого не ясен и который надо каждый день начинать снова». И дело не в том, что россияне не восприимчивы к демократическим ценностям, а в том, что такая форма государственного правления, как демократия не сделала его свободным, не способствовала улучшению его благосостояния и решению его проблем. Современное российское общество не стало «государством всеобщего бла-

годенствия», в социальной сфере не прекращаются кризисные явления, которые демонстрируют отсутствие справедливости.

В частности об этом свидетельствует существующий разрыв между богатыми и бедными, постоянно увеличивающийся с катастрофической быстротой. Общепринятым показателем этого факта является Децильный Коэффициент (ДК), который выражает соотношение между средними доходами 10% населения с наиболее высокими доходами и средними доходами 10% самых бедных граждан. Согласно сведениям Росстата на 2014 г., этот коэффициент имел значение 16, сейчас он однозначно больше, по данным ряда экспертов – 25–30. Счетная палата назвала в целом по России цифру 30, а по Москве – 41 (при этом ни для кого не секрет, что истинные объемы доходов скрываются, а это значит, что разрыв гораздо больший). В Европе принято, что при ДК более 7 в стране нарастает социальная напряженность, а при значении 10 страна взрывается. Критическим считается показатель 25. Например, в революцию 1905 г. ДК достиг 27. А потому опасность социальных взрывов усиливается, причем они не будут связаны с какими-либо политическими событиями, а именно с социальным расслоением и бедностью большого числа граждан. В СССР ДК был от 3,5 до 4,5, в современной Европе ДК – 3–8, в Японии – 6, в США – 8–12, в Латинской Америке от 12 до 14. А самый низкий – в Скандинавских странах 3–4.

Большое различие в доходах граждан является одной из существенных проблем современного российского общества. Например, согласно сводке Росстата, по итогам 2011 г. на долю самых богатых досталось 29,6% общего объема денег, а на долю самых бедных – всего лишь 2% [1]. При этом показатели социально-экономической дифференциации за 2008–2011 гг. незначительно снижались, а с 2012 г. стали расти вновь. Уровень бедности продолжает увеличиваться, по официальным данным, если в 2010 г. за чертой бедности (доходы ниже величины прожиточного минимума) было 12,6% населения, в 2011 – 13%, то в первом квартале 2015 г. подскочил до 15,9% (без учета данных по Крыму и Севастополю). При этом крайне несовершенна система налогообложения. Проиллюстрируем налоговые взаимоотношения трех российских субъектов: бедняка, богача и нувориша. Первый ежемесячно получает 10 тыс. рублей (120 тыс. в год), второй – 100 тыс. рублей (1,2 млн. в год), третий – 1 млн. рублей (12 млн. рублей). Подоходный налог одинаковый – 13% (хотя и здесь богатым сделана поправка – доходы в виде дивидендов облагаются по ставке 9%), а социальные взносы уплачиваются по разным ставкам: до 512 тыс. рублей годового дохода – по ставке 30%, все, что выше до 10,9%. Итак: бедняк заплатит бюджету страны 43% своих доходов (13% подоходный и 30% социальные

взносы), богач – 31,5% (13% и 18,5%), нувориш – 23,9% (13% и 10,9%). Однако и эта схема еще не все, обеспеченные граждане создают индивидуальные частные предприятия и выплачивают как «частники» 6% налог, вместо 13% подоходного с физлиц. При подобной системе налогообложения затруднительно считать государство социально ответственным, так как, по сути, бюджет страны по-прежнему за счет налогообложения малоимущих.

Необходимо понять, что социальная справедливость, существующая в юридически-правовой форме, способствует консолидации общества, его интеграции, ибо ее содержанием является универсальная норма правильности и правомерности. Вспомним, что этимологически слово «справедливость» состоит из понятия «право», которое характеризует корень слова, тем самым детерминирует сам смысл явлений, обозначенных этим понятием. Еще в V в. до н. э. Пифагор определял справедливость как «число, помноженное на само себя». Действительно, право, возведенное в степень, метафизично по своей сути, оно возносится над интересами, характеризуя межличностное пространство одинаковой для всех меры [4]. Без преувеличения можно сказать, что будучи метафизичной, справедливость является идеей, содержащей в себе нормативные требования, реализация которых определяет процесс социальных изменений в структуре государства. В силу своей общезначимости идея справедливости характеризует единство интересов граждан, расширяет сферу их свободы и равенства. Стоит согласиться с мнением Г.Ю. Семигина, считающим, что «правовая справедливость представляет собой лишь одну из ипостасей социальной справедливости как ценности. Она призвана поддерживать существующий порядок, и может быть отнесена к формальной справедливости, на основе которой функционирует данная социальная общность» [3, с. 79].

Заметим, что весьма значимой в современной реальности концепцией является доктрина социального государства. Как сказано в ст. 7 Конституции РФ 1993 г., Российская Федерация – это социальное государство. Важным приоритетным направлением его политики является создание таких условий, которые способствовали бы обеспечению достойной жизни и свободного развития человека. Конституция гарантирует в случае возникновения определенных жизненных проблем (бедность, болезнь, старость и т. д.) возможность предъявить требования к государству с целью оказания действенной помощи в их решении (улучшения жизненной ситуации). В свою очередь государство, воплощая в жизнь конституционные гарантии, берет на себя обязательство в создании и принятии «социальной программы», а также разрабатывает комплекс мер, способствующих обеспечению и надлежащему выполнению этой программы всеми доступными и за-

конными средствами. Основой для осуществления этой функции является юридически ограниченная свобода экономической деятельности, предпринимательства, различных видов творческой деятельности. Однако очевидно, что даже самая свободная рыночная экономика не может существовать без участия в ее развитии государства. Подчеркнем, что в ч. 1 и 2 ст. 7 Конституции РФ говорится о политике государства, направленной на создание данных условий. В правовом государстве, детерминированном рыночной экономикой, такая политика выражается в издании соответствующих законов, которые обеспечивают содействие свободному развитию рыночных отношений, создают налоговую систему, адекватную вызовам современности. Например, во время Великой депрессии в США Франклин Рузвельт ввел прогрессивный налог, национализировал ключевые отрасли экономического сектора, создал систему финансовой помощи железным дорогам, сельскому хозяйству и государственным корпорациям, чтобы избежать повышения цен и тарифов.

К сожалению, на 2015 год в РФ, согласно приведенным Росстатом данным, денежное обеспечение россиян сократилось на 9,3%, а прирост потребительских цен, по оценке ЦБ, на начало декабря 2015 г. составил 14% (в целом получается 21,3%). По результатам опроса ВЦИОМ, 66% респондентов ответили, что за последние пять лет в стране стало больше бедных, а 41% опрошенных считают, что складывающаяся ситуация неприемлема для социального государства. Неблагоприятная картина складывается и в связи с тем, что полным ходом идет «оптимизация» социальной сферы: сокращается количество койко-мест в больницах, медпунктов в малонаселенной местности, нехватку детских дошкольных учреждений компенсируют «укрупнением» групп, объединяют ВУЗы, по новой системе «Платон» взимают дополнительные платежи с дальнобойщиков, при инфляции в 15% пенсионеры получают в 2016 г. прибавку к пенсии на 4%.

Наиболее значимой в современных условиях теорией взаимодействия социальной справедливости и права считается «концепция будущего» академика Д.С. Львова. Концепция основана на двух фундаментальных положениях. Согласно первому, социальная справедливость осуществима в том случае, если собственность на природные ресурсы перейдет в правовое обеспечение общественно-го достояния (неоспоримым фактом является то, что Россия – самая богатая страна мира). Второе положение предложенной концепции утверждает необходимость смены основной парадигмы, определяющей благосостояние общества, которая обеспечит достаточно высокий уровень социальной справедливости: «Вместо стремления к богатству и его символическим выражениям (расточительному и престижному потреблению) должно быть стремление к высокому качеству жизни. А этого

качества невозможно достичь индивидуально, не повышая одновременно качества жизни окружающих» [2]. Реализация второго положения концепции необходима в силу следующих обстоятельств. По рейтингу стран «качества жизни» в 2015 г. Россия занимает 91 место из 142 государств мира и находится между Гватемалой и Лаосом, по экономическим показателям на 95, по степени свободы предпринимательства – 88, по уровню коррупции и эффективности управления страной – 99, по уровню свободы граждан – на 89 [2].

Хотелось бы обратить внимание на то, что с учетом затяжного характера нынешней рецессии основным направлением антикризисной стратегии должен стать возврат к мобилизационной экономической модели, реализация которой ориентирована на внутреннее развитие промышленных и сельскохозяйственных ресурсов. Безусловно, что на современном этапе этот процесс невозможно осуществить без сильной социальной политики, которая будет способствовать, с одной стороны, активизации структур гражданского общества, с другой стороны, – правовой защиты, играющей важную роль в поддержании стабильности государства. Вне всякого сомнения, в интересах страны приоритетом являются здоровые и образованные граждане, ибо чем дольше человек работает, тем дольше платит подоходный налог. Поэтому целью государственной политики на ближайшее время должно стать смягчение социальных последствий экономического кризиса. В этих условиях принципиальное значение имеет укрепление правовой базы, обеспечивающей интересы трудящихся в социальной сфере [5].

Однако хотелось бы обратить внимание и на проблемы, которые возникают в связи с внедрением концепции социального государства в практику жизни на современном этапе развития общества. Прежде всего, в системе государства всеобщего благоденствия практически невозможно выявить и законодательно закрепить соотношение между личностной свободой и распределительно-регулирующей функцией власти. Действительно, трудно совместить и самое главное – формально узаконить права и свободы граждан, особенно в творчески приоритетных сферах экономики, предпринимательства, с контролем и постоянным вмешательством социального государства. Скорее всего, данная проблема отражает смысл вечной проблемы человеческого бытия: как создать гармоничное социальное пространство, в котором сочетается реальное содержание внутренней свободы личности с внешними формами ее осуществления в системе государства и права.

Видимо, в таком согласовании личной свободы с формами государственного правления требуется посредник, который в современных условиях представлен гражданским обществом, имеющим

определенный правовой статус. Но опять-таки неизбежны проблемы: зная содержание, цели, способы осуществления гражданского общества, замечаешь, что в практике реальной жизни условия его функционирования чаще всего прописаны на бумаге. Социальные организации и институты, воплощающие в себе принципы гражданского общества, радикально не влияют на внутреннюю политику государства, особенно это касается сферы политического управления, распределения бюджетных и иных средств. Даже если в ближайшее время ситуация изменится, то неизбежно возникнет необходимость специального анализа функции гражданского общества в структуре социального государства. И вновь, уже на более отвлеченно-правовом уровне, всплывет та же проблема гармоничного соответствия формы взаимодействия гражданского общества и государства всеобщего благоденствия. В частности, К. Оффе писал, что противоречие возникнет в политической системе в качестве «саморазрушающих тенденций, которые являются результатом разрыва между институционализированными программами решения проблем и теми механизмами, которые производят проблемы и противоречия» [6, р. 380].

В-третьих, известно, что теория социального государства возникла в период становления монополистического капитализма, поэтому ориентирована на установление социальной справедливости в границах отдельно взятой страны. Но современная действительность характеризуется тем, что разрушаются границы национального государства, а международное право становится приоритетным в сфере деятельности межнациональных интересов. Сегодня при создании государства всеобщего благоденствия необходимо учитывать условия глобализационных процессов. Поэтому в социально-философских исследованиях становится актуальным изучать соотношение национального и глобального (международного) при решении социальных вопросов. Такое соотношение чаще всего строится на классовых интересах, которые характеризуются комплексной общественной моделью, обусловленной нормативными структурами, обладающими собственной логикой развития. В данном случае «социальное государство» – это термин, обобщающий несколько держав, объединенных законодательной базой и ориентированных на достижение социальной справедливости в их общем пространстве, обусловленном в своем существовании интегративными экономическими связями. Ю. Хабермас рассматривает кризис государства благоденствия в качестве саморазрушающего, потому что реализация социально-правового проекта обусловлена ожиданием мира и всеобщего благосостояния, которое невыполнимо. В силу этого международный социально-политический проект благоденствия утрачивает свою «утопическую

энергию», государства не могут выполнять свою посредническую функцию, а классовый конфликт приобретает масштабы интернациональной борьбы экономических интересов [7, с. 33].

Заканчивая исследование, хотелось бы добавить, что из перечисленных недостатков теории благоденствия, существующих на современном этапе развития цивилизации, рассмотрены далеко не все. Особенную сложность испытывают сферы образования, медицины, в которых изначальное отношение между людьми, включенными в зону этих социальных интересов, строится на межличностной, нравственно-человечной коммуникации. Но в условиях рыночной экономики такие отношения утрачивают смысл и трансформируются до утилитарных, при которых человеческий фактор превращается в ресурс, профессиональная помощь и воспитание становятся услугой, а специалисты выступают в качестве менеджеров таких услуг. В такой ситуации, усложненной еще и динамизмом изменений, необходима выработка стратегической модели социально-экономической политики государства, в которой бы учитывались не только формально-нормативные аспекты деятельности субъектов, но и принимались во внимание духовно-нравственные ценности.

Библиографический список

1. *Краснолуцкий Г.Н.* Правовое и социальное государство: политологические исследования и пути становления [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. – 2009. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-i-sotsialnoe-gosudarstvo-politologicheskie-issledovaniya-i-puti-stanovleniya> (дата обращения: 22.05.2018).
2. *Твердохлебова А.Е.* Децильный Коэффициент – как реальный показатель качества жизни. – Томск: ТПГУ, 2012. – 130 с.
3. *Семигин Г.Ю.* Социальная справедливость и право. Основы взаимодействия // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 72–82.
4. *Ковалева С.В.* Философско-юридические основания экономики и предпринимательства // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 5. – С. 168–172.
5. *Ковалева С.В., Степанищенко О.В.* Социальный анализ политического инфантилизма (на примере Краснодарского края) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 5. – С. 236–239.
6. *Offe C.* The Divergent Rationalities of Administrative Action // *Social Theory: Roots and Branches (Readings)* / P. Kivisto (ed.) / пер. с англ. А.А. Широкаковой. – Los Angeles: Roxbury, 2000. – P. 376–381.
7. *Хабермас Ю.* Политические работы. – М.: Праксис. 2005. – 368 с.

References

1. Krasnoluckij G.N. Pravovoe i social'noe gosudarstvo: politologicheskie issledovaniya i puti stanovleniya [Elektronnyj resurs] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2009. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-i-sotsialnoe-gosudarstvo-politologicheskie-issledovaniya-i-puti-stanovleniya> (data obrashcheniya: 22.05.2018).
2. Tverdohlebova A.E. Decil'nyj Koehfficient – kak real'nyj pokazatel' kachestva zhizni. – Tomsk: TPGU, 2012. – 130 s.
3. Semigin G.YU. Social'naya spravedlivost' i pravo. Osnovy vzaimodejstviya // Sociologicheskie issledovaniya. – 2009. – № 3. – S. 72–82.
4. Kovaleva S.V. Filosofsko-yuridicheskie osnovaniya ehkonomiki i predprinimatel'stva // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2015. – № 5. – S. 168–172.
5. Kovaleva S.V., Stepanishchenko O.V. Social'nyj analiz politicheskogo infantilizma (na primere Krasnodarskogo kraja) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. – 2014. – № 5. – S. 236–239.
6. Offe S. The Divergent Rationalities of Administrative Action // Social Theory: Roots and Branches (Readings) / P. Kivisto (ed.) / per. s angl. A.A. SHirokanovoj. – Los Angeles: Roxbury, 2000. – P. 376–381.
7. Habermas YU. Politicheskie raboty. – M.: Praksis. 2005. – 368 s.

Воскресенская Елена Владимировна

доктор юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, г. Санкт-Петербург
elenvoskr@mail.ru

Алексеева Юлия Сергеевна

кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург
alexus606@gmail.com

РЕЖИМ СЕКРЕТНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ: ВОПРОСЫ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового института секретных изобретений в РФ, возникновения прав на данные объекты. Авторами проанализированы правовые последствия рассекречивания изобретений. Выявлено, что используемый ранее правовой институт авторского свидетельства надежнее обеспечивает соблюдение личных неимущественных прав изобретателя, а с выдачей патента на секретное изобретение связано большое количество ограничений. В статье делается вывод о том, что отказ в выдаче патента на секретное изобретение до его рассекречивания нарушает права авторов. Предложено заменить патентную систему охраны секретного изобретения на правовой институт авторского свидетельства. В ходе исследования рассматриваемой проблематики выявлены пробелы в правовом режиме секретных изобретений в РФ, сформулированы предложения по изменению диспозиций ряда статей Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: изобретение, секретное изобретение, государственная тайна, патент, гражданское право, управление интеллектуальной собственностью.

С принятием части IV Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] завершился процесс первой в современной истории нашего государства кодификации гражданского законодательства. Часть четвертая ГК РФ полностью посвящена общественным отношениям, возникающим по поводу создания и использования разнообразных охраноспособных объектов интеллектуальной собственности и приравненных к ним средств индивидуализации. Глава 72 ГК РФ системно включает в себя патентное право. Необходимо принять во внимание то, что для России фиксация патентных прав в отношении изобретения посредством выдачи охранного документа является чрезвычайно значимой, так как касается прав и интересов многих субъектов, интеллектуальная деятельность которых и обеспечивает научно-интеллектуальный потенциал государства. Обращаем внимание на то, что существование прочной взаимной связи между секретным изобретением с основополагающими принципами охраны государственной тайны в России предполагают наличие значительных пределов в полномочиях прав правообладателя на такое изобретение [4, с. 272].

Таким образом, значимость проблематики исследования очевидна с позиции правового регулирования и управления использованием таких объектов интеллектуальной собственности. Представляется необходимым проведение полноценного исследования института секретных изобретений в РФ, управления им и порядком возникновения прав на данные объекты с целью выявления пробелов в законе и внесения адекватных изменений в гражданское законодательство России. Однако отдельные проблемы нормативного правового режима секретных изобретений, несмотря на значительное число научных трудов и исследований

на рассматриваемую тематику [3, с. 46; 5, с. 56; 6, с. 248; 7, с. 185], не отвечают критериям полноты разработанности.

Закон РФ «О государственной тайне» (далее – Закон о гостайне) [2] включен как важный элемент в систему правовой охраны секретных изобретений. Он определяет основные понятия и регулирует основные направления для создания режима секретности: Отнесем к секретным изобретениям, в отношении которых определены «степени секретности “особой важности” или “совершенно секретно”», а также в отношении секретных изобретений, которые относятся к средствам вооружения и военной техники и к методам и средствам в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности и, для которых установлена степень секретности “секретно”» [2].

Базовой основой отнесения информации к гостайне является факт того, что разглашение информации причиняет вред безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Однако Закон о гостайне содержит обобщенный характер сведений, и выяснить, какой объект относится к секретным, а какой не относится, можно только при изучении исчерпывающего перечня, утвержденного руководителем уполномоченного органа государственной власти. Главный показатель отнесения сведений к определенной степени секретности – это степень тяжести ущерба, который наносится безопасности Российской Федерации вследствие распространения секретных сведений.

Как было отмечено, уровень секретности сведений, носящих в себе государственную тайну, должен соответствовать степени тяжести вреда, который причиняется безопасности Российской Федерации посредством разглашения такой информации. Характеризующие показатели причиняемого вреда можно определить согласно норма-

тивно-методическим документам, утвержденными руководителями уполномоченных государственных органов власти по отнесению сведений к государственной тайне. Такие данные, характеризующие степень вреда безопасности Российской Федерации, не публикуются официально.

Для цели надлежащего управления и правовой защиты в современном международном праве все объекты интеллектуальной собственности объединяются в единую группу, за которой закрепилось название «интеллектуальная собственность», являющееся весьма условным. Такой же условный характер имеет и иной распространенный термин в международных отношениях – «промышленная собственность».

Секретным изобретениям предоставляется патентная система охраны, что включает и осуществление исключительных прав в режиме секретности. Такой правовой механизм применяется с 1 января 2004 г. В отличие от секретных изобретений, правовая охрана секретных полезных моделей и секретных промышленных образцов законодательством не предоставлена. Согласно российскому гражданскому законодательству в национальное патентное ведомство подается заявка на выдачу патента. В российском патентном праве введена процедура «отложенной экспертизы при рассмотрении заявок о выдаче патентов на изобретения (заявок на изобретения)» [1]. Смысл данной системы состоит в том, что рассмотрение представленной заявки проходит две основные стадии:

- формальная (предварительная) экспертиза, завершаемая публикацией данных о заявке, если она прошла эту стадию с положительным результатом;
- экспертиза заявления на соответствие его предмета требуемым для получения патента условиям.

Гражданское законодательство содержит общее правило, в соответствии с которым не публикуются сведения, имеющие отношения к секретным изобретениям. Любое распространение информации о таких данных должно происходить по правилам законодательства о государственной тайне. Также с выдачей патента на секретное изобретение связано большое количество ограничений. Согласно гражданскому законодательству «использование запатентованного секретного изобретения, передача исключительного права на секретное изобретение (отчуждение патента) и предоставление права на использование секретного изобретения другим лицам осуществляется с соблюдением законодательства о государственной тайне» [1]. Процесс, связанный с рассекречиванием секретных видов изобретений, определяется правилами ст. 1403 ГК РФ (п. 1).

Уполномоченный орган, рассекречивая изобретения, подает находящиеся у него рассекреченные документы, представленные вместе с заявкой на изобретение, в федеральный орган исполнитель-

ной власти по интеллектуальной собственности. При незавершенности к моменту рассекречивания последующее рассмотрение заявки осуществляет уполномоченным федеральным органом власти. В Закон о гостайне не включены какие-либо положения в отношении процедуры изменения степени секретности сведений, относящихся к государственной тайне, и процедуры изменения грифов секретности носителей таких сведений.

Первый способ рассекречивания изобретения включает в себя отмену ограничений на распространение сведений о засекреченном изобретении посредством публикации данных о заявке, а также отмену ограничений на доступность документов, поданных с заявкой, и после публикации самой заявки посредством отмены грифа секретности, обозначенного на документах. Эти процедуры влекут снятие грифа секретности с носителей секретного изобретения по п. 2 ст. 1385 ГК РФ: «любое лицо вправе ознакомиться с документами заявки после публикации сведений о заявке» [1].

Второй способ, связанный с рассекречиванием изобретения, определяет отмену ограничений на распространение сведений об изобретении посредством публикации сведений об охранном документе, в том числе, о наименовании и формуле изобретения, снятие запретов на доступ к заявочным документам, по которым выдан патент, посредством отмены грифа секретности, имеющегося на документах заявки и на патентной грамоте. Открывается возможность применять пункт 2 ст. 1394 вследствие отмены грифа секретности по отношению к носителям секретного изобретения, согласно которым каждый вправе знакомиться с документами заявки и отчетом об информационном поиске.

Опубликование сведений, осуществляемое параллельно рассекречиванию секретного изобретения, содержит сведения об обычном патенте, а не о секретном патенте с грифом, при этом может не меняться регистрационный номер Государственного реестра изобретений России. Более того, стоит помнить о грифе секретности, указанном на засекреченном патенте, как и на ином документе, содержащем сведения о государственной тайне.

Однако могут появиться практические проблемы в связи с процессом рассекречивания патента на секретное изобретение, не урегулированные законодателем. Так, например, в законе не определен конечный срок действия рассекреченного патента на изобретение. Каков этот срок: 20 лет как срок действия обычного патента с даты предоставления заявки для выдачи патента на изобретение либо следует продлить срок действия патента на рассекреченное изобретение на отрезок времени, равный периоду, истекшему со дня выдачи патента на секретное изобретение до дня рассекречивания изобретения? Ситуация связана с тем, что срок

засекречивания сведений, относящихся к государственной тайне, достигает 30 лет, и он может быть продлен при наличии определенных обстоятельств. Этот факт мы считаем аргументом в пользу второго варианта решения проблемы.

Сложность обозначенного вопроса состоит в том, что указанное решение допустимо в странах, патентное право которых указывает на приостановление действия патента на изобретение при его засекречивании [8, с. 98]. Наше гражданское законодательство не предусматривает приостановление действия патента, и подтверждает это ст. 1405 ГК РФ, в которой определяется исключительное право на секретное изобретение.

Статус охраноспособного документа на раскреденное изобретение законодательством также не определен. Отсутствие законодательного закрепления прекращения действия патента можно истолковать как продолжающееся действие предыдущего патента, т. е. охраноспособного документа на секретное изобретение, форма которого аналогична форме обычно выдаваемого патента, оба патента подлежат регистрации в Государственном реестре изобретений России. Но таких умозаключений весьма мало для подобного вывода. Таким образом, статьей 1403 следует предусмотреть норму о выдаче патента по ходатайству патентообладателя изобретения на срок, на оставшийся в пределах двадцати лет с момента возникновения приоритетности прав на секретное изобретение. Проблема раскреденения изобретений, относящихся к секретным, имеет особую напряженность, так как только после раскреденения возникает возможность рационального обращения к патентной системе и использования исключительного права без ограничений, касающихся обязательств нераспространения государственных секретов.

При получении охранного документа в отношении секретного изобретения, государство, с одной стороны, дает патентообладателю исключительное право, а, с другой стороны, органы охраны государственной тайны привлекают его к ответственности за каждое самостоятельное (несанкционированное) использование права, подтвержденное патентом и за разглашение сведений о своем собственном изобретении. Иными словами, получив патент на секретное изобретение и предприняв попытку использовать подтвержденные на него права в сфере рыночного хозяйствования, патентообладатель вопреки сложившемуся в общественном сознании представлению о патенте, попадает в сферу действия Закона о гостайне с надлежащим репрессивным аппаратом.

Итак, модель управления и модель правового регулирования в сфере секретных изобретений предопределяет, по сути, фиктивность патентной защиты секретных изобретений для обеспечения надежной патентной охраны и более реальной

защиты сведений, относящихся к государственной тайне, отказ в выдаче охранного документа на секретное изобретение до наступления дня его раскреденения [8, с. 99]. Предлагаем на момент засекречивания секретного изобретения выдавать другой документ – авторское свидетельство, которое не содержит исключительного права правообладателя и, таким образом, не чинит препятствий использованию, а лишь констатирует авторство указанного в нем лица и приоритет на секретное изобретение. В свою очередь, исключительное право фиксируется в лице уполномоченного органа государственной власти за государством.

В современном законодательстве имеются противоречия в отношении секретного уровня изобретения, к которому применяется законодательство о государственной тайне и выдачи патента на секретное изобретение, содержащего исключительное право на использование такого изобретения правообладателем. Данное противоречие возникает в силу того, что сведения государственной тайны могут стать объектом неподконтрольного использования частных лиц. Таким образом, теоретически существо юридического конфликта заключается в противостоянии публичного и частного интересов и, как следствие, согласованного, разумного сочетания этих двух правовых основ при решении рассматриваемой проблематики.

Участвует в этом конфликте практическая неосуществимость использования секретного изобретения, также как и распоряжение самим правообладателем правом на него, так как такое активное поведение в соответствии со ст. 1405 ГК РФ осуществляется в рамках требований законодательства о государственной тайне. Однако если любое лицо не могло знать и не знало о том, что оно применяет секретное изобретение, на которое выдан патент, то практическое применение является допустимым. Последствиями такого неконтролируемого использования являются прямые противоречия с Законом о гостайне.

При решении проблемы урегулирования отношений в сфере изобретательства в условиях их секретности следует использовать опыт отдельных зарубежных стран: отказ в выдаче патента на секретное изобретение до его раскреденения. Государственный интерес, исходящий из-за использования сведений, содержащих государственную тайну, в этом случае не встретит затруднений со стороны осуществления частного интереса, связанного с законным обладанием исключительным правом. Но один важный юридический недостаток остается у предлагаемой правовой конструкции: за ее пределами остаются права автора, однако она решает основную задачу регулирования – устранение конфликта двух правовых начал.

Исследование современных норм гражданского права и юридических последствий их применения,

проведенное в ходе исследования, позволяет применить другой подход к решению проблематики. Основной содержательной частью предлагаемого решения проблемы является недопущение противостояния прав государства на секретное изобретение как правовладельца сведений, составляющих государственную тайну, присутствующую в секретном изобретении, и иного лица – правообладателя исключительного права на изобретение. В связи с этим представляемая юридическая конструкция не включает в себя получение патента на секретное изобретение и тем самым наличия исключительного права на изобретение у частного лица. Таким образом, в едином субъекте объединяются обладатель исключительного права на государственную тайну и права на секретное изобретение, в котором она содержится, тем самым отводится надлежащее место праву государства в отношении государственной тайны, что и предусматривает предлагаемая конструкция. Государство, являясь обладателем исключительного права, имеет право осуществить его, передав правомочия использования и распоряжения надлежащему компетентному органу. Наделение государства исключительным правом в отношении секретного изобретения позволит в тоже время достигнуть соответствия правовых норм, находящихся в разных нормах национального законодательства.

Для баланса интересов автора секретного изобретения предлагаем воспользоваться ранее применяемым в советское время институтом авторского свидетельства. Такой охраняемый документ выдается автору изобретения после признания заявленного технического решения таковым, но не подтверждает возникновения у него исключительного права, а только предопределяет приоритет и право авторства на секретное изобретение. Так, по нашему мнению, выдаваемое авторское свидетельство обеспечит охрану личных неимущественных прав автора. Отметим, что при выдаче такого охранного документа автоматически закрепляется за государством исключительное право на изобретение.

Итак, усматриваем, что использованием предлагаемой правовой конструкции для решения рассматриваемой проблематики поспособствует достижению желаемого равновесия интересов публичных и частных. Единственным обладателем исключительного права на изобретение, в котором содержатся сведения, составляющие государственную тайну, становится государство, и только оно непосредственно реализует право на использование и распоряжение им по своему усмотрению. Одновременно не оставлены без внимания и интересы автора секретного изобретения, имеющего личные неимущественные и имущественные права.

Отметим, что используемый ранее правовой институт авторского свидетельства, посредством которого обеспечивалось соблюдение личных не-

имущественных и в определенной степени имущественных прав изобретателя при условии практического неиспользования патентной формы охраны, становится уместным для реализации прав изобретателя в рамках управления и правового режима охраны секретных изобретений. Сегодня инструментом управления секретным изобретением является патент. Этот документ относится к инструментам экономики рынка, имеет свои особенности, но включение такого изобретения в гражданский оборот затруднительно из-за режима секретности.

Объем имеющихся прав обладателей секретных изобретений отличен от объема прав патентообладателей несекретных изобретений. Применение режима секретности предусматривает ограничение прав собственности на информацию и ограничения, предопределяемые обязательством по неразглашению секретной информации. В неравных условиях находятся субъекты указанного права по сравнению с иными хозяйствующими субъектами страны в связи с соблюдением требований Закона о гостайне. При трансферте технологий управления в гражданский оборот и рассекречивании изобретения патент автоматически должен переоформляться на обычный без подачи новой патентной заявки с заново текущим сроком действия.

К элементам предлагаемой управленческой схемы относится отказ от патентной системы охраны секретного изобретения, что ликвидирует юридический конфликт между потребностью его применения тем или иным властным государственным органом и правом обладателя-монополиста на патент, допускающим запрещение такого применения. Важнейшим звеном предлагаемой схемы станет выдача правообладателю специального охранного документа – авторского свидетельства. После процедуры рассекречивания изобретение должно переводиться в правовой режим патентной охраны. Другой элемент, логично продолжающий данную схему управления секретными изобретениями и их охраны, связан с тем, что исключительное право на секретное изобретение закреплено за государством.

Предложенная авторами система правовой охраны изобретений, относящихся к секретным, диктует потребность внести частичные изменения в диспозиции отдельных норм части 4 ГК РФ. Очертим лишь границы таких изменений:

– предлагается исключить из диспозиции и названия статьи 1401 ГК РФ словосочетание «выдача патента», заменить словосочетанием «заявка на секретное изобретение» словосочетание «заявка на патент»;

– изменить диспозиции статей 1402 и 1403 ГК РФ с учетом результатов исследования;

– название статьи 1404 ГК РФ заменить на «Изменение степени секретности и рассекречивание изобретений», а в подпунктах 1–3 исключить слова «патент»;

– подпункт 4 статьи 1404 ГК РФ изложить в предлагаемой редакции: «Если с момента выдачи рассекречиваемого изобретения, на которое выдано авторское свидетельство, не прошло 20 лет, то оно меняется на патент, действие которого ограничивается сроком, остающимся до истечения двадцатилетнего периода».

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – 52 (ч. 1). – Ст. 5496.
2. Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 21 сентября.
3. *Аверина В.О.* Защита прав авторов на результаты интеллектуальной собственности: некоторые вопросы теории и практики // Вопросы права и проблемы становления гражданского общества в России. – Хабаровск: Изд-во ДЮИ МВД России, 2009. – С. 45–47.
4. *Воскресенская Е.В.* Конституционно-правовое значение интеллектуальной собственности: опыт евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 3. – С. 269–273.
5. *Новоселова Л.А., Рожкова М.А.* Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования. – М.: Инфра-М, 2014. – 128 с.
6. *Павлов В.П.* Некоторые спорные вопросы охраны интеллектуальной собственности в новой реакции части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики. – 2015. – С. 247–257.
7. *Рожкова М.А.* Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты. – М.: Проспект, 2015. – 248 с.

8. *Лобастов А.А., Исмаилов К.И. оглы, Воскресенская Е.В.* Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности // Социология и право. – 2017. – № 2. – С. 96–101.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' 4) ot 18.12.2006 № 230-FZ // SZ RF. – 2006. – 52 (ch. 1). – St. 5496.
2. Zakon RF «O gosudarstvennoj tajne» ot 21 iyulya 1993 g. // Rossijskaya gazeta. – 1993. – 21 sentyabrya.
3. *Averina V.O.* Zashchita prav avtorov na rezul'taty intellektual'noj sobstvennosti: nekotorye voprosy teorii i praktiki // Voprosy prava i problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii. – Habarovsk: Izd-vo DYUI MVD Rossii, 2009. – S. 45–47.
4. *Voskresenskaya E.V.* Konstitucionno-pravovoe znachenie intellektual'noj sobstvennosti: opyt evrazijskoj integracii // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2018. – № 3. – S. 269–273.
5. *Novoselova L.A., Rozhkova M.A.* Intellektual'naya sobstvennost': nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya. – M.: Infra-M, 2014. – 128 s.
6. *Pavlov V.P.* Nekotorye spornye voprosy ohrany intellektual'noj sobstvennosti v novej reakcii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki. – 2015. – S. 247–257.
7. *Rozhkova M.A.* Intellektual'naya sobstvennost': osnovnye aspekty ohrany i zashchity. – M.: Prospekt, 2015. – 248 s.
8. *Lobastov A.A., Ismailov K.I. ogly, Voskresenskaya E.V.* Konstitucionno-pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti // Sociologiya i pravo. – 2017. – № 2. – S. 96–101.

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЮНИТА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НЕКОТОРЫЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ

В статье показана актуальность возможного юридического конструирования и признания определённой специфической правосубъектности систем искусственного интеллекта. Автор рассматривает тенденции, модели и проблемы определения правосубъектности юнита искусственного интеллекта. В статье рассмотрена правосубъектность юнита искусственного интеллекта, соотносимая с правосубъектностью человека, показаны основания для сопоставления и последствия применения такого подхода. Автор делает вывод, что термин «юридическая фикция» применительно к правосубъектности юнита искусственного интеллекта отражает лишь юридическую природу (исходя из одного лишь основания выделения такой природы), но не объясняет сущности такой правосубъектности. Автор представляет свой собственный научный концепт интерпретации правосубъектности «электронное лицо» как особого технико-юридического образа.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юнит искусственного интеллекта, электронное лицо, правосубъектность, гражданское право, информационное право, правосубъектность юнита искусственного интеллекта.

В настоящее время всё более актуальной становится тема возможного юридического конструирования и признания определённой специфической правосубъектности систем искусственного интеллекта. В рамках данной статьи будут рассмотрены некоторые тенденции, модели и проблемы правосубъектности искусственного интеллекта.

Тенденции и существующие подходы к наделянию юнита искусственного интеллекта правосубъектностью.

Маршал Уиллик в своем исследовании, проведенном в 1983 году, указывал, что по мере развития технологий, позволяющих более полно взаимодействовать человеку и компьютеру, возможно размытие границ между инструментом (в качестве которого выступает как раз компьютер) и оператором, управляющим им [8, с. 6].

Сейчас, по прошествии более чем трёх десятилетий, нельзя говорить о хоть сколько-нибудь значимом размывании этих границ, однако вопрос правосубъектности системы искусственного интеллекта приобретает актуальность в силу иных причин и факторов. Так, современные технологии позволяют добиваться всё более независимого поведения юнитов искусственного интеллекта.

И если юнит искусственного интеллекта является по-настоящему автономным и способен к самообучению, становится всё более сложно приписывать последствия его поведения (действия) его создателю [1, с. 1477].

Хавьер Эредиа отмечает, что сейчас юнит искусственного интеллекта не имеет самосознания и может существовать только зависимо от физического или юридического лица, создавшего его либо пользующегося результатами его деятельности, однако события и технологии развиваются быстро, и, возможно, в будущем возникнет вопрос о том, если ли у электронного лица не только обязанности и функции, но и «права» [3].

Тим Малган указывает, что, в целом, существует четыре основных подхода к определению правосубъектности «цифровых существ» (то есть, юнитов искусственного интеллекта) с точки зрения права:

– концепция исключительной правосубъектности («*exclusivism*»), согласно которой только биологические человеческие существа могут выступать как субъекты или лица с самостоятельной правосубъектностью;

– концепция минимальной инклюзивности («*minimal inclusivism*»), согласно которой цифровое существо может быть автономным агентом, но не правоспособным агентом или лицом с самостоятельной правосубъектностью;

– концепция умеренной инклюзивности («*moderate inclusivism*»), согласно которой цифровое существо может быть автономным агентом или правоспособным агентом, но не лицом с самостоятельной правосубъектностью;

– концепция полной инклюзивности («*extreme inclusivism*»), согласно которой цифровое существо может быть лицом с самостоятельной правосубъектностью, наделенным правами человека и имеющим значимые интересы [5, с. 11].

Кроме того, существуют подходы к наделянию юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью, схожей с человеческой, правосубъектностью юридических лиц, а также ограниченной правосубъектностью животных.

При этом, если попытки расширения прав животных объясняются практическими идеями защиты животных (от жестокого обращения), то попытки наделяния правосубъектностью иных существ являются, по-видимому, следствием необходимости решения проблемы их категоризации в рамках правового пространства [1, с. 1476].

Следует остановиться и на таком аспекте.

Мария Хосе Сантос Гонсалес указывает, что развитие технологий в сфере искусственного интеллекта и робототехники может приводить к воз-

никновению следующих проблем, которые невозможно решить при помощи действующего ныне законодательства:

- многофункциональность роботов, которые могут быть задействованы в самых разных сферах;
- возникновение новых ситуаций, определяемых существенными характеристиками технологий искусственного интеллекта;
- юниты искусственного интеллекта не обладают интуицией, самосознанием и не способны действовать в рамках этических норм (то есть самостоятельно делать нравственный выбор и быть связанными нравственными ограничениями), в силу чего, выполняя различные задачи, традиционно исполняемые человеком, могут способствовать возникновению и росту культурной, экономической, социальной и правовой напряженности;
- человеческая эмпатия к роботу, которая способствует развитию социальных рисков;
- решения, принимаемые роботами, могут привести к изменению поведения в социуме, в том числе, в контексте возможной правосубъектности робота, схожей с правосубъектностью человека [2, с. 27–28].

И, на наш взгляд, эти проблемы могут существенно усугубиться в случае скороспелого и необдуманно обширного наделения робота правами, аналогичными правам человека.

При этом необходимо учитывать, что изменения, в рамках которых признаётся правосубъектность новых субъектов, как правило, связаны с изменениями культурных и экономических реалий, а не являются результатами какого-либо предварительного планирования. Аналогичным образом и сдвиги в распределении юридических прав и обязанностей обычно становятся результатом социального давления, а не беспристрастного генерального планирования общества [8, с. 5].

При этом наделение юнитов искусственного интеллекта правами, аналогичными человеческим, в результате «давления» со стороны общества и общественных настроений видится весьма маловероятным, а с чисто экономической точки зрения это нецелесообразно. Тем не менее, рассмотрим этот вопрос более подробно.

Правосубъектность юнита искусственного интеллекта, схожая с правосубъектностью человека.

Всё более затруднительным становится различение деятельности человека и компьютера, если судить по конечному ее продукту, и компьютеры уже доказали свою способность к выполнению функций, изначально относимых к исключительно человеческим. А возрастающее сходство между людьми и машинами в конечном счете может потребовать необходимость юридического признания юнита искусственного интеллекта в качестве «лица» [8, с. 5].

При этом возникает серьезная проблема определения критериев, по которым агент может наделяться соответствующими правами и обязанностями.

Стивен Руза выделяет три категории технологий искусственного интеллекта следующего поколения:

- архитектура компьютера, которая воплощает в себе умственные процессы, основанные на обратной инженерии человеческого мозга;
- программное обеспечение, которое имитирует определённые паттерны человеческого мышления из биологических процессов, происходящих в мозге и в природе в целом;
- нейронное протезирование, моделируемое на существующих участках мозга, которые функционируют в мозге человека или в сочетании с ним [7, с. 7].

В случае применения всех этих видов технологий проблема правосубъектности искусственного интеллекта, аналогичная человеческой, будет все более актуализироваться.

Патрик Хаббард указывает, что система искусственного интеллекта может в рамках данной концепции претендовать на следующее:

- на то, чтобы иметь определенные способности: хотя она не является человеком, может утверждаться, что она обладает теми же способностями, что и человек, чтобы считаться правосубъектной; что она является, по сути, эквивалентом человека, так как не только способна взаимодействовать с миром, однако обладает необходимым интеллектом и уровнем психологического развития, чтобы быть (признаваться) сущностью, обладающей самосознанием;

- на то, чтобы иметь определенные права: если человек и машина равны по своим возможностям, они оба имеют равные права, необходимые для того, чтобы реализовывать свои возможности в качестве автономного существа, и при этом машина не должна рассматриваться в таком случае как собственность, потому что это тогда сделает ее рабом [4, с. 407].

Современный рационалистический подход к человеческой уникальности с точки зрения права на правосубъектность основан, главным образом, на способности человека к сложному мышлению и коммуникации [4, с. 418].

Кроме того, существует подход, в рамках которого существенную роль играет наличие сознания и самосознания. Однако он является спорным в некоторых своих аспектах. Если рассматривать человеческое тело, которое осуществляет дыхательные функции, но линия электроэнцефалограммы является полностью ровной, а прогнозы на восстановление сознания отсутствуют, живым и обладающим определенной (пусть и ограниченной) правосубъектностью, то юнит искусственного интеллекта явно способен делать большее по сравнению с ним [8, с. 9].

И если на законодательном уровне будет принят определенный стандарт наличия (фиксации) определенной степени сознания и интеллекта у субъекта для того, чтобы он мог быть признан способным реализовывать права и осуществлять некоторые обязанности, то это расширит возможности для признания правосубъектности юнитов искусственного интеллекта [8, с. 9].

Если рассматривать возможность наделения правосубъектностью с точки зрения автономии, то, как указывает Мафальда Миранда Барбоза, на основании этой характеристики нельзя проводить какие-либо точные аналогии с людьми, в том числе, по причине того, что автономность юнита искусственного интеллекта является технологической и основана на определенных алгоритмах, а не является проявлением нравственного выбора, как это происходит у человека [1, с. 1482].

Кроме того, исследователи отмечают также, что притязания на наделение каких-либо субъектов соответствующими правами и обязанностями возникают только в рамках сообщества автономных лиц, поскольку у человека, находящегося в изоляции, нет необходимости беспокоиться по поводу отношения к нему или о взаимодействии с другими людьми. И требование лица о его праве на личность предполагает взаимные отношения с другими людьми, которые признают это право, а также заявляют о своих собственных правах на личность. И в свете этого значимы вопросы относительно значения общества и взаимодействия с ним искусственного агента для того, чтобы такой агент также мог считаться членом этого общества [4, с. 423–424].

Правосубъектность юнита искусственного интеллекта, схожая с правосубъектностью юридического лица.

Более 150 специалистов в области права и робототехники подписали открытое письмо к Европейской комиссии, в котором было отмечено, что создание правового статуса электронного лица для автономных, непредсказуемых и самообучаемых роботов оправдано некорректным утверждением о том, что ответственность за ущерб, причиненный действиями робота, невозможно доказать. И с правовой и этической точки зрения наделение робота правосубъектностью неуместно независимо от модели правосубъектности:

– неуместно в рамках модели правосубъектности человека (физического лица), поскольку робот в таком случае будет наделен правами человека, такими, как право на достоинство, на гражданство, которые в таком случае будут противопоставляться правам человека;

– неуместно в рамках модели правосубъектности юридического лица, поскольку она подразумевает существование людей за юридическим лицом, которые руководят им, что не относится к роботу [6].

Последняя указанная модель правосубъектности юнита искусственного интеллекта видится более вероятной и достаточно корректной, так как представляет собой лишь юридическую фикцию, которая не может повлечь за собой каких-либо социальных потрясений, а может быть направлена только на упрощение правового регулирования некоторых взаимоотношений и некоторых видов деятельности.

Маршал Уиллик в 1983 году предсказал, что когда весь бизнес одной фирмы будет компьютеризирован, организация и компьютер будут представлять собой одну сущность [8, с. 9]. На наш взгляд, до этого еще, как минимум, достаточно далеко, исходя из технологических соображений, как максимум – пока невозможно обеспечить достижение целей деятельности юридических лиц посредством использования юнитов искусственного интеллекта.

Однако нельзя исключать создание в будущем неких гибридных форм субъектов права, сочетающих в себе одновременно особенности и функции юридических лиц и электронных лиц.

В любом случае, полагаем, что термин юридическая фикция применительно к правосубъектности юнита искусственного интеллекта отражает лишь юридическую природу (и то исходя из одного лишь основания выделения такой природы), но не объясняет сущность такой правосубъектности.

Согласно нашему авторскому определению, разработанному по результатам проведенного исследования, *электронное лицо* – это *техно-юридический образ* (обладающий некоторыми признаками юридической фикции по аналогии с юридическим лицом), отражающий и воплощающий конвенционально (условно) специфическую правосубъектность юнита искусственного интеллекта, гетерогенную в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита и в силу этого аппроксимированную к конкретному целеполаганию производства и взаимодействия такого юнита.

При этом, по мнению Патрика Хаббарда, опыт наделения правосубъектностью организаций может иметь значение при рассмотрении вопроса о правосубъектности юнитов искусственного интеллекта. Например, необходимо проявлять особую осторожность в предоставлении такой правосубъектности искусственным агентам в форме автономного права и способности осуществлять контроль над ресурсами таким образом, который будет оказывать сильное влияние на окружающий мир [4, с. 435].

Библиографический список

1. *Barbosa M.M.* Inteligência artificial, e-persons e direito: desafios e perspectivas // Revista Jurídica Luso-Brasileira. – 2017. – № 6. – P. 1475–1503.
2. *González M.J.S.* Regulación legal de la robótica y la inteligencia artificial: retos de futuro // Revista Jurídica de la Universidad de León. – 2017. – № 4. – P. 25–50.

3. Heredia J. Inteligencia Artificial, automatización y robots. Primeros pasos legales (II). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eae.es/actualidad/faculty-research/inteligencia-artificial-automatizacion-y-robots-primeros-pasos-legales-ii>. – 09.05.2017. (дата обращения: 24.04.2018).

4. Hubbard F.P. «Do androids dream?»: personhood and intelligent artifacts // Temple Law Review. – 2011. – Vol. 83. – P. 405–474.

5. Mulgan T. Corporate Agency and Possible Futures. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs10551-018-3887-1.pdf> (дата обращения: 24.04.2018).

6. Open letter to the European commission artificial intelligence and robotics. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.robotics-openletter.eu> (дата обращения: 24.04.2018).

7. Roosa S.B. The Next Generation of Artificial Intelligence in Light of In re Bilski // Intellectual Property & Technology Law Journal. – 2009. March. – Vol. 21. – № 3. – P. 6–10.

8. Willick M.S. Artificial intelligence: Some Legal Approaches and Implications // AI Magazine. – 1983. – Vol. 4. – № 2. – P. 5–16.

References

1. Barbosa M.M. Inteligência artificial, e-persons e direito: desafios e perspectivas // Revista Jurídica Luso-Brasileira. – 2017. – № 6. – P. 1475–1503.

2. González M.J.S. Regulación legal de la robótica y la inteligencia artificial: retos de futuro // Revista Jurídica de la Universidad de León. – 2017. – № 4. – P. 25–50.

3. Heredia J. Inteligencia Artificial, automatización y robots. Primeros pasos legales (II). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eae.es/actualidad/faculty-research/inteligencia-artificial-automatizacion-y-robots-primeros-pasos-legales-ii>. – 09.05.2017. (дата обращения: 24.04.2018).

4. Hubbard F.P. «Do androids dream?»: personhood and intelligent artifacts // Temple Law Review. – 2011. – Vol. 83. – P. 405–474.

5. Mulgan T. Corporate Agency and Possible Futures. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs10551-018-3887-1.pdf> (дата обращения: 24.04.2018).

6. Open letter to the European commission artificial intelligence and robotics. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.robotics-openletter.eu> (дата обращения: 24.04.2018).

7. Roosa S.B. The Next Generation of Artificial Intelligence in Light of In re Bilski // Intellectual Property & Technology Law Journal. – 2009. March. – Vol. 21. – № 3. – P. 6–10.

8. Willick M.S. Artificial intelligence: Some Legal Approaches and Implications // AI Magazine. – 1983. – Vol. 4. – № 2. – P. 5–16.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ РЕШЕНИЙ О ДОКУМЕНТИРОВАНИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗОВАННЫХ НАРКОГРУПП

В статье обосновывается необходимость усиления прокурорского надзора за законностью оперативно-розыскных решений о документировании преступной деятельности организованных наркогрупп. Выделяются и рассматриваются наиболее значимые направления надзорной деятельности: проверка обоснованности и законности заведения дел оперативного учета, а также проведения в их рамках оперативно-розыскных мероприятий; изучение материалов оперативно-розыскных дел на предмет фальсификации фактов, содержащих признаки состава преступления; определение соблюдения нормативных предписаний о порядке проведения оперативно-розыскных мероприятий; установление наличия оснований для повторного проведения оперативно-розыскных мероприятий; выявление вероятных провокаций к совершению действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Автором проведен анализ судебной практики, указываются нарушения, допускаемые сотрудниками оперативных подразделений в ходе фиксации фактических данных и их преобразования в доказательства. Подчеркивается своевременность их выявления и пресечения уполномоченными прокурорами.

Ключевые слова: законность, прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное решение, документирование, оперативно-розыскное мероприятие, проверочная закупка, наркотическое средство, организованная наркогруппа.

Оперативно-розыскное документирование по своей сути является непростым процессом выявления, проверки и закрепления оперативными подразделениями ОВД фактических данных о событии преступления, причастных к нему лицах и значимых для раскрытия обстоятельствах. Особую сложность его проведения представляют случаи, когда речь идет об организованных наркогруппах – устойчивых группах лиц, заранее объединившихся для совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Деятельность таких групп без преувеличения является одной из наиболее серьезных угроз в современной России.

По данным официальной статистики в январе – феврале 2018 года выявлено 34,1 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,8% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Из них 32,7 тысяч преступлений зафиксировано сотрудниками ОВД [9]. В реалиях масштабы проблемы значительно шире, поскольку деятельность организованных групп, специализирующихся на незаконном обороте наркотиков, как правило, глубоко конспирирована, ориентирована на применение быстроменяющихся форм наркоторговли. Показательна на этот счет представленная на сайте МВД информация о бесконечных задержаниях причастных к наркоторговле граждан. Она отражает применение новых способов сокрытия и распространения наркотиков, маскировки контрабандных поставок, осуществления бесконтактного сбыта наркотиков и в целом профессионализацию организованного наркобизнеса [3].

Как показывает анализ правоприменительной практики, одной из причин сложившейся ситуации

является низкий уровень организации оперативно-розыскного документирования, проведение его с многочисленными нарушениями, позволяющими лидерам и активным участникам наркогрупп избегать уголовной ответственности, прибегая к новым, более изощренным формам преступной деятельности. В этой связи одной лишь активизации оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в противодействии организованному наркобизнесу, инициируемой на многочисленных совещаниях, семинарах и форумах руководителей и сотрудников ОВД [4], явно недостаточно. Требуется усиление прокурорского надзора за законностью решений [1] о документировании деятельности организованных наркогрупп, обеспечивающего соблюдение оперативными подразделениями нормативных предписаний при фиксации фактических данных и их преобразовании в доказательства с последующим использованием в расследовании уголовных дел.

В данном контексте, опираясь на обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, выделим те направления прокурорской деятельности, которые, на наш взгляд, являются существенными и заслуживают внимания. К таковым относим: 1) проверку обоснованности и законности заведения дел оперативного учета, а также проведения в их рамках оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ); 2) изучение материалов оперативно-розыскных дел на предмет фальсификации фактов, содержащих признаки состава преступления; 3) определение соблюдения нормативных предписаний о порядке проведения ОРМ; 4) установление наличия оснований для повтор-

ного проведения ОРМ; 5) выявление вероятных провокаций к совершению действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Рассмотрим каждый из них детально.

Проверка обоснованности и законности заведения дел оперативного учета, а также проведения в их рамках ОРМ. Надзорная деятельность уполномоченного прокурора в данном случае преимущественно сводится к установлению наличия соответствующих правовых оснований. Согласно положениям пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального Закона от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности» ими являются сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Важно отметить, что достоверность указанных сведений при проведении ОРД часто носит сомнительный, а иногда и противоречивый характер. Обусловлено это особенностями подбора и использования оперативными подразделениями источников информации о наркоторговле. К ним, как правило, относятся лица, ранее судимые за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, злоупотребляющие наркотическими средствами, оказывающие содействие под давлением компрометирующих материалов. Сотрудничество со столь маргинальной категорией информаторов является научно обоснованным и во многих ситуациях оправданным. В равной степени его надежность весьма условна, поскольку наркозависимые лица склонны к неадекватному восприятию действительности, к дезинформации и двурушничеству [2].

Сложившаяся специфика оперативной работы в борьбе с организованными наркогруппами должна учитываться прокурорами, устанавливающими в порядке надзора наличие оснований для заведения оперативно-розыскных дел и проведения ОРМ. К критериям, определяющим правомерность действий оперативных подразделений ОВД, на наш взгляд, следует относить не результаты ОРМ, как это делается в большинстве случаев, а оценку ситуации и конкретных фактических данных на момент принятия решений об оперативной разработке лиц, причастных к организованной преступной деятельности.

Например, осуществление документирования незаконного сбыта наркотических средств предполагает отражение в оперативных материалах информации о намерениях либо действиях лиц в части поиска посредников-распространителей и потребителей наркотиков. Если же анализ этих сведений в конкретно сложившейся оперативной обстановке и временных рамках, с одной стороны, обуславливал необходимость в адекватном

оперативно-розыском реагировании, а, с другой стороны, позволял рассчитывать на успешное выполнение задач ОРД, то решение о заведении оперативно-розыскных дел и проведении в их рамках проверочных закупок и иных мероприятий может считаться обоснованным и законным.

Сделаем оговорку. Приведенное утверждение близко перекликается с обеспечением полноты документирования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а точнее, необоснованно формальным к нему отношением на практике. К сожалению, нередки случаи, когда оперативные работники ОВД ограничиваются фиксацией противоправных действий лишь второстепенных участников, не предпринимая попыток к выявлению организаторов и активных членов организованных преступных групп. Это связано не столько с профессионализмом субъектов ОРД, сколько с несовершенной системой оценки оперативной работы, допускающей отнесение столь ограниченных «результатов» к числу раскрытых преступлений. По нашему убеждению, подобные подходы к решению задач ОРД должны в порядке надзорной деятельности прокурора своевременно выявляться и строго пресекаться, а также считаться профанацией и нарушением законности.

Изучение материалов оперативно-розыскных дел на предмет фальсификации фактов, содержащих признаки состава преступления. Значимость обозначенного направления надзорной деятельности прокуроров обусловлена необходимостью реагирования на неправомерные оперативно-розыскные решения и связанные с ними действия отдельных сотрудников оперативных подразделений по документированию обстоятельств незаконного оборота наркотических средств. Так, в судебной практике имеют место ситуации, когда инициаторы оперативных разработок в борьбе за показатели допускают умышленное искажение фактических данных, отражающих организованность группы и другие квалифицирующие признаки незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств.

Пример таких нарушений приведен в приговоре Заринского городского суда от 10 декабря 2010 г., исключившем из обвинения в отношении Ш., Б. и Т. квалифицирующий признак преступления «организованной группой». «В судебном заседании было установлено, что Ш. и Т. являются близкими родственниками, проживающими на одной жилой площади. Обе наркозависимые приобрели наркотические средства для личного употребления. Из доказательств, представленных органами предварительного следствия, в судебном заседании не удалось установить достоверность данных, подтверждающих, что Ш., Б. и Т. заранее договорились объединиться в устойчивую организованную группу для совершения преступлений,

связанных с незаконным сбытом наркотических средств. Кроме того, не удалось установить факты предварительной договорённости между подсудимыми о совместной деятельности по сбыту наркотических средств, поскольку все подсудимые состоят на учёте, как наркозависимые лица. Явки с повинной давали под давлением со стороны сотрудников УБОП ГУВД по Алтайскому краю, что было подтверждено просмотренными в судебном заседании видеоматериалами» [5].

Определение соблюдения нормативных предписаний о порядке проведения ОРМ. Выделенное направление прокурорского надзора в сфере ОРД является одним из ключевых, опирается на положения Федерального Закона от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности», проходит красной нитью в положениях ведомственных нормативных актов [7, п. 4; 8, п. 6].

Изучение правоприменительной практики дает основания утверждать, что оперативно-розыскные решения, допускающие нарушение порядка проведения ОРМ при документировании действий организованных наркогрупп, отрицательно отражаются на дальнейшем предварительном следствии, влекут невыполнимость достижения целей и задач уголовного судопроизводства. В связи с этим они должны своевременно упреждаться уполномоченными прокурорами в процессе осуществления соответствующей надзорной деятельности, обеспечивая пресечение прецедентов вынесения преступникам оправдательных приговоров. Например, «по уголовному делу, рассмотренному Вольским районным судом Саратовской области в отношении Г., обвинявшегося по п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30 УК РФ, имелось постановление о проведении ОРМ, вынесенное 11 марта 2011 г., в то время как производство данного мероприятия было начато 7 марта 2011 г., в связи с чем по данному эпизоду производство ОРМ было признано судом незаконным, и Г. был оправдан в части предъявленного обвинения» [5].

Установление наличия оснований для повторного проведения ОРМ. Усиление прокурорского надзора за оперативно-розыскными решениями, предусматривающими многократное проведение проверочных закупок в отношении одних и тех же участников организованных наркогрупп, обусловлено вновь-таки типичными нарушениями Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Заключаются они в ошибочном восприятии и применении сотрудниками оперативных подразделений ОВД нормативных предписаний в части задач ОРД, среди которых значимая роль отведена выявлению и пресечению преступлений.

Например, «по уголовному делу в отношении Т. и Д., осуждённых по приговору Сенгилеевского районного суда Ульяновской области от 22 февраля 2011 г., с 6 мая по 7 сентября 2010 г. были прове-

дены шесть проверочных закупок наркотического средства – марихуаны. Оснований для проведения нескольких проверочных закупок в материалах уголовного дела не содержится. Ни источник приобретения осуждёнными с целью продажи наркотических средств, ни иные причастные к незаконному обороту наркотических средств лица по делу не устанавливались. При этом в обвинительных заключениях указано, что марихуана была приобретена подсудимыми с целью сбыта «при неустановленных предварительным следствием обстоятельствах». Однако, как показало изучение дел, ОРМ в отношении данных лиц проводились длительное время. При этом не предпринимались меры к установлению источника поставки наркотического средства. Сотрудники правоохранительных органов фактически предоставляли возможность сбытчикам наркотических средств длительное время заниматься преступной деятельностью, что никак не свидетельствует о выполнении лицами, уполномоченными осуществлять ОРД, возложенных на них задач по предупреждению и пресечению преступлений» [5].

Прокурорам следует учитывать, что проведение повторного ОРМ у одного и того же лица должно быть обосновано новыми основаниями и целями с обязательным вынесением нового мотивированного постановления. Задачами повторной проверочной закупки и иных ОРМ могут выступать пресечение и раскрытие организованной преступной деятельности, установление всех участников незаконного оборота наркотических средств, их преступных связей, выявление каналов поступления наркотиков, мест их производства при наличии соответствующей оперативно значимой информации. Также к ним могут относиться ситуации, когда в результате проведённого ОРМ не были достигнуты цели мероприятия. Например, сбытчик наркотического средства догадался о проводимом мероприятии. В противном случае полученные доказательства будут признаны недопустимыми.

Выявление вероятных провокаций к совершению действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Известно, что проверочная закупка, как наиболее эффективное ОРМ, с помощью которого осуществляется документирование преступной деятельности организованных наркогрупп, может граничить с провокацией. Под провокацией сбыта понимается подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ). Будучи проявлением нарушения законности, решения о закупке наркотических средств с элементами провокации недопустимы, в порядке надзорной деятельности уполномоченными прокурорами под-

лежат пресечению. Материалы дел оперативного учета убедительно должны отражать умысел лица на незаконный оборот наркотических средств, сформировавшийся независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния [6, п. 14].

В данном контексте приведем еще один пример из судебной практики. Так, «по приговору Миллеровского районного суда Ростовской области от 29 марта 2011 г. Т. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, по следующим основаниям. Согласно материалам уголовного дела 27 сентября 2010 г. оперативные работники проводили ОРМ в отношении Т. в целях закупки гашишного масла. Но фактически закупщик взял у подсудимого марихуану. Судом установлено, что на неоднократные предложения Н., выступавшего в роли покупателя при проведении проверочной закупки, о приготовлении для него гашишного масла Т. ответил отказом. Поскольку Т. отказался изготовить гашишное масло, Н. попросил у него марихуану. Т. лишь только показал Н., где лежит марихуана, и Н. её взял. Учитывая указанные обстоятельства, суд пришёл к выводу, что действия закупщика Н., вопреки требованиям ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», явно побуждали подсудимого Т. к совершению противоправных действий, поскольку Н. оказал в ходе общения с подсудимым определённое психологическое давление на последнего, а потому действия закупщика в данном случае содержат признаки провокации. Кроме того, никаких сведений о том, что Т. ранее занимался сбытом марихуаны, суду не представлено. При таких данных суд пришёл к выводу, что результаты ОРМ от 27 сентября 2010 г. не могут быть положены в основу обвинительного приговора, поскольку они не соответствуют требованиям закона и не свидетельствуют о наличии у Т. умысла на незаконный оборот наркотических средств, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений» [5].

Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскных решений о документировании деятельности организованных наркогрупп по всем вышерассмотренным направлениям может осуществляться в плановом порядке, по указанию вышестоящего уполномоченного прокурора, при отсутствии положительных результатов в работе оперативных подразделений ОВД и в других случаях, предусмотренных Приказом Генпрокуратуры России от 15.02.2011 № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

В работе рассмотрена лишь часть проблемных аспектов принятия оперативно-розыскных решений о документировании деятельности организованных наркогрупп, обуславливающих необходимость применения всех исчерпывающих мер прокурорского реагирования, полного обеспечения законности в данной области ОРД. Отдельные положения могут иметь дискуссионный характер. Надеемся на их обсуждение среди ученых, практических работников органов прокуратуры, министерства внутренних дел и иных заинтересованных исследователей.

Библиографический список

1. *Бабичев Д.А.* Понятие «решение, принимаемое в оперативно-розыскной деятельности подразделений органов внутренних дел» // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 245–249.
2. *Бабичев Д.О.* Прийняття рішень в оперативно-розшуковій діяльності з урахуванням типових ситуацій ризику // Додаток до спеціального випуску 2-2011 Вісника Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка. У 2-х ч. – 2011. – Ч. 2. – С. 13–29.
3. В Архангельской области окончено расследование уголовного дела по факту организации незаконного оборота наркотиков в составе организованной группы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/12805474/> (дата обращения 14.04.2018).
4. В Мурманске прошел семинар-совещание для сотрудников территориальных подразделений МВД России Северо-Западного федерального округа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/11016680/> (дата обращения 14.04.2018).
5. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://advokat-pro-ugolovnym-delam.nethouse.ru/articles/292641> (дата обращения: 18.04.2018).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://internetandlaw.blogspot.com/2013/02/15062006-14.html> (дата обращения: 19.04.2018).
7. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов».

при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257526/#ixzz5CoCHC6nA> (дата обращения: 18.04.2018).

8. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71524294/> (дата обращения: 18.04.2018).

9. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - февраль 2018 года / МВД РФ: сайт. – 18.04.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12730591/> (дата обращения: 18.04.2018).

References

1. Babichev D.A. Ponyatie «reshenie, prinyaemoe v operativno-rozysknoj deyatel'nosti podrazdelenij organov vnutrennih del» // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 4. – S. 245–249.

2. Babichev D.O. Priinyattya rishen' v operativno-rozshukovij diyal'nosti z urahuvannjam tipovih situacij riziku // Dodatok do special'nogo vipusku 2-2011 Visnika Lugans'kogo derzhavnogo universitetu vnutrishnih sprav imeni E.O. Didorenka. U 2-h ch. – 2011. – CH. 2. – S. 13–29.

3. V Arhangel'skoj oblasti okoncheno rassledovanie ugolovnoho dela po faktu organizacii nezakonnoho oborota narkotikov v sostave organizovannoj grupy [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/12805474/> (data obrashcheniya 14.04.2018).

4. V Murmanske proshel seminar-soveshchanie dlya sotrudnikov territorial'nyh podrazdelenij MVD Rossii Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga

[EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/11016680/> (data obrashcheniya 14.04.2018).

5. Obzor sudebnoj praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyah, svyazannyh s nezakonnyim oborotom narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh, sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv. Utverzhdyon Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 27 iyunya 2012 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://advokat-po-ugolovnym-delam.nethouse.ru/articles/292641> (data obrashcheniya: 18.04.2018).

6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.06.2006 № 14 «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, sil'nodejstvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://internetandlaw.blogspot.com/2013/02/15062006-14.html> (data obrashcheniya: 19.04.2018).

7. Prikaz General'noj prokuratury RF ot 15 fevralya 2011 g. № 33 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolnieniem zakonov pri osushchestvlenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257526/#ixzz5CoCHC6nA> (data obrashcheniya: 18.04.2018).

8. Prikaz General'noj prokuratury RF ot 26 yanvarya 2017 g. № 33 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov doznaniya» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71524294/> (data obrashcheniya: 18.04.2018).

9. Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - fevral' 2018 goda / MVD RF: sajt. – 18.04.2018 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12730591/> (data obrashcheniya: 18.04.2018).

УЧАСТИЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В ПРАВООТНОШЕНИЯХ ПО ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ДОЛЖНИКА ПРИ БАНКРОТСТВЕ

В статье приведен анализ участия третьих лиц в правоотношениях, регулируемых конкурсным правом, связанных с исполнением обязательств должника в случае его несостоятельности (банкротства). Автор прослеживает тенденции участия третьих лиц на стадиях возникновения, изменения и прекращения правоотношений, регулируемых конкурсным правом. В статье раскрываются проблемы правоотношений с участием третьих лиц по исполнению обязательств должника и возложения обязанности по оплате за должника на третье лицо. Особое внимание в статье уделено складывающейся судебной практике при разрешении споров между участниками указанных правоотношений. Автором выделены характерные особенности дачи согласия при исполнении обязательств должника третьими лицами, предложены возможные изменения в законодательные нормы конкурсного права, регулирующие правоотношения, в которых необходимо истребование согласия.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), третьи лица, обязательство, должник, кредитор, согласие, правоотношение.

В современном мире, в условиях экономического кризиса и санкций в отношении Российской Федерации, периодически вводимых зарубежными государствами, субъекты предпринимательской деятельности чаще стали сталкиваться с вопросами, регулируемым конкурсным правом. В правоотношения должник-кредитор не редко включаются так называемые «третьи лица».

Выявляя формы участия третьих лиц в конкурсных правоотношениях, следует исходить из аксиомы о том, что «возникшие правоотношения развиваются, претерпевая различные изменения. Под воздействием разнообразных объективных и субъективных факторов происходят процессы, которые влияют на качественные и количественные изменения правоотношений. Изменяются субъективные права, юридические обязанности, меняются сами субъекты правоотношений, их интересы, потребности, уровень знаний, затрагивая как юридические, так и фактические свойства их содержания» [3]. Такая динамика: возникновение, изменение и прекращение правоотношений с участием третьих лиц прослеживается на всех этапах банкротства.

Автор статьи исходит из того, что к отношениям, регулируемым конкурсным правом, относится весь спектр правоотношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) физических и юридических лиц, в том числе спектр отношений, возникающих на стадии предупреждения банкротства. К такой позиции приводит логика построения Закона о банкротстве, в соответствии с которым выделяются следующие этапы конкурсных отношений: предупреждение банкротства (глава II), наблюдение (глава IV), финансовое оздоровление (глава V), внешнее управление (глава VI), конкурсное производство (глава VII).

Научный интерес вызывает выявление круга правоотношений с участием третьих лиц по исполнению обязательств должника при несостоятель-

ности (банкротстве) должника, поскольку динамика развития таких правоотношений с участием третьих лиц прослеживается особенно ярко.

Так, в соответствии со статьями 71.1, 85.1, 112.1 и 129.1 Закона о банкротстве, возникновение правоотношения в указанной правовой сфере на разных этапах банкротства инициируется самим третьим лицом, которое имеет намерение погасить требования к должнику об уплате обязательных платежей в полном объеме путем направления заявления о таком намерении в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, конкурсно-му управляющему, в уполномоченные органы.

С процессуальной точки зрения важно отметить, что «подаваемые названными лицами в рамках данной процедуры заявления о намерении погасить требования к должнику об уплате обязательных платежей в полном объеме и о признании указанных требований погашенными, а также о замене кредитора в реестре требований кредиторов, подлежат рассмотрению судьей единолично» [12].

При этом Правила осуществления расчетов в целях погашения учредителями (участниками) должника, собственником имущества должника – унитарного предприятия и (или) третьим лицом требований к должнику об уплате обязательных платежей в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, определены Постановлением Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 851 [18]. Для реализации указанного Постановления Правительства издан Приказ Минфина России от 21 февраля 2011 г. № 22н [19].

Законом о банкротстве предусмотрены также действия третьих лиц на этапе развития правоотношений, связанных с исполнением обязательств должника третьими лицами. Так, в соответствии с п. 1 ст. 85 Закона о банкротстве, если должник не исполняет график погашения задолженности (не погашает задолженность в установленные сроки и (или) в установленных размерах), третье лицо, предоставившее обеспечение, не позднее чем че-

рез четырнадцать дней с даты, предусмотренной графиком погашения задолженности, вправе обратиться к собранию кредиторов с ходатайством об утверждении внесенных в график погашения задолженности изменений.

Кроме того, в соответствии с указанной нормой, третье лицо имеет право погасить требования кредиторов в соответствии с графиком погашения задолженности, тем самым прекратить возникшие правоотношения.

На прекращение правоотношений по исполнению обязательств должника путем их погашения третьим лицом направлено также правило, установленное п. 5 ст. 159 Закона о банкротстве, предписывающее третьему лицу возможность приступить к погашению задолженности перед кредиторами с даты утверждения мирового соглашения арбитражным судом в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве. Такие действия третьего лица будут являться основанием для прекращения арбитражным судом производства по делу о банкротстве.

Следующая проблема касается складывающейся судебной практики участия третьих лиц при исполнении ими обязательств должника в деле о банкротстве [6; 15].

Отметим, что Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ периодически рассматривает дела, в которых требования связаны с рассмотрением вопросов о правомерности погашения долга третьим лицом за несостоятельного должника [8; 7; 9]. В итоге разъяснения по этому вопросу были даны в Постановлении Пленума Верховного Суда от 22 ноября 2016 № 54 [13]. В соответствии с п. 21 указанного Постановления, в случае, если третье лицо, уплатившее долг, действовало во вред кредитору, оно не получит прав кредитора. Важные разъяснения коснулись прав третьих лиц после введения процедуры банкротства. Так, в соответствии с указаниями Пленума ВС РФ, третье лицо сможет исполнить обязательства за должника, но только в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве. То есть, третье лицо может погасить долг, но только в полном объеме и по обязательным платежам (статья 129.1 Закона о банкротстве); либо третье лицо может удовлетворить все требования всех кредиторов, включенных в реестр (статья 125 Закона о банкротстве). Иными словами, третье лицо сможет погасить долг банкротящегося должника без согласия кредитора только на стадии проверки обоснованности заявления о банкротстве и только в полном объеме. В случае оплаты задолженности не в полном объеме либо если процедура банкротства уже введена, у кредитора есть право отказаться от исполнения обязательства. В этом случае суд откажет в процессуальном правопреемстве [10].

При рассмотрении вопросов участия третьих лиц в исполнении обязательств должника необ-

ходимо выделить еще один важный аспект: Закон о банкротстве содержит ряд норм, прямо указывающих на возможность возложения обязанности по оплате за должника на третье лицо с последующей внеочередной компенсацией произведенных этим лицом расходов за счет имущества должника.

Так, в соответствии с абзацем 3 п. 1 ст. 130 Закона о банкротстве при оценке имущества должника оплата услуг привлекаемого арбитражным управляющим оценщика может быть собранием кредиторов или комитетом кредиторов возложена на третье лицо с последующей внеочередной компенсацией произведенных этим лицом расходов за счет имущества должника. Важным условием при этом является согласие самого этого третьего лица на оплату таких услуг оценщика.

Анализируя указанную норму Закона о банкротстве, необходимо констатировать, что «третье лицо» поименовано в ней как «лицо, которое необходимо определить». Представляется, что эта конструкция не совсем точно указывает на возможность участия в этом правоотношении именно третьего, то есть независимого, лица. Также неясным является положение о даче согласия третьим лицом на оплату услуг оценщика.

При этом следует отметить, что вообще необходимость получения согласия на те или иные действия прописана в 77-ми нормах Закона о банкротстве, в большинстве из этих правоотношений участвуют третьи лица.

Рассмотрение всего комплекса проблем в области исследования юридической природы понятия «согласие» не входит в цель настоящей статьи. Вместе с тем на некоторых особенностях конкурсных правоотношений, связанных с получением согласия, необходимо остановиться. Часть этих норм предписывает получение согласия на действия с третьими лицами у субъектов конкурсных прав (пассивная роль третьих лиц). Часть норм регулирует вопрос о необходимости истребования согласия на определенные действия непосредственно у самих третьих лиц (активная роль). В части норм рассматривается вопрос получения согласия у субъектов конкурсных прав вне правоотношений с третьими лицами.

К первой группе правоотношений, в которых третьи лица выполняют активную роль, следует отнести, например, следующие:

– в соответствии с абзацем 3 п. 1 ст. 130 Закона о банкротстве требуется согласие третьего лица при возложении на него обязанности по оплате услуг оценщика имущества должника;

– в соответствии с п. 11 ст. 189.49 Закона о банкротстве, Банк России или Агентство по страхованию вкладов вправе приобретать имущество банка, включая права требования к физическим лицам, без согласия последних;

– в соответствии с п. 2 ст. 201 Закона о банкротстве одним из обязательных условий договора

купли-продажи имущества должника – субъекта естественной монополии является согласие покупателя (третьего лица) принять на себя обязательства должника по договорам поставки товаров, являющимся предметом регулирования законодательства о естественных монополиях;

– в соответствии с п. 10 ст. 201.10 Закона о банкротстве, при погашении требований участников строительства путем передачи им объекта незавершенного строительства согласия арендодателя земельного участка (третьего лица) на передачу участникам строительства прав застройщика на этот участок не требуется;

– в соответствии с абзацем 4 п. 3 ст. 82 должнику при принятии решения о своей реорганизации (слиянии, присоединении, разделении, выделении, преобразовании) требуется согласие собрания кредиторов (комитета кредиторов) и третьих лиц, предоставивших обеспечение.

Во всех указанных нормах, содержащих требование о согласии либо об отсутствии требования на согласие, речь идет именно о праве на такое согласие со стороны третьих лиц, то есть, лиц, не являющихся субъектами конкурсных прав.

К правоотношениям с дачей согласия, в которых третьи лица играют пассивную роль, относятся следующие группы правоотношений:

1. Правоотношения, в которых необходимо согласие кредитора и (или) собрания кредиторов (комитета кредиторов):

– при отчуждении должником имущества, являющегося предметом залога, либо при передаче этого имущества в аренду или безвозмездное пользование третьему лицу, либо иным образом распоряжаться имуществом или обременять предмет залога правами и притязаниями третьих лиц (п. 4 ст. 18.1 Закона о банкротстве);

– при совершении сделок, в том числе с третьими лицами (абзац 5 п. 3 ст. 82, п. 1 ст. 101, п. 1 ст. 104, абзац 12 п. 2 ст. 129 Закона о банкротстве);

– в случае продажи предприятия, принадлежащего должнику, при выборе привлекаемой для целей организации торгов специализированной организации (третьего лица) (п. 8 ст. 110 Закона о банкротстве).

2. Правоотношения, в которых необходимо согласие арбитражного управляющего:

– на совершение сделок, в том числе с третьими лицами (п. 2 ст. 46, абзац 4 п. 1 ст. 66, п. 2 ст. 64, абзац 2 п. 5 ст. 69, п. 4 ст. 82, п. 5 ст. 102 Закона о банкротстве).

Правоотношения, в которых третьи лица не участвуют, в основном связаны с дачей согласия на определенные действия арбитражными управляющими либо с дачей согласия на определенные действия кредитором. Например, согласие арбитражного управляющего быть таковым требуется при утверждении его кандидатуры арбитражным судом

в деле о банкротстве (абзац 2 пункт 1 ст. 45, абзац второй ч. 6 ст. 45 Закона о банкротстве). Также требуется письменное согласие отдельного кредитора на включение в мировое соглашение положения о прекращении обязательств ответчика путем прощения всего долга или его части и (или) понижения очередности исполнения требований такого кредитора (пункт 5 ст. 61.21 Закона о банкротстве).

Следует отметить, что вопросы, связанные с дачей согласия в конкурсных правоотношениях, часто бывают предметом судебных разбирательств. Так, в судебной практике рассматриваются споры, вызванные отсутствием получения согласия залогового кредитора на передачу заложенного имущества в аренду в процедуре конкурсного производства [11; 17; 16].

В частности, судами констатируется, что пунктом 4 статьи 18.1 Закона о банкротстве закреплено, что должник вправе отчуждать имущество, являющееся предметом залога, передавать его в аренду или безвозмездное пользование другому лицу либо иным образом распоряжаться им или обременять предмет залога правами и притязаниями третьих лиц только с согласия кредитора, требования которого обеспечены залогом такого имущества, если иное не предусмотрено федеральным законом или договором залога и не вытекает из существа залога. Если такое требование не соблюдено, то действия конкурсного управляющего по заключению договоров признаются не соответствующими пункту 4 статьи 18.1 Закона о банкротстве. При этом доводы арбитражных управляющих о том, что сдача имущества в аренду отвечала принципу разумности и добросовестности, поскольку направлена на сохранение имущества, исключение затрат на его содержание, ремонт, страхование, были отклонены судами, рассматривающими такие дела.

Следующий вывод, который выявляется из приведенного выше анализа, заключается в том, что во всех вышеизложенных нормах требование о даче согласия либо положение об отсутствии требования на согласие только продекларированы, но детально не регламентированы.

Представляется, это связано с тем, что в настоящее время отсутствует единая концепция понимания согласия как категории гражданского права, не определена его роль в механизме регулирования гражданских правоотношений, не разработаны однозначные критерии к пониманию согласия с точки зрения его гражданско-правовой природы.

В доктрине к вопросам исследования проблем, связанных с определением юридической природы понятия «согласие», обращались ученые Е.В. Дятлов [5], В.А. Болдырев [1], Е.А. Воробьева [2], А.И. Дихтяр [4], Д.В. Штыков [20] и другие.

Как видно из Закона о банкротстве, ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» также не содержит понятийного

определения термина «согласие» применительно к конкурсным правоотношениям. Это значит, что Законом о банкротстве юридически не определен способ выражения такого согласия. Не вносит правовую определенность в этот вопрос и статья 157.1 ГК РФ, поскольку она также не содержит конкретного алгоритма при выборе формы дачи согласия (письменной или устной, предварительной или последующей).

Некоторые разъяснения относительно порядка дачи согласия даны в пунктах 53-57 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [14]. Вместе с тем ВС РФ разъяснил, что правила о согласии на совершение сделок, предусмотренные Федеральным законом от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и Федеральным законом от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», являются специальными по отношению к общим положениям статьи 157.1 ГК РФ (п. 53). Однако никаких разъяснений относительно соотношения таких правил, установленных Законом о банкротстве, Пленум не привел.

Представляется, что в целях соблюдения баланса интересов участников правоотношений, в которых требуется согласие на юридически значимое действие, необходимо ввести соблюдение обязательной письменной формы такого согласия. Кроме того, нормы, регулирующие правоотношения, в которых необходимо истребование согласия, необходимо дополнить следующими положениями:

1. О праве письменного запроса согласия у лица, уполномоченного на его выражение.

2. О письменной мотивированной форме отказа в даче согласия и о сроке предоставления такого отказа (например, в пятидневный срок с момента получения запроса).

3. О праве заинтересованного в даче согласия лица оспорить действия другого лица, отказавшего в даче такого согласия, если отказ не мотивирован либо имеются признаки злоупотребления своим правом у лица, уполномоченного на выражение согласия.

4. Об отсутствии права у лица, уполномоченного на выражение согласия, отозвать свое согласие.

В заключение следует отметить, что есть и иные формы участия третьих лиц по исполнению обязательств должника в конкурсных правоотношениях. Выявление особенностей таких форм на данном этапе развития науки, как видно из приведенного выше анализа, имеет существенное практическое значение.

Библиографический список

1. *Болдырев В.А.* Правовое значение и содержание согласия на совершение сделки // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2012. – № 10. – С. 66–72.

2. *Воробьева Е.А.* Правовая природа согласия антимонопольного органа на совершение сделки юридическим лицом // *Журнал российского права.* – 2009. – № 7.

3. *Герасимова Н.П.* Возникновение, функционирование и развитие правоотношений // *Порядок: история, теория, практика.* – 2014. – № 1(2). – С. 76–80.

4. *Дихтяр А.И.* Согласие на совершение сделки с земельным участком как условие ее действительности // *Юрист.* – 2010. – № 1. – С. 18–22.

5. *Дятлов Е.В.* Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 159 с.

6. Определение ВАС РФ от 20 ноября 2013 г. № ВАС–15848/13 по делу № А59–2325/2011 // СПС Консультант Плюс.

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 августа 2016 года № 308-ЭС16-4658 по делу № А53-2012/2015 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/01eefe8e-2424-4555-a43e-d4931d40d38d/A53-2012-2015_20160815_Opredelenie.pdf (дата обращения: 29.03.2018).

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16 июня 2016 года № 302-ЭС16-2049 по делу № А33-20480/2014 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/cab078cc-5fb8-4818-a9be-9cb2e78d5bf7/A33-20480-2014_20160616_Opredelenie.pdf (дата обращения: 29.03.2018).

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25 января 2017 года № 305-ЭС16-15945 по делу № А41-108121/2015 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3a35a237-0d95-43a1-a460-8dce0603a08c/A41-108121-2015_20170125_Opredelenie.pdf (дата обращения: 29.03.2018).

10. Помощь или злоупотребление: пределы погашения долга третьим лицом в банкротстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/opinions/view/138368/> (дата обращения: 29.03.2018).

11. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2011 г. № 08АП-11006/2010 по делу № А46-13479/2009 // СПС Консультант Плюс.

12. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 (ред. от 20.12.2016) О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”» Пункт 31 // СПС Консультант Плюс.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // СПС Консультант Плюс.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

15. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 апреля 2015 г. № 15АП-24146/2014 по делу № А53-18130/2010 // СПС Консультант Плюс.

16. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 26.01.2010 года № Ф03-8194/2009 // СПС Консультант Плюс.

17. Постановление ФАС Уральского округа от 21.10.2010 года № Ф09-5620/10-С4 // СПС Консультант Плюс.

18. Постановлением Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 851 «О порядке осуществления расчетов в целях погашения учредителями (участниками) должника, собственником имущества должника – унитарного предприятия и (или) третьим лицом требований к должнику об уплате обязательных платежей в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве» // СПС Консультант Плюс.

19. Приказ Минфина России от 21 февраля 2011 г. № 22н «Об утверждении форм документов, применяемых в целях реализации прав третьих лиц на погашение требований к должнику в ходе процедур банкротства» // СПС Консультант Плюс.

20. Штыков Д.В. Категория «согласие» среди основных понятий в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1399916> (дата обращения: 05.04.2018).

References

1. Boldyrev V.A. Pravovoe znachenie i sodержanie soglasiya na sovershenie sdelki // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2012. – № 10. – S. 66–72.

2. Vorob'eva E.A. Pravovaya priroda soglasiya antimonopol'nogo organa na sovershenie sdelki yuridicheskim licom // Zhurnal rossijskogo prava. – 2009. – № 7.

3. Gerasimova N.P. Vozniknovenie, funkcionirovanie i razvitie pravootnoshenij // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2014. – № 1(2). – S. 76–80.

4. Dihtyar A.I. Soglasie na sovershenie sdelki s zemelnym uchastkom kak uslovie ee dejstvitel'nosti // YUrist. – 2010. – № 1. – S. 18–22.

5. Dyatlov E.V. Soglasie tret'ih lic na sovershenie sdelki v grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. – М., 2014. – 159 s.

6. Opređenje VAS RF ot 20 noyabrya 2013 g. № VAS–15848/13 po delu № А59-2325/2011 // SPS Konsul'tant Plyus.

7. Opređenje Sudebnoj kollegii po ehkonomicheskim sporam VS RF ot 15 avgusta

2016 goda № 308-EHS16-4658 po delo № А53-2012/2015 // [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/01eeefe8e-2424-4555-a43e-d4931d40d38d/A53-2012-2015_20160815_Opređenje.pdf (data obrashcheniya: 29.03.2018).

8. Opređenje Sudebnoj kollegii po ehkonomicheskim sporam VS RF ot 16 iyunya 2016 goda № 302-EHS16-2049 po delu № А33-20480/2014 // [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/cab078cc-5fb8-4818-a9be-9cb2e78d5bf7/A33-20480-2014_20160616_Opređenje.pdf (data obrashcheniya: 29.03.2018).

9. Opređenje Sudebnoj kollegii po ehkonomicheskim sporam VS RF ot 25 yanvarya 2017 goda № 305-EHS16-15945 po delu № А41-108121/2015 // [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3a35a237-0d95-43a1-a460-8dce0603a08c/A41-108121-2015_20170125_Opređenje.pdf (data obrashcheniya: 29.03.2018).

10. Pomoshch' ili zloupotreblenie: predely pogasheniya dolga tret'im licom v bankrotstve [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://pravo.ru/opinions/view/138368/> (data obrashcheniya: 29.03.2018).

11. Postanovlenie Vos'mogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 22 fevralya 2011 g. № 08AP-11006/2010 po delu № А46-13479/2009 // SPS Konsul'tant Plyus.

12. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 23.07.2009 № 60 (red. ot 20.12.2016) O nekotoryh voprosah, svyazannyh s prinyatiem Federal'nogo zakona ot 30.12.2008 № 296-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)”» Punkt 31 // SPS Konsul'tant Plyus.

13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22 noyabrya 2016 g. № 54 «O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob obyazatel'stvah i ih ispolnenii» // SPS Konsul'tant Plyus.

14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij razдела I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul'tant Plyus.

15. Postanovlenie Pyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 21 aprelya 2015 g. № 15AP-24146/2014 po delu № А53-18130/2010 // SPS Konsul'tant Plyus.

16. Postanovlenie FAS Dal'nevostochnogo okruga ot 26.01.2010 goda № F03-8194/2009 // SPS Konsul'tant Plyus.

17. Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 21.10.2010 goda № F09-5620/10-S4 // SPS Konsul'tant Plyus.

18. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 20 oktyabrya 2010 g. № 851 «O poryadke

osushchestvleniya raschetov v celyah pogasheniya uchreditelyami (uchastnikami) dolzhnika, sobstvennikom imushchestva dolzhnika –unitarnogo predpriyatiya i (ili) tret'im licom trebovanij k dolzhniku ob uplate obyazatel'nyh platezhej v hode procedur, primenyaemyh v dele o bankrotstve» // SPS Konsul'tant Plyus.

19. Prikaz Minfina Rossii ot 21 fevralya 2011 g. № 22n «Ob utverzhdenii form dokumentov,

primenyaemyh v celyah realizacii prav tret'ih lic na pogashenie trebovanij k dolzhniku v hode procedur bankrotstva» // SPS Konsul'tant Plyus.

20. SHtykov D.V. Kategoriya «soglasie» sredi osnovnyh ponyatij v semejnom prave Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2010 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1399916> (data obrashcheniya: 05.04.2018).

СУДИМОСТЬ И ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

Судимость выступает негативной статусной деформацией лица. Достаточно часто, даже снятая или погашенная, она является своеобразным клеймом, не позволяющим лицу, отбывшему уголовное наказание, выступать субъектом определенных общественных отношений. В статье рассматривается вопрос о соотношении уголовно-правовых и общеправовых последствий судимости и наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, так как в ряде случаев такие последствия способны конкурировать с самим наказанием. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью призвано отстранить виновного от сферы, в которой он злоупотребил своим правом или в которой он может представлять потенциальную опасность, оно не может быть подменено негативными последствиями судимости. Разница здесь будет заключаться в том, что отбывание наказания и правовые последствия судимости – последовательно сменяющие друг друга стадии, способные на длительный срок оградить общество от субъекта, совершившего преступление по должности или в связи с осуществляемой деятельностью. Автором сделан вывод, что такой подмены можно избежать, если выработать строго индивидуальный подход к назначению наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Ключевые слова: судимость, стигмация, клеймение, наказание, негативные правовые последствия, лишение прав, должности, деятельность, дифференциация, уголовное право.

Судимость – негативное правовое последствие любого вида уголовного наказания. В юридической литературе судимость относится к институциональной стигмации, т. е. в первую очередь является институтом уголовного права.

Стигмация (от греч. «ярлык, «клеймение») – это клеймение, нанесение стигмы, является составной частью многих стереотипов, в том числе – негативная оценка лиц, отбывших уголовное наказание.

Клеймением признавался вид позорящего наказания с древнейших времен до XIX в.; наложение на тело преступника клейма (знаков); в России слова: вор, тать и др.; отменено в 1863 г. [1].

Клеймение – это одна из важнейших функций наказания, служащая для выделения преступника из среды законопослушных граждан. Нельзя отрицать того факта, что до сих пор судимость, порой даже снятая или погашенная, является своеобразным клеймом, не позволяющим лицу, отбывшему уголовное наказание, выступать субъектом определенных общественных отношений. Таким образом, клеймение преступника посредством судимости до сих пор остается функцией уголовного наказания, которую, по нашему мнению, необходимо вернуть в учебную литературу.

Правоприменительная практика демонстрирует, что наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не востребовано судом в связи с возникновением у лица при постановлении обвинительного приговора состояния судимости.

Приведем следующий пример. Н., занимающий должность заместителя командира взвода

отдельного батальона ДПС ГИБДД Ивановской области, совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 290 УК РФ. Ему назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы условно. Свой отказ в назначении дополнительного наказания суд мотивировал следующим образом: «Увольнение из органов внутренних дел, а также установление настоящим приговором суда факта совершения преступления и как следствие установление судимости, ограничивает доступ осужденного к должностям, связанным с исполнением функций представителя власти в органах государства и местного самоуправления, поэтому суд полагает нецелесообразным применение дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности представителя власти». С таким решением трудно согласиться, так как судимость не может подменять собой уголовное наказание.

Или другой пример. В 2012 г. приговором Фрунзенского районного суда г. Иваново В., занимающая должность судебного пристава-исполнителя, признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, ей назначено наказание в виде лишения свободы на срок 8 месяцев с применением ст. 73 УК РФ – условно, без дополнительного вида наказания. Казалось бы, сам факт наличия судимости должен был повлечь прекращение с ней служебного контракта. Однако в нарушение ст. 3 ФЗ «О судебных приставах» служебные отношения с ней прекращены не были. Впоследствии, в 2014 г., В. вновь совершает аналогичное преступление. При назначении же дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности, этого можно было избежать.

Отстранение лица посредством назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью от сферы, в которой он злоупотребил своим правом или в которой он может представлять потенциальную опасность, необходимо. Разница здесь будет заключаться в том, что отбывание наказания и правовые последствия судимости – последовательно сменяющие друг друга стадии, способные на длительный срок оградить общество или определенные сферы общественной деятельности от такого субъекта.

В том, что в настоящее время судимость в существенной части подменяет собой возможность назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, согласились и 18,8% опрошенных нами судей.

Вопрос о соотношении судимости и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью выглядит в связи с этим более чем актуально, так как в ряде случаев последствия судимости способны конкурировать с самим наказанием.

Для наглядности возьмем в качестве примера п. 2 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Отбытие осужденным наказания в виде лишения права занимать государственные должности субъекта РФ и снятия лица с учета уголовно-исполнительной инспекции еще не означает, что теперь лицо свободно в выборе своей дальнейшей деятельности, так как наличие не снятой или не погашенной судимости за совершенное преступление будет представлять, по сути, то же самое лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а в ряде случаев станет бессрочным препятствием для осуществления в дальнейшем такой деятельности. Так как кроме

уголовно-правовых последствий имеются еще общеправовые последствия судимости.

Как указал в своем решении Конституционный Суд РФ, «за пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не Уголовным кодексом Российской Федерации, а иными федеральными законами, исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера» [4].

Возможность введения законодателем безусловного и бессрочного запрета на занятие некоторыми видами деятельности подтверждена постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2013, 10.10.2013 и др.

Общеправовые последствия судимости отличаются следующим: 1) они предусмотрены нормами не уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а иными федеральными законами; 2) могут действовать и погашены после снятия судимости; 3) могут распространяться не только на судимое лицо, но и на его близких, и даже юридических лиц [3, с. 48].

Лицо, имеющее или имевшее судимость, в случаях, специально предусмотренных законом, навсегда лишается права быть принятым на службу в отдельные государственные или правоохранительные органы. Такой порядок является необходимым и соразмерным, не противоречит международным нормам и нормам Конституции РФ, так как он обусловлен специальным статусом и особой значимостью соответствующих правоохранительных служб в обеспечении государством обязанности по поддержанию правопорядка, общественной безопасности и защите прав граждан.

Казалось бы, вопрос о правовых последствиях судимости очевиден, где-то запрет на осуществле-

Таблица 1

Должность	Название нормативного правового акта
Судья	Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации»
Прокурорский работник	Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации»
Сотрудник Следственного комитета Российской Федерации	Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»
Сотрудники органов внутренних дел	Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»
Сотрудники и гражданский персонал органов государственной охраны	Федеральный закон от 27.05.1996 № 56-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О государственной охране»
Сотрудники органов федеральной службы безопасности	Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 18.06.2017) «О Федеральной службе безопасности»
Сотрудники федеральной противопожарной службы	Федеральный закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
Судебный пристав	Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах»

ние той или иной деятельности вытекает из самого факта привлечения к уголовной ответственности, причем в некоторых случаях бессрочно. Например, пожизненный запрет на занятие должностей в сфере государственной деятельности в связи с имеющейся или имевшейся судимостью установлен в отношении судей, прокурорских работников, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации и др. (см. табл. 1).

Соответственно, в отношении указанных лиц назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью бессмысленно. Если бессмысленно само назначение данного наказания, то его конкретизация по имеющимся правилам, определение круга должностей для осужденного тем более выглядит как формальность и умаляет авторитет уголовного правосудия.

Однако это лишь узкий круг лиц, в отношении которых не имеет смысла назначать данный вид наказания. Для остальных виновных, в отношении которых не предусмотрено законодательных запретов, в том числе общеправовых последствий судимости, специальным видом ограничения на занятие определенной деятельностью призвано служить наказание, предусмотренное ст. 47 УК РФ.

Последствия судимости ориентированы на то, чтобы ограничить доступ отбывшего наказания лица к сферам деятельности с повышенными требованиями к личности субъекта, наказание же в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью направлено на то, чтобы ограничить такому лицу доступ к должностям или видам деятельности, используя которые оно совершило преступление.

Таким образом, в области общеправовых последствий судимость вступает в конкуренцию с наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Лицо, отбывшее такое наказание, сохраняет свой статус «непригодного» работника и пребывает в нем без специального контроля, в течение длительного срока погашения судимости или пожизненно [3, с. 290]. Общеправовые последствия судимости могут оказаться сильнее самого уголовного наказания. Например, исполнение полномочий судьи невозможны и для лиц, имевших судимость, находящихся в состоянии «постсудимости», фактически – пожизненно. Назначение рассматриваемого вида наказания в связи с этим утрачивает смысл, и в судебной практике это уже находит понимание.

Из такого частичного совпадения общеправовых последствий судимости и содержания наказания, установленного статьей 47 УК РФ, вытекает вопрос: насколько оправданно назначение запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью?

Срок судимости начинает течь с момента вступления приговора суда в законную силу, это влечет или перевод на другую должность, или увольнение такого работника. Запрет здесь не выглядит излишним, т. к. в силу специфики отбывания будет длиться весь период основного вида наказания, и сверх того – на протяжении срока дополнительного наказания и срока судимости, что позволит надолго оградить определенную сферу государственного управления или экономики от лица, злоупотребившего своим правом.

Для того чтобы избежать такой подмены, предлагаем п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» дополнить абзацем 4, изложив его в следующей редакции:

«Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является обязательным в отношении лиц, совершивших преступление по должности или в связи с осуществляемой деятельностью. Однако во всяком случае при назначении наказания суду следует обсуждать вопрос о целесообразности лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью при наличии общеправовых последствий судимости, сформулированных в действующем законодательстве».

Подытоживая сказанное, можно заключить, что общеправовые последствия судимости особо ярко отражаются на наказании в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, так как в ряде случаев делают бессмысленным назначение этого вида наказания. В связи с этим необходима корректировка практики назначения судами наказания с учетом общеправовых последствий судимости. Это позволит добиться большей индивидуализации и эффективности назначаемого вида наказания.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских, А.Я. Сухаревой. – М.: Инфра-М, 2003. – 700 с.
2. Борисова О.С. Уголовное наказание и общеправовые последствия судимости // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 января 2017 г.). – М.: Оригинал-макет, 2017. – С. 288–291.
3. Габдрахманов Ф.В. Уголовно-правовые и общеправовые последствия судимости: сравнительно-правовой анализ // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 4 (11). – С. 47–49.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 451-О по жалобе гражданина Бабича Дмитрия Валерьевича на нарушение его консти-

туционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2.1 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также пунктом 2 статьи 22 Закона Санкт-Петербурга «О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга» [Электронный ресурс] // Режим доступа: СПС Консультант Плюс.

References

1. Bol'shoj yuridicheskij slovar' / pod red. A.YA. Suhareva, V.E. Krutskih, A.YA. Suharevoj. – М.: Infra-М, 2003. – 700 s.
2. Borisova O.S. Ugolovnoe nakazanie i obshcheppravovye posledstviya sudimosti // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (26–27 yanvarya 2017 g.). – М.: Original-maket, 2017. – S. 288–291.
3. Gabrdahmanov F.V. Ugolovno-pravovye i obshcheppravovye posledstviya sudimosti: sravnitel'no-pravovoj analiz // Evrazijskaya advokatura. – 2014. – № 4 (11). – S. 47–49.
4. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10.03.2016 № 451-O po zhalobe grazhdanina Babicha Dmitriya Valer'evicha na narushenie ego konstitucionnyh prav podpунктом 58 stat'i 2 i пунктом 2.1 stat'i 33 Federal'nogo zakona «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prav na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii», a takzhe пунктом 2 stat'i 22 Zakona Sankt-Peterburga «O vyborah deputatov municipal'nyh sovetov vnutrigorodskih municipal'nyh obrazovaniy Sankt-Peterburga» [EHlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: SPS Konsul'tant Plyus.

РАССМОТРЕНИЕ СУДАМИ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ РАБОТОДАТЕЛЕЙ – ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Статья посвящена актуальным проблемам, которые возникают у судов при рассмотрении споров, где стороной является работодатель – физическое лицо (преимущественно те лица, которые нормой ст. 20 Трудового кодекса Российской Федерации отнесены к работодателям – индивидуальным предпринимателям). В статье исследуются вопросы установления факта трудовых правоотношений и условий трудового договора: трудовой функции, размера заработной платы и т. д., в том числе и в тех случаях, когда трудовой договор не оформлен. Особое внимание уделено фактическому допущению к работе уполномоченным на это представителем работодателя. На примере судебной практики Костромской области указаны юридически значимые обстоятельства, которые следует учитывать при разрешении таких споров, и доказательства, которые могут быть использованы в процессе доказывания. Делается вывод о том, что в качестве доказательств при установлении в рамках судебного спора факта трудовых правоотношений, возникших из фактического допущения к работе, и условий трудового договора, который должен быть заключен, могут быть использованы любые предусмотренные ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации доказательства, которые в силу их относимости и допустимости вправе принимать суды.

Ключевые слова: работодатели, физические лица, условия трудового договора, доказательства, допущение к работе, уполномоченный представитель работодателя, трудовое правоотношение, трудовая функция, размер заработка.

На актуальность темы статьи указывают значительное количество дел, посвященных спорам с участием работодателей – физических лиц в судебной практике Костромской области в 2015–2017 годах, а также повышенное внимание законодателя к вопросам регулирования труда работников, которые заняты у работодателей – физических лиц: к главе 48 Трудового кодекса Российской Федерации [1], посвященной этим вопросам, 3 июля 2016 г. была добавлена глава 48-1, предусматривающая особенности регулирования труда лиц, работающих у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям.

Судебная практика Костромской области показывает, что на стороне работодателя в трудовых отношениях с работником выступали индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в установленном порядке. Случаев, когда на стороне работодателя выступали физические лица, вступающие в трудовые отношения в целях личного обслуживания и помощи по хозяйству, а также когда на стороне работодателя выступали частные нотариусы, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, и иные лица, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию, вступившие в трудовые отношения с работниками в целях осуществления указанной деятельности, за указанный выше период не выявлено.

Как правило, трудовая функция работника в трудовых договорах, заключаемых с работодателями – физическими лицами (ИП), определяется посредством указания на конкретную профессию – продавец, продавец-консультант и т. д. Однако зачастую фактически круг обязанностей работника

оказывается более широким, чем это указано в трудовом договоре.

Ст. 57 ТК РФ такое обязательное условие трудового договора, как трудовая функция, определяет как работу по должности в соответствии со штатным расписанием, профессией, специальностью с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы. Последнее (конкретный вид поручаемой работнику работы) является самым общим определением трудовой функции, когда она обусловлена характером и условиями работы у данного работодателя. Такая трудовая функция может включать в себя самые различные обязанности, свойственные не одной, а нескольким профессиям, например, выполнять обязанности бухгалтера и сотрудника кадровой службы, а также забирать из почтового отделения корреспонденцию.

Именно такое определение трудовой функции как конкретного вида поручаемой работнику работы зачастую характерно для работы у индивидуального предпринимателя. Поэтому характер трудовой функции следует определять с учетом всех имеющихся в деле доказательств, как письменных: трудовой договор, если он оформлялся, приказы (распоряжения), относящиеся к работе конкретного лица, если такие издавались (о приеме на работу, о переводе на другую работу, о прекращении трудовых правоотношений, о выплате премии, о выдаче производственного задания и т. д.), должностные инструкции (если разрабатывались и утверждались), штатное расписание (если имеется), документы о выдаче спецодежды и средств защиты, сведения, передаваемые в пенсионные органы, письменные объяснения спорящих сторон и третьих лиц и т. д., так и иных доказательств, включая устные – объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей.

Полагаем, что следует упомянуть и переписку спорящих сторон по электронной почте, которая после распечатки приобретает характер письменного доказательства, соответственно, ее следует привести в качестве примера письменного доказательства. Необходимо учесть распространенность электронных носителей информации в современной жизни, кроме того, именно переписка по электронной почте преимущественно используется работодателем при трудовых отношениях с дистанционными работниками.

В тех случаях, когда трудовой договор не оформлен, необходимо устанавливать правовую природу возникших между сторонами правоотношений, делая вывод о наличии трудового правоотношения либо о его отсутствии. Данный вопрос является значимым, когда заявлены требования о взыскании морального вреда в связи с задержкой оплаты и другими допущенными работодателем нарушениями, о взыскании компенсации за неиспользованный отпуск и т. д. Изучение судебной практики показывает, что в половине случаев, когда разрешается вопрос о наличии трудовых правоотношений, судом утверждалось заключенное спорящими сторонами мировое соглашение, в оставшихся случаях суд либо делал вывод о трудовом характере сложившихся отношений, либо об их отсутствии.

Так, решением Шарьинского районного суда Костромской области от 23.06.2016 г. были частично удовлетворены иски требования Ш. Суд решил признать отношения между Ш. и индивидуальным предпринимателем Ж. в период с 10 декабря 2013 г. по 27 февраля 2016 г. трудовыми, обязать Ж. внести в трудовую книжку Ш. сведения о работе в период с 10 декабря 2013 г. по 27 февраля 2016 г. в должности продавца, взыскать с Ж. в пользу Ш. компенсацию морального вреда и судебные расходы, в удовлетворении исковых требований в остальной части отказать.

Обращаясь в суд, Ш. указывала на то, что с 10 декабря 2013 г. она фактически приступила к выполнению работ в качестве продавца чая и кофе в торговых точках, принадлежащих ответчику и расположенных в Торговом центре в г. Шарья. При поступлении на работу написала заявление, которое было передано ответчику. При выполнении трудовых обязанностей она осуществляла торговлю чаем, кофе, конфетами, упаковкой, посудой, подчинялась правилам трудового распорядка, работала посменно по определенному графику работы в организации. Ежемесячная заработная плата составляла 300 рублей в день, а также 3% с ежемесячной выручки: 300 руб. она получала ежедневно в конце рабочего дня, а проценты ей выдавал ответчик в конце месяца. Трудовые функции осуществляла в период с 10 декабря 2013 г. по 28 февраля 2016 г. 25 февраля 2016 г. истец попросила у работодателя оплатить ежегодный отпуск, на что ответчик сообщил, что

оплачивать его не будет, также сообщил, чтобы она больше не выходила на работу.

Разрешая спор, суд пришел к выводу о том, что между истцом Ш. и ответчиком ИП Ж. фактически сложились трудовые отношения, Ш. была допущена ИП Ж. к работе в должности продавца в торговых точках, где было определено ее место работы, исполняла трудовые функции по продаже чая, кофе и других товаров, принадлежащих ИП Ж., ей выплачивалась заработная плата в зависимости от количества отработанных дней (определенная сумма в день) и стимулирующие выплаты в виде 3% от выручки, истец, подчинялась правилам внутреннего трудового распорядка, соблюдала установленный режим работы, при этом работа носила постоянный характер с использованием предоставленного ей работодателем места.

Указанный вывод был сделан судом на основе анализа и оценки всех представленных сторонами доказательств, в том числе на основании объяснений истца Ш. по поводу ее работы, а также свидетельских показаний. В частности, суд сослался на показание свидетеля М., которая работала в Торговом центре в отделе, находящемся напротив отдела, в котором работала истец. Данный свидетель подтвердила доводы Ш., изложенные в исковом заявлении, относительно характера сложившихся между сторонами отношений, режима работы истца, даты начала работы. Также суд принял в качестве доказательства ксерокопию рабочей тетради отдела ИП Ж. в Торговом центре, в которой, как поясняла суду истец, отмечены ее рабочие дни. Немаловажным является и длительный период работы истца, что в совокупности с иными обстоятельствами свидетельствует именно о трудовых правоотношениях.

Судебная коллегия Костромского областного суда, проверяя решение суда по апелляционной жалобе ИП Ж., с решением суда согласилась [2].

Также Макарьевский районный суд п. Кадый при рассмотрении 03.06.2015 г. дела по иску У., Е., К., Л., Щ. к ИП Е. о признании отношений трудовыми и взыскании заработной платы заявленные требования частично удовлетворил, признав отношения между спорящими сторонами трудовыми и обязав ИП К. внести запись о работе в период с 10.12.2014 г. по 14.02.2015 г. в трудовые книжки У. – в должности чокеровщика, Е. – в должности вальщика, К. – помощника вальщика, Л. – раскрывщика, Щ. – тракториста. Суд также взыскал с К. в пользу каждого из истцов задолженность по невыплаченной заработной плате, компенсацию за нарушение сроков выплаты заработной платы и компенсацию морального вреда. При этом суд указал на то, что решение суда в части взыскания задолженности по заработной плате подлежит немедленному исполнению. Решение суда вступило в законную силу, не обжаловалось.

Признавая отношения трудовыми, суд исходил из того, что к работе по валке леса у ИП К. истцы

были допущены самим К. по определенной трудовой функции, подчинялись определенному порядку. Устанавливая данные обстоятельства, суд принял во внимание объяснения истцов, показания свидетелей, письменные доказательства.

Так, свидетель С. суду показал, что работает в должности заместителя главы муниципального района, к нему обратились истцы по поводу того, что ИП К. не рассчитался с ними за работу на валке леса, также пояснили, что работают без оформления. Он пригласил ИП К. на беседу. Последний подъехал и в присутствии истцов сослался на то, что причина невыплаты заработной платы связана с отказом истцов от работы, и пока работники не вернут пилы, зарплату он не выплатит, он платит 160 руб. с куба при условии очистки делянки и 140 руб. с куба без очистки делянки. С. рекомендовал истцам обратиться в прокуратуру района, со своей стороны направил в инспекцию по труду заявление о том, что люди работают без оформления.

Прокуратурой Кадынского района Костромской области на основании жалобы истцов проводилась проверка соблюдения ИП К. требований трудового законодательства, по результатам которой было возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 3 ст. 5.27 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за уклонение от оформления трудового договора. Постановление о возбуждении дела об административном правонарушении было направлено для рассмотрения в Государственную инспекцию труда в Костромской области.

Согласно постановлению Государственного инспектора труда Государственной инспекции труда в Костромской области ИП К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 5.27 КоАП РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 6000 руб. [3].

Однако имеется и не только положительная для работников судебная практика. Так, судебная коллегия Костромского областного суда, отменяя решение Галичского районного суда Костромской области от 01 июля 2015 г., которым был установлен факт трудовых отношений между ИП Н. и З. на день смерти З., с Н. в пользу наследника З. взыскано возмещение морального вреда и расходы на оплату услуг представителя, в доход бюджета – госпошлина, и приходя к выводу об отсутствии трудовых правоотношений в данном случае, принимала во внимание то, что личное выполнение З. у ИП Н. однородной трудовой функции «вальщик леса» не подтверждено. Делая такой вывод, судебная коллегия учитывала отсутствие упоминания о З., включая его работу по данной трудовой функции, в документах, а также показания совместно работавших с З. свидетелей К. и В. о том, что по такой трудовой функции З. на работу не принимался, обязанности в бригаде из 3-х человек были распределены членами бригады самостоятельно.

Судебная коллегия приняла во внимание, что З., работая в бригаде с К. и В., выполнял работы по заготовке древесины для ИП Н., однако работником ИП Н. не числился, в штате работников индивидуального предпринимателя не состоял, ответчиком не издавался приказ о приеме на работу З., личное заявление о приеме на работу по валке леса, в том числе, и на иную другую З. не писал, соответствующие записи в его трудовую книжку ИП Н. не вносились, трудовой договор с З. не заключался, табель учета рабочего времени в отношении З. не велся, заработная плата З. не начислялась и не выплачивалась, таким образом, отсутствуют доказательства личного выполнения З. постоянно однородной трудовой функции по заданию работодателя с подчинением правилам трудового распорядка и периодическим получением вознаграждения за труд.

В рассматриваемом деле и сама работа по заготовке лесопроductии (хлыстов) должна была производиться в непродолжительный период времени с 07.06.2014 г. по 30.12.2014 г., а период работы З. из-за произошедшего несчастного случая оказался еще менее продолжительным [4].

Случай, когда работник утверждает о фактическом допущении к работе у работодателя – физического лица с ведома или по поручению не самого работодателя, а его представителя, имел место при рассмотрении Димитровским районным судом г. Костромы дела по искам Р., К. к Ж. и П. об установлении факта трудовых отношений и обязательстве выплатить задолженность.

Обращаясь в суд, истцы утверждали, что к работе их допустил Ж. как лицо, уполномоченное действовать от имени работодателя, с ним они в устной форме согласовывали условия работы, трудовые обязанности и т.д. При этом приказа о назначении этого лица на должность руководителя автомойки истцы не видели. Согласно данным из ЕГРЮЛ, сведения о регистрации юридического лица с таким названием, сведения о регистрации лица, допустившего истцов к работе в качестве ИП отсутствуют. В качестве ИП был зарегистрирован второй ответчик П., деятельность в таком качестве впоследствии была им прекращена 29.04.2016 г. Однако истцы отрицают согласование с П. допуска к работе, характера трудовых обязанностей и т.д. Суд посчитал, что факт допуска истцов к работе уполномоченным лицом своего подтверждения не нашел.

Учел суд и то, что не представлено доказательств относительно того, что истцы обращались с письменными заявлениями о трудоустройстве и требовали такого трудоустройства, напротив, истцы пояснили, что и ранее до трудоустройства они работали на разных автомойках без оформления трудового договора, а на момент разрешения спора без оформления трудовых отношений работают в техцентре мойщиками автомашин.

Кроме того, суд указал, что при приеме на работу оба истца с должностными инструкциями,

правилами внутреннего трудового распорядка, регулирующими оплату труда документами не знакомилась, их предоставления не требовали, полагая, что их не существует, табель рабочего времени не велся, выплаты заработка с документальным оформлением не производилось, денежные средства в счет оплаты труда истца из полученной выручки брали самостоятельно, выдачи спецодежды не производилось, выходных и перерывов в работе не предусматривалось.

При таких обстоятельствах суд посчитал, что истцами не представлено доказательств наличия между сторонами трудовых правоотношений и образования задолженности по оплате труда. Заочным решением суда от 27.09.2016 г. в удовлетворении исковых требований об установлении факта трудовых отношений с 13.03.2016 г. по 15.05.2016 г., взыскании долга по зарплате за период с 02.05.2016 г. по 15.05.2016 г. за 14 рабочих дней отказано. Решение суда не обжаловалось, вступило в законную силу [5].

Однако в практике судов области имеется и другой пример, когда суд посчитал фактическое допущение к работе, сделанное уполномоченным лицом строительной организации, признал возникшие отношения трудовыми при том, что работник к работе был допущен прорабом. Данный случай имел место в Обществе с ограниченной ответственностью, но ввиду общности подходов к рассмотрению вопроса о допуске к работе компетентным представителем работодателя данный пример целесообразно привести в настоящей статье, посвященной рассмотрению споров с участием работодателей – индивидуальных предпринимателей.

Так, решением Костромского районного суда Костромской области от 07.09.2015 г. М. было отказано в удовлетворении исковых требований к ООО об установлении трудовых отношений, обязанности заключить трудовой договор и внести запись в трудовую книжку. Доводы истца о том, что он приступил к работе с согласия работодателя, а именно – прораба М., написав и передав последнему заявление о приеме на работу, суд посчитал несостоятельными. При этом суд руководствовался тем, что прав на заключение с работниками трудовых договоров и издание приказов о приеме на работу прораб не имеет, что следует из должностной инструкции производителя работ (прораба), утвержденной генеральным директором ООО.

Определением судебной коллегии Костромского областного суда от 18.11.2015 г., решение Костромского районного суда Костромской области от 07 сентября 2015 г. было отменено с принятием по делу нового решения об удовлетворении исковых требований М., установлен факт трудовых отношений между М. и ООО с 19.09.2014 г., на ООО возложена обязанность заключить с М. трудовой договор по должности разнорабочего с размером заработка 800 (восемьсот) рублей в день, с пятидневной рабо-

чей неделей и графиком работы с 08.00 до 17.00 часов, также возложена обязанность внести в трудовую книжку М. запись о приеме на работу в ООО на должность разнорабочего с 19.09.2014 г.

Приходя к таким выводам, судебная коллегия приняла во внимание то, что согласно выписке из ЕГРЮЛ, ООО зарегистрировано в качестве юридического лица, его основным видом деятельности является строительство зданий и сооружений, а истец просит установить факт трудовых правоотношений по трудовой функции разнорабочего, которую он выполнял на строительных площадках г. Костромы и Костромского района.

Судебная коллегия также учла объяснения истца в суде первой инстанции об обстоятельствах трудоустройства, когда у истца, прибывшего в офис ООО, прорабом была взята трудовая книжка для оформления, его знакомили с техникой безопасности, выдавали спецодежду, к работе он приступил 19.09.2014 г. Его рабочее место находилось на строительной площадке строящегося объекта по конкретному адресу. Он работал по 5-ти дневному графику с 8-00 до 17-00, в выходные – иногда и за дополнительную плату, его ежедневно табелировал прораб М., он же давал указания, какую работу следует выполнять, в конце смены принимал работу, заработная плата составляла 800 рублей в день, то есть по 100 рублей за час работы, выплачивалась один раз в месяц в последнюю пятницу месяца, деньги выдавались наличными бухгалтером-кассиром непосредственно на строящемся объекте, за получение денег расписывались в ведомостях, расчетные листки на руки бухгалтер не выдавала.

Учла коллегия и то, что 20.03.2015 г. у истца на рабочем месте случился острый приступ заболевания, и машина скорой помощи увезла его в стационар непосредственно с места работы, а также то, что после выписки из стационара истец обратился к прорабу М. для оформления производственной характеристики с места работы о видах и сложностях работы, запрошенной врачом, и М. заполнил производственную характеристику, но для ее заверения направил истца к руководству ООО, где истец и узнал, что трудовые отношения не оформлены.

При установлении значимых по делу обстоятельств судебная коллегия опиралась также на показания свидетелей Т. и М., которые также работали в ООО. Судебная коллегия пришла к выводу, что в данном случае нет оснований полагать, что работы на строительных объектах ООО выполнялись М. на основании гражданско-правового договора либо в силу трудовых отношений, возникших с какой-либо иной подрядной организацией.

Также судебная коллегия указала, что суд первой инстанции, ссылаясь на отсутствие указанной истцом должности (разнорабочий) в штатном расписании ООО, не принял во внимание противоречивость представленных ответчиком в обоснование своей позиции документов, согласно которым

при отсутствии должностей в штатном расписании в ряде документов указано, что на такие должности лица принимались. Это должности разнорабочего, каменщика, штукатура, подсобного рабочего, т.е. такие должности, без выполнения работ по которым строительство невозможно.

Полагая, что в своей совокупности имеющиеся в деле доказательства свидетельствуют о том, что с 19.09.2014 г. между истцом и ответчиком фактически сложились бессрочные трудовые отношения, основанные на личном выполнении истцом на возмездной основе и с подчинением правилам внутреннего трудового распорядка конкретной трудовой функции разнорабочего, судебная коллегия посчитала, что указанные отношения возникли в силу фактического допущения истца к работе по должности разнорабочего на объектах, строительство которых осуществляется ООО, с согласия (с ведома) последнего.

О согласии работодателя ООО на выполнение М. данной трудовой функции в его (работодателя) интересах свидетельствует длительный характер таких отношений, выплата М. ежемесячно заработной платы, обеспечение его спецодеждой за счет средств работодателя.

Размер задолженности по заработной плате судебной коллегией был определен на основании объяснений самого истца при том, что они не опровергаются другими доказательствами по делу, которые противоположная спорящая сторона имела возможность представить, но доказательств в опровержение утверждения истца о размере и периоде задолженности, в опровержение представленного истцом расчета не представила. Неправомерное уклонение ответчика от оформления трудовых отношений, а также непредставление доказательств, опровергающих объяснения истца относительно размера заработной платы и отработанного периода, позволяет обосновать решение в части присуждаемой задолженности по заработной плате объяснениями истца [6].

При решении вопроса о размере заработной платы работника при отсутствии оформленных в установленном законом порядке трудовых отношений и письменных доказательств, подтверждающих размер заработной платы работника, также возможно исходить из МРОТ в субъекте Российской Федерации, который в силу ч. 4 ст. 133-1 ТК РФ не может быть ниже минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом. Таким образом, нижний предел заработка работника, отработавшего полную норму рабочего времени, определяется МРОТ в Российской Федерации, который будучи заблаговременно установленным на федеральном уровне, общедоступен в СПС «КонсультантПлюс». Так, согласно СПС «КонсультантПлюс» размер МРОТ в России с 01.05.2018 г. составит 11163 руб.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в качестве доказательств при уста-

новлении в рамках судебного спора факта трудовых правоотношений, возникших из фактического допущения к работе и условий трудового договора, который должен быть заключен, могут быть использованы любые предусмотренные ст. 55 ГПК РФ [7] доказательства, которые в силу ст. 59 и 60 ГПК РФ вправе принимать суды.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации по состоянию на 20 февраля 2018 г. – М.: Проспект, 2018. – 272 с.
2. Дело № 2-767/2016 Шарьинского районного суда Костромской области, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Костромского областного суда от 12.09.2016 г. № 33-2005/2016.
3. Дело № 2-261/2015 Макарьевского районного суда п. Кадый Костромской области.
4. Дело № 2-428/2015 Галичского районного суда Костромской области, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Костромского областного суда от 21.09.2015 г. № 33-1608/2015.
5. Дело № 2-1110/2016 Димитровского районного суда г. Костромы.
6. Дело № 2-675/15 Костромского районного суда Костромской области, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Костромского областного суда от 18.11.2015 г. № 33-2113/15.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации по состоянию на 20 февраля 2018 г. – М.: Проспект, 2018. – 288 с.

References

1. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii po sostoyaniyu na 20 fevralya 2018 g. – M.: Prospekt, 2018. – 272 s.
2. Delo № 2-767/2016 SHar'inskogo rajonnogo suda Kostromskoj oblasti, apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Kostromskogo oblastnogo suda ot 12.09.2016 g. № 33-2005/2016.
3. Delo № 2-261/2015 Makar'evskogo rajonnogo suda p. Kadyj Kostromskoj oblasti.
4. Delo № 2-428/2015 Galichskogo rajonnogo suda Kostromskoj oblasti, apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Kostromskogo oblastnogo suda ot 21.09.2015 g. № 33-1608/2015.
5. Delo № 2-1110/2016 Dimitrovskogo rajonnogo suda g. Kostromy.
6. Delo № 2-675/15 Kostromskogo rajonnogo suda Kostromskoj oblasti, apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Kostromskogo oblastnogo suda ot 18.11.2015 g. № 33-2113/15.
7. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii po sostoyaniyu na 20 fevralya 2018 g. – M.: Prospekt, 2018. – 288 s.

ВСТРЕЧНЫЙ ИСК В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССАХ

Статья посвящена комплексному теоретическому исследованию института встречного иска, как одного из средств защиты ответчика в гражданском и арбитражном процессах, который позволяет восстанавливать нарушенные права. Автор анализирует содержание понятия, сущность и характерные признаки встречного иска, а также его разграничение с возражениями ответчика. Исследуются виды встречных исков, рассматриваются условия предъявления и порядок рассмотрения встречных исковых требований. Кроме этого, в данной статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы, с которыми может столкнуться ответчик при реализации своих прав на подачу встречных исковых требований. В статье анализируются примеры из судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Практические выводы, сделанные в данной статье, будут полезны в научной и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: встречный иск, суд, иск, арбитражный процесс, гражданский процесс, ответчик, защита прав ответчика.

Встречный иск является одним из эффективных способов защиты прав ответчика от первоначального иска, а также средством упрощения и ускорения производства, то есть процессуальной экономии времени, поскольку в одном судебном процессе могут быть рассмотрены все претензии сторон друг к другу.

Исследованием сущности института встречного иска, которая раскрывается через его характерные особенности и определение, занимались такие известные ученые, как М.С. Фалькович, Е.В. Васьковский, Д.А. Фурсов, Н.И. Клейн и другие. Так, Е.В. Васьковский считал, что под термином «встречный иск» понимается самостоятельное требование ответчика к истцу: 1) способное к зачету с основным иском; 2) способное к зачету или вытекающее из того же основания, что и основной иск; 3) имеющее связь с ним; 4) всякое вообще [2, с. 176].

Н.И. Клейн определяла встречный иск как заявленный ответчиком в уже возникшем процессе по основному иску и рассматриваемый совместно с ним иск, которым ответчик предъявляет к истцу требования, служащие средством защиты против первоначального требования или связанные с ним по основаниям возникновения [4, с. 27].

М.К. Треушников рассматривал встречный иск как материально-правовое требование ответчика к истцу, заявленное для совместного рассмотрения с первоначальным иском [3, с. 173].

Вышеназванные точки зрения, безусловно, верны, но, на наш взгляд, в определении понятия встречного иска должны учитываться также и процессуальные особенности данного института. Можно дать рассматриваемому понятию следующее определение: встречный иск – это процессуальный институт, направленный на защиту интересов и прав ответчика и выражающий принятое судом для рассмотрения самостоятельное материально-правовое требование ответчика к истцу, которое вытекает из спорного правоотношения, заявленное по месту рассмотрения первоначального иска, вследствие их взаимосвязи.

Встречные иски, по мнению Н.И. Клейн, можно классифицировать по степени их взаимосвязи с основным иском на: 1) встречные иски, которые связаны с основным иском тем, что право ответчика исключает право истца, либо прекращает его право путем взаимозачета; 2) встречные иски, которые связаны с основным иском по основаниям возникновения. [4, с. 60].

Другой известный ученый, Н.Т. Арапов, в зависимости от процессуальной цели встречные иски делил на: встречные иски, заявленные с целью защиты от основного иска (например, иски, которые подрывают основание основного иска; иски, которые направлены на признание за ответчиком права, исключающего право истца на предмет спора, а также встречные иски, которые предъявляются с целью взаимозачета) и встречные иски, которые заявляются ответчиками, не преследующими цель защиты от основного иска (например, иски, в которых содержится самостоятельное требование ответчика к истцу, разрешение которых совершенно не влияет на разрешение требований по основному иску) [1, с. 16–17].

На наш взгляд, можно выделить следующие особенности и характерные признаки встречного иска. Во-первых, встречные исковые требования могут быть предъявлены как в суд общей юрисдикции, так и в арбитражный суд, независимо от их подсудности, лишь по месту рассмотрения первоначального иска. Данная особенность обусловлена как принципом процессуальной экономии, так и тем, что первоначальный и встречный иски взаимосвязаны между собой и в правоотношениях фигурируют одни и те же субъекты.

Во-вторых, предъявление встречных исковых требований ограничено по времени, поскольку они могут быть поданы лишь до вынесения судом решения по делу. Так, в соответствии с положениями ст. 137 ГПК РФ, ответчик вправе предъявить встречные исковые требования к истцу до принятия судом решения для совместного рассмотрения с основным иском. Из буквального толкования

данной нормы гражданского процессуального кодекса можно сделать вывод о том, что, например, если судом принято не решение, а определение о прекращении производства по делу, то у ответчика сохраняется право на подачу встречных исковых требований. Поэтому, на наш взгляд, ст. 137 ГПК РФ следует изложить в следующей редакции: «Ответчик до принятия судом судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела, вправе предъявить истцу встречный иск для рассмотрения его совместно с первоначальным иском».

Аналогичные изменения следует внести и в статью 132 АПК РФ и изложить её следующим образом: «Ответчик до принятия арбитражным судом первой инстанции судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела, вправе предъявить истцу встречный иск для рассмотрения его совместно с первоначальным иском», поскольку не во всех случаях дело может быть рассмотрено по существу и вынесено решение, и помимо этого итоговым судебным актом может быть, например, определение о прекращении производства по делу либо же определение об оставлении исковых требований без рассмотрения.

В-третьих, встречные исковые требования могут быть заявлены ответчиком лишь в начатом процессе, инициированном первоначальным иском.

В-четвертых, встречные исковые требования могут быть заявлены только лишь в защиту своих прав, и имеют своей целью защиту от основного иска.

В отличие от возражений ответчика, которые могут быть изложены в свободной форме в отзыве на иск, а также в устных объяснениях, встречные исковые требования должны быть рассмотрены в порядке искового производства, а к форме и содержанию встречного иска предъявляются определенные процессуальные требования, установленные процессуальным законодательством (ст. 125–126 АПК РФ, ст. 131–132 ГПК РФ), поскольку подача встречных требований осуществляется по общим правилам предъявления иска. Ещё одной особенностью является то, что возражения могут заявляться ответчиком на любой стадии процесса, в том числе и в апелляционных, кассационных и надзорной инстанциях. В то время как встречный иск может быть заявлен лишь в суде первой инстанции.

Ст. 138 ГПК РФ и ст. 132 АПК РФ устанавливают определенные правила для принятия встречного иска, а именно: судьей принимается встречный иск в случае, если:

– встречное требование направлено к зачету первоначального требования, то есть требования должны быть однородными и бесспорными. К примеру, ответчиком заявляются требования по встречным денежным обязательствам, так что должник по первоначальному иску будет являться кредитором по встречным исковым требованиям;

– удовлетворение встречного иска исключает полностью или в части удовлетворение первоначального иска. В данном случае можно привести достаточно распространенный пример из судебной практики, когда истцом заявлено требование о взыскании задолженности по договору, а во встречных исковых требованиях ответчик просит признать данный договор недействительным;

– между встречным и первоначальными исками имеется взаимная связь и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению споров. Примером взаимосвязи основного и встречного иска могут послужить как доказательства, так и основания возникновения требований, в составе которых будут иметься те же самые юридические факты. Например, взаимная связь будет иметься между встречным и первоначальными исками в следующем случае: если истцом был заявлен иск о выселении бывшего мужа, то ответчиком в защиту своих прав может быть предъявлен встречный иск о разделе жилого дома после развода. И наоборот, суд откажет в принятии встречного иска, если, например, истцом заявлено требование о взыскании с ответчика задолженности по договору перевозки грузов, а ответчиком заявлено встречное требование о взыскании с истца задолженности по договору займа, так как эти договоры не связаны между собой.

Из прямого толкования закона следует, что все три вышеперечисленные условия должны быть соблюдены в совокупности, иначе суд откажет в принятии встречного иска и вынесет определение о его возвращении. Но на практике позиции судов отличаются: одни суды считают, что если при подаче встречного иска не соблюдено хотя бы одно из этих условий, то встречный иск должен быть возвращен. Приведем пример из судебной практики по делу № А43-18290/2014, когда истцом был подан иск о взыскании штрафа за сверхнормативный простой судна по договору перевозки № 20-2013/М от 14.08.2013, а ответчик предъявил встречный иск о взыскании неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами, вытекающего из договора № 20-2013/М от 14.08.2013 и из договора № 17-2013/М от 25.07.2013, который не являлся предметом основного иска, в рамках рассмотрения первоначального иска спор по данному договору отсутствовал [6]. Арбитражным судом первой инстанции данный встречный иск был отклонен, поскольку это привело бы к затягиванию рассмотрения спора. Апелляционная и кассационная инстанции поддержали позицию арбитражного суда первой инстанции, указав, что по смыслу ч. 4 ст. 132 АПК РФ отсутствие одного из указанных в данной статье критериев является основанием для возвращения встречного искового заявления.

Наоборот, Суд по интеллектуальным правам, в своем постановлении по делу

№ А45-23685/2015 [7] высказал точку зрения о том, что для принятия встречного иска достаточно наличия одного из трех оснований, указанных в ч. 4 ст. 132 АПК РФ, сославшись на позицию ВАС РФ, изложенную в Пленуме от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств». На наш взгляд, каждое условие, закрепленное как в ч. 4 ст. 132 АПК РФ, так и в ст. 138 ГПК РФ, является самостоятельным, поэтому допустимо принятие встречного иска при наличии хотя бы одного из названных условий. В связи с чем мы считаем необходимым дополнить ст. 138 ГПК РФ и ч. 4 ст. 132 АПК РФ словами: «Судья принимает встречный иск в случае, если соблюдено хотя бы одно из следующих условий...».

Таким образом, изучив позиции судов, мы пришли к выводу, что на практике при разрешении вопроса о принятии встречных исковых требований могут возникнуть некоторые трудности, поскольку критерии однородности суды толкуют неоднозначно.

На наш взгляд, немаловажен и ещё один момент, который касается сроков подачи встречных исковых требований. Так, в соответствии с процессуальным законодательством, ответчик вправе подать встречный иск до разрешения дела по существу. Однако из анализа судебной практики следует, что если подать встречный иск ближе к концу рассмотрения дела, то суд может расценить действия ответчика как злоупотребление своими правами с целью затягивания судебного разбирательства. Примером может послужить определение ВС РФ по делу № А08-5365/2016 [5], в котором суд указал на злоупотребление ответчиком своими правами, так как встречное исковое требование было подано спустя почти четыре месяца с момента подачи основного иска. Поэтому мы считаем, что в процессуальном законодательстве необходимо определить момент, после которого подача встречного иска не возможна.

На наш взгляд, данные предложения по внесению изменений в процессуальное законодательство позволят повысить эффективность применения института встречного иска.

Библиографический список

1. *Арапов Н.Т.* Встречный иск в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1965. – 25 с.

2. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 464 с.

3. *Гражданский процесс: учебник для вузов / под ред. М.К. Треушников.* – М.: Статут, 2014. – 504 с.

4. *Клейн Н.И.* Встречный иск в суде и арбитраже. – М.: Статут, 2017. – 368 с.

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № А08-5365/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/Card/c26a6ef7-00d6-40db-8e0f-580706ae1509> (дата обращения: 07.05.2018).

6. Решение Арбитражного суда Нижегородской области по делу № А43-18290/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/Card/0af02289-57b2-4bc0-a596-b855f4b9c816> (дата обращения: 07.05.2018).

7. Решение суда по интеллектуальным правам по делу № А45-23685/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/Card/780bad1c-45dc-4eb6-baae-88997fcfc2e8> (дата обращения: 07.05.2018).

References

1. *Arapov N.T.* Vstrechnyj isk v sovetskom grazhdanskom processual'nom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Tomsk, 1965. – 25 s.

2. *Vas'kovskij E.V.* Uchebnik grazhdanskogo processa / pod red. V.A. Tomsinova. – M.: Zercalo, 2003. – 464 s.

3. *Grazhdanskij process: uchebnik dlya vuzov / pod red. M.K. Treushnikova.* – M.: Statut, 2014. – 504 s.

4. *Klejn N.I.* Vstrechnyj isk v sude i arbitrazhe. – M.: Statut, 2017. – 368 s.

5. *Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po delu № А08-5365/2016* [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://kad.arbitr.ru/Card/c26a6ef7-00d6-40db-8e0f-580706ae1509> (data obrashcheniya: 07.05.2018).

6. *Reshenie Arbitrazhnogo suda Nizhegorodskoj oblasti po delu № А43-18290/2014* [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://kad.arbitr.ru/Card/0af02289-57b2-4bc0-a596-b855f4b9c816> (data obrashcheniya: 07.05.2018).

7. *Reshenie suda po intellektual'nym prava po delu № А45-23685/2015* [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://kad.arbitr.ru/Card/780bad1c-45dc-4eb6-baae-88997fcfc2e8> (data obrashcheniya: 07.05.2018).

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В СЛУЧАЕ ВЫЯВЛЕНИЯ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБЪЕКТОВ НА ЗЕМЛЯХ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В статье раскрываются вопросы правового регулирования необходимости проведения государственной экологической экспертизы проектной документации объектов, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий и в границах особо охраняемых природных территорий. В частности, анализируются несовершенства положений в российском экологическом законодательстве, препятствующие обеспечению законности в случае выявления нарушений законодательства об экологической экспертизе при строительстве объектов на землях особо охраняемых природных территорий и в границах таких территорий, и не способствующие единообразному толкованию правоприменителями законодательства в анализируемой сфере. Автор приходит к выводу о несогласованности положений федерального законодательства, регламентирующих вопросы проведения государственной экологической экспертизы. Вносятся предложения по решению проблемных вопросов.

Ключевые слова: обеспечение законности в экологической сфере, прокурорский надзор, экологическая экспертиза, оценка воздействия на окружающую среду, экологическое законодательство, особо охраняемые природные территории, охрана окружающей среды.

В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., обеспечение в долгосрочной перспективе устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе невозможно без сохранения и защиты природной среды. Основу действий в этом направлении будут составлять новые методы территориального планирования, землепользования и застройки, учитывающие экологические ограничения. Для этого указано на необходимость создания такой системы особо охраняемых природных территорий, которая бы обеспечивала сохранение естественных экосистем во всех природно-климатических регионах страны, делая их центрами сохранения генетического фонда, инкубаторами восстановления исходного биоразнообразия [6].

Аналогичный вектор социально-экономического развития страны определен и в Экологической доктрине Российской Федерации, в соответствии с которой сохранение и восстановление ландшафтного и биологического разнообразия, достаточного для поддержания способности природных систем к саморегуляции и компенсации последствий антропогенной деятельности, возможно за счет создания и развития особо охраняемых природных территорий разного уровня и режима [7].

Представляется, что достижение обозначенных целей невозможно без совершенствования механизма правового регулирования использования земель особо охраняемых природных территорий и механизма их охраны, в том числе посредством осуществления прокурорского надзора.

Надзор за законностью правовых актов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина в сфере экологической безопасности являются основными направлениями надзорной деятельности органов прокуратуры [5].

Приказом Генерального прокурора РФ от 01.04.2014 № 165 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании» [4] указано на необходимость обеспечения системного и эффективного надзора за исполнением законодательства об особо охраняемых природных территориях, на необходимость незамедлительного реагирования на факты необоснованного изменения границ данных объектов, застройки и иной хозяйственной деятельности.

Особо охраняемые природные территории – участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны [8].

В силу п. 7.1 ст. 11 и п. 4.1 ст. 12 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [9], проектная документация объектов, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий федерального значения, а также проектная документация особо опасных, технически сложных и уникальных объектах, объектах обороны и безопасности, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществ-

влять на землях особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения, в случаях, если строительство, реконструкция таких объектов на землях особо охраняемых природных территорий допускаются законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации, а также проектная документация объектов, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения, являются объектами государственной экологической экспертизы федерального и регионального уровней соответственно.

Аналогичное требование продублировано в ч. 6 ст. 49 Градостроительного кодекса РФ [1].

Экологическая экспертиза – установление ответственности документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды, в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду [9].

Однако обеспечение законности при строительстве объектов на землях особо охраняемых природных территорий является затруднительным ввиду имеющихся недостатков правового регулирования. Так, ст. 11 и ст. 12 Федеральным законом от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», ст. 49 Градостроительного кодекса РФ императивно закреплена обязанность проведения государственной экологической экспертизы проектной документации объектов, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять *на землях* особо охраняемых природных территорий.

Правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий (ч. 2 ст. 7 Земельного кодекса РФ [2]) (далее по тексту – ЗК РФ).

Ч. 1 ст. 7 ЗК РФ установлен исчерпывающий перечень категорий земельных участков: 1) земли сельскохозяйственного назначения; 2) земли населенных пунктов; 3) земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения; 4) земли особо охраняемых территорий и объектов; 5) земли лесного фонда; 6) земли водного фонда; 7) земли запаса.

В силу действующего законодательства особо охраняемые природные территории могут находиться как *на землях* особо охраняемых территорий и объектов, так и *на землях* иных категорий.

При этом юридическая конструкция ст. 11, ст. 12 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», ст. 49 Градостроительного кодекса РФ на практике создают правовую неопределенность при решении вопроса о необходимости проведения государственной экологической экспертизы проектной документации объектов, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять *в границах* особо охраняемой природной территории на землях, не являющихся землями особо охраняемых природных территорий (например, на землях сельскохозяйственного назначения или на землях населенных пунктов).

Так, решением Эссентукского городского суда Ставропольского края от 28.01.2013 (дело №2-223/2013) удовлетворено заявление Ставропольского межрайонного природоохранного прокурора о признании незаконным разрешения, выданного администрацией города Эссентуки, на реконструкцию объекта капитального строительства в городе Эссентуки, являющемся курортом федерального значения, в отсутствие положительного заключения государственной экологической экспертизы.

При разрешении данного дела судом указано, что по смыслу ст. 85 ЗК РФ земли поселений могут одновременно относиться и к землям особо охраняемых природных территорий, а потому то обстоятельство, что в соответствии с кадастровым планом земельный участок отнесен к числу земель поселений, не исключает его принадлежности к особо охраняемым природным территориям.

Таким образом, судом указано на возможность нахождения особо охраняемой природной территории на землях иных категорий и на необходимость соблюдения требования о проведении государственной экологической экспертизы в случае предполагаемого строительства объектов *в границах* таких территорий без привязки к специальной категории земель.

Аналогичная позиция отражена в апелляционном определении Костромского областного суда от 18.09.2013 (дело № 33-1528), вынесенном по апелляционным жалобам на решение Красносельского районного суда Костромской области от 26 июня 2013 года, которым удовлетворены требования прокурора Красносельского района Костромской области о признании недействительными отдельных положений распоряжения администрации Красносельского муниципального района Костромской области «О предоставлении дачным некоммерческим партнерствам “Волга”, “Волга-2” земельных участков в аренду».

Судом указано, что отсутствие в государственном земельном кадастре соответствующих сведений не умаляет статус земель, вошедших в территорию заказника как земель особо охраняемых природных территорий, поскольку территория

заказника в установленных границах относится к особо охраняемой природной территории в силу норм Закона. Отнесение спорного земельного участка к категории земель сельскохозяйственного назначения, отсутствие на местности границ заказника не изменяют и не отменяют установленный нормативными правовыми актами статус особо охраняемых земель и не исключают действие в отношении него правового режима, введенного для земель особо охраняемых природных территорий.

Противоположная правовая позиция изложена в решении Балашихинского городского суда Московской области от 09.04.2014 (дело № 2-465/2015 (2-7341/2014)), остановленном в силе Московским областным судом, которым межрайонному природоохранному прокурору Московской области отказано в удовлетворении искового заявления об отмене разрешения на строительство, разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, приостановлении строительства жилого дома до получения положительного заключения экологической экспертизы по проекту строительства и др.

Судом указано, что в соответствии со ст. 49 Градостроительного кодекса РФ не допускается проведение иных экспертиз проектной документации, за исключением экспертизы проектной документации, предусмотренной ст. 49 Градостроительного кодекса РФ, а также государственной экологической экспертизы проектной документации объектов, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий. Из вышеуказанных правовых норм следует, что в отношении проектной документации должна быть проведена государственная экологическая экспертиза, только если строительство планируется на земельных участках, относящихся к категории «земли особо охраняемых территорий и объектов», в которую должны включаться земли особо охраняемых природных территорий. Таким образом, не требуется проведения данной экспертизы в отношении проектной документации, согласно которой осуществляется строительство на земельном участке, относящемся к категории земель «земли населенных пунктов».

Из изложенного следует, что правильно избранная межрайонным природоохранным прокурором Московской области форма прокурорского реагирования на нарушение и способ защиты нарушенных прав в сфере законодательства об особо охраняемых природных территориях и об экологической экспертизе не достигла положительного эффекта по причине буквального толкования судом положений ст. 11, ст. 12 Федеральным законом от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», ст. 49 Градостроительного кодекса РФ, без учета содержания иных специальных нормативных правовых актов.

В целях реального обеспечения режима особой охраны особо охраняемых природных территорий, а также в целях единообразного толкования правоприменителями положений Закона предлагается в ст. 11, ст. 12 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» и в ст. 49 Градостроительного кодекса РФ внести изменения, указав на необходимость проведения государственной экологической экспертизы в случае предполагаемого строительства *не на землях* особо охраняемых природных территорий, *а в границах* таких территорий.

Кроме того, ст. 11, ст. 12 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», ст. 49 Градостроительного кодекса РФ предусмотрено, что государственной экологической экспертизе подлежит *проектная документация объектов*, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять на землях особо охраняемых природных территорий.

При этом приведенная норма не содержит требования о проведении государственной экологической экспертизы только в случае планирования строительства на таких землях объектов *капитального строительства*.

Учитывая особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение участков земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, именуемых особо охраняемыми природными территориями, резюмируется, что в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду *любое строительство и реконструкция объектов* на землях особо охраняемых природных территорий должно сопровождаться установлением уполномоченными органами государственной власти соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды.

Между тем, анализ практики прокурорского надзора показал, что при применении указанных положений Закона также формируется неоднозначная судебная практика.

Так, судами признавались нарушениями Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» факты осуществления в отсутствие положительного заключения государственной экологической экспертизы работ по реконструкции дорожно-тропиночной сети с организацией площадок для хранения мусора, установкой МАФ (скамьи, урны), благоустройство детских и игровых площадок и площадок отдыха, устройство и ремонт газонов в границах особо охраняемых природных территорий (решения Арбит-

ражного суда Свердловской области от 20.09.2013 по делу № А60-19090/2013, Арбитражного суда г. Москвы от 25.09.2012 по делу № А40-110094/12-148-1053 и др.) и не признавались нарушением Закона «Об экологической экспертизе» действия по установке в границах особо охраняемой природной территории регионального значения-памятника природы металлических мангалов с устройством фундаментальных плоских бетонных плит, с глубиной заливки в почву 0,1 м в отсутствие положительного заключения государственной экологической экспертизы (решение Тверского областного суда от 05.07.2017 по делу № 21-308/2017).

По первому варианту складывается и практика осуществления прокурорского надзора на территории Костромской области.

В 2017 г. по результатам рассмотрения обращения Костромским межрайонным природоохранным прокурором Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры установлен факт реализации в границах особо охраняемой природной территории регионального значения туристско-рекреационной местности «Парк «Берендевка» проекта благоустройства территории парка. Строительство плоскостных сооружений: скейт-парка, детской игровой и спортивной площадок, взрослой спортивной площадки, танцплощадки и многофункциональной площадки и др. сопровождалось проведением работ по подготовке оснований площадок со снятием поверхностного почвенного слоя, асфальтированием части территорий. Кроме того, было запланировано строительство объектов в береговой полосе и в водном объекте.

Учитывая задачи организации особо охраняемой природной территории регионального значения туристско-рекреационной местности «Парк «Берендевка», а именно сохранение искусственных березово-сосновых сообществ в совокупности с луговыми сообществами естественного происхождения; сохранение и поддержание в оптимальном состоянии поверхностных водных объектов (прудов); сохранение биоразнообразия представленной территории, реализация указанного проекта благоустройства, сопровождаемая перечисленными действиями, могла повлечь деградацию или полное уничтожение такой территории.

Между тем, при обращении застройщика в Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Костромской области за разъяснением положений законодательства о необходимости проведения государственной экологической экспертизы в случае реализации подобного проекта благоустройства, указанным Департаментом застройщику сообщено об отсутствии необходимости в проведении такой экспертизы по причине того, что планируемые к строительству объекты не являются объектами капитального строительства. В связи с чем застройщик приступил к реализации проекта благо-

устройства без положительного заключения государственной экологической экспертизы.

Указанные нарушения Закона стали причиной внесения Костромским межрайонным природоохранным прокурором в адрес директора Департамента и в адрес генерального директора организации-застройщика представлений об устранении нарушений Закона, и возбуждения в отношении последнего административного производства по ч. 1 ст. 8.4 КоАП РФ [3] (реализация проектов, программ и иной документации, подлежащих государственной экологической экспертизе и не получивших положительного заключения государственной экологической экспертизы).

Таким образом, представляется необходимым конкретизация положений ст. 11, ст. 12 Федерального закона от 23.11.1995 №174-ФЗ «Об экологической экспертизе», ст. 49 Градостроительного кодекса РФ в части вопроса о видах объектов, проектирование строительства и реконструкции которых предполагает необходимость проведения государственной экологической экспертизы.

Произвольное толкование правоприменителями положений законодательства, регламентирующего рассматриваемую сферу правоотношений, и допускаемые ими нарушения Закона являются неизбежным следствием обозначенных в настоящей статье недостатков правового регулирования.

Все изложенное в совокупности препятствует прокурорам в пресечении выявленных нарушений Закона в анализируемой сфере. Отсутствие возможности однозначной интерпретации положений законодательства об экологической экспертизе влечет необходимость разрешения возникающих споров в судебном порядке. В условиях, когда строительство объектов уже начато или уже произведено полностью, это существенно усложняет или делает невозможным достижение одной из основных задач прокурорского надзора – реализации конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду.

Библиографический список

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 16.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 1.
4. Приказ Генерального прокурора РФ от 01.04.2014 № 165 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании» // Журнал ру-

ководителя и главного бухгалтера ЖКХ. – 2014. – № 10. – Ч. II.

5. Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. – 2008. – № 3.

6. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

7. Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 36. – Ст. 3510.

8. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 12. – Ст. 1024.

9. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4556.

References

1. Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 190-FZ // Sобрание zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2005. – № 1. – Ст. 16.

2. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 № 136-FZ // Sобрание zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

4. Prikaz General'nogo prokurora RF ot 01.04.2014 № 165 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolnieniem zakonov ob ohrane okruzhayushchej sredy i prirodopol'zovanii» // ZHurnal rukovoditelya i glavного buhgaltera ZHKKH. – 2014. – № 10. – Ч. II.

5. Prikaz General'nogo prokurora RF ot 07.12.2007 № 195 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolnieniem zakonov, soblyudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina» // Zakonnost'. – 2008. – № 3.

6. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 10.02.2017) «O Konceptii dolgosrochnogo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

7. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 31.08.2002 № 1225-r «Ob EHkologicheskoy doktrine Rossijskoj Federacii» // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 2002. – № 36. – Ст. 3510.

8. Federal'nyj zakon ot 14.03.1995 № 33-FZ «Ob osobo ohranyaemyh prirodnyh territoriyah» // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 1995. – № 12. – Ст. 1024.

9. Federal'nyj zakon ot 23.11.1995 № 174-FZ «Ob ehkologicheskoy ehkspertize» // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 1995. – № 48. – Ст. 4556.

Смирнов Сергей Владимирович
кандидат политических наук, доцент
Костромской государственной университет
sergey-1977-04@yandex.ru

Бекренев Павел Юрьевич
кандидат политических наук
Костромской государственной университет
bekrenyov.pavel@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье исследуется сущность информационно-аналитической деятельности региональной администрации. Для этого используется метод структурно-функционального анализа, источником для которого послужили положения о структурных подразделениях информационно-аналитического блока администрации Костромской области. В ходе исследования сделаны выводы о функциональных направлениях, которые входят в информационно-аналитический блок региональной администрации; об отсутствии единой и целостной информационно-аналитической функции, которая по своему содержанию разделена на функцию информирования и аналитическую функцию; о многоуровневой структуре аналитической функции. Структурные изменения связаны как с влиянием внешней среды, так и с трансформацией внутренних целей и задач государственного управления регионом.

Ключевые слова: функция, региональное управление, администрация, информирование, анализ, структурное подразделение.

В науке административного права понятие «функция управления» является основополагающей и, в тоже время, нормативно не разработанной категорией.

Под функциями управления Д.Н. Бахрах понимает, прежде всего, более простые, специальные виды организационной деятельности, из которых состоит административное управление. Друг от друга функции отличаются непосредственной целью, содержанием, процедурами осуществления, используемой информацией. В то же время их объединяет конечная цель, единая информационная природа, организационное единство осуществляющего их субъекта [2, с. 178–180].

Ю.Н. Стариков под функцией управления понимает «конкретное направление управляющего <...> воздействия государственного управления на объект управления». Он выделяет функции государственного управления, функции органов исполнительной власти, управленческие функции органов представительной и судебной властей [5, с. 40–55].

Г.В. Атаманчук под функцией государственного управления понимает «конкретные виды управляющих воздействий государства, отличающиеся друг от друга по предмету, содержанию и способу сохранения либо преобразования управляемых объектов...» [1, с. 181]. Функции государственного управления тесно связаны с общественными функциями государства: если общественные функции государства раскрывают, в чём заключается его общественная природа и роль, то функции государственного управления показывают как, какими способами оно их осуществляет. Г.В. Атаманчук выделяет функции государственного управления и управленческие функции государственных органов.

Н.И. Глазунова под функциями органов государственного управления понимает конкретные виды

деятельности, производные от целей и задач государства: «Если цели и задачи ориентированы на конечный результат деятельности субъекта управления, то функция – на процесс достижения цели и решения задачи» [4, с. 125]. Исследовательница также разделяет друг от друга функции государственного управления и функции исполнительной власти. В рамках функций исполнительной власти она различает политические и административные функции: политические функции связаны с осуществлением органом власти государственной юрисдикции и правом издания нормативно-правовых актов, административные функции характеризуют орган власти как институт, осуществляющий функции по контролю и надзору за исполнением общеобязательных правил поведения, а также представляющий государственные услуги физическим и юридическим лицам [4, с. 128–131].

На проблему дихотомической связи функций и полномочий органов исполнительной власти обращают внимание Л. Бачило, М.А. Лапина, Д.В. Карпухин [3]. По их мнению, чтобы процесс управления состоялся, необходимы определённые условия, обеспечивающие качество управления, к которым они относят кадры государственной службы, функции и полномочия органов власти. Они считают, что функция государственного управления – это деятельность, указывающая на то, что и в какой области субъект управления делает, а полномочия субъекта управления – указатель того, каким образом и какими юридически значимыми действиями при реализации функций органы власти достигают ожидаемого результата [3, с. 14, 15]. Понятие «полномочие» по своей правовой природе является более узкой смысловой категорией, так как закрепляет специфический организационно-правовой инструментарий выражения воли субъекта управления от имени государственной власти,

посредством которого реализуются основные направления деятельности (функции) федеральных органов исполнительной власти [3, с. 18].

В целом можно согласиться с И.Л. Бачило, М.А. Лапиной и Д.В. Карпухиным в том, что «до сих пор в законодательной практике нет устойчивого понятия и правовых дефиниций “функции управления”, “функции государственного управления”, назначения и смысла самого концепта – “функция”» [3, с. 15].

На основе анализа научной литературы можно прийти к следующим выводам о сущностном содержании понятия «функция» и её назначении в управленческой деятельности: 1) функция – это определенное действие должностных лиц и органов власти; 2) функция является производной по отношению к целям и задачам государственного управления; 3) функциональная структура даёт представление о политическом режиме и форме государственного устройства; 4) раскрыть содержание деятельности органов власти можно путём исследования функциональной природы этой деятельности; 5) функции подразделяются на функции государственного управления и функции органов исполнительной власти; 6) организационная обособленность – важный признак развитой и значительной по объёму функции.

Сущность информационно-аналитической деятельности администрации региона можно исследовать при помощи функционального анализа. Были проанализированы положения о структурных подразделениях информационно-аналитического блока администрации Костромской области. В ходе проведения исследования использованы нормативные правовые акты, находящиеся в Государственном архиве Костромской области (ГАКО). Другой массив привлечённых нормативных правовых актов размещён в электронно-правовой системе «КонсультантПлюс» и на сайте администрации Костромской области. Во внимание приняты следующие критерии анализа: 1) уровень подчинения (губернатору – заместителю губернатора); 2) организационная форма структурного подразделения (отдел, центр, служба, комитет, управление, департамент); 3) штатная численность; 4) цели и задачи, поставленные перед структурным подразделением; 5) выполняемые функции.

В январе 1993 года Костромской областной Совет народных депутатов создал Центр социологических исследований, специалисты которого провели среди жителей области ряд социологических опросов, результаты которых опубликованы в областных газетах «Северная правда» и «Костромской край». В октябре 1993 года глава администрации Костромской области В.П. Арбузов распустил Костромской областной Совет народных депутатов, передав его функции администрации области до избрания новых представительных органов.

С целью информационно-аналитического обеспечения главы администрации области и структурных подразделений администрации в мае 1994 года создан информационно-аналитический центр на правах отдела в аппарате администрации [6].

Поскольку такого рода структурные подразделения органов исполнительной власти в регионах только формировались, интересно обратить внимание на три обстоятельства: во-первых, губернатор в постановлении о создании Центра рекомендовал главам администраций городов и районов ввести должность специалиста-социолога; во-вторых, Центр получил право заниматься выполнением хозяйственных научно-исследовательских работ для организаций и частных лиц, а полученные средства использовать на усовершенствование материально-технической базы центра; в-третьих, была предусмотрена возможность создания при Центре Учёного Совета, состоящего из научных и практических работников.

Разумеется, должности специалистов-социологов могли появиться только в тех местных администрациях, которые обладали для этого материальной и кадровой возможностью, например, в администрации города Костромы. Что касается договорных научно-исследовательских работ в интересах сторонних организаций, а уже тем более частных лиц, то такая функция противоречила самой природе органа власти, но была органичной для формирующихся в то время консалтинговых фирм. Идея общественного Учёного Совета при органе власти сама по себе очень интересная, она отражала романтический настрой интеллигенции первой половины 1990-х годов, но своего развития не получила. В целом всё это указывает на стремление региональной администрации привлечь научных работников для экспертного обоснования управленческих решений в быстро изменяющихся общественных отношениях того времени.

В 1996 году институциональная структура взаимоотношений федерального центра и регионов изменилась – регионы, а также города и районы получили право избирать своих руководителей. В декабре 1996 года в Костромской области впервые избирали главу администрации и глав местного самоуправления городов и районов. Глава администрации области В.П. Арбузов выборы проиграл, и к управлению регионом пришла новая администрация во главе с В.А. Шершуновым, для которого вопросы информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности оказались приоритетными.

Информационно-аналитический центр в апреле 1997 года был выведен из аппарата администрации области, на его основе создано информационно-аналитическое управление, подчинявшееся непосредственно главе администрации области [7]. Перед управлением были поставлены задачи про-

ведения аналитических работ, информационного обеспечения деятельности главы администрации области, обеспечение связи с политическими, общественными организациями, средствами массовой информации. К функциям аналитического характера отнесены: поиск, сбор, обработка и предоставление главе администрации экономической и социально-политической информации; изучение и анализ общественного мнения населения путём проведения социологических исследований, анализа материалов печатных и электронных средств массовой информации; по поручению главы администрации проведение социально-политических исследований. Информационно-аналитическое управление структурно состояло из пресс-службы, отдела социального анализа, отдела взаимодействия с общественными организациями с общей штатной численностью 11 единиц.

Необходимо отметить вновь зафиксированное (как и в случае с информационно-аналитическим центром) в положении (п. 4.3) право управления выполнять научно-исследовательские работы на договорной основе для организаций и частных лиц. Конечно, такой хозрасчёт совершенно не соответствовал назначению органа власти, был присущ коммерческой организации, вступал в противоречие с функциональной деятельностью управляющего делами администрации. В дальнейшем такое право не предоставлялось для последующих структурных подразделений информационно-аналитического характера.

По всей видимости, руководство информационно-аналитического управления не справилось с поставленными задачами, потому что уже в августе 1998 года пресс-служба была выведена из состава управления, а само управление упразднено [8].

В январе 1999 года на базе ликвидированного информационно-аналитического управления были созданы два структурных подразделения – Центр информационных ресурсов и системного анализа и Служба прогнозирования, стратегического планирования и взаимодействия с политическими, религиозными, иными общественными организациями [9]. Служба была введена в аппарат администрации, её штатная численность составила 6 единиц, структурно она состояла из аналитического отдела и отдела по взаимодействию с общественными и религиозными организациями. При этом необходимо отметить особенность её подчинения: при непосредственной подчинённости главе администрации области Служба была подконтрольна начальнику Центра информационных ресурсов и системного анализа, который осуществлял общее руководство работой Службы. В функционал Службы вошли такие направления деятельности, как поиск, сбор и обработка информации социально-политического характера, проведение социологических исследований, изучение и анализ деятель-

ности общественных и религиозных объединений, обеспечение взаимодействия с ними, подготовка аналитической информации и предложений.

Такая странная управленческая конструкция с двойным подчинением просуществовать долго не смогла, и уже в сентябре 1999 года Служба была переименована в Комитет по взаимодействию с общественностью, средствами массовой информации и социально-политическому анализу с штатной численностью 7 государственных служащих [10]. Комитет был переподчинён заместителю главы администрации по вопросам информатизации и взаимодействия с областной Думой, связям с муниципальными образованиями и общественными организациями. В новом комитете был создан отдел по работе со средствами массовой информации; аналитический отдел был переименован в отдел социально-политического анализа; введена должность председателя комитета-начальника отдела по взаимодействию с политическими и религиозными объединениями. Таким образом, в структуре комитета функционировали три отдела: отдел социально-политического анализа (2 шт. ед.), отдел по взаимодействию с общественными и религиозными объединениями (3 шт. ед.), отдел по работе со СМИ (2 шт. ед.).

В январе 2000 года два структурных подразделения – комитет по взаимодействию с общественностью, средствами массовой информации и социально-политическому анализу и управление по делам печати и массовой информации, – преобразованы в департамент по делам телерадиовещания, печати и массовой информации, фактической целью которого стала информационная подготовка к выборам главы администрации области в декабре 2000 года.

В декабре 2000 года на выборах главы администрации Костромской области победу вновь одержал В.А. Шершунов. В апреле 2001 года был создан департамент по связям с федеральными и региональными органами власти, общественными, политическими и религиозными организациями администрации Костромской области, который подчинялся непосредственно губернатору [11]. При анализе положения о департаменте не оставляет ощущение, что он создан был под конкретное лицо – М.А. Ионочкину, которая и стала начальником департамента. Ни до этого, ни после она не упоминается среди руководителей структурных подразделений администрации Костромской области.

В структуру департамента вошли отдел по взаимодействию с политическими и общественными организациями, отдел по взаимодействию с национально-культурными автономиями и религиозными организациями, информационно-аналитический отдел с общей штатной численностью 11 единиц. В качестве целевого ориентира департаменту определили «системное обеспечение кон-

структивного сотрудничества области с федеральными и региональными органами государственной власти, общественными, политическими и религиозными организациями в решении актуальных для Костромской области социально-политических проблем». Осуществление функций департамента предполагалось «в тесном взаимодействии с Департаментом по делам телерадиовещания, печати и массовой информации», но качественного и результативного взаимодействия не получилось, попытка отобрать пресс-службу у Департамента по делам телерадиовещания закончилась для нового департамента безрезультатно.

Просуществовал новый департамент недолго и с 1 ноября 2001 года был преобразован в два самостоятельных отдела аппарата администрации – отдел по взаимодействию с политическими, общественными и религиозными объединениями (3 шт. ед.) и информационно-аналитический отдел (5 шт. ед.) [12].

В сферу компетенции информационно-аналитического отдела вошли два блока вопросов: социально-политические проблемы и вопросы регионального управления [13]. По первому направлению отдел проводил мониторинг общественного мнения по социально-политическим проблемам, мониторинг сайтов в сети «Интернет» о тенденциях социально-политической ситуации в России и регионах, взаимодействовал с аналитическими службами органов власти, независимыми аналитическими учреждениями и организациями. Второй блок функций включал в себя информирование губернатора по вопросам регионального управления, оказание органам государственной власти и муниципалитетам методической помощи по вопросам регионального управления. Как ни странно это звучит, но в положении об информационно-аналитическом отделе не употреблялось слово «анализ», оно было заменено словами «информирование» и «мониторинг». Результатом реализации данных функций были доклады, аналитические и служебные записки, адресатом которых выступали губернатор и его заместители.

Губернатор в мае 2004 года провёл реорганизацию администрации области, и статус информационно-аналитического отдела был повышен до аналитического комитета, увеличилась штатная численность до 7 единиц [14]. Функциональные направления, намеченные в информационно-аналитическом отделе, нашли своё структурное закрепление в положении об аналитическом комитете. В аналитическом комитете были сформированы два отдела: отдел социально-политического анализа и отдел функционального анализа регионального управления. В сфере социально-политического анализа комитет выполнял такие функции, как разработка прогнозов и сценариев развития социально-политической ситуации в регионе, проведе-

ние социологических исследований для изучения общественного мнения, организация и проведение иных научных исследований в интересах администрации области. Сотрудники отдела функционального анализа регионального управления проводили анализ функционирования структурных подразделений администрации области, разрабатывали рекомендации по совершенствованию и повышению эффективности их деятельности, информировали губернатора и его заместителей о проблемах регионального управления, проводили социально-психологические исследования в структурных подразделениях администрации области. Результатами реализации функций аналитического комитета были предложения и рекомендации губернатору, его заместителям, информация, адресованная губернатору.

Направления деятельности аналитического комитета оказались созвучны тем изменениям, которые произошли во взаимоотношениях между федеральным центром и регионами – введение федеральных округов, отмена выборов губернаторов населением и введение процедуры их избрания законодательным органом региона по представлению президента РФ, проведение административной реформы и реформы местного самоуправления.

В декабре 2006 года из состава аналитического комитета был выведен отдел функционального анализа регионального управления, переименованный в отдел системного анализа и контроля деятельности исполнительных органов. Деятельность отдела была краткой по времени (до 3 апреля 2007 года), а функциональные направления определены в связи со стартовавшими в регионе мероприятиями по проведению административной реформы, а также ужесточением контроля со стороны губернатора за деятельностью исполнительных органов власти.

В апреле 2007 года аналитический комитет и отдел системного анализа и контроля деятельности исполнительных органов были преобразованы в управление контроля и административной реформы с подчинением руководителю аппарата [16]. В качестве целей деятельности определены организация контроля в администрации области и реализация мероприятий административной реформы. Контроль понимался как «обеспечение действенности принимаемых решений, реализации задуманных планов и нацеленности на практические результаты». В структуре управления создали два отдела: контрольно-аналитический отдел и отдел административной реформы, штатная численность государственных гражданских служащих составила 10 единиц. В функционал управления вошли такие вопросы, как разработка региональных концепций и программы по ключевым вопросам государственного управления, предложений и планов по проведению административной реформы, оптимизация структур и изменение штат-

ной численности исполнительных органов власти, ведение единого реестра полномочий, функций и государственных услуг органов исполнительной власти, разработка аналитических материалов по повышению эффективности принятия важнейших управленческих решений.

После трагической гибели губернатора В.А. Шершунова новым губернатором Костромской области назначили И.Н. Слюняева (2007–2012 гг.), у которого было своё представление о целях и задачах управления регионом.

В декабре 2007 года управление контроля и административной реформы было переименовано в контрольное управление администрации области, завершив тем самым процесс трансформации информационно-аналитических функций в сугубо контрольные. Функции по реализации мероприятий административной реформы были переданы управлению государственной службы и организационной работы администрации Костромской области.

Губернатор И.Н. Слюняев в 2009 г. преобразовал департамент по информационной политике в информационно-аналитическое управление, оставив его в своём непосредственном подчинении [15]. В положении об управлении среди многочисленных управленческих и организационных функций затерялась функция мониторинга и осуществления анализа по трём направлениям: общественного мнения по важнейшим социально-экономическим проблемам; состояния социально-политической ситуации; информационных потоков о деятельности губернатора, администрации и исполнительных органов власти в печатных и электронных средствах массовой информации. В структуре информационно-аналитического управления были созданы три отдела: отдел пресс-службы, отдел финансово-экономического и организационного обеспечения, аналитический отдел, с общей штатной численностью 23 единицы. Начальник управления непосредственно руководил работой пресс-службы и финансово-экономического отдела, аналитический отдел находился в подчинении у заместителя начальника управления. В целом можно говорить о снижении роли и значения аналитической деятельности в обеспечении деятельности губернатора и администрации области.

В 2012 году губернатор И.Н. Слюняев вошёл в правительство РФ в качестве министра регионального развития, а губернатором Костромской области назначили С.К. Ситникова. Он сохранил информационно-аналитическое управление, а в структуре аппарата администрации создал управление по вопросам внутренней политики, состоящее из двух отделов: отдела по взаимодействию с политическими партиями и общественными объединениями и отдела по взаимодействию с муниципальными образованиями [17]. Штатная численность управления сначала составляла

15 штатных единиц, а в 2015 году была увеличена до 19. Деятельность управления координирует и контролирует заместитель губернатора по вопросам реализации внутренней политики.

В ноябре 2014 года информационно-аналитическое управление из прямого подчинения губернатору было переведено под контроль заместителя губернатора по вопросам реализации информационной политики. Структура информационно-аналитического управления менялась неоднократно, но самым важным изменением было перераспределение обязанностей между начальником управления и его заместителем в мае 2015 года: организационно-аналитический отдел перешёл в непосредственное подчинение начальника управления, а отдел финансово-экономического и правового обеспечения понижен в статусе до сектора и переведен в ведение заместителя начальника управления. Такое перераспределение обязанностей по руководству внутри управления указывает на смещение акцентов с организационно-хозяйственной на информационно-аналитическую деятельность.

Таким образом, информационно-аналитическая деятельность администрации всегда занимала важное место, была структурно и организационно оформлена. Структурные подразделения информационно-аналитического блока находятся или в прямом подчинении губернатора и обладают самостоятельностью, или в составе аппарата администрации и подчиняются одному из его заместителей. Содержание информационно-аналитической деятельности зависит как от изменения внешней среды – политики федерального центра по отношению к регионам, так и от тех целей и задач по управлению регионом, которые ставит губернатор перед администрацией.

Информационно-аналитическая деятельность региональной администрации состоит из следующих функциональных направлений: 1) взаимодействие с общественными, политическими, религиозными организациями, национально-культурными автономиями, объединениями казачества; 2) социально-политический анализ; 3) взаимодействие с муниципальными образованиями и органами местного самоуправления; 4) взаимодействие со средствами массовой информации; 5) функциональный анализ регионального управления.

Информационно-аналитическая функция по своему содержанию не является единой и целостной, в практической деятельности она разделена на функцию информирования и аналитическую функцию.

Аналитическая функция имеет многоуровневую структуру и включает в себя отраслевой анализ; социально-экономический анализ; социально-политический анализ; функциональный анализ деятельности структурных подразделений региональной администрации.

Библиографический список

1. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. – М.: Омега-Л, 2004. – 584 с.
2. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право. – М.: Норма, 2008. – 816 с.
3. Бачило И.Л., Лапина М.А., Карпухин Д.В. Методология систематизации функций и полномочий в системе федеральных органов исполнительной власти // Государство и право. – 2016. – № 3. – С. 12–22.
4. Глазунова Н.И. Государственное (административное) управление. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 560 с.
5. Общее административное право: учебник: в 2 ч. / под ред. Ю.Н. Старилова. – Ч. 1. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. – 760 с.
6. Постановление главы администрации Костромской области от 6 мая 1994 г. № 327 «О Положении об информационно-аналитическом центре администрации области» // Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. Р-1496. – Оп. 1, т. 1. – Д. 182. – Л. 68–71.
7. Постановление главы администрации Костромской области от 8 апреля 1997 г. № 228 «Об информационно-аналитическом управлении администрации области» // ГАКО. – Ф. Р-1496. – Оп. 1, т. 1. – Д. 565. – Л. 106–111.
8. Постановление главы администрации Костромской области от 19 августа 1998 г. № 517 «О ликвидации Информационно-аналитического управления» // ГАКО. – Ф. Р-1496. – Оп. 1, т. 1. – Д. 772. – Л. 83–84.
9. Постановление главы администрации Костромской области от 12 января 1999 г. № 10 «О создании Центра информационных ресурсов и системного анализа» // ГАКО. – Ф. Р-1496. – Оп. 1, т. 1. – Д. 978. – Л. 98–107.
10. Постановление главы администрации Костромской области от 29 сентября 1999 г. № 428 «О внесении изменений в структуру аппарата главы администрации области» // ГАКО. – Ф. Р-1496. – Оп. 1, т. 1. – Д. 993. – Л. 233–239.
11. Постановление губернатора Костромской области от 2 апреля 2001 г. № 129 «О департаменте по связям с федеральными и региональными органами власти, общественными, политическими и религиозными организациями администрации области» // ГАКО. – Ф. Р-1496. – Оп. 1, т. 1. – Д. 1462. – Л. 5–12.
12. Постановление губернатора Костромской области от 29 октября 2001 г. № 440 «О преобразовании департамента по связям с федеральными и региональными органами власти, общественными, политическими и религиозными организациями администрации Костромской области» // ГАКО. – Ф. Р-1496. – Оп. 1, т. 1. – Д. 1478. – Л. 288–291.
13. Постановление губернатора Костромской области от 24 декабря 2002 г. № 516 «Об информационно-аналитическом отделе администрации Костромской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2018).
14. Постановление губернатора Костромской области от 20 июля 2004 г. № 442 «Об аналитическом комитете администрации Костромской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2018).
15. Постановление губернатора Костромской области от 25 августа 2009 г. № 177 «Об информационно-аналитическом управлении Костромской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2018).
16. Распоряжение губернатора Костромской области от 3 апреля 2007 г. № 532-р «Об управлении контроля и административной реформы администрации Костромской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase> (дата обращения: 20.02.2018).
17. Распоряжение губернатора Костромской области от 8 апреля 2013 г. № 258-р «Об управлении по вопросам внутренней политики администрации Костромской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adm44.ru/power/oblast/structura/index.aspx> (дата обращения: 20.02.2018).

References

1. Atamanchuk G.V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya. – M.: Omega-L, 2004. – 584 s.
2. Bahrah D.N., Rossinskij B.V., Starilov YU.N. Administrativnoe pravo. – M.: Norma, 2008. – 816 s.
3. Bachilo I.L., Lapina M.A., Karpuhin D.V. Metodologiya sistemativizacii funkcion i polnomochij v sisteme federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti // Gosudarstvo i pravo. – 2016. – № 3. – S. 12–22.
4. Glazunova N.I. Gosudarstvennoe (administrativnoe) upravlenie. – M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2004. – 560 s.
5. Obshchee administrativnoe pravo: uchebnik: v 2 ch. / pod red. YU.N. Starilova. – CH. 1. – Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2016. – 760 s.
6. Postanovlenie glavy administracii Kostromskoj oblasti ot 6 maya 1994 g. № 327 «O Polozhenii ob informacionno-analiticheskom centre administracii oblasti» // Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti (GAKO). – F. R-1496. – Op. 1, t. 1. – D. 182. – L. 68–71.
7. Postanovlenie glavy administracii Kostromskoj oblasti ot 8 aprelya 1997 g. № 228 «Ob informacionno-analiticheskom upravlenii administracii oblasti» // GAKO. – F. R-1496. – Op. 1, t. 1. – D. 565. – L. 106–111.
8. Postanovlenie glavy administracii Kostromskoj oblasti ot 19 avgusta 1998 g. № 517 «O likvidacii

Информационно-аналитического управления» // ГАКО. – F. R-1496. – Op. 1, t. 1. – D. 772. – L. 83–84.

9. Postanovlenie glavy administracii Kostromskoj oblasti ot 12 yanvarya 1999 g. № 10 «O sozdanii Centra informacionnyh resursov i sistemnogo analiza» // ГАКО. – F. R-1496. – Op. 1, t. 1. – D. 978. – L. 98–107.

10. Postanovlenie glavy administracii Kostromskoj oblasti ot 29 sentyabrya 1999 g. № 428 «O vnesenii izmenenij v strukturu apparata glavy administracii oblasti» // ГАКО. – F. R-1496. – Op. 1, t. 1. – D. 993. – L. 233–239.

11. Postanovlenie gubernatora Kostromskoj oblasti ot 2 aprelya 2001 g. № 129 «O departamente po svyazyam s federal'nymi i regional'nymi organami vlasti, obshchestvennymi, politicheskimi i religioznymi organizacijami administracii oblasti» // ГАКО. – F. R-1496. – Op. 1, t. 1. – D. 1462. – L. 5–12.

12. Postanovlenie gubernatora Kostromskoj oblasti ot 29 oktyabrya 2001 g. № 440 «O preobrazovanii departamenta po svyazyam s federal'nymi i regional'nymi organami vlasti, obshchestvennymi, politicheskimi i religioznymi organizacijami administracii Kostromskoj oblasti» // ГАКО. – F. R-1496. – Op. 1, t. 1. – D. 1478. – L. 288–291.

13. Postanovlenie gubernatora Kostromskoj oblasti ot 24 dekabrya 2002 g. № 516 «Ob informacionno-

analiticheskom otdele administracii Kostromskoj oblasti» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/regbase> (data obrashcheniya: 20.02.2018).

14. Postanovlenie gubernatora Kostromskoj oblasti ot 20 iyulya 2004 g. № 442 «Ob analiticheskom komitete administracii Kostromskoj oblasti» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/regbase> (data obrashcheniya: 20.02.2018).

15. Postanovlenie gubernatora Kostromskoj oblasti ot 25 avgusta 2009 g. № 177 «Ob informacionno-analiticheskom upravlenii Kostromskoj oblasti» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/regbase> (data obrashcheniya: 20.02.2018).

16. Rasporyazhenie gubernatora Kostromskoj oblasti ot 3 aprelya 2007 g. № 532-r «Ob upravlenii kontrolya i administrativnoj reformy administracii Kostromskoj oblasti» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/regbase> (data obrashcheniya: 20.02.2018).

17. Rasporyazhenie gubernatora Kostromskoj oblasti ot 8 aprelya 2013 g. № 258-r «Ob upravlenii po voprosam vnutrennej politiki administracii Kostromskoj oblasti» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.adm44.ru/power/oblast/structura/index.aspx> (data obrashcheniya: 20.02.2018).

SUMMARY

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL SCIENCES

Svetlana A. Kurochkina

*The Department of Conservation, Usage and Protection
of Objects of Cultural Heritage, Ministry of Culture,
Media and Ethnic Affairs of the Republic of Mari El,
the City of Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia
kurochkina-sveta@bk.ru*

One of the forms of glazed red clay ceramics of Selitrennoye site of ancient settlement

The article is devoted to a product of unusual shape, which was found on Selitrennoye site of ancient settlement. It is a goblet cup, dated back to the 14th century. The bowl is made at the 6th to 7th level of the pottery circle. The body has a hemispherical form with vertical "spoons"; the crown is undulated; the stuck-on pallet stem is conic inside and has a roller on its outer side. Ornament covers all inner surface of the goblet cup. It reaches the middle part of the body's height. The ornamental design is engraved by wide and thin lines on the bright engobe. Inner and almost all outer sides of earthenware's surface are covered in dark-green glaze. Ornament has concentric composition consisting of five ornamental zones on the outer side of the goblet cup. On the basis of technological and morphological features the goblet cup of Selitrennoye site of ancient settlement is related to the second group of potteries that produced glazed and unglazed ceramics. The master who made it worked under the influence of the Byzantine-Pontic traditions.

Keywords: Selitrennoye site of ancient settlement, ceramic manufacturing, red clay glazed ceramics, engraved ornament, goblet cup.

Svetlana B. Chernetsova

*Russian Geographic Society department in the City of Yaroslavl
ch-sb@yandex.ru*

Aleksandra A. Andreyeva

*Demidov Yaroslavl State University
goland5@yandex.ru*

Limestone carved cross from the hamlet of Orlets – little known tombstone of medieval scabbling art of the Upper Volga

The article is devoted to the previously unknown medieval carved white stone cross, which was originally kept in the gone wooden chapel of the hamlet of Orlets, Krasnoselsky district, Kostroma province. According to legend, the cross sailed itself "against the current" of the Volga River. In the 20th century, the unique monument was kept in the village of Gustomesovo, Kostroma Region, and now it is kept in the temple of St. Tikhon of Lukh, in the town of Volgorechensk of Kostroma Region. The authors make an attempt to characterise the technology of making and decorating the monument. This article describes the circle of related stories, the way of life and the functional purpose of the cross. The article also examines a rare sample of the late medieval epigraphy found on the cross. The study of the inscriptions on the cross is an important stage in the exploration of this sacred object, because

it can contribute to further clarifying the chronology of its creation and the "miraculous" finding.

Keywords: local history, stone crosses, religious customs, traditional culture.

Svetlana L. Zyablova

*Kostroma State University
sz44@inbox.ru*

The origin of the jewellery industry of the village of Krasnoye in the second half of the 17th – the late 19th centuries

The article attempts to show the history of the jewellery industry of the village of Krasnoye in the historical, socio-cultural and educational context. We describe the landmark historical moments of the birth of the craft, the first stages of progress, the first cooperative, the emergence of a jewellery apprenticeship. The article refers to the close apposition of Kostroma line of silver business with Moscow Armoury, to the merchants, to patrons of art, to jewellery exhibition-fairs, which imparted glory to Krasnoye crafts throughout Russia and abroad. The author proves that it is possible to find out and to trace origin and development of jewellery industry only by means of the analysis of that historical era, of social and economic changes and by close connection of jewellery production with extensive heritage of Russian visual art of Kostroma land. The author considers full name index of Krasnoye hallmarks on products made of silver, and vocabulary and the lists of Krasnoye craftsmen of the 18th and the 19th century to be worth being exhibited in the collections of Kostroma historical-architectural Museum-reserve; she also mentions work of Krasnoye craftsmen in Moscow Armoury after the "justifying testimonials"; involves the materials of the jewellery trade, which has been existing for ages – since the period of formation of feudal relations and even the Slavic paganism period.

Keywords: Russian jewellery art centre, jewellery craft, folk traditions, handicraft, silver craft, handicraftsmen's production and equipment technique, assay office, art and craft training workshop.

Oksana S. Mutiyeva

*Dagestani State University of National Economy,
the City of Makhachkala, Dagestan autonomy, Russia
mutiewa.oksana@yandex.ru*

Experience of participation of Dagestani women in holding battles of the Caucasian War

The questions connected with participation of the Dagestani women in military actions of the Caucasian War are investigated. A study of the sources revealed that women took part in holding battles during the siege of Gimry, Ashil'ta, Argvani, Akhulgo, Teletl', Gergebil', Khunzakh, Salta, Chokh, Gunib. Guided by objective reasons, Imam Shamil and his supporters often gave up Islamic dogmas. The large combat losses of the mountaineers forced Shamil to initiate the participation of women in battles, issuing a special de-

cree authorising armed women to take part in holding battles. In the besieged auls, women not only showed steadfastness and courage, put up fierce resistance to the enemy, but also morally influenced men. It is concluded that, despite the fact that war occupation was exclusively male, the objective conditions caused by the military factor contributed to the direct participation of women in holding battles.

Keywords: Caucasian War, Dagestan, woman, female patriotism, holding battles, siege of auls, armed women.

Sergey P. Koval'

*Ivanovo State University
petrovitsch17@mail.ru*

Pyotr N. Konovalenko

*Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia
firemankpn@mail.ru*

Historical experience and the influence judicial reform 1864 on Russian society and the state

The article analyses the results of the judicial reform of 1864 in Russia. The contradiction of the principles and institutions of Judicial statutes of 1864 to the essence of autocracy is revealed. The views and opinions on the content of judicial reforms in the second half of the 19th century in Russia are investigated. Special attention is paid to the constitutional nature of these transformations. The authors examine the process of judicial reform in Russia and come to the conclusion that the understanding of the principles and institutions of judicial reforms must be accompanied by an analysis of their application. Attention is drawn to the fact that the judicial reform of 1864 attracted the attention of not only historians of law, but also representatives of the branch of legal Sciences. The article concludes that the judicial reforms of 1864 should be considered in connection with the policy of the Russian autocracy, and the new courts – in accordance with other state institutions that existed at that time.

Keywords: judicial reform of 1864 in Russia, Judicial statutes of 1864, judicial transformations of second half of 19th century in Russia, Russian autocracy, constitutionalism, judicial counter-reform, Russian statehood.

Vladimir V. Fortunatov

*Emperor Alexander I St. Petersburg State University
of Communication Lines
elena.fortunatov@mail.ru*

Yekaterina E. Platova

*Emperor Alexander I St. Petersburg State University
of Communication Lines
eplatova@mail.ru*

Turning point in the life of Russia's unique testimonies of Petersburg Professor Aleksandr Brandt

The article presented interesting observations, reflections of Aleksandr Andreyevich Brandt who was the famous scientist in the field of power engineering, Professor and Rector of Petersburg Institute of Communications Engineers named after Emperor Alexander I; those events became a turning point for many

Russians, for the entire country. Memories, written and published by Aleksandr Brandt in emigration in Yugoslavia, are undeservedly little used by historians, who are all interested only why there was a revolution in Russia. Aleksandr Brandt was an active member of the Constitutional Democrats (K-D), witness and participant of many events, a member of the Pre-Parliament (Council of the Republic) in the autumn of 1917. In this article, the attention of readers is drawn to a number of extremely interesting plots of memoirs of the venerable professors, who had an independent, ironic point of view at what happened in St. Petersburg, in Russia as a whole. Aleksandr Brandt met with Grigori Rasputin, and with other famous people. Readers will spare no memories of the time spent.

Keywords: emigration, February Revolution, Union of Russian People, Constitutional Democratic Party, Petersburg Institute of Communication Lines. engineers, Bolshevik Party, Ministry of railways, Crimea.

Mikhail A. Shirshov

*Altai State Pedagogic University, the City of Barnaul
mih.shirshof@yandex.ru*

IV Siberian corps in the Russian-Japanese war of 1904–1905 (battle on the Shahe River from September 22 to October 4, 1904)

On the basis of a wide range of sources, the article examines the participation of the IV Siberian corps in the battle on the Shahe River from September 22 to October 4, 1904. We reveal the number and composition of the corps, the specifics of its formation on the basis of reserve units in the Siberian military district. The author reflects on the peculiarities of conducting defensive combat with housing units on the unprepared positions in the face of considerable superiority of the enemy in force, as well as on the peculiarities of the actions of individual regiments in offensive operations. Special attention is paid to the combat losses of the IV Siberian corps and their impact on the outcome of individual episodes of the battle.

Keywords: Russo-Japanese War, Manchurian army of Siberian military district, IV Siberian corps, reserve military ranks, defensive positions, Siberians, combat losses.

Ivan Ye. Strel'tsov

*Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University
dr.strel'tsov2017@yandex.ru*

State of the means of naval intelligence of the Baltic Fleet at the beginning of the World War I

This article examines the problem of organising reconnaissance assets in the Baltic Fleet at the beginning of the World War I. A detailed description of the state of the agency, observation service, air and radio reconnaissance in the fleet at the beginning of the war is given. The effectiveness of reconnaissance in the Naval General Staff was not taken seriously enough. However, when the first intelligence information began to arrive at the headquarters about the movement of enemy ships in the Baltic Sea, the command of the

fleet seriously realised the whole need for organising reconnaissance activities, i.e. obtaining complete reliable information about the enemy plans, on the movement of its ships. In the end, the author comes to the conclusion that the training and technical equipment of the reconnaissance assets at the disposal of the fleet did not satisfy the requirements of wartime.

Keywords: World War I, Baltic Fleet, naval intelligence, aerial reconnaissance, communications service, Maritime General Staff, radio reconnaissance.

Yelena F. Tomina
Orenburg State University
teador17@yandex.ru

Agronomic activity of Orenburg Zemstvo in the period from 1913 to 1917

The article is devoted to the complex study of the agricultural activity of Orenburg Zemstvo from 1913 to 1917. The agronomic service, provincial Zemstvo, district Zemstvo units, agricultural societies and cooperative institutions held various activities for the development of agriculture in the Orenburg land. The author gives a generalised description of the most important activities in the field of agronomy: the spread of agricultural knowledge; the device of indicative fields and areas; gardening, beekeeping; the creation of rolling and grain cleaning points; the development and organisation of handicrafts; pest control; measures for animal husbandry and about the organisation of veterinary medicine. The agronomic activity of Orenburg Zemstvo made a significant contribution to the development of agriculture of Orenburg Province, but many of the planned activities could not be performed completely because of the outbreak of the World War I and the Russian Civil War.

Keywords: Orenburg Zemstvo, agricultural activities, Zemstvo Assemblies, animal husbandry, veterinary medicine.

Ol'ga B. Pankratova
Kostroma State University
pankratova_olga@ksu.edu.ru
Sergey S. Pisanov
Kostroma State University
gbcfyjd@mail.ru

Disfranchisement policy with regard to peasants in the 1920s–30s and its consequences

The article deals with the policy of the Bolsheviks against the peasants – disfranchisement. One of the consequences of this policy was family abandonment as some abandoned their relatives for the sake of further opportunity to arrange their life in the Soviet society. Belonging to the family of ones or one deprived of civil rights virtually meant disability, too. Therefore, the most sinful way to achieve life without a label stuck on is to abandon one's kinship and relations with the family. The Bolshevik rural policy actually undermined peasant family traditions and ancient foundations and the result was sad. The initiated class struggle in order to identify the "friendly troops" and the "hostile troops", deterioration of peaceful country-

side life was one of the first hardship in a long process of peasants' depopulation in Russia.

Keywords: suffrage, legal operation of disfranchisement, social class policy, family abandonment, the destruction of family ties, peasants' depopulation.

Valentina A. Sel'skaya
Yaroslavl State Medical University
valentis59@mail.ru

Culture and lifestyle of Yaroslavl workers, during the period of industrialisation

The article is devoted to the complex research of culture and life of workers of Yaroslavl rubber-asbestos plant during its construction and the first years of work (1920-1930). The author traced the process of changing the cultural and everyday level of workers and sought to find the reasons for this change. The study revealed poor living conditions at the beginning of the construction of the plant: the lag in the pace of housing construction needs, overcrowding and cold in the barracks, the lack and shortage of bedding, utensils, food. The same period was characterised by low culture of workers. After the construction of the plant, the cultural and household living standards of workers increased. A fundamental change in the culture and life of workers was due to the increase in their material well-being, the construction of cultural and household facilities and other measures taken in this direction.

Keywords: history, culture, way of life, worker, Yaroslavl rubber-asbestos plant, education, housing, bath, kitchen factory, Yaroslavl.

Marina A. Klinova
State Economic University of the Urals, the City of Yekaterinburg
klinowa.m@yandex.ru

Organised hiring of labourers: methods and the results of the decision of personnel problems in the second half of the 1940s

The article considers the specifics of functioning of the system of organised recruitment of the labour force in the second half of the 1940s. The task of increasing the industrial proletariat was solved by bringing the rural population. To attract peasants to the industry, they were granted tax exemptions, one-time cash payments, material allowances. The drawbacks of the system of organised recruitment of workers included: a high level of staff turnover, fraud recruiters, recording and distortion of data, at the level of enterprises and ministries. Despite these shortcomings, the system of organised recruitment helped to address the shortage of workers in the Soviet industry in the early post-war years. Changes in the economic situation in the country in the 1950s led to a decrease in the demand for unskilled labour in the economy and, consequently, to a decrease in the number of workers recruited through organised recruitment.

Keywords: organised recruitment, 1940s, USSR, labour mobilisation, personnel problem.

Yuriy S. Nikiforov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
mkishhenkov@yandex.ru*

Mikhail S. Kishchenkov

*Yaroslavl State Agricultural Academy
nikifor2108@yandex.ru*

Viktor V. Tatochenko

*Yaroslavl Higher Military School of Air Defence
tatochenko.84@mail.ru*

The context of interaction between the regions of the Upper Volga region and the centre in the era of the post-Stalinism "thaw" through the prism of historiography, archival documents and historical memory

This article deals with the interaction of the regional elite of the Upper Volga region with the central authorities in the era of Nikita Khrushchev. On the basis of archival materials, published sources, as well as historiographic material, the stages of functioning of regional Communist Party and economic elites are distinguished in the conditions of incessant reforms. On the one hand, the evolution and values of the regional elite is ascertained: from the approval of Nikita Khrushchev to hidden discontent the first secretary of the Soviet Union Communist Party Central Committee, which became one of the reasons for the resignation of Nikita Khrushchev. On the other hand, the article concludes that the ill-considered administrative reforms of the "thaw" period led to a request from the local nomenclature for stability, which was implemented during the era of Leonid Brezhnev.

Keywords: regional elites, USSR, communicative practices, archival documents, historical memory, Soviet province, late socialism, lobbyism.

Igor' D. Frolov

*Russian State University for the Humanities, Moscow
igor93frolov@mail.ru*

Ratio of the first and second demographic transition in the world as a factor of the migration crisis in the European Union

This article examines the aspect of population reproduction in the European Union, as well as in the Middle East and North Africa, which has become one of the catalysts of the migration crisis in the EU. The author uses the concept of the Second Great migration of the peoples of Professor Valentina Zhiromskaya for the most detailed analysis. In accordance with this theory, developed and developing countries are at different stages of the demographic transition. The times of the European colonial era, marked for Europe by a critical increase in the population in the first phase of the "transition", have been replaced by a modern, second phase, characterised by the ageing of the inhabitants of the region and a decrease in the indigenous population. Thus, there is a process of the so-called Second Migration Period, in which the European continent is not a donor of migrants, as it was before, but their recipient.

Keywords: European Union, Middle East, North Africa, Second Migration Period, demographic transition, migration.

Anna S. Stoletova

*Vologda State University
stoletova-a-s@yandex.ru*

Activity of the writer Sergey Vikulov in the aspect of development of Vologda literary school of the period 1950s–1960s

This article describes the contribution of the writer Sergey Vikulov in the formation of Vologda regional branch of the Union of Writers of the RSFSR. The role of the head of the writer's organisation in the development of the themes of works and cultural mass work, the process of rallying the representatives of Vologda literary school of rural writers. Particular attention is paid to the aspect of strengthening the link between literati and workers, the need for personal observation and attraction to the immediate presence of writers in the countryside, the designation in works of crisis phenomena in the evolution of the collective farm and state farm and the breakdown of the traditional peasant way of life. It is shown that the responsible secretary of the Writers' Section had a positive impact on the writers through the publication of articles highlighting their creative growth. The participation of Sergey Vikulov in resolving the problem of providing housing to members of the writers' association is traced. The text concludes that the figure of Sergey Vikulov occupies a significant place in the process of collecting the literary forces of Vologda Region and the cultural space of the Russian North.

Keywords: Vologda Region, culture, reader, writer, writers' organisation, Vologda branch of Union of Writers, "rural prose".

SCIENCE OF LITERATURE

Yuriy V. Lebedev

*Kostroma State University
y.v.lebedev@yandex.ru*

"A Sportsman's Sketches" in German artistic idea of the 2nd half of the 19th century (Commemorating Ivan Turgenev's 200th birth anniversary)

The German literary critics's assessment of the first mid-19th century translations of "A Sportsman's Sketches" by Ivan Turgenev are investigated in the article. It is proved that reproaches for artistic incompleteness of separate works which the book includes, demonstrate not only bias of the German criticism connected with aesthetic directives of "poetic realism", but also originality of Ivan Turgenev's plan misunderstood by his contemporaries both in Russia and abroad. What is behind incompleteness of the stories "Sketches" include, is special integrity of the book which consists of separate objects only relatively complete, rather than weakness Ivan Turgenev's critics fancied they saw. The short stories' composite friability is far from being accidental; on the contrary, it is deeply substantial: with its help, the short stories' figurative worlds virtually envelop each other. Ivan Turgenev creates a holistic work "fragments" of which the short stories are; they submit to artistic design of the book in general.

Keywords: collection of short stories, poetical realism, emulation with transfiguration, fragmentariness vs integrity.

Galina I. Romanova
Moscow City University
galinroma@mail.ru

Mythologeme of water in Ivan Turgenev's story "Torrents of Spring"

The article dwells on the water element as a landscape motif and a verbal image of a realistic picture given in the story "Torrents of Spring" by Ivan Turgenev. The repetition in a number of Ivan Turgenev's works of the word water and its synonyms allows us to speak of it as the basis of the tropes. Streams, jets, unstoppable waves, dull shore are quite recognisable series of the romantic imagery. The metaphorical and romantic layer of meanings associated with the water element does not exhaust the content of water image, due to the deep subtext of Ivan Turgenev's prose. Likening the life of a dangerous water element in different metaphors, sounding in the story, unfolds in the climax of the episode in a mythical story, reminiscent of the totemic rituals of initiation. The emphasis on the psychological emotions which are associated with the water element, on the contrary, recalls of the archetypal universality.

Keywords: Ivan Turgenev, myth, mythologeme, water, landscape, mythopoetic relationships, story, motif.

Anna A. Fedotova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
gry_anna@mail.ru

Nikolai Leskov's historical essays poetics

The article is devoted to the analysis of the communicative aspects of N. Leskov's poetics. Leskov's historical essays "Herod's Affair" (1882) and "Russian Doers in the Ostsee Land" (1882) are complex artistic unities, based on a dialogue of several texts. When working with archival materials, the writer actively addresses the methods of creating fictional works. Applying modern methods of text analysis, the author of the article reveals that Nikolai Leskov resorts to the principles of narrativisation, contextualisation and dialogisation of pretexts, organising his essays as open textual systems, the semantic and style originality of which is the result of the interaction of several discourses. The article also analyses the current issues of Nikolai Leskov's organisation of dialogue with the reader, reveals narrative and linguistic ways of activating readers' attention. The article concludes that, when using historical sources, Nikolai Leskov chooses a strategy of not exact reproduction, but a paraphrase: the writer expands the original text of the reduction and introduces into the essays a new material that is absent in the pretext.

Keywords: Nikolai Leskov, Russian prose, publicism, historical discourse, narrative, intertextuality.

Irina A. Ovchinina
Ivanovo State University
ovchn@yandex.ru

Irina A. Khromova
Ivanovo State University
khromova54@mail.ru

Opera Libretto "The Power of the Fiend" by Alexander Ostrovsky (on the history of the text)

The article considers the new sources of the libretto by Alexander Ostrovsky to the Alexander Serov's opera "The Power of the Fiend" giving the chance to detail the history of its creation. The draft manuscript of the libretto (1867) from the Institute of Russian Literature (Pushkin House) as well as the manuscript by Alexander Serov being the letter with the corrections of the IV act of the libretto were read and analysed for the first time. The text by the playwright in Alexander Serov's manuscript shows the evident drawbacks in the opera libretto published by Fyodor Stellovsky in 1871. The actual task of the research is the preparation of the text of the opera scenario for the scientific edition of the Complete edition of Alexander Ostrovsky's works and letters being prepared. The acquaintance with the named manuscripts gives the idea of the playwright's plot from the beginning of his work and of its transformation after the change in the composition of the libretto by Alexander Serov in 1868.

Keywords: manuscript, edition, source, libretto, text, song, drama.

Vladimir V. Tikhomirov
Kostroma State University
vtihom@mail.ru

An example of polemic opposition (Mikhail Saltykov-Shchedrin and Nikolay Strakhov)

The absolute mutual rejection and opposition of social and literary views (opinions) of the Russian satirical writer and genius Mikhail Saltykov-Shchedrin and the well-known literary critic and national ground ideologist Nikolay Strakhov is a demonstration episode of the complex and contradictory situation in the Russian literary process of the second half of the 19th century. Mikhail Saltykov-Shchedrin was well with the Russian radical democracy circles, he was on the side of accusatory movement in the Russian literature, while Nikolay Strakhov was against satirical literature and democratic ideology, he was a convinced orthodox thinker. They both turned out to be absolutely intolerant to each other's opinions about the principal tendencies in the Russian literature development. They never tried to understand the main points and motives of each other, as they were representatives of different views. That was characteristic of that epoch of literary life.

Keywords: opposition of literary and social position, ideology, aesthetics as manifestation of epoch's literary milieu.

Tat'yana B. Perfilova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
m.novikov@yspu.org*

Mikhail B. Novikov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
m.novikov@yspu.org*

**Myth and myths formation issue
in Fedor Buslaev's investigations
of the 2nd half of the 19th century**

This article is devoted to one of the aspects of extensive creative heritage of the great Russian scientist Fedor Ivanovich Buslaev. The second stage of his scientific activity when Fedor Buslaev focused research activity on myths formation process clarification based on "lingual-mythological thinking" is considered in the article. Rejecting the simplified views of the Russian experts in mythology, he addresses the works of the European adherents of comparative linguistics school which was based by Jacob Ludwig Carl Grimm, these include Franz Felix Adalbert Kuhn, Wilhelm Schwartz, Friedrich Max Müller. Critical analysis of their scientific achievements in the field of nature mythology partly accepted and approved by him is adduced in the article. It is noted that Fedor Buslaev nevertheless realised limitation of "nature mythology" concept offered by them, and he was not satisfied with randomness of myths' plots interpretations. It is emphasised that, having refused unilateral approaches of nature mythologists, what Fedor Buslaev added to his own ideas (to which he arrived when he was a young man, i.e. about essence of the myth, of mainly lingual-psychological character), were the new ideas based on cultural-historical and ethnographic approaches as well as the positivistic strategy of knowledge.

Keywords: myth, myths formation, mythological consciousness, mythological discourse, nature-mythologists, "nature mythology", Vedas, Indo-Europeans, linguistic paleontology, comparative linguistics.

Irina A. Yedoshina

*Kostroma State University
tettixgreek@yandex.ru*

**Culture philosophy of the Russian Apocalypse:
Fedor Buslaev and Vasily Rozanov**

The text "The Apocalypse of Our Time" by Vasily Rozanov is considered in the article in the aspect of Kulturphilosophie (term by Adam Heinrich Müller) which assumes unity of essence and value of any phenomenon of life, and in this case, literary work. Impact of the personality and works of Fedor Buslaev on Vasily Rozanov in general and in particular, on some artistic features in "The Apocalypse of Our Time" is established by the author. The essential aspects in the research of Apocalypses on the Russian icons come to light, figurative language of the research which adequately reflects the artistic part of images is noted. The significant role of the Imperial Moscow University is emphasized; on the one hand, the role consisted in formation of the identity of students, and on the other hand, in results of this formation – in appearance of revolutionaries. The sharp criticism by Vasily

Rozanov of being of Christianity in its Russian assimilation is noted: ideology was substituted for religion.

Keywords: Culture philosophy, Apocalypse, image on icon, artistic text, university, dramatic nature of Russian history.

Aleksandr S. Vlasov

*Kostroma State University
asvlasov74@mail.ru*

**"...And God's Spirit was hovering over
the surface of the waters..." (marine symbolism
in Anton Chekhov's story "The Duel")**

The article analyses the marine leitmotif in Anton Chekhov's story "The Duel". It reveals the symbolic connotation of the several marine images and associations. The initial episode of the first chapter of the story initiates the fateful/salutary occasion's theme which is virtually destined to become the most important in "The Duel". The analysis of the final episode of chapter XVI, where the sea is mentioned in connection with the beginning of the storm, and the sea associations in chapter XVII clarify the true meaning of the "duel" storyline. Special attention is paid to chapter XVIII which contains an extremely significant allusion conjugated with the marine image in the general contest of the Old Testament. The author comes to the conclusion that the sea in "The Duel" is spiritual force of nature. It is the embodiment of naturalness, a symbol of the unconditional truth the story personages' different actions, words and thoughts are correlated with.

Keywords: Anton Chekhov, story "The Duel", theme of nature, marine symbolism, leitmotif, image, invariant.

Yelena A. Bazhanova

*Kazan Federal University, the City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
helene.bazhanova@gmail.com*

**Retrospection and its impact on understanding
of Vladimir Nabokov's novel "Mary"**

This article is devoted to the topical problem of studying retrospection in a work of art. The author generalises knowledge about Time in the literature, draws attention to possible approaches for studying retrospection at the novel "Mary" by Vladimir Nabokov as an example. The author offers studying of the novel's finale through the prism of retrospection using object-oriented analysis methodology. An important observation in the course of this analysis was the definition of the main and secondary characters (objects). Characters or objects can be called "main ones" only if they change the state of the main character (object). Thus, the secondary objects, selected by the researcher, contrast sharply with those that could be distinguished by another method of studying the reversibility of Time in the novel. The proposed approach will be interesting to both literary critics and specialists in communication theory.

Keywords: Time, retrospection, finale, object, object state, novel, Vladimir Nabokov.

Natal'ya S. Grunina

*Gorky World Literature Institute, Moscow
nataliagrunina17@gmail.com*

**The Malay myth of dynasty origin
in "Hikayat Seri Rama"
of the 14th—16th centuries:
Rama and Sita as the personification
of ideal rulers**

This article speaks on the question how the perception of Rama and Sita, the main heroes of the Indian ancient epic poem "Ramayana", was changed during the period of early Malay Muslim literature of the 14th—16th centuries. The article is mainly focused on the crucial element in literature of this period – the Malay myth of origin. The structure of this myth is analysed on the example of "Hikayat Seri Rama", the Malay version of "Ramayana". By comparing and finding the similar plots in the literary works of the same period the author concludes that, despite the continuity of Malay pre-Islamic beliefs and traditions, the growing influence of Islam changed the perception of the Pre-Islamic heroes. Rama and Sita as the personification of ideal rulers had to obtain the appropriate lineage in the eyes of the Malay readers.

Keywords: Ramayana, Hikayat Seri Rama, hikayat, wayang shadow puppet theatre, origin myth, Islam, ancient Malay literature.

Nikita V. Gladilin

*Gorky World Literature Institute, Moscow
nikitagl@inbox.ru*

**F.M.Klinger's drama «Sturm und Drang»
as the beginning of withdrawal from
«Sturm und Drang»**

The article addresses Friedrich Maximilian Klinger's drama "Sturm und Drang" poorly known in Russian literature criticism, which entitled the whole literature trend in the German literature of the second half of the 18th century. The article proves the idea that nevertheless, its trend pertinence is problematic. The article starts with characteristic patterns of "Sturm und Drang" literature, such as appearance of a "strongman", obsessed by passions and emotional disturbance, extreme emotional extensity, freedom from drama dogmatic principles. But thereon, the article discovers a number of features that bring Friedrich Maximilian Klinger's drama beyond the limits of artistic paradigm of "Sturm und Drang" itself. It is emphasised that the main character is subjected to ironic relativisation in personification of his companions, non-typical for "Sturm und Drang" development of the story towards "happy end" is described, self-irony cases in the drama text are specified. The Play "Sturm und Drang" is considered to be an important element of ideological and artistic evolution of Friedrich Maximilian Klinger's creative work.

Keywords: "Sturm und Drang", Friedrich Maximilian Klinger, strongman, relativisation, self-irony, happy end, evolution.

Vera V. Korolyova

*The Stoletovs Vladimir State University
queenvera@yandex.ru*

**"E. T. A. Hofman's complex"
in comic plays by Vladimir Solovyov
("White Lily", "Alsim" and "The Noble Revolt")**

The purpose of this article is to highlight ideological-thematic "Ernst Theodor Amadeus Hoffmann's complex," which has such important problems as real and imaginary worlds, duality, the problem of mechanisation of life and man, in comic plays by Vladimir Solovyov ("White Lily", "Alsim" and "The Noble Revolt"). Similarities of E. T. A. Hoffmann and Vladimir Solovyov also can be seen in separate images (lilies, a mythological garden, animal images). An integral part of "E. T. A. Hoffman's complex" has such stylistic techniques as romantic irony and grotesque, which are based on a mixture of romantic and satirical principles and are manifested in the use of auto-irony, puppetry and buffoonery. The article concludes that the beginning of "E. T. A. Hofman's complex" was started in the works of Vladimir Solovyov.

Keywords: Vladimir Solovyov, E. T. A. Hoffmann's complex, duality, real and imaginary worlds, auto-irony, puppetry, slapstick, romantic irony, grotesque.

Irina V. L'vova

*Petrozavodsk State University, the City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
ilvovaster@gmail.com*

**"The Poetics of Immaturity" – the peculiarities
of the presentation of the theme of youth
in postwar American literature
(John Clellon Holmes, Jack Kerouac,
Jerome David Salinger, Philip Milton Roth)**

The article deals with the poetics of the novel about the immature hero in the American post-war literature; the analysis is based on the works of John Clellon Holmes, Jack Kerouac, Jerome David Salinger and Philip Milton Roth. It shows how the idea of immaturity as the dominant feature of man of that time was formed and what impact it had on interpreting the image of the protagonist of the novel, determining the special features of the poetics of the novel: plotting, using a complex of stable motifs (riot, road, underground, etc.), the space-time organization of the text, symbolism, comic elements.

Keywords: American literature, poetics of immaturity, young hero in literature, initiation, comic.

Irina A. D'yachenko

*Petrozavodsk State University, the City of Petrozavodsk, Karelia
autonomy, Russia
irinady25@yahoo.com*

**Man as a seeker of Being
in Wystan Hugh Auden's poem "Whither?"**

The goal of this paper is to study Wystan Hugh Auden's poem "Whither?" (1938) from a philosophical (existential and ontological) perspective. Critics have seldom focused on this poem; however, it contains many issues that are essential for W. H. Auden's later poetry (the American period). The author de-

scribes how the poem "Whither?" is connected with the British literary tradition by means of the Quest-motif, which is genre-forming. The poem is analysed in terms of imagery and structure. On the basis of this analysis, the author defines Auden's intention – deconstruction of binary oppositions. The meaning of the poem is studied in the context of Martin Heidegger's and Jacques Derrida's philosophical systems. The author comes to the conclusion that the subject of the poem is a collective image of a traveler, whose existence is a voyage through time in search of Being. In W. H. Auden's text, Being is interpreted as something interacting with temporality and history. Being calls the traveler, speaking to him in the language of entities.

Keywords: Wystan Hugh Auden, poem "Whither?", Quest-motif, existence, Being, Martin Heidegger, binary opposition, deconstruction, Jacques Derrida.

Tatiana G. Kuchina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
tgkuchina@mail.ru*

Dar'ya M. Ivanova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
mirandasha@mail.ru*

Calligraphic motifs in the prose of Mikhail Shishkin

The subject of this paper is the calligraphic motives in the prosaic works of Mikhail Shishkin. The characters-scriptors (Evgeny Alexandrovich in the short story "Calligraphy Lesson", Volodya and Glasenapp in the novel "Letter Book"), the words and the letters as the constant leitmotifs and recurrent scenes of writing are the stable features of Mikhail Shishkin's prose. The Homo Scribens in the artistic reality of the writer is represented in performative acts: the clerk in the court writes the sentence and at the same time "puts to death and shows mercy"; Volodya sends "killed in action" notice to the parents of the soldier and resurrects him ("Your son has died but he is safe and sound"). The pen drawing the bent lines of the letters and the sheet of paper metaphorically correlate with the life line and unnamed reality which exists until first capital letter and remains after the last full stop. The discrete parts of being gather into the whole connected existential plot in the act of writing; "everything happens at the same time – the past and the future" in this plot. The calligraphy in the prose of Mikhail Shishkin is a model, absolutely perfect way from unstable, temporary life to the real, created by words world.

Keywords: Mikhail Shishkin, motive, writing, calligraphy, scriptor.

Aleksandr V. Chernov

*Cherepovets State University, the City of Cherepovets,
Vologda Region
avchernov@bk.ru*

Journalistic "optics" in a historical discourse. "The Historical Letter" by Mikhail Zygar and Leonid Parfyonov. Part 1.

The two articles are devoted to the problem of revealing and reasoning of a specific journalistic approach to a reproduction of the past. The attempt of re-

vealing the authors' historiosophic concepts was taken from the impressive speeches, interviews, prefaces of the most famous Russian journalists studying Russian history Leonid Parfyonov and Mikhail Zygar. The first article is devoted to putting research questions, the analysis of Leonid Parfyonov's projects and texts. The article describes the author's identification as a journalist and history as a "space of journalistic search". A skeptical attitude to historical sources, the idea of the ruined continuity of generations, the rupture of traditions forms a specific author's approach to work with different household details and stereotypes of social consciousness of this or that periods. It seems that the author's method of working with the past is a specific historiosophy defining both the choice of objects, and the choice of methods of the embodiment of the past.

Keywords: history and journalism, Leonid Parfyonov, Mikhail Zygar, historiosophy, "historical writing".

SCIENCE OF LANGUAGE

Yelena P. Andreyeva

*Vologda State University
ep-andreeva@bk.ru*

Reflection of Orthodox and pagan views of the world in Vologda patois

This article describes the peculiar features of folkish Orthodoxy. The object of the research is dialect words, the analysis of which shows adaptation of the Christian vocabulary in folkish speech. The paper attempts to identify, on the one hand, the role of the Orthodox tradition in the formation of the original spiritual culture of the Russian North, on the other hand, the influence of pagan beliefs on it. The main source of the research is Vologda Patois Dictionary and its card files as well as the materials of other regional dictionaries. The ethnolinguistic aspect of the study shows the role of the Orthodox calendar in peasant life indicates that the rules of behaviour, the system of moral norms of a Northern peasant were influenced by Christian tradition. At the same time, Vologda patois contain interesting facts about the preserved pagan beliefs of the Russian people, its archaic view on the world around them.

Keywords: Vologda patois, dialect lexis, folkish Orthodoxy, pagan motifs, semantic evolution.

Yevgeniya V. Brysina

*Volgograd State Socio-Pedagogic University
filolog@vpspu.ru*

Ethno-cultural potential of the dialect dictionary

In the dialect speech of a rural resident there are unique features of the world it comprehends, the specifics of knowledge and interpretation of the surrounding reality, which is reflected primarily in the semantics of words and phrases that nominate and characterise the cognition. This allows us to consider the dialect dictionary as a culturally marked text, concentrating different types of ethno-cultural information related to the history, traditions, life of the people in its past and present. The article presents groups of dialect vo-

cabulary related to the material and spiritual culture of the Cossacks. The following groups of vocabulary are considered: dialect military vocabulary, terms of kinship, vocabulary of agriculture and cattle breeding. Observations show that the Dictionary of the Don patois of Volgograd Region has a high degree of cultural information, allows to obtain comprehensive knowledge about different aspects of the life of the Cossacks.

Keywords: dialect, culture, traditions, dialect dictionary, ethno-cultural information.

Ol'ga V. Vasil'yeva
Saint-Petersburg State University
barcarola@list.ru

Nominations of a person in Pskov patois by means of words correlated with animals

All cases of use of animal nominations in relation to man from Pskov regional dictionary (issues 1-27) are examined in the article. The article describes the use of hyperonyms зверь and животи́на in relation to man. The affectionate names (голубка, кошенька) and abusive names (зме́й, вошь) as well as nicknames were considered. The reasons of using the names of animals in relation to people are identified. The group of human nominations by the names of animals by external similarity contains nouns motivated by a noticeable distinctive feature (skinny person – мотылёк, big man – медведь, a woman with freckles – куропатка). In the group of nominations for behaviour there are subgroups such as stupidity (баран), laziness (налим), intrusiveness (клещ) and others. In the group of nominations for similarities in action there are subgroups such as "one who works hard" (ко́нь), "one who is moving one way or another" (паук and others. A group of nominations is allocated, correlated with any number of people (выводок). The names of animals that have different reasons for transferring to humans have been described (лиса). The results of the study are summarised.

Keywords: Pskov regional dictionary, nominations of person, nomination of animals, dialect, Pskov patois.

Irina P. Verba
Yaroslavl Higher Military Institute of Air Defence
verba.ir@mail.ru

Illustrations from works by Alexander Ostrovsky in Academy Dictionaries

Presence of quotations from works by Alexander Ostrovsky in the dictionaries published by the Academy of Sciences in the 19th–20th centuries is under study. Dictionary of the Russian Language (volume 1) edited by Yakov Grot is the first Academy Dictionary, which uses examples from works by Alexander Ostrovsky as illustrations of meanings of words. Russian academic Lexicography uses quotations from various works by Alexander Ostrovsky, both fictional and non-fictional, as model examples of use of words in speech. Richness of the language in Alexander Ostrovsky's plays, his Dictionary of the Popular Russian Language, Travel down the Volga, from its Springs to Nizhny Novgorod,

correspondence and other sources enables the study a wide variety of the Russian popular language.

Keywords: works by Alexander Ostrovsky, Russian academic Lexicography of late 19th century, Lexicography of 20th century, word meaning interpretation.

Nina S. Gantsovskaya
Kostroma State University
gantsovsky_n@mail.ru
Galina D. Neganova
Kostroma State University
cultland@yandex.ru

In the footsteps of Gertsel' Shklyar: fate of vocative form in Belarusian language (based on the poems by Maksim Bahdanovič)

In the research of Gertsel' Shklyar devoted to the typology of vocative form on the material of the language of writers in the modern literary Belarusian language the analysed phenomenon is considered in terms of diachrony and synchrony, semantic-structural, stylistic and areal-typological characteristics. For the formulation of the final conclusions, the scholar appeals to dialects; he explains a rare use of the vocative form in the modern Belarusian literary language that this language was based on the Central Belarusian patois. The list of writers whose language is analysed by the scientist is supplemented by the study of the language of poems of Maksim Bahdanovič. This study is performed with the same objectives and according to the same methods as Gertsel' Shklyar. Our conclusions on all aspects coincided with the observations of Gertsel' Shklyar on the fate of vocative form in the modern Belarusian literary language: in the field of structural forms, semantics, peculiarities of functioning, stylistic characteristics, etc.

Keywords: vocative form, Maksim Bahdanovič, modern Belarusian literary language.

Mikhail M. Kondratenko
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
mmkondratenko@gmail.com

Features of national designations of time in patois of Western Bryansk Region (lexico-semantic and areal aspects)

In the article we analysed the structure of designations of time (linear and cyclic) in patois of such dialect zone as Western Bryansk Region as well as lexical interrelations of West Bryansk patois with the Belarusian ones as well as with southern and North Russian patois. The collected material has allowed to allocate the lexemes which are heard in the territory of the western part of Bryansk Region and in Belarusian patois, in West Bryansk and Smolensk, Pskov (that is being in contact with the Belarusian) patois, as well as the distribution possessing a wider area. The lexico-semantic phenomena characterising exclusively West Bryansk patois belong generally to the figurative sphere of a dialect. In the field of phonetics and word formation, especially prefixal, patois of Western Bryansk Region show the Belarusian lines.

Keywords: Slavic dialectology, historical lexicology, patois of Western Bryansk Region, dialect areas.

Lyubov' P. Mikhaylova

*Petrozavodsk State Pedagogic University,
the City of Petrozavodsk, Karelia autonomy, Russia
posnm87@bk.ru*

**On the search for the etymology of the unusual
Russian word in the ethno-contact zone
of the Karelian White Sea coast (прихохотье)**

The word прихохотье (прихахотье) is known to the White Sea patois in the sense of 'beloved, dear'. It presumably singles out prefix при- and suffix -(о)тj-, the etymology of the root morpheme causes difficulties. The presence in the Baltic-Finnish dialects of the words prikosa, priha – variants of borrowing the Russian word пригoжий, used primarily in folk poetry – indicates a direct connection of the words прихохотье and priha. The author makes an attempt to explain the processes of adaptation of the Russian word in the Baltic-Finnish language environment and its return to the native element (reverse borrowing). When entering an unrelated language system, the word usually changes its form, obeying the structural laws of the recipient language. The influence of additional factors contributing to a change in the root -гож- > -хox- is not excluded. The appearance of the word прихохотье clearly indicates complex linguistic processes in the zones of long ethno-cultural interaction, to which Karelian White Sea coast belongs.

Keywords: ethno-linguistic contacts, lexical borrowings, phonetic processes, etymology, Karelian White Sea coast patois.

Yanina V. Myznikova

*Saint Petersburg State University
janinam@mail.ru*

**Game vocabulary in the patois
of Ulyanovsk Region**

The article analyses peculiarities of the functioning of the game vocabulary in the patois of the Ulyanovsk Region. The author makes an attempt to reveal the most preserved layers of this thematic group of words, to show the changes in the functionality of these words in connection with the changing significance of the games themselves as an element of ethnic culture. The article discusses in detail the game nomenclature, i.e. names of games, game subjects, game actions. The phonemic, word-formation and semantic variability of this thematic group of vocabulary in the patois of Ulyanovsk Region is shown in the research. The study concludes that the nomenclature part of the game vocabulary is well preserved in the patois of Ulyanovsk Region and that its ritual and folklore component is poorly preserved. Both common and dialect words are revealed in this thematic group.

Keywords: Russian patois, dialect lexis, game vocabulary, phonemic variant, word-formative variant, metonymic transfer, lexical synonymy.

Tacciana V. Pyatrova

*Kolas Linguistic Institute of the Belarusian Culture, Language
and Literature Research Centre of the National Academy
of Sciences of Belarus, the City of Minsk, Belarus
tatyamushka27.05@gmail.com*

**Inscriptions on the tombstones of the necropolises
of the 19th and early 20th centuries of Belarus
and Povolzhye region, as indicators
of national and cultural identity**

The space of necropolises is viewed through the prism of semantic and identification functions. In this article, there is an analysis of the characteristic features of the artistic embodiment and features of the epitaph for the Orthodox, Catholic, Old Believer, Lutheran, Muslim, Jewish necropolises. The article tells about the architectonics of the tombstones text, features of bilingualism and other features of inter-linguistic connections in the space of the necropolis. The main conclusion is that the language and structure of the text of tombstones with the art form is an indicator of national and religious identity.

Keywords: national identity, necropolises, epigraphy, language features, Belarus, Povolzhye.

Yelena G. Veselova

*Kostroma State University
veselovaelena@mail.ru*

**Texts by Jefim Ćestnjakov as source of studying
of Kostroma patois: works of different genres**

The article is devoted to the analysis of the dialect lexis of Kologriv patois in various genres of literary creative work of Jefim Ćestnjakov who is known not only as an artist now, but also as a writer and an expert on folkish speech. It was encyclopedically wide how he reflected richness of folkish speech of the peasants which lived on the Unzha River banks in the late 19th – in the first half of the 20th centuries. The author of the article considers different groups of lexis which reflect the nature, life, clothes, traditions, customs of rural land of the Unzha basin, on the example of literary works of different genres (fairy tales, short stories, drama, poems etc). Fairy tales by Jefim Ćestnjakov, in particular, "The Wonderful Apple", are analysed in the article in more detail. We managed to show that fairy tales' hand-written texts stored in the fund "Documents" of Kostroma Museum – Nature Reserve contain more dialecticisms in comparison with the published ones which have undergone editorial correction. Lexis of the nature (барандук, барашки, биянка, брусничка, векша, губка, кокушка etc) is especially widely reflected in the poetry by Jefim Ćestnjakov. Addressing epistolary genres (letters, notes, memoirs etc) in Jefim Ćestnjakov's literary heritage, we arrive at an idea of selective use of dialecticisms by the writer in his texts. The author of the article comes to a conclusion that works of different genres of Jefim Ćestnjakov are an irreplaceable source of data on dialects of the

population of the Unzha River basin in various aspects of their existence.

Keywords: Jefim Ćestnjakov, literary genres, patois of population of Unzha River basin, dialecticisms.

Svetlana V. Okulovskaya
Kostroma State University
okulovskaja_svetlana@rambler.ru

Lexis of patois of the Unzha River basin inhabitants interpreted by Ivan Kasatkin and its lexicographical representation

The article presents the experience of compiling a regional author dictionary based on the works of Ivan Kasatkin, the author of numerous stories about the Russian village and the peasants' fate. The writer drew inspiration from his native land near the Unzha River. The texts of his works represent vivid varied geographically marked dialect features of north-eastern Kostroma patois. Accurate true-to-life representation of dialect peculiarities of the Unzha speech in Ivan Kasatkin's works gives grounds for the author's literary heritage as a worthy material for lexicographical research. Presented principles of compiling the dictionary which represents the typical lexis of Kostroma Unzha patois based on the author's literary source, allowed us, on the one hand, to find out the peculiarities and typological features of the lexis we are studying, and on the other hand, to reveal the meanings of words fully, to convey the cultural, historical and ethnographical background uncovering the social type and image of the people. The author's contexts act as a sound illustrative material revealing an interpreted lexeme's functioning, the linguistic peculiarities of its use and collocation.

Keywords: Ivan Kasatkin, Kostroma patois, dialect lexis, regional vocabulary, author's lexicography.

Yelena G. Knyazeva
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow
helen_27@mail.ru

The originality of the language of the artistic organisation of the short story "A Clump of Lilacs" by Alexander Kuprin

The author of the article notes the wide thematic range of Alexander Kuprin's early work and refers to the short story "A Clump of Lilacs", emphasises the multidimensionality and semantic richness of this minor work, reveals the features of the writer's image of the family theme. Using various methods of philological analysis of the text, the author explores the most interesting artistic finds of the writer, showing the collision of emotional keys, iconic repetitions, a kind of use of phraseological units. Alexander Kuprin presents the reader with the priorities and values of his characters, reveals the "recipe" for a happy family life.

Keywords: Alexander Kuprin, family theme, realism, expressive and pictorial realism, plot, psychology, subject-speech plan, multidimensionality of literary text.

Yanina I. Sukhareva
Moscow Aviation Institute, "Arrow" filial,
the City of Zhukovsky, Moscow Region
janinasi58@yandex.ru

Features of language organisation of Mikhail Bulgakov's short story "The Khan's Fire"

The article discusses the features of the construction and language organisation of the short story "The Khan's Fire". The narrative in the story has a number of features that allows expanding the product in depth and width. First, Mikhail Bulgakov confronts several points of view, and the author's position is not explicit and unambiguous. Secondly, the writer shows psychological portraits of different people in difficult moments, which gives the story a special entertaining. Third, the literary text contains a large number of means of expression, all layers of the language of the short story, ranging from individual lexemes to complex syntactic integers, have a deep meaning. The short story presents not only the image of the past century and the present century (relative to the time of the narrative), but also the tragedy of the Russian intelligentsia, as well as a holistic image of mentally and spiritually rich man, representing the quintessence of the highest Russian nobility of the late 19th – the early 20th century.

Keywords: Mikhail Bulgakov, short story, psychology, language organisation, author-narrator, intelligentsia-people relations.

Tat'yana M. Pchelina
Moscow Pedagogic State University
carrie.t@mail.ru

The research of the phonetic category "speaking voice" in contemporary linguistic works

The article reports on the study of the phonetic category of the contemporary linguistic theory – speaking voice. The focus is given to the investigation of the complicated, multi-informative and multifunctional phenomenon and its multielement structure. Within the context of the discussion concerning the multielement set of speaking voice and its functional aspect, the author argues that special attention should be given to the analysis of linguistically relevant phenomena which might be regarded as components of speaking voice. Scientists of Russian and foreign schools define this phenomenon and its multielement structure differently. Modern linguistic researches demonstrate that three main approaches to the description of speaking voice exist: axiological, sociolinguistic and speech-oriented study. Description and definitions of speaking voice and its multielement structure strongly depend on these linguistic approaches. The article contains an overview of fundamental conceptions which reveal components of speaking voice and their functional value. According to the majority of scientists speaking voice often comprises voice quality, intonation, timbre, vocal modulation and tone of voice. Each of these

components provide realisation of a rhetorical plan of skillful public speakers.

Keywords: speaking voice, linguistically relevant phenomena, intonation, voice quality, timbre, vocal modulation, tone of voice.

Yelena A. Yukhmina
Chelyabinsk State University
alen_vitamin@mail.ru

**The study of the associative field structure
of the computer terminology
and a linguistic picture of the world
of the joint Russian native speaker**

The structure of the associative field of computer terms is studied in the article using a complex linguistic and statistical approach. Based on the data of the free associative experiment conducted in two stages in 2008 and in 2016-2017, the structure of the associative field of computer terms is studied, based on the hypothesis of Yuriy Karaulov about the golden ratio of the associative field. The indices of lexical wealth and lexical diversity are calculated. The stimulus words, the value for which is close to the "golden ratio" value are also figured out. An example of an associative field is given. The extralinguistic factors of creating a linguistic picture of the world of the joint Russian native speaker are distinguished. In conclusion it is stated that an associative experiment is a source of rich linguistic material for research.

Keywords: computer terms, free associative experiment, golden ratio, associative field, associations.

Yelena V. Zolinova
Kostroma State University
evz-08@yandex.ru

**Differences in the usage of the conjunctions though
and although in Complex Sentences of Concession
in Modern English (based on journalism)**

The article is dedicated to differences in the usage of the conjunctions though and although in Complex Sentences of Concession in Modern English. These conjunctions are often considered equivalent and interchangeable in Modern English textbooks. However, there are grounds for arguing this statement and pointing out differences in their semantics and usage. The conjunction although has a stronger meaning of concession and contrast. For this reason, it is not used in inverted sentences and in combination with an intensifying particle even. Although preserves its absolute concessive meaning in a subordinate clause in postposition. Postpositive subordinate clauses introduced by the conjunction though are more independent, their concessive meaning is weakened, parcelling of the clause is often observed. The above mentioned and other reasons prove that the conjunctions though and although in Modern English are not absolutely equivalent and interchangeable.

Keywords: syntax, complex sentence, subordinate clause, concession, contrast, subordinating conjunction, Modern English language.

Vladimir N. Kulik
War Veterans Hospital #3, Moscow
arzt2006@mail.ru

**Some special features
of using English terminological equivalents
in a German medical scientific discourse
(on the material of scientific medical articles)**

The medical vocabulary fund is permanently growing because of new terminological nominations. Using English derivatives in the German language in the sphere of medicine leads to a great amount of English-German terminological equivalents. The article deals with issues of thematic classification of Anglicisms in the German medical terminological system. On the basis of analysis of empirical material, including more than 100 examples of English terms from the online version of the German medical newspaper, a wide representation of Anglicisms in such thematic groups, as diseases, symptoms, medicines, medical instruments, professions and spheres associated with medicine, is shown. Most often Anglicisms as a neological lexical layer are used to denote the newest methods of diagnostics and treatment. The article also deals with a problem of assimilation of Anglicisms in the German terminological system. Some examples of Anglicisms with a different degree of assimilation in a system of a recipient language are considered.

Keywords: German language, medical vocabulary, neologism, synonymy, thematic group, term, terminological equivalent, Anglicism.

Karina A. Kiyanova
Lomonosov Moscow State University
kiyanova.karina@gmail.com

**Methods of dialogisation
of political public speeches
(case-study of Angela Merkel's public speeches)**

The present article deals with the study of dialogisation of monological public speech. Dialogisation is considered as a specific strategy of language behaviour, which provides for active and equal role of an addressee in the process of communication. Dialogisation is defined as a set of methods, which provide monological speech with dialogue features. The object of the linguistic research is texts of Angela Merkel's public speeches from 2009 to 2017. The subject of the investigation is methods of German public speech dialogisation in political discourse. Based on the analysis of speeches in the article certain findings have been made. Firstly, a number of distinctive dialogisation features are noted. Secondly, most frequent examples of specific language implementations regarding each method are provided. Next, the relevance of methods use is explained. Finally, functions of methods in the politician's speech structure are marked out. Special attention is focused on an addressee's perception of speech in the situation of interpersonal communication. The conclusions are drawn about appropriateness and relevance of research of dialogisation methods in the aspect of achieving an effective impact on the addressee.

Keywords: dialogisation, methods of dialogisation, dialogised monologue, public speech, political speech, political discourse, German language.

Anna Niu
Lomonosov Moscow State University
niuanna@mail.ru

Lexemes "body constitution" and "body-build" in the Russian language in comparison with the Chinese language

This work focuses on the evaluation characteristics of lexeme "body constitution" and "body-build" located in the attributive structure and forming an important fragments of Russian and Chinese language pictures of the world. Comparison with the evaluation fragments of Russian and Chinese language pictures of the world makes it possible to establish their similarities and differences. Comparative analysis of the evaluation structures of these words allows coming to the follow conclusion: there are similarities about people's body constitution and body-build between the native speakers of the Russian and the Chinese languages, and there are also a lot of differences. It should be added that, except for the dictionary article in monolingual and bilingual dictionaries, connotation is nevertheless important for the functional aspect of the word. We have noted that the number of characteristics of the external properties of the human body in the Chinese language picture of the world is much less than in the Russian one.

Keywords: meaning of "body constitution", meaning of "body-build", meaning of 体格, meaning of 体型, evaluation, attributive construction, Russian language picture of world, Chinese language picture of world.

Nikita N. Ravochkin
Kemerovo State Agricultural Institute
nickravochkin@mail.ru

Politic discourse peculiarities

In the article, the author turns to one of the most topical objects of modern Russian linguistics – political discourse. The purpose of the article is to clarify and to represent features inherent in political discourse. Politics is defined as one of the most archaic human activity spheres, the functioning and development of which is directly related to language. A broad understanding of political discourse is given. The main goal of the studied phenomenon is seen in its instrumental purpose, however, other goals of political discourse (informing, drawing attention, etc.) are also revealed. Based on Russian and foreign researchers' articles array, the author successively determines political discourse features: multiple genre realisation, relevance to different social groups, national cultural predetermination and openness to integration, ambivalence, pragmatic (instrumental) orientation, manipulative ability, dynamism, mass character, polemic character, expressiveness, the variety of vocabulary used and the high degree of the author's responsibility for communicative failures.

Keywords: political discourse, language, speech, pragmatics, politics, characteristics, society.

JURAL SCIENCES

Viktor G. Bepal'ko
Russian Customs Academy
viktor_bespalko@mail.ru

The political and legal thought of the Ancient Orient about the crime and punishable behaviour of the monarch

The article discusses the features of ancient Oriental ideas about the legal liability of the monarch. For their analysis, a comparative legal study of the most famous codes of norms relating to the ancient Oriental legal culture was carried out. The historical basis of the article comprises laws of the ancient Babylonian king Hammurabi, the legislation of the Hebrew prophet and leader Moses, several collections of ancient Indian law – Dharmaśāstras of Manu, Nārada and Yājñavalkya. As a result, the author concludes that the popular belief in the legal irresponsibility of the ancient Oriental monarch before the population of the governed state in historical and legal science should not unconditionally apply to all stages of the development of the ancient Oriental institutions of state and law. Considered in the article ancient monuments of law, on the contrary, indicate that the political and legal thought of the Ancient Orient is characterised by trends of normative consolidation of the legal duties of the king, measures of his sacred and legal responsibility for crimes against the gods, the state, the people and individual subjects.

Keywords: monarchy, Oriental despotism, ancient Oriental law, law of Ancient Orient, Code of Hammurabi, Law of Moses, Torah, Pentateuch, Dharmaśāstra, laws of Manu, Manu-smṛiti, Yājñavalkya-smṛiti, Nārada-smṛiti.

Natal'ya V. Kuz'mina
Kostroma State University
kuzmina.nat@yandex.ru

Specific types of ethnic juridical anti-culture

The question about the need of investigating the phenomenon of the ethnic juridical anti-culture and its forms is raised in the current work. The author for the first time carries out the scientific typology of this phenomenon. It is indicated that the typological description of ethnic juridical anti-culture is possible on the basis of the analysis of its three-dimensional culture. The nature, historical prerequisites of formation, separate elements of the system of right, carriers of anti-culture, presence or absence of scientific approach, deviation of lawful nature, mass character, the nature of ethnic behaviour, the level of the supremacy of one or other ethnic group or another, negative consequences, the level of public hazard, the methods of external manifestation, reason for appearance, the degree of perfection, form of manifestation, the degree of integration into the lawful system are used in the article as the basis of the isolation of the separate forms of ethnojuridical anti-culture. The developed scientific typology can be founded for further prevention of ethnic juridical anti-culture and its most dangerous manifestations.

Keywords: anti-culture, ethnos, law, typology, prevention.

Aleksandr M. Solntsev

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
a.solntsev@gmail.com*

Gulzhan S. Yesenbayeva

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
Lev Gumilyov Eurasian National University of Kazakhstan,
the City of Astana
gul.serikkyzy@mail.ru*

Preventing the proliferation of ballistic missiles: international legal issues

The article analyses the International Code of Conduct against Ballistic Missile Proliferation 2002, which unites 139 states of the world today. The authors examine in detail the genesis of the development of the Code, indicate the main milestones in the formation of this international regime, and note the role of Russia and Kazakhstan in the development of the regime. It is noted that although the Code initially developed as an independent international document, it was subsequently actively supported by the United Nations (UN), including through the adoption of resolutions by the UN General Assembly. The article makes a forecast on the further development of the Hague Code, which should be aimed at expanding the membership and universalisation of the regime (primarily through the accession of rocket-significant countries such as Israel, China, Democratic People's Republic of Korea, Brazil, Pakistan), the strengthening of trust between States through the exchange of advance notifications of ballistic missile launches and the submission of annual declarations on national missile programmes.

Keywords: international law, international security, space, missile technology control regime, International Code of Conduct against Ballistic Missile Proliferation, ballistic missiles, missile technology.

Vladimir L. Kabanov

*Russian University of Peoples' Friendship, Moscow
rudn_mp@mail.ru*

The protection of the right to education of the Roma (Gypsy) children

The modern human rights method expresses in allocation of the most vulnerable categories of the population in order to develop special methodics of their protection in order to increase efficiency. This phenomenon also manifests itself in the protection of children's rights. Roma (Gypsy) children are of the most vulnerable categories of children. Within the framework of this article, the rights of the Roma children for education are examined in detail, relevant documents adopted within the framework of the human rights treaty bodies of the UN system and regional European organisations are analysed. Particular attention is paid to the practice of the Russian Federation, an explanation is provided of why the current practice in Russia regarding the Roma children cannot be considered to be segregation.

Keywords: children's rights, Roma (Gypsy) children's rights, international human rights law, UN, Council of Europe, EU, OSCE.

Svetlana V. Kovalyova

*Kostroma State University
sweta.lana1968@yandex.ru*

Merits and demerits of the concept of the social state at the present stage

During the periods of world and local economic crises of the most relevant there is a problem of legal protection of citizens in the social plan. In the mid 20th century, the concept of the social state in which the functional feature of the mechanism of the power designed to create conditions for development of market economy has been developed for sure. The basic principles of this economy are the principles of balance and social justice. The analysis of social reality of modern Russian space indicates the need of use for domestic policy of the country of the principles of the state of general prosperity. However, despite appeal of this concept, there are shortcomings of strategy of the social state connected with modern features of the processes happening in real life of society.

Keywords: social state, state of general prosperity, market economy, social justice, legal justice, equality, liberty.

Yelena V. Voskresenskaya

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
elenvoskr@mail.ru*

Yuliya S. Alekseyeva

*Saint Petersburg University
of Management Technologies and Economics
alexus606@gmail.com*

Regime of secret inventions: legal right issues and management

The authors analysed the usage of such intellectual property items as secret inventions, their legal regulations of Russia, management of those items and the order of accrual of the right on those items. The purpose of the analysis was to detect loopholes in laws and amend the Civil Law of Russia in current practice. The analysis revealed that the legal institution of inventor's certificate, which was used earlier, ensures respect for the personal non-property rights of the inventor. Such regime can be used in case of practical non-use of the patent protection form. The regime is appropriate for realising the rights of the inventor during the management and in the context of legal regime of protection of secret inventions. Within the study of the considered problems, the authors identified the gaps in the legal regulation of secret inventions and proved the need for improving legislation in this area.

Keywords: invention, secret invention, state secret, patent, civil law, intellectual property management.

Pyotr M. Morkhat

*Commercial Court of Moscow Region
constitution88@gmail.com*

Legal personality of artificial intelligence unit: some civil-legal approaches

This article shows topicality of the possible legal design and recognition of a specific specific personality of artificial intelligence systems. The author considers tendencies, models and problems of determining the legal personality of an artificial intelligence unit. The author examined the legal personality of a unit of artificial in-

telligence, correlated with the legal personality of a person. The article shows the reasons for such a comparison and the consequences of applying such an approach. The legal personality of an artificial intelligence unit is considered to be correlated with the legal personality of a legal entity. The article shows the reasons for such a comparison and the consequences of applying such an approach. The author concludes that the term "legal fiction" as applied to the legal personality of an artificial intelligence unit reflects only the legal nature (and that, on the basis of justification of such a nature), but does not explain the essence of such legal personality. The author presents his own scientific concept of the interpretation of the legal personality "electronic person" as a special technical and legal image (representation).

Keywords: artificial intelligence, artificial intelligence unit, electronic person, legal personality, civil law, information law, legal personality of artificial intelligence unit.

Dmitriy A. Babichev
Kostroma State University
babichev-lavd@inbox.ru

Directorate of public prosecutions after legality of operatively-search decisions about documenting of criminal activity of the organised narco-groups

The necessity of strengthening of directorate of public prosecutions is grounded in the article after legality of operatively-search decisions about documenting of criminal activity of the organised narco-groups. The most meaningful directions of supervisory activity are distinguished and examined: verification of validity and legality of establishment of matters of operative account, as well as realisations in their scopes of operatively-search events; study of materials of operatively-search businesses for the purpose falsification of facts, containing the signs of corpus delict; determination of observance of normative binding orders about the order of realisation of operatively-search events; establishment of presence of grounds for the repeated realisation of operatively-search events; exposure of credible provocations to the performance of the actions related to the illegal turn of narcotic facilities. Leaning on the analysis of judicial practice, the violations assumed by the employees of operative subdivisions during fixing of fact sheets and their transformation to proofs are specified. The timeliness of their exposure and suppression is underlined by the authorized public prosecutors.

Keywords: legality, directorate of public prosecutions, operatively-search activity, operatively-search decision, documenting, operatively-search event, verification purchase, narcotic means, organised narco-group.

Svetlana V. Stefanishina
Law Office of Lawyer Chamber of Kostroma Region
stefanishina_sve@bk.ru

Participation of third parties in legal relationships on the implementation of the obligations of the debtor in bankruptcy

The article provides an analysis of the participation of third parties in legal relations, regulated by competi-

tion law, related to the fulfillment of the obligations of the debtor in the event of its insolvency (bankruptcy). The author traces the tendencies of such participation of third parties at the stages of the appearance, change and termination of legal relations governed by competition law. The article reveals the problems of legal relations with the participation of third parties in the performance of the obligations of the debtor and the imposition of the obligation to pay for the debtor to third parties. Particular attention in the article is paid to the emerging judicial practice in resolving disputes between participants in the specified legal relations. The author has highlighted the characteristic features of giving consent in the performance of the obligations of the debtor by third parties. The possible changes in the legislative norms of competition law, regulating legal relations, in which it is necessary to demand consent, are suggested.

Keywords: insolvency (bankruptcy), third parties, obligation, debtor, creditor, consent, legal relationship.

Alla V. Kafiatulina
Russian Academy of National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation (Ivanovo branch)
kafiatulina.alla@yandex.ru

Criminal record and deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities: issues of correlation

A conviction is a negative status deformation of a person. Sometimes, even removed or canceled, it is a kind of stigma that does not allow a person who has served a criminal sentence to act as a subject of certain social relations. The article deals with the issue of the correlation of the criminal law and general legal consequences of conviction and deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, since in some cases these consequences are capable of competing with the punishment itself. Deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities is designed to remove the perpetrator from the sphere in which he has abused his right, or in which he may pose a potential danger, it can not be replaced by the negative consequences of a criminal record. The difference here is that the serving of the punishment and the legal consequences of the criminal record are sequentially replacing each other, capable of protecting the society for a long time from the subject who committed the crime in office or in connection with the activities carried out. The author concludes that such a substitution can be avoided if a strictly differentiated approach is adopted to the imposition of punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities.

Keywords: conviction, stigmatisation, branding, punishment, negative legal consequences, deprivation of right to occupy certain positions or engage in certain activities, differentiation, criminal law.

Mayya V. Dedyuyeva
Kostroma State University
turbotaxator@mail.ru

Court consideration of disputes involving employers – individuals

The article is devoted to current problems that arise in courts when disputes between an individual employer (mainly those persons who are classified as employers-individual entrepreneurs by the norm of Article 20 of the Labour Code of the Russian Federation) and employee are considered. The article investigates the issues of establishing the fact of labour relations and the terms of the labour contract: labour function, the amount of wages, etc., including in those cases when the employment contract is not formalised. Particular attention is paid to the situation when an authorised representative of the employer actually allows an employee to work. On the example of judicial practice of Kostroma Region, there are legally significant circumstances that should be taken into account when the court resolves such disputes, and evidence that can be used in the process of proof. It is concluded that as evidence in the establishment of a fact of labour relations arising from the actual admission to work and the terms of the employment contract to be concluded within the framework of a litigation, any envisaged Art. 55 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, which, by virtue of their topicality and admissibility, are entitled to be adopted by courts.

Keywords: individual employers, terms of employment contract, evidence, actual admission to work by employer's authorised representative, employment relationship, labour function, amount of earnings.

Nataliya L. Khvalygina
Kostroma State University
natalikos2011@yandex.ru

Counterclaim in arbitration and civil proceedings

This article is devoted to a comprehensive theoretical study of the institution of counterclaim as one of the means of defendant's defence in civil and arbitration processes, which allows restoring violated rights. The author analyses the content of the concept, the nature and characteristics of the counterclaim, as well as its delineation with the respondent's objections. The types of counterclaims are investigated, the conditions for presentation and the order of consideration of counterclaims are examined. In addition, this article discusses some pressing issues that the respondent may face when exercising their rights to file counterclaims. The article analyses examples from the judicial practice of arbitration courts and courts of general jurisdiction. Practical conclusions made in this article will be useful in scientific and law enforcement activities.

Keywords: counterclaim, court, claim, arbitration process, civil process, defendant, defence of defendant's rights.

Irina V. Orlovskaya
Kostroma State University
University of the Prosecutor's office
of the Russian Federation, Moscow
Department of the Volga interregional
environmental prosecutor's office, the City of Tver
lawkostroma@yandex.ru

Problems of law enforcement in case of violations of the legislation on environmental expertise in the construction of objects on the lands of specially protected natural areas

The article deals with the legal regulation of the need for state environmental expertise of project documentation of objects, construction, reconstruction of which is supposed to be carried out on the lands of specially protected natural areas and within the boundaries of specially protected natural areas. In particular, the article analyses the imperfections of the provisions in the Russian environmental legislation that prevent the rule of law in the case of violations of the legislation on environmental expertise in the construction of objects on the lands of specially protected natural areas and within the boundaries of such territories, and do not contribute to a uniform interpretation of law enforcement in the analyzed area. The author comes to the conclusion about the inconsistency of the provisions of the Federal legislation regulating the issues of the state ecological expertise. Proposals are made to address problematic issues.

Keywords: law enforcement in environmental sphere, prosecutor's supervision, environmental expertise, environmental impact assessment, environmental legislation, specially protected natural areas, environmental protection.

Sergey V. Smirnov
Kostroma State University
sergey-1977-04@yandex.ru
Pavel Yu. Bekrenyov
Kostroma State University
bekrenyov.pavel@yandex.ru

Informational and analytical functions in the system of regional public administration

The essence of informational and analytical activity of the regional public administration is investigated in the article. The research uses the method of structural and functional analysis, the source was the provisions on structural subdivisions of the information-analytical block of Kostroma regional public administration. In the course of the study, conclusions were drawn about the functional areas that are included in the information and analytical block of the regional administration. Lack of single and complete information-analytical function, which, in its content, is divided into an information function and an analytic function, was concluded. The analytic function has a complex structure and levels. Structural changes are connected both with the influence of the external environment, and with the transformation of internal goals and tasks of state management of the region.

Keywords: function, public administration, regional administration, information, analysis, structural subdivision.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Все материалы следует представлять в редакцию **по электронной почте: e-mail: vestnik@ksu.edu.ru.**

1. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** (*.doc, *.docx, *.rtf). Если Вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму копию статьи в формате PDF, а также файл с шрифтом. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

2. Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**. При проверке используется сайт: <http://www.antiplagiat.ru>.

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – **не более 14 страниц машинописного текста.**

5. Аннотация к статье должна быть объемом 100–120 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.) указывается в круглых скобках сразу после названия статьи на русском языке.

8. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не менее 5 и не более 20 источников.

После библиографического списка на русском языке в статье должен быть представлен **транслитерированный библиографический список**. При составлении списка библиографических ссылок на латинице («References») русскоязычные источники необходимо транслитерировать, а иностранные источники привести в соответствии с требованиями транслитерации.

При транслитерации используется сайт: <http://translit-online.ru/>

9. Единицы измерения приводятся в соответствии с Международной системой единиц (СИ).

10. **Рисунки, схемы, диаграммы.**

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

11. **Таблицы.** Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10.

12. **Формулы** выполняются только в редакторе **MS Equation**.

13. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Убедительная просьба соблюдать построение статьи!

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.
8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
(Ссылка на грант или источник финансирования – если есть).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (100–120 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).
14. References.

Правила составления аннотации к научной статье

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую, идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

10.01.01. Филология, Русская литература.

УДК 821.161.1.09”20”

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

tgkuchina@mail.ru

Адрес: 123456, г. Иваново, ул. Ивановская, д. 12, кв. 34; Тел.: 89876543210

Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной

Аннотация: Интертекстуальная техника Б. Ахмадулиной рассматривается сквозь призму отсылок к творчеству Б. Пастернака и В. Маяковского и мотивных, сюжетных, цитатных переключек с конкретными стихотворениями этих поэтов. На материале таких произведений Б. Ахмадулиной, как «Снегопад», «Февраль без снега», «Милость пространства. 10 марта», показаны способы актуализации поэтического претекста: апелляция к маркированным словам-образам из лирики Б. Пастернака («снег», «зима», «февраль»), переход от пейзажного к метапоэтическому плану в развертывании лирического сюжета, сохранение инвариантной структурно-семантической схемы текста-предшественника, экспликация ключевых пастернаковских инвариантных тем и подтем – единства разного и сопричастности частного, индивидуального вечному и бесконечному. Иначе строится поэтическая коммуникация с текстами В. Маяковского: их сюжетно-тематический план в реминисцентном микроконтексте, как правило, редуцирован, но при этом в стихотворениях Б. Ахмадулиной выделены те узнаваемые словесные компоненты, которые указывают на текст-источник. В статье делается вывод о том, что интертекстуальная связь с лирикой В. Маяковского – это поэтика точечных понятийных пересечений.

Ключевые слова: Ахмадулина, Пастернак, Маяковский, интертекст, реминисценция, аллюзия, приемы выразительности.

Tatyana G. Kuchina
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
tgkuchina@mail.ru

B. Pasternak and V. Mayakovsky in the system of intertextual connections of the lyrics of B. Akhmadulina

The intertextual techniques of B. Akhmadulina is viewed in the article through the lens of the references to the poems written by B. Pasternak and V. Mayakovsky. The author examines some of Akhmadulina's creative works (namely "Snowfall", "The February without Snow", "The Favour of Space. March 10") and points out the basic ways of actualization of the poetic pretext such as usage of Pasternak's lyrical vocabulary ("snow", "winter", "February"), transition from landscape plane to metapoetic one in lyrical plot, preserving the invariant structure and semantics of the precedent text, explication of the most important and constant themes of Pasternak's poetry – the unity of different things and the association of private, local existence with eternal and infinite space. The "communication" of Akhmadulina's texts with Mayakovsky's ones is constructed in the other ways. Plots of the precedent poems in reminiscent context are reduced but B. Akhmadulina underlines the "sygnal" (specifically "mayakovskyan") words which indicate the concrete pretext. In article the conclusion that therefore intertextual correlation of her creations with Mayakovsky's poetry should be viewed as poetics of semantically "pinpoint" crossings.

Key words: Akhmadulina, Pasternak, Mayakovsky, intertext, reminiscence, allusion, techniques of expressiveness.

Текст статьи...

Библиографический список

References

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в кол-ве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет.

Например:

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и том: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в количестве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Том. – Количество страниц.

Например:

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название газеты. – Год издания. – Номер или дата выпуска.

Например:

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Название словаря / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Номер переиздания (если есть). – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Фамилия и инициалы автора. Название диссертации: дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Фамилия и инициалы автора. Название автореферата: автореф. дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.) [Электронный ресурс]. – Выходные данные издания. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Тюпа В.И. Жанр и дискурс [Электронный ресурс] // Критика и семиотика. – Вып. 15. – Новосибирск; М., 2011. – С. 31–42. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/tyupa-11.htm> (дата обращения: 18.02.2018).

Архивные материалы

Например:

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2018 – Т. 24 – № 3

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-68726 от 09.02.2017 г.

Подписано в печать 11.09.2018.
Дата выхода в свет 26.10.2018.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 42,5.
Уч.-изд. 44,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 244.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна